

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

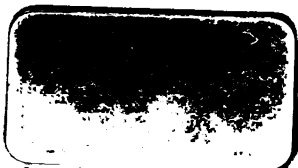
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pei 278975 d. 80

4. ЭКЗ

206

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1873

№ 7 І Ю Л Ъ

Handwritten signature or initials

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)

Digitized by Google

- I. — ТЕПЛОЕ ГНѢЗДЫШКО. Повѣсть въ двухъ частяхъ. *Часть вторая и послѣдняя*. Марко-Вовчека. 5
- II. — ОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ. Главы: VIII—XII. П. С. 61
- III. — ОСЛѢПЛЕННАЯ ПТИЧКА. (Изъ стихотвореній Р. Гамерлинга *Sinnen und Minnen*). А. Плещеева. 78
- IV. — ТИШЬ ДА ГЛАДЬ. Очерки крестьянскаго житья. II. Ежъ. Разсказъ. Н. Наумова 81
- V. — ПОИСКИ. Стих. А. Плещеева. 105
- VI. — ДОЧЬ ЕГИПЕТСКАГО ЦАРЯ. Историческій романъ Георга Эберса. (Конецъ первой части). *Часть вторая*. Гл. I—V. 107
- VII. — МИРОСОЗЕРЦАНІЕ, МЫСЛЬ, ТРУДЪ И ЖЕНЩИНА ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени. Гл. III—IV. А. Шапова 239
- VIII. — МИДДЪМАРЧЪ. Романъ Джорджа Эллиота. (Приложеніе. 721—736).

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- IX. — ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ. (Замѣтки провинціального адвоката). В. Б. 1
- X. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. „Брюхо Парижа“. (*Le ventre de Paris*) романъ Эмиля Золя. 1873. 27
- XI. — ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (СХХV—СХХVII). Клода Франка 82
- XII. — НА ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВѢ. Ник. Михайловскаго 113
- XIII. — НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.—Какъ у насъ ведутся общественныя дѣла „по официальнымъ свѣдѣніямъ“ и на практикѣ.—Два эпизода изъ исторіи вятскаго земства: сдача вятской публичной

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

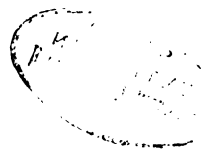
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССІХ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Литейная, № 38).

1873.

ТЕПЛОЕ ГНѢЗДЫШКО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

ХІІ.

На другой день послѣ вышеописаннаго вечера у Клариссы Антоновны, Варвара Сергѣевна въ тоскливомъ безпокойствѣ то стояла подъ дверью Матюшиной комнаты, то провравдывалась на ципочкахъ къ своему креслу, сидѣла въ немъ минуты три, прислушиваясь и поглядывая на стѣнные часы, и снова направлялась къ двери.

Самоувѣренная и безмятежная Домна уже не разъ появлялась въ дверяхъ съ терпѣливымъ вопросительнымъ замѣчаніемъ:

— Варвара Сергѣевна, ужь лучше бы кофей-то снять съ плиты? Даромъ вѣдь выкипаетъ!

— Нѣтъ, ужь погоди, Домна, погоди, отвѣчала Варвара Сергѣевна:—Матюша вѣрно сейчасъ встанетъ... Вонъ ужь сколько часовъ!

И она тоскливо взглядывала на часы.

— Ну, пускай еще выкипаетъ! также терпѣливо замѣчала Домна и скрывалась въ кухню.

Пробило восемь часовъ. Солнце ярко заблестало во всѣ окна и въ комнатѣ становилось уже жарко.

Варвара Сергѣевна судорожно поправляла то чепецъ, то воротничекъ.

Пробило половина девятого.

— Господи! что-жь это такое? проговорила она вслухъ.—Никогда онъ не спалъ такъ долго! И зачѣмъ дверь у него заперта? Нѣтъ, что нибудь не такъ, что нибудь съ нимъ случилось!

Она вдругъ кинулась къ двери Матвѣя Ивановича и шибко, сильно въ нее постучала.

— Матюша! Матюша! откликнись! Матюша! что съ тобой!

— Что такое, тѣта? отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ.

- Ты не спишь?
- Нѣтъ... Только что проснулся... Кажется поздно?
- Скоро девять часовъ. Ты здоровъ, Матюша?
- Какъ рыба въ глубокой водѣ, тѣтя!
- Можно къ тебѣ войти?
- Разумѣется можно.
- Да у тебя дверь заперта извнутри!
- Неужто? Экой я разсѣянный!

Матвѣй Ивановичъ отворилъ дверь, веселыми глазами взглянулъ на Варвару Сергѣевну, съ веселою улыбкой подаловалъ ее и веселымъ голосомъ сказалъ:

— Каковъ у васъ соня племянничекъ-то!

— Ты точно здоровъ, Матюша? спросила Варвара Сергѣевна, пристально глядя ему въ лицо.

— Говорю вамъ, тѣтя, что здоровъ, какъ рыба въ водѣ... Да, здоровъ, какъ рыба въ водѣ и веселъ, какъ жаворонокъ въ полѣ!

Не взирая на то, что Матвѣй Ивановичъ выказывалъ веселость и даже какую-то рѣзвость, онъ не напоминалъ ни рыбы въ водѣ, ни жаворонка въ полѣ.

Напускныя веселость и рѣзвость не могли скрыть ни темныхъ круговъ вокругъ глазъ, ни блѣдности, ни усталого вида послѣ бессонно проведенной ночи. Кромѣ того, онъ забылъ, что онъ—въ томъ же парадномъ костюмѣ, въ которомъ былъ наканунѣ на вечерѣ у Клариссы Антоновны, что подушки на его постелѣ, какъ были наканунѣ утромъ взбиты заботливой рукой Домны „куличкомъ“, такъ и остались, а одѣяло, застилавшее постель, не представляло ни малѣйшей складочки.

Зоркіе глаза Варвары Сергѣевны, разумѣется, все это тотчасъ-же увидали.

— Ахъ, Матюша! да ты и не ложился?

— Какъ не ложился, тѣтя?

— Да какъ же! Постель не тронута, самъ ты, какъ шелъ вчера на вечеръ!

— Ахъ, да! Я заснулъ сидя въ креслѣ... Ну, что-жь, рассказать вамъ про вчерашній пиръ? Гостей было множество...

Домна появилась въ дверяхъ и сказала:

— Какая-то барышня васъ спрашиваетъ.

— Какая барышня? Какая? спросила Варвара Сергѣевна.

— Не знаю какая. Бѣлая, лупоглазая. Такъ глазомъ и стрѣляетъ. Говорить: мнѣ надо видѣть Матвѣя Ивановича.

— Ахъ! она тебя спрашиваетъ, Матюша? проговорила Варвара Сергѣевна.—Чтожь это знаить? Ктожь это такая?

— Не знаю...

— Это не... не Софья Яковлевна?

— Что вы, тѣтя! сдержанно возразилъ Матвѣй Ивановичъ, но не безъ поспѣшности двинулся къ дверямъ.

— Кирилова? спросила задыхаясь Варвара Сергѣевна у Домны.

— Нѣтъ, не Кирилова, отвѣтила Домна.— Кирилова послѣднѣй будетъ, а эта какъ разжива.

Матвѣй Ивановичъ приостановился на порогѣ, порывисто поправилъ волосы, вышелъ въ слѣдующую комнату и увидалъ передъ собою Клавдію Петровну Розову.

— Видите, я сдержала слово, пришла! произнесла Клавдія Петровна тихимъ, мягкимъ голосомъ и крѣпко пожала руку Матвѣю Ивановичу.— Я помню условіе!

Матвѣй Ивановичъ, смутно помнившій, что точно она съ нимъ наканунѣ о чемъ-то условливалась, поблагодарилъ ее, попросилъ садиться, и не зная, о чемъ и съ чего начать разговоръ.

Но Клавдія Петровна сама начала.

— Надо дѣйствовать, сказала она:— надо спасти ее!

Матвѣя Ивановича пребольно кольнуло въ сердце. Онъ вовсе не былъ расположенъ говорить о ней.

— Что-же мы можемъ сдѣлать? пробормоталъ онъ. — Какое право мы имѣемъ вмѣшиваться?

— Право честнаго человѣка! горячо сказала Клавдія Петровна.— Вѣдь вы броситесь спасать утопающаго? Да? А она—тотъ же утопающій! Она тонетъ въ тинѣ мелкихъ интересовъ, въ страшномъ омутѣ... Матвѣй Ивановичъ! умоляю васъ, пойдите къ ней.

Клавдія Петровна сложила руки, какъ на молитву.

— Но...

— Не хотите идти къ ней, пойдите ко мнѣ... Мы переговоримъ, посоветуемся... Слышите, мы къ ней не пойдѣмъ теперь...

— Да я готовъ идти, но я не знаю...

— Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю, что вамъ ее видѣть черезчуръ тяжело... Пойдите ко мнѣ... Я сегодня совершенно одна, мы обсудимъ на свободѣ... Матвѣй Ивановичъ! умоляю васъ! Хотите, я стану на колѣняхъ молить васъ?..

— Помилуйте... извольте...

— О, благодарю, благодарю! Скорѣе-же, скорѣе, скорѣе... Гдѣ ваша шляпа?

— Я сейчасъ...

Матвѣй Ивановичъ поспѣшно отправился въ свою комнату за шляпой.

— Буда ты, Матюша? спросила его въ тревожномъ недоумѣніи стоявшая тамъ Варвара Сергѣевна.

— Я съ Клавдіей Петровной Розовой...

— Съ Клавдіей Петровной?

— Да, тѣта... Я по дѣлу...

— Да ты вѣдь еще и кофе не пиль... Какъ-же это такъ...

— Не бѣда, тѣта... Я скоро вернусь... До свиданья...

— Скорѣй, скорѣй! прошептала Клавдія Петровна, едва только онъ успѣлъ показаться.—Пойдемте, пойдете!

Они молча и быстро перешли улицы и переулки, отдѣлявшіе квартиру Матвѣя Ивановича отъ дома булочника Иванова, гдѣ жила Клавдія Петровна, быстро и молча взобрались по узкой деревянной, нечистой лѣстницѣ во второй этажъ, къ низенькой двери, которую Клавдія Петровна проворно отперла вынутымъ изъ кармана ключомъ.

— Входите, сказала она, пропуская гостя впередъ и плотно притворяя дверь. Садитесь... Вотъ здѣсь садьте...

Матвѣй Ивановичъ сѣлъ на указанное ему мѣсто, на маленькомъ диванчикѣ, обтянутомъ чрезвычайно аккуратно темной матеріей, усаженномъ бѣлыми пуговками и завѣшенномъ четверугольничками изъ тамбурнаго вязанья.

Низкая, жаркая комната вообще имѣла чрезвычайно аккуратно видъ, не смотря на то, что и по столу, и по столику, и даже по окнамъ были разбросаны развернутыя книги. Тамбурныя вязанья въ формѣ четверугольниковъ, треугольниковъ, полосъ и кружковъ всѣхъ величинъ, начиная отъ квадратнаго аршина до квадратныхъ трехъ вершковъ, украшали кресла, на которыхъ они припшплены были булабочками, какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ, куда могли коснуться голова и руки сидящихъ на эту мебель. Маленькая лампа, съ абажуромъ, очевидно, домашняго издѣлія, представляющимъ бумажныя розы и лилія, а на нихъ какихъ-то ширококрылыхъ бархатныхъ бабочекъ съ бисерными глазами и проволочными усиками, и два подсвѣчника съ розетками изъ разноцвѣтнаго стекляруса, помѣщались на вышитыхъ гарусомъ подонникахъ, опушенныхъ гаруснымъ бордюромъ, изображающимъ зеленую, кудрявую мураву, въ которой пестрѣли гарусныя незабудки и маргаритки, насаженные на невидимой проволоцѣ. Миниатюрныя коврики, отороченные зубчиками изъ краснаго сукна, разостланы были передъ двумя креслами несомнѣнно на украшенье, а не на пользу, потому что даже ножки, воспѣтыя когда-то Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, съ великимъ бы трудомъ умѣстились на такихъ клочкахъ, а Фредерика Францовна Пипихъ покрыла бы ихъ оба однимъ большимъ

пальцемъ. Филейныя гардины придерживались коричневыми бантами, сначала, вѣроятно, убиравшими шляпку или что нибудь подобное, а теперь приспособленными, съ помощью замысловато скрытыхъ наставокъ изъ каленкора, къ новому назначенію. Портретъ, данный въ знакъ дружбы пріятельницей, поражающей обиліемъ локоновъ, прикрывалъ изъянъ въ обояхъ на стѣнѣ; другой подобный изъянъ утаивалъ старшій Гарибальди въ красной рубашкѣ; старика замѣтно покоробило, — можетъ быть отъ непривычной должности утаивать изъяны, а можетъ быть и отъ того, что передъ тѣмъ, какъ попасть на мѣсто прежде висѣвшаго тутъ виднаго генерала, онъ былъ подмоченъ у мѣстнаго торговца изображеніями замѣчательныхъ людей, вслѣдствіе чего и уступленъ имъ Клавдіи Петровнѣ за треть настоящей цѣны.

А гдѣ-же дѣвался отставленный генераль? за что былъ отставленъ?

Причина отставки его неизвѣстна, такъ какъ о ней не публиковалось, что-же касается до его мѣстопробыванія, то онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ заключенъ въ одинъ изъ ящиковъ орѣховаго комода съ исправными замкѣми.

Замей, вообще, содержались въ завидной исправности у Клавдіи Петровны вездѣ, — начиная отъ вышепоманутаго орѣховаго комода до микроскопической шкатулочки съ двумя голубками на крышечкѣ, украшавшей этотъ комодъ вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ разныхъ фигурокъ, ящичковъ, футлярчиковъ, баульчиковъ, подушечекъ, коробочекъ, альбомчиковъ, стеклянныхъ шариковъ и тому подобныхъ штучекъ.

Помѣстившись на диванчикъ, Матвѣй Ивановичъ не безъ раздраженія задалъ себѣ вопросъ:

— Ну, что я тутъ буду дѣлать? зачѣмъ пришелъ? Ужь если идти, такъ было идти туда...

Но онъ вспомнилъ, что ночью окончательно рѣшилъ, что *туда* ему ходить не слѣдуетъ и за это чуть не перервалъ пополамъ шляпы, которую онъ все еще инстинктивно держалъ въ рукахъ.

Клавдія Петровна, между тѣмъ, въ видимомъ—даже весьма видимомъ—волненіи ходила по комнатѣ, какъ бы обдумывая какое-то дѣло, имѣющее для нея значеніе жизни и смерти. Она ходила быстро, порывисто закидывала голову назадъ, то ломала руки, то крѣпко стискивала ихъ; ея глаза и губы тоже не мало способствовали къ наглядному выраженію ея душевной тревоги.

Она минутъ двадцать безъ словъ выражала такимъ образомъ свои чувства, но такъ какъ Матвѣй Ивановичъ сидѣлъ настоящимъ трапистомъ, и, повидимому, намѣренъ былъ еще долго

такъ сидѣть, то она вдругъ круто повернулась, остановилась передъ нимъ и сказала:

— Ахъ, Матвѣй Ивановичъ! какъ тяжело!

И закрыла лицо руками.

Матвѣй Ивановичъ зашевелился и что-то пробормоталъ,—онъ самъ не зналъ что.

— Ахъ! какая я гадкая! вскрикнула Клавдія Петровна, отнявъ руки отъ лица. Я думаю только о себѣ! Простите! простите, Я знаю, какъ вамъ тяжело! Я знаю, какъ вы страдаете!

И вдругъ, въ порывѣ безумнаго влеченья, она очутилась около Матвѣя Ивановича на диванчикѣ, схватила его крѣпко за руки и прошептала:

— Вы вѣрите моей преданности? Преданности безграничной, безпредѣльной? Позволяете вы мнѣ быть вашимъ другомъ, вашимъ помощникомъ? Не оттолкнете вы меня? У меня никого нѣтъ въ цѣломъ мірѣ... У меня вы одни... Понимаете? Я только вамъ вѣрю, вы только мнѣ и дороги... Ахъ! я не должна бы этого говорить!

Она выпустила его руки, выхватила платокъ изъ кармана и прижала его къ лицу, словно изъ глазъ ея хлынули цѣлые фонтаны слезъ.

— Клавдія Петровна... Клавдія Петровна... говорилъ смутившійся Матвѣй Ивановичъ.

Она рыдала.

— Клавдія Петровна!.. Клавдія Петровна!..

— Я знаю, я не должна бы этого говорить! Но вы не обращайтесь на меня вниманія... Главное вы... Что а?... Но вы, вы!.. Ахъ! не отталкивайте меня! Мнѣ ничего не надо отъ васъ, я ничего не прошу, не хочу... Только не отталкивайте! О! не отталкивайте, не отталкивайте! Вамъ теперь такъ страшно тяжело, и нѣтъ никого около васъ, кто бы это понялъ! Не увѣряйте меня, что вамъ легко, не увѣряйте! Зачѣмъ вамъ стыдиться того, что васъ за самыя высокія чувства попрали ногами? Не вамъ этого стыдиться! Васъ не умѣли оцѣнить, вамъ предпочли ничтожество... О, простите, простите, что я говорю все, что у меня на душѣ, отчего наболѣла душа! Ахъ, Матвѣй Ивановичъ! когда вы въ первый разъ пришли ко мнѣ... Помните? помните первый урокъ? Вы тогда не хотѣли ни о чемъ говорить со мной, вы меня считали глупой провинціальной барышней, да? Вы не думали, что я, можетъ быть, терзаюсь, что я, можетъ быть... Ахъ! какъ мнѣ горько тогда было! Я думала: ужъ если онъ меня не спасетъ, ужъ если онъ не дастъ мнѣ возможности начать новую равную жизнь, ужъ если онъ не поддержитъ меня, такъ никто

другой этого не сдѣлаетъ... Да и не можете сдѣлать... Да и не хочу я, чтобы другой для меня чтонибудь дѣлалъ!.. Ахъ, опять о себѣ! Но я хочу, что бы вы поняли, какъ я васъ... уважаю, какъ въ васъ вѣрую... О, если вы это поймете, вы не отвернетесь отъ меня!

Хотя Матвѣя Ивановича сначала покорило, правда, страстное, но тѣмъ не менѣе насильственное врывательство въ самыя, какъ говорится, сокровенныя тайники его души, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше это неприятное чувство уступало мѣсто признательности за сочувствіе и сочувствію къ беззащитной искренности и откровенности собесѣдницы; чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе растрогивали его и ея дѣтская вѣра въ него, и фиміамы, которые воскуривала ему вѣрующая.

— Отчего она меня не оцѣнила, какъ оцѣнила эта бѣдная дѣвушка? думалось ему. Отчего? Отчего у нея не зародилось хотя не такого горячаго чувства, хотя просто... ну, довѣрія? Отчего? А эта бѣдная дѣвушка... Мы съ нею, кажется, испытываемъ одну и ту же участь!..

И онъ старался, какъ могъ, успокоить и утѣшить „бѣдную“ дѣвушку, видя въ ней сестру по несчастію,—да еще по несчастію, причиною котораго—правда причиною невольною,—но все-таки былъ онъ. Она, правда, не совсѣмъ ясно высказала это словами, но какъ ясно выражалось это всѣмъ—и взглядами, и измѣненіями лица... бѣдная дѣвушка! Его долгъ былъ пересилить собственныя мученія и поддержать это искреннее, беззащитно отдающееся чувству существо!

И онъ старался исполнить свой долгъ.

Она боялась, что онъ оттолкнетъ ее и онъ, разумѣется, успокоилъ ее на этотъ счетъ. Она просила обѣщать ей, что онъ во всемъ ей всегда подастъ совѣтъ, и онъ, разумѣется, обѣщалъ. Она захотѣла разказать ему всю свою жизнь, и онъ, разумѣется, сталъ слушать. Во время этого повѣствованія у нея какъ-то нечаянно вырвалось пламенное моленье назначить покуда уроки, и хотя она, вслѣдъ затѣмъ, съ страшнымъ смущеніемъ молила забыть вырвавшіяся у нея слова, онъ, тѣмъ не менѣе, счелъ безчеловѣчнымъ не удовлетворить ея тайнаго желанія и назначилъ уроки вмѣсто одного, три раза въ недѣлю.

Однимъ словомъ, онъ незамѣтно просидѣлъ у нея почти цѣлый день, возвратился „на нѣсколько минутъ“ по обѣщанію ввечеру, просидѣлъ незамѣтно весь вечеръ и незамѣтно принялъ на себя столько, съ перваго взгляда неважныхъ, обязательствъ, что на слѣдующее утро все его свободное отъ уроковъ время оказалось во власти Клавдіи Петровны.

Ему хотѣлось побыть одному, хотѣлось на свободѣ „пораздумать обо всемъ и все сообразить“, какъ часто хочется людямъ, которыхъ ударило обухомъ по головѣ и которымъ, собственно говоря, эти раздумья и соображенія очень мало помогаютъ: онъ чувствовалъ себя усталымъ, а потому не безъ раздраженія упрекнулъ себя въ излишней уступчивости.

— Какъ глупо было связывать себя обѣщаніями! проговорилъ онъ.

Но глупо или нѣтъ, а онъ былъ связанъ обѣщаніями, надѣлъ шляпу, и отправился къ Клавдіи Петровнѣ.

— А впрочемъ все равно, рассуждалъ онъ по дорогѣ: немножко потяжелѣ, немножко полегче—разница не велика!

Но когда онъ вошелъ къ Клавдіи Петровнѣ, онъ нетолько примирился со своей участью, но даже почувствовалъ нѣкоторое угрывеніе совѣсти за свои сѣтованія—такъ трогательна была восторженная радость этой искренней, отдающейся всецѣло своему чувству дѣвушки.

— Бѣдная! бѣдная! думалъ Матвѣй Ивановичъ, съ состраданьемъ глядя на неудержимый восторгъ, прорывавшійся въ каждомъ движеніи, взглядѣ и словѣ Клавдіи Петровны.

Урокъ продолжался недолго — Клавдію Петровну слишкомъ поглощали вопервыхъ: заботы о судьбѣ Софьи Яковлевны и о средствахъ спасти ее отъ этой судьбы, а вовторыхъ, горестное негодованье по поводу „оскорбленныхъ и поправныхъ чувствъ“ Матвѣя Ивановича.

Могла ли Клавдія Петровна, послѣ этого, спокойно брать урокъ? Не могла. Она прерывала его то сообщеніемъ своему наставнику новаго плана, какъ дѣйствовать на заблуждающуюся „преступницу противъ духа“, то вопросомъ, не полегче ли ему, а вслѣдъ за вопросомъ восклицаніемъ, что она готова бы отдать жизнь за минутное для него облегченіе.

Увы! падохъ соловей на тараканы, а человѣкъ на лестныя рѣчи, говоритъ пословица, и говоритъ справедливо!

Они опять провели почти цѣлый день вмѣстѣ, а ввечеру Клавдія Петровна сама зашла за Матвѣемъ Ивановичемъ и повела его гулять въ загородную рощу,—гдѣ они прогуляли до поздней ночи.

По возвращеніи домой, когда Матвѣй Ивановичъ легъ въ постель и безпрестанно переворачивалъ подушку, не обрѣтая желаннаго усноенія, онъ не разъ подумалъ:

„Какое доброе, хорошее; искреннее существо эта Клавдія Петровна! Спасибо ей! Съ нею, по крайней мѣрѣ, можно поговорить... Все легче, когда видишь, что есть близко преданная

душа... Бѣдная дѣвушка! какъ она безвортно, нѣжно, пылко, беззавѣтно мнѣ предана! Спасибо ей! Другія..."

Онъ опять перевернулъ подушку и закрылъ глаза, желая забыть хоть во снѣ *дремать*, но это ему не скоро удалось.

IX.

Прошелъ почти мѣсяць.

Дружба Клавдіи Петровны и Матвѣя Ивановича шла все сгес-сепдо, уроки дѣлались все продолжительнѣе, свиданія становились все чаще, разговоры все задушевнѣе.

Особенно сблизило ихъ горестное негодованье по поводу откуда-то полученныхъ Клавдією Петровною достовѣрныхъ свѣдѣній о насмѣшкахъ доктора Федорова, — и не только доктора Федорова, но и Софьи Яковлевны — надъ несчастной страстью Матвѣя Ивановича и его докучными преслѣдованьями.

Клавдію Петровну эти свѣдѣнія поразили такою горестью, что самъ оскорбленный долженъ былъ утѣнять ее.

— Такъ жестоко издѣваться надъ *сами!* надъ *сами!* съ отчаяньемъ вскричала Клавдія Петровна. — Такъ *вась* мучить, такъ *вась* терзать!... О!...

— Успокойтесь, другъ мой, уговаривалъ Матвѣй Ивановичъ: — я уже не мучусь, не терзаюсь...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы глубоко, вы страшно страдаете!

— Не страдаю ничуть, увѣрялъ Матвѣй Ивановичъ. Я только... презираю ихъ!

— Нѣтъ! нѣтъ!.... Вы презираете?...

— Да... да... выговорилъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ Матвѣй Ивановичъ. — Да!

— И вы надѣетесь когда-нибудь залечить эту рану?

— Разумѣется! Да я уже и залечилъ ее!

И Матвѣй Ивановичъ, у котораго скребли, что называется, мыши на сердцѣ, дѣлалъ веселые глаза и улыбался.

— Ахъ, еслибы я могла что-нибудь — хоть что-нибудь для вась сдѣлать! говорила Клавдія Петровна, въ порывѣ страстной тоски закрывая лицо платкомъ.

— Клавдія Петровна! вы плачете?

— Нѣтъ, нѣтъ... Ахъ, какъ мнѣ горько, что я такъ бессильна! что моя дружба такъ...

— Клавдія Петровна! ради Бога успокойтесь! Ваша дружба не бессильна, — нѣтъ! нѣтъ!

— Нѣтъ? спросила Клавдія Петровна, открывая лицо и съ

грустнѣйшей страдальческой улыбкой глядя въ глаза Матвѣю Ивановичу.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— И вамъ легче?... хоть немножко?...

— Легче, легче!

— Ахъ!

— Да успокойтесь-же, другъ мой, добрый мой другъ! Подумайте хладнокровно и вы сами увидите, что я выздоровѣлъ... Ну, представьте себѣ, что вы бы вообразили, что вотъ эта роза настоящая, живая...

(У Клавдіи Петровны стояла на окошкѣ довольно искусно сдѣланная изъ розовой и зеленой кисеи роза съ зеленью).

— И вы въ полной увѣренности, что она живая, любовались бы ею, слѣдили бы за ея... Однимъ словомъ смотрѣли бы на нее какъ на живую, и вдругъ бы увидали, что она вся состоитъ изъ мертвыхъ лоскутковъ...

— О это ужасно!

— Положимъ, но разъ какъ вы уже ясно увидали, что роза лоскутная, вы не можете жалѣть о ея уtratѣ, не такъ ли? Вы можете только порадоваться, что заблужденіе ваше прошло, что не завело васъ слишкомъ далеко... Совершенно тоже и я испытываю теперь... радуюсь, что образумился во время...

— Господи! какъ вы ужны! сколько у васъ силы воли! вскринула Клавдія Петровна, съ благоговѣніемъ складывая руки передъ Матвѣемъ Ивановичемъ. Знаете, я просто иногда боюсь... мнѣ просто страшно... Я такихъ людей, какъ вы, никогда не видала!.. Какъ вы владеете собою! Вы просто не человѣкъ, а что-то высшее... И надъ вами-то издѣваться! Да у нея вѣрно ни сердца, ни ума нѣтъ! О я начинаю ее ненавидѣть!... Какъ вы все видите, все знаете, все понимаете, и какъ вы вѣрны себѣ, своимъ убѣжденіямъ! Какъ вы сильны! Какъ умѣете вырвать недостойное васъ чувство! Нѣтъ, вы не человѣкъ... Не возражайте, не возражайте!... Вы не человѣкъ, а что-то высшее!

„Не человѣкъ, а что-то высшее“, хотя и возражалъ, но не безъ отрады слушалъ эти восторженные, безыскусственные хвалы. Онъ, самъ того не замѣчая, старался поддержать высокое о себѣ мнѣніе восторженного друга. Онъ сталъ несравненно многоглаголивѣе, съ одушевленіемъ разбиралъ по ниточкѣ мотивы человѣческихъ дѣйствій, сильно налегая на необходимость строго проверять свои влеченія и, буде эти влеченія окажутся неразумными, тотчасъ же побуждать ихъ, доказывая, что подобныя побѣды не только возможны, но даже очень легки, — стоитъ только твердо захотѣть—и приводилъ въ примѣръ себя, увѣряя,

что ему побѣдить неразумное влеченіе почти вовсе не стоило усилий, что если и показалось сначала больно, то это совершенно выкупилося тѣмъ чувствомъ довольства, которое дается сознаниемъ, что не уронилъ своего человѣческаго достоинства, и проч. проч. проч.

Когда же случалось, что упорныя мысли возвращались и, не внимая никакимъ умствованіямъ, слова начинали усиленно скрести на сердцѣ, Матвѣй Ивановичъ усмиралъ ихъ перечисленіемъ всѣхъ нанесенныхъ ему, незаолуженныхъ имъ, оскорбленій и какимъ-то неяснымъ упованіемъ, что современемъ, рано или поздно, она пойметъ, кого она лишилась, и пожалѣетъ—можетъ быть, очень пожалѣетъ объ утраченномъ.

— Матюша! ты какъ будто нездоровъ, мой другъ? робко спрашивала его по временамъ, Варвара Сергѣевна, находившаяся въ постоянномъ недоумѣніи касательно и „всего этого“, какъ она обозначала отношенія Матюши къ Софѣ Яковлевнѣ, и касательно „этой новой“, какъ она обозначала Клавдію Петровну.

Въ „этой новой“ сердце ея начинало чувствовать врага.

— Я то нездоровъ? говорилъ Матвѣй Ивановичъ. Совершенно здоровъ и благополученъ, тѣтя!

— Коли такъ, слава Богу, мой другъ, слава Богу! А къ тебѣ два раза вчера заходилъ Кириловъ и оченъ жалѣлъ, что все не застаётъ дома.

— А!

— Письмо говорить, получилъ отъ Мятелани, пишетъ, что скоро будетъ сюда. И къ тебѣ въ письмѣ есть приписка. Кириловъ просилъ, чтобы ты сегодня къ нему зашелъ,—зайдешь?

— Если время будетъ... не знаю, успѣю ли.

— А ты куда жъ сегодня, мой другъ? Опять къ Клавдіи Петровнѣ?

— Да, у меня урокъ... и свои занятія...

— Софья Яковлевна пріѣхала, сказала Варвара Сергѣевна, рѣшаясь на отчаянное средство, котораго тотчасъ же сама страшно испугалась.

Но Матвѣй Ивановичъ какъ разъ въ эту минуту развернулъ книгу и такъ углубился въ нее, что, повидимому, не слыхалъ послѣднихъ словъ, а потому и не отвѣтилъ на нихъ.

— Притворился, будто не слышитъ! подумала Варвара Сергѣевна. Вѣрно сегодня пойдетъ.

Но онъ не пошелъ. Варвара Сергѣевна, горько упрекавшая себя, зачѣмъ сама толкаетъ Матюшу въ яму, то есть къ Кириловнѣ, и съ великимъ волненіемъ слѣдившая за каждымъ его шагомъ, мысленно приговаривая: „сейчасъ пойдетъ! сейчасъ,

сейчас! убѣдившись, что онъ туда идти не желаетъ, взволновалась еще пуще и окончательно рѣшила, что теперь главный врагъ и злодѣй ея—Клавдія Петровна.

Убѣдившись окончательно, Варвара Сергѣевна пожелала произвести рекогносцировку и при первой же оказіи перевѣдаться съ непріятелемъ.

Оказія представилась очень скоро.

Едва только успѣло свечерѣть и Матвѣй Ивановичъ, найдя до головокруженія взадъ и впередъ по комнатѣ и накурившись папиромъ до тошноты, съ глубокимъ вздохомъ зажегъ свѣчу, сѣлъ за столъ и развернулъ книгу, Варвара Сергѣевна, помѣщавшаяся у открытаго окна въ смежной неосвѣщенной комнатѣ, завидѣла тихо приближающагося непріятеля.

Варвара Сергѣевна замерла на мѣстѣ. Она словно окаменѣла, но въ умѣ ея вихремъ кружились тысячи плановъ, тысячи вылазокъ, минъ, приступовъ, фальшивыхъ тревогъ, притворныхъ отступленій и отчаянныхъ натисковъ.

Между тѣмъ, непріятель, вооруженный только пучкомъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ, тихо подступалъ, легонько помахивая своимъ оружіемъ.

Варварѣ Сергѣевнѣ, страшившейся упустить изъ виду самое малѣйшее его движеніе и впившейся въ него глазами, показалось, что поравнявшись съ освѣщеннымъ окномъ Матвѣя Ивановича, непріятель остановился на полсекунды, потомъ умѣрил еще шаги, потомъ повернулъ къ этому окну.

— Кто это? нѣсколько диво окликнула Варвара Сергѣевна, высовываясь изъ окна до самаго пояса и рискуя перекувыркнуться на улицу. Кто это? Ахъ, тутъ у насъ ямка есть подъ окномъ... Кто тутъ? Ты, Маланьюшка?

(Ямка, Маланьюшка, были ничто иное какъ военныя хитрости).

Непріятель остановился и отвѣчалъ мягкимъ голосомъ:

— Ахъ, извините!

— Ничего-съ, ничего... Что вамъ угодно?

— Вы тетушка Матвѣя Ивановича?

— Да-съ.

— Ахъ, мнѣ очень приятно...

Непріятель быстро подошелъ къ окну, схватилъ Варвару Сергѣевну за руку и крѣпко началъ эту руку жать.

— Мнѣ такъ приятно... Я такъ обязана Матвѣю Ивановичу за уроки... Я такъ давно желала съ вами познакомиться... и вотъ, совершенно случайно, совершенно нечаянно исполнилось мое желаніе! Я такъ рада! Вы позволите мнѣ зайти къ вамъ? Я васъ не обезпкою своимъ посѣщеніемъ?

Быстрота нападенія позволила непріятелю тотчасъ-же занять весьма выгодную позицію у чайнаго стола.

Взволнованная Варвара Сергѣевна, совершенно не ожидавшая этого нападенія, растерялась, пробормотала что-то о позднемъ часѣ, о своемъ старческомъ обыкновеніи рано ложиться спать, чего непріятель, повидимому, не разслушалъ, но тѣмъ не менѣе вышла на встрѣчу, попросила садиться и приказала Домнѣ зажечь свѣчи и подать самоваръ.

— Привыкли ли вы къ нашимъ мѣстамъ, Варвара Сергѣевна? спросила Клавдія Петровна, съ величайшимъ участіемъ глядя въ глаза новой знакомой. Не грустите по своей родинѣ?

— Ничего-съ, отвѣчала Варвара Сергѣевна, судорожно поправляя чепецъ.

— Я воображаю, каково вамъ было первое время: все кругомъ чужое, нѣтъ прежнихъ друзей, которые вамъ дороги, съ которыми вы привыкли дѣлить радость и горе...

Варвара Сергѣевна еще судорожнѣе поправила чепецъ, такъ что это головное украшеніе съѣхало совсѣмъ на бокъ.

— Вѣдь у васъ, кажется, здѣсь и теперь нѣтъ очень близкихъ знакомыхъ?

— Нѣтъ-съ, есть... Вотъ Кириловы... Прекрасные люди! Добрые, безхитростные, благородные!

— Ахъ, да! они отличные люди!

— Софья Яковлевна—рѣдкая дѣвушка... образованная, скромная...

— Ахъ, да! она такая милая!

— Скромная...

— Да, очень милая... Позвольте мнѣ сѣсть сюда, подальше отъ огня: я боюсь за свои зубы.

И Клавдія Петровна пересѣла къ самой двери, ведущей въ комнату Матвѣя Ивановича.

— Вамъ тамъ неудобно... я лучше затворю окна...

— Нѣтъ, нѣтъ, не беспокойтесь, Варвара Сергѣевна... Мнѣ здѣсь очень хорошо...

— Это она нарочно такъ вопить, чтобъ онъ услышалъ, что она тутъ! подумала Варвара Сергѣевна. Творецъ! приberi ты меня!

Справедливо или нѣтъ было предположеніе подозрительной Варвары Сергѣевны, но Клавдія Петровна точно говорила какъ будто громче обыкновеннаго, такъ что Матвѣй Ивановичъ, вначалѣ не обратившій вниманія на приходъ гостыи, началъ вслушиваться, узнавъ голосъ и вытѣль.

Когда успѣлъ онъ появиться, какъ Клавдія Петровна начала прощаться.

— Выкушали бы хоть чашку чаю, говорила Варвара Сергѣевна, ревниво слѣдя за всѣми движеніями Матюши.

— Благодарю, ужь мнѣ пора, отвѣчала Клавдія Петровна. Ужь темно.

— Я васъ провожу, сказала Матвѣй Ивановичъ.

— Вѣдь вы, кажется, не робкія? не утерпѣла, чтобъ не сказать Варвара Сергѣевна.

— Въ другой разъ съ удовольствіемъ, отвѣтила ей на это замѣчанье Клавдія Петровна:—но сегодня не могу. До свиданія. Очень рада, что съ вами познакомилась. Вы позволите мнѣ изрѣдка навѣщать васъ? Позволите?

— Очень пріятно-съ... Только вѣдь со мной, со старухой, вамъ скучно будетъ.

— Ахъ, Варвара Сергѣевна! какъ вы мало меня знаете! Вы только позвольте мнѣ навѣщать васъ, такъ я вамъ надѣмъ своими посѣщеніями! До свиданья... до свиданья... Матвѣй Ивановичъ?

— Я васъ провожу...

— Вѣдь увела, увела! шептала Варвара Сергѣевна, стоя среди комнаты и съ отчаяніемъ глядя на двери, въ которыя скрылась Клавдія Петровна, а за нею и Матвѣй Ивановичъ.

— Чтò-жь чай-то не завариваете? спросила Домна, подавшая самоваръ на столъ. — Кипитъ.

Варвара Сергѣевна не слыхала.

— Варвара Сергѣевна! самоваръ кипитъ!

— Я подожду Матюшу, отвѣтила Варвара Сергѣевна.

— Только вода выкипитъ, замѣтила, выходя, дальновидная Домна: — онъ теперь, почитай, до свѣту закатится.

Оставшись одна, Варвара Сергѣевна начала-было плакать, но вдругъ слезы ея остановились и лицо озарилось тѣмъ радостнымъ свѣтомъ, какимъ озаряются лица людей, неожиданно напавшихъ на счастливую мысль.

— Завтра-же! завтра-же! проговорила она:—завтра-же... Около часу она обдумывала, повидному, планъ дѣйствія, тихонько расхаживая по комнатѣ, разводя руками, высчитывая по пальцамъ и время отъ времени приговаривая:—да, да... такъ лучше... Или скажу, что вотъ... А если спросить...

Обдумавъ планъ, Варвара Сергѣевна на столько успокоилась, что даже напилась одна чаю, не дождавшись Матвѣя Ивановича легла почивать; спала крѣпко, хотя довольно тревожно, ранехонько проснулась на другое утро, торопливо одѣлась, послушала подъ дверь Матвѣя Ивановича спитъ-ли онъ, наказала Домнѣ не будить его, а въ случаѣ проснется, доложить, что

Варвара Сергѣевна, молъ, сію минуту воротится и просить ее обождаъ, поправила чепецъ передъ зеркаломъ, быстро вышла на улицу и направилась къ дому булочника Иванова, гдѣ обитала Клавдія Петровна.

— Здѣсь живетъ Клавдія Петровна Розова? спросила Варвара Сергѣевна у худой работницы, мывшей у воротъ кадку.

— Живетъ какая-то на верху, отвѣтила работница разбитымъ болѣзненнымъ голосомъ, не поднимая головы.

Варвара Сергѣевна шибко поднялась по лѣсенкѣ до двери Клавдіи Петровны, частію оттого, что ей захватила духъ скорая ходьба, частію оттого, что волненіе чувствъ усилилось; постояла минуты двѣ, потомъ съ тоскою перекрестилась, дернула за скобку и вошла въ крошечную темную прихожую, куда изъ дверей въ другую комнату проникалъ свѣтъ, вмѣстѣ съ запахомъ кофе, цикорія и утюжнаго глаженья.

— Марья, не слышишь? раздался рѣзкій, какъ паровой свистъ, голосъ.—Можетъ опять какая-нибудь побирושка пришла, а тамъ бурнусъ висить!

— Кто тамъ? спросила Марья, появляясь на порогѣ съ горячимъ утюгомъ въ рукахъ и вглядываясь въ стоящую въ полумракѣ прихожей Варвару Сергѣевну. — Кого надо?

— Я желаю видѣть Клавдію Петровну, отвѣтила Варвара Сергѣевна — Я ея знакомая...

— Васъ желаютъ видѣть, сказала Марья, обращаясь съ порога во внутренность комнаты. Ваши знакомыя какія-то.

Клавдія Петровна отстранила Марью и появилась сама на порогѣ, въ палильоткахъ и ночной кофтѣ.

— Извините, Клавдія Петровна, проговорила посѣтельница, я къ вамъ прямо отъ заутрени... Обезпокоила...

Клавдія Петровна ахнула, стремительно кинулась къ гостѣй, схватила ее за руки.

— Ахъ, Варвара Сергѣевна, вы ли это? Вы ли это? Ахъ, какъ вы меня обрадовали! Я этого и выразить не могу!.. рѣшительно, рѣшительно не могу! О, благодарю, благодарю! Извините, что я въ такомъ костюмѣ! Пожалуйста сюда... Позвольте мнѣ вашу шляпу... Вотъ сюда, здѣсь подушка... Не выкушаете-ли вы кофе? О, не отказывайтесь, не огорчайте меня! Марья! поскорѣе кофе! Пожалуйста, поторопись... Убери все это отсюда.. Поторопись же... Ахъ, Варвара Сергѣевна, какъ вы меня обрадовали! Такъ обрадовали, такъ... не могу даже выразить, не нахожу словъ...

Варвара Сергѣевна, заботливо, даже нѣжно усаженная хозяйкою на диванчикѣ съ бѣлыми пуговками, бормотала разныя выраженія благодарности за вниманіе и просьбы не беспокоиться, а

*

сама, между тѣмъ, окидывала комнату пронзительнымъ взглядомъ и готова была предположить, что обладательница рѣзкаго, какъ паровой свистокъ, голоса, слышаннаго ею изъ прихожей, спряталась за занавѣской съ плосными оборочками, отдѣлявшей альковъ отъ пріемной, — до того голосъ Клавдіи Петровны былъ теперь мягокъ.

Но нѣтъ, въ альковѣ никого не было. Варвара Сергѣевна увидала это очень хорошо, когда Марья откинула занавѣску и убирала туда утюги и доску съ надѣтымъ на ней, на половину выглаженнымъ, кисейнымъ платьемъ.

— Ахъ, вамъ не спокойно! сказала Клавдія Петровна, ахъ, позвольте... Вы такая дорогая гостья...

И она подсунула подъ лѣвнй локоть дорогой гостѣй гарусную подушку, представлявшую букетъ незабудокъ и лилій.

Варвара Сергѣевна, которая уже правымъ локтемъ упиралась на охотника съ собакой, а спиной на дѣвочку съ голубкомъ, снова попросила не беспокоиться, а затѣмъ сказала:

— Вы все читаете, Клавдія Петровна?

— Да... Впрочемъ, я и хозяйство люблю... Когда гощу у тѣти, я всегда у нея хозяйничаю... Я, Варвара Сергѣевна, не понимаю, отчего это теперь всѣ дѣвушки имѣютъ такое отвращеніе къ хозяйству!

— Не знаю-съ, отвѣтила Варвара Сергѣевна.

— По моему, всякой дѣвушкѣ необходимо вникать въ хозяйство; это ея обязанность. Неужто онѣ не обязаны думать о томъ, что ихъ многолюбимымъ матерямъ или другимъ близкимъ и дорогимъ людямъ надо, наконецъ, имѣть отдыхъ и покой!

— А! ужъ ты меня „на отдыхъ и покой!“ подумала Варвара Сергѣевна, и не утерпѣла, чтобы не сказать:

— Ужъ разумѣется, если старики выжили изъ ума, такъ ихъ надо на отдыхъ и покой!

— Ахъ, Варвара Сергѣевна! вскринула Клавдія Петровна: — можно-ли такъ толковать мои слова? Нѣтъ, вы меня не знаете! Я не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя не уважаютъ старости! Да и какъ можно ее не уважать? Къ кому тогда обратиться за добрымъ совѣтомъ? Вы знаете, я сирота, — я осталась шести лѣтъ послѣ матери — я не знала материнской ласки...

Клавдія Петровна пріостановилась частью отъ волненья, а частью выжидая сочувственнаго слова гостѣи; но такъ какъ гостѣя сочувственнымъ словомъ медлила, то, преодолевъ волненье, она продолжала:

— Мнѣ нѣкого было любить, Варвара Сергѣевна, нѣкого чтить и почитать... Но я перенесла эту любовь на всѣхъ хорошихъ,

добрыхъ людей... Да!.. Когда я смотрю на прекрасную душу, которая пригрѣла меня, я думаю: она мнѣ родная! Тоже подумала я, Варвара Сергѣевна, когда увидала васъ... О, милая, добрая, хорошая, дорогая Варвара Сергѣевна, полюбите меня, одинокую, немощно!

Клавдія Петровна схватила старушку за руки и кричалась папильотками въ ея плечу.

Если когда-нибудь Варвара Сергѣевна была доведена въ своей жизни до послѣдней степеня смущенья и гнѣва, такъ это именно въ эту минуту.

— Помилюйте, помилюйте... лепетала она, едва сдерживаясь, чтобы не оттолкнуть отъ себя эти ненавистныя объятія и не скинуть съ плеча пухлый подбородокъ противнаго лица.— Помилюйте... Мнѣ очень пріятно ваше знакомство...

— О, вы вѣдь такая добрая! протанула нѣжнымъ раслѣвомъ Клавдія Петровна, но тѣмъ не менѣе, сняла подбородокъ съ плеча Варвары Сергѣевны и нѣсколько отодвинулась.— Вы такая добрая! Ахъ, Боже мой! я увлекаюсь и забываю, что кофе не даютъ!

И Клавдія Петровна выбѣжала на лѣстницу съ крикомъ:

— Марья! Марья!

— Нѣтъ ужъ этого не будетъ, чтобы я у тебя кофе пила! думала, между тѣмъ, Варвара Сергѣевна: — ты еще отравишь какимъ-нибудь приворотомъ... Непремѣнно она опомла чѣмъ-нибудь Матюшу! Я голову свою прозакладую, что опомла! Ужъ не даромъ эта нѣмка, ея тетка, все какія-то гадости варить да перегоняетъ...

— Кофе сейчасъ будетъ, милая Варвара Сергѣевна, сказала Клавдія Петровна, возвращаясь.

— Благодарю васъ, Клавдія Петровна, я кофе не пью, докторъ запретилъ... головой страдаю...

— Ахъ, Боже мой! Ну, можетъ быть, вы чаю выпьете?

— Нѣтъ, нѣтъ! Чувствительно вамъ благодарна... Чаю тоже не пью...

— О! чѣмъ же мнѣ угостить дорогую гостью! вскринула Клавдія Петровна.

— Благодарю, благодарю... не беспокойтесь, Клавдія Петровна... Мнѣ, по правдѣ говоря, теперь не до питья и не до ѣды...

— Милая Варвара Сергѣевна! что съ вами? О, скажите мнѣ! Я раздѣлю всѣ ваши печали! Я ихъ пойму, я всѣмъ сердцемъ... всею душою...

— Матюша... Матюша... прежде очень много читала... А теперь... теперь ему некогда... Онъ все занятъ... Это вредно

дѣйствуетъ на его здоровье... Онъ исхудалъ... всѣ знакомые ужасаются, какъ онъ перемѣнился... Но Матюша такой человѣкъ, что вѣдь онъ никогда не покажетъ виду... Онъ такъ деликатенъ... Его деликатность погубить его... погубить непремѣнно... Вѣдь деликатныхъ людей мало на свѣтѣ... и всякій думаетъ только о себѣ, о своихъ выгодахъ!

Варвара Сергѣевна проговорила это глядя подъ столъ.

— Ахъ, милая, милая Варвара Сергѣевна! воскликнула Клавдія Петровна: — какъ я понимаю васъ! Да, Матвѣй Ивановичъ слишкомъ деликатенъ, слишкомъ добръ! Да, вамъ надо беречь его!

Варвара Сергѣевна подняла глаза.

Лицо Клавдіи Петровны выражало безпредѣльное сочувствіе.

— Чтѣ-жь это она, неужто не поняла? подумала Варвара Сергѣевна:—я вѣдь, кажется, ясно...

— Какъ-же вы думаете лучше устроить? продолжала Клавдія Петровна.—Вы хотите переговорить съ Матвѣемъ Ивановичемъ? О, онъ навѣрное, все для васъ сдѣлаетъ! Только вы не тревожьтесь, милая, милая... Поберегите себя для Матвѣя Ивановича, которому вы такъ нужны...

Варварѣ Сергѣевнѣ страшно захотѣлось пустить чѣмъ-нибудь въ это сочувствующее ей лицо.

Она, разумѣется, сдержала себя и сказала:

— Ахъ, еслибы Юлія Михайловна пріѣхала поскорѣе!

— А кто это Юлія Михайловна! Вѣрно вашъ давній, дорогой вамъ другъ?

— Нѣтъ-съ... Матюша ее безъ ума любить... Самъ мнѣ признавался, что ночей не спалъ, плакалъ...

— Ахъ, бѣдный!

— Онъ ее ждетъ... И все по ней тоскуетъ... Ужасно тоскуетъ... Просто не живетъ, а мучится... И какъ все его тяготитъ! Онъ, разумѣется, прямо этого никому не скажетъ,—и разговариваетъ, и услуживаетъ,—но я-то вѣдь знаю, какъ ему все это неприятно... Нѣкоторые... очень многія этого не понимаютъ, хотя очень могли-бы, кажется, понять...

— О, дорогая, безцѣнная Варвара Сергѣевна! какъ я понимаю васъ! какъ мнѣ больно за васъ!

Варвара Сергѣевна опять взглянула на нее.

„Чтѣ-жь это? опять не поняла?“ подумала она. „Лицо, точно кадка съ медомъ и больше ничего!“

— Прощайте, Клавдія Петровна...

— О, побудьте еще!

— Мнѣ пора-съ... Вы, пожалуйста, нашего разговора не передавайте Матюшѣ...

— О, никогда!

— Прощайте...

— Позвольте васъ обнять! Я провожу васъ съ лѣстницы... здѣсь неровныя ступеньки!

— Чтѣ-жь это? чтѣ-жь это? говорила вслухъ Варвара Сергѣевна, освободившись у воротъ отъ объятій Клавдіи Петровны.

Не понимаетъ она? Нельзя не понять! Или ей все равно?.. Видала я на вѣку безсовѣстныхъ, а ужь такой не приводилось еще!...

Та-то какъ почувствовала! Сразу! А эта чугунная какая-то! Чтожь мнѣ дѣлать, если это не удастся? Чтожь мнѣ тогда дѣлать, Господи, ты Боже мой!

Когда Варвара Сергѣевна возвратилась домой, Матвѣй Ивановичъ уже уныло прохаживался взадъ и впередъ по своей комнатѣ, истребляя папиросу за папиросой.

Увидавъ Варвару Сергѣевну, онъ остановился и сказалъ:

— А! тѣта! гдѣ это вы были?

— Ты еще не пилъ кофе, Матюша? спросила Варвара Сергѣевна, какъ-бы не дослышавъ его вопроса.

— Нѣтъ, я васъ ждалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ... Домна! Домна!

— Гдѣ это вы были тѣта? Гуляли?

— Ахъ, какая прекрасная погода. Матюша! Вѣтерочекъ этакій, знаешь, тихій... Хочешь сухарей?

Хотя Варвара Сергѣевна пережѣнила разговоръ и очень желала скрыть свой утренній походъ въ домъ булочника Иванова, она была теперь несравненно спокойнѣе, чѣмъ въ свой первый походъ въ квартиру Кириловыхъ. Она еще по дорогѣ домой рѣшила, во чтобы то ни стало спасти Матюшу и какою бы то ни было цѣною купить это спасенье.

— Ну, пускай уѣдетъ, шептала она, идя быстрыми шагами по улицѣ, пускай уѣдетъ!.. Пускай меня бросить... Пускай, пускай... Только бы онъ не женился на этой... этой...

Клавдія Петровна до того ей была противна, что она даже не могла ей подыскать соотвѣтствующаго эпитета.

Въ первый разъ въ жизни грудь пылкой, ревливой, но мягко-сердечной старушки наполнена была одною только злобою и отвращеніемъ. Прежде, преслѣдуя оболъстительницу Матюши, она все-таки чувствовала къ нимъ нѣчто и человѣчное, — къ Софьѣ Яковлевнѣ, напримѣръ, она чувствовала что-то въ родѣ почтительной жалости (хотя само собой разумѣется, жалость эта ничуть не обуздавала другихъ мятежныхъ чувствъ и она была рада радехонька, что ея стратегика оказалась удачна), — но на Клав-

дію Петровну она просто смотрѣла, какъ на какую-то зловредную гадину, которую, не задумываясь, можно раздавить, не прибавля къ утренней и вечерней молитвамъ по девяти ладныхъ покаянныхъ поклоновъ,—то есть, не нажимъ себѣ нивагины уюровъ совѣсти.

Вслѣдствіе такого азартнаго состоянія духа, Барвара Сергѣевна махнула рукой на всё ожидающія ея испытанія и расхрабрилась не на шутку. Глаза у нея такъ и сверкали, оборчатый чепецъ принялъ видъ шлема, голосъ поднялся на цѣлыхъ три ноты.

— Сладко ли я тебѣ налила, Матюша? Вотъ сухари... Попробуй-ка вотъ этихъ кренделей... Отличны!.. Скажи, пожалуйста, Матюша, что это за барышня?

— Какая барышня!

— А вотъ эта Клавдія Петровна?

— Это бѣдная дѣвушка, добрая, умная. Она живетъ уроками.

— Уроками?

— Да, она даетъ уроки въ пансіонѣ и тамъ, частые. У нея нѣтъ никого близкихъ родныхъ. Житіе ея трудное, невес...

— Это она воспитывалась у княгини... Какъ бишь ея?..

— Да, она. Что довелось тамъ вытерпѣть ей, не дай Богъ никому.

— Эхъ, Матюша! такія не терпятъ!

— Что съ вами, тѣтя?

— Со мной ничего!.. Если я гдѣ терпѣла, Матюша, тамъ я туда не стану ходить ручки цаловать, и обноски принимать!

— Тѣтя!

— Да, да, мой другъ! Я не стану тамъ умиляничать, не стану либ...

— Тѣтя! не стыдно ли вамъ? Все это сплетни, клевета..

— Нѣтъ, Матюша, я еще клеветницей не бывала! Я...

— Тѣтя, я знаю, что не вы клеветаете, но зачѣмъ вы слушаете...

— Я...

— Письмо къ вамъ, доложила Матвѣя Ивановичу, вошедшая Дома.

— Гдѣ же оно?

— У мальчишки.

— У какого мальчишки?

— У того, что его принесъ. „Не вѣрно“, говоритъ, „никому кромѣ Матвѣя Ивановича отдавать, и никому кромѣ его“, говорить „не отдавать“.

— Позови его сюда, Домна, позови поскорѣе! приказала Варвара Сергѣевна. Сюда его, сюда позови!

— Зову, зову, отвѣтила Домна и, переступивъ порогъ, крикнула:

— Ну, иди, принцъ!

Введенному „принцу“ казалось гдѣ десять—двѣнадцать. Онъ былъ босъ, въ безцвѣтныхъ дырявыхъ шароварахъ, въ розовой ситцевой рубахѣ съ разорваннымъ воротомъ и подпоясанъ какимъ-то обрывкомъ. Кожа на его лицѣ и шеѣ напоминала гладкостію и нѣжностью внутренность плохо сложенного очага; на густыхъ, жестеныхъ черныхъ волосахъ висѣли прилипшіе кусочки тѣста.

„Принцъ“ однимъ быстрымъ взглядомъ своихъ живыхъ глазъ оглянулъ все и всѣхъ и протянулъ Матвѣю Ивановичу записку, сложенную весьма вычурно,—какимъ-то полумѣсяцемъ.

У „принца“, часто упражнявшагося въ дѣланьи булокъ, руки рѣзко отличались бѣлизной почти до локтя — засученные рукава позволяли видѣть линію, за которую не переходило тѣсто,— и даже были сравнительно чисты, кромѣ двухъ пальцевъ, которые отчетлѣлись на тонкой бѣлой бумажѣ записки.

— Отъ кого ты? спросила Варвара Сергѣевна.

Мальчикъ, вмѣсто отвѣта, только усмѣхнулся, тряхнулъ волосами и взглянулъ на Матвѣя Ивановича, какъ бы желая сказать!

— Вы вотъ кого спросите!

— Отъ кого это, Матюша?

— Отъ Клавдіи Петровны, тѣти. До свиданья.

Онъ поспѣшно взялъ шляпу и ушелъ, оставивъ недопитое кофе.

— Отчего ты не хотѣлъ дать записки Домнѣ? спросила Варвара Сергѣевна у мальчика.

— Оттого, что дуракъ, замѣтила Домна, прилягавшая взбивать подушки на постелѣ Матвѣя Ивановича „куличикомъ“.

— Ахъ, вотъ и не зналъ, что мы съ вами земляки! спороговоркой отпарировалъ мальчикъ, а затѣмъ снова пояснилъ, что барышня ни за боже мой не велѣла отдавать никому, кромѣ Матвѣя Ивановича и, состроивъ умильную гримасу, попросилъ на чаекъ.

— Молодъ еще чайки-то распивать, замѣтила Домна. Обойдешься и безъ чайковъ...

— Вотъ, сказала Варвара Сергѣевна, подавая гриванникъ юному Меркурію. Ты не знаешь, у этой барышни нѣтъ гостей? Она одна?

— Ужь коли записки пишеть, такъ одна, увѣренно отвѣтилъ Меркурій.

— Ну, хорошо... иди...

— Экіе бесстыжіе глаза! говорила Домна, слѣдуя за выходящимъ! и тамъ взялъ, и тутъ выканючилъ.

— Да, много тамъ возьмешь! слышался въ отвѣтъ ей удаляющійся голосъ укоряемаго лица. Она только показала пять-алтынный! „Видишь!“ говорить. „Исполни прежде, а потомъ получишь!“, Одно слово—кремень...

Оставшись одна, Варвара Сергѣевна посидѣла нѣсколько минутъ неподвижно, потомъ проговорила:

— Да, жаловаться ему будетъ! Ну чтожь, пускай...

Старушка была очень блѣдна, но спокойнѣе, чѣмъ можно бы ожидать.

— А можетъ и не будетъ жаловаться, снова проговорила она, посидѣвъ еще нѣсколько минутъ неподвижно. Вѣдь та не пожаловалась... Кто ихъ разбереть?

Тутъ старушка вспомнила, что передъ тѣмъ, какъ отправиться къ „той“, она много молилась Николаю Чудотворцу и Митрофанію угоднику, что ужь, разумѣется, святые заступники приняли участие въ этомъ дѣлѣ и уладили его — когда она потомъ поставила имъ обѣщанныя пудовыя свѣчи, то свѣчи эти вспыхнули вдругъ—вѣрный признакъ, что святые заступники остались довольны посильнымъ даромъ.

Но вѣдь и вчера она много молилась, и сегодня поутру, передъ свиданьемъ съ врагомъ, — и даже, кромѣ Николая Чудотворца и Митрофанія угодника, заручила себѣ третьяго заступника, святаго мученика Матвѣя, который, ей казалось, долженъ благоволить къ своему тѣзкѣ болѣе, чѣмъ къ какому-нибудь Григорію или Ивану. И она тоже дала обѣтъ и за это дѣло поставить по пудовой свѣчѣ.

— Святые заступники! заступите! взмолилась Варвара Сергѣевна, поднимая глаза кверху и крѣпко сжимая свои маленькія морщинистыя ручки. Наверните вы эту, какъ наворачнули ту!

Это горячее моленье было кратко, потому что вѣра чѣмъ дальше, тѣмъ больше упала. Старушка инстинктивно чувствовала, что „эта“ совсѣмъ иного закала, чѣмъ „та“ и принадлежитъ къ числу людей, которыхъ „навернуть“ не берутся и самыя чудотворцы.

— Ну пускай, пускай... время отъ времени повторала Варвара Сергѣевна. Будь, что будетъ!

Между тѣмъ, Матвѣй Ивановичъ, видимо озабоченный, шибко направлялся къ дому булочника Иванова. Какъ будто не довѣряя

себѣ, точно ли понялъ истинный смысл записки, онъ на ходу вынулъ эту записку изъ жилетнаго кармана, перечелъ еще разъ и пробормотавъ: „что такое случилось?“ снова сунулъ ее въ карманъ и пошелъ еще шибче.

— Ахъ, вы пришли! пришли! пришли! вскрикнула Клавдія Петровна, едва онъ успѣлъ отворить дверь, которая, противъ обыкновенія, не была на замкѣ. Благодарю... благодарю...

— Клавдія Петровна, что случилось? что съ вами?

Но Клавдія Петровна, вмѣсто отвѣта, закрыла лицо руками и припала головой къ столу, выражая тѣмъ и другимъ безумную горестъ.

Такъ какъ паничотки, въ которыхъ застала ее Варвара Сергѣевна, сдѣлали свое дѣло, то передъ глазами Матвѣя Ивановича на столѣ разсыпался, по выраженію поэта Бенедиктова, каскадъ мудрей, а рукава доглаженнаго Марьей кисейнаго платья заколыхались, по выраженію другого поэта, какъ крылья херувима.

— Что съ вами, другъ мой? Говорите! Ради Бога говорите.

Но вопросы его, вмѣсто того, чтобы вызвать отвѣтъ, казалось, только усиливали степень ея отчаянія.

Есть люди, которые рѣшительно теряются при видѣ слезъ и Матвѣй Ивановичъ принадлежалъ къ ихъ числу.

— Клавдія Петровна! Клавдія Петровна! ради Бога!... ради Бога говорите!

Она все не говорила. Чтобы какънибудь ее поскорѣе успокоить, онъ взялъ ее за руку, потомъ за обѣ, потомъ поцаловалъ эти руки, заявляя, что преданный онъ другъ, что на него она можетъ всегда и во всемъ положиться, что онъ для нея готовъ все сдѣлать.

— Вы любите меня? вскричала Клавдія Петровна. Ахъ!... Нѣтъ, это не можетъ быть!... Я не могу жить, не хочу!... Вы вырвали мою тайну!... О! сжальтесь!... Я хочу умереть!... Ты не любишь меня!... Но защити!.. Я погибла въ глазахъ всѣхъ!... Я хочу умереть!... О!...

Черезъ нѣсколько часовъ Матвѣй Ивановичъ вышелъ изъ дома булочника Иванова, — и, что главное, вышелъ женихомъ своего друга Клавдіи Петровны.

Какъ это случилось — онъ и самъ не могъ сообразить и, тихонько шагая по улицѣ, припоминалъ все, предшествовавшее званью жениха, какъ педшіе по равному пути люди и неожиданно нежданно соскользнувшіе въ провалы, припоминаютъ обстоятельства своего паденья, приговаривая: „не постигаю, какъ это я скатился! Опомнитесь не успѣлъ!

— Съ чего это началось? думалъ Матвѣй Ивановичъ... Да! Она проговорила... Бѣдная! какъ она меня сильно любитъ! Я, впрочемъ, не вырывать этого признанья. Еслибы я только могъ его предвидѣть... Ну, да теперь все равно! Пусть ее будетъ счастлива! Ужасно она меня любитъ! По правдѣ говоря, я самъ виновать, я наглушилъ... зачѣмъ я такъ часто ходилъ къ ней? Она звала... Да, но вѣдь я долженъ былъ сообразить, что она увлекается, долженъ былъ ее вразумить! Ну, да теперь все равно! Бѣдная дѣвушка! Какъ она терпѣливо все сносила! Уму не постижимо, до чего у насъ все дико и всѣ дики!

— Оскорблять дѣвушку пошлыми насмѣшками за то только, что она часто беретъ уроки! Угрожать ей лишеньемъ работы, то есть насущнаго хлѣба! Я, право, начинаю радоваться, что моя старушка наколородила: иначе, я бы, пожалуй, никогда и не узналъ всѣхъ этихъ безобразій... Бѣдная дѣвушка! ее больше всего поразили упреки тѣти... мысль, что она мнѣ въ тягость... Говорять, что все дѣлается къ лучшему, — можетъ быть, что и это къ лучшему... Бѣдная! Она бы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ бросилась изъ окошка! Впрочемъ, лучшаго я и желать не могъ: жизнь моя устроивается совершенно разумно... Въ женѣ прежде всего надо искать помощника, а ужъ надежнѣе ея помощника мнѣ не найти... Да я и люблю ее... Я съ каждымъ днемъ сильнѣе ее люблю... И эта любовь не чета ужъ той... За эту красить мнѣ не придется! Какъ, однако, неожиданно! Да, судьба моя рѣшена и... и рѣшена отлично!

Онъ храбрился, но ему поминутно дѣлалось какъ-то жутко — иногда даже очень жутко. Наконецъ, это дошло до того, что онъ, желая какъ нибудь разогнать неотступныя мысли, началъ шагивать и въ квартиру свою вступилъ съ пѣсенкой.

Барвара Сергѣевна сидѣла у окна и что то шила. Она пристально на него взглянула, но ни о чемъ не спрашивала. Онъ заговорилъ о своей встрѣчѣ съ знакомою помѣщицей.

Женихъ и невѣста порѣшили, до поры до времени, держать свое обрученье втайнѣ. Клавдія Петровна должна была въ тотъ же день отказаться отъ уроковъ въ пансіонѣ, гдѣ, по ея словамъ, ее оскорбляли пошлыми насмѣшками и угрозой эти уроки отнять, отказаться отъ всѣхъ частныхъ уроковъ, которые, по ея словамъ, доставались ей цѣной страшныхъ униженій, тотчасъ же переѣхать къ своей родственницѣ Фредерикѣ Францовнѣ Иппихъ на дачу и тамъ заняться своимъ, разстроеннымъ тревогами, страданьями и лишениями, адорфьевымъ, а также и необходимыми приготовлениями въ свадьбѣ.

На слѣдующій день, ввечеру, Клавдія Петровна принимала уже своего жениха на дачѣ.

Быль чудесный вечеръ. Дача Фредерика Францовны Пипихъ, правда, не отличалась ничѣмъ, не только грандіознымъ, но даже живописнымъ, такъ такъ эта дама при выборѣ мѣстности думала главнымъ образомъ не о мѣстоположеніи, а о томъ, хорошо ли будутъ у нея произрастать овощи, имѣющія сбытъ на городскомъ базарѣ. Новенькій домикъ стоялъ, что называется, на юру; молоденькія березки, подчищенные и привязанныя къ кольямъ веревочками, вытягивались, какъ рядъ акуратныхъ нѣмочекъ; довольно обширный огородъ, по которому Фредерика Францовна любила водить гостей и, простирая указательный невѣроятный палецъ на ту или другую овощь, приговаривать: „русски бы этаго не посѣялъ, а я посѣяла!“—представлялъ правильнѣйшіе четверугольнички моркови, спаржи, петрушки, бобовъ, картофелю и т. п.; жиденькій, чистенькій садикъ, наполненный всякими ягодами, весь обмотанный веревочками и подпертый колышками, не давалъ тѣни. Въ немъ только и было красн, что старая, развѣсистая груша, расколотившаяся на двое съ горя, что попала въ нѣмецкія руки, и эти руки пристроили у ея корня зеленый круглый столикъ и такія же скамеечки. Но зато подальше зеленѣли, а еще подальше синѣли и чернѣли лѣса, на которые все смотрѣлъ Матвѣй Ивановичъ, когда гулялъ съ невѣстой по желтенькой садовой дорожкѣ, а Фредерика Францовна Пипихъ покрикивала имъ съ балкончика:

— Только не потопчите травъ!.. не задѣвайте за молоденькія яблони!... Я знаю, молодіи влюбленни развѣянны биваютъ!

Фредерика Францовна, которой секретъ довѣрили, чрезвычайно была довольна предстоящей свадьбой. Если она что нибудь любила на свѣтѣ страстно, [такъ это знатныя нѣмецкія фамиліи, шелковыя платья и, какъ она выражалась, „торжественныя шаги въ жизни молодыхъ людей“,—особенно если въ торжественномъ шагѣ была замѣшана какая нибудь ея родня, которой Фредерика Францовна, какъ истая нѣмка, охотно радѣла, хотя бы родня эта была въ десятомъ колѣнѣ.

Наговорившись съ невѣстой о предстоящемъ счастьи рука объ руку идти по пути жизни, и напившись изъ маленькихъ пестрыхъ чашечекъ, вывезенныхъ изъ какого-то Гольберштадта или Биркенфельда, чаю, въ который Фредерика Францовна прибавляла цвѣтки испанскаго жасмина,—пять цвѣточковъ на четверть фунта и *geschmackvoll!*—Матвѣй Ивановичъ тихими шагами воротился домой.

Еслибы вылая невѣста вдругъ появилась около него, когда

онъ смирно сидѣлъ въ своей неосвѣщенной комнатѣ и еще разъ спросила его: „ты счастливъ? не правда-ли, ты счастливъ?“ онъ бы, разумѣется, встрепенулся и отвѣтилъ: „да, да, да! очень счастливъ!“ но сидя въ одиночку, онъ чувствовалъ себя какимъ-то разбитымъ, невыразимо усталымъ, точно имъ все время укачивали узенькія дорожки садика Фредерики Францовны или онъ все время носилъ на шеѣ и невѣсту, и Фредерику Францовну, и драгоценный по воспоминаньямъ баулъ aus Vaterland, который дарила Фредерика Францовна невѣстѣ, и окованный желѣзомъ сундукъ, которымъ она клала основанье ихъ будущаго домашняго комфорта,—а оставшійся во рту вкусъ чая съ испанскимъ жасминомъ такъ раздражалъ его, что онъ безпрестанно плевалъ.

Такое странное состояніе духа продолжалось и въ послѣдующіе дни. Каждое утро, просыпаясь отъ неспокойнаго, неосвѣжающаго сна, Матвѣй Ивановичъ приказывалъ себѣ быть довольнымъ и счастливымъ, отправлялся тотчасъ-же послѣ уроковъ на дачу къ невѣстѣ, трогался и восхищался ея безыскусственною, беззавѣтною любовью, слушалъ полезныя совѣты Фредерики Францовны—напримѣръ, что слѣдуетъ нанимать квартиру всегда надъ булочной: квартира будетъ нагрѣваться отъ булочной, а на экономію отъ дровъ можно подарить женѣ шелковое платье himmelblau oder rosa,—ѣлъ жаренный картофель съ черносливомъ, пилъ цикорный кофе съ сладкими мускатными булочками, чай съ испанскимъ жасминомъ, толковалъ о будущихъ работахъ съ милой помощницей въ трудахъ и скорбяхъ житейскихъ, поздравлялъ себя съ благополучной, завидной пристанью, и все-таки также тихонько, такой-же усталый возвращался домой, также смирно просиживалъ безъ мысли по цѣлымъ часамъ въ своей неосвѣщенной комнатѣ и также отплевывался отъ оставшагося вкуса жасминнаго чаю.

Спустя нѣкоторое время ему, однако, полегчало и онъ нашель въ этихъ безотчетныхъ, но мучительныхъ ощущеніяхъ нѣчто опредѣленное: его давно надломили сношенья съ людскою пошлостью, а „эта исторія съ Кириловой“ (онъ уже давно не заикаясь произносилъ это имя) окончательно вселмила отвращенье къ.. къ современному растлѣнію. Растлѣніе это коснулось и его самого: онъ сдѣлался какъ-то вялъ, тяжеловатъ..

— Какая чудная дѣвушка эта Клавдія! думалъ онъ: — какое счастье, что мы съ нею узнали другъ друга! Мени обновить это разумное, трезвое чувство... Далеко мнѣ до нея, далеко! Гожусь-ли я, надломленный, для такого пылаго, высоко-самоотверженнаго существа? Сзумѣю-ли дать то счастье, которое... На мнѣ теперь святая обязанность... И я ее выполню честно! Человѣкъ

долженъ стремиться не къ наслажденію, а къ самосовершенствованію... Въ этомъ самосовершенствованіи и заключено истинное наслажденіе... Самосовершенствованіе есть задатокъ всего... Въ своемъ скромномъ тепломъ гнѣздышкѣ я вылечусь отъ всѣхъ своихъ ранокъ и ранъ, отдохну, соберусь съ новыми силами и не порывисто, не безумными скачками, а спокойно и увѣренно пойду по своей дорогѣ...

Порѣшивъ, что ему прежде всего надо залечить раны и ранки, сидя въ скромномъ тепломъ гнѣздышкѣ и стремясь къ самосовершенствованію, Матвѣй Ивановичъ значительно успокоился, пересталъ худѣть и день ото дня все болѣе и болѣе началъ находить въ своей невѣстѣ привлекательнаго.

Правда, бывали у него изрѣдка и теперь какіе-то несносные пароксизмы, когда ему вдругъ становилось тошно и жутко, но онъ тотчасъ-же сваливалъ все это на свою надломленность, вспоминалъ полученныя раны и ранки, обольщалъ себя перспективой теплаго гнѣздышка и не только утѣшался, но даже начиналъ самымъ восторженнымъ образомъ относиться къ своимъ обстоятельствамъ и мысленно какъ бы хвастаться своею любовью къ невѣстѣ.

— Какое трезвое, разумное чувство я къ ней питаю! Какое глубокое! Этого чувства ужь ничто не подорветъ!

Одинъ изъ такихъ пароксизмовъ случился съ Матвѣемъ Ивановичемъ именно въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ рассказъ.

Объяснивъ положеніе дѣйствующихъ лицъ, мы попросимъ читателя припомнить нервую главу этого разсказа и начнемъ повѣствовать далѣе.

Х.

Хотя Варварѣ Сергѣевнѣ въ мукахъ ожиданія и казалось, что Домна ходитъ безсозвѣстно медленно, но въ сущности Домна исполнила возложенное на нее порученіе довольно быстро.

— Ну, что? что? вскрикнула Варвара Сергѣевна, едва мону-ментальная женщина успѣла показаться.

— Ея дома нѣту. Ужь два дня, какъ уѣхала въ деревню. Самъ дома, кланяется вамъ. У него сидитъ этотъ бородатый—Метельница—что-ли—чай пьютъ. И этотъ велѣлъ кланяться. „Сейчасъ къ вамъ приду“, говоритъ,—докладывала обстоятельная Домна, не обращая вниманія на видное огорченіе Варвары Сергѣевны при вѣсти объ отъѣздѣ Софьи Яковлевны, а доло-

живъ, отправилась въ кухню, тщательно свертывая на ходу громадный ковровый темный платокъ, который находила удобнымъ надѣвать на голову какъ въ крещенскіе морозы, такъ и въ июльскіе жары.

Варвара Сергѣевна, поникшая было головой, какъ подстрѣленная птица, вдругъ встрепенулась и воротила Домну.

— Домна! Домна! послушай:—ты говоришь, что тамъ Мятелица? Да? Онъ свазалъ, что придетъ къ намъ? Когда придетъ?

— Свазалъ: сейчасъ приду.

— Да ты, можетъ, не разслышала?

— Кабы не разслышала, такъ я бы...

— Вотъ что: поди-ка ты, пожалуйста, опять туда и сважь Мятелицѣ, что я его очень прошу немедленно придти... слышишь *немедленно*? Скажи, что, молю, Варвара Сергѣевна...

— Да вонъ онъ, самъ ужъ идетъ, перебила Домна, указывая подбородкомъ въ окно.

— Гдѣ? гдѣ?

Варвара Сергѣевна высунулась въ окошко. Онъ точно шелъ.

— Слава Богу! Слава Богу! проговорила она. Ну, Домна, ты себѣ теперь ступай...

Нетерпѣніе старушки такое было жгучее, что она не смогла ожидать, пока гость войдетъ и встрѣтила его на порогѣ.

— Здравствуйте, Павелъ Даниловичъ, здравствуйте! какъ я рада! Милости просимъ, милости просимъ...

— Здравствуйте, Варвара Сергѣевна, отвѣтилъ смуглый, косматый, бородатый гость отличнымъ басомъ.—Какъ поживаете?

— Садитесь, Павелъ Даниловичъ... Не хотите-ли чаю?

— Нѣтъ, благодарю, ниль... А Матвѣя Ивановича дома нѣтъ?

— Ахъ, Павелъ Даниловичъ! теперь его никогда нѣтъ дома! Вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ у старушки брызнули слезы и она поспѣшно закрыла лицо платкомъ.

— Что это вы, Варвара Сергѣевна! успокойтесь. О чемъ вы плачете?

— Ахъ, Петръ Даниловичъ, онъ погибъ!

— Кто? Матвѣй Ивановичъ?

— Погибъ! погибъ!

— Полноте, Варвара Сергѣевна, постарайтесь успокоиться и расскажите, въ чемъ дѣло.

— Сейчасъ, сейчасъ... говорила старушка, порывисто отирая неудержимыя слезы.

— Эхъ, Варвара Сергѣевна! на житейскія радости и печали необходимо смотрѣть хоть сколько нибудь съ философской точки зрѣнія, а вы, какъ погляжу, совсѣмъ не философъ!

Самъ Павелъ Даниловичъ, вѣроятно, смотрѣлъ съ философской точки зрѣнія, но сомнительно, чтобы онъ могъ служить типомъ отъявленнаго философа. Во всей его крѣпкой, какъ желѣзо, но не взирая на эту крѣпость, подавшеяся фигурѣ, въ раннихъ морщинахъ широкаго лба было что-то такое, что ясно давало знать сколько нибудь внимательному наблюдателю, какъ немного помогала ему философія въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ рекомендовалъ ее плачущей старушкѣ, а порывистость движеній и какой-то особый огонекъ въ смѣльныхъ глазахъ, беспокойно блестящихъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей, точно двѣ яркія свѣчи изъ-подъ взъерошенной кровли, выдавали и то, что даже въ настоящее время онъ неполнѣ былъ гарантированъ отъ многихъ вещей, съ которыми обстоятельная философія не имѣетъ ничего общаго.

— Ахъ, Павелъ Даниловичъ! ужъ такъ горько мнѣ, такъ горько, что просто душа, кажется, съ тѣломъ разстается! Крѣпилась я, думала: ну, Богъ съ нимъ! пускай его, какъ хочетъ, что хочетъ! да не выдержала! Вѣдь онъ у меня одинъ въ цѣломъ мірѣ, онъ мнѣ и жизнь моя, и радость моя, онъ... И вдругъ вижу, что онъ губить себя!

— Да въ чемъ же дѣло? Вы успокойтесь и расскажите мнѣ пояснѣе, а то вѣдь непонятно. Полноте плакать!

— Сейчасъ, сейчасъ... Ужъ вы простите меня... Не смѣйтесь надъ старухой...

— Помилуйте, Варвара Сергѣевна, чего-жъ тутъ смѣяться? Я, разумѣется, самъ человѣкъ не нѣжный, медвѣдь, что называется, но все-таки могу понять, что приходится человѣку подъ часть не въ терпѣжь.

Внимательный наблюдатель, пожалуй, усомнился бы и въ этомъ показаніи Павла Даниловича. Правда, съ перваго же взгляда можно было съ вѣроятностію заключить, что онъ отъ роду легко и ловко не танцевалъ мазурки, ни мало не владѣлъ завиднымъ искусствомъ въ пору и кстати отпущеннымъ ахомъ, охомъ, возведеніемъ къ небу глазъ, или рукопожатіемъ замѣнить болѣе существенную помощь, но въ его обращеніи съ огорченной старушкой, не взирая на густой бась, на угловатость манеръ и на неотборность словъ, было что-то истинно человѣчно.

Варвара Сергѣевна—да отпустить Господь Богъ старушкѣ! съ самаго начала немножко слушавила. Она совершенно выпустила изъ своего разсказа эпизодъ о Софьѣ Яковлевнѣ, выразивъ только сожалѣніе по поводу отчужденія Матюши отъ этихъ добрыхъ, прекрасныхъ людей и сваливъ вину этого отчужденія единственно на Клавдію Петровну.

„Не могу-жь я иначе! думала Варвара Сергѣевна, когда ей становилось совѣстно глядѣть въ устремленные на нее блестящїе, смѣлыя глаза:—вопервыхъ, онъ имъ первый прїятель, а вторыхъ... Да и на что ему это знать?“

Когда Варвара Сергѣевна начала распространяться въ похвалахъ Софьѣ Яковлевнѣ, блестящїе, смѣлыя глаза, какъ будто ярче вспыхнули, а потомъ, обратились въ открытое окно садика и начали тамъ слѣдить за какими-то мошками. Когда мошки разлетѣлись, а Варвара Сергѣевна перешла къ повѣствованію о другихъ лицахъ, глаза опять такъ-же внимательно на нее устремились.

Варвара Сергѣевна закончила восклицаніемъ: ахъ, погибъ онъ, погибъ! и горькими слезами.

— Послушайте, Варвара Сергѣевна, сказалъ Павелъ Даниловичъ:—мнѣ что-то не вѣрится.

— Ахъ, Павелъ Даниловичъ!

— Тутъ что нибудь, да не такъ. Матвѣй Ивановичъ не могъ потерять головы изъ-за такого бобра.

— Ахъ, Павелъ Даниловичъ...

Но въ эту самую минуту раздался голосъ Матвѣя Ивановича и его шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Давно онъ тутъ? спрашивалъ Матвѣй Ивановичъ.

— Ахъ, ради Бога, вы не говорите ему ничего... Пусть все это между нами... прошептала Варвара Сергѣевна, торопливо отирая слезы.—Ни слова ему...

Опасаясь, что Матюша замѣтитъ ея заплаканные глаза, она юрнула, какъ спугнутая мышь, въ уголокъ.

Но опасенія ея были напрасны. Матвѣй Ивановичъ самъ былъ въ какомъ-то весьма смятенномъ состояніи духа и все его вниманіе сосредоточено было на томъ, какъ бы это свое состояніе духа прикрыть наружнымъ спокойствіемъ и веселостью.

— А! Павло дружище! вскрикнулъ онъ, входя и протягивая обѣ руки дружищу. Наконецъ-то пожаловалъ! Гдѣ ты пропадалъ до сихъ поръ? Ну, что-жь, здоровъ, весель?

— Ничего, живемъ, отвѣчалъ Павелъ Даниловичъ.

— Садись-же, садись...

Усѣлись.

Любопытно наблюдать дружескія встрѣчи, когда между друзьями пробѣжала такъ-называемая неуловимая черная кошка. То-то громкихъ восклицаній! то-то крѣпкихъ рукопожатій! „Ну, что?“— „Ну, какъ?“— „Сколько лѣтъ, сколько зимъ!“ Привѣтно улыбаются другъ другу, привѣтно глядятъ другъ другу въ глаза и съ раздраженіемъ, похожимъ на бѣшенство, чувствуютъ, что языкъ

прилипают къ гортани, что больше не находится рѣчей, что каждое слово надо вытаскивать, словно желѣзными клещами.

— Ну, рассказывай, рассказывай-же, говорятъ другъ другу пріатели, рассказывай...

И которыйнибудь изъ нихъ, съ напускной задушевностью, начинается рассказывать какуюнибудь дребедень, а другой, съ напускнымъ интересомъ, слушаетъ эту дребедень...

Если же который „другъ“ не захочетъ восклицать, крѣпко жать руки, устремлять привѣтныя взоры въ лицо „друга“, мысленно говоря: „а! вотъ ты, старый пріатель, изъ какого тѣста спеченъ!“ то этотъ Пиладь, разумѣется, становится главнымъ виновникомъ разрыва и на главу его сыплется... сыплется все; чѣмъ богатъ бывший его Орестъ.

Черная кошка еще не пробѣгала между Матвѣемъ Ивановичемъ и Павломъ Даниловичемъ; но увы! маленькій котеночекъ проскользнулъ и они оба это чувствовали.

— Что-жь ты, надолго къ намъ, Павло? Или исчезнешь, „какъ метеоръ прекрасный“?

— Исчезну, какъ метеоръ прекрасный, отрывисто отвѣтилъ Павелъ Даниловичъ.

— „Мятелица все мететь“, а?

— Да, Мятелица мятеть, отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Павелъ Даниловичъ.

— Очень жаль, что ты уѣзжаешь, Павло! очень! Я желалъ бы въ такъ именуемую торжественную минуту моей жизни видѣть около себя стариннаго пріателя...

Павелъ Даниловичъ, смотрѣвшій во все время разговора въ сторону и сильно подергивавшій красу своей фязіономіи (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ), длинные, какъ мычки отличнаго льна, усы, при послѣднихъ словахъ вдругъ поднялъ глаза на пріателя и усамъ далъ отдыхъ.

Варвара Сергѣевна вся похолодѣла. Не вѣря ушамъ своимъ, не вѣря въ то, въ чемъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ сама увѣряла, она хотѣла овладѣть собою, спросить объясненія, — хотѣла для начала отекшляться, но капель вышелъ похожъ на какой-то слабый жалобный пискъ и дальше этого писка она не пошла.

— Да, продолжалъ Матвѣй Ивановичъ:—онъ говорилъ торопливо, почти скороговоркою, словно невысказанное рѣшеніе лежало на немъ свинцовой горой и онъ хотѣлъ, какъ можно скорѣе спихнуть съ себя эту гнетущую гору, — да, Павло, торжественная минута моей жизни наступаетъ... Тѣтя, милый мой другъ (онъ подошелъ къ Варварѣ Сергѣевнѣ, взялъ ее похолодѣвшую

*

руку и началъ усердно цаловать), поздравьте меня и благословите...

Варвара Сергѣевна пыталась что-то промолвить, но не могла. Въ ея глазахъ, во всѣхъ чертахъ ея помертвѣвшаго лица выразился ужасъ и она дрожала, какъ листъ.

— Говори яснѣе, Матвѣй! сказалъ Павелъ Даниловичъ не безъ душевнаго движенія.—Ты женишься, что-ли?

— Да... Тѣтя...

— На комъ? На Розовой?

— Да... Тѣтя...

— Это рѣшено?

— Рѣшено.

— Окончательно?

— Окончательно; тѣтя?

Но Варвара Сергѣевна на всѣ его вопросительныя ласковыя воззванія ничего не отвѣчала, словно она окаменѣла.

— Тѣтя, что съ вами?

— Перестань спрашивать, дай лучше воды, сказалъ Павелъ Даниловичъ, наливая стаканъ и поднося его къ губамъ старушки.

Но Варвара Сергѣевна вдругъ оттолкнула отъ себя воду, поднялась и шатаясь, какъ падающая колонка, выбѣжала изъ комнаты.

— Извини, Павло, сказалъ Матвѣй Ивановичъ, я пойду ее успокою. Это недолго; надѣюсь, продлится...

Но продлилось это довольно долго, такъ что Павелъ Даниловичъ успѣлъ исходить взадъ и впередъ по комнатѣ верстъ, по крайней мѣрѣ, пять, то прислушиваясь къ долетавшимъ всхлипываніямъ, рыданіямъ и восклицаніямъ Варвары Сергѣевны, то къ ласкающимъ, мягкимъ доводамъ и упраниваніямъ Матвѣя Ивановича.

Павелъ Даниловичъ видимо былъ чѣмъ-то озадаченъ. На лицѣ его было то выраженіе, какое бываетъ у человѣка, когда онъ, ожидая, напримѣръ, лично для себя удара обухомъ по головѣ, и уже преклонивъ голову подъ неизбѣжной долбней, вдругъ видитъ, что страшное орудіе улетѣло въ пространство, а тѣ, кто, волею судьбы, бессознательно направляли это орудіе, вязнуть въ какомъ-то скверномъ болотѣ. Онъ то встрахивалъ волосами, какъ бы говоря: „а голова-то цѣла! Неужто цѣла? Точно, точно цѣла! мимо пронесло!“ то тянулъ себя за усы и такъ высоко поднималъ правую косматую бровь, что конецъ ея чуть не уходилъ въ густую, какъ очереть, и такую же беспорядочную шелвелюру, и мѣсто довольства замѣнялось досадой и сожалѣніемъ. Онъ часто потиралъ себѣ лобъ, но это не приводило ни его

мыслей въ стройный порядокъ, ни его чувствъ въ желаемое спокойствіе. Это ясно было видно и изъ того, что, шагая по комнатѣ, онъ разъ по двадцати повторилъ вслухъ:

«Скажи мнѣ, чудесникъ, любимецъ боговъ,
Что станется въ жизни со мною?»

И вслѣдъ за этимъ столько же разъ процитировалъ менѣ торжественныя, хотя не менѣ знаменательныя строки:

«Ходить птичко весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ того
Никакихъ послѣдствій!»

Наконецъ, вышелъ Матвѣй Ивановичъ усталый и измученный.

— Пожалуйста, Павло, побудь тутъ и поговори съ тѣтей, если это еще будетъ нужно... То-есть, урезонь ее... Она общала мнѣ принять Клавдію, но я, по правдѣ говоря, опасаясь, чтобы она какъ нибудь не оскорбила ее... А еслибы ты зналъ, какъ эта дѣвушка все глубоко и сильно чувствуетъ! Такъ, пожалуйста, Павло, поговори еще ты съ тѣтей... А я пойду за Клавдіей... Я очень радъ, что ты увидишь мою избранницу, добавилъ онъ съ какой-то безцвѣтной, вялой улыбкой. Ты ее, впрочемъ, вѣдь немножко знаешь!

— Да, немножко знаю.

— Такъ до свиданья, дружнице!

— Послушай, Матвѣй, остановилъ его Мятелица: — ты окончательно это рѣшилъ?

— Окончательно, окончательно, Павло, послѣшно и какъ-то запальчиво отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ, схватилъ шапку и быстро вышелъ изъ дому.

Мятелица постоялъ, посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, потомъ тихонько направился въ комнату Варвары Сергѣевны.

Старушка не шевелясь сидѣла въ креслѣ и пристально глядѣла въ землю. Она уже не плакала, но лицо ея сидѣлось точно восковое.

— Варвара Сергѣевна, началъ Мятелица — басъ его въ эту минуту могъ поспорить въ мягкости съ какимъ угодно теноромъ—Варвара Сергѣевна, не прии..

Старушка встрепенулась, словно до нея дотронулись горячимъ желѣзомъ, и замахала руками, чтобы онъ замолчалъ.

Мятелица замолчалъ и сѣлъ поодаль.

Старушка опять перестала шевелиться и опять устала глаза въ землю.

Такъ сидѣли они довольно долго. Перешелъ крупный дождь, стало свѣжѣе. Солнце заходило. Мятелица, время отъ времени

взглядывалъ на старушку, но старушка не переменяла положенія, не отрывала глазъ отъ полу.

Она, однако, видно, ждала, потому что, какъ только раздался шумъ въ передней, она тотчасъ же встала и, проговоривъ какимъ-то неестественно звонкимъ голосомъ: „пойдемте Матюшину невѣсту встрѣчать!“ твердыми, скорыми шагами вышла на встрѣчу прибывшимъ гостямъ.

Мятелица вышелъ за ней и оба стали противъ входныхъ дверей въ гостиную.

Сперва показался нѣмецкій, вытянутый впередъ, носъ Фредерика Францовны Пишихъ, образующій прямой уголъ на ея улыбающемся до самыхъ золотыхъ серегъ съ громадными бирюзовыми подвѣсками ушей, затѣмъ вилыла ея фигура, облеченная въ парадный муаръ-антикъ и въ пеструю, тяжелую, какъ свинецъ, шаль.

— Ахъ, какъ пріятно познакомиться! сказала умильно Фредерика Францовна, протягивая Варварѣ Сергѣевнѣ массу, стянутую бѣлой лайкой, и напоминающую своей формой руку отъ монумента Минина или Пожарскаго. — Ахъ, какъ пріятно!

— Очень пріятно, отвѣтила Варвара Сергѣевна, вызывая улыбку на свое восковое лицо и теряя свою маленькую ручку въ десницѣ гости.

Клавдія Петровна, не взирая на тѣсноту дверей, не выпустила Матвѣя Ивановича и онъ, какъ истый женихъ, ввелъ ее подъ руку.

Клавдія Петровна, приблизившись на должное разстояніе, вдругъ, какъ-бы въ порывѣ чувства, обняла Варвару Сергѣевну и зашептала:

— О, какъ я васъ буду покоить, лелѣять, любить!

Трудно было Варварѣ Сергѣевнѣ выдержать это объятіе и выслушать эти изліянія, но она выдержала и выслушала съ замѣчательнымъ мужествомъ.

Фредерика Францовна, сбочивъ круглую голову, съ которой развѣвались три флага разноцвѣтныхъ лентъ, всѣмъ своимъ нѣмецкимъ сердцемъ наслаждалась зрѣлищемъ и, когда всѣ, наконецъ, усѣлись въ гостиной, вокругъ овальнаго стола, съ чувствомъ и со вздохомъ сказала:

— О! фамиліи расположенія такъ прекрасни! So süß!

И Фредерика Францовна даже облинулась.

Торжество счастливой любви вызвало слишкомъ, быть можетъ, густую краску на полныя щеки невѣсты, но, вообще говоря, она была очень интересна въ этотъ вечеръ. Она отрывала блистающіе глаза отъ жениха только затѣмъ, чтобы съ дочерней кроткой любовью взглянуть на Варвару Сергѣевну; улыбка не сходила

съ ея губъ и новое золотое кольцо ярко сверкало на ея бѣломъ пухломъ пальчикѣ.

Она такъ мило встрѣтила Мятелицу, такъ мило спросила, какъ онъ поживаетъ и такъ восторженно прибавила, что „живнѣ такъ хороша, а мѣръ такъ прекрасенъ!“

На что Мятелица отвѣтила ей поклономъ, краткимъ „благодарю“ и пристальнымъ взглядомъ, отъ котораго она, по дѣвической-ли скромности или по чему другому, заалѣлась еще ярче и отвернулась.

Нельзя сказать, чтобы кто-нибудь изъ собравшагося общества, исключая Фредерики Францовны, чувствовалъ себя ловко, а потому всѣ инстинктивно и передали инициативу разговора этой дамѣ.

Фредерика Францовна, проговоривъ нѣмецкимъ речитативомъ, нѣсколько напоминающимъ метивъ вальса „ach mein lieber Augustin“; „и такъ, мы скоро, очень скоро должны соединиться узлами родства“ и выразивъ тѣмъ-же речитативомъ, какъ ей эти „узлы“ приятны, пригласила будущую родственницу взглянуть, какъ счастливы молодые влюбленные, а затѣмъ перенеслась прямо въ свой отечественный городокъ Биркенбергъ или Бибрихъ, гдѣ она когда-то шла въ кирку, украшенная миртовымъ вѣнкомъ — и птички пѣли so mild, и молодой мужъ подарилъ ей золотые часы so massiv, и танцевали so fröhlich, и потомъ ели so geschmackvoll Kuchen mit Rosinen!

О Frühling des Lebens!

Клавдія Петровна очень скоро сдѣлала жениху знакъ глазами, по которому онъ всталъ и, вмѣстѣ съ нею, сначала удалился въ уголокъ въ книгамъ на столикѣ, а потомъ шмыгнувъ въ смежную комнату, — а ужъ словоохотливая Фредерика Францовна успѣла возвратиться изъ Биркенберга въ „эту Russland, гдѣ ничего не умѣютъ дѣлать понѣмца“, и повѣствовала, какія у нея въ нынѣшнемъ году выросли на огородѣ „капустенъ“ и „морковкенъ“.

Если, съ одной стороны, въ изученіи російской рѣчи можно было пожелать Фредерикѣ Францовнѣ пойти дальше, то, съ другой стороны, Шиллеръ не призналъ-бы и нѣмецкаго ея нарѣчія своимъ. Съ той поры, какъ Фредерика Францовна ходила въ кирку города Биркенберга, украшенная миртовымъ вѣнкомъ, прошло много лѣтъ и, хотя въ продолженіе этихъ лѣтъ она не переставала критиковать новое отечество, сравнивая его съ своимъ настоящимъ Vaterland, но, тѣмъ не менѣе, жила въ немъ безвыѣздно — потому именно жила, что въ немъ, не взирая на отсутствіе тѣхъ птичекъ, которыя пѣли so mild, перепали нѣкоторыя вещи so massiv — и это безвыѣздное житіе имѣло сильное вліяніе на чистоту ея германскаго языка. Она не только

забыла правила, преподанныя ей въ биренбургской школѣ, но незамѣтно включила въ свой нѣмецкій словарь всея россійскія названія, какъ любимыя своихъ предметовъ, такъ и общеупотребительныхъ существительныхъ ласкательныхъ, измѣнивъ только ихъ окончаніе. Въ ея германской рѣчи безпрестанно проскальзывали разныя капукенъ, сердценъ, сотененъ, а въ россійской попадались либечка, шапочка, швейнерейство, зильберублички и проч.

Какъ только вышмыгнули невѣста съ женихомъ изъ комнаты, а Мятелица, и прежде сидѣвшій поодаль, занялся чтеніемъ лежащей на столѣ книги, Варвара Сергѣевна прервала Фредерику Францовну, — впрочемъ, такъ деликатно и тонко, что большой прямоугольный нѣмецкій носъ даже этого не почувалъ, — и задала ей такой вопросъ:

— Скажите, Фредерика Францовна, вы думаете — счастливы они будутъ?

— О, да! отвѣтила Фредерика Францовна, о, да! Клавдинька прекрасна хозяйка, така акуратна...

— А бѣдность васъ не пугаетъ?.. Вѣдь у Матюши ничего нѣтъ...

— Жалованье есть, — замѣтила Фредерика Францовна.

— Чтѣ-жъ жалованье? Матюша такой нерасчетливый! Это жалованье у него между рукъ проходитъ!

— Съ Клавдинька не будетъ проходить! Клавдинька имѣетъ большую бережливость и не позволитъ такъ проходить! У нея каждая копѣйкенъ парождаетъ другую копѣйкенъ, — вы сама это будете видѣть.

— Говорятъ, за Клавдію Петровну хочетъ свататься капитанъ... какъ, бишь, его?

— Капитанъ Дроздовъ?

— Да, да...

— О, это не солидно.. это, знаете, журавкенъ на небѣ. Клавдинька журавкенъ никогда не любила.

— А молодой князь?..

— Молодой князь! О, это все глупости! Онъ теперь имѣетъ уже жену... Но онъ дастъ Клавдинькѣ какую-нибудь солидную вещь въ подарокъ, — онъ долженъ это сдѣлать, потому что онъ съ Клавдинькой воспитывался, ея Jugendgespiel. И княгиня тоже подаритъ Клавдинькѣ etwas... что-нибудь хорошенькое... Мы были у княгини и она очень довольна, и уже подарила Клавдинькѣ цѣлый Stück отличнаго полотна... so fein, so fein...

— Но они такъ мало еще знаютъ другъ друга! Мнѣ кажется, лучше бы не спѣшить свадьбой, отложить хоть до зимы...

— О, зачѣмъ? Зачѣмъ отложить и зачѣмъ много ждать? У насъ въ Deutschland это очень скоро... Мой покойникъ Густавъ Густавичъ прислалъ изъ Russland свой портретъ своей сестрицѣ, сестрица показала мнѣ и говорила: вотъ мой братъ, Густавъ, имѣетъ хорошую службу въ Russland и желаетъ жену изъ Vaterland съ добрымъ сердцемъ и съ акуратнымъ характеромъ. Я говорила: хорошо, вотъ мой портретъ. Сестрица послала мой портретъ, и Густавъ Густавичъ пріѣхалъ въ Биркенбергъ, и мы перевѣчались.

— Конечно, конечно... Но мнѣ все-таки вѣжется, что они еще слишкомъ молоды. Я должна вамъ сказать, что племянникъ мой нѣсколько вѣтренъ...

— О, это ничего! Онъ исправится. Клавдинья такая акуратна дѣвушка! Покойникъ, Густавъ Густавичъ, всегда говорилъ: „О, Клавдинья, есть дѣвушка съ System!“ Въ ней есть немножко нѣмецкой крови!

При этомъ Фредерика Францовна подмигнула съ нѣмецкимъ лукавствомъ и нѣсколько разъ повторила:

— О, да! есть немножко нѣмецкой крови! О да! есть немножко нѣмецкой крови!

Варвара Сергѣевна, въ нѣмомъ отчаяннѣ стиснувъ ручки спросила:

— Скажите, пожалуйста, какъ это случилось, что Клавдія Петровна воспитывалась у княгини?

— Моя двоюродна сестра, Луиза, долго жила у княгини и княгиня очень ее любила. Такія прекрасныя вещи ей дарила,— одинъ разъ подарила ей браслетъ mit Saphir... Das war zauberisch! И вриданхенъ ей подарила хорошее — ganz niedlich! И послѣ дарила. Луиза выходила замужъ за русса и потому была бѣдна, и ничего не могла bei Seite legen...

— Вотъ видите! съ русскими житье плохое!—поспѣшно замѣтила Варвара Сергѣевна.

— О, ничего, ничего! Бѣдна дѣвушка не должна выбирать, бѣдна дѣвушка должна брать, что ей lieber Gott даетъ. Съ руссомъ можно хорошо жить и можно bei Seite legen, когда фраучка умница и ordentliche Seele. Моя сестрицхенъ была большая женщина, очень часто должна была положиться въ постель, а люди gleich начинали красть весь провіантъ... Нѣмецкій мужъ беретъ ключи, когда его фраучка нездорова, а русскій мужъ этого никогда не умѣетъ...

— Ваша сестрица отдала Клавдію Петровну княгинѣ на воспитанье?

— Да, она всѣкъ построила и все въ такі прекрасны дома:

Клавдиньку къ княгинѣ, Паулинкенъ къ генералинъ Мушинска, Аннету къ баронессѣ фон-Вухтбаумъ, — благородная нѣмецкая фамили, имѣеть замокъ въ Kurland...

— Отець Клавдія Петровни давно умеръ?

— О, да! Прежде Луизы. Онъ очень хорошо сдѣлалъ свою смертью, потому что всѣ пожалѣли сиротковъ и всѣ помогали. Еслибъ онъ былъ живой, такъ нивогда-бы ему не помогали, потому что онъ былъ такой жаркій, такой wild... solch ein характеръ!.. Katzenkopf... Всегда забывалъ Hauptsache...

— Княгиня, кажется, очень любитъ Клавдію Петровну?

— О, да! И дарить подарки...

— Зачѣмъ-же онѣ разстались? Зачѣмъ Клавдія Петровна перѣехала отъ нея?

— Въ деревнѣ, знаете, молодая дѣвушка скучаетъ. Прежде княгиня давала балъ, а когда сынъ женился, всѣ веселости — adieu! Я вамъ скажу (Фредерика Францовна понизила голосъ), что князь взялъ такую фрау, котора не любитъ ничего благороднаго! Никакого туалета не одѣваетъ, — не похожа на княгиню! Совѣмъ, знаете, не имѣеть деликатностей, какъ справедлива мужичка. Я пріѣхала на именины къ старой княгинѣ — гостей — Schwarm и самы благородны фамилиентъ, а она — представляйте себѣ! приводить мужицки ребятишки таки schmutzig, таки krätzig.. Du, lieber Gott!

— Молодая княгиня не поладила съ Клавдіей Петровной?

— Да, она такая wild, schneidend! Она хотѣла, чтобы Клавдинька сидѣла, какъ angefesselt въ ея мужицкой Schule и учила мужицки ребятишки, разны Gesindel!.. Клавдинька не могла оставаться, — что-же, наконецъ? Молодой дѣвушкѣ нельзя такъ проводить свою Jugendzeit... О! у насъ въ Deutschland благородна фамили никогда-бы не позволяла таки швандали! У насъ знатна дама сама не проводитъ время въ мужицкой Schule... Покойникъ Густавъ Густавичъ всегда говорилъ: руссенъ имѣють въ своей головѣ такой маленьки Näschen... Знаете, немножко vergrückt...

И Фредерика Францовна повертѣла по лбу указательнымъ пальцемъ.

— Вы говорите, Клавдія Петровна уже сказала княгинѣ о... о моемъ племянникѣ?

— О, да! И княгиня очень довольна, говорила: это очень хорошо! И приданченъ...

Появленіе сияющей счастиемъ Клавдіи Петровны прервало этотъ интересный разговоръ.

Клавдія Петровна держала жениха подъ руку. Казалось, она не могла и нѣсколькихъ шаговъ сдѣлать безъ него.

- Тѣтя, намъ пора, сказала Клавдія Петровна:—насъ ждутъ.
 — Посмотрите, какая Liebesraag! сказала Фредерика Францовна.—Посмотрите, она такъ къ нему прививается, какъ молоденьки плющъ... О Jugend! прививается, какъ молоденьки плющъ!
 Мятелица, привставшій съ книгой въ рукѣ при входѣ жениха и невѣсты, отвелъ свою душу тѣмъ, что мрачно прошипѣлъ:
 — Orobanche vulgaris — заразиха обыкновенная. Черезъ годъ на немъ живаго мѣстечка не останется!

XI.

Была чудесная, безлунная, яркозвѣздная, не жаркая, но еще теплая августовская ночь. Струи свѣжаго воздуха, врываясь въ открытыя окна, тихо колебали пламя двухъ свѣчей, горѣвшихъ въ комнатѣ Матвѣя Ивановича.

Матвѣй Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ гостемъ своимъ, Мятелицею и, обхвативъ руками диванную подушку, задумчиво смотрѣлъ на колебанье пламени.

Въ эту минуту онъ мало походилъ на счастливаго жениха. Лицо его выражало только заботу да утомленье.

Мятелица угрюмо курилъ, глядя въ уголь комнаты.

— Какъ я усталъ! сказалъ, наконецъ, Матвѣй Ивановичъ.

— Чтѣ ты сегодня дѣлалъ? спросилъ Мятелица.

Дѣлалъ Матвѣй Ивановичъ въ этотъ день не Богъ вѣсть что: толковалъ съ невѣстой о скоро предстоящемъ блаженствѣ брачной жизни, вмѣстѣ съ невѣстой выбиралъ буквы на вензель къ чайнымъ ложкамъ, приобрѣтеніемъ которыхъ озаботилась невѣста, снова толковалъ о блаженствѣ брачной жизни, вмѣстѣ съ невѣстой заказывалъ обивку на мебель и снова толковалъ о блаженствѣ брачной жизни.

Но онъ опустилъ эти подробности, а кратко отвѣтилъ пріятелю:

— Были кое-какія дѣла.

— Когда же твоя свадьба?

— Черезъ три дня.

— Зачѣмъ ты до сихъ поръ откладывалъ? Ужъ бы скорѣе, коли дѣло рѣшено.

— Ничего не было готово.

— То есть, что это „ничего“?

— Ну, мебель, напримѣръ...

Мятелица спрыгнулъ съ дивана и зашагалъ по комнатѣ.

— Не понимаю,—проворчалъ онъ,— отчего это человѣкъ не можетъ жениться пока не готовъ малиновый диванъ и не пошла ермолка!

— Конечно, это пустяки, но... Послушай, Павло, мнѣ хочется поговорить съ тобой... Ты, противникъ семейной жизни, недобрительно смотришь и на мою женитьбу?

— Эхъ, Матвѣй Ивановичъ! Я тебѣ скажу стишокъ, который когда-то ты самъ твердилъ:

Не женися на богатѣй, бо выжене зъ хати,
 Не женися на убогѣй, бо не будешь спати!
 О женися на вольнѣй волѣ, на розацькѣй долѣ!
 Яка буде, така и буде,—чи гола, той гола!
 Та нікто не розважае, нікто не питае:
 Чого болить? и де болить? Самъ про тее знаешь.
 У двоухъ, важутъ, и плакати мовъ легше неваче...
 Брешуть люди, — легше плакати, якъ нікто не бачить...

— Стихи превосходны, слова нѣтъ, однакожь ихъ нельзя поставить закономъ...

— Знаю, знаю напередъ, что будешь приводить! Не надо! Лучше замолчимъ!

Наступило молчанье и длилось минутъ пять. Мятелица, продолжая шагать, швырнулъ папиросу въ уголь и заложилъ руки въ карманы, а Матвѣй Ивановичъ переложилъ подушку подъ другой бокъ и папиросу закурилъ.

— Послушай, Павло, — сказала Матвѣй Ивановичъ, — исполни одну мою просьбу.

— Какую просьбу?

— Изложи мнѣ обстоятельно и подробно, почему ты такъ возстаешь противъ семейной жизни, — противъ „теплаго гнѣзда“, какъ ты ее называешь. Сдѣлай милость, не откажи!

— Тебѣ это собственно уже не нужно, — вѣдь ты ужъ гнѣздо вьешь. А впрочемъ, изволь, я готовъ. Слушаешь?

— Самымъ внимательнымъ образомъ! Какъ древніе слушали оракула!

— И ты, разумѣется, не будешь сердиться, коли что тебѣ придется не по вкусу: ты спросилъ оракула и долженъ его выслушивать, какъ бы ни были тебѣ неприятны его отвѣты!

— Я буду относиться къ отвѣтамъ оракула съ подобающими почтеньемъ и кротостію.

— Съ чего бы начать?

Мятелица остановился и нѣсколько принужденно усмѣхнулся. Матвѣй Ивановичъ, нѣсколько порывисто пуская колечки дыму, тоже усмѣхнулся.

— Слушай! Разъ какъ ты свилъ теплое гнѣздо, или, если тебѣ это больше нравится, разъ какъ ты обзавелся домкомъ, все въ этомъ домкѣ обращается противъ твоего образа и подобія...

— Ну, Павло, это не серьезное разсужденье, а...

— Напрасно ты думаешь, что не серьёзное! Почему жъ ты хочешь, чтобы я начиналъ съ оды „Богъ“? Слушай, имѣй терпѣнье и слѣди за главной нитью... Видишь ты эту коробку съ пуговками?

Мятелица поднялъ вверхъ коробочку, которую предъ тѣмъ машинально взялъ со стола.

— Ну, конечно, вижу!

— Начнемъ, вмѣстѣ оды, съ этой коробочки. Теперь это коробочка для тебя вѣдь ничто? Смотри, вотъ я разсыплю пуговики!

Матвѣй Ивановичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движенье.

— Терпѣнье, терпѣнье! Слѣди за нитью... Вотъ теперь тебѣ и горя мало, что эти пуговики покатались подъ диванъ—подбереть, коли кому надо! Да?

— Помилуй!...

— А будь эти пуговики женнины, такъ ты бы, мой другъ, самъ за ними пуговицей покатылся!

— Я не понимаю...

— Пуговики служатъ только, конечно, эмблемою...

— Наконецъ, если я, положимъ, и подниму женѣ пуговики...

— Сегодня пуговики, завтра платокъ, послѣ завтра башмакъ...

— Ха-ха-ха! Это все, что ты имѣешь сказать противъ...

— Чего ты егозишь? Я замѣтилъ, что люди, когда у нихъ что неладно, всегда начинаютъ егозить...

— Это ты егозишь, въ такомъ случаѣ!

— Значить оба егозимъ. Но теперь не объ этомъ собственно рѣчь. Да кстати, попробуемъ-ка вести эту рѣчь похладнокровнѣе.

— Я совершенно хладнокровенъ...

— Отлично! Съ тѣхъ поръ, какъ ты женихъ, какъ ты дни свои проводишь?

— Ты хочешь сказать, что я мало работаю? Такъ говори прямо! Къ чему эти...

— Помни, что ты возвелъ меня въ оракулы! Сегодня, какъ ты, напимѣрь, день провелъ? Ты ходилъ съ невѣстой малиновую обивку выбирать, ты съ невѣстой долго думалъ какія лучше взять для вензеля на чайныя ложки буквы,—скорописныя или готическія—и порѣшилъ, что готическія представительнѣе...

Матвѣй Ивановичъ покраснѣлъ, какъ спѣлая вишня, и крѣпко стиснулъ зубами папиросу.

— Можетъ не такъ? продолжалъ Мятелица.—Сюда прибѣгала эта углоносая нѣмка—Пипихъ чтѣ-ли?—и я слышалъ, какъ она повѣствовала о вышеизложенномъ.

— Нѣмки, кажется, не имѣютъ счастья пользоваться твоей благосклонностью?

— Улыбайся и продолжай такъ: а между тѣмъ, Гёте и Шиллеръ—нѣмцы, Гегель и Кантъ—нѣмцы! Германія не мало сдѣлала на пути общечеловѣческаго... и проч. Я тебѣ на это отвѣчу, что я Шиллеровъ и Гегелей не трогаю и что Фредерика Францовна Пипихъ такое-же отношеніе имѣеть къ Гёте или Канту, какое имѣеть къ нимъ любая нѣмецкая корова. Впрочемъ, я отвлекаюсь отъ предмета...

— Ты берешь такія мелочи...

— Эхъ, Матвѣй Ивановичъ, батюшка! изъ мелочей вся жизнь состоитъ!

— Но судить по мелочамъ...

— А по чемъ же прикажешь? Мелочи у меня подъ рукой, а крупныхъ данныхъ мнѣ, можетъ, не судилъ Господь и дожидаться.

— Да, наконецъ, что-жъ тутъ постыднаго?...

— Гдѣ?

— Да вотъ... Ну въ томъ, что на ложкахъ буквы...

— Кто-жъ говорить, что тутъ постыдное! Я...

— Самая обыкновенная вещь...

— Совершенно согласенъ...

— У Шиллера и Гёте вѣроятно ложки были помѣченны... ха-ха-ха!

— Вѣроятно..

— А ужъ если великіе люди такъ дѣлали, то намъ, маленькимъ...

— Они и другое — и въ этомъ то сила! дѣлали. Да мы все отклоняемся отъ нашего предмета.

— Тебѣ, можетъ, именно то не нравится, что я выбралъ буквы готическія? ха-ха-ха!

Матвѣй Ивановичъ закашлялся, потому что затынулся ватой.

— Ты желаешь прекратить разговоръ?

— Нисколько! Итакъ, ты полагаешь, что всякій, кто купитъ себѣ кресла, пропащій человѣкъ?

— Нѣтъ, я этого не полагаю,—и ты очень хорошо знаешь, что не полагаю.—Купи себѣ хоть десять кресель (хотя это, по моему, и много) да не прилѣпляйся къ этимъ кресламъ всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, не поклоняйся имъ и не послужи имъ!

— Ну, знаешь, ты просто пустяки говоришь!

— Пустяки? Нѣтъ, я видалъ, Матвѣй Ивановичъ батюшка, много видалъ свивателей теплыхъ гнѣздышекъ! Сначала онъ несетъ пушинки небрежно, какъ бы даже не хотя, а потомъ, когда пушву понакопится, небрежность пропадаетъ [и, укладывая

новые слои, онъ уже съ трепетомъ удовольствія щупаетъ, какъ мягко и тепло настлано, потомъ...

— Потомъ онъ становится преступникомъ, людоедомъ?

— Преступникомъ „по закону“—нѣтъ, людоедомъ—отчасти— хотя тоже не подлежитъ уголовному суду за свой жанръ... Но зачѣмъ крайности? Возьмемъ попроче. Онъ дѣлается не преступникомъ, но поступаетъ въ полки такъ именуемыхъ благо- разумныхъ хозяевъ...

— То есть тѣхъ, которые безъ толку не свирѣпствуютъ, не безумствуютъ?..

—...Если къ правдѣ святой
Миръ дороги найти не умѣть,
Честь безумцу, который навѣтъ,
Человѣчеству сонъ золотой!
По безумнымъ дорогамъ блуждая,
Намъ безумецъ открылъ новый свѣтъ.

.....
Еслибъ завтра земли нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра-жъ цѣлый бы миръ освѣтила
Мысль безумца какогонибудь!

— Стихи...

— Я тебѣ отвѣтилъ этими стихами потому, что ты ими же отвѣтилъ на рѣчь нашего пріятеля и одноклассника противъ безумцевъ и за благоумныхъ—на рѣчь Аполлона Гавриловича Лилова, произнесенную имъ на обѣдѣ, который онъ давалъ по случаю полученія „круга дѣятельности пошире“—помнишь? Это происходило всего какихъ нибудь три-четыре года назадъ. Впрочемъ, мнѣ незачѣмъ было хватать такъ далеко назадъ: когда мы встрѣтились съ тобою здѣсь, въ благословенномъ семь градѣ, ты, коли память мнѣ не измѣняетъ, не примыкалъ еще къ стану благоумныхъ?

Матвѣй Ивановичъ въ большемъ волненіи приподнялся съ дивана и сказалъ:

— Ты меня совсѣмъ не такъ понялъ... Совсѣмъ не такъ!

Мятелица пересталъ шагать по комнатѣ, остановился и пристально глядѣлъ на пріятеля.

— Я даже не постигаю, какъ ты могъ меня не понять... У тебя особая способность перетолковывать вещи, какъ тебѣ угодно... Потому только, что я сказалъ о возможности, не безумствуя, быть честнымъ человѣкомъ, ты меня сбросилъ на одну доску съ Аполлономъ Гавриловичемъ; потому только, что я кресло купилъ, ты меня производишь...

— Купи хоть сто, хоть тысячу кресель, да оставайся живымъ человѣкомъ!

(Мятелица даже ударилъ себя въ грудь кулакомъ).

— Ты самъ себя противорѣчишь!

— Ты умышленно что-ли не понимаешь меня? купи сто кресель, сдѣлай тысячи другихъ глупостей и потомъ все это съ себя сбрось какъ шелуху, не вставай самъ въ кресельную спинку! Говори же, понимаешь ты, хочешь ты понять меня?

— Да отчегожь тебѣ чудится, что я вросту въ кресельную спинку? Я, кажется, безъ особаго увлеченья совершаю всѣ эти страшныя вещи...

— Это хуже! будь тутъ увлеченье, падеость до новизны, припадокъ охоты понѣжить свое грѣшное тѣло, это бы долго не продолжалось. Ты бы накупилъ, можетъ, втрое больше всякаго хламу, а потомъ и забылъ бы о немъ, и сѣлъ бы опять... хоть вотъ за эту книгу!

Мятелица хлопнулъ по какому-то сочиненію въ темномъ переплетѣ, и такъ какъ горе до того подкосило Варвару Сергѣевну, что она даже уборку Матюшиной комнаты предоставила теперь не совсѣмъ внимательной, да и не такъ строго смотрящей на соблюденіе чистоты Дарьѣ, перепачкался пылью.

— Смѣшно было бы увлекаться подобными пустяками! сказалъ Матвѣй Ивановичъ, пожимая плечами, закуривая папиросу и снова садясь на диванъ.

— А чтожь, лучше акуратно высчитывать и вымѣривать цѣлыя дни, сколько именно пойдетъ малиновой обивки и увѣнчать этотъ подвигъ сознаньемъ, что выгодали три четверти аршина? Вѣдь вы, по словамъ нѣмки Пипихъ, уличили сегодня обойщика въ желаньи утаить три четверти аршина? Значитъ, взявъ среднее число, выгодали рубля на два. Скажи, Матвѣй Ивановичъ, ты за это время не могъ бы развѣ сдѣлать побольше, чѣмъ на два рубля, — разумѣтся не малиновой обивки, а другого товару?

— Да скажи мнѣ на-милость, зачѣмъ мнѣ давать себя водить за носъ? Дозволяя плутовать этому обойщику, я, наконецъ, этимъ самымъ развращаю его!

— Эхъ, душа моя Матвѣй Ивановичъ! не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ!

— То есть какъ это прикажешь понимать?

— Позволь рассказать тебѣ анекдотъ объ одной благородной дамѣ.

— Рассказывай, небрежно отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ.

Этой небрежностью онъ какъ бы желалъ выказать, что совершенно неуязвимъ.

— Знала я одну прекрасную барышню, которая жила въ

„душиной средѣ“, читала прекрасныя книжки, пылала любовью къ челоѣчеству и сильно беспокоила мамашу своей преданностію мужичкамъ. Мамаша горько плакала и горько жаловалась, что по милости шальной дочки не имѣетъ никакого утѣшенья отъ мужичкихъ оброковъ и не можетъ наказать, какъ слѣдуетъ, ни одного воровства въ деревнѣ, потому что, о Боже! дочка всегда замѣшана въ этомъ воровствѣ — потакаетъ и помогаетъ ворами мужикамъ и бабамъ. Хорошо-съ. Разстаюсь я съ этой барышней, уношу, что называется, свѣтлую память о ней, звоню и трублю о ней на стогнахъ и распутіяхъ, при разочарованіяхъ подкрѣпляю себя мыслію о ней. Хорошо-съ. Время идетъ, уносить много воды; слышу, барышня вышла замужъ и при первой же удобной оказіи лечу созерцать ея житье. Пріѣзжаю. Я очень радъ, мнѣ очень рады, но что-то, да не то, — воздухъ другой! На третій день моего пребыванья, хожу—гуляю по саду и слышу на балконѣ разговоръ о конфискованьи у мужика лошади за возъ украденной соломы. Появляюсь изъ-за кушъ и спрашиваю: какъ же это, молъ, такъ?—Ахъ! говорить, помилуйте! въ мужикахъ нѣтъ чувства законности! Не учить ихъ чувству законности, значитъ ихъ развращать! Съ этихъ поръ я началъ держаться итальянской пословицы, гласящей: „цѣни людей, какъ лошадей на поворотѣ!“ А поворотъ самый опасный тогда бываетъ, когда заводится своя солома..

— Если ты также превратно истолковалъ слова и поступки барышни, какъ мои, то... Впрочемъ, бесполезно было бы объ этомъ распространяться. Ты вѣдь хотѣлъ объяснить мнѣ причины твоего отвращенья къ семейной жизни, а вмѣсто того, исключительно занялся моею недостойной личностію.

Мятелица угрюмо шагаль по комнатѣ.

— Чтожъ, громи семейную-то жизнь, — я слушаю, сказалъ Матвѣй Ивановичъ, разваливаясь на диванѣ и забрасывая нога на ногу.

— Прощай, сказалъ вдругъ Мятелица и повернулъ къ дверямъ.

Матвѣй Ивановичъ довольно проворно всталъ.

— Помилуй, Павло! заговорилъ онъ, помилуй... Зачѣмъ же ты уходишь? Неужто тебя оскорбили мои слова? Я думалъ, что между старыми друзьями, какъ мы съ тобою, такія мелочи оскорбить не могутъ... Извини пожалуйста... Ты говорилъ мнѣ вещи болѣе рѣзкія, и я, однако, не... Я принялъ ихъ, какъ вспышку... Ну, полно, Павло! Ну, прошу тебя, останься! Извини меня! Ты ссидишься?

— Нѣтъ, я просто заносу фактъ...

Т. ССІХ. — Отд. I.

— Ну, извини меня, Павло! Помилуй! между старыми друзьями...

Мятелица изъ всёхъ силъ натягиваль на себя маску хладнокровія, приличную „только заносающему фактъ“, но напрасно. Пристальный взглядъ, устремленный на Матвѣя Ивановича и приподнятыя брови, долженствующія выражать одно дѣловое спокойствіе, рѣшительно не повиновались: брови то и дѣло прыгали, словно живые звѣрки, взгляды метали такъ называемыя молніи и все лицо выдавало серьезное огорченье и негодованье.

— Я не сержусь, потому что сердиться, вопервыхъ, бесполезно... Впрочемъ, послѣ этого „вопервыхъ“ не надо и „вовторыхъ“, отвѣчалъ онъ, какъ будто чувства его только и приходили въ волненье, когда это было для чего нибудь полезно.

— Ну, полно же, Павло! Я прошу у тебя извиненья,—ну извини! Ну, поговоримъ, какъ слѣдуетъ старымъ друзьямъ!

— Если старые друзья повертываютъ на разныя дороги, то имъ, по моему, нечего и переключаться!

— Да на какія равныя дороги, Павло? За что ты меня оскорбляешь? Мы до сихъ поръ и любили, и уважали другъ друга, и вдругъ изъ-за какихъ нибудь пустяковъ... Вѣрь, Павло, ты ошибаешься!.. Ошибаешься и во мнѣ, и въ Клавдіи...

— Я вполне отдаю справедливость Клавдіи Петровнѣ—и ея талантамъ, и ея умѣнью...

— Павло! сказалъ не безъ торжественности Матвѣй Ивановичъ, я никогда не думаль, что ты станешь относиться къ женщинамъ, каковы бы ни были твои личныя пріязнь или вражда, какъ относятся къ нимъ люди... люди, съ которыми мы съ тобой до сихъ поръ мало имѣли общаго!

— Еслибы всё такъ къ нимъ относилсь, какъ я, такъ было бы хорошо, вскрикнулъ Мятелица, забывъ о своемъ намѣреніи уходить. Только меня, батюшка, не подкупишь никакимъ сахаромъ! Я знаю, что когда бѣгучая чистая вода прорветъ плотину и понесется, то съ ней вмѣстѣ поплывутъ и гнилушки! Я понимаю, что много праздныхъ барынь, старыхъ дѣвъ, сановныхъ вдовъ и женъ, которыя до 61-го года только прикалывали себѣ къ темю и къ пяткамъ бантики, муштровали Палашекъ и Машекъ, устраивали марьяжи и блистали на ассамблеяхъ, теперь примкнули къ прогрессу! Я понимаю, что есть госпожи, которыя на вопросъ: какой вы вѣры? могли бы отвѣтить, какъ отвѣтять цыганъ: я той, за которую сало даютъ! Я понимаю, что есть...

— Павло! Клавдія не такова! Эта дѣвушка вся проникнута...

— Зачѣмъ же она бросила всякую работу, какъ только получила званье невѣсты? вскрикнулъ Мятелица, совершенно позабывъ-

шись и сверкая глазами, какъ раскаленными угольями.—Ну, скажи мнѣ, зачѣмъ!

— Она столько терпѣла оскорбленій...

— Какихъ оскорбленій? А другимъ развѣ все конфеты подносить? Вотъ это-то обстоятельство, вмѣстѣ съ малиновой обивкой и готическими буквами на лежахъ, и даетъ мѣрку! Это-то...

— Я самъ просилъ ее оставить эти уроки,—я даже требовалъ...

— Ты требовалъ? Полно морочить меня—или себя!

— Могу тебя увѣрить...

— Эхъ, Матвѣй Ивановичъ! не сегодня мы на свѣтъ родились! Знаемъ маленечко, гдѣ кремень и гдѣ воскъ!

— Странно...

— Ну положимъ, ты „требовалъ“—зачѣмъ же она уступила? Вѣдь нашлось же у нея довольно силы, чтобы отказать тебѣ когда ты, тоже, надѣюсь, „требовалъ“ не принимать свадебныхъ подарковъ отъ милостивицы-княгини!

— Ты не помнишь, что говоришь... Это ужъ изъ рукъ вонъ! Какъ ни тяжело было ей принять эти подарки, но чувство деликатности ее заставило... Вѣдь она выросла тамъ, княгиня замѣняла ей мать!

— Чувство деликатности заставило? А какое чувство заставляло поворить эту замѣнявшую мать? Какое...

— Еслибы ты могъ говорить спокойнѣе, я бы доказалъ тебѣ, какъ ты несправедливъ... Впрочемъ, время покажетъ тебѣ... Вопреки твоимъ громамъ, я буду счастливъ...

— Разумѣется, если счастье заключается въ увѣренности, что послѣ платка № 3 ты будешь непременно сморкаться въ платокъ № 4, что носки у тебя будутъ пахнуть инбиремъ, что никакой обойщикъ супруги не обманетъ, что утрення ермолка будетъ аккуратно заштопана, что кофе... Только вотъ ужъ эту-то книжицу и ей подобныя ты заранѣе положи подъ спудъ!

Мятелица, при этихъ словахъ, съ горькимъ смѣхомъ ударилъ по объемистой книгѣ, лежавшей на столѣ.

— Что ни говори, я неуязвимъ. Я вижу, что ты болѣзненно раздраженъ... Отлагаю свое оружіе до болѣе благоприятнаго времени... Но не могу умолчать объ одномъ: мнѣ жаль, что ты такъ смотришь на женщинъ!... Отъ тебя я этого не ожидалъ! Ты, значить, отрицаешь, что женщина можетъ быть помощникомъ, другомъ?... Ее, по твоему выходитъ, надо снова засадить въ теремъ?

Мятелица, у котораго пароксизмъ раздраженія замѣнился, по-видимому, сильной печалью, снова шагалъ по комнатѣ и словно пропускалъ мимо ушей слова Матвѣя Ивановича.

Наступило молчанье, длившееся минутъ пять.

— Итакъ, началъ Матвѣй Ивановичъ: — по твоему, хорошихъ женщинъ нѣтъ и...

— По моему, отвѣтилъ Мятелица, остановясь передъ своимъ собесѣдникомъ: — хорошія женщины есть, — за ними недалеко ходить...

Матвѣй Ивановичъ понялъ, кого подразумѣвалъ Мятелица и ему стало какъ-то очень не по себѣ.

— Глупецъ! какъ онъ въ ней ошибается! подумалъ Матвѣй Ивановичъ.

— Баранъ! зачѣмъ я тутъ помянулъ ее! подумалъ Мятелица.

— А ты не боишься ошибиться? спросилъ Матвѣй Ивановичъ. — Вѣдь и ты отъ ошибокъ не застрахованъ!

Говоря это, онъ пытался иронически улыбаться.

— Прощай, отвѣтилъ на это Мятелица.

— Погоди же, погоди! вскрикнулъ Матвѣй Ивановичъ, быстро вскакивая съ мѣста.

— Пора.

— Ну погоди! Мнѣ не хотѣлось-бы такъ съ тобой разойтись... Мы точно поссорились... Послушай, Павло! время покажетъ тебѣ..

— Хорошо. Пока прощай!

Мятелица стремительно кинулся изъ комнаты, бурнымъ потокомъ пронесся черезъ гостиную и сѣни, помчался по улицѣ и исчезъ.

Матвѣй Ивановичъ, прокричавъ раза три ему въ слѣдъ: Павло! поднялъ было плечи, какъ-бы желая позвать ими и позватьемъ выразить: до чего дивъ этотъ человекъ! однако, тотчасъ-же ихъ опустилъ и смирно сѣлъ на диванъ.

Онъ былъ очень блѣденъ и мысли, вѣроятно, начали его осаждать нерадушныя, потому что не успѣлъ онъ задуматься, какъ тотчасъ-же всталъ, перемѣстился къ столу, угрюмо пересмотрѣлъ заглавье нѣсколькихъ книгъ, выбралъ одну, — именно ту самую, которую Мятелица съ такой горечью совѣтовалъ положить подъ спудъ — и началъ читать.

И не читалось ему. Онъ поминутно перемѣнялъ положенье — то подпиралъ рукой голову, то подбородокъ, то ложился на руку затылкомъ, то, сдѣлавъ пальцы обѣихъ рукъ, опускался на нихъ лбомъ.

Дверь тихонько скрипнула и на порогѣ показалась Варвара Сергѣевна.

— Можно къ тебѣ, Матюша? спросила она. — Я на минутку...

Онъ ужасно ей обрадовался, вскочилъ, схватилъ ее въ объятія, разцаловалъ и усадилъ на диванъ.

— Разумѣется, можно! говорилъ онъ.— Чтѣ за вопросъ! Вамъ всегда можно!

— Я пришла тебѣ, Матюша, сказать...

— Чтѣ, тѣта? Чтѣ милая? Вѣрно не то, чтѣ меня можетъ огорчить?

— Я, Матюша, желала бы... начала старушка, слегка дрожа и опуская въ землю свои потухшіе глаза, словно боялась встрѣтиться съ глазами Матвѣя Ивановича, — я желала бы сходить въ Кіевъ на богомолье, мой другъ...

— Теперь?

— Да, теперь, мой другъ.

— Тѣта! за чтѣ вы меня такъ огорчаете? Не грѣхъ-ли вамъ? Какъ вы...

— Отпусти меня, Матюша! проговорила старушка очень твердо и подняла на него глаза, какъ-то рѣзко темнѣвшіе на восковомъ, сжавшемся, осунувшемся, морщинистомъ личкѣ:— отпусти, мой другъ!

— Тѣта! за чтѣ вы меня хотите покинуть? Чтѣ я вамъ сдѣлала? Вы ужъ не любите меня?

— Лучше разомъ, Матюша... Послѣ еще тяжеле будетъ...

— Тѣта, я не хочу съ вами разставаться! Чтѣ это вы задумали! Тѣта! если вы меня хоть сколько нибудь любите, если вы меня сколько нибудь жалѣете... Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ, не можетъ быть!

Онъ сталъ передъ ней на колѣни, обнялъ ее и положилъ голову ей на грудь.

— Я не пуцу, ни за что не пуцу! проговорилъ онъ. Да и вы сами не захотите отравить мѣя жизнь! Вѣдь не захотите?

Она хотѣла что-то сказать, но только пошевелила губами.

— И никогда больше не поминайте объ этомъ! Слышите, тѣта?

— Матюша, на что я теперь тебѣ нужна? вымолвила наконецъ Варвара Сергѣевна. Я вѣдь теперь лишняя...

— Ахъ, тѣта, не стыдно ли вамъ? Послушайте, если вы бросите меня, вы потомъ очень пожалѣете! Да, тѣта,—*очень* пожалѣете!

Старушка нѣсколько встрепенулась, съ тревогой поглядѣла на Матвѣя Ивановича и застывшее ее личико немножко ожилося.

— Любите вы меня, тѣта? спросилъ—и спросилъ довольно мрачно—Матвѣй Ивановичъ.

— Матюша! ты самъ знаешь...

— Если вы меня точно любите, не оставляйте меня!

— Ахъ, Матюша!

— Слышите? Не оставляйте! По крайней мѣрѣ хоть подождите! Я прошу васъ, очень прошу васъ объ этомъ!

Онъ прижался къ ней лицомъ.

— Если ты непременно этого хочешь, Матюша, изволь, я останусь...

— Спасибо, тѣтя, спасибо, мой другъ! Ну, поцалуйте же меня... покрѣпче... еще... еще покрѣпче... Спасибо, милая, спасибо!

Послѣ этого сердечнаго объятія. они оба почувствовали, что больше, искреннѣе, откровеннѣе говорить не слѣдуетъ, что дальнѣйшія изліянія только испортятъ все предшествующее.

— Ну, прощай, Матюша... уже очень поздно... сказала Варвара Сергѣевна.

— Прощайте, тѣтя, дорогая моя! отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ, у котораго для прощанья явилась передъ тѣмъ совершенно было пропавшая горячность. Смотрите же, спите спокойно! шутливо прибавилъ онъ, напутствуя старушку поцалуями.

Когда она пришла, онъ ей обрадовался, какъ живому существу, нарушившему его тяжелое уединеніе; потомъ, послѣ тягостнаго разговора съ недомолвками, онъ былъ доволенъ ея уходомъ, но когда дверь затворилась и мелкіе, утратившіе свою прежнюю твердость и живость, шажки замерли, онъ чуть не позвалъ ее опять—такъ тошно ему стало.

Онъ хотѣлъ было снова приняться за чтеніе, но не окончивъ страницы, задулъ догоравшія свѣчи.

Заря уже начинала заниматься. На востокъ разгоралось ярко-розовая полоса. Какая-то скрипучая телега медленно подъѣзжала съ дальняго конца улицы. Въ загородномъ монастырѣ ударили къ заутренѣ. Съ рѣчной набережной доносился протяжный крикъ: Ива—анъ! Ива—анъ!

— Фу, какъ отвратительно послѣ бессонной ночи! проговорилъ Матвѣй Ивановичъ.

XII.

На каминныхъ часахъ градскаго главы, поддерживаемыхъ извивающеюся какъ вьюнъ богинею, пробило четыре пополудни. Тихо, тепло и ясно. Бухарка Кириловыхъ, юркая, быстроглазая Анисья полоскаетъ у воротъ кадку, грызетъ орѣхи и спорить съ невѣроятно рыхлою женщиною въ розовомъ сарафанѣ, которая, присѣвъ на корточки у крыльца противоположнаго дома, вяло третъ толченымъ кирпичемъ мѣдную востролю.

— Нѣтъ, ужъ не бывать у васъ такой погодѣ, какъ у насъ она въ деревнѣ! Тамъ у насъ въ какую сторону ни нюхнешь, такъ хорошо запахнетъ! говорить съ свойственною ей увѣренностію Анисья.

— Ужъ какія тамъ у васъ погоды въ деревнѣ—возражаетъ женщина въ розовомъ сарафанѣ невыразимо звонкимъ дискантомъ, хотя, казалось бы, изъ нея, какъ изъ тюка ваты, никакъ не должны исходить подобныя ноты.—Ужъ какія тамъ погоды! Одно мужичье у васъ и больше ничего! У насъ, у горожанъ такъ у насъ все: и погода, и мелочныя, и пивныя, и...

— У васъ, у горожанъ... не безъ пылкости перебиваетъ Анисья.

Но въ эту минуту Анисью, въ свою очередь, прерываетъ подошедшая торговка яблоками, которая предлагаетъ ей скушать яблочко, а затѣмъ спрашиваетъ, что дѣлаютъ господа и не купить ли они ея товарцу.

— Не покупать, отвѣчаетъ Анисья.

— А яблочко-то скушаешь?

— Не скушаю. Не надо мнѣ вашихъ яблочекъ!

— Что, господа-то дома? Что дѣлаютъ?

— Чай пьютъ. Не до яблокъ имъ!

— Ну, я посижу тутъ, отдохну, говоритъ терпѣливая торговка и садится на приворотной скамеечкѣ, зная очень хорошо, что у Анисьи сердце отходчивое и что, сорвавъ на ней, торговкѣ, это сердце, уязвленное женщиной въ розовомъ сарафанѣ, она и яблочко скушаетъ и господамъ доложить.

А господамъ, точно, кажется, не до яблокъ. Яковъ Ивановичъ сидитъ за чайнымъ столомъ. Онъ видимо только что окончили какой-то тяжелый разговоръ и безнадежно покачиваетъ головою, какъ-бы желая выразить, что дѣло его совсѣмъ плохо.

Собесѣдникъ его, Мятелица, тоже далеко невеселъ и пристально смотритъ въ стаканъ съ чаемъ. Правая его бровь почти наполовину ушла въ косматую шевелюру, усы представляютъ подобіе ковыля, спутаннаго грозю.

Приходъ Софьи Яковлевны прерываетъ молчанье.

— Да, да, Павло,—начинаетъ горько и жалобно Яковъ Ивановичъ,—да! Соня хочетъ меня повинуть! Хочетъ меня, на старости лѣтъ, оставить одного, сиротою! Ужъ рѣшила! Да, окончательно рѣшила!

— Тебѣ не жалко меня огорчать такими словами?—отвѣчаетъ Софья Яковлевна съ улыбкою.—Какой ты безжалостный! Знаешь, что мнѣ тяжело отъ него уѣзжать и вотъ какъ помогаетъ мнѣ нести горе!

Мятелица, какъ поднялъ на нее глаза при ея появленіи, такъ и не сводилъ ихъ.

Передъ этимъ онъ видѣлъ ее только на нѣсколько минутъ, мелькомъ, замѣтилъ въ ней какую-то перемѣну, но какую—уловить не могъ.

Впрочемъ, онъ и теперь не улавливалъ. Онъ видѣлъ передъ собою знакомое—какъ хорошо знакомое!—лицо, оно было все то же, только не такое, быть можетъ, розовое, какъ прежде,—вслѣствие усталости съ дороги или недавняго нездоровья.

— Ахъ, Соня! ахъ, Соня! вскрикнулъ Яковъ Ивановичъ и всплеснулъ руками.

— Посмѣйтесь надъ нами, сказала Софья Яковлевна, обращаясь къ Мятелицѣ: я уѣзжаю всего за сорокъ верстъ, а мы волнуемся, какъ будто путь предстоитъ нивѣсть въ какую невиданную даль. Какъ много мы говоримъ, а какъ приходится къ дѣлу, какъ мы поблажаемъ всякому замиранью своего сердца! Вы, кажется, не такой, какъ мы, такъ вы наставляйте насъ.

— Что-то въ ней есть новое! Она та же, но въ ней есть что-то новое! думалъ Мятелица, вглядываясь въ ея лицо и вслушиваясь въ ея голосъ.

— Я самъ знаю, что я слабъ, уныло проговорилъ Яковъ Ивановичъ. Кто выросилъ... кто положилъ всю свою душу... тому трудно... трудно!

— Знаю, что трудно, сказала Софья Яковлевна, положивъ руку на плечо отца. А ты возьми себя въ руки и сдѣлай свое дѣло. Послѣ, когда ты его сдѣлаешь и скажешь себѣ: я сдѣлалъ! ты забудешь, какъ тебѣ было трудно!

Она сказала это просто и отчетливо, но въ словахъ ея оказалась какая-то сила, которая заставила вспыхнуть лицо Мятелицы и выпрямиться стараго отца.

— Будь по твоему, Соня, будь по твоему! вскрикнулъ Яковъ Ивановичъ, всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, словно съ него неожиданно свалилась какая чугунная глыба.

— Вотъ какъ она меня пристыдила, Павло! сказалъ Яковъ Ивановичъ съ улыбкою.

Улыбка была, правда, нѣсколько болѣзненна, но на лицѣ старика, вмѣсто недавняго тяжкаго унынія, появилось нѣчто другое, придавшее блескъ глазамъ, и новую жизнь всей физиономіи.

Мятелица только усмѣхнулся въ отвѣтъ. Ему словно зацепали уста.

— Поѣзжай, Соня, поѣзжай! благословляю тебя и... и полно двара пѣть! Будешь навѣщать меня... Я къ тебѣ тоже стану въ гости ѣздить... А если что нибудь случится... Впрочемъ, чтожь

объ этомъ толковать! Что было—видѣли, а что будетъ—увидимъ! Что это? никакъ пять бьетъ? Пожалуй, опоздалъ на урокъ къ нѣкъ превосходительству!

— Да, пора, сказала Мятелица, снова обрѣтшій, наконецъ, даръ слова.

— Расскажите мнѣ, что это за школа и какъ она идетъ? спросилъ Мятелица Софью Яковлевну, когда они остались вдвоемъ.

Онъ спросилъ это дѣловымъ тономъ, лицо его выражало дѣловое вниманіе и, не тереби онъ въ рукахъ чайной ложечки, онъ бы, пожалуй, могъ послужить образцомъ дѣловаго мужчины.

— Школа маленькая и идетъ очень плохо, отвѣчала Софья Яковлевна, а затѣмъ очень подробно описала и будущее свое мѣстопробываніе, и свои будущіе планы.

— Яковъ Ивановичъ говорилъ, что эту школу открыла какая-то помѣщица?

— Да, старушка помѣщица.

— Что-жь это? Капризь, фантазія...

— Не думаю. Старушка, по моему, хорошая и что, пожалуй, рѣже, постоянная; она открыла школу давно, но все никакъ не можетъ съ ней сладить.

— Кто-жь прежде тамъ училъ?

— Она сама.

— А теперь желаетъ, чтобы вы учили, а сама будетъ патронизировать? Знаете, Софья Яковлевна, все это кажется мнѣ весьма, весьма невѣрнымъ и непрочнымъ!

— То-есть, какъ невѣрнымъ и непрочнымъ?

— Вы будете зависѣть отъ каприза владѣтельной старушки, помните это!

И Мятелица развернулъ неприглядную картину столкновеній съ этой старушкой.

— Подумали вы объ этомъ? спросилъ онъ.

— Подумала, отвѣчала Софья Яковлевна:—и могу вамъ только сказать старую пословицу: волка бояться, такъ и въ дѣсъ не идти.

— Главное, что это весьма и весьма непрочно! невѣрно!

— А что же на свѣтѣ *весьма* прочно и вѣрно? проговорила она съ легкой улыбкою. Развѣ вы можете поручиться, что вотъ этотъ потолокъ надъ нами сейчасъ не обвалится? Развѣ вы можете сказать навѣрное, что завтра мы оба будемъ живы? Когда все такъ непрочно и когда мы сами такъ непрочны, то надо спѣшить, а не медлить, не перебирать,—не ждать у моря погоды. Вы несогласны со мной?

— Согласенъ... Вы правы...

А самъ смотрѣлъ на нее и съ замираніемъ сердца думалъ:

„Заберешься въ глушь больная, кругомъ будутъ однѣ кикиморы...“.

Дальше онъ не пошелъ, потому что поймалъ себя на грѣшномъ чувствѣ, мысленно обозвалъ червякомъ, выпилъ залпомъ стаганъ холоднаго чаю, попавшійся подъ руку, и поправилъ дѣло, проговоривъ рѣшительно:

— Да, вы правы! Поѣзжайте Софья Яковлевна и скатертью вамъ дорога!

— Проезжайте меня немножко, и наставьте,—я плаха!

— Извольте.

Они перешли къ другому столу и занялись просмотромъ разныхъ учебниковъ.

— Ничего, дѣло у васъ пойдетъ, сказалъ Мятелица, прослушавъ, какъ Софья Яковлевна объяснила заданный имъ урокъ о червѣ.

Червь вошелъ въ урокъ, можетъ быть, потому, что Мятелица все время мысленно ставилъ себя на одну доску съ этимъ смиреннымъ и ничтожнымъ твореніемъ.

Затѣмъ Мятелица началъ давать кое-какіе практическіе софты на счетъ разныхъ мелкихъ школьныхъ преобразованій.

Вдругъ послышались чьи-то шаги.

— Матвѣй Ивановичъ!—вырвалось у Мятелицы.

Софья Яковлевна не шевельнулась и только проговорила:

— Вы думаете?

Вошла Анисья и доложила, что она купила яблокъ—яблоки очень хорошія и дешево отдали.

Хорошо,—сказала Софья Яковлевна.

Анисья до сихъ поръ капризничала и держала терпѣливую торговку, какъ полагала, въ тяжеломъ сомнѣннн, но, наконецъ отходчивое сердце одержало верхъ и терпѣливая торговка своего добила.

— Вы знаете, вѣдь онъ женится!—проговорилъ Мятелица, когда Анисья снова выскочила за двери!

— Да. Я давно слышала объ этомъ.

— Давно? Вы знаете, на комъ?

— Фамиліи не знаю.

— На Розовой! На Клавдіи Петровнѣ Розовой!

— На комъ?—спросила Софья Яковлевна, словно полагала, что ослышалась.

— На Розовой, на Клавдіи Петровнѣ! Какъ же! ужъ объявленный женихъ.

Она ничего на это не сказала и нѣсколько минутъ длилось молчанье.

Мятелицѣ показалось, что лицо ея вдругъ поблѣднѣло, но, можетъ быть, это ему только показалось. Сумерки уже наступали и при ихъ невѣрномъ свѣтѣ легко было ошибиться.

— Такъ вы ничего и не слышали объ этомъ?—спросилъ онъ.

— Слышала, но вѣдь часто ходятъ ложные слухи.

— Эти, къ несчастью, не ложные!

— Расскажите мнѣ, что вы знаете.

Онъ рассказалъ.

Она ни разу не прервала его разсказа. Онъ бы въ эту минуту, навѣрное, не пожалѣлъ десяти лѣтъ жизни, чтобы только увидать получше ея лицо и что нибудь прочесть на немъ.

Но лицо ея было совсѣмъ въ тѣни и она ни разу не переѣнила своего положенья.

Долго Мятелица изливальъ накопившуюся горечь и желчь и наконецъ закончилъ все восклицаньемъ:

— Вотъ какъ летать стремглавъ наши надежные люди!

Софья Яковлевна спокойно на это ему отвѣтила:

— Мнѣ кажется, всѣ мы летаемъ стремглавъ—не въ томъ, такъ въ другомъ смыслѣ—и тутъ главное, значить, какъ потомъ поднимаемся.

— Онъ не поднимется!

— Почему же вы такъ думаете?

— Нѣтъ, нѣтъ не поднимется!

Онъ началъ доказывать почему, и долго доказывалъ. Она слушала его молча.

Ему не разъ думалось:

— Слушаетъ она?

И тогда онъ въ нее пристально вглядывался и видѣлъ, что темные, блестящіе въ сумракѣ глаза устремлены на него.

Воротился Яковъ Ивановичъ и Мятелица началъ прощаться.

— Ты сегодня уѣзжаешь?

— Да. Меня ждуть.

— Сегодня ты, завтра Соня... Вотъ я опять было затянулъ Лазаря!... Ну, прощай, братъ. Когда выберешь времячко, навѣдайся...

— Я скоро опять буду... Прощайте, Софья Яковлевна! Поѣзжайте скорѣе и всего вамъ хорошаго...

— Вамъ тоже.

Мятелица, выбравшись за заставу, пошелъ типе по шоссе большой дороги. Его обгоняли нѣсколько телегъ, возвращавшихся изъ города, два мужика крикнули ему: здорово, Павелъ Дани-

лмчъ! не подвести ль? но онъ кричалъ имъ вслѣдъ отвѣтное здорово и не принималъ предложенья.

Вся кровь въ немъ кипѣла. Негодованье, обращенное прежде на Матвѣя Ивановича, онъ перенесъ исключительно на себя и, иди по шоссе, съ презрѣньемъ повторялъ:

— Червякъ! червь! червякъ! Куда тебѣ, червь, въ люди!

Совсѣмъ почти стемнѣло. Сосновые черныя, бархатистыя гѣса то подступали къ самой дорогѣ, то отодвигались, уступая мѣсто полямъ, покрытымъ зеленой озимью. На западѣ, какъ далекій пожаръ, горѣло багряное зарево. Замѣтно посвѣжѣло и свернула первая звѣздочка.

И тутъ, и всюди—спривъ погано!
 Душа убога встала рано
 Напрла мало, тай лягла
 Одночивать собѣ, небога!

Мятелица не разъ повторилъ громко эти стихи, но долгая ходьба и вечерняя свѣжесть, какъ и слѣдуетъ, значительно его успокоили.

Заслышавъ торохтѣнье телеги, онъ приостановился и, когда телега съ нимъ поровнялась, крикнулъ:

— Не подвезешь ли, дядя?

— Э! кумъ никакъ?—сдерживая лошадь перебилъ дядя, у котораго голосъ стоилъ хорошаго колокола, такъ что всѣ ближніе гѣса на него отделинулись,—Павель Данилыч?

— Онъ самый.

— Садись, садись!

Мятелица вспрыгнулъ въ телегу.

— А что, Никита Алексѣичъ, каковы озими-то?

— Да, ничего, бываютъ хуже...

— А пѣсенку споешь, кумъ?

— Можно! Ну, трогай!

Телега заторохтѣла по дорогѣ, и въ вечерней тишинѣ раскатился колокольный голосъ кума, затанувшаго протяжную пѣсню:

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
 У кого вѣту заботушки,
 У кого вѣту заботушки
 Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!

Пѣнье доносилось все слабѣе и слабѣе, телега катилась все дальше, свернула на проселокъ и скрылась въ густомъ черномъ сосновомъ гѣсу.

Марке-Волчекъ.

ОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

VIII.

Случайности жеребья отозвались бы рѣшительнымъ разстройствомъ хозяйствъ, если бы онѣ не умѣрялись правилами, ограждающими отъ назначенія на службу лицъ, необходимыхъ для каждой семьи. Льготы по семейному положенію составляютъ, безъ сомнѣнія, самый важный отдѣлъ льготъ. Но прежде чѣмъ рѣшить, кто долженъ пользоваться ими, необходимо условиться что слѣдуетъ разумѣть подъ семьей и можно ли принять за основаніе разсужденій семью въ томъ видѣ, какъ она существуетъ. Если принимать ее такъ, какъ мы ее описали прежде, т. е. какъ совокупность лицъ, живущихъ на одномъ дворѣ и связанныхъ между собою различными, часто весьма отдаленными степенями родства, то это поведетъ, въ данномъ случаѣ, по мнѣнію комисіи, къ большимъ неудобствамъ. Съ одной стороны, такое отождествленіе двора и семьи примѣнимо только къ крестьянскому быту, съ другой—клясть въ основаніе охраны подобное опредѣленіе семьи, значило бы содѣйствовать дробленію крестьянскихъ хозяйствъ, предоставляя важную, искусственную премію въ пользу раздѣловъ. Также неудобно было-бы принимать во вниманіе, женатъ или холостъ призываемый, имѣетъ онъ дѣтей или нѣтъ, такъ какъ принятіе жены и дѣтей за признакъ къ освобожденію отъ повинности побудило-бы молодыхъ людей къ раннему вступленію въ бракъ. Остается принять семью въ смыслѣ союза изъ кровныхъ родственниковъ. Но въ этомъ случаѣ можетъ быть два рѣшенія. При огражденіи призываемаго лица, нужно ли понимать подъ семьей родителей и ихъ нисходящее потомство, или же союзъ родныхъ братьевъ, одинаково, какъ до, такъ и послѣ смерти родителей.

Меньшинство (6 членовъ) комисіи предлагало взять за осно-

ваніе расчета число братьевъ-работниковъ и подростковъ, какъ это принято, во многихъ мѣстностяхъ, самими крестьянами; но по мнѣнію большинства этотъ обычный порядокъ неудобенъ. Родные братья по смерти родителей весьма рѣдко живутъ вмѣстѣ. Исчислять рабочую силу семьи по роднымъ братьямъ, часто составляющимъ отдѣльныя семьи, и сплошь и рядомъ разсѣянными по разнымъ губерніямъ, несообразно съ положеніемъ этихъ семей. Затѣмъ, отбываніе военной повинности по числу братьевъ—работниковъ, и подростковъ, неудобно потому, что число мужчинъ-работниковъ въ семьѣ еще не вполне выражаетъ дѣйствительную рабочую силу его, такъ какъ при этомъ не обращается вниманія на другіе элементы въ каждомъ отдѣльномъ семействѣ. Такъ семьѣ, имѣющей трехъ работниковъ, иногда тяжелѣе отпустить на службу одного изъ нихъ, чѣмъ семьѣ, у которой два работника. Въ первой—на каждого работника можетъ приходиться по нѣсколькимъ душъ малолѣтнихъ, или другихъ родственниковъ, совершенно неспособныхъ къ труду, въ другой—лицъ неспособныхъ къ труду можетъ вовсе не быть, а только нѣсколько женщинъ-работницъ. Наконецъ исчисленіе рабочей силы семьи или дѣленіе семей на разряды по числу братьевъ-работниковъ и подростковъ еще можетъ имѣть какое либо значеніе для крестьянъ, но для другихъ сословій дѣленіе людей на работниковъ и не работниковъ, не имѣетъ теперь смысла. Между тѣмъ, при всесословной военной повинности, признаки для льготъ по семейному положенію должны быть на столько общи, чтобы могли быть примѣнимы ко всѣмъ сословіямъ. По мнѣнію большинства, для лица, подлежащаго призыву: 1) семья должна слагаться изъ родителей и ихъ нисходящаго потомства, если родители живы. 2) Дѣды и бабки должны приниматься въ расчетъ семьи призываемаго только въ такомъ случаѣ, если у нихъ нѣтъ другихъ потомковъ въ нисходящей линіи. 3) Братья и сестры должны идти въ расчетъ семьи когда живы родители, или когда между ними есть малолѣтніе, т. е. недостигшіе рабочихъ лѣтъ.

Главнѣйшую связь въ каждой семьѣ составляютъ родители, если они живы: сыновья въ призывномъ возрастѣ весьма рѣдко отдѣляются отъ родителей.

По вопросу о томъ, въ какомъ именно видѣ слѣдуетъ установить льготы по семейному положенію—меньшинство тѣхъ же членовъ предложило раздѣлить призываемыхъ на 5 разрядовъ, принявши за основаніе количество рабочей силы въ каждой семьѣ, по числу братьевъ работниковъ. По его мнѣнію чѣмъ болѣе будетъ установлено разрядовъ, тѣмъ менѣе молодые люди будутъ напрасно отвлекаемы отъ производительнаго труда. Большинство

же предлагало, напротивъ, вовсе не дѣлать на разряды, а ограничиться въ данномъ случаѣ тѣми несложными признаками, по которымъ обезпечивались бы лица, дѣйствительно необходимыя для своихъ семей. Чѣмъ проще постановленіе, тѣмъ оно понятнѣе, практичнѣе и представляетъ болѣе затрудненія для отступленія. Установленіе малыхъ разрядовъ охраняемыхъ неудобно и въ томъ отношеніи, что неохраняемый разрядъ при этомъ сильно уменьшается, такъ что придется нерѣдко обращаться къ охраняемымъ, и самые разряды отъ этого потеряютъ всякое значеніе. Но всѣ члены одинаково были согласны, что признаки для опредѣленія права на ту или другую льготу должны быть указаны точно, чтобы отправленіе воинской повинности было ограждено отъ произвола административныхъ учреждений и обществъ.

Эта цѣль достигается при установленіи 3-хъ разрядовъ льготъ по семейному положенію.

Всего болѣе имѣютъ правъ на льготу: 1) единственный сынъ-работникъ, у котораго на рукахъ отецъ — не работникъ или мать-вдова; 2) единственный братъ работникъ, имѣющій на попеченіи одного или нѣсколько круглыхъ сиротъ (братьевъ или сестеръ) и 3) единственный внукъ-работникъ при дѣдѣ или бабушкѣ, если эти не имѣютъ сына-работника.

Это первый разрядъ льготъ.

Но сынъ-работникъ долженъ пользоваться льготами не только при отцѣ-неработникѣ, но и въ томъ случаѣ, если отецъ еще въ силахъ работать. Въ самомъ дѣлѣ, постоянно должно случаться, особенно при такихъ продолжительныхъ срокахъ, какіе предположены проектомъ, что отецъ, до призыва сына не перешедшій рабочаго возраста, выйдетъ изъ него во время службы его и тогда семья, состоящая изъ малолѣтнихъ дѣтей останется безъ работника. Чтобы предупредить такіе случаи, установленъ второй разрядъ льготъ для единственнаго сына работника (не просто единственнаго сына, какъ нѣкоторые предлагали) при отцѣ-работникѣ.

Этими льготами нѣкоторые и предлагали ограничиться. Но въ народѣ установился обычай не брать, во избѣжаніе разстройства хозяйства, *сряду* нѣсколько человекъ изъ одной и той же семьи, т. е. засчитывать въ послугу прежнюю поставку рекрута. Было мнѣніе, что оставленіе этого обычая не соотвѣтствуетъ характеру личной военной повинности, при которой каждое лицо, достигшее извѣстнаго возраста, должно попадать жребію. Зачетъ послугъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, кромѣ того вреденъ и въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе его явился бы многочисленный раз-

рядъ семей, получающихъ свободу отъ рекрутства за поставку людей, отданныхъ въ прошломъ году, такъ что неохраемый разрядъ сократится на столько, что его уже можетъ оказаться недостаточно для покрытія всего призыва. Но большинство членовъ настояло на оставленіи зачета послугъ, такъ какъ этого во 1-хъ, требуетъ населеніе, а во 2-хъ, потому, что здѣсь идетъ рѣчь не о безусловномъ освобожденіи отъ призыва,—что дѣйствительно противорѣчило-бы понятію о всеобщей повинности,—а только о нѣкоторой льготѣ. Несправедливо также второе возраженіе противъ зачета послугъ. У насъ считается 16-ть миллионъ семействъ. Изъ 680 тысячъ молодыхъ людей, входящихъ въ нихъ, будетъ назначаемо ежегодно до 200 тысячъ. При такомъ отношеніи, послѣ перваго набора, не только не придется брать въ службу изъ среды тѣхъ семей, которыя уже поставили одного своего члена въ рекруты, но, напротивъ, ежегодно значительное число семействъ изъ неохраемыхъ не будетъ ставить людей на службу. Но послуги семей, по мнѣнію большинства, должны быть ограничены только зачетомъ ихъ для родныхъ братьевъ тѣхъ лицъ, которые призваны на службу, не принимая во вниманіе поступившихъ охотою или состоящихъ въ запасѣ. Иначе, сократится слишкомъ неохраемый разрядъ. Такимъ образомъ устанавливается третій разрядъ льготъ. Подъ него подходятъ молодые люди, слѣдующіе непосредственно, по возрасту, за братьями, находящимися на дѣйствительной службѣ по призыву, или умершими на ней. При призывѣ къ жребію, всѣ эти льготы не принимаются во вниманіе. Къ нему призываются всѣ молодые люди призывнаго возраста, но на службу назначаются сначала тѣ, которые не имѣютъ права ни на одну изъ льготъ по семейному положенію. Когда ихъ неостанетъ, то идутъ имѣющие право на льготу 1-го разряда, затѣмъ 2-го, и наконецъ 3-го ¹.

¹ Приемши и пасынки у отчима и мачихи, немѣющихъ дѣтей, считаются за родныхъ дѣтей, такъ какъ они въ крестьянскомъ быту замѣняютъ обыкновенно ихъ. Но для предупрежденія усмысленій съ цѣлью освобожденія отъ призыва, принимаются только тѣ приемши, которые усмыслены до десятилѣтнаго возраста.

Работниками считаются въ семействѣ имѣющие отъ 13 до 55 лѣтъ, за исключеніемъ: 1) совершенно неспособныхъ къ работѣ по увѣчью или болѣзненному состоянію; 2) сосланныхъ; 3) находящихся въ безвѣстной отлучкѣ болѣе 3 лѣтъ, и 4) состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ войскахъ. Лица, которымъ предоставлено право на льготу перваго или втораго разряда, лишаются этого права, если отецъ или мать, дѣтъ или бабка, опекуны или попечители малолѣтнихъ, заявятъ, что они не поддерживаютъ семьи.

Въ семействахъ магометанъ, гдѣ допускается многоженство, всѣ дѣти одного отца считаются нераздѣльно, какъ родима. Единственнымъ сыномъ признается единственный сынъ отца.

Если изъ семейства, состоящаго изъ отца или матери—вдовы съ дѣтьми, или изъ дѣда или бабки съ внучатами, или, наконецъ, изъ малолѣтнихъ сиротъ, выбудеть единственный работникъ—членъ семьи, то тогда одинъ изъ членовъ ея, служащій въ солдатахъ, возвращается со службы на родину, за исключеніемъ военнаго времени и времени учебныхъ сборовъ.

Можеть случиться, что по жребію придется идти въ солдаты двумъ роднымъ братьямъ, родившимся въ одномъ и томъ-же году. Въ этомъ случаѣ, вынужшій болѣшій номеръ зачисляется въ ополченіе и затѣмъ братьямъ предоставляется мѣняться своими жеребьями. Родной братъ можеть, вообще, замѣнять другого брата, который долженъ идти въ службу, если только самъ не подлежитъ призыву, не числится въ запасѣ и не достигъ еще 26-ти лѣтъ отъ роду. При этомъ, замѣняющій обязанъ прослужить, какъ въ рядахъ войскъ, такъ и въ запасѣ, полные сроки, а замѣняемый зачисляется въ ополченіе, съ освобожденіемъ отъ службы въ войскахъ.

Этотъ единственный видъ замѣны оставленъ главнымъ образомъ потому, что въ крестьянскихъ семьяхъ старшій братъ пользуется особымъ значеніемъ и родители обыкновенно употребляютъ всѣ усилія, чтобъ только оставить его дома, замѣнивши другимъ членомъ семьи.

IX.

До сихъ поръ требуемое число рекрутъ назначалось съ каждой тысячи душъ мужскаго населенія, подлежащаго рекрутству. Такая раскладка представляеть большія неудобства. Во первыхъ, при этомъ необходимо, чтобъ общая цифра контингента совпадала съ числомъ *тысячъ* населенія, помноженнымъ на число людей, требуемое съ каждой *тысячи*. Напримѣръ, при 24 милл. населенія легко собрать 96 тысячъ человѣкъ по 4 человѣка (24000×4); но если требуется, положимъ, 108 тысячъ человѣкъ, то приходилось избирать одно изъ двухъ: или терпѣть недостатокъ въ рекрутахъ, назначивъ наборъ по 4 человѣка съ 1,000, т. е. на 12 тыс. человѣкъ менѣе или взять 12 тыс. болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, назначивъ по 5 человѣкъ съ 1,000. Теперь, съ распространеніемъ повинности на всѣ сословія этотъ недостатокъ будетъ еще ощутительнѣе. Въ предупрежденіе этого, размѣръ набора будетъ опредѣляться теперь не съ каждой тысячи душъ, а валовою цифрою для всей Россіи, опредѣляемой при каждомъ наборѣ военнымъ министромъ. Эта цифра будетъ распредѣляться между

губерніями и призывными участками соотвѣтственно числу людей, достигшихъ призывнаго возраста и внесенныхъ въ призывные списки, не исключая и тѣхъ, которые имѣютъ право на льготы, слѣдовательно, не пропорціонально общей цифрѣ всего населенія мужскаго пола, какъ прежде. Въ послѣднемъ случаѣ, раскладка была-бы крайне неуравнительна.

Число молодыхъ людей, достигающихъ призывнаго возраста, подвергается изъ года въ годъ довольно сильнымъ колебаніямъ какъ въ цѣлой странѣ, такъ и по отдѣльнымъ мѣстностямъ. И для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ, въ данное время, почему-либо будетъ менѣе 20 лѣтковь, наборъ будетъ тяжелѣе, чѣмъ для тѣхъ, гдѣ, при той-же численности населенія, ихъ будетъ болѣе. Дроби, которыя могутъ получиться при раскладѣ воинской повинности между участками, отбрасываются, чтобы не усложнять дѣла.

Но раскладка по числу молодыхъ людей, подлежащихъ призыву, только тогда принесетъ пользу, когда вмѣстѣ съ нею, вмѣсто тысячныхъ участковъ, волостей и городскихъ обществъ, будутъ приняты болѣе крупныя и обнимающіе нѣсколько общинъ призывные участки, такъ какъ при этомъ и дроби, очевидно, будутъ меньше и вся система значительно упрощается. Эти участки будутъ всесословными для всѣхъ лицъ, живущихъ въ данной мѣстности.

Такимъ образомъ, вся Россія дѣлится, по каждому уѣзду отдѣльно, на *призывные участки* ¹.

Въ районъ участковъ входятъ всѣ населенныя мѣста уѣзда, не исключая городовъ; но города съ населеніемъ въ 5 тысячъ и болѣе мужскихъ душъ могутъ составлять отдѣльные участки.

Границы каждаго участка опредѣляются такимъ образомъ, чтобы онъ не вышелъ слишкомъ обширнымъ и чтобы центральный пунктъ, гдѣ производится призывъ, былъ, по возможности, ближе къ поселеніямъ участка. Очевидно, что самыя наибольшіе участки будутъ въ городахъ, сельскіе-же будутъ менѣе (по чи-

¹ Въ Царствѣ Польскомъ уѣзды не раздѣляются, а каждый уѣздъ составляетъ особый участокъ. Одинъ только Варшавскій уѣздъ дѣлится рѣкою Вислою на два участка. Въ губерніи Лифляндской, при образованіи участковъ, за уѣздъ принимается округъ ордунгерихта, въ Курляндской—округъ гауптманскаго суда.

Округа Области Войска Донскаго, за исключеніемъ округовъ Міусскаго и Донецкаго, а равно уѣзды Областей: Уральской, Кубанской и Терской—составляютъ каждый одинъ призывный участокъ. Земли Астраханскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ причисляются въ предъидущимъ участкамъ ближайшихъ уѣздовъ Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерній. Отступленія отъ этихъ правилъ допускаются только по особенному разрѣшенію.

слу лицъ). Размѣръ первыхъ опредѣленъ числомъ душъ отъ 5 до 40 тыс. душъ, вторыхъ—отъ 8 до 20 тыс. Города съ населеніемъ свыше 40 тыс. душъ мужскаго пола могутъ раздѣляться на нѣсколько участковъ. Волости и отдѣльныя общины входятъ въ составъ участковъ *непрѣменно* безъ раздробленія.

Въ каждомъ призывномъ участкѣ опредѣляется мѣсто для призыва и пріема лицъ, подлежащихъ рекрутской повинности. Призывнымъ пунктомъ избирается или городъ, лежащій въ предѣлахъ участка, или наиболѣе значительное поселеніе, занимающее удобное мѣсто и достаточное по величинѣ для размѣщенія всего числа призываемыхъ ¹.

Образованіе участковъ внутри уѣздовъ и опредѣленіе мѣстъ призыва предоставляется уѣзднымъ земскимъ собраніямъ (или особымъ комиссіямъ изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского головы, исправника и мирового посредника, подъ руководствомъ губернскаго, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствія, въ соединеніи съ особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ). Раздѣленіе городовъ на призывныя участки возлагается на городскія думы или управы. Списокъ опредѣленныхъ, такимъ образомъ, участковъ представляется въ министерства внутреннихъ дѣлъ и военное, и затѣмъ уже никакія измѣненія самими земскими собраніями въ нихъ не допускаются иначе, какъ съ разрѣшенія министерствъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго. Списки призывныхъ участковъ періодически публикуются.

Призывныя участки всесословны. Каждое лицо, не принадлежащее къ сельскому сословію, обязано въ 19 лѣтъ приписаться къ одному изъ участковъ. Въ удостовѣреніе этого они получаютъ свидѣтельство отъ городскихъ управленій и волостныхъ правленій тѣхъ мѣстностей, гдѣ они вздумали приписаться ². Лицамъ сельскаго сословія, достигшимъ возраста отъ 18 до 21 года, выдаются, въ случаѣ отлучки ихъ изъ своихъ обществъ, особые

¹ Расстояніе отъ призывнаго пункта наиболѣе отдаленныхъ селеній участка не должно превышать, во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ нижепоименованныхъ, по возможности, 30 и ни въ какомъ случаѣ 50 верстъ; а въ уѣздахъ Архангельской губерніи, въ Повѣнецкомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ Олонецкой губерніи, въ Устьсисольскомъ, Яренскомъ, Сольвычегодскомъ и Вельскомъ Вологодской губерніи и въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи—120 верстъ.

² Въ свидѣтельствѣ о припискѣ означаются: 1) изъ какого учрежденія, когда (годъ, мѣсяцъ и число) и за какимъ номеромъ свидѣтельство выдано; 2) имя, отчество и прозваніе приписаннаго; 3) годъ, мѣсяцъ и день рожденія; 4) вѣроисповѣданіе; 5) сословіе; 6) занятіе, ремесло или промыселъ, и 7) учебное заведеніе, въ которомъ приписанный получилъ образованіе, или въ которомъ находится.

паспорты, съ обозначеніемъ въ нихъ прописью года, въ который они должны явиться къ призыву. Эти паспорта, равно какъ и свидѣтельства, выдаваемые лицамъ, приписаннымъ къ призывнымъ участкамъ, предъявляются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется предъявленіе видовъ на жительство.

X.

Составленіе *частныхъ призывныхъ списковъ* по каждой волости и городу возлагается на волостныя правленія и городскія управленія (управы, думы и ратуши). Они составляются въ началѣ каждаго года и служатъ для учета лицъ, подлежащихъ призыву и для опредѣленія, кто изъ нихъ долженъ поступить на службу въ армію и во флотъ.

Въ призывные списки вносятся всѣ, достигшіе 20 лѣтъ отъ роду, въ теченіе предшествующаго года. Но лица, поступившія въ качествѣ вольно-опредѣляющихся, не считаются. Имъ ведется особый учетъ уѣздными и городскими по воинской повинности присутствіями на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ войсковыми начальниками, къ которымъ эти лица поступали на службу.

Сельскія общества и городскія управленія руководятся при составленіи списковъ: 1) метрическими выписями, 2) ревизскими сказками, 3) свѣдѣніями о причисленіи и отчисленіи лицъ, занесенными въ ревизію, и всякаго рода списками, дополняющими ревизскія сказки, 4) свидѣтельствами о припискѣ къ призывнымъ участкамъ и личными заявленіями, и 5) въ Царствѣ Польскомъ—книгами постоянного и непостояннаго населенія ¹.

На основаніи этихъ данныхъ общественныя управленія обозначаютъ въ призывномъ спискѣ: 1) имя, отчество и прозваніе призываемаго, 2) мѣсяцъ и день его рожденія, 3) вѣроисповѣданіе, 4) сословіе, 5) занятіе, ремесло и промыселъ, 6) грамотность или степень образованія, 7) мѣсто жительства и основанія внесенія въ призывный списокъ и 8) всѣ свѣдѣнія о семей-

¹ Метрическія выписи въ городахъ и селахъ доставляются общественнымъ управленіямъ приходскими священниками. Выпись должна заключать въ себѣ по каждому городу и по каждой волости, въ которые она посылается, списокъ всѣхъ лицъ мужскаго пола, родившихся въ приходѣ въ томъ году, который стоитъ на очереди по отправленію воинской повинности. Въ ней означается имя, мѣсяцъ и день рожденія подлежащаго призыву и имя, отчество и прозваніе его отца. Если подлежащій умеръ, то обозначается точное время его смерти. Выписи должны быть доставлены волостнымъ правленіямъ и городскимъ управленіямъ не позже 15 января.

номъ и имущественномъ положеніи призываемаго, могущія дать ему по призыву и назначенію на службу, ту или другую льготу.

Возрастъ опредѣляется по метрикамъ и по ревизской сказкѣ, а въ случаѣ ихъ разногласія онъ опредѣляется: для христіанъ на основаніи первой, для нехристіанъ по ревизскимъ сказкамъ, если въ правильности ихъ показаній нѣтъ сомнѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возрастъ опредѣляется по наружному виду ¹. Составленіе частныхъ призывныхъ списковъ должно быть окончено къ первому апрѣлю.

Затѣмъ начинается ихъ провѣрка. Чтобы эта провѣрка не была пустою формальностью, она должна быть произведена не такъ, какъ напр. у государственныхъ крестьянъ во время самого набора, а въ продолженіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени предъ призывомъ и при такихъ условіяхъ, чтобы каждый могъ своевременно заявить свои возраженія противъ ихъ неправильности. Для этой цѣли, списки, во первыхъ, выставляются или вывѣшиваются въ городскихъ управленіяхъ и въ волостныхъ правленіяхъ; во вторыхъ, въ городскихъ собраніяхъ и сходахъ каждаго сельскаго общества прочитываются части призывнаго списка, относящіяся къ этимъ обществамъ. При этомъ всякій можетъ заявлять о пропускахъ и ошибкахъ, замѣченныхъ имъ въ спискахъ. Всѣ такія заявленія повѣряются спросами на сходахъ или собраніяхъ, и окончательное рѣшеніе относительно ихъ заносится, тутъ же, въ особую книгу. Повѣренные такимъ образомъ призывные списки (вмѣстѣ съ списками лицъ, возрастъ которыхъ долженъ быть опредѣленъ по наружному виду), представляются, не позже 1 мая въ уѣздныя и городскія присутствія ².

¹ Возрастъ опредѣляется по наружному виду: 1) во всѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ законнаго документа о лѣтахъ; 2) когда возрастъ лицъ христіанскаго исповѣданія показанъ только по ревизской сказкѣ и возбуждено сомнѣніе въ правильности этого показанія и 3) лицамъ, не христіанскихъ исповѣданій—во всѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ сомнѣніе въ правильности документовъ, свидѣтельствующихъ о возрастѣ, не включая и метрики. Но если ревизская сказка и метрика согласны между собою, то хоть бы и явилось сомнѣніе въ правильности ихъ, возрастъ опредѣляется не по наружному виду, а на основаніи этихъ документовъ.

² Всѣмъ лицамъ, подлежащимъ воинской повинности, предоставляется право явиться къ призыву или въ тѣхъ участкахъ, гдѣ они записаны, или въ тѣхъ, гдѣ они или ихъ родители имѣютъ недвижимую собственность, или же, гдѣ они жили не менѣе 3 мѣсцевъ предъ днемъ заявленія о выборѣ участка для явки къ призыву.

Пожелавшіе отбыть воинскую повинность не въ томъ участкѣ, въ которомъ записаны, а въ другомъ, обязаны заявить объ этомъ (съ представленіемъ удостовѣренія о своемъ правѣ) не позже 15 января того года, въ который подлежатъ призыву: внесенные въ ревизскія сказки — волостному правленію

Такимъ образомъ, дѣятельность обществъ ограничивается составленіемъ и повѣркой призывныхъ списковъ. Сравнивая съ существующимъ порядкомъ, находимъ, что у обществъ отняты по проекту: предварительное назначеніе, освидѣтельствованіе рекрутъ и выниманіе жребія. Эти операціи передаются теперь уѣзднымъ воинскимъ присутствіямъ. Поводомъ къ такому ограниченію власти сходовъ послужило, видимо, то обстоятельство, что при настоящемъ зависимомъ положеніи ихъ относительно различнаго рода властей (мировыхъ посредниковъ и проч.), при невѣжествѣ и подчиненности старшинъ, взяточничествѣ писарей и загнанности крестьянъ, волостныя правленія и сходы, волей или неволей, неминуемо будутъ допускать злоупотребленія. Устраненіе же этихъ злоупотребленій посредствомъ жалобъ властямъ со стороны обиженныхъ, какъ доказываетъ опытъ, представляется, для неграмотныхъ и непривыкшихъ къ письменной части крестьянъ, почти невозможнымъ.

XI.

Но кому-же предоставить окончательный выборъ и приѣмъ новобранцевъ на службу? Досихъ поръ этимъ завѣдываютъ рекрутскія присутствія, раздѣляющіяся на уѣздныя и губернскія. Уѣздное присутствіе теперь составляютъ: предсѣдатель—мѣстный уѣздный предводитель дворянства—и члены: одинъ изъ кандидатовъ мирового посредника, поочереди, изъ того участка, отъ котораго представляются рекруты, или постоянный—на все время набора, по выбору и назначенію мирового съѣзда; мѣстный уѣздный исправникъ или городничій, военный приѣмщикъ и медикъ. Губернское рекрутское присутствіе состоитъ: изъ вице-губернатора (предсѣдателя), одного члена губернскаго, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствія изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, начальника ревискаго отдѣленія казенной палаты, военнаго приѣмщика и медика. Составъ этихъ присутствій, такимъ образомъ, носитъ совершенно чиновничій характеръ; очень понятно, что о какомъ либо общественномъ контролѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и мы уже нѣсколько разъ говорили о тѣхъ безчисленныхъ жалобахъ, которыя возбуждалъ въ народѣ образъ дѣйствій этихъ присутствій. Врачи брали взятки (на нихъ особенно много

или городскому управленію, какъ избраннаго ими новаго участка, такъ и того, въ которомъ записаны; не внесенные въ ревискія сказки—учрежденіямъ, завѣдывающимъ дѣйствіями по призыву въ томъ и другомъ участкѣ.

жалобъ), приемщики придирались къ каждой мелочи, и всѣ члены отличались крайней грубостью въ обращеніи съ рекрутами. Чтобы гарантировать порядокъ отправленія воинской повинности отъ повторенія прежнихъ неправильностей, остается передать завѣдываніе ихъ не чиновникамъ, а лицамъ, выбраннымъ обществомъ, пользующимся его довѣріемъ и подлежащимъ его контролю. При этомъ возникаетъ вопросъ: создавать ли, въ данномъ случаѣ, новые органы, или воспользоваться уже существующими учрежденіями? Чтобы система обходилась дешевле, коммисія нашла выгоднѣе послѣднее и по проекту въ дѣйствіяхъ по призыву и приему людей на военную службу, главное значеніе предоставляется земству, какъ единственному общему для всѣхъ сословій выборному учрежденію. Предполагается, что земство, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ обществами, должно ближе всего знать его бытъ и потребности. Земскимъ собраніямъ, какъ уже сказано, предоставлено раздѣленіе уѣздовъ на участки; члены отъ нихъ входятъ также и въ присутствія по воинской повинности. Эти присутствія будутъ какъ и прежде уѣздныя и окружныя — въ каждомъ уѣздѣ и округѣ; городскія — въ городахъ и губернскія и областныя — въ каждой губерніи и области. Предсѣдателемъ уѣзднаго присутствія, по проекту, долженъ быть предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія (а гдѣ не введены земскія учрежденія — уѣздный предводитель дворянства); затѣмъ, въ него входятъ, одинъ членъ отъ уѣздной земской управы (или мировые посредники въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій), военный офицеръ и уѣздный исправникъ. Сверхъ этого, при дѣйствіяхъ присутствія въ призывныхъ участкахъ, въ составъ его входилъ одинъ представитель отъ призывнаго участка, избираемый уѣзднымъ земскимъ собраніемъ на 3 года изъ осѣдлыхъ жителей участка. Въ участкахъ, включающихъ въ себя и города, также членъ отъ городской думы или управы ¹. Эти присутствія не остаются неподвижно въ уѣзд-

¹ Въ Остзейскихъ губерніяхъ членами уѣзднаго присутствія назначаются: а) военный офицеръ; б) одинъ изъ коронныхъ чиновниковъ, по выбору губернатора; ордунсрихтеръ — въ Лифляндской губерніи, гагенрихтеръ (въ своемъ участкѣ) — въ Эстляндской губерніи, гауптманъ — въ Курляндской губерніи, и г) членъ по выбору волостныхъ старшинъ уѣзда на 3 года. При дѣйствіи присутствія въ призывныхъ участкахъ, въ которые входятъ города, составъ его дополняется бургомистромъ города, или лицомъ, замѣняющимъ его. Въ Царствѣ Польскомъ уѣздныя присутствія составляютъ: предсѣдатель — уѣздный начальникъ; члены: помощникъ уѣзднаго начальника по полицейскимъ дѣламъ; комисаръ по крестьянскимъ дѣламъ; два члена изъ мѣстныхъ обывателей по назначенію губернатора на 3 года и войтъ той гмины или бургомистръ того города, откуда принимаются люди.

ныхъ городахъ на всевремя набора, какъ теперь, а разъѣзжаютъ, поочередно, изъ одного центрального участка въ другой. Такой порядокъ устраняетъ необходимость для рекрутъ отправляться въ города, что, какъ было уже говорено, влечетъ за собою большія издержки для народа по переѣздамъ на большія разстоянія, по дурнымъ дорогамъ. Городское присутствіе, состоящее изъ городского головы, предсѣдателя, военного офицера, полицейскаго чиновника и двухъ членовъ городской думы или управы, дѣйствуетъ только въ участкахъ своего города. Отняты отъ обществъ права предварительнаго назначенія и жеребьевки переходятъ теперь къ этимъ присутствіямъ. Вообще, дѣйствія ихъ будутъ заключаться:

1) Въ повѣрѣіи призывныхъ списковъ.

2) Въ сообщеніи высшимъ правительственнымъ мѣстамъ свѣдѣній о числѣ лицъ, подлежащихъ призыву въ подчиненныхъ имъ участкахъ.

3) Въ призывѣ этихъ лицъ въ назначенныя мѣста.

4) Въ опредѣленіи правъ ихъ по отбыванію воинской повинности.

5) Въ опредѣленіи, кто изъ призванныхъ и въ какомъ порядкѣ назначается на службу.

6) Въ освидѣтельствованіи годности этихъ лицъ къ военной службѣ.

7) Въ окончательномъ приѣмѣ новобранцевъ.

По окончаніи дѣйствій въ призывныхъ участкахъ, уѣздныя и городскія присутствія представляютъ подробный отчетъ о результатахъ призыва и приѣма губернскому по воинской повинности присутствію.

Въ этихъ присутствіяхъ преобладаетъ административный элементъ. Предсѣдателемъ здѣсь начальникъ губерніи или лицо, его замѣняющее, и прокуроръ или его товарищъ.

Губернскія присутствія не занимаются сами приѣмомъ ратниковъ. На нихъ возложены слѣдующія обязанности:

1) Наблюденіе за правильнымъ ходомъ призыва и приѣма лицъ, подлежащихъ воинской повинности.

2) Раскладка между участками общаго числа рекрутъ, назначеннаго на губернію.

3) Переосвидѣтельствованіе тѣхъ рекрутъ, о годности которыхъ возникло сомнѣніе въ уѣздныхъ и городскихъ присутствіяхъ, равно какъ освидѣтельствованіе и приѣмъ тѣхъ лицъ, которыхъ, по какимъ-либо причинамъ, не могли быть представлены въ уѣздныя и городскія присутствія, во время дѣйствія ихъ въ призывныхъ участкахъ.

4) Разрѣшеніе недоразумѣній, возникшихъ въ уѣздныхъ и городскихъ присутствіяхъ.

5) Разсмотрѣніе просьбъ и жалобъ на дѣйствія уѣздныхъ и городскихъ присутствій.

6) Разсмотрѣніе отчетовъ уѣздныхъ и городскихъ присутствій и составленіе общаго отчета о выполненіи каждаго призыва по цѣлой губерніи.

7) Представленіе о вопросахъ, требующихъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ.

Во время освидѣтельствванія и переосвидѣтельствванія призываемыхъ лицъ, уѣздныя и городскія присутствія дополняются военнымъ приѣмщикомъ и двумя медиками (однимъ военнымъ и другимъ гражданскимъ).

Военные приѣмщики не участвуютъ въ разсмотрѣніи дѣлъ присутствія по воинской повинности. Участіе врачей ограничивается подачею мнѣнія о здоровьѣ призываемаго лица.

Порядокъ дѣлопроизводства въ присутствіяхъ по воинской повинности, а также образцы различныхъ списковъ, росписей, отчетовъ, объявленій, билетовъ и проч., по отправленію повинности опредѣляются правительствомъ (министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ); всѣ дѣла ведутся на простой (не гербовой) бумагѣ.

XII.

Порядокъ дѣйствій по призыву, назначенію и приѣму молодыхъ людей на службу, опредѣленъ проектомъ съ большими подробностями.

Уѣздныя (или городскія) присутствія назначаютъ день для призыва, когда всѣ молодые люди, подлежащіе отправленію воинской повинности, должны явиться въ свой участокъ. Распоряженія о вызовѣ дѣлаются чрезъ волостныя и городскія присутствія.

Отъ явки въ участокъ по призыву освобождаются только молодые люди, опасно или трудно больные. О болѣзненномъ состояніи такихъ молодыхъ людей, окружающія ихъ лица обязаны представить свидѣтельство медика и полиціи. За неимѣніемъ медика на мѣстѣ пребыванія больного представляется удостовѣреніе приходскаго сядценника и волостнаго старшины или мирового судьи.

По прибытіи въ участокъ, присутствіе отерываетъ свои дѣйствія повѣркою лицъ, явившихся къ призыву, чтеніемъ списка имѣющихъ право на льготу по семейному положенію, съ объя-

сненіемъ основаній—почему даются тѣ или другія льготы. При этомъ всѣмъ присутствующимъ предоставляются возраженія противъ данныхъ, служившихъ къ отнесенію охраняемыхъ къ той или другой степени охраны.

Затѣмъ начинается операція вынутія жеребья. Предъ началомъ ея, предсѣдатель обязанъ лично повѣрить число заготовленныхъ билетовъ съ числомъ призываемыхъ, перемѣтивъ, предварительно, всѣ билеты однимъ какимъ нибудь знакомъ (цифрой, буквою и т.п.) Затѣмъ, подъ наблюденіемъ предсѣдателя, билеты свертываются, перемѣшиваются, и всыпаются имъ въ урну. Лица, подлежація жеребью, могутъ, если пожелаютъ, повѣрить, вѣрно-ли перечтены и хорошо-ли перемѣшаны билеты предъ всыпаніемъ въ урну, выбравъ для этого изъ своей среды уполномоченнаго.

Для вынутія жеребья, прежде всего, опредѣляется посредствомъ жеребья очередь между городами и волостями участка. Затѣмъ, лица каждого города и волости призываются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они внесены въ призывный списокъ. Каждый, вызванный, самъ вынимаетъ себѣ номеръ. За отсутствующихъ номера вынимаются или присутствующими ихъ родственниками, или членами городскихъ управленій, или волостными головами. Номеръ прочитывается вслухъ однимъ изъ членовъ присутствія, вмѣстѣ съ именемъ лица и номеромъ его по призывному списку, и затѣмъ передается членамъ присутствія для повѣрки и отмѣтки на самомъ билетѣ, и для внесенія въ жеребьевый списокъ имени вынутого номеръ и номера его по призывному списку.

Послѣ этого, билетъ съ номеромъ вручается вынувшему его.

Выниманіе жеребьевъ въ участкѣ должно быть окончено, по возможности, въ одинъ день, а въ случаѣ невозможности этого, продолжается ежедневно, впредъ до окончанія.

При этомъ соблюдаются слѣдующія правила:

1) Урна должна быть помѣщена на такомъ мѣстѣ, чтобы всѣ могли ее видѣть.

2) Жеребья вынимаются изъ урны публично.

3) Рука вынимающаго жеребій должна быть, предъ опущеніемъ въ урну, обнажена до локтя, и показана присутствующимъ такъ, чтобы всякій могъ удостовѣриться въ невозможности подлога.

4) Кромѣ вынимающаго жеребій никто изъ постороннихъ не долженъ прикасаться къ урнѣ.

5) Послѣ вынутія каждого жеребья, урна встряхивается однимъ изъ членовъ присутствія.

6) Жеребій вынимается только однажды, и каждый призван-

ный къ жеребью долженъ слѣдовать по исполненію повинности, своему номеру, хоть-бы онъ вынулъ его, по какому нибудь недоразумѣнію, раньше своей очереди.

7) Если вниманіе жеребьевъ не окончится въ теченіе дня, то урна, съ остающимися въ ней жеребьями, запечатывается, до слѣдующаго дня, печатами всѣхъ членовъ присутствія, и охраняется особо назначенной стражей.

По окончаніи жеребьеванія, присутствіе производитъ осмотръ и приемъ въ постоянныя войска, начиная съ лицъ, неимѣющихъ право на льготу по семейному положенію, и переходя постепенно къ 3, 2 и, наконецъ, къ 1, если лицъ, непользующихся льготой будетъ недостаточно для выполненія требуемаго числа рекрутъ. Осмотръ заключается въ измѣреніи роста и въ освидѣтельствованіи тѣлосложенія и здоровья. Признанные неспособными въ присутствіи неединогласно, подвергаются переосвидѣтельствуванію въ губернскомъ присутствіи. Всѣмъ присутствующимъ предоставляется право возражать противъ признанія лица неспособнымъ къ военной службѣ. Ихъ возраженія заносятся въ протоколъ присутствія во всей полнотѣ, а губернскимъ присутствіемъ предоставляется на основаніи этихъ протоколовъ привлекать къ переосвидѣтельствуванію даже тѣхъ лицъ, о которыхъ состоялось единогласное постановленіе уѣзднаго (или городского) присутствія.

Молодые люди, признанные годными къ военной службѣ, считаются принятыми на нее и заносятся въ приемный списокъ, если не принадлежать къ числу имѣющихъ право на льготу перваго разряда, которые призываются только съ Высочайшаго разрѣшенія.

Всѣмъ молодымъ людямъ, неуступившимъ на службу, выдаются особыя свидѣтельства въ томъ, что они свободны отъ призыва въ ряды арміи. Они могутъ быть потребованы только для образованія ополченія. Дѣйствія уѣзднаго присутствія въ участкахъ по призыву и набору, заключаются прочтеніемъ списка принятыхъ на службу въ постоянныя войска и приведеніемъ ихъ къ присягѣ (лица, уклоняющіяся отъ присяги, поступаютъ на службу безъ нея, но эти случаи отмѣчаются въ приемной росписи).

Затѣмъ, молодые люди, окончательно принятые на службу, по прочтеніи приемнаго списка и приведенія ихъ къ присягѣ, отпускаются, съ объявленіемъ имъ срока и мѣста явки для поступленія на службу.

Расходы по призыву и приему на службу предполагается распредѣлить слѣдующимъ образомъ;

На счетъ государственной казны относятся расходы:

1) На путевое, квартирное и порціонное довольствіе военнаго офицера, медика (какъ военнаго, такъ гражданскаго) и военнаго приѣмщика.

2) На заготовленіе предметовъ для измѣренія роста и для изслѣдованія здоровья людей, подлежащихъ приѣму въ войска.

3) На канцелярскіе расходы уѣздныхъ и городскихъ присутствій, на заготовленіе жеребьевъ и урнъ и на снабженіе волостныхъ правленій печатными листами для призывныхъ списковъ. На всѣ эти расходы тратится одинъ рубль на каждаго новобранца.

Издержки на проѣздъ и содержаніе предсѣдателей и членовъ присутствій отъ земства относятся на общій по губерніи земскій сборъ.

На земскій сборъ относится также наемъ помѣщеній для присутствія, если нѣтъ на лицо готоваго казеннаго или общественнаго зданія, гдѣ-бы оно могло помѣститься.

Призываемые молодые люди обязаны являться на мѣста призыва въ исправной одеждѣ и обуви и, до времени приѣма на службу, содержать себя на собственные средства.

Теперь нѣтъ возможности предсказать тѣ результаты, которые повлечетъ за собою введеніе сословной повинности. Вѣроятно, она сблизитъ сословія нѣсколько болѣе, чѣмъ прежде. Мы уже говорили о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыхъ можно ждать отъ призыва въ младшемъ возрастѣ, сокращенія срока службы и введенія льготъ по образованію. Остается сказать о самомъ порядкѣ производства набора, который теперь переданъ, главнымъ образомъ, въ руки земства и отчасти обществъ. Будутъ ли они производиться лучше, чѣмъ до сихъ поръ, и прекратятся-ли, наконецъ, тѣ безчисленныя жалобы, которыя вызывали и вызываютъ дѣйствія учреждений, завѣдывающихъ рекрутскими наборами?

Относительно сходовъ, на основаніи уже одного историческаго опыта, можно съ полною увѣренностью сказать, что они выполняютъ возложенныя на нихъ обязанности составленія призывныхъ списковъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Никто болѣе не заинтересованъ въ дѣлѣ выбора рекрутъ, какъ члены схода, т. е. отцы рекрутъ, и ни въ какомъ другомъ общественномъ дѣлѣ интересъ этотъ не можетъ быть сильнѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о потерѣ собственныхъ сыновей. Гораздо съ меньшею увѣренностію можно сказать то же самое о земствѣ.

По видимому и здѣсь есть основаніе надѣяться на удовлетворительное исполненіе дѣла. Рекрутскій наборъ передается

представителямъ общества, имъ самимъ излюбленнымъ и подчиненнымъ его контролю. Но стоитъ обратиться къ исторіи 8-лѣтней дѣятельности земства, чтобы при этомъ возникли нѣкоторыя сомнѣнія. Уже было говорено много разъ и совершенно основательно, что не всѣ земства разрѣшили удовлетворительно возложенныя на нихъ задачи, что — и это всего печальнѣе, — нѣкоторыя изъ нихъ обнаружили наклонность дѣйствовать въ интересахъ не всего земства, а только среднихъ и высшихъ сословій. Измѣнять ли эти земства свою систему дѣятельности при устройствѣ рекрутскаго дѣла, или она останется прежняя? Будетъ-ли Россія, по прежнему, оглашаться въ періоды наборовъ раздирающимъ воплемъ отцевъ и матерей, женъ, дѣтей и родственниковъ рекрутъ; прекратятся-ли безкончныя жалобы на безчисленныя злоупотребленія и несправедливости во время наборовъ, и рекрутчина будетъ-ли служить опять тѣмой безкончныхъ, тоскливыхъ пѣсенъ и разказовъ? Надо думать, впрочемъ, что будетъ лучше, чѣмъ теперь, такъ какъ нынѣшніе порядки уже слишкомъ плохи; но на сколько лучше — это можетъ рѣшить только будущее.¹

П. С.

¹ Евреи поставлены по отправленію воинской повинности въ нѣкоторыя исключительныя условія. Трудно сколько нибудь рационально объяснить такое рѣзкое отступленіе отъ принципа всеобщей повинности.

ОСЛѢПЛЕННАЯ ПТИЧКА.

(Изъ стихотвореній Р. Гамерлинга *Sinnen und Minnen*).

О пѣсня! ты звѣздѣ подобна яркой,
Что льеть свой блескъ, въ глубокой тьмѣ ночей...

Осеннимъ днемъ однажды увидалъ
Я въ тѣсной кѣлткѣ маленькую птичку.
Я подошелъ къ ней ближе и неожиданно
Былъ зрѣлищемъ печальнымъ пораженъ.
Въ ея головкѣ вмѣсто бойкихъ глазъ,
Двѣ впадины глубокия чернѣли.
Ослѣплена была она. Невольно
Я отступилъ; и стало за нею
Мгнѣ въ этотъ мигъ такъ тяжело и больно.

Бѣдняжка! я подумалъ; для тебя
Ужъ нѣтъ весны! Съ высотъ лазурныхъ неба
Не будешь ты смотрѣть на Божій мѣръ.
Вершины горъ, покрытыя лѣсами,
Колосья нивъ, цвѣтушіе луга
И ручейковъ блестящіе извивы,
Погибло все для взора твоего!
И никогда, хотя бы сквозь рѣшотку
Тюрьмы своей, тебѣ не увидать
Ни кроткаго румянаго заката,
Ни утреннихъ, торжественныхъ лучей.
Какъ отъ меня, навѣки отлетѣла,
Отъ птички бѣдной радость и весна...
А гдѣ ихъ нѣтъ — и пѣсня не слышна!

Такъ сожалѣлъ о птичкѣ я, но вдругъ
Какъ бы журчанье бьющаго фонтана,
Иль трескъ ракетъ, что къ темнымъ небесамъ
Взвились, и тамъ рассыпались звѣздами, —
Я услыхалъ; то зазвенѣла трель.
А вслѣдъ за ней и пѣсня раздалася.

Но пѣсня та не грустная была,—
 Не жалоба въ ней горькая звучала.
 Нѣтъ! Изъ груди затворницы слѣпой,
 Лиющія, радостные звуки
 Съ неудержимой силою лились.
 То былъ привѣтъ веснѣ благоуханной,
 То счастья былъ восторженный порывъ!
 А между тѣмъ, сѣдой туманъ осенній
 Уныло въ окна тусклыми глядѣлъ,
 По небесамъ холоднымъ плыли тучи,
 И блеклый листъ съ нагихъ вѣтвей летѣлъ!

Неволью я сквозь слезы улыбнулся.
 Откуда, говорилъ я, у тебя
 Взались такіе звуки? Изъ чего
 Узоры пѣсень сотканы тобою?
 Какъ ты могла веселые напѣвы
 Найти въ своей безрадостной ночи?
 Найти весну — средь осени глубокой?
 Какъ ты поешь еще, когда вокругъ
 Давно твои подружки ужъ замоляли,
 Хотя ихъ глазъ не застилаетъ мракъ?

Былъ свѣтлый май. Листвой одѣлись рощи,
 Цвѣли фіалки, ландыши цвѣли,
 Ручьи звеня межъ зелени бѣжали,
 И по ночамъ ужъ пѣли соловьи.
 Тогда и эта маленькая птичка
 Встрѣчала пѣснью радостной весну;
 Но чей-то вдругъ безжалостной рукою
 Была навѣки свѣта лишена.
 И вотъ теперь, слѣпая, въ узкой клѣткѣ
 Сидитъ она; но все еще поетъ,
 Поетъ свой гимнъ торжественный и свѣтлый,
 Не вѣдая, что дни весны умчались,
 Что пронеслось и лѣто имъ во слѣдъ;
 Что лѣсъ клубами сѣраго тумана
 Окутанный, безмолвствуетъ давно.
 Все тотъ же май, съ своимъ тепломъ и блескомъ
 Въ ея душѣ по прежнему живетъ!
 Все что когда-то въ грудь ея запало,
 При видѣ вешнихъ, солнечныхъ лучей,
 И зелени, и неба голубаго,
 Сказалось въ звукахъ тѣхъ. И до конца

Въ нихъ изливать она не перестанетъ
 Сокровищъ, въ сердцѣ собранныхъ у ней!
 Отъ этихъ яркихъ грѣзъ не отрезвиться
 Ей, упоенной нектаромъ весны.
 Разсѣять ихъ блестящей вереницы,
 Дѣйствительности грустной не дано.

Да! у тебя могли похитить зрѣнье,
 Но не могли лишить тебя весны;
 Она твоя, — тебѣ принадлежить,
 И болѣе чѣмъ всякому другому.
 Тебѣ летѣть не нужно за моря
 Искать ее, ушедшую отсюда.
 Она всегда въ душѣ твоей цвѣтетъ;
 Твоей весны мятели не прогонятъ,
 Не страшно ей дыханье непогоды!

О! лучше быть слѣпымъ, но въ звукахъ страстныхъ
 Излиться, чѣмъ, смотря на мѣръ цвѣтущій,
 И красотой блистающій, пройти
 Въ молчаньи мимо... Въ сто кратъ несчастійъ
 Очей, навѣкъ лишенныхъ свѣта, — сердце,
 Которому возвышенное чуждо!
 Неувядаетъ, пѣсня, твой вѣнокъ!
 Когда вокругъ все блекнетъ и тускнѣетъ,
 И гибели на всемъ лежитъ печать, —
 Онъ все цвѣтетъ, и памятникомъ служить
 Намъ лучшихъ дней; — грядущаго залогомъ,
 Какъ радуга въ далекихъ облакахъ.

Пусть радостей не вѣдаетъ избранный
 Волнующій намъ пѣснями сердца!
 Но все-жъ ему удѣлъ сужденъ завидный.
 Прекрасна пѣсенъ яркая звѣзда,
 Хотя она блистаетъ одиноко
 Во тьмѣ ночей, бросая чудный блескъ
 На этотъ мѣръ пустынный и печальный.
 О лучшихъ дняхъ, дай сердцу волю пѣть!
 Прекрасное такъ быстро исчезаетъ —
 Такъ пусть оно хоть въ пѣсняхъ будетъ жить!
 Не умолкайте-жъ пѣсни, и высоко
 Звучите надъ печальною землей;
 Среди цвѣтовъ поблекшихъ и развалинь,
 Вы памятникъ прекраснаго живой!

А. Плещеевъ.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКАГО ЖИТЬЯ.

II. Ежъ.

РАСКАЗЪ.

Ненастный октябрьскій день близился къ вечеру. Лившій въ продолженіи нѣсколькихъ дней дождь размылъ глинистый грунтъ долины, пролежавшей въ горахъ, заросшихъ лѣсомъ. Безымянная рѣчка, мелкая въ другія времена года, на которой расположились, съ деревянными пристройками, Г—ій пріискъ, бурливо вздулась отъ притока впадавшихъ въ нее съ горъ ручьевъ, и грозила вырваться изъ плоскихъ береговъ и затопить прилегающія къ ней низменности. Вѣтеръ вылъ въ горахъ, нанося въ долину тучи поблеклыхъ листьевъ; мгlistый туманъ спускался на высокіе верхи горъ, заволакивая вершины громоздящихся на нихъ сосенъ и елей, и словно цѣпляясь за сучья ихъ, когда, прорывая на минуту густую сѣть его, вѣтеръ разносилъ его въ пространствѣ разорванными клочьями. Подобная картина осени, неразлучно соединенная съ холодомъ и сыростью, неволью щемитъ душу и манитъ скорѣе вырваться изъ негостепріимной, въ это время года, тайги¹. Пріисковая администрація и рабочіе равно сѣшать покинуть ее.

Съ утра въ этотъ день работы были прекращены и часть рабочихъ употреблена была на разборку золотопромывательной машины; другіе сдавали инструменты, которые, вмѣстѣ съ частями разобранной машины, складывались въ сарай. Хлѣбонеки нѣсколько дней съ утра и до ночи сушили сухари для продо-

¹ Горы, заросшія лѣсомъ. Тайгой называютъ въ Сибири и мѣстности, въ которыхъ расположены золотые пріиски.

вольствія рабочихъ на обратный путь. Приказчики присковой конторы и матеріальные, завѣдывающіе вещевыми и продовольственными цейхгаузами, занимались сведеніемъ счетовъ. Рабочіе, тоже, въ свою очередь, высчитывали сколько придется получить имъ изъ заработной платы на руки. На изнуренныхъ лицахъ ихъ написано и сомнѣніе въ правильности ожидающаго ихъ расчета, неизбежно возбуждаемое въ нихъ каждый разъ многолѣтнимъ опытомъ, и радость отдыха со всѣми наслажденіями, предстоящими при выходѣ изъ тайги въ населенные пункты. Радость эта понятна только людямъ, знакомымъ съ бытомъ особо выработавшагося въ Сибири класса „таѣжниковъ“, какъ называется народъ присковыхъ рабочихъ, на которыхъ тяжелый трудъ и полная лишений жизнь, кладетъ своеобразный отпечатокъ.

Крестьянинъ, попавшій рабочимъ на приски, иногда въ теченіи многихъ лѣтъ бываетъ поставленъ въ невозможность вырваться изъ этой среды и возвратиться къ домашнимъ занятіямъ, благодаря тѣмъ условіямъ, какими обставлено его положеніе. Обыкновенно, съ ноября мѣсяца и по апрѣль, отъ золотопромышленниковъ развѣзжаютъ по деревнямъ и селамъ Томской и по округамъ, смежныхъ съ ней губерній приказчики, завѣдывающіе наемкою рабочихъ. По заключеніи контракта при наймѣ и засвидѣтельствованіи его въ волостномъ правленіи, рабочій получаетъ задатокъ отъ 50 до 60 р., который, иногда, всецѣло идетъ на уплату причитающихся съ него податей и недоимокъ, такъ какъ только эта необходимость, за неимѣніемъ другихъ заработковъ, и вынуждаетъ большинство крестьянъ бросать свое хозяйство и идти на приски. Полученіе билета рабочему, благодаря притязаніямъ волостныхъ писарей, никогда не обходится дешевле 6 или 8 руб., и затѣмъ, изъ полученнаго задатка у него нерѣдко не остается ни копѣйки. Онъ уходитъ, оставляя свою семью кормиться или милостыней, или ничтожною поденною работою. Въ контрактъ вносятся, со стороны рабочаго, условія платы, всегда колеблющейся отъ 80 к. до 1 руб. и иногда 1 руб. 20 к. съ кубической сажени земляной работы, за исключеніемъ „старательскихъ“ дней, т. е. праздниковъ. За праздничную работу каждый получаетъ отдѣльный расчетъ, смотря по количеству добытаго золота. Со стороны нанимателя, въ контрактъ вносится обязательство продовольствовать рабочаго во все время пребыванія его на присеѣ „доброкачественною“ пищею и снабжать продовольствіемъ на обратный путь съ присковъ по окончаніи работъ.

Въ послѣднихъ числахъ марта или въ началѣ апрѣля, по наступленіи оттепели, рабочіе сходятся изъ мѣстъ своего житель-

ства на крайшіе населенные пункты, изъ которыхъ идетъ дорога въ тайгу. На этихъ пунктахъ ихъ ожидаютъ прикащики, которые, по заключеніи контрактовъ, отбираютъ у рабочихъ билеты. По мѣрѣ сбора рабочихъ, они группируются въ партіи и отправляются прикащиками на приски. По прибытіи на приски, рабочіе, по степени силъ и навыка, разбиваются на группы, сообразно съ характеромъ присковыхъ работъ. Одни изъ нихъ снимаютъ турфъ, т. е. верхній слой земли, всегда почти покрывающій на 1¹/₂ арш. золотоносный пластъ, и отвозятъ снимаемую землю тачками въ отвалъ. Другіе, въ это время, разрабатываютъ очищаемую золотоносную залежь, сваливая песокъ и кварцъ въ телеги, поднимая лошадьми по особо-устроеннымъ деревяннымъ откосамъ на верхъ золотопромывательной машины или „фабрики“, какъ называютъ ее рабочіе. Иногда, для успѣха работъ, требуется отводить русла горныхъ рѣчекъ, и въ этихъ случаяхъ удваивается трудность работъ. Часто самая промывка золота производится въ довольно глубокихъ, вырываемыхъ въ землѣ, шахтахъ, причемъ рѣдко принимаются предохранительныя мѣры и, благодаря этой скупости, рабочіе часто платятся жизнью, потибая въ обвалахъ. Немногимъ счастливымъ выпадаетъ на долю легкій трудъ конюховъ, наблюдающихъ за присковыми рабочими лошадьми и упряжью, и занимающихся только отвозкой нагружаемыхъ пескомъ телегъ на машину. Конюхи отправляютъ и обязанности ликторовъ, относительно провинившихся рабочихъ, причемъ употребляются не одни розги, но и палки. Остальные обрекаются на трудъ, начинающійся съ 3-хъ часовъ утра, съ короткимъ промежуткомъ для обѣда, и продолжающійся до 9-ти часовъ вечера.

Нигдѣ такъ не развита система закабаленія рабочаго, какъ на прискахъ, гдѣ, за весь свой лѣтній тяжкій трудъ, работникъ выноситъ въ очистку лишь нѣсколько рублей, а нерѣдко и копѣекъ. На приски всегда идетъ самый горькій бѣднякъ. Изъ задатка онъ не доноситъ до приска и гроша, и почти всегда во всю дорогу до приска питается милостыней. На прискѣ онъ приходитъ оборванный, часто не имѣя рубахи на тѣлѣ. А какъ много тутъ представляется ему соблазна! Съ какой предупредительностью ему предлагаютъ взять изъ присковаго вещеваго цейхгауза и полшубокъ, и сапоги или бродни, и рубахъ, и чего только душа не пожелаетъ. Какой-же человѣкъ откажется отъ удовольствія имѣть теплое, новое платье, чистую рубаху, бродни или сапоги на ногахъ, изъ которыхъ не свозятъ пальцы и въ которыхъ ноги не чувствуютъ ни холода, ни сырости? И рабочій беретъ, побуждаемый не прихотью, а необходимостью. Вещевые

принсковые цейггаузы наполняются, обидноверенно, вещами, идущими въ бракъ у городскихъ торговцевъ, и скущаются гуртомъ золотопромышленниками за половинную цѣну. Эти-то вещи и сбываются рабочимъ по цѣнамъ, до невѣроятности высокимъ. Наприм. хорошія бродни въ городской лавкѣ стоятъ 1 р. 20 к.; валежалыя и непригодныя, по своей непрочности, къ употребленію, онѣ обходятся золотопринскателю въ гуртовой повункѣ отъ 50 до 60 к. пара. Подобная-же пара бродень, взятая рабочимъ, ставится ему въ счетъ въ 2 р. и въ 2 р. 50 к. Хорошій полушубокъ рабочій могъ-бы приобрести въ другомъ мѣстѣ отъ 12 до 15 руб., а взятый въ принсковомъ магазинѣ, весьма плохого качества, онъ обходится ему не менѣе 25 р. И такъ во всемъ остальномъ. При этомъ нужно сказать, что ввозъ товаровъ на прински постороннимъ торговцамъ, которые могли бы возбудить выгодную для рабочихъ конкуренцію, строго воспрещенъ, и потому, волей-неволей, рабочій долженъ брать изъ принсковаго магазина дорогія и непрочныя вещи, которыя онъ неизбежно смѣнить два-три раза въ лѣто. Далѣе: рабочему полагается отъ хозяина по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ чарка водки, которую онъ всегда аккуратно и получаетъ. Но кому-же не понятно, что ежедневно изнуряемому 17-ти часовой непрерывной работой, рабочему праздничной чарки недостаточно — и вотъ онъ пьетъ чарку ежедневно, такую чарку, въ которую вмѣщается вина не болѣе 2 обыкновенныхъ рюмокъ. Каждая такая чарка ставится ему въ счетъ отъ 30 до 40 коп., а иногда и просто по такимъ цѣнамъ, какія Богъ на душу положитъ.¹ Возьметъ рабочій золотникъ чаю изъ фунта, стоимостью въ 60 к. (т. е. $\frac{5}{8}$ к. за золотникъ) и этотъ золотникъ ставится ему въ счетъ 10 коп. Фунтъ сахару, стоющій въ Сибири 50 к., обходится принсковому рабочему въ 1 р. и болѣе. Спрашивается, много-ли вынесетъ онъ изъ своей заработной платы при окончательномъ расчетѣ? Прямой интересъ каждаго хозяина принсковъ, старающагося заручиться рабочими и на будущее время, заключается именно въ закабаленіи ихъ всевозможными путями. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе будетъ всякихъ приписокъ, начетовъ и недоразумѣній, тѣмъ скорѣе достигается его цѣль. Благодаря подобной системѣ, рабочій остается или ни при чемъ, или съ такою цифрою рублей, съ которой ему не дойти и до дома, еслибъ не выручала милостыня. А дома его ждетъ голодающая семья и совершенно павшее хозяйство, а на будущій годъ снова нужно

¹ Бываютъ примѣры, что рабочіе платятъ и по 2 руб. за чарку, если почему нибудь приотставляется отпущенъ имъ вина.

платить подати. Что-же остается дѣлать, какъ не взять новый задатокъ и такимъ образомъ продолжать до тѣхъ поръ, пока его не сломятъ на этихъ же прискахъ тифъ.

Гигиеническія условія, въ которыхъ находится присковой рабочей, неминуемо приводятъ его къ болѣзнямъ. Пища, которую онъ получаетъ, во все время пребыванія на прискѣ отъ хозяина, заключается изъ одной солонины, вопреки текста контракта, доброкачественности весьма подозрительной. Достаточно-ли можетъ вознаграждать потери въ организмъ, вызываемыя 17-ти часовой работой, жиденькій наваръ отъ солонины, съ кислой капустой и крупами, съ ржаными сухарями, и только по правдивымъ—съ свѣже-выпеченнымъ хлѣбомъ. Прямимъ послѣдствіемъ подобнаго питанія появляются цынга, скорбутъ и тифъ, особенно-же послѣдній, часто свирѣпствующій на прискахъ. Къ развитію тифа и ревматизмовъ много способствуютъ и условія работы среди постоянной сырости и холода. Сырость преслѣдуетъ рабочаго и въ тѣсныхъ баракахъ, сколоченныхъ изъ досокъ, гдѣ каждый изъ нихъ спитъ на соломѣ, настланной на землю. Немногіе изъ присковъ, принадлежащіе крупно-зажиточнымъ компаніямъ, отличаются большимъ удобствомъ въ помѣщеніи рабочихъ, и даже содержатъ больницы и лекарей, остальные ограничиваются полуграмотными фельдшерами, при самомъ трудномъ каталогѣ медикаментовъ; да и что можетъ сдѣлать даже знающій фельдшеръ и хорошіе медикаменты при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится больной? Заболѣвшіе рабочіе лежатъ въ тѣхъ-же баракахъ, какъ и здоровые, т. е. въ холоду и сырости, при той же зараженной атмосферѣ отъ прѣющей грязной одежды, отъ дыму махорки и при той-же пищѣ изъ солонины. На каждомъ прискѣ найдется много могилъ, гдѣ обрѣли послѣдній пріютъ безслѣдно прожитыя жизни. Вѣроятно, не легка совокупность этихъ условій, въ тому-же соединенныхъ съ строгой дисциплиной (за каждый проступокъ назначается тѣлесное наказанье), что, несмотря на всю выносливость русскаго простолюдина, они вызываютъ въ рабочихъ побѣги и сопряженное съ ними голодное скитальчество по лѣсамъ, и острогъ послѣ помки. Отъ людей, служившихъ въ присковой администраціи, много можно услышать разсказовъ о характерныхъ облавахъ, которыя устраиваются въ лѣсахъ для помки бѣжавшихъ рабочихъ, о дикой, остервененной охотѣ на людей, не вынесшихъ гнета присковыхъ корядковъ. И часто бываетъ, что рабочій, избѣжавшій помки, такъ и пропадаетъ безъ вѣсти, сдѣлавшись жертвой голода или звѣря.

Всмотрѣвшись въ оберванныя толпы „таѣжниковъ“, выходя-

щихъ въ началѣ октября съ работъ, въ нихъ изнуренныя, исхудалыя лица, наблюдатель, по внѣшнему виду ихъ, прочтеть горькую повѣсть страданій, выносимыхъ этимъ людемъ. Онъ прочтеть и всю мѣру злобы, развиваемой въ нихъ жизнью и людьми, и понятенъ станетъ ему типъ этого оборваннаго, наголодававшагося человѣка, и тотъ дикій разгулъ, съ какимъ онъ пропиваетъ кровью добытыя деньги, забывая о семьѣ, о домѣ и о хозяйствѣ. Что ему семья, домъ и хозяйство, когда все его существо надломлено, когда для него нѣтъ просвѣта въ будущемъ?

Точно блудящіе огоньки, замелькали, при наступленіи сумерекъ, фонари, при свѣтѣ которыхъ заканчивались дневныя занятія. Тусклый отблескъ огней мелькалъ и изъ оконъ длиннаго ряда барабовъ, сколоченныхъ изъ сосновыхъ досокъ съ конусообразными кровлями для стока дождевой воды. Въ нихъ кипѣла самая разнообразная дѣятельность. Каждый рабочій, приготовляясь къ длинному пути, кто чинилъ рваный полушубокъ или зипунъ, кто прикрѣплялъ отпавшую подошву сапога или отвалившееся голенище бродня; кто штопалъ давно провалившійся верхъ фуражки, или придѣлывалъ ремни къ мѣшку, подъ свой необильный вещами скарбъ. Были и такіе, что, наносивъ въ корыта воды выстирывали, примѣшивая къ ней березовой золы, за неимѣніемъ мыла, заношенныя рубахи или онучи, чтобы, по выходѣ въ населенныя пункты, выглядѣть почище. Всѣ съ утра успѣли запастись ржаными сухарями и вяленой говядиной для продовольствія во время пути, и бережно уложенная въ котомки провізія висѣла по стѣнамъ, или на небольшихъ протянутыхъ жердочкахъ. Говоръ и смѣхъ не умолкали. Иные сводили между собой счоты проиграннымъ деньгамъ въ „урдонъ“ и „трынеу“; кто рассказывалъ, для общаго удовольствія, длинныя исторіи походовъ, какими богата жизнь каждаго таѣжника. Иногда, гдѣ-нибудь въ углу, затаивалась длинная заунывная пѣсня, въ другое-бы время подхваченная десятками сильныхъ, звучныхъ голосовъ, но теперь безслѣдно замиравшая въ общей суматохѣ. Прикрѣпленные къ стѣнамъ жировики лили тускло-багровый свѣтъ на черныя, загорѣлыя лица рабочихъ, копошившихся въ этой душной атмосферѣ, наполненной миазмами и ѣдкимъ дымомъ махорки. Въ одной изъ группъ, расположившейся у жировика въ переднемъ углу барака, на низкомъ деревянномъ обручѣ, сидѣлъ, починивая бродни, человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ засаленной ситцевой рубахѣ и въ жилетѣ. Протянутыя, на сбитый изъ глины полъ, босыя ноги обращали на себя вниманіе уродливостью пальцевъ и мускулистой толщиной иеръ. Такою-же мускулистою отличались и руки, съ засученными у плечъ рука-

вами рубахи, то плотно сшивавшія бродень при прокалываніи его шиломъ, то съ силою стягивавшія ремень, которымъ онъ прикрѣплялъ, вмѣсто дратвы, отпавшее закаблучье. Время отъ времени, онъ взбрасывалъ падавшіе на глаза длинные волосы, открывая красивое овальное лицо, поражавшее правильностью линий. На углахъ сжатыхъ губъ, обрамленныхъ темнорусыми усами и клинообразной бородкой, мелькала улыбка; тонко очерченныя, широкія ноздри постоянно вздувались какъ-бы отъ внутреннего подавленнаго смѣха. Но особенную оригинальность придавало наружности его выраженіе большихъ черныхъ глазъ, которые, то вспыхивали и свѣтились, и что-то рѣзкое, вызывающее, дерзко-насмѣшливое дышало, въ эти минуты, въ каждой чертѣ его, то вдругъ потухали, точно уходили куда-то во внутрь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое лицо принимало безжизненный отпечатокъ.

Данило Флиппичъ Карповъ, извѣстный болѣе въ Т...тайгѣ подъ названіемъ „Ежа“; появился на пріискахъ юношей и съ тѣхъ поръ не разставался съ ними. Тяжесть работъ и условій пріисковой жизни преждевременно избороздила лицо его морщинами и усыпала сѣдинами темнорусые, вьющіеся волосы; но преждевременно состарившаяся жизнь способствовала, въ то же время, развитію природнаго ума, находчивости и неподдающейся препятствіямъ энергіи. На каждомъ пріискѣ онъ умѣлъ приобрѣтать въ средѣ рабочихъ любовь и довѣріе къ себѣ, непоколебимыя ни въ комъ зависти, какъ это часто бываетъ между людьми. Много тайлось въ натурѣ его кипучей страстности, которая, помимо воли, обяательно дѣйствуетъ на людей и подчиняетъ вліянію подобныхъ натуръ. Эта, присущая ему, сила сказывалась во всемъ, даже въ мелочахъ. На пріискахъ, на примѣръ, всегда немало найдется пѣсенниковъ съ сильными, развитыми голосами, пользующихся обширною славой. Уступая имъ, Ежъ все-таки умѣлъ пѣть такъ, что каждая нота его хватала слушателя за сердце, и въ ея безыскусственныхъ звукахъ выливался весь человѣкъ съ душой страстной, любящей и дѣтски довѣрчивой. Мастеръ онъ былъ и на бойкое слово, и на прибаутку. Иногда, что-то наивное, дѣтское проглядывало въ этомъ сильномъ человѣкѣ, но, въ то же время, онъ—ребенокъ, не позволяя никому наступать себѣ на ногу, и люди, физически вдвое болѣе сильные, нерѣдко робѣли передъ нимъ. Простыя, самообытныя натуры тѣмъ сильны, что въ нихъ нѣтъ выдержанной, хладновровновой расчитанности, съ какою большинство людей относится къ своимъ ближнимъ. Они всегда и во всемъ искренни, смѣло глядятъ въ глаза каждому и не задумываются передъ очевидностями, руководимые сознаніемъ своей правоты. Это, своего

рода, фанатики, смѣшные и непонятные для людей, выросшихъ въ правилахъ, усвоенныхъ образованными есловіями. Тамъ, гдѣ другіе смиряются, подчиняясь необходимости или падая духомъ, они вооружаются всею силою своей страстной души, находятъ цѣль жизни въ борьбѣ, не радуясь при торжествѣ и выказывая геройскую стойкость, когда сами становятся жертвами ея. Таковъ былъ и Ежъ. Онъ не любилъ, какъ и большинство людей съ сильнымъ, сосредоточеннымъ характеромъ, вдаваться въ рассказы о себѣ и о своихъ подвигахъ, но самое названіе „Ежа“, данное ему таѣжниками, мѣтко характеризовало нравственный складъ его и дѣятельность. Онъ не покинулъ ни одного прииска, не оставивъ по себѣ рассказа между рабочими, гдѣ-бы энергичная фигура его не являлась протестующей противъ произвола и насилія.

Не обошлось у него безъ столкновенія и съ администраціей Г...о прииска. Въ числѣ рабочихъ былъ одинъ старикъ, называемый „Рубцомъ“ за шрамы, разсѣкавшій лѣвую щеку и губы. Это было ветхое существо, доживавшее на приискахъ свою страдальческую жизнь, и превращенное временемъ въ идиота. Силы постоянно измѣняли ему, и трудъ, легкій для другихъ, для него становился тяжестью. Но какъ покорное животное, привычное къ работѣ, напрягая силы стащить грузный возъ, наконецъ, падаетъ, такъ нерѣдко падалъ и Рубецъ отъ непосильнаго для лѣтъ его напряженія. И какъ въ тусклыхъ глазахъ животного появляется въ эти минуты выраженіе, молящее о помощи и пощадѣ, — такое-же выраженіе принимали, въ подобныхъ случаяхъ, и глаза всегда молчаливаго Рубца. Онъ былъ жалокъ; молодѣжь смѣялась надъ нимъ, онъ поворно улыбался въ отвѣтъ на насмѣшки и шутки ихъ. Однажды, Рубца, работавшаго въ разрывѣ вмѣстѣ съ Ежомъ, надсмотрщикъ ударилъ по головѣ за какую-то сдѣланную имъ ошибку. Ударъ былъ такъ силенъ, что Рубецъ упалъ. Остальные рабочіе, привыкшіе къ этимъ сценамъ, не обратили на нея вниманія; но не то было съ Ежомъ. Помогши Рубцу подняться на ноги, онъ тихо спросилъ надсмотрщика: „Кого ты бьешь? Есть-ли въ тебѣ душа... одумайся!“ Немногихъ словъ этихъ было достаточно, чтобы надсмотрщикъ выинулся и на непростеннаго заступника. Но едва онъ ударилъ Ежа, какъ въ виду всѣхъ рабочихъ покотился кубаремъ. Съ налитыми кровью глазами, съ лицомъ, искаженнымъ бѣшенствомъ, Ежъ убилъ-бы надсмотрщика, еслибы въ-время не отняли его рабочіе. „Заделу, заделу на смерть!“ кричалъ управляющій, приказавъ привести къ себѣ Ежа, когда ему доложили о поступкѣ его. Но, вѣроятно, и по фигурѣ пришедшаго къ нему

Ежа, и по тону, какъ онъ произнесъ: „дери! я вдѣсь!“ — управляющій понялъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и молча ушелъ въ свой домъ. Въ тотъ-же день Ежа перевели въ дальнѣй разрѣзъ, на тяжкую работу, куда обыкновенно посылали только опасныхъ рабочихъ. „Ну-у не сдобровать Ежу!“ шепотомъ говорили между собой рабочіе, зная, что управляющій не изъ тѣхъ, которые легко прощаютъ обиды...

Но возвращаясь къ началу разсказа. Закрѣпивъ одинъ бродень, Ежъ продолжалъ ту же работу надъ другими, изрѣдка поправляя свѣтильно чудивнаго жирника и прислушиваясь къ шедшему около его разговору.

— Жирю мужику нагуливать и свынше дозволенья имѣть! произнесъ весьма пожилой рабочій, съ большою лисиной на широкой головѣ, и, высучивъ на головѣ колѣнѣ толстую нитку вдвое, вдѣлъ ее къ свѣту въ иглу и обвелъ слушателей лукаво насмѣшливымъ взглядомъ. — Жиръ мужику — баловство; на то объ тебѣ и пекутся, чтобъ ты не выросъ свынше имѣры, а выростешь — ну, и обрываютъ съ того конца, гдѣ у нашего брата ума болѣ. Ты вотъ погляди на скотину: поколь у ней ребра на показъ — смирна, а нагуляла жиру за лѣто — отколь и притѣ возьмется! Такъ и мужичье дѣло. Дай-во-бы мужику за-все сытымъ быть... и-и неспособился бы! Чтѣ около сятаго коня, то и около сятаго мужика: други, ходи съ оглядкой — бры-ы-ынешеть! Сятаго-то мужика въ узнѣй земуть не впряжешь!

— Неншто, Фроль Ивановичъ, мужиковъ-то впрягаютъ? прервалъ его молодой парень съ худой, впахой грудью, сидѣвшій поодаль отъ всѣхъ.

— Мужикъ-то почитай чище другой лошади на возжѣ-то ходить!

— Въ первой слышу!

— А то-же лѣзешь съ людьми разговаривать! Э-эхъ Анчутъ, Анчутъ! голова-то съ овинъ, да въ овинѣ-то клинъ! Знай-же, что промежь тобой и скотиной та разница: на скотину хомуть силой надѣваютъ, а ты въ него самъ лѣзешь, да еще потуже затягиваешься! И хомуть этотъ — невидимка, простому человѣку даже не въ примѣту! А чтѣ, въ слову спросить, Данило Филиппычъ, обратившись къ Ежу, спросилъ онъ: — никакъ у насъ нѣтъ съ тобой до послѣдней петли затянуто?

— Тугонько! отвѣтилъ Ежъ, взбросивъ волосы и отеревъ лицо, съ котораго не складило веселее настроеніе.

— Много, по твоему, денегъ-то придетъ?

— Не выговоришь...

— О-о! Выходить кругло-жь, а?

— И вошла экаго не знаю гдѣ подобрать, куда-бъ скла-а-асть!

Фроль Иванычъ, вмѣсто отвѣта, хихикнулъ какъ-то въ себя и мотнулъ головой.

— Нонѣ, Фроль Иванычъ, въ плисѣ не защеголемъ! продолжалъ Ежъ:—у всѣхъ тугонько!

— Не пораспустить ли, а?

— Боятся!

— Не натерло еще выходить?

— У инаго и перетерло, да вишь трахтуютъ, кабы воддырь не слыль: ужъ больно садко!

— Не раскачались, — погоди!

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, Данилушка! Видалъ, чего быжничка-то боится? Ни дождя, ни грозы, ни холодной росы, а острой косы!

— Фроль Иванычъ! вступился грубый голосъ, заглушившій собой говоръ и смѣхъ:—а ты слыкаль ли, что косы-то боятся, и быль-бъ не расти! Да вотъ ростеть-же?

— Слыхаль я это, Памфилушка, а вотъ ты что слыкаль-ли: зернышко-то на мякинѣ держится, да черезъ мякину и кормится, а все какъ нардѣтъ, такъ мякину-же къ землѣ клонить, а не мякина его... Отгони-ко вотъ!...

— И прибаутокъ-же... ахъ, ты братецъ мой... и гдѣ это онъ наковырялъ ихъ!

— Наковыряешь... какъ шестьдесятъ-то семь годовъ Богу и великому Государю отслужишь. Много я видывалъ други! Видывалъ, какъ и зерно мякину гнуло, а колоски съ корешкомъ вырывали! Не видалъ одного только, да и не увижу, чтобъ мякина зерно пригнула! И все, други, скажу: ровно прежній-то гародъ покрѣиче былъ, а нонѣшній что-то жидковать!...

— На худой пашнѣ, дая, и хлѣбъ, нешадашенъ! замѣтилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Э-э-эхъ одна-бы пашня-то, и укодъ то одинъ-бы, да ужъ такъ... На крупный народъ неурожае поможь, куда ни погляди... Ахъ, даже говорить-то...

— Аль усталъ?..

— Устанешь.—Языкъ-то мозолить надоѣло и онъ что брусъ,—стирается!

— Стало-быть, худой брусъ, коли стирается. Добрую-то брусину не скоро сотрешь.

— Сотрешь и добрую!.. Ржавое желѣзо всякой брусъ портить—вѣрь!

— Памфилъ Карнычъ! ты съ нимъ не спорь! Загадаи пой-

доть метать, хошь тышь городи! И кто это, дядя Фроль, тебя училъ имъ?

— Училь-то меня одинъ-бы съ вами учитель, да вишь не всѣмъ, погляжу, эта грамота далась...

— Я, дядюшка, первой неграмотный, ты меня въ свое слово не путай!..

— Ты, Анчутушка, и самъ въ своемъ словѣ запутаешься.

Общій взрывъ хохота прервалъ Фрола Иваныча, даже самъ Анчутка захохоталъ и закашлялся, схватившись рукою за грудь. Между тѣмъ, около Фрола Иваныча понемногу стали группироваться и остальные рабочіе.

— Охъ, горе да нужда, голодь да стужа всему, други, научать, продолжалъ Фроль Иванычъ:—только не всякой смышленъ изъ этой грамоты-то выходить!

— Обшлфовала тебя, Фроль Иванычъ, наука-то! должно, съ нея у тебя и голова што пузырь гола!.. послышалось изъ среды столпившагося кружка.

Большинство рабочихъ давно уже покинуло свои занятія и стѣснилось около словоохотливаго Фрола Иваныча.

— А ты, Данилушка, што-то плотно броденьки-то чинишь?.. Аль путь-то далекъ, а? съ лукавой улыбкой спросилъ онъ Ежа.

— Мое, Фроль Иванычъ, дѣло такое: не знаешь, гдѣ ляжешь, не чуешь, гдѣ встанешь! Хочу нонѣ своимъ неведомъ рыбу ловить.

— Закидывай, Данилушка, мутное озеро-то,—уловъ будетъ, а я на пяту!..

— Становись, дядя Фроль, старый умъ молодому заручка. Хошь пуху не добудемъ, да перье отстоимъ! Чтожъ, братцы, поидеть кто въ поплавки къ моему неводу, а? взбросивъ волосы и весело посмотрѣвъ на окружающихъ, спросилъ онъ.

Фроль Иванычъ низко наклонившись надъ работой, чтобъ скрыть выступившую на лицѣ усмѣшку, быстро замоталъ въ воздухѣ иглой.

— А глубоко ты будешь закидывать-то, Даниль Филипычъ?..

— Рыба-то поверху не плаваетъ, а по дну! съ улыбкой отвѣтилъ онъ.

— Съ нашего брата пухъ щиплютъ—не спрашиваютъ, больно, аль нѣтъ; такъ и намъ—закидывать, такъ ужъ во всю меражу!.. произнесъ изъ толпы пожилой старикъ...

Кто знакомъ съ русскимъ простолюдиномъ, тотъ, вѣроятно, замѣчалъ, съ какой иногда изумительной легкостью возбуждается онъ. Одного фѣдкаго намека, остраго слова бываетъ достаточно, чтобъ предъ нимъ выяснилась истина, до тѣхъ поръ и неваряж-

давшаяся въ умѣ его. Но, благодаря этой легкости возбужденія, онъ и дѣйствуетъ безъ опредѣленнаго плана. При всемъ запасѣ энергій, въ которой пельза ему отказать, у него недостаетъ твердости выдержать до конца въ предпринятомъ дѣлѣ. Такъ и теперь, затаенная дума каждого нашла вѣрный отголосокъ въ общемъ ропотѣ неудовольствія, все болѣе и болѣе возвышавшемся въ средѣ рабочихъ.

— Не совсѣмъ-же ржаво желѣзо-то, Фроль Ивановичъ, а? окликнулъ, подмигнувъ на гудѣвшую толпу, молодой парень съ бурчавыми, свѣтлыми какъ ленъ волосами:—точиль, точиль да и начилиль!

Вмѣсто отвѣта, Фроль Ивановичъ, также усмѣхнувшись какъ-то во внутрь, молча наклонился надъ своею работой. Фроль Ивановичъ, какъ и Ежъ, пользовался большимъ авторитетомъ въ средѣ рабочихъ. Въ грубыхъ, но крайне подвижныхъ чертахъ его лица выражалось много ума и самаго наивнаго добродушія. Небольшіе сѣрые глаза, въ старческихъ покраснѣвшихъ вѣкахъ, окруженные сложною сѣтью точно иглою проведенныхъ морщинъ, казалось, не могли выражать иного чувства кромѣ смѣха, но смѣха, никого неоскорбляющаго. Это былъ человѣкъ того типа людей, жизнь которыхъ всегда составляетъ противорѣчіе съ выводами, какіе они способны дѣлать, благодаря своей наблюдательности. Они всегда безкорыстны, вслѣдствіе своей безграничной доброты, и, несмотря на весь свой опытъ, на всѣ уроки жизни, всегда довѣрчивы къ людямъ. Никто неспособенъ къ такой самоотверженной дружбѣ какъ они и никто неспособенъ, въ то же время, сдѣлать такъ много зла—при всей своей добротѣ и незлобивости, какъ они, подъ увлеченіемъ окватившаго ихъ чувства. Податливость ихъ натуры способствуетъ уживчивости во всякой средѣ, при всякихъ обстоятельствахъ. Они, иногда, пользуются значительнымъ вліяніемъ на окружающихъ и, въ то же время, никто болѣе, какъ они, не нуждается въ посторонней поддержкѣ, въ подчиненіи вліянію людей, часто стоящихъ далеко ниже ихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, но имѣющихъ болѣе устойчивый характеръ. Между Фроломъ Ивановичемъ и Ежомъ, несмотря на противоположность ихъ характеровъ, существовали самыя теплыя, дружескія отношенія. Подобная дружба, неохлаждающаяся ни при какихъ обстоятельствахъ, часто встрѣчается въ быту народа. У престолюлина нѣтъ ничего завѣтнаго для любимаго человѣка. Хозяйство ихъ взаимно открыто для пользованія другъ у друга. Они безъ сиресу берутъ лошадей, вещи, если встрѣчается въ нихъ надобность, берегутъ, въ случаѣ отлучекъ, оставляемое на ихъ попеченіе хозяйство,

съ бѣльшей заботливостью чѣмъ собственное. Обмануть друга, выдать его въ несчастіи—считается преступленіемъ, для характеристики котораго нѣтъ и слова.

— Раскачалъ, Данилушка, мякину-то! быть дождю съ градомъ! съ ироніей произнесъ Фроль Иванычъ, обратившись къ Ежу: устояла-бъ только!

— Устояты!

На слѣдующій день, во флигелѣ, примыкавшемъ къ главному зданію прииска и квартирѣ управляющаго, съ выѣской на дверяхъ „Контора“, съ утра, густою массою тѣснились рабочіе. Комната, занимаемая конторой, была обширна. Въ одномъ углу ея, огороженномъ плотной рѣшеткою, сидѣлъ главный конторщикъ, молодой человекъ, съ длинными бѣлокурыми волосами. Двое помощниковъ и человекъ три конюховъ окружали его. Несмотря на бессонную ночь, проведенную за сведеніемъ расчетовъ, и конторщикъ, и помощники его были въ веселомъ расположеніи духа: для нихъ, какъ и для рабочихъ, окончаніе утомительнаго крисксоваго сезона и выѣздъ на зиму въ города самое веселое время. Въ средѣ рабочихъ шелъ оживленный говоръ и смѣхъ. Несмотря на то, что дверь была раскрыта настежь, и осеннее утро, наступившее послѣ ненастной ночи, было морозно, въ комнатѣ царствовала невыносимая духота. У небольшой дверцы, около рѣшетки, стоялъ конюхъ, отворяя ея для пропуска за рѣшетку вызываемыхъ въ алфавитномъ порядкѣ рабочихъ. Расчетъ ихъ не представляетъ продолжительной процедуры. Рабочій получаетъ на руки билетъ, хранящійся въ конторѣ, и при немъ счетъ, въ которомъ выписывается все забранное имъ, съ цифрой стоимости каждой вещи или продукта. Во избѣжаніе тѣсноты, рассчитаннаго рабочаго выпускали изъ конторы въ противоположную дверь, также охраняемую конюхомъ. Въ то время, какъ въ заднихъ рядахъ рабочихъ слышался смѣхъ и говоръ, въ переднихъ, жавшихся у рѣшетки, наблюдалось молчаніе. Каждый изъ рабочихъ зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями конторщика и особенно за однимъ изъ помощниковъ его, сидѣвшимъ по правую сторону стола, около высокихъ столовъ ассигнацій и мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ.

— Николая Митрича съ зимнимъ денькомъ, что съ горячимъ блинкомъ! произнесъ, вдругъ, протѣснившійся къ рѣшеткѣ молодой парень, съ бойкимъ, выразительнымъ лицомъ, вытанувшись во фронтъ передъ рѣшеткой.

Выходка эта была встрѣчена общимъ, прокатившимся въ толпѣ, смѣхомъ; конторщикъ поднялъ голову и улыбнулся.

— Ты все съ шуточками, не унялся еще!

— Мяли, Николай Митричъ, да отсталя; изъ неспорой глины, сказывають; горшка не обожешь! Не томите душъ-то въ отпущеніи грѣховъ! заключилъ онъ, кивнувъ головой на рабочихъ.

— Абрамовъ! Егоръ Абрамовъ?.. произнесъ конторщикъ, глядя на толпу.

Бъ рѣшеткѣ протѣснился молодой, неуклюжій на видъ, парень...

— Иди, растопыривай карманы-то! сострилъ конюхъ, затворяя за нимъ рѣшетку.

— Тридцать два рубля 83 копейки! подавая ему билетъ, счетъ и деньги, произнесъ конторщикъ.

Молча принявъ деньги, Абрамовъ медленно пересчиталъ ихъ и, немного подумавши, съ разстановкой повторилъ: „Такъ это тридцать-то два рубля всего? ловко!“

Гуль смѣха былъ отвѣтомъ ему.

— Ловко .. ай, ай! снова повторилъ онъ, повидимому не прѣдя еще въ себя отъ поразившей его цифры.—Энто за какіе-жъ бы провины обшарпали-то?

— Тебѣ данъ счетъ, и читай! отвѣтилъ тотъ, не глядя на него.

— Считай! ты мнѣ словомъ скажи. Я вотъ еще неграматный!

— Акимовъ?.. вмѣсто отвѣта выкинулъ конторщикъ.

Толпа снова заколыхалась, давая дорогу хромоногому старику, съ худымъ морщинистымъ лицомъ, обросшимъ ключами волосъ вмѣсто бороды. Войдя за рѣшетку, онъ перекрестился раза два въ передній уголъ и поклонился конторщику.

— Шестьдесятъ восемь рублей! подавая деньги, также вмѣстѣ съ билетомъ и счетомъ, сказалъ конторщикъ.

— Что-жъ, отвѣтъ мнѣ что ни на есть! снова обратился къ нему Абрамовъ.

— Что-жъ тебѣ отвѣтить-то?..

— За что обшарпали-то меня! мнѣ, по моему-то счету, болѣ ста рублей надоть на руки-бы!

— Сосчиталъ-же! съ усмѣшкой обратился къ конторщику сидѣвшій около его помощникъ.

— А ты думалъ, что мужикъ, такъ и счету не знаю, прервалъ его Абрамовъ, весь вспыхнувъ и встряхнувъ волосами: нѣтъ, я братъ еще тебя научу!

Въ это время, и старикъ, пересчитавъ деньги, замаялся и робко произнесъ: „маловато-бы и мнѣ-то, ровно!“

— Чего ты ждешь еще? нахмуривъ брови спросилъ конторщикъ обращаясь къ Абрамову:—тебя разсчитали?

— Нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, вѣдь ты деньги получилъ?

— Додачи жду! мнѣ слѣдуетъ сто рублей, а кинулъ, што собакѣ кость, и разсчиталъ! Нѣтъ, нонѣ у насъ у самихъ голови-то не въ обручакъ,—ты вотъ и языкомъ шевельнуть не хошь, за што обшарналъ, даешь и спрашиваешь: чего мнѣ надоть! Я знаю чего мнѣ надоть, мнѣ мои деньги подай!

— Да ты пьянъ вѣрно? съ удивленіемъ произнесъ конторщикъ.

— Студеной воды два ковша выпилъ, точно! А ты, почтенный, не напоивши, не кори! Пьянъ! съ обману-то вашего охмѣлѣешь!

— Ты забылся? гдѣ ты стоишь?

— Мѣста не продамлю, небойся!

— Выведите его! весь покраснѣвъ обратился конторщикъ къ конюхамъ.

— Энто вмѣсто разсчета-то! нѣтъ я еще не пойду, ты мнѣ, наперво, подай мое кровное, да тогда ужъ гони! Слышь братцы, выводить хотять, обратился Абрамовъ къ толпѣ, среди которой царило глубокое молчаніе.

— Егорка! подь лучше безъ грѣха! вступился одинъ изъ конюховъ, неохотно придвигаясь къ нему.

— Мнѣ мое подай, тогда и самъ уйду, а ты не подходи! и ей-богу не подходи, коли скула цѣла!

Но не прошло и минуты, какъ съ крикомъ: „братцы, что-жъ это, ограбили, да и гонять!“ онъ вылетѣлъ за дверь конторы и присѣвъ на земляную завалину, заплакалъ, уткнувъ голову въ руки, забывъ и о шапкѣ, выпавшей изъ рукъ его при борьбѣ съ конюхомъ и выброшенной далеко отъ двери въ грязь.

Что-то неясное пробѣжало въ толпѣ и, вслѣдъ за тѣмъ, снова наступила тишина.

— А ты чего ждешь? спросилъ конторщикъ, не то усталымъ, не то взволнованнымъ голосомъ, разсчитаннаго старика,—вѣдь деньги получилъ?

— Получилъ, получилъ, дай тебѣ Богъ! только, говорю, мало-вато-бы, ровно... ну да ужъ коли-что... такъ чего говорить... гоняете!.. А-а-ахъ! И, сказавъ счетъ и деньги въ рукахъ, онъ направился къ той двери, откуда былъ выпровоженъ Абрамовъ.

Вызванный вслѣдъ за нимъ, по порядку, высокій, сутуловатый рабочій молча всунулъ полученный билетъ за пазуху; пересчиталъ деньги и, размотавъ веревку, прикрѣпленную къ ногѣ голенище бродня, заложилъ за него деньги и угрюмо спросилъ конторщика: „все?“

— Все!.. отвѣтилъ тотъ, вопросительно посмотрѣвъ на него.

— Видать, густо мѣсили, да хлѣбать нечего! задумчиво произнесъ онъ: неужъ и все тутъ? снова спросилъ онъ. Въ эфтакой-

то препорѣнія обсчитывать нашего брата, на мой мужичій умъ, — грабежъ.

— Выражайся полегче, любезный! предостерегъ его конторщикъ, весь покраснѣвъ: — въ другомъ мѣстѣ можешь говорить, что угодно, а здѣсь будь вѣжливъ!

— Слово-то не обухъ, не бьетъ! И у березки слезки текутъ, когда съ нее лыко деруть — не токма наше дѣло! Заговоришь, какъ въ три-то скребла огребають! А-а-ахъ, правда! безъ пути пустырями по свѣту бродишь, только къ людямъ не заглядываешь! — Дай вамъ, Господи, чужія крохи ѣсть, не давиться; людской слезой, что соленой водой не напиться! Экая совѣсть-то у людей, братцы! обратился онъ къ толпѣ: — почестъ третьей доли не дали того, что доводится, а-а!..

— Выведите его! обратился къ конюхамъ, начинавшій выходить изъ терѣвня, конторщикъ.

— Доколь-же это, братцы, глумиться-то надъ нами будутъ!

— Иди, иди, Вавило, нѣчего! произнесъ одинъ изъ конюховъ, беря его подъ руку.

Толпа заколыхалась, и къ рѣшеткѣ выступилъ Ежъ.

— Иди, Вавило! произнесъ онъ среди невозмутимаго молчанія. — А ты, ваше почтеніе, кликни намъ управляющаго! обратился онъ къ конторщику; — мы съ нимъ поговорить хотимъ!

— О чемъ это? спросилъ его смутившійся конторщикъ: — если что нужно, говорите, я передамъ.

— Въ чужую кашу, ваше почтеніе, свою ложку не суй... Мы ее и своими расхлебаемъ!..

— Ты кто такой, чей прозываешься?..

— Карповъ, а за все-то Ежомъ зовусь...

Конторщикъ молча переглянулся съ своими помощниками, лица которыхъ, какъ и его собственное, выражали полное недоумѣніе. Переглянулись между собой и конюха, понявъ, что затѣвается что-то недоброе, и что роль ихъ чуть-ли не окончена. Подумавъ немного и снова посмотрѣвъ на толпу, въ средѣ которой хранилось мертвое молчаніе, — признавъ твердо принятаго рѣшенія, конторщикъ всталъ и, собравъ документы и деньги, сложилъ ихъ въ столъ. Звучно щелкнулъ замокъ среди тишины.

При рѣдкомъ расчетѣ присековыхъ рабочихъ не возникаетъ между ними неудовольствія на неправильную оцѣнку труда, на высокія цифры, проставляемыя за забранные ими товары и продукты. Подобныя натяжки при расчетахъ съ рабочими встрѣчаются не только у тѣхъ золотопромышленниковъ, дѣла которыхъ

идутъ плохо и съ году на годъ грозятъ наденіемъ, но и при хорошей организаціи хозяйства, при благодарномъ вознагражденіи произведенныхъ затратъ. Гнетъ этотъ всегда идетъ черезъ руки управляющихъ пріисками, которымъ ввѣряется распоряженіе работами и вся административная дѣятельность на правахъ самостоятельныхъ лицъ. Чѣмъ болѣе управляющій соблюдаетъ интересы своего хозяина, тѣмъ болѣе гарантируетъ прочность своего положенія, всегда завиднаго, благодаря хорошему содержанию и полному матеріальному обезпеченію.

Василій Никитичъ Будряшевъ, управлявшій Г...ъ пріискомъ находившимся въ вѣдѣніи конкурса, учрежденнаго надъ дѣлами одной изъ золотопромышленныхъ компаній, не пользовался хорошей репутаціей, не только между рабочими, но и у другихъ служащихъ. Человѣкъ онъ былъ пожилой, съ значительною просѣдою, въ коротко-остриженныхъ волосахъ и оладистой бородѣ, пользовавшійся завиднымъ здоровьемъ, благодаря постоянной физической дѣятельности. Подобострастный и хитро-врачливый съ высшими, онъ не зналъ границъ произволу съ людьми, зависящими отъ него. Какъ всѣ коренастые, полнокровные люди, онъ былъ вспыльчивъ до изступленія, причеъ хриплый голосъ его сипѣлъ, глаза наливались кровью, и горе было не только рабочимъ, но конторщикамъ и надсмотрщикамъ, подвергавшимся въ эти минуты, припадкамъ его гнѣва. Онъ раскипалъ удары направо и налево, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, и считалъ, не только ненужнымъ, но неприличнымъ, для своего званія, извиняться предъ невинно-пострадавшими, когда выяснялось дѣло. Рабочіе, окрестивъ его названіемъ „крутолобный“, боялись его. За Василиемъ Никитичемъ было много дѣлъ, которыя другому-бы не прошли безнаказанно, но, находясь болѣе чѣмъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ конкурса и имѣя репутацію хорошаго управляющаго, онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и заступничествомъ, въ случаѣ возникающихъ жалобъ. Одна неопытность или необходимость отработать забанное гнала рабочихъ на Г...ій пріискъ. Василій Никитичъ и когда не присутствовалъ при расчетахъ, предоставляя криосить ропотъ неудовольствія и нареканій конторщику. Сидя теперь въ комфортабельно убранной комнатѣ, стѣны которой вмѣсто обоевъ были увѣшаны коврами, онъ свѣрялъ пріисковья шнуровыя книги и черновой отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за лѣтній сезонъ. Переданное ему желаніе рабочихъ видѣть его и говорить съ нимъ, неприятно подѣйствовало на него. Откинувшись на высокую спинку кресла, онъ побагровѣлъ; глаза его съузились, и большой палецъ правой руки быстро завертѣлся

около рта. Василій Никитичъ понялъ, зачѣмъ рабочіе желаютъ видѣть его, и о чемъ будутъ говорить съ нимъ. Не сказавъ ни слова конторщику, онъ всталъ, надѣлъ, вмѣсто халата, бешметъ, опущенный бѣличьимъ мѣхомъ и, опустивъ въ карманъ небольшой шестиствольный револьверъ, постоянно заряженный и всегда лежавшій у его постели, вышелъ, въ сопровожденіи конторщика.

При входѣ въ контору, онъ зачерпнулъ изъ ушата, стоявшаго у двери, воды въ небольшой жестяной ковшъ и, выпивъ нѣсколько глотковъ, отеръ ротъ и усы рукавомъ бешмета и взялся за дверную скобу. Но прежде, чѣмъ отворить дверь, пасмурное лицо его, способное повиноваться волѣ своего хозяина, приняло совершенно иное выраженіе. Морщины на лбу разгладились, сжатый ротъ раздвинулся въ улыбку; только глаза совершенно скривились, чуть прорѣзываясь изъ сдвинувшихся вѣкъ, да яркій румянецъ выдавалъ еще слѣды недавняго волненія. Василій Никитичъ, какъ и всѣ, недаромъ прожившіе на свѣтѣ люди, умѣли владѣть собой и подавлять свой гнѣвъ, прикрывая его улыбкой тамъ, гдѣ требовали того обстоятельства.

— Здравствуйте, голуби, здравствуйте! улыбаясь и потирая руки привѣтствовалъ онъ молчаливую толпу. И смутившись, не получая отвѣта отъ нея, быстро заговорилъ: — ну вотъ, слава Богу и работы покончили, по домамъ теперь, на покой къ бабамъ... то-то съ голодухи-то поди а-а... ха-ха! съострилъ онъ, подходя къ рѣшеткѣ.—Ну, что, голуби, обо мнѣ соскучились, а? Спасибо, спасибо за память!..

— Мы, ваше почтеніе, все помнимъ! отвѣтилъ ему Ежъ, глаза котораго заискрились и лицо приняло свойственное ему одушевленное выраженіе:—только вы-то насъ забыли!

— Какъ-же это, чѣмъ-же я-то забылъ васъ? ба-ба-ба... да ты никакъ знакомъ еще мнѣ! вмѣсто улыбки, неприятно скрививъ ротъ, спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ него.

— Видались за лѣто-то!

— Помню, помню, какъ-бишь тебя?..

— Ежъ, ваше почтеніе! подсказалъ онъ смѣло, въ упоръ глядя на него...

— Да, да, да!.. Кто-жъ это тебя окрестилъ-то такъ, а?.. Ежъ... такого имени и въ святцахъ нѣтъ... ха, ха, ха!.. Не попь вѣдь, поди, а?..

— Нивакъ нѣтъ-съ... а ужъ такъ, по шерсти и кличку мѣръ дасть!

— О-о! да ты говорокъ!

— Таѣжныя дорожки всякую глину въ гладь оботрутъ, ваше почтеніе!

— Говоро-о-онь!.. протанулъ Василій Никитичъ, чувствуя свое неловкое положеніе, и не зная съ чего начать себе щекотливое объясненіе съ рабочими:—такъ что-бишь... зачѣмъ вамъ меня-то, а?.. спросилъ вдругъ онъ, обратившись къ толпѣ.

— Обероили ужъ больно, Василій Никитичъ, покромок-то у вашего суконца! Широки, нельзя-ли поуже! сле-сно міръ просить! отвѣтилъ ему Ежъ...

— То-есть, что-же это? Я не понимаю!

— Расчеты-то ваши-съ на видъ гладки-съ,—да шармавы, по-жамуй такъ карманы протрутъ!

— А-а... да, да! понимаю! значить, по вашимъ покромкамъ расчеты-то пригнать? шутливо спросилъ онъ.

— Обожднос-бы дѣло! мы для васъ радѣли, а вы объ насъ!

— Сколько кто хочетъ, столько и дать, а? такъ что-ли? сколько спросилъ онъ.

— Обрадовали-бы...

— Знаю, знаю!.. И самъ знаю, молодцы, обратилъ онъ къ толпѣ,—что обрадоваль-бы васъ, да не моя воля... Не я хозяинъ! вы нашихъ дѣлъ не знаете! Я вѣдь и самъ понимаю, что если ты... ну какъ-бишь тебя, Ежъ, чтоли?

— Ежъ... такъ точно-съ!

— Ну ты, напришѣрь, валь бродни изъ цейхауза... они стоятъ рубль...

— По ихнимъ качествамъ, Василь Никитичъ, вся имъ цѣна—тьфу!

— А знаешь-ли ты, что, по справедливости-то, я долженъ-бы ставить ихъ въ счетъ три рубля. Миѣ такъ и конкурсъ приказываетъ, а я ставлю ихъ въ два,—на свой счетъ рубль принимаю, чтобъ только васъ не обидѣть! Такъ сколько-же этики-то рублей у меня изъ кармана выходитъ?

— Не наше дѣло ховяйскій расчетъ вести! слышалось изъ толпы.

— У хозяевъ и карманъ-то, Василь Никитичъ, толще вѣловой сосны: есть изъ чего и къ нашему брату снисойдти!.. серьезно произнесъ Ежъ.

— У нихъ тыщи! снова заговорили въ толпѣ:—а у насъ крохи: у нихъ лишню тыщу потрясти—горе беретъ, а у насъ послѣдню кроху отбираютъ!

— Сказано, что къ ихней совѣсти, правда, что къ сухой лопатѣ песокъ, не пристанетъ! Вотъ ты-бы, Василь Никитичъ, самъ поробилъ, такъ провѣдалъ-бы, каково оно! И ты бы заговорилъ, какъ у тебя стали-бы твое-то добро обкраивать!

— Это кто тамъ говорить? покажись-ка сюда!.. промнись, по-багровѣвъ, Кудряшевъ.

— Кто-бы не говорилъ тамъ, а ты знай слушай, да мотай на усы!

Нижняя губа Василя Никитича дрогнула, рука, сжавшаяся въ кулакъ, уперлась въ рѣшетку, какъ-бы ища опоры.

— Оно, точно, Василь Никитичъ, снова вступился Ежъ,—по вашимъ словамъ хозяйвамъ расходъ большой, только, на мой-бы умъ, за плевны вещи имъ-бы и убичиться не слѣдъ, и мужиковъ-бы не ворить. Донскаго году торгующій завезъ было сюда товары, такъ ваиа же милость пригвазали его выпроводить, а онъ не въ примѣръ дешевле бралъ! Тогда-бы, значить, и намъ-бы льгота, и хозяйну безъ разоренья! съ ироніей заключилъ онъ, смотря на смущенное, неожиданннмъ аргументомъ его, лицо Василя Никитича.—Вотъ онъ, зипунчикъ-то, за лѣто-то, изволите видѣть, окромя какъ на неводъ, никуда не пригожь, а то же 15 рубликовъ поставили, а ему и вся-то цѣна съ ляхвой-бы—пять!

— Зачѣмъ-же бралъ, если онъ дурень и дорогъ? вѣдь не наливали силой!

— Оно точно! да вѣдь хоша народъ ми и теплый, а все своето овчина не грѣеть... Холодно, и плачешь да берешь.

— А согрѣлся, такъ и хозяйскій зипунъ показался дорогъ и худъ?

— Да отъ него согрѣву-то немного видали, Василь Никитичъ. Только слава, што на плечахъ зипунъ, а все болѣ изъ своей-же каменки пару въ кулаки поддавали. Такъ ужъ будьте по-божески, не обидьте сиротъ, спустите цѣнки-то! Лишняя сотенка хозяйскаго кармана не натрудитъ, а бѣдному человѣку помога. Нонѣ-же на золотце-то урожай Богъ послать, а хозяйвамъ-то заручка черезъ наши-же ручки плыветь!.. У путнаго ховяина, Василь Никитичъ, сказываютъ, и скотина хвораеть, такъ уходъ видить;—а вѣдь ми то же Божье творенье, ужъ снизойдите, не вычитайте хворыхъ-то дней изъ платы! На вѣкъ, вѣдь ми богомольцы за васъ!

— Прежде чѣмъ говорить-то бы все это, ребята, да бунтъ-то затѣвать, — спросили-бы, могу-ли я еще спустить цѣны-то? Развѣ это мое добро, развѣ я хозяйинъ ему? Кого спросать, какое я имѣлъ право самовольно распорядиться чужимъ добромъ, васъ или меня, а?..

— Извѣстно васъ, это точно-съ!

— А-а-а!.. А что же я долженъ буду ошвѣтить на это?..

— Не мнѣ-бы вашу милость учить, да ужъ коли приказываете, поперегъ воли на чальства не пойдемъ! Отвѣйте, ваше

почтеніе, что и я-моль не Сваріотской Иродъ, и у меня-моль душа есть! Э-э-эхъ, ваше почтеніе, Василь Никитичъ! привель-бы вамъ Богъ на нашихъ-то кормахъ денёчекъ побить, такъ поосунулись-бы, румянчикъ-то съ личика—это дѣвичья притирка,—къ ночи-бы пооблѣзъ! Отъ одного бѣтѣя-то вашего не одна слипка погодку чувствъ. Много православныхъ за конѣшнее лѣто вынесло на нихъ зарубочекъ на память о вашемъ радѣньи и добродѣтели къ намъ! Вонъ, Иванъ-то Малый совсѣмъ безъ ногъ, неси его теперь, какъ молоденца малаго, въ домъ то! Придетъ, что къ пустому срубѣ, ни поѣсть, ни погрѣться! а вы и тутъ выкли всѣ дни! Господи! да неужъ къ человѣку у васъ и жалости-то нѣту! Что-жъ, значить, и послѣдній часъ кого настигнетъ и тутъ иди, робъ! За мужика, ваше почтеніе, некому стоять; у него нѣтъ защитниковъ, всякой только и каровить изъ его-же овчины шубку спать,—такъ ужъ вы, ваше почтеніе, въ свою-то рѣчь хозяевъ не путайте. Мы тоже люди бывалые. Родились-то хоша и дураками, а знаемъ, что вы тутъ хозяинъ, въ вашей воли все! Такъ ужъ рассчитайте вы насъ по божески, а безъ этаго, мы нонѣ и міромъ положили—обратной дорожки въ лѣсу не прокладывать!

— А-ай, Е-ежъ, ва-ажно! и-ей-Богу правда!.. пронесилось въ колыхавшейся толпѣ, все время, когда говорилъ онъ.

Положеніе Кудряшева было болѣе чѣмъ жалко: онъ, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но все-таки настолько владѣлъ собой, что сохранилъ веселое выраженіе въ лицѣ.

— Молодецъ, Ежъ! молодецъ!.. Теперь вижу, что не даромъ тебя окрестили такъ! шутливо отвѣтилъ онъ, наконецъ, фамиллярно потрепавъ Ежа по плечу, чрезъ раздѣляющую ихъ рѣшетку.

— Онъ у насъ парень, голой рукой не хватай, ваше почтеніе! со смѣхомъ откликнулись въ толпѣ.

— А задали вы мнѣ, ребята, задачу! какъ и быть-то съ вами! задумчиво произнесъ Кудряшевъ: ну, я слущу цѣну, облегчу васъ—а что-же хозяева на это скажутъ? Да у меня еще молодцы, и денегъ-то не хватаетъ!

— Неужъ обвиняли, ваше почтеніе?..

— Въ обрѣзъ, милые! Вѣдь намъ хозяева-то присылаютъ—неразгуляешься! а дай Богъ у нитки съ ниткой концы сплестъ!

— Свои потревожьте; хозяева вашу милость не обочтутъ! съ преніей отвѣтилъ Ежъ.

— Свои!.. А ты считаешь въ моемъ-то кармаи?

— Мы, ваше почтеніе, и въ своихъ-то отвыкли высчитывать, такъ ужъ намъ-ли чужой мѣрить, глубоко аль мелокъ?

- И спроси прежде, еще есть-ли свое-то?
- Полагать-бы надоть...
- Почему-жь... ну-но?
- По примѣтанъ-бы...
- Какимъ? что изъ лбу вынесены?
- По нашей, по мужичьей примѣтѣ ми судить. На ману смѣтку, ваше почтеніе, коли у человѣка денегъ нѣтъ, такъ онъ и ростомъ-то ровно пониже выглядить, и съ лица будто темнѣй! А человѣкъ съ деньгой, не во гнѣвъ вашей милости, и бѣлѣй, и румянѣй... и усмѣшка на аликъ устахъ, и животъ, вотъ какъ у вашей-же милости!
- Ну, такъ вотъ что, молодцы! ступайте, обратилса къ толпѣ управляющій.
- Толпа стикла и сдвинулась къ рѣшеткѣ, надавивъ на передніе ряды.
- Такъ и быть, я исполню вашу просьбу: спущу вамъ по рублю... довольни-ли?
- Обрадовалъ, ха ха ха... ну-у! прокатилось въ толпѣ;—на поминъ по душѣ хватить!
- Ну, поскольку-же, наконецъ...
- Самонастоящую хозяйску цѣнку прикиньте, будьте милостивы! а рублнѣ-то мы ужъ на расходы жертвуемъ, будто какъ хозяйскіе убытки прикрыть!..
- Не мелко-же ты забрелъ, любезный!
- Въ глубокомъ мѣстѣ болѣ простору, ваше почтеніе! по крайности, есть гдѣ поплавать, ручки, ножки расправить!
- Не могу! рѣшительно отвѣтилъ управляющій.
- Ва-аше почтеніе!
- И не просите, не могу! Что можно сдѣлать, то сдѣлаю по совѣсти. А больше не просите!..
- Ахъ, ваше почтеніе! на все-бы власть, да ужъ коли вы не можете—что-жь, и ми слово колышками полопремъ!..
- Слово... какое слово?
- Обратной дорожки въ лѣсу не проталкивать!..
- Силой хотите принудить, что-ли?
- Силой-то и дѣтенынь у матки молока не выпросить, а все болѣ лаской, ваше почтеніе! Мы съ добраго слова просимъ!
- Вы одумайтесь, чего вы просите!.. прервалъ его взволнованнымъ голосомъ Василій Никитичъ.
- Одумайся-то ты, ваше почтеніе! выдвинувшись къ рѣшеткѣ произнесъ Фролъ Ивановичъ:—наша-то дума надумана!
- По лицу Василя Никитича внезапно пробѣжало веселое на-

строение. Онъ широко улыбнулся, раскрылъ глаза, въ которыхъ просвѣчивалась лукавая насмѣшка.

— Ну что-жь... ребята, какъ-же, а? хозяйскія цѣни взять, что-ли, а?.. весело спросилъ вдругъ онъ, а?.. обрадовать..

— Истинно, ваша милость! тоись, ахъ, какъ обрадуете!

— А надбрось-то вашъ, братъ, а? завгрывающимъ голосомъ продолжалъ онъ.

— Рублиць-то-сь?

— Ха... ха... ну ну, что дѣлать! обратился онъ къ конторщику: уважимъ имъ, Николай Дмитричъ! на будущій годъ, можетъ быть, и они намъ за это горы разгребутъ! Такъ, молодцы, что-ль?

— Озолотимъ!.. почти въ голосъ отвѣтила толпа.

Болѣе проворливому наблюдателю невольно-бы бросились въ глаза и внезапная безпричинная веселость, неподдѣльно выразившаяся въ лицѣ Василя Никитича, и уступчивость этого чело-вѣка, за минуту еще упорно стоявшаго на своемъ. Все это не-минуемо породило-бы сомнѣнiе въ справедливости его словъ. Но не таковъ былъ стоявшій передъ нимъ простодушный, довѣрчи-вый народъ, принимавшiй всякое слово за чистую монету. Толь-ко конторщикъ догадался, что Василь Никитичъ задумалъ что-то, да въ умѣ Ежа мелькнуло недовѣрiе.

— Значить, ваше почтенiе, по хозяйскимъ цѣнамъ расчи-таете насъ? спросилъ онъ.

— Вѣдь я сказалъ! Чего-жь еще?

— И у больныхъ не вычтете? тѣмъ-же тономъ спросилъ онъ, пытливо и недовѣрчиво смотря въ глаза его...

— Я, братецъ, не привыкъ обманывать! понимаешь?

— Пошли вамъ Господи!.. Простите, что пообидѣли!..

— Вотъ это дѣло! наговорить-то, ребята, вы много нагово-рите мнѣ! Особливо вотъ ты, братецъ, напѣлъ! обратился онъ къ Ежу:—незлопамятенъ, я всегда готовъ для чело-вѣка добро сдѣлать!..

— Простите, коли лишнее что сгрубилъ, ваше почтенiе!..

— Я добрый, ребята!

— Ужо ужъ при получѣй похвалимъ, ваше почтенiе!..

— Ну, получку-то, молодцы, вамъ все-таки подождать нужно. Вѣдь васъ 150 чело-вѣкъ, передѣлать-то всѣ расчеты нелегко; дня три-четыре нужно. А теперь, за то, что поладили дѣломъ—такъ и быть, ужъ распорядись Николай Дмитричъ выдать имъ по чаркѣ водки!

И заликовалъ принскъ послѣ поднесенной чарки водки, за-шумѣлъ въ баракахъ говоръ, полились и веселыя пѣсни, и не

было счета благословеніямъ и похваламъ изъ простодушныхъ устъ добродѣтельному Василию Никитичу, который, черезъ часъ послѣ этой сцены, послалъ донесеніе о бунтѣ рабочихъ съ надежнымъ верховнымъ конюхомъ горному исправнику, резиденція котораго находилась въ 80 верстахъ отъ этого пріиска.

Черезъ двое сутокъ на пріискъ прискакала исправникъ, въ сопровожденіи конвоя казаковъ. Слѣдствіе о безпорядкахъ было непродолжительно. Главные зачинщики: Ежъ, Фроль Ивановичъ и Памфилъ Карпычъ были отправлены въ Т... острогъ, остальные, подѣ конвоемъ, препровождены обычнымъ порядкомъ.

Не прошло и полугода, какъ Фроль Ивановичъ и Памфилъ Карпычъ, оставленные по приговору судебного мѣста въ подозрѣніи, были выпущены изъ острога безъ всякихъ послѣдствій. Старикъ Фроль не повинулъ Ежа до самаго рѣшенія дѣла. Пропитываясь милостыней, онъ одѣлялъ его деньгами, и утѣшалъ теплымъ словомъ. Ежедневно, во всякую погоду, можно было встрѣтить его, идущимъ въ острогъ, или со связкой крендельковъ въ рукахъ, или съ булкой и съ туяскомъ молока. Съ искренними слезами горя на глазахъ, онъ проводилъ его по широкой дорожкѣ, проторенной не колесомъ, не копытомъ, а людскимъ горемъ...

Н. Наумовъ.

ПОИСКИ.

(Съ англійскаго).

Ищите его по долинамъ,
Гдѣ быстрыя рѣки журчатъ,
На горныхъ вершинахъ ищите
Гдѣ жалобно птицы кричатъ.
Въ пустынѣ, гдѣ странниковъ звѣзды
Путемъ незнакомымъ ведутъ.
Того, кто мнѣ жизни дороже,
Быть можетъ, найдете вы тутъ.

Искали они его всюду,
Кипя безпредѣльной враждой;
Искали въ оврагахъ, поросшихъ
Высокой, шумящей травой.
И бѣшено къ горнымъ ущельямъ
Своихъ они гнали коней;
Но тщетно! Онъ былъ ужъ далеко...
Позорныхъ избѣгъ онъ цѣпей.

Чего они мнѣ не сулили,
Чтобъ я имъ сказала, въ какихъ
Мѣстахъ отдаленныхъ укрыться
Изгнаннику легче отъ нихъ.
Глупцы! Еслибъ даже корона
Наградой быть мнѣ могла,
Улыбку гонимаго ими
Коронѣ бы я предпочла!

Украдкой ему приносила
Я хлѣба вина и плодовъ;
Въ объятыхъ его, проводила
Я много счастливыхъ часовъ.

Отъ мѣсть, гдѣ мой милый укрывся
Бѣгите — враги! у него,
Въ запасѣ есть мѣткія пули...
Онѣ не щадятъ никого!

Искали они его всюду,
Въ долинахъ, въ лѣсу и въ горахъ;
И крикомъ своимъ наводили
На женщинъ и дѣвушекъ страхъ.
А въ чащѣ лѣсной, гдѣ сидѣлся
И дубъ, и орѣшникъ, и вязъ,
Я сонъ бѣглеца охраняла
Къ его изголовью склонясь...

А. Плещеевъ.

ДОЧЬ ЕГИПЕТСКАГО ЦАРЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ГЕОРГА ЭВЕРСА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

За два часа до полуночи веселія рѣчи и яркое освѣщеніе вривались изъ открытыхъ оконъ дома Родописъ.

Въ этотъ день въ честь Креза столъ у старухи былъ убранъ въ особенности богато.

На подушкахъ лежали въ вѣнкахъ изъ розъ и зелени уже знакомые намъ гости Родописъ: Θεодоръ, Ивикъ, Фанесъ, Ари-стомахъ, кунецъ Θεономпъ изъ Милета и многіе другіе.

— Да, этотъ Египецъ, говорилъ Θεодоръ, ваятель, представляется мнѣ дѣвушкою, обладающею золотнымъ башмакомъ, который она не хочетъ снять, хотя онъ очень больно жметъ ей ногу, хотя передъ нею стоятъ прекрасныя удобныя сандалии, къ которымъ ей только стѣнать протянуть руку, чтобы вдругъ получить возможность двигаться свободно и непринужденно.

— Ты подразумѣваешь упрямую привязанность египтянъ къ ихъ устарѣлымъ формамъ и привычкамъ? спросилъ Крезъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ скульпторъ. Еще два столѣтія тому назадъ Египецъ былъ безспорно первою страной міра. Искусство и познанія египтянъ превосходили все, что мы были въ состояніи сдѣлать. Мы подражали ихъ приемамъ, усовершенствовали ихъ, придали свободу и красоту неподвижнымъ формамъ, не придерживались никакого опредѣленнаго размѣра, а только естественнаго первообраза и теперь оставили за собою своихъ

учителей. Какимъ образомъ сдѣлалось это возможнымъ? Только вслѣдствіе того, что учитель, принужденный неумолимыми законами, долженъ былъ остановиться на одной точкѣ, а мы, смотря по силѣ и желанію, могли подвигаться впередъ въ обширной области искусства.

— Но какъ-же можно принуждать художника совершенно однообразно создавать свои произведенія, которые представляютъ постоянно различные предметы?

— Это весьма легко объяснить. Египтяне раздѣляютъ все человѣческое тѣло на $21\frac{1}{4}$ часть ¹⁹⁸ и по этому раздѣленію распредѣляютъ отношенія отдѣльныхъ членовъ другъ къ другу. Этыхъ цифръ они придерживаются и приносятъ имъ въ жертву высшія требованія искусства. Я самъ предложилъ Амазису закладъ въ присутствіи перваго египетскаго скульптора, еивскаго жреца, состоявшій въ томъ, чтобы написать моему брату Телеклу въ Эфесъ, указать ему величину, отношеніе и позу по египетскому способу и, вмѣстѣ съ нимъ, сдѣлать статую, которая должна имѣть видъ созданной какъ-бы изъ одного куска; хотя Телеклъ сдѣлаетъ нижнюю ея часть въ Эфесѣ, а я готовъ работать надъ верхнею частью въ Сансѣ на глазахъ Амазиса.

— И ты выиграешь свое пари?

— Несомнѣнно. Я уже началъ заниматься этою работою; разумѣется, это не будетъ произведеніемъ искусства, какъ и всякая египетская статуя, незаслуживающая этого названія.

— Однакоже, отдѣльныя произведенія, на примѣръ тѣ, которыя Амазисъ отправляетъ въ настоящее время въ подарокъ Поликрату въ Самось, сдѣланы прекрасно. Въ Мемфисѣ я даже видѣлъ статую, которой должно быть около трехъ тысячъ лѣтъ, представляющую какого-то царя ¹⁹⁹ выстроившаго одну изъ большихъ пирамидъ; она возбудила мое удивленіе во всѣхъ отношеніяхъ. Съ какою увѣренностью обработанъ необычайно твердый камень, какъ чисто выполнена мускулатура, въ особенности грудь, ноги и ступни, какая смилшленная умѣлость въ выполненіи, какъ смѣло набросаны контуры и какъ безукоризненна и въ другихъ статуяхъ гармонія въ чертахъ лица!

— Это не подлежитъ сомнѣнію. Что касается ловкости руки въ искусствѣ, т. е. смѣлой обработки даже самаго твердаго матеріала, то египтяне, несмотря на продолжительный застой, все-таки еще искуснѣе насъ. Ни одна греческая статуя не отполирована такъ прекрасно, какъ статуя Амазиса во дворѣ дворца. Но свободное творчество, работа Прометея, вложеніе души въ камень—этому египтяне выучатся не раньше, какъ норвавъ свяж со старыми обветшалыми формами. Посредствомъ пропорціо-

нальности нельзя достигнуть изображенія умственной жизни и даже граціозной измѣнчивости тѣла. Взгляните на тѣ безчисленныя статуи, которыя три тысячи лѣтъ тому назадъ поставлены длиннымъ рядомъ у дворцовъ и храмовъ, отъ Наукратиса до водопадовъ. Всѣ онѣ представляютъ привѣтливо-серьѣзныхъ людей среднихъ лѣтъ, а между тѣмъ одна должна изображать старика, а другая—увѣковѣчить память о царственномъ юношѣ. Герои войны, законодатели, изверги и человеколюбцы—всѣ имѣютъ почти одинъ и тотъ-же видъ, если не отличаются величиною, которою египетскіе художники пытаются выразить мощь и силу, или тѣмъ, что лица нѣкоторыхъ статуй суть портреты. Амазисъ заказываетъ себѣ статую такъ-же, какъ я заказываю себѣ мечъ. Прежде чѣмъ художникъ начнетъ свое дѣло, мы оба знаемъ напередъ, аккуратно назначивъ длину и ширину, что именно получимъ, когда работа будетъ готова. Развѣ можно изображать немощнаго старика такъ-же, какъ подростка юношу, кулачнаго бойца, какъ скорохода, поэта какъ воина? Поставьте Ивика рядомъ съ нашимъ другомъ спартанцемъ и подумайте, что сказали-ли бы вы, если-бъ я вздумалъ представить суроваго воина дѣлающимъ нѣжныя жесты наравнѣ съ сладкогласнымъ пѣвцомъ?

— А что говоритъ Амазисъ о твоихъ замѣчаніяхъ на счетъ этого застоя?

— Онъ сожалѣеть о немъ, но не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы отмѣнить стѣснительныя постановленія жрецовъ.

— И однако, сказалъ дельфіецъ, онъ назначилъ значительную сумму на украшеніе нашего новаго храма «для того, чтобы поощрить эллинское искусство», какъ выразился онъ самъ.

— Это очень хорошо съ его стороны, воскликнулъ Крезъ. Скоро-ли соберутъ Алмеониды тѣ триста талантовъ, ²⁰⁰ которые нужны имъ для окончанія храма ²⁰¹? Если-бъ я еще находился въ прежнихъ счастливыхъ условіяхъ, то я охотно принялъ-бы на себя всѣ расходы, хотя твой вѣроломный богъ, не смотря на всѣ подарки, поднесенные ему мною, страшно обманулъ меня. А именно, когда я велѣлъ спросить его, долженъ ли я начинать войну противъ Кира, онъ отвѣтилъ мнѣ, что я уничтожу великое царство, если перейду черезъ рѣку Галисъ. ²⁰² Я повѣрилъ божеству, по его приказанію свелъ дружбу со спартанцами и, перейдя черезъ пограничную рѣку, дѣйствительно разрушилъ большое царство; но это было не мидо-персидское царство, а моя собственная бѣдная Лидія, которая теперь, въ качествѣ сатрапіи Камбиза, съ трудомъ привыкаетъ къ новой для нея зависимости.

— Ты несправедливо порицаешь божество, отвѣчалъ Фриксъ, такъ какъ оно невиновато въ томъ, что ты, по человѣческому тщеславію, ложно истолковалъ его изрѣченіе. Вѣдь не было говорено «о царствѣ Персовъ», а о «царствѣ», которое будетъ разрушено вслѣдствіе твоего воинственнаго задора. Зачѣмъ ты не спросилъ, о какомъ царствѣ оно говоритъ? вромѣ того: развѣ оно не предсказало тебѣ вѣрно судьбу твоего сына, развѣ оно не возвѣстило тебѣ, что въ день бѣдствія къ нему возвратится даръ слова? И когда ты, послѣ паденія Сардеса, просилъ позволенія—спросить въ Дельфахъ—не поставили-ли себѣ греческіе боги закономъ высказывать неблагодарность къ своимъ благодѣтелямъ, то Локсіасъ отвѣчалъ тебѣ, что онъ имѣлъ относительно тебя наилучшія намѣренія, но что надъ нимъ господствуетъ неумолимая судьба, предсказавшая еще твоему могущественному предку, ²⁰⁸ что пятый послѣ него, то есть ты, обреченъ на гибель?

— Твои слова,—прервалъ Крезъ говорившаго,—были-бы для меня въ день несчастія нужнѣе, чѣмъ теперь. Была минута, когда я проклиналъ твоего бога и его изрѣченія; но потомъ, когда я, вѣдѣвъ съ властію и царствомъ, потерялъ и своихъ льстецовъ, и привыкъ измѣрять свои дѣйствія своимъ собственнымъ, приговоромъ, я понялъ, что былъ ввергнутъ въ гибель не Аполлономъ, а моимъ тщеславіемъ. «Царствомъ», обреченнымъ на уничтоженіе, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, конечно не могло быть мое,—это могущественное царство могущественнаго Креза, друга боговъ, полководца, который до тѣхъ поръ еще ни разу не испытывалъ пораженія. Если-бы какой нибудь другъ указалъ мнѣ на эту сторону двусмысленнаго изрѣченія, то я бы осмѣялъ и даже, вѣроятно, наказалъ бы его. Подобно коню, старающемуся лягнуть лекаря, который ощупываетъ его раны съ цѣлію вылечить его, деспотъ бьетъ прямодушнаго друга, который прикасается къ язвамъ его больной души. Такимъ образомъ и я не видѣлъ того, что могъ-бы легко увидѣть. Тщеславіе ослѣпляетъ глаза, данное намъ для безпристрастнаго изслѣдованія вещей и усиливаетъ похотливость сердца, которое и безъ того, благодареніе богамъ, широко открывается для каждой надежды на прибыль, и быстро запирается на замокъ, въ виду основательнаго спасенія, что предстоитъ какая нибудь потеря, или какое нибудь несчастіе. Теперь, когда я вижу яснѣе и когда мнѣ терять нечего, я страшусь гораздо чаще, чѣмъ страшился въ то время, когда никто не могъ потерять больше, чѣмъ я. Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, Фриксъ, я бѣденъ, однакоже Камбизъ позволяетъ мнѣ окончить

кон дни поцарски и я все-таки могу пожертвовать одинъ талантъ на вашу постройку ²⁰⁴.

Фриксъ поблагодарилъ, а Фанесъ сказалъ:

— Алмеониды воздвигнуть прекрасное зданіе, такъ какъ они честолюбивы, богаты и хотятъ приобрести благосклонность амфитіоновъ, чтобы, при ихъ поддержкѣ, низвергнуть тирановъ, превзойти мой родъ и захватить въ свои руки управленіе государствомъ.

— Говорять, ты, Крезъ, наиболѣе способствовалъ увеличенію богатства этой фамиліи, вмѣстѣ съ Агаристой, ²⁰⁵ которая принесла Мегалесу въ приданое большія сокровища,—замѣтилъ Ивикъ.

— Конечно, конечно,—засмѣялся Крезъ.

— Расскажи какъ было дѣло? спросила Родопись.

— Алмеонъ Аѳинскій однажды прибылъ къ моему двору. ²⁰⁶ Этотъ веселый, прекрасно образованный человѣкъ мнѣ такъ понравился, что я надолго удержалъ его при себѣ. Однажды, я показавъ ему свои кладовныя съ сокровищами и по поводу богатства ихъ онъ впалъ въ совершенное отчаяніе. Онъ называлъ себя жалкимъ нищимъ и рассказывалъ какъ былъ-бы онъ счастливъ, если-бы ему было позволено взять хоть одну горсть изъ всѣхъ этихъ драгоценностей. Тогда я позволилъ ему взять съ собою столько золота, сколько онъ въ состояніи нести. Что-же сдѣлалъ Алмеонъ? Онъ велѣлъ надѣть себѣ высокіе лдіійскіе сапоги для верховой ѣзды, обвязать себя передникомъ, и прикрѣпить корзину къ его спинѣ. Все это онъ наполнилъ сокровищами; въ передникъ онъ наложилъ столько золота, сколько могъ снести, сапоги нагрузилъ золотыми монетами, въ свои волосы и бороду велѣлъ насыпать золотого песку, даже ротъ свой онъ наполнилъ золотомъ, такъ что его щеки имѣли такой видъ точно онъ думаетъ проглотить большую рѣдьку. Наконецъ, въ каждую руку онъ взялъ по большому золотому блюду и, въ этомъ видѣ, изнемогая подъ тяжестью своей ноши, потащился вонъ. Дойдя до двери кладовой, онъ упалъ, а я никогда въ послѣдствіи не смѣялся такъ отъ души, какъ въ этотъ день.

— И ты отдалъ ему эти сокровища?

— Разумѣется; и, при всемъ томъ, мнѣ не казалось, что я слишкомъ дорого заплатилъ за опытъ, удостовѣрившій, что золото даже умнаго человѣка превращаетъ въ глупца.

— Ты былъ самымъ щедрымъ изъ властителей, вскричалъ Фанесъ.

— А теперь я—вищій, не совсѣмъ недовольный своею судь-

бой. Но скажи мнѣ, Фриксъ, сколько Амазисъ вложилъ въ твою кружку?

— Тысячу центнеровъ квасцовъ.

— По моему мнѣнію—это царскій подарокъ.

— А наследникъ престола?

— Когда я обратился къ нему и сослался на щедрость его отца, то онъ горько засмѣялся и сказалъ, повернувшись ко мнѣ спиной: «Если ты будешь собирать на разрушеніе вашего храма, то я готовъ подписать вдвое противъ суммы, данной Амазисомъ».

— Презрѣнный!

— Скажи лучше: настоящій египтянинъ. Псамметихъ ненавидитъ все, что происходитъ не изъ его страны.

— Сколько пожертвовали эллины въ Наувратисѣ?

— Кромѣ богатыхъ взносовъ со стороны частныхъ людей, каждая община пожертвовала по двадцати минъ ²⁰⁷.

— Много!

— Одинъ Филонъ сибаритъ прислалъ мнѣ тысячу драхмъ ²⁰⁸ при письмѣ, въ высшей степени странномъ. Могу я прочесть его, Родописъ?

— Конечно,—отвѣчала старуха.—Вы увидите изъ этого письма, что распутникъ жалѣетъ о своемъ поведеніи за послѣднее время.

Дельфіецъ досталъ изъ кармана свитокъ и сталъ читать письмо:

«Филонъ поручаетъ сказать Фриксу: «Мнѣ прискорбно, что въ послѣднее время я уже не пилъ у Родописъ: если-бы я пилъ, то допивался-бы до лишенія всякаго сознанія и до невозможности обидѣть даже какую нибудь самую ничтожную муху. Такимъ образомъ, моя проклятая умѣренность виновата въ томъ, что отнынѣ я не могу болѣе наслаждаться столомъ, наилучшимъ во всемъ Египтѣ».

«Впрочемъ, я благодаренъ Родописъ уже и за то, чѣмъ я наслаждался и, въ воспоминаніе о великолѣпномъ жаркомъ, по поводу котораго я желаю выпить повара еракиянинъ за какую бы то ни было цѣну, послалъ тебѣ двѣнадцать большихъ вертеловъ для бычачьяго жаркаго ²⁰⁹. Ихъ можешь ты помѣстить въ какомъ нибудь изъ Дельфійскихъ хранилищъ драгоценностей, въ качествѣ подарка отъ Родописъ. Самъ я, какъ человекъ богатый, подписываю цѣлую тысячу драхмъ. Этотъ даръ долженъ быть публично провозглашенъ на ближайшихъ пнейскіихъ играхъ».

«Грубіану Аристомачу спартанскому передай мою благодарность. Онъ существенно способствовалъ достиженію цѣли моего

путешествія въ Египеть. Я прибылъ сюда съ цѣлю дать выдернуть свой больной зубъ тому египетскому врачу, ²¹⁰ который, говорятъ, выдергиваетъ больные зубы безъ особенной боли. Аристоманъ ударомъ кулака устранилъ поврежденную часть моей челюсти и, такимъ образомъ, избавилъ меня отъ страшной операци, передъ которою я трепещу. Возвратясь домой, я нашелъ у себя во рту три выбитыхъ зуба: одинъ больной и два здоровыхъ, которые, можетъ быть, со временемъ причинили-бы мнѣ много страданій.

«Передай мое привѣтствіе Родописъ и прекрасному Фанесу; тебя же приглашаю черезъ годъ отъ сего дня на пиръ въ моемъ домѣ въ Сибарисѣ ²¹¹. По случаю разныхъ маленькихъ приготовленій, мы обыкновенно дѣлаемъ наши приглашенія нѣсколько рано.

«Письмо это я поручаю написать въ сосѣдней комнатѣ моему ученому рабу Софотату, потому что уже при одномъ видѣ писанья у меня дѣлаются судороги въ пальцахъ».

Всѣ гости разразились громкимъ хохотомъ, а Родописъ сказала:

— Меня радуетъ это письмо, такъ какъ изъ него я вижу, что Филоинъ не дурной человѣкъ. Будучи воспитанъ по сибаритски...

— Извините, господа, если я побезпокою васъ и тебя, достойная эллина, вторгаясь въ твой мирный домъ безъ приглашенія.

Этими словами прервалъ пирующихъ, незнакомый съ хозяйкою человѣкъ, который никѣмъ не замѣченный, вошелъ въ столовую.

— Я — Гигесъ, сынъ Креза, и не ради шутки отправился только два часа тому назадъ изъ Сауса, чтобы поспѣть сюда во-время.

— Менонъ, подушку для нашего новаго гостя! вскричала Родописъ. — Отъ души привѣтствую тебя; отдохни отъ своей дикой, чисто-лидійскаго скачки.

— Клянусь собакой ²¹², Гигесъ, сказалъ Крезъ, протягивая руку своему сыну:—я не понимаю, что привело тебя сюда въ такой поздній часъ. Я просилъ тебя не оставлять Бартию, ввѣреннаго мнѣ попеченіямъ, а ты все-таки... Но что съ тобой? Развѣ случилось что-нибудь? Какое-нибудь несчастіе? Говори же, говори!

Въ первыя мгновенія Гигесъ не могъ отвѣчать ни слова на вопросы своего отца. Когда онъ увидалъ, что любимый имъ человѣкъ, за жизнь котораго онъ боялся, сидитъ благополучно и весело за ниршественнымъ столомъ, то, казалось, что у него

во второй разъ отнялся языкъ. Наконецъ, даръ слова къ нему возвратился и онъ отвѣчалъ:

— Хвала богамъ, отецъ мой, что я снова тебя вижу здоровымъ и невредимымъ! Не думай, чтобы я оставилъ свой постъ при Бартин легкомысленно. Я былъ принужденъ вторгнуться въ это веселое собраніе, какъ зловѣщая птица. Знайте-же всѣ вы—я не могу терять время на предисловія,—васъ ждетъ измѣна и внезапное нападеніе.

Всѣ присутствующіе вскочили на ноги. Спартанецъ молча схватился за свой мечъ, а Фанесъ протянулъ руку, точно желая попробовать, сохранилась ли въ ней прежняя атлетическая сила мускуловъ.

— Чтò это значитъ? Чтò замышляютъ противъ насъ? спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Этотъ домъ окруженъ эіопскими воинами, отвѣчалъ Гигесъ. Одинъ вѣрный человѣкъ сообщилъ мнѣ, что наслѣдникъ престола приказалъ увести одного изъ васъ связаннымъ и даже умертвить, если жертва будетъ сопротивляться. Я боялся за тебя, отецъ, и бросился сюда. Человѣкъ, отъ котораго я узналъ все, не обманулъ. Этотъ домъ окруженъ. Когда я доѣхалъ до воротъ твоего сада, Родописъ, то мой конь, несмотря на свою усталость, бросился въ сторону. Я соскочилъ съ него, и при лунномъ свѣтѣ замѣтилъ за каждымъ кустомъ блистающее оружіе и горячіе глаза спрятавшихся людей. Они позволили намъ войти въ садъ безъ помѣхи.

— Важное извѣстіе! прервалъ рѣчь Гигеса Кнакіасъ, бросившись въ комнату. Вотъ сейчасъ, когда я подошелъ къ Нилу, чтобы достать изъ него воды для смѣшаннаго напитка ²¹³, на встрѣчу мнѣ бросился какой-то человѣкъ, который чуть не сбилъ меня съ ногъ. Я тотчасъ узналъ его. Это былъ эіопъ, гребець Фанеса, который наскоро рассказалъ мнѣ, что когда онъ, желая выкупаться, прыгнулъ изъ лодки въ Ниль, къ лодкѣ Фанеса подошла царская барка, и одинъ солдатъ спросилъ у находящихся на лодкѣ людей: кому они служатъ. «Фанесу», отвѣчалъ кормчій. Царская лодка медленно пошла дальше, по видимому, обративъ мало вниманія на твое судно, Фанесъ; но купающійся гребець, ради шутки взобрался на корму чужой барки и тамъ услышалъ, какъ одинъ эіопскій солдатъ закричалъ другому: «Не выпускай этого судна изъ виду; мы теперь знаемъ, гдѣ птица имѣетъ свое гнѣздо; теперь будетъ легко поймать ее. Вспомни, что Псамметихъ обѣщалъ двадцать золотыхъ колець, если мы привеземъ въ Саисъ аен-

нянина живого или мертваго». Вотъ что разсказалъ Зебекъ, матросъ, который служить тебѣ семь лѣтъ, Фанесъ.

Афинянинъ выслушалъ разсказъ Гигеса и раба съ величайшимъ спокойствіемъ.

Родопись задрожала. Аристомахъ вскричалъ:

— Мы не позволимъ тронуть ни одного волоска на твоей головѣ, хотя бы намъ пришлось уничтожить весь Египетъ!

Крезъ совѣтовалъ наблюдать осторожность; всѣми гостями овладѣло необычайное волненіе.

Наконецъ, Фанесъ прервалъ свое молчаніе, говоря:

— Никогда обдуманность не бываетъ необходимѣе, чѣмъ въ опасности. Я обсудилъ уже все и вижу, что едва-ли могу спастись. Египтяне попытаются спровадить меня безъ шума. Они знаютъ, что я завтра чуть свѣтъ думаю отправиться на фокейскомъ кораблѣ изъ Наукратиса въ Сигеумъ и, слѣдовательно, имъ нельзя терять времени, если они хотятъ меня схватить. Весь твой садъ, Родопись, окруженъ. Если я останусь у тебя, то на твой домъ перестанутъ смотрѣть какъ на неприкосновенное убѣжище, въ немъ сдѣлаютъ обыскъ и захватятъ меня. Фокейскій корабль, который долженъ везти меня въ моему семейству, безъ сомнѣнія, находится подъ такимъ-же надзоромъ. Изъ-за меня не должна бесполезно пролиться ни одна капля крови.

— Ты не долженъ сдаваться! вскричалъ Аристомахъ.

— Я придумалъ, придумалъ! внезапно вскричалъ Теопомпъ, купецъ изъ Милета. Завтра, при восходѣ солнца, отправляется нанятый мною корабль съ египетскимъ хлѣбомъ, только не изъ Наукратиса а изъ Канопы въ Милетъ. Возьми лошадь благороднаго перса и скачи туда; мы силою проложимъ тебѣ путь черезъ садъ.

— Наша безоружная толпа ничего не можетъ сдѣлать противъ насилія, возразилъ Гигесъ. — Насъ десять человѣкъ, изъ которыхъ только трое имѣютъ при себѣ мечи; а солдаты, число которыхъ доходитъ, по крайней мѣрѣ, до сотни, вооружены съ головы до ногъ.

— Еслибы ты, лидіецъ, въ десять разъ болѣе страдалъ отсутствіемъ мужества и еслибы ихъ было двѣсти человѣкъ, то я все-таки вступилъ бы въ борьбу, вскричалъ Аристомахъ.

Фанесъ пожалъ руку своего друга. Гигесъ поблѣднѣлъ. Испытанный герой назвалъ его трусомъ. Онъ снова не нашелъ словъ для своей защиты. У него отнимался языкъ при каждомъ душевномъ волненіи. Но вдругъ щеки его вспыхнули румянцемъ и онъ вскричалъ рѣшительно:

— Слѣдуй за мною, аеинянинъ! А ты, спартанецъ, имѣющій въ другихъ случаяхъ обыкновеніе прежде подумать, чѣмъ говорить, не называй впередъ трусомъ тѣхъ, кого ты не знаешь. Друзья, Фанесъ спасенъ. Прощай, отецъ!

Оставшіеся съ удивленіемъ смотрѣли вслѣдъ удалявшимся людямъ. Вскорѣ по ихъ исчезновеніи гости услышали топотъ двухъ помчавшихся лошадей; затѣмъ, спустя нѣсколько времени, до нихъ донеслись со стороны Нила продолжительный свистъ и крики тревоги.

— Гдѣ Кникіасъ? спросила Родоисъ одного изъ своихъ рабевъ.

— Онъ отправился въ садъ вмѣстѣ съ Фанесомъ и персіаниномъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату слуга, блѣдный и дрожащій.

— Видѣлъ ты моего сына? вскричалъ къ нему Крезъ.

— Гдѣ Фанесъ?

— Оба они поручили мнѣ передать вамъ ихъ прощальный привѣтъ.

— Значить, они уѣхали? Какимъ образомъ имъ удалось бѣжать? Куда они направились?

— Здѣсь, въ этой боковой комнатѣ, разсказывалъ рабъ, — аеинянинъ и персъ прежде всего поговорили другъ съ другомъ. Затѣмъ, я раздѣлъ ихъ обоимъ. Фанесъ надѣлъ шаровары, кафтанъ и поясъ персіанина и покрылъ свои кудри его остроконечною шапкой, а персіанинъ облекся въ хитонъ и плащъ аеинянина, украсилъ свой лобъ его золотою повязкой, велѣлъ остричь себѣ волосы на верхней губѣ и приказалъ мнѣ идти за нимъ въ садъ.

— Фанесъ, котораго въ его новомъ одѣяніи каждый принялъ бы за перса, вскочилъ на одну изъ стоявшихъ у воротъ лошадей. Персіанинъ долго кричалъ ему вслѣдъ: «Прощай, Гигесъ, прощай, любезный персіанинъ! Счастливаго пути, Гигесъ!» Стоявшій у двери слуга поѣхалъ за нимъ. Повсюду въ кустарникѣ я слышалъ стукъ оружія, но никто не преградилъ пути удалявшемуся аеинянину. Спрятавшіеся воины, безспорно, приняли его за перса.

— Когда мы опять воротились къ дому, персіанинъ сказалъ мнѣ: «Теперь проводи меня къ баркѣ Фанеса и не забывай называть меня именемъ аеинянина». — «Но матросы легко могутъ выдать тебя», возразилъ я. — «Ну, такъ иди сперва къ нимъ одинъ и прикажи имъ принять меня, какъ Фанеса, ихъ господина».

— Я сталъ просить у него позволенія одѣться вмѣсто его, въ платьѣ бѣглеца, чтобы схватили меня, а не его. Онъ рѣшительно отказалъ, и былъ правъ, говоря, что меня легко видела бы моя осанка. Увы! только свободный человѣкъ ходитъ прямо и смѣло; спина раба постоянно согнута, его движенія лишены пріятности, которой вы, благородные, научаетесь въ школахъ и гимназіяхъ. И такъ будетъ вѣчно, потому что наши дѣти должны походить на своихъ отцовъ; вѣдь изъ вонючей луковицы не вырастаетъ роза, изъ сѣрой рѣдкн — гіацинтъ²¹⁴. Служба невольника гнетъ спину такъ же, какъ сознаніе свободы увеличиваетъ ростъ.

— Что сдѣлалось съ моимъ сыномъ? вскричалъ Брезъ, прерывая раба.

— Онъ не принялъ моей бѣдной жертвы и сѣлъ въ барку, приказавъ мнѣ передать тебѣ, царь, тысячу привѣтствій. Я закричалъ ему вслѣдъ: «Будь здоровъ, Фанесъ, счастливаго пути, Фанесъ!» Луну покрыло облако; сдѣлалось очень темно. Вдругъ я услышалъ крикъ и зовъ на помощь; но это продолжалось недолго; затѣмъ раздался рѣзкій свистокъ и, наконецъ, не слышно было ничего, кромѣ мѣрныхъ ударовъ — весель. Я только что хотѣлъ вернуться въ домъ, чтобы рассказать вамъ о случившемся, какъ появился Зебекъ, гребець, добравшійся вплавъ до берега. Онъ рассказалъ слѣдующее: египтяне просверлили барку Фанеса, вѣроятно, съ помощью водолаза. Дойдя до середины рѣки, она пошла ко дну. Матросы стали кричать о помощи. Тогда подошелъ царскій корабль, слѣдовавшій за нею, взялъ мнимаго Фанеса, какъ будто желая его спасти, и не позволилъ матросамъ аеннина оставитъ свои скамьи. Они всѣ потонули съ пробурлавленнымъ судномъ, только смѣлый пловецъ Зебекъ добрался до берега. Гигесъ теперь на царскомъ кораблѣ; Фанесъ ушелъ, потому что свистокъ относился, должно быть, къ солдатамъ, стоявшимъ у заднихъ воротъ. Осмотрѣвъ передъ возвращеніемъ сюда кустарники на дорогѣ, я не нашелъ за ними ни одного человѣка; однакоже, я слышалъ стукъ оружія и разговоръ воиновъ, которые снова отправились по дорогѣ въ Сансъ.

Гости Родописъ съ лихорадочнымъ напряженіемъ слушали раба.

Когда онъ кончилъ свой рассказъ, то настроеніе гостей было весьма различно. Радость, что любимый другъ спасенъ отъ угрожавшей ему опасности была первымъ чувствомъ большинства; но затѣмъ послѣдовалъ страхъ за смѣлаго лидійца. Хвалили его благородство; желали счастья отцу, имѣющему такого

сына, и, наконецъ, согласились въ томъ, что наслѣдникъ престола, какъ только увидитъ ошибку своихъ людей, не только сейчасъ же отпустить Гигеса, но еще будетъ принужденъ дать ему удовлетвореніе.

Даже самъ Крезъ успокоился при мысли о дружбѣ Амазиса и о томъ страхѣ, который египетскій царь обнаруживалъ предъ могуществомъ персовъ. Вскорѣ за тѣмъ, Крезъ оставилъ домъ Родописъ, чтобы переночевать у Милетскаго купца Теопомпа.

— Передай мой привѣтъ Гигесу! вскричалъ Аристомахъ, уходя отъ Родописъ. Поручаю просить у него отъ меня извиненія и сказать ему, что я желаю имѣть его своимъ другомъ, если же это невозможно, то встрѣтиться съ нимъ на полѣ битвы, въ качествѣ честнаго врага.

— Кто можетъ знать что ихъ ожидаетъ въ будущемъ! отвѣчалъ Крезъ, протягивая руку спартанцу:

IX. •

Солнце новаго дня взошло надъ Египтомъ. Обильная ночная роса, замѣняющая дождь на нильскихъ берегахъ сверкала подобно смарагдамъ и брилльянтамъ на цвѣтахъ и листьяхъ; солнце стояло еще низко на востогѣ, и утренній воздухъ, волнуемый свѣжимъ сѣверозападнымъ вѣтромъ, манилъ на просторъ до наступленія подавляющаго зноя полудня.

Изъ хорошо знакомаго намъ загороднаго дома вышли двѣ женскія фигуры: старая рабыня Мелитта и Сафо, внучка Родописъ.

Воздушною поступью шла и бѣжала прелестная дѣвушка черезъ садъ. Она и теперь, какъ тогда, когда мы видѣли ее спящею, была дѣвственно свѣжа и очаровательна; выраженіе лукавства играло на ея розовыхъ губкахъ и въ ямочкахъ ея щекъ и подбородка. Густые темные волосы выбивались изъ подъ пурпурно-краснаго платочка, и легкая бѣлая утренняя одежда, съ широкими рукавами, свободно волновалась на ея гибкихъ членахъ.

Она наклонилась, сорвала молодую розовую почку, брызнула покрывавшею почку росой въ лицо своей служанки, громко и звонко засмѣялась по поводу своей шутки, приколола розу къ своей груди и зашѣла удивительно полнымъ и симпатичнымъ голосомъ:

Эросъ рвалъ однажды розы:
Незамѣтно подползла

И ужалила малютку
Имъ незримая пчела.

Задрожаль отъ боли Эросъ,
Бьетъ ручонками, кричитъ
И — свое повѣдать горе —
Быстро къ матери летитъ.

«Мать, о, мать, мнѣ больно, больно,
Вѣрно смерть пришла моя!
Вглянь: ужалила мнѣ руку
Злая, мерзкая змѣя.»

«Не печалься, мой малютка:
Ты ужалень не виѣй,
А крылатымъ насѣкомымъ
Называемымъ пчелой ²¹⁵».

— Не правдали моя пѣсня прекрасна? Какъ, однако, глупъ Эросъ: принялъ пчелу за крылатую змѣю! Бабушка говоритъ, что она знаетъ еще одну строфу этой пѣсни, сочиненной великимъ поэтомъ Анакреономъ; но она не хочетъ мнѣ прочесть ее; скажи, Мелитта, что заключаетъ въ себѣ эта строфа? — Ты улыбаешься? миленькая, несравненная Мелитта, пропой мнѣ эти стишки! или ты не знаешь ихъ? нѣтъ? Ну, такъ конечно, ты не можешь и научить меня имъ.

— Это совсѣмъ новая пѣсня, отвѣчала старуха, отклоняя просьбу своей любимицы, — а я знаю только пѣсни добраго стараго времени. Но что это? Не слышишь ли ты, что тамъ у двери стучить молотокъ.

— Слышу, и мнѣ послышался также конскій топотъ на улицѣ. Опять стучать! Посмотри, кто тамъ стучится въ такой ранній часъ. Можетъ быть это добрый Фанесъ не уѣхалъ вчера и хочетъ еще разъ попрощаться съ нами.

— Фанесъ уѣхалъ, возразила старуха становясь серьезнѣе. Родонисъ приказала мнѣ послать тебя въ домъ въ случаѣ чего либо посѣщенія.... ступай, дѣвушка, чтобы я могла отворить калитку. Иди, вотъ стучать опять!

Сафо сдѣлала видъ какъ будто она побѣжала къ дому, но, вмѣсто того, чтобы послушаться приказанія своей приставницы, спряталась за розовыми кустами, чтобы оттуда посмотрѣть на ранняго посѣтителя. Чтобы не тревожить ее напрасно, отъ нея скрыли происшествія прошлаго вечера, и въ такую раннюю пору Сафо привыкла видѣть у своей бабки только самыхъ близкихъ друзей старухи.

Мелитта отворила калитку сада и, вслѣдствѣ тѣмъ, ввела въ садъ бѣловураго, богато одѣтаго юношу.

Сафо, удивленная иностранным костюмомъ и красотой персидскаго царевича, — это былъ онъ, — не трогалась съ мѣста и не могла отвести глазъ отъ его лица. Именно такимъ она представляла себѣ златокудраго Аполлона, правящаго солнечной колесницей и предводителя музъ.

Мелитта и чужеземецъ приблизились къ ея убѣжищу, но она высунула впередъ между розъ свою головку, чтобы лучше понять юношу, который дружески говорилъ съ рабомъ на ломаномъ греческомъ языкѣ.

Она услышала, что онъ съ нѣкоторою поспѣшностью освѣдомляется о Крезѣ и его сынѣ. Затѣмъ, она въ первый разъ изъ словъ рабни узнала, что произошло вчера вечеромъ. Она трепетала за Фанеса и въ глубинѣ души благодарила великодушнаго Гигеса; она спрашивала себя: кто этотъ юноша, одѣтый поцарски? Хотя Родописъ и рассказывала ей о могуществѣ и богатствѣ персовъ, но до сей поры она считала азіатцевъ грубымъ и дикимъ народомъ. Теперь, чѣмъ дальше она смотрѣла на прекраснаго Бартію, тѣмъ болѣе возрастало ея сочувствіе къ персамъ. Когда, наконецъ, Мелитта ушла, чтобы разбудить ея бабу и извѣстить ее о раннемъ посѣтителѣ, то Сафо хотѣла удалиться, но проказникъ Эросъ, надъ дѣтскимъ невѣжествомъ котораго дѣвушка смѣялась нѣсколько минутъ тому назадъ, не позволилъ ей сдѣлать это. Ея платье зачуталось въ колючкахъ розъ и, прежде чѣмъ Сафо могла освободиться отъ нихъ, прекрасный персъ уже стоялъ противъ нея, помогая сильно покраснѣвшей дѣвушкѣ отцѣпить свое платье отъ предательскаго шиповника.

Сафо была не въ состояніи промолвить ни одного слова благодарности и, стыдливо улыбаясь, опустила глаза.

Бартія, обыкновенно столь смѣлый юноша, теперь смотрѣлъ на нее безмолвно и покраснѣвъ какъ она.

Но это молчаніе продолжалось недолго. Дѣвушка, скоро оправившись отъ своего испуга, вдругъ, въ дѣтской рѣзвости, звонко и весело засмѣялась надъ безмолвнымъ незнакомцемъ и странностью ихъ положенія, и побѣжала къ дому, подобно испуганной лани.

Въ свою очередь и къ персу возвратилась свойственная ему развязность. Въ два прыжка онъ догналъ дѣвушку, мгновенно схватилъ ее за руку и, несмотря на все ея сопротивленіе, удержалъ эту руку въ своей.

— Пусти меня! просила Сафо, полусерььзно, полупутливо, поднимая свои темные глаза на юношу.

— Какъ бы не такъ! возразилъ онъ. Я оторвалъ тебя отъ

розоваго куста и буду держать тебя крѣпко до тѣхъ поръ, пока ты не отдашь мнѣ вмѣсто себя спрятанную у тебя на груди свою сестру, на память въ моемъ дальнемъ отечествѣ.

— Прошу тебя,пусти меня! повторила Сафо. Пока ты не выпустишь моей руки, я не вступлю съ тобою ни въ какіе переговоры.

— А ты не убѣдишь, если я исполню твое желаніе?

— Конечно, нѣтъ.

— Итакъ, я дарю тебѣ свободу, но теперь ты съ своей стороны должна отдать мнѣ свою розу!

— Тамъ, въ кустарникѣ, есть розы гораздо красивѣе этой. Сорви какуюнибудь; зачѣмъ ты хочешь взять именно эту?

— Чтобы заботливо сохранить ее въ воспоминаніе о прекраснѣйшей дѣвушкѣ, какую только я когда либо видѣлъ.

— Ну, такъ я вовсе не отдамъ тебѣ розу,—потому что кто называетъ меня красавицей, тотъ имѣетъ противъ меня дурныя намѣренія; кто же говоритъ что я хорошая дѣвушка, тотъ желаетъ мнѣ добра.

— Кто научилъ тебя этому?

— Моя бабушка, Родопись.

— Хорошо, такъ я скажу тебѣ, что ты самая лучшая дѣвушка въ свѣтѣ.

— Какъ можешь ты говорить такія вещи? вѣдь ты меня совсемъ не знаешь. О, я бываю иногда очень зла и непослушна! Если бы я была хорошею дѣвушкой, то вмѣсто того, чтобы болтать теперь съ тобою, я вернулась бы въ домъ. Бабушка мнѣ строго запретила оставаться въ саду, когда тамъ находятся чужіе; да мнѣ нѣтъ и никакого дѣла до мужчинъ, постоянно толкующихъ о вещахъ, которыхъ я не понимаю.

— Такъ ты желаешь, чтобы и я удалился?

— Нѣтъ, я понимаю тебя вполне, хотя ты говоришь далеко не такъ хорошо, какъ, напримѣръ, Ивиѣ, или бѣдный Фанесъ, который вчера, какъ я только что сейчасъ услышала отъ Мелитты, принужденъ былъ бѣжать!

— Любишь ты его?

— Люблю-ли?—да, онъ мнѣ не противенъ. Когда я была маленькою, онъ всегда привозилъ мнѣ мячи, складныя куклы и кегли ²¹⁶ изъ Саиса и Мемфиса; теперь же, когда я выросла, онъ учитъ меня прекраснымъ новымъ шѣнямъ и, на прощаньи, привезъ мнѣ совсемъ маленькую сицилійскую комнатную собачку ²¹⁷, которую я назову Аргосомъ ²¹⁸, потому что она очень бѣла и быстронога. Но, черезъ нѣсколько дней, мы получимъ отъ добраго Фанеса еще другой подарокъ, потому что... Ви-

дишь какова я! чуть не выболтала великую тайну. Бабушка строго запретила мнѣ говорить кому бы то ни было, какихъ милыхъ маленькыхъ гостей мы ждемъ; но мнѣ кажется, какъ будто мы съ тобою давно уже знакомы, а у тебя такіе добрые глаза, что я охотно расскажу тебѣ все. Видишь-ли: у меня, кромѣ бабушки и старой Мелитты нѣтъ въ цѣломъ мірѣ чловѣка, которому я могла бы открыть то, что меня радуетъ, и часто,—я сама не знаю отчего это происходитъ,—объ онѣ, при всей своей любви ко мнѣ, совсѣмъ не понимаютъ: почему что нибудь прекрасное мнѣ можетъ принести такую великую радость.

— Это происходитъ отъ того, что онѣ стары и не могутъ уже понимать радостей молодого сердца. Но развѣ у тебя нѣтъ никакой подруги, никакой сверстницы, которую бы ты любила?

— Ни одной. Въ Наувратисѣ много есть дѣвушекъ кромѣ меня; но бабушка говоритъ, что я не должна искать ихъ общества, и такъ-какъ онѣ не хотѣли придти къ намъ, то и я, будто бы, не должна посѣщать ихъ.

— Бѣдное дитя, еслибы ты была въ Персіи, то я скоро могъ бы найти для тебя подругу. У меня есть сестра, по имени Атосса,—молодая, прекрасная и добрая, какъ ты.

— Какъ жаль, что она не пріѣхала съ тобою! Но теперь ты долженъ сказать мнѣ, какъ тебя зовутъ.

— Бартія.

— Бартія? Странное имя; Бартія... Бартія... Знаешь-ли, что это имя мнѣ нравится? Какъ-же зовутъ добраго сына Креза, который такъ великодушно спасъ нашего Фанеса?

— Его зовутъ Гигесомъ. Дарій, Зофиръ и онъ—мои наилучшіе друзья. Мы повялились взаимно никогда не разлучаться, и жертвовать жизнью другъ за друга ²¹⁹. Поэтому-то я, сегодня, чуть свѣтъ, вопреки ихъ просьбамъ, украдкой поспѣшилъ сюда, чтобы быть возлѣ Гигеса, на случай, если онъ будетъ нуждаться въ помощи.

— Но ты пріѣхалъ напрасно.

— Нѣтъ, клянусь Митрой! не напрасно, потому что я нашелъ тебя. Но теперь и ты должна сказать, какъ тебя зовутъ?

— Меня называютъ Сафо.

— Прекрасное имя. Не родственница-ли ты поэтессѣ, изъ сочиненій которой Гигесъ пѣвалъ мнѣ такіа прекрасныя пѣсни?

— Да; десятая муза или лесбосскій лебедь, какъ называютъ Сафо старшую, была сестрою моего дѣда Харакса. Твой другъ, Гигесъ, конечно, сильнѣе тебя въ греческомъ языкѣ?

— Онъ съ колыбели научился эллинскому языку, вмѣстѣ съ

мидійскимъ и одинаково свободно говоритъ на обоихъ. Онъ въ совершенствѣ владѣетъ также и персидскимъ, и что еще важнѣе, онъ усвоилъ также и всѣ добродѣтели персовъ.

— Какія добродѣтели ты считаешь самыми высшими?

— Правдивость есть первая изъ всѣхъ добродѣтелей; второю мы называемъ храбрость; третьею—послушаніе. Эти три добродѣтели, соединенныя съ благоговѣніемъ къ богамъ, сдѣлали насъ, персовъ, великими.

— Но я думаю, что вы не знаете никакихъ боговъ.

— Легкомысленнѣйшій ребенокъ! Кто могъ бы существовать безъ боговъ, кто захотѣлъ бы жить безъ высшаго руководителя? Конечно, мы не помѣщаемъ небожителей, какъ вы, въ домахъ и статуяхъ, потому что ихъ жилищемъ служить все мірозданіе. Божество, которое должно быть повсюду, слышать и видѣть все, не можетъ быть заключено въ стѣнахъ ²²⁰.

— Гдѣ-же вы молитесь и приносите жертвы, если у васъ нѣтъ храмовъ?

— У величайшаго изъ всѣхъ алтарей; на открытомъ воздухѣ; охотнѣе всего на вершинахъ горъ ²²¹. Тамъ мы ближе, чѣмъ гдѣ-нибудь, къ нашему Митрѣ, великому солнцу и Аурamazдѣ, чистому творящему свѣту; тамъ бываютъ самыя позднія сумерки и самый ранній разсвѣтъ. Только свѣтъ чистъ и бодръ; тѣма-же черна и зла. Да, дѣвушка, на горахъ божество къ намъ ближе, чѣмъ гдѣ-нибудь; и тамъ его любимѣйшее мѣстопребываніе. Стояла-ли ты когда нибудь на лѣсистой вершинѣ высокой горы и прислушивалась-ли къ внушающему трепетъ тихому вѣянію дыханія божества въ торжественномъ безмолвіи природы? Падала-ли ты на землю въ зеленомъ лѣсу, у чистаго источника, подъ открытымъ небомъ, прислушиваясь къ голосу бога, раздающемуся изъ всѣхъ листьевъ и изъ всѣхъ водъ? Видала-ли ты, какъ пламя неудержимо устремляется вверхъ къ своему отцу—солнцу, и молитва въ восходящемъ къ небу дымѣ идетъ на встрѣчу великому лучезарному Создателю? Ты слушаешь меня съ удивленіемъ; но увѣряю тебя, что ты преклонила-бы колѣни и стала-бы молиться вмѣстѣ со мною, еслибы я привелъ тебя къ алтарю на вершинѣ высокой горы!

— О, еслибы я могла пойти туда съ тобою! еслибы мнѣ удалось посмотрѣть съ какой-нибудь горы на всѣ долины и рѣки, лѣса и луга! Я думаю, тамъ, въ высотѣ, гдѣ ничто не могло бы укрыться отъ моихъ взглядовъ, я почувствовала-бы себя самое всевидящимъ божествомъ. Но что это такое? Бабушка зоветъ меня; я должна идти.

— Подожди, не оставяя меня.

- Но вѣдь послушаніе есть персидская добродѣтель!
- А моя роза?
- Вотъ, возьми ее.
- Будешь-ли ты вспоминать обо мнѣ?
- Какъ-же можетъ быть иначе?
- Милая дѣвушка, извини меня, если я попрошу тебя еще объ одной милости.
- Скорѣе, скорѣе, бабушка зоветъ опять.
- Возьми эту звѣзду изъ брилліантовъ на память объ этомъ часѣ.

— Я не смѣю взять.

— Прошу, прошу тебя, возьми! Мой отецъ подарилъ мнѣ ее въ награду, когда я убилъ собственной рукой перваго медвѣдя ²²². Она была самымъ любимымъ моимъ украшеніемъ, а теперь она должна перейти къ тебѣ, потому что теперь я не знаю ничего милѣе тебя.

Юноша снялъ цѣпочку со звѣздой съ своей груди и хотѣлъ повѣсить ее на шею дѣвушки. Сафо отказывалась принять драгоценный подарокъ; но Бартія обнялъ ее станъ, поцѣловалъ ее въ лобъ, надѣлъ ей съ дружескимъ насиліемъ эту бездѣлушку на шею и устремилъ глубокій взглядъ въ темные глаза трепещущей дѣвушки.

Родопись позвала въ третій разъ. Сафо вырвалась изъ рукъ царевича и хотѣла бѣжать, но обернулась еще разъ, вслѣдствіе умоляющаго призыва юноши, и на его вопросъ: «когда я могу тебя увидѣть снова?» отвѣчала тихимъ голосомъ:

— Завтра рано у того розоваго куста.

— Который держитъ тебя крѣпко, въ качествѣ моего союзника.

Сафо поспѣшила въ домъ. Родопись приняла Бартію и сообщила ему, что знала о судьбѣ его друга.

Молодой персъ тотчасъ-же поѣхалъ обратно въ Саисъ.

Когда старуха въ этотъ вечеръ, по обыкновенію, подошла къ постели своей внучки, она нашла ее спящею уже не прежнимъ дѣтскимъ спокойнымъ сномъ: губы Сафо шевелились и она глубоко и печально вздыхала, какъ будто ее мучили безпокойныя грезы.

На пути изъ Наукратиса въ Саисъ, Бартія встрѣтилъ своихъ друзей Дарія и Зофира, которые поѣхали за нимъ, какъ только замѣтили его тайное исчезновеніе. Они не подозрѣвали, что, вмѣсто борьбы и опасностей, Бартія узналъ счастье первой любви.

Незадолго до пріѣзда трехъ друзей, Крезъ прибылъ въ Са-

нсь. Онъ тотчасъ-же отправился къ царю и разсказалъ ему откровенно, по правдѣ, все случившееся въ послѣдній вечеръ.

Амазисъ былъ, повидимому, удивленъ поведеніемъ сына Креза, увѣрилъ своего друга, что Гигесъ будетъ немедленно освобожденъ и началъ дѣлать шутившія и насмѣшливыя замѣчанія по поводу неудавшейся мести Псамметиха.

Едва Крезъ оставилъ его, какъ доложили о наследникѣ престола.

Х.

Амазисъ принялъ своего сына съ громкимъ хохотомъ и, не обращая вниманія на его блѣдное и разстроенное лицо, вскричалъ:

— Не сказалъ-ли я тебѣ съ самаго начала, что для простоватаго египтянина вовсе нелегко поймать хитрѣйшую эллинскую лисицу? Я отдалъ бы десять городовъ моего царства, чтобы имѣть возможность присутствовать при сценѣ, когда ты въ мнимомъ быстрозычномъ аеянанинѣ узналъ запынающагося лидійца.

Псамметихъ все болѣе блѣднѣлъ. Онъ задрожалъ отъ гнѣва и возразилъ подавленнымъ голосомъ:

— Нехорошо, отецъ мой, что тебя радуешь позоръ, нанесенный твоему сыну. Еслибы не Камбизъ, то—клянусь вѣчными богами!—безстыдный ледіецъ сегодня въ послѣдній разъ увидѣлъ бы свѣтъ солнца! Но какое тебѣ дѣло до того, что я, твой сынъ, сдѣлался посмѣшищемъ этой греческой шайки нищихъ!

— Не повеси тѣхъ, которые доказали, что они умнѣе тебя.

— Умнѣй, умнѣй? Мой планъ былъ такъ тонко и искусно придуманъ, что...

— Тончайшая ткань разрывается легче всего.

— Такъ тонко придуманъ, что отъ меня не могъ бы уйти этотъ эллинскій мошенникъ, еслибы противъ всякаго ожиданія не вмѣшался посолъ иностранной державы, въ качествѣ спасителя этого человѣка, приговореннаго нами въ смерти.

— Ты ошибаешься, сынъ мой, здѣсь дѣло идетъ не объ исполненіи судебного приговора, а объ успѣхѣ или неудачѣ личной мести.

— Однакожь, орудіемъ ея были должностныя лица царя, и поэтому самое меньшее, чего я долженъ требовать отъ тебя для моего удовлетворенія, состоятъ въ томъ, чтобы ты попросилъ

персидскаго царя наказать человѣка, который самопроизвольно вмѣшался въ исполненіе твоихъ приказаній. Подобный поступокъ будетъ правильно обсужденъ въ Персіи, гдѣ все преклоняется предъ царскою волей, какъ предъ божествомъ²²³. Наказанъ Гигеса—это долгъ Камбиза предъ нами.

— Однакожъ, я никакимъ образомъ не сдѣлаю ему подобнаго предложенія, такъ какъ, признаюсь, я радъ спасенію Фанеса. Гигесъ избавилъ мою душу отъ упрека, что я пролилъ неванную кровь и помѣшалъ тебѣ совершить жестокую месть надъ чело-вѣкомъ, которому обязанъ твой отецъ.

— Итакъ, ты думаешь умолчать передъ Камбизомъ обо всемъ этомъ происшествіи?

— Нѣтъ. Я опишу ему это въ письмѣ въ шутовомъ тонѣ, по свойственной мнѣ манерѣ и, въ тоже время, предостерегу его на счетъ Фанеса; приготовлю его къ тому, что этотъ послѣдній, съ трудомъ избѣжавъ нашей мести, постарается возстановить персидское государство противъ Египта и буду убѣждать своего зятя—не слушать клеветника. Дружба Креза и Гигеса принесетъ намъ больше пользы, чѣмъ ненависть Фанеса—опасности.

— Это твоё послѣднее слово? Ты не хочешь дать мнѣ никакого удовлетворенія?

— Нѣтъ, я остаюсь при томъ, что сказалъ.

— Итакъ, трепещи не только передъ Фанесомъ, но и предъ другимъ лицомъ, котораго мы держимъ въ своихъ рукахъ и который держитъ тебя въ своихъ!

— Ты хочешь угрожать мнѣ, ты хочешь вновь разорвать заключенный вчера союзъ? Псамметихъ, Псамметихъ! совѣтую тебѣ вспомнить, что ты стоишь передъ твоимъ царемъ и отцемъ.

— А ты вспомни о томъ, что я твой сынъ. Если ты снова заставишь меня забыть, что боги сдѣлали тебя моимъ родителемъ, и если я не могу ожидать отъ тебя никакой помощи, то я сумѣю сражаться моимъ собственнымъ оружіемъ!

— Мнѣ было бы любопытно знать: что это за оружіе?

— Мнѣ нѣтъ надобности скрывать его отъ тебя. И, такъ узнай, что я и мои друзья—жрецы, держимъ въ своихъ рукахъ главнаго врача Небенхари!

Амазисъ поблѣднѣлъ.

— Прежде, чѣмъ ты могъ предчувствовать, что Камбизъ сдѣлается женихомъ твоей дочери, ты послалъ этого человѣка въ Персію, чтобы удалить изъ Египта лицо, знающее о происхожденіи моей, такъ называемой сестры, Нитетисъ. Тамъ онъ остается и теперь, и, до малѣйшему намѣку жрецовъ, сообщить

обманутому царю, что, вмѣсто собственной дочери, ты осмѣлился послать ему дочь своего, свергнутаго съ престола, предшественника Гофры. Всѣ бумаги врача находятся въ нашемъ обладаніи; важнѣйшая изъ нихъ—твое собственноручное письмо, оно обѣщаетъ его отцу родовспомогателю, ²²⁴ тысячу золотыхъ колецъ, если онъ скроетъ даже отъ жрецовъ, что Нитетисъ происходитъ не отъ твоей, а отъ другой фамиліи.

— У кого эти бумаги? спросилъ Амазисъ, ледянымъ тономъ.

— У жрецовъ.

— И они говорятъ твоими устами?

— Да.

— Итакъ, повтори чего ты желаешь.

— Проси Камбиза о наказаніи Гигеса и уполномочь меня преслѣдовать бѣжавшаго Фанеса по моему усмотрѣнію.

— Это все?

— Дай жрецамъ присягу въ томъ, что отнынѣ ты запретишь эллинамъ воздвигать храмы ихъ ложныхъ боговъ въ Египтѣ, что постройка храма Аполлона въ Мемфисѣ прекращается.

— Я ожидалъ подобныхъ требованій; однакоже, противъ меня найдено острое оружіе. Я готовъ исполнить желаніе моихъ враговъ, къ которымъ присоединился и ты; но и я, въ свою очередь, долженъ предложить два условія. Во-первыхъ, я требую возвращенія мнѣ упомянутаго письма, которое я, такъ неосторожно, написалъ къ отцу Небенхари. Если я оставлю его у васъ, то могу быть увѣренъ, что перестану быть вашимъ царемъ и сдѣлаюсь самымъ жалкимъ рабомъ презрѣнныхъ жреческихъ козней.

— Твое желаніе основательно; ты получишь письмо, если...

— Никакого другого *если!* Лучше выслушай вотъ что: твое желаніе, чтобы я просилъ Камбиза наказать Гигеса я считаю неразумнымъ, и потому не исполню его. Теперь, оставь меня и не являйся мнѣ на глаза до тѣхъ поръ, пока я тебя не велю позвать. Вчера я приобрѣлъ сына, чтобы сегодня снова потерять его. Встань! я не желаю видѣть никакихъ знаковъ покорности и любви, которыхъ ты никогда не вѣдалъ. Если ты будешь нуждаться въ утѣшеніи, въ совѣтѣ, то обратись къ жрецамъ и посмотри могутъ ли они замѣнить для тебя отца. Скажи Нейтотепу, въ рукахъ котораго ты не болѣе какъ мягкій воскъ, что онъ нашелъ вѣрное средство вынудить у меня вещи, въ которыхъ я бы отказалъ при другихъ обстоятельствахъ. Чтобы сохранить величіе Египта, я до сихъ поръ былъ готовъ на всякое самопожертвованіе, но теперь вижу, что жрецы не

гнушаются угрожать мнѣ измѣною отечеству, для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей, хотя бы это легко могло заставить меня считать людей, принадлежащихъ къ привилегированной кастѣ, болѣе опасными врагами моего царства, чѣмъ персы. Берегитесь, берегитесь! На этотъ разъ я уступаю крамоламъ моихъ враговъ, потому, что я самъ, своею отеческою слабостью, налилжалъ опасность на Египетъ; но на будущее время—влянусь великою Нейтъ, моею властительницею! — я осязательно докажу, что я царь, и скорѣе пожертвую всею настою жрецовъ, чѣмъ малѣйшею частицею моей воли. Молчи—и оставь меня!

Наслѣдникъ престола удалился; царю же на этотъ разъ потребовалось много времени для того, чтобы успокоиться и выйти къ гостямъ съ веселымъ видомъ.

Псамметихъ тотчасъ же отправился къ главнокомандующему туземными войсками и приказалъ ему пзгнать въ каменоломни ²⁵ Тебаиды египетскаго сотника, неловкаго исполнителя его неудавшейся мести; а эеіопскихъ воиновъ отправить на родину. Затѣмъ, онъ успѣшилъ къ главному жрецу богини Нейтъ, для сообщенія ему о томъ, что ему удалось вынудить отъ царя.

Нейтотепъ задумчиво покачалъ своею умною головою по поводу угрожающихъ словъ Амазиса и, отпустивъ наслѣдника престола, далъ ему нѣсколько наставленій, безъ чего онъ никогда не отпускалъ его.

Псамметихъ отправился въ свой домъ.

Его неудавшееся мщеніе, новый бѣдственный разрывъ съ отцемъ, опасность быть осмѣяннымъ иностранцами, чувство своей зависимости отъ воли жрецовъ, вѣра въ мрачную судьбу, висѣвшую надъ его головою со дня его рожденія,—все это лежало тяжелымъ гнетомъ у него на сердцѣ и отуманило его умъ.

Его красавица жена умерла, а изъ пяти процвѣтавшихъ здоровьемемъ дѣтей осталась только одна дочь и маленькій сынъ, котораго онъ сильно любилъ. Къ этому малюткѣ онъ отправился теперь; возлѣ него онъ надѣялся найти утѣшеніе и новую энергію жизни. Голубые глаза и смѣющіяся губки его сына были единственными предметами, которые могли согрѣть ледяное сердце этого человѣка.

— Гдѣ мой сынъ? спросилъ онъ перваго попавшагося ему дарадворца.

— Только что сейчасъ царь велѣлъ привести къ нему князя Нехо и его няньку, отвѣчалъ слуга.

Въ это время, домоправитель наслѣдника престола подошелъ

къ нему и подалъ ему запечатанное, написанное на папирусѣ письмо, и, низко поклонившись Псамметиху, сказала:—Отъ твоего отца, царь.

Псамметихъ съ гнѣвною поспѣшностью разломалъ желтую восковую печать съ именнымъ гербомъ царя ²²⁶ и прочелъ:

«Я велѣлъ привести ко мнѣ твоего сына для того, чтобы онъ, вырастая, не превратился въ сильное орудіе жрецовъ и не забылъ своихъ обязанностей къ себѣ самому и къ своему отечеству. Я позабочусь объ его воспитаніи, такъ какъ впечатлѣнія дѣтскаго возраста имѣютъ вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь. Если ты захочешь видѣть Нехо, то я не имѣю ничего противъ этого; однакоже ты долженъ заранѣе увѣдомлять меня о своемъ желаніи».

Псамметихъ закусилъ губы до кровя, чтобы скрыть свой гнѣвъ отъ стоявшихъ вокругъ дворцовыхъ служителей. По египетскимъ нравамъ, желаніе его отца и царя было столь же обязательно, какъ самое строгое приказаніе. Нѣсколько мгновеній онъ находился въ безмолвномъ раздумьи; затѣмъ онъ велѣлъ созвать ловчихъ, собакъ, взять луки и копья, вскочилъ на легкую повозку и велѣлъ своему возницѣ везти себя въ болотную мѣстность, лежавшую къ западу отъ города, чтобы тамъ, преслѣдуя обитателей пустыни сворами борзыхъ и стрѣлами, ²²⁷ забыть то, что удручало его сердце и, вмѣсто сидящаго на тронѣ врага, излить свой гнѣвъ на дивихъ животныхъ.

Гигесь, тотчасъ послѣ разговора своего отца съ Амазисомъ, былъ выпущенъ на свободу, и товарищи приняли его съ громкимъ ликованіемъ. Фараонъ, повидимому, желалъ загладить арестъ сына своего друга удвоенною лаской, подарилъ ему въ тотъ же день дорогую колесницу, которую везла пара великолѣпныхъ караковыхъ лошадей ²²⁸ и просилъ его взять съ собою въ Персію искусно сдѣланныя принадлежности игры въ шашки, въ воспоминаніе о Саисѣ. Шашки этой игры были сдѣланы изъ слоновой кости и чернаго дерева. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были написаны разныя изрѣченія іероглифическими знаками изъ золота и серебра.

Амазисъ съ своими гостями много смѣялся хитрости Гигеса, позволилъ юнымъ героямъ непринужденно вести себя въ кругу его семейства и обращался съ ними, какъ отецъ съ рѣзвыми сыновьями. Только во время обѣда и закусокъ онъ показывалъ себя египтяниномъ: персы должны были ѣсть за особымъ столомъ. По вѣрованію его отцовъ, онъ осквернилъ бы себя, если бы сталъ ѣсть за однимъ столомъ съ чужеземцами ²²⁹.

Амазисъ, черезъ три дня по освобожденіи Гигеса, объявилъ,

что его дочь Нитетисъ черезъ двѣ недѣли будетъ готова къ отъѣзду въ Азію, и всѣ персы жалѣли, что они не могутъ дольше оставаться въ Египтѣ.

Крезъ крѣпко проводилъ время въ обществѣ самосскаго поэта и ваятеля. Гигесъ раздѣлялъ пристрастіе своего отца къ эллинскимъ художникамъ. Дарій, который еще въ Вавилонѣ занимался астрономіей ²³⁰, однажды, наблюдая на небѣ звѣзды, былъ приглашенъ старымъ верховнымъ жрецомъ богини Нейтъ слѣдовать за нимъ на самый высокій пилоуъ, главную астрономическую обсерваторію храма. Любовозательный юноша не заставилъ себя просить въ другой разъ и, съ тѣхъ поръ, каждую ночь пріобрѣталъ новыя познанія, слушая ученіе старика.

Однажды, Псамметихъ встрѣтилъ Дарія у своего учителя и, когда персъ удалился, спросилъ Нейтотепа, какииъ образомъ пришло ему въ голову посвятить этого чужеземца въ египетскія тайны.

— Я учу его, отвѣчалъ верховный жрецъ:—вещамъ, которыя каждый ученый халдеецъ въ Вавилонѣ знаетъ такъ же хорошо, какъ мы; и этимъ я дѣлаю другимъ челоуѣка, созвѣздіе котораго превосходить сіяніемъ звѣзды Камбиза, какъ солнце луну. Говорю тебѣ: этотъ Дарій современемъ сдѣлается могущественнымъ властителемъ; я вижу, что его планеты сіяютъ даже надъ Египтомъ. Мудрому надлежитъ, останавливаясь на настоящемъ, прозрѣвать также и въ будущее, осматривать не только свой путь, но и окружающую его мѣстность. Проходя мимо какаго либо дома ты не можешь сказать навѣрно, что въ этомъ домѣ не будетъ воспитанъ твой будущій благодѣтель. Не оставляй безъ вниманія ничего, попадающагося на твоей тропинкѣ; а прежде всего, смотри вверхъ, устремляй свои глаза къ звѣздамъ. Подобно тому, какъ ночная собака не спитъ и сторожитъ вора, я уже пятьдесятъ лѣтъ наблюдаю за блуждающими въ небѣ свѣтилами, пылающими въ эфирѣ вѣчными провозвѣстниками судьбы, которые предрекаютъ челоуѣву утро и вечеръ, лѣто и зиму, а также счастье и несчастье, славу и позоръ.—Они-то, непогрѣшимые глашатаи, указали мнѣ въ Даріи растеніе, которое современемъ сдѣлается большимъ деревомъ.

Для Бартіи ночныя учебныя часы его друга были очень кстати, такъ какъ они заставляли этого послѣдняго спать дольше обыкновеннаго и облегчали для влюбленнаго возможность дѣлать свои тайныя утреннія прогулки въ Наукратисъ, куда его обыкновенно сопровождалъ и Зопиръ, котораго онъ сдѣлалъ своимъ повѣреннымъ. Между тѣмъ какъ самъ онъ разговари-

валъ съ Сафо, его другъ и прислуга забавлялись охотою за бекасами, пеликанами или шакалами. Возвратясь въ Сансъ, они объяснили приставленному къ нимъ въ качествѣ Ментора Крезу, что они предавались охотѣ, любимому занятію знатныхъ персовъ.

Никто не замѣчалъ переменъ, которая сама собою произошла въ глубинѣ души царевича, вслѣдствіе могущества первой любви, — никто, кромѣ Тахотъ, дочери Амазиса. Тахотъ, съ перваго дня, когда Бартія заговорила съ нею, воспламенилась страстною любовью къ прекрасному юношѣ. Посредствомъ нѣжныхъ, чуткихъ нервовъ любви она скоро почувствовала, что между нею и имъ замѣшалось что-то постороннее. Если въ прежнее время Бартія встрѣчалъ ее какъ братъ и искалъ ея общества, то теперь онъ тщательно избѣгалъ приближаться къ ней съ прежнею короткостью. Онъ подоврѣвалъ ея тайну и думалъ, что если онъ только посмотритъ на нее ласковымъ взглядомъ друга, то этимъ сдѣлаетъ проступокъ противъ своей любви къ Сафо.

Вѣдная царевна огорчалась холодною юноши и сдѣлала Нитетисъ своею повѣренною. Нитетисъ ободрала ее и вмѣстѣ съ нею строила воздушныя замки. Обѣ молодыя дѣвушки предавались фантазіямъ о томъ, какъ было бы великолѣпно, если бы онѣ, вышедши замужъ за двухъ братьевъ царевичей и не имѣя надобности разлучаться другъ съ другомъ, могли жить при одномъ дворѣ. Но проходилъ день за днемъ, а прекрасный Бартія являлся все рѣже; когда же онъ приходилъ, то его обращеніе съ Тахотъ было холодно и церемонно.

При всемъ томъ бѣдняжка должна была признаться, что во время своего пребыванія въ Египтѣ Бартія возмужалъ и сдѣлался еще прекраснѣе. Его глаза сіяли теперь гордымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткимъ сознаніемъ своего достоинства; и, вмѣсто прежняго юношескаго высокомерія, по временамъ на всемъ его существѣ лежалъ отпечатокъ какого то особеннаго мечтательнаго спокойствія. Розовыя щеки отчасти утратили свой цвѣтъ, но это къ нему шло гораздо больше, чѣмъ къ ней, которая, подобно ему, съ каждымъ днемъ становилась все блѣднѣе.

Мелитта, старая рабыня Родописъ, сдѣлалась покровительницею влюбленной четы. Она, однажды утромъ, застала Бартію и Сафо въ саду, но получила отъ царевича такой щедрый подарокъ, такъ была очарована его красотою, такъ тронута мольбами и сладостною лестію Нитетисъ, что обѣщала своей госпожѣ сохранить тайну и, наконецъ, слѣдуя склонности старихъ женщинъ — покровительствовать молодымъ влюбленнымъ, стала всевозможными способами помогать свиданіямъ Бартія и Сафо.

Старуха уже видѣла «свою маленькую доченьку» властительницею полуи́ра; оставаясь съ нею наединѣ, называла ее «царевной» и «паричей», а себя, по временамъ, воображала богато одѣтою сановницею при персидскомъ дворѣ.

XI.

За три дня до времени, назначеннаго для отъѣзда Нитетись, у Родопись собралось много гостей, между которыми находились Крезъ и Гигесь, приглашенные въ Наувратись.

Влюбленные, подъ покровомъ ночи и охраною рабыни, должны были встрѣтиться въ саду, во время вечерняго пира. Когда Мелитта убѣдилась, что застольный разговоръ находится въ полномъ разгарѣ, она отперла калитку, впустила царевича въ садъ и провела его къ любящей дѣвушкѣ. Затѣмъ, она удалилась, обѣщая предупредить влюбленную чету хлопаньемъ въ ладоши о каждомъ непрошенномъ подслушивателѣ.

— Только три дня осталось мнѣ имѣть тебя въ своемъ со-
сѣдствѣ, прошептала Сафо. Знаешь ли, иногда мнѣ кажется, что я тебя увидела вчера въ первый разъ; обыкновенно же я чувствую, точно я цѣлую вѣчность слушаю тебя и люблю тебя съ самого начала моей жизни.

— Мнѣ тоже кажется, что я цѣлую жизнь свою обладаю тобою; такъ какъ я не могу представить себѣ, что я жила когда нибудь безъ тебя.

— Только-бы кончилось поскорѣе время разлуки! воскликнула Сафо.

— Вѣрь мнѣ, оно пройдетъ скорѣе, чѣмъ ты думаешь. Разумѣется, ожиданіе покажется намъ долгимъ, очень долгимъ; но когда мы сойдемся снова, то, я думаю, намъ будетъ казаться, что мы только что попрощались. Я испытываю это чувство каждый день. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я утра и свиданія съ тобою; но когда утро наступало и ты сидѣла возлѣ меня, то мнѣ казалось, что я не отпускалъ тебя отъ себя и твоя рука еще со вчерашняго дня покоится на моей головѣ. И, однакоже, мною овладѣваетъ какое-то невѣдомое прежде опасеніе, когда я подумаю о часѣ разлуки.

— Я не такъ боюсь его. Конечно, мое сердце обольется кровью, когда ты скажешь мнѣ: прости; но я знаю, что ты ко мнѣ возвратишься и не забудешь меня. Мелитта спрашивала оракула: останешься ли ты мнѣ вѣрнымъ; она хотѣла также идти къ одной старухѣ, только что прибывшей изъ Фригіи и

умѣющей ворожить посредствомъ вытягиванія нитокъ ночью; при этомъ она, для очищенія, употребляетъ ладанъ, стираксу, лунообразныя печенья и листья дикаго терновника; ²³¹, но я отказалась отъ всего этого, такъ какъ мое сердце лучше чѣмъ Пнеія, веревки и жертвенный дымъ, знаетъ, что ты останешься мнѣ вѣренъ и не перестанешь любить меня.

— И твоя увѣренность не обманываетъ тебя!

— Но я все-таки не была лишена страха. Подобно другимъ дѣвушкамъ, я сто разъ дула на маковный листъ и ударила по немъ; когда онъ шелкалъ, я радовалась, такъ какъ это значило: «онъ не забудетъ тебя!»; когда же листокъ разрывался безъ всякаго шума, то я беспокоилась. Но онъ почти всегда производилъ желаемый звукъ и я гораздо чаще радовалась, чѣмъ печалилась ²³².

— И такъ должно остаться!

— Да! Но говори потише мой милый, чтобы насъ не замѣтилъ Кнакиасъ, который вонъ тамъ идетъ за водою къ Нилу.

— Хорошо,—я буду говорить тихо. Вотъ такъ! Я откидываю твои шелковистые волосы и шепчу тебѣ на ухо: «я люблю тебя!» ты поняла?

— Мы легко понимаемъ то, что намъ пріятно слышать, какъ говоритъ моя бабушка. Но если-бы ты даже сказалъ мнѣ на ухо: «я ненавижу тебя!», твой взглядъ сказалъ-бы мнѣ тысячью радостныхъ голосовъ, что ты меня любишь. Безмолвные уста, глаза, краснорѣчивѣе всѣхъ голосовъ въ свѣтѣ.

— Если бы я умѣлъ говорить, какъ ты, на прекрасномъ языкѣ эллиновъ, то я бы...

— О, я радуюсь, что ты не говоришь лучше. Если бы ты мнѣ могъ сказать все что чувствуешь, то, я думаю, ты не смотрѣлъ бы такъ нѣжно мнѣ въ глаза. Что значатъ слова? Слышишь ли, вонъ тамъ, пѣніе соловья? Онъ лишенъ дара слова и, однакоже, мнѣ кажется, что я понимаю его.

— Не скажешь ли ты мнѣ по секрету, что онъ говоритъ? Мнѣ очень хотѣлось бы знать о чемъ «бюльбюль» какъ называемъ соловья мы, персы, толкуетъ тамъ въ розовыхъ кустахъ съ своею возлюбленной. Можешь ли ты выдать тайну птички?

— Я скажу тебѣ объ этомъ потихоньку. Филомела поетъ своему супругу: «я люблю тебя!» А послушай-ка, что отвѣчаетъ онъ: «Итись, ито, итись». ²³³

— А что значитъ «Ито, ито»?

— Я принимаю это, я принимаю это!

— А что значитъ «итись»?

— Чтобы понять это какъ слѣдуетъ, приходится обратиться

къ фигуральному толкованію. Итись — значить кругъ; меня учили что кругъ—значить вѣчность, потому что онъ не имѣетъ ни начала, ни конца. Поэтому соловей поетъ: «я принимаю это на цѣлую вѣчность!»

— А если я скажу: я люблю тебя?

— Я отвѣчу тебѣ радостно: я принимаю это на сегодня, на завтра, на цѣлую вѣчность!

— Какая ночь, какъ все молчить и покоится! Я даже не слышу болѣе соловья. Онъ теперь сидитъ тамъ, въ вѣтвяхъ акаціи, которой цвѣты разливаютъ такой пріятный запахъ. Вершины пальмъ отражаются въ Нилѣ, а между ними мерцаетъ отраженіе луны, подобное бѣлому лебедю.

— И ея лучи опутываютъ серебряными нитями все живущее. Поэтому цѣлый міръ, подобно узнику, лежитъ въ глубокомъ молчаніи и не шевелится. При всемъ моемъ радостномъ настроеніи, я теперь не могла-бы смѣяться, а тѣмъ болѣе говорить громко.

— Такъ шепчи или пой!

— Ты права. Дай мою арфу. Благодарю тебя. Позволь мнѣ склонить голову на твою грудь и пропѣть тебѣ тихую, мирную пѣсенку. Ее сочинилъ въ честь тихой ночи, Альманъ, лидіецъ, жившій въ Спартѣ. Слушай же меня, такъ какъ эта нѣжная, убаюкивающая пѣсня должна выходить изъ устъ тихимъ вѣніемъ. Не цалуй меня, нѣтъ, прошу тебя, не цалуй, пока я не кончу; а потомъ я сама потребую отъ тебя поцалуй въ награду:

Спать высокимъ горъ вершины,
Спать ущелья въ темной мглѣ,
Волны дремлющей пучины
И червякъ въ сырой землѣ.
Въ дебри звѣрь зайдя глухія,
Гревить въ чуткомъ полуснѣ,
И чудовища морскія
Спать въ соленой глубинѣ.
Листьевъ попотъ, пчелъ жужжанье
Стихи; спать глубокимъ сномъ
Птичка, рѣзвое созданье,
Въ темномъ гвѣздникѣ своемъ.

— Теперь, милый мой,—поцалуй!

— Я для слушанья забылъ о поцалуй, какъ прежде для поцалуй я забылъ о слушаньи.

— А вѣдь моя пѣсенка прекрасна?

— Прекрасна, какъ все что ты поешь.

— И что сочиняютъ великіе эллинскіе пѣвцы.

— Я отдаю тебѣ справедливость и въ этомъ.

— А у васъ въ Персіи нѣтъ пѣвцовъ?

— Какъ можешь ты дѣлать такой вопросъ? Развѣ какой-нибудь народъ можетъ похвалиться благородными чувствами, если онъ презираетъ пѣсню?

— Но вы имѣете такіе дурные нравы.

— Именно?

— Вы берете такъ много жонъ въ супружество!

— Милая Сафо...

— Пойми меня, какъ слѣдуетъ. Видишь-ли, ты мнѣ такъ дорогъ, что я не желаю ничего другаго, какъ только видѣть тебя счастливымъ и раздѣлять съ тобою все твое существованіе. Если ты, взявъ только меня одну себѣ въ жоны, сдѣлаешь этимъ проступокъ противъ нравовъ твоей родины, если тебя станутъ за твою вѣрность презирать, или только порицать (такъ какъ кто смѣетъ презирать моего Бартію?), то бери себѣ и другихъ жонъ; но прежде только два, три года, позволь мнѣ совершенно одной обладать тобою нераздѣльно. Согласенъ ты на это, Бартія?

— Согласенъ.

— А затѣмъ, когда время мое пройдетъ и ты принужденъ будешь покориться обычаямъ твоей страны,—такъ какъ ты не женишься ни на комъ другомъ по любви,—то позволь мнѣ быть твоею первою рабою. О, какъ я великолѣпно представляю себѣ это! Когда ты отправляешься на войну—я надѣваю шапку на твои кудри, опоясываю тебя мечомъ, даю тебѣ копьё въ руки. Когда ты возвращаешься побѣдителемъ, я первая увѣнчиваю тебя. Ъдешь ты на охоту—я привѣпляю тебѣ шпору; идешь ты въ гости на пиръ—я наряжаю и умащаю тебя, и обвиваю твой лобъ и плечи вѣнками изъ розъ. Если ты раненъ, то я лечу тебя; боленъ—я не отхожу отъ твоей постели; если ты счастливъ, то я отхожу отъ тебя и издали люблюсь твоею славою, твоимъ благополучіемъ. Можетъ быть, тогда ты призовешь меня и твой подалуй скажетъ мнѣ, что ты доволенъ своею Сафо, что ты все еще любишь меня.

— О, Сафо! еслибы ты была уже теперь моею женою! Кто обладаетъ такимъ сокровищемъ, каковымъ я обладаю въ тебѣ, тотъ будетъ его хранить и не станетъ стремиться въ другія, которыя сравнительно съ нимъ такъ жалки! Въ моемъ отечествѣ, правда, существуетъ обычай многоженства, но оно только дозволено, а вовсе не вмѣнено мужчинамъ въ обязанность. Мой отецъ тоже имѣлъ сто невольницъ, но истинную, настоящую жену, только одну, нашу мать Кассандану.

- И я буду твоею Кассанданой?
- Нѣтъ, моя Сафо, ни для одного мужчины его жена не была тѣмъ, чѣмъ ты будешь для меня!
- Когда ты пріѣдешь за мною?
- Какъ только мнѣ будетъ можно.
- Я буду ждать терпѣливо.
- И я получу отъ тебя извѣстіе?
- Я буду писать тебѣ длинныя, длинныя письма, и съ каждымъ вѣтромъ посылать тебѣ привѣтъ...
- Хорошо, моя дорогая, а что касается писемъ, то отдавай ихъ гонцу, который, отъ времени до времени, будетъ привозить Нитетисъ извѣстія изъ Египта.
- Гдѣ я найду его?
- Я оставлю въ Наукратисѣ человѣка, который позаботится обо всемъ, что ты велишь передать ему. О подробностяхъ я поговорю съ Мелиттой.
- Мы можемъ положиться на нее, такъ какъ она умна и вѣрна; но у меня есть еще одинъ другъ, который любитъ меня больше чѣмъ всѣ, за исключеніемъ тебя, и котораго я тоже люблю больше всѣхъ послѣ тебя.
- Ты говоришь о своей бабушкѣ Родописъ?
- Да о ней, моей попечительницѣ и воспитательницѣ.
- Это благородная женщина. Крезъ считаетъ ее превосходнѣйшею изъ женщинъ,—а онъ знаетъ людей, какъ лекарь знаетъ травы и корни. Ему извѣстно, что въ такомъ-то растеніи таится сильный ядъ, а въ другомъ—ваши цѣлительнаго балъзама; и Родописъ, какъ часто говоритъ Крезъ, похожа на розу, которая издаетъ благоуханіе и изливаетъ освѣжительный слей для слабыхъ больныхъ даже тогда, когда она, поблекнувъ, теряетъ листь за листомъ и ждетъ только вѣтра, который развѣетъ ихъ совершенно.
- Да продлится ея жизнь! Милый мой, исполни еще одну мою большую просьбу.
- Исполню, хотя еще и не знаю, въ чемъ она состоитъ.
- Когда ты меня увезешь на свою родину, не оставляй Родописъ въ Египтѣ. Она должна сопровождать насъ. Она такъ добра и любитъ меня такъ искренно, что мое счастье дѣлаетъ и ее счастливою, и все дорогое моему сердцу кажется и ей достойнымъ любви.
- Она будетъ первою гостьею въ нашемъ домѣ.
- Какъ ты добры! Теперь я вполне довольна и успокоена. Да, добрая старуха нуждается во мнѣ. Она не можетъ жить безъ меня. Я своимъ смѣхомъ прогоняю ея мрачныя заботы, и

когда она, уча меня, сидитъ возлѣ, постъ мнѣ пѣсни, учить меня писать, ударяетъ по струнамъ лютни, тогда ея лицо сіяетъ чистымъ свѣтомъ и всѣ морщины ея, проведенныя гѣремъ, сглаживаются, ея кроткія глаза смѣются и она забываетъ о многихъ бѣдственныхъ дняхъ, весело наслаждаясь настоящимъ. ✕

— Прежде, чѣмъ мы разстанемся, я спрошу ее, послѣдуетъ-ли она за нами въ мое отдаленное отечество.

— Какъ я рада! И знаешь-ли: первое время разлуки мнѣ вовсе не кажется страшнымъ. Тебѣ, какъ моему мужу и господину, я могу говорить все, что меня печалитъ и радуетъ, но передъ другими я должна быть молчаливою. Знай-же, мой милый, что въ то время, когда вы поѣдете на свою родину, мы въ свой домъ ожидаемъ двухъ маленькихъ гостей. Это — дѣти добраго Танеса, того человѣка, для котораго твой другъ, сынъ Креза, сдѣлалъ такой благородный поступокъ. Я всегда, какъ мать, буду заботиться объ этихъ малюткахъ и, когда они будутъ умницами, я буду напѣвать имъ прекрасную пѣсенку о царевичѣ, могучемъ героѣ, который женился на простой дѣвушкѣ, и когда я буду описывать наружность этого царевича, то ты будешь стоять передъ моими глазами и опишу тебя съ ногъ до головы, причѣмъ моя парочка не будетъ и подозрѣвать о комъ идетъ рѣчь. Мой герой имѣетъ твой высокій ростъ, твои голубые глаза; его украшаютъ твои золотистыя кудри, царственное великолѣпіе твоей одежды окружаетъ его блистательную фигуру; твое благородное сердце, твой вѣрный правдивый характеръ, твое благоговѣніе къ богамъ, твоя храбрость, твой высокій геройскій духъ, — словомъ все, что я люблю и цѣню въ тебѣ, будетъ удѣломъ и героя моей пѣсни. Дѣти будутъ слушать меня. И когда они воскликнутъ: «Какъ любимъ мы царевича, какъ онъ прекрасенъ и добръ; ахъ, еслибы мы могли видѣть этого благороднаго юношу!» — я съ любовью прижму ихъ къ моему сердцу и поцалую ихъ, какъ я цаловала тебя, и тогда исполнится также и желаніе дѣтей, такъ какъ ты царствуешь въ моемъ сердцѣ, а слѣдовательно, живешь во мнѣ, вблизи ихъ, и когда они обнимаютъ меня, то обнимаютъ и тебя вмѣстѣ!

— А я пойду къ моей сестрѣ Атоссѣ и расскажу ей обо всемъ, что я видѣлъ во время своего путешествія. И когда я стану хвалить привлекательность грековъ, блескъ ихъ дѣлъ и красоту ихъ женщинъ, то я буду изображать твое очаровательное существо, какъ портретъ Афродиты. Я буду много рассказывать ей о твоей добродѣтели, красотѣ, скромности, о твоёмъ пѣніи, которое даже соловья заставляетъ слушать себя; о твоей любви, о нѣжности твоего сердца. Но всѣ эти качества твои я

буду переносить на божественный образ Киприды и стану цаловать мою сестру, когда она воскликнетъ: «О, Афродита, если бы я могла тебя видѣть!»

— Слушай, что это? Мелитта хлопаетъ въ ладоши! Прощай, мы должны расстаться. До скорого свиданія!

— Еще одинъ поцалуй!

— Прощай!

Мелитта, преодолюваемая усталостью и немощами своихъ преклонныхъ лѣтъ, заснула на своемъ посту. Вдругъ она была пробуждена громкимъ шумомъ. Она тотчасъ захопала въ ладоши, чтобы предупредить влюбленную чету и призвать Сафо, такъ-какъ по звѣздамъ она видѣла, что скоро наступитъ утро.

Когда старуха приближалась съ дѣвучкою къ дому, она замѣтила, что разбудившій ее шумъ произвели гости, приготовляшіеся разойтись.

Торопя испуганную дѣвужу, она провела ее черезъ заднюю дверь дома, въ спальню, и только что хотѣла раздѣвать ее, какъ вошла Родопись.

— Ты еще не ложились, Сафо? спросила она. Что это значить, дитя мое?

Мелитта задрожала и готова была сказать какую нибудь ложь, но Сафо бросилась на грудь своей бабки, нѣжно обняла ее, поцаловала ее съ полною искренностью и безъ утайки рассказала ей всю исторію своей любви.

Родопись поблѣднѣла.

— Оставь насъ! приказала она рабынѣ. Затѣмъ она стала противъ своей внучки, положила руки ей на плечо и сказала: Посмотри мнѣ въ лицо, Сафо! Можешь-ли ты еще смотрѣть на меня такъ-же весело, съ такою-же дѣтскою ясностью, какъ и до прибытія этого перса?

Дѣвужка, радостно улыбаясь, посмотрѣла на бабу; тогда Родопись привлекла ее къ себѣ на грудь и поцаловала ее, говоря:

— Съ той поры, какъ ты сняла съ себя дѣтскіе башмаки, я старалась сдѣлать тебя достойною дѣвучкою и охранить тебя отъ любви. Я желала въ скоромъ времени выбрать для тебя приличнаго мужа и отдать тебя ему въ жоны по эллинскимъ обычаемъ ²³⁴; но богамъ было угодно устроить иначе. Эросъ посмѣялся надъ всѣми преградами, которыя руки людей думали противопоставить ему. Золійская ²³⁵ кровь, текущая въ твоихъ

жилахъ, потребовала любви, бурное сердце твоихъ лесбосскихъ предковъ бьется также и въ твоей груди. Случившагося нельзя измѣнить. Сохрани-же радостные часы этой чистой первой любви твоей, какъ драгоценную собственность въ домѣ твоего воспоминанія, такъ-какъ настоящее каждаго человѣка рано или поздно дѣлается такъ бѣдно и пустынно, что онъ нуждается въ этихъ сокровищахъ памяти, чтобы не иссохнуть отъ тоски. Думай въ тишинѣ о прекрасномъ юношѣ, попрощайся съ нимъ, когда онъ будетъ возвращаться на родину; но остерегайся надежды на новое съ нимъ свиданіе. Персы легкомысленны и непостоянны, все новое прельщаетъ ихъ, для всего чужеземнаго они открываютъ свои объятія ²³⁶. Твоя очаровательная особа очень поправила царевичу. Онъ теперь пылаетъ любовью къ тебѣ, но онъ молодъ и прекрасенъ, за нимъ ухаживаютъ со всѣхъ сторонъ, и притомъ онъ персъ. Откажись отъ него, чтобы онъ не отказался отъ тебя!

— Какъ могу я сдѣлать это, бабушка! Развѣ я не покланялась ему въ вѣрности на цѣлую вѣчность?

— Вы, дѣти, играете этою вѣчностью, точно она не болѣе, какъ одно мгновеніе! Что касается до твоей клятвы, то я не порицаю тебя, а радуюсь, что ты такъ крѣпко держишься за нее, такъ-какъ мнѣ ненавистна преступная поговорка, что будто бы Зевсъ не слышитъ клятвы влюбленныхъ. Почему на клятву, данную относительно самаго святаго чувства въ человѣкѣ, божество будетъ обращать меньше вниманія, чѣмъ на присягу данную, по поводу ничтожныхъ вопросовъ о *можемъ* и *твоемъ*? Сохрани же своей обѣтѣ, не забывая никогда о своей любви, но приучайся къ мысли, что ты должна отказаться отъ личности своего возлюбленнаго.

— Никогда, бабушка! Развѣ Бартія сдѣлался бы моимъ другомъ, если бы я не могла быть въ немъ увѣрена? Именно потому что онъ—персъ, что правдивость онъ называетъ своею прекраснѣйшею добродѣтелью, я могу твердо надѣяться, что онъ будетъ помнить свою клятву и, вопреки нелѣпнымъ обычаямъ азіатцевъ, сдѣлаетъ меня своею единственною женою.

— А если онъ забудетъ свою клятву, то ты станешь горестно оплакивать свою молодость и, съ отравленнымъ сердцемъ...

— Добрая, милая бабушка, перестань говорить такія ужасныя вещи! Если бы ты знала его, какъ я, то ты радовалась бы вмѣстѣ со мною и согласилась-бы, что скорѣе изсякнетъ Нилъ, скорѣе обрушатся пирамиды, чѣмъ Бартія забудетъ меня!

Дѣвушка говорила эти слова, съ такою радостною увѣренностью и убѣдительною; ея темные, наполненные слезами глаза,

сіяли выраженіемъ такой теплоты, такого блаженства, что и физиономія старухи сдѣлалась ласковою.

Сафо еще разъ обвила руками вокругъ шеи своей бабки, рассказала ей отъ слова до слова все, что говорилъ ей Бартія, и кончила свою рѣчь восклицаніемъ:—Ахъ, бабушка, я такъ счастлива! и если ты поѣдешь съ нами въ Персію, то мнѣ не останется ничего болѣе просить у бессмертныхъ.

— Но тебѣ слишкомъ скоро придется слова простирать къ нимъ руки,—вдохнула Родопись. Они завистливо смотрятъ на счастье смертныхъ и отмѣриваютъ намъ дурное щедрими, а хорошее—скупными руками. Ступай, теперь, въ постель, мое дитя, и молись со мною вмѣстѣ, чтобы все это пришло къ хорошему концу. Ребенку я принесла сегодня мое утреннее привѣтствіе, взрослой дѣвухѣ я желаю спокойной ночи; о, если бы, будучи женою, ты предоставляла свои губки для поцалуй также радостно, какъ теперь! Завтра я поговорю о тебѣ съ Крезомъ. Отъ его совѣта будетъ зависѣть разрѣшеніе вопроса: могу ли я позволить тебѣ ждать возвращенія перса, или же я должна заклинать тебя—забыть царевича и сдѣлаться женою какого-нибудь эллина, по моему выбору. Спи спокойно, моя милочка; твоя старая бабка бодрствуетъ за тебя!

Сафо заснула въ сладостныхъ грѣзахъ, а Родопись не смыкала глазъ и, не то съ улыбкою, не то задумчиво, хмурила лобъ при свѣтѣ восходящаго солнца и яснаго дня.

На слѣдующее утро, Родопись послала просить Креза удѣлить ей одинъ часъ для свиданія съ нею.

Она рассказала старику безъ обиняговъ, что случилось съ ея внучкой и заключила свой разговоръ слѣдующими словами:

— Я не знаю, какихъ качествъ требуютъ персы отъ супруги владѣтельной особы, но могу сказать тебѣ, что Сафо мнѣ кажется достойною самаго лучшаго изъ царей. Она происходитъ отъ благороднаго свободнаго отца, и я слышала, что, по вашимъ законамъ, происхожденіе ребенка опредѣляется только по отцу. Въ Египтѣ тоже дѣти рабыни пользуются одинаковыми правами съ дѣтьми царской дочери, если тѣ и другія родились отъ одного и того же отца ²³⁷.

— Я выслушалъ тебя молча, отвѣчалъ Крезъ, и долженъ сказать тебѣ, что въ настоящую минуту я знаю также мало, какъ и ты—слѣдуетъ ли мнѣ радоваться, или печалиться по поводу этой любви. Камбизъ и Кассандана, мать Бартіа и царя, еще до нашего отъѣзда желали женить царевича. Самъ царь до сихъ поръ не имѣетъ никакого потомства. Если онъ умретъ бездѣтнымъ, то единственная надежда на продолженіе рода его

отца Кира будетъ возложена на Бартію, такъ какъ великій основатель персидскаго могущества имѣлъ только двухъ сыновей: Камбиза и друга твоей внучки. Этотъ послѣдній служить предметомъ гордости для всѣхъ персовъ, онъ любимецъ всего двора и страны, надежда всѣхъ сановниковъ и подданныхъ. — Въ Персіи желаютъ, чтобы царскіе сыновья брали себѣ жонъ изъ рода Ахеменидовъ; но персы имѣютъ безпредѣльное пристрастіе ко всему чужеземному и, обвороженные красотой твоей внучки, будутъ снисходительны къ любви Бартіи, извинять проступокъ противъ старыхъ обычаевъ, тѣмъ болѣе, что всаое дѣйствіе, одобренное царемъ, не допускаетъ никакого возраженія со стороны подданныхъ. Притомъ иранская исторія представляетъ довольно примѣровъ того, что даже отъ рабынь происходили цари. Мать властителя Персіи, пользуясь почти такимъ же значеніемъ, какъ онъ самъ, не станетъ мѣшать счастію своего младшаго и любимаго сына ²⁸⁸. Когда она увидитъ, что Бартія не хочетъ отказаться отъ Сафо, когда она замѣтитъ, что смѣющееся лицо ея обожаемаго сына, похожаго какъ двѣ капли воды на ея великаго умершаго мужа, омрачилось, тогда она, чтобы только развеселить его, позволить ему жениться даже на снѣжнѣй. Камбизъ тоже не откажетъ въ своемъ согласіи, если его мать обратится къ нему въ удобную минуту съ настоятельною просьбой.

— Значить, всѣ трудности могутъ быть устранены?—радостно вскричала Родопись.

— Меня заботитъ не бракъ, а время послѣ него.

— Не хочешь ли ты сказать, что Бартія...

— Съ его стороны я не боюсь ничего. Онъ чистъ сердцемъ и такъ долго оставался чуждымъ любви, что разъ покоренный ею, онъ будетъ любить горячо и постоянно.

— Но...

— Но ты должна принять въ соображеніе, что еслибы даже всѣ мужчины приняли съ радостью очаровательную жену своего любимца, въ женскихъ покояхъ персидскихъ вельможъ есть тысяча праздныхъ женщинъ, которыя поставятъ себѣ въ обязанность вредить молодой, возвысившейся изъ незнатнаго рода, дѣвушкѣ всевозможными кознями и интригами; женщинъ, для которыхъ высшимъ наслажденіемъ будетъ погубить неопытнаго ребенка.

— Ты имѣешь очень дурное мнѣніе о персіянкахъ.

— Онѣ, вѣдь, женщины, и будутъ завидовать соперницѣ, съумѣвшей понравиться человѣку, на котораго онѣ имѣли видъ для себя самихъ или для своихъ дочерей. Въ празд-

ности и скучѣ гарема зависть легко переходитъ въ ненависть, и удовлетвореніе ея должно служить для этихъ бѣдныхъ созданій вознагражденіемъ за отсутствіе любви и свободы. Повторяю тебѣ: чѣмъ прекраснѣ Сафо, тѣмъ болѣе она выведетъ противъ себя непріязни, и даже если Бартія будетъ искренно любить ее и въ первые годы не возьметъ себѣ никакой другой жены, она все-таки испытаетъ такія тяжкія минуты, что я рѣшительно не знаю, могу-ли я поздравить тебя съ блистательною, повидимому, будущностью твоей внучки.

— Я чувствую то же самое, сказала Родопись. Простой элинь былъ бы для меня желательнѣе этого благороднаго сына великаго царя.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Бартія, введенный Кнаціасомъ. Онъ умолялъ старуху не отказывать ему въ рукѣ ея внучки, описавъ свою горячую любовь къ дѣвушкѣ и увѣрялъ, что Родопись удвоитъ его счастье, если отправится съ нимъ въ Персію. Затѣмъ онъ схватилъ руку Креза, извинился предъ нимъ въ томъ, что такъ долго танлъ отъ него, котораго онъ чтитъ какъ отца, счастье своего сердца, и умолялъ его поддержать его сватовство.

Старикъ съ улыбкою выслушалъ страстныя слова юноши и сказалъ:

— Какъ часто я предостерегалъ тебя противъ любви, мой Бартія! Любовь—это истребительный огонь.

— Но ея пламя ярко и свѣтлозарно.

— Она причиняетъ горе.

— Но это горе пріятно.

— Она помрачаетъ умъ!

— Но укрѣпляетъ сердце!

— О, эта любовь! вскричала Родопись. Развѣ вдохновенный Эросомъ мальчикъ не говоритъ такъ, какъ будто онъ всю свою жизнь провелъ въ школѣ подъ руководствомъ аттическаго учителя краснорѣчія?

— Однакоже, возразилъ Крезъ: — я называю влюбленныхъ самыми непокорными изъ учениковъ. Вы можете имъ доказывать со всевозможною ясностью, что любовь есть ядъ, огонь, глупость, смерть, а они, несмотря на то, стануть кричать: «она сладостна», и будутъ продолжать любить попрежнему.

Въ эту минуту въ комнату вошла Сафо. Бѣлое праздничное платье, съ пурпурно-красными вышитыми краями и широкими рукавами, охватывало ея нѣжныя члены свободными складками, которыя въ талии были собраны золотымъ поясомъ. Въ ея во-

лосакъ блистали свѣжія розы, а ея грудь была украшена сверкающею звѣздою, первымъ подаркомъ ея возлюбленнаго.

Съ граціозною застѣнчивостію она поклонилась старику, который надолго остановилъ на ней свои взоры. И чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на это дѣвственное, очаровательное лицо, тѣмъ привѣтливѣе становилось лицо Креза. Изъ глубины его души предъ нимъ возстали воспоминанія; на одну минуту къ нему возвратилась его молодость; онъ невольно приблизился къ дѣвушкѣ, съ любовью поцаловалъ ее въ лобъ, взялъ ее за руку, подвелъ къ Бартіи и сказалъ:—Возьми ее, хотя бы противъ насъ возстали всѣ Ахемениды!

— Значить, мнѣ нечего больше и говорить? спросила Родонисъ, улыбаясь сгвоздь слезы.

Бартія взялъ правую, а Сафо взяла лѣвую руку старухи и двѣ пары умоляющихъ глазъ смотрѣли ей въ лицо. Наконецъ, она, выпрямившись во весь ростъ, вскричала съ видомъ пророчательницы:

— Да охранить васъ Эросъ, который васъ соединилъ, да защитить васъ Зевсъ и Аполлонъ! Я вижу васъ подобными двумъ розамъ на одномъ стеблѣ, любящихъ и счастливыхъ въ весеннюю пору жизни; что принесутъ вамъ лѣто, осень и зима—это сокрыто въ лонѣ боговъ. Пусть ласково улыбнутся тѣни твоихъ родителей, моя Сафо, когда эта вѣсть о тебѣ дойдетъ до нихъ въ жилища преисподней.

Черезъ три дня послѣ этой сцены пристань Сауса снова была наполнена густыми толпами. Народъ собрался, чтобы сказать послѣднее прощаніе дочери царя, отправлявшейся на чужбину. Въ этотъ часъ казалось, что египтяне, не смотря на подстрекательства жрецовъ, питали искреннюю любовь къ царскому дому.

Когда Амазисъ и Ладиса Нитетисъ, со слезами на глазахъ, обнялись въ послѣдній разъ; когда Тахотъ, въ виду всѣхъ саитянъ, на большой, спускавшейся къ Нилу, лѣстницѣ, всхлипывая бросилась на шею къ своей сестрѣ; когда лодка, увозившая невѣсту персидскаго царя, со вздутыми парусами отдалась отъ берега, то глаза почти всѣхъ зрителей были увлажнены слезами.

Только жрецы смотрѣли сурово и холодно, какъ всегда, на эту трогательную сцену.

Наконецъ, когда корабли увозившихъ египтянку чужеземцевъ

тоже пошли подъ дуновеніемъ южнаго вѣтра, то за ними понеслось много проклятій и криковъ ненависти; но Тахоть еще долго махала своимъ покрываломъ вслѣдъ удалявшимся. Она плакала непрерывно. Къ кому относились эти слезы: къ подругѣ ея дѣтскихъ лѣтъ, или же къ прекрасному и столь любимому ея царевичу?

Амазисъ, въ виду всего народа, обнялъ свою жену и дочь. Онъ высоко поднялъ маленькаго Нехо, своего внука, при видѣ котораго египтяне разразились громкими вликами восторга. Псамметихъ, отецъ ребенка, стоялъ молча и съ сухими глазами возлѣ царя, который, повидимому, не обращалъ на него вниманія. Наконецъ, къ нему подошелъ Нейтотефъ, верховный жрецъ. Онъ подвелъ ушправшагося царевича къ отцу, положилъ его руку въ руку царя и громко произнесъ благословеніе боговъ царскому дому.

Во время его возгласа египтяне стояли на колѣнахъ, съ руками поднятыми вверхъ. Амазисъ привлекъ сына къ своей груди и шепнулъ верховному жрецу, когда тотъ окончилъ свою молитву:

— Будемъ жить въ мирѣ ради насъ самихъ и ради египтянъ.

— Получилъ-ли ты то письмо Небенхари?

— Самосскій корабль морскихъ разбойниковъ преслѣдуетъ галеру Фанеса.

— Тамъ въ отдаленіи безпрепятственно плыветъ дочь твоего предшественника, законная наслѣдница египетскаго престола.

— Постройка эллинскаго храма въ Мемфисѣ будетъ приостановлена.

— Да дастъ намъ Изида миръ, да распространится счастье и благоденствіе надъ Египтомъ!

Жившіе въ Наукратисѣ эллины устроили празднество въ честь отправлявшейся на чужбину дочери своего покровителя Амазиса.

На алтаряхъ греческихъ боговъ множество жертвенныхъ животныхъ были преданы закланію и, когда нильскія барки прибыли въ гавань, раздалось громкое: «эллинность»!

Дѣвушки, въ праздничныхъ нарядахъ, поднесли Нитетисъ золотую повязку, которая, въ качествѣ свадебнаго вѣнка невесты, была обвита множествомъ душистыхъ фіялокъ²³⁹.

Эту повязку должна была поднести Сафо, какъ самая красивая дѣвушка въ Наукратисѣ.

Принимая подарокъ, Нитетись поцѣловала ее въ лобъ. Затѣмъ она вошла въ свою галеру.

Гребцы принялись за свою работу и зашѣли! Келевсу²⁴⁰. Южный вѣтеръ вздулъ паруса и тысячекратное «элиность» разда-лось снова. Бартия съ палубы царскаго корабля сдѣлалъ послѣдній знакъ любовнаго привѣта своей нарѣченной. Сафо тихо молилась Афродитѣ Эвплойа, покровительницѣ моряновъ. Слезы текли по ея щевамъ, но на губахъ ея играла улыбка надежды и любви, между тѣмъ, какъ старая Мелитта, державшая зонтикъ дѣвушки, плакала навзрыдъ. Однакоже, когда съ вѣнка, украшавшаго голову ея питомицы, случайно упало нѣсколько листковъ, она на минуту забыла свое горе и тихо прошептала къ Сафо:

— Да, сердце мое, видно что ты любишь: всѣ дѣвушки, которыя теряютъ листья изъ своихъ вѣнковъ, ранены стрѣлами Эроса²⁴¹.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Семь недѣль спустя, по большой царской дорогѣ¹, которая вела съ запада въ Вавилонъ, двигался большой поѣздъ изъ разнородныхъ экипажей и всадниковъ, приближавшійся къ громадному городу, видѣвшемуся уже издалека.

На четырехколесномъ экипажѣ, тагъ называемомъ гармамагсѣ², до нелья раззолоченномъ и обитомъ золотою парчею, подъ навѣсомъ, поддерживаемымъ деревянными колоннами, пустое пространство между которыми было задернуто занавѣсами, сидѣла Нитетись, дочь египетскаго царя.

По бокамъ экипажа ѣхали ея шрвожатые, извѣстные уже намъ персидскіе вельможи и развѣнчанный лидійскій царь Крезъ, съ своимъ сыномъ.

Пятьдесятъ другихъ экипажей и шестьсотъ вьючныхъ животныхъ слѣдовали за ними, между тѣмъ какъ отрядъ персидскихъ воиновъ, на великолѣпныхъ коняхъ, предшествовалъ поѣзду.

Дорога тянулась вдоль рѣки Евфрата между роскошными полями, засѣянными пшеницею, ячменемъ и зезамомъ ³, приносившими иногда самъ-сотъ, а иногда и самъ-трехсотъ урожая. Стройныя финиковыя пальмы, покрытыя тяжелыми вѣтвями съ фруктами, высились повсюду среди полей, со всѣхъ сторонъ прорѣзанныхъ хорошо содержимыми арыками и канавами ⁴. Несмотря на зимнее время, солнце распространяло уже теплоту и ярко горѣло на безоблачномъ небѣ. Громадная рѣка пестрѣла разнокалиберными лодками, которыя перевозили произведенія гористыхъ мѣстностей Арменіи въ долину Месопотаміи и доставляли изъ Тапсака ⁵ въ Вавилонъ большую часть товаровъ, привозимыхъ изъ Греціи и Малой Азіи. Трубы и водоподъемныя машины распространяли освѣжающую влагу по нивамъ и плантаціямъ береговъ, покрытыхъ многочисленными деревьями. По всему было видно, что приближаешься къ центру древняго просвѣщеннаго государства, управляемаго съ заботливою предусмотрительностію.

Колесница и свита Нитетисъ остановились у длиннаго кирпичнаго строенія, покрытаго черною нефтью ⁶, по сторонамъ котораго была расположена плантація изъ платановъ. Крезъ сошелъ съ лошади, приблизился къ колесницѣ, въ которой сидѣла египетская царевна, и произнесъ:

— Вотъ мы и доѣхали до послѣдней станціи! Вотъ та высокая башня, виднѣющаяся на горизонтѣ, есть знаменитый храмъ Ваала, составляющій, на ряду съ великими пирамидами, одно изъ громаднѣйшихъ произведеній рукъ человѣческихъ. Еще солнце не успѣетъ зайти, какъ мы уже доѣдемъ до желѣзныхъ воротъ Вавилона. Позволь мнѣ высадить тебя изъ колесницы и отправить къ тебѣ въ домъ твоихъ служанокъ. Сегодня тебѣ слѣдуетъ одѣться такъ, какъ одѣваются персидскія царевны, чтобы восхитить взоры Камбиза. Черезъ нѣсколько часовъ ты предстанешь предъ лицо своего супруга. Какъ ты блѣдна! Позаботься о томъ, чтобы твои женщины прикрыли эту блѣдность искусственнымъ румянцемъ, который служилъ бы знакомъ твоего радостнаго волненія. Первое впечатлѣніе очень часто рѣшаетъ всю послѣдующую судьбу. Это стародавнее замѣчаніе имѣетъ большой вѣсъ, въ особенности относительно твоего будущаго супруга. Если ты понравишься ему при первомъ свиданіи, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то очень вѣроятно, что ты плѣнишь его сердце на вѣчныя времена; если-же ты не понравилась бы ему, то, можетъ случиться, что онъ, по своему крутому нраву, никогда не удостоитъ тебя

ласковаго взгляда. Мужайся, дочь моя, мужайся! а главное, помни тѣ наставленія, которыя я давалъ тебѣ!

Нитетисъ отерла слезу, наворачнувшуюся на ея рѣсницѣ и возразила:

— Какъ благодарить мнѣ тебя, Крезъ, за всю твою доброту; ты—мой второй отецъ, мой защитникъ и совѣтникъ. О! не покидай меня и впередъ! Въ теченіи этого продолжительнаго путешествія по опаснымъ горнымъ ущельямъ, ты былъ моимъ путеводителемъ и защитникомъ; если-же, когда-нибудь, на моемъ тяжеломъ жизненномъ пути встрѣтятся горести и бѣды, то и тамъ не откажи мнѣ въ своей помощи и заботливости! Благодарю отецъ мой, тысячу разъ благодарю!

При этихъ словахъ дѣвушка обняла своими полными ручками шею старика и поцаловала его какъ самая нѣжная дочь.

Когда она вступила на дворъ мрачнаго дома, ее встрѣтилъ человекъ, сопровождаемый цѣлою толпою азіатскихъ служанокъ. Это былъ начальникъ евнуховъ⁷, одинъ изъ знатнѣйшихъ чиновъ персидскаго двора. Онъ отличался высокимъ ростомъ и тучностью, на его безбородомъ лицѣ играла приторная улыбка, въ ушахъ вачались драгоценныя серьги; руки, ноги, шея и длинная одежда, походившая на женскую, — все было покрыто золотыми цѣпами и кольцами и отъ туго-завитыхъ волосъ, обвязанныхъ пурпурною тканью, пахло рѣзкими благоуханіями.

Богесъ (такъ звали евнуха) почтительно поклонился египтянкѣ и, приложивъ ко рту свою мясистую, покрытую кольцами руку, проговорилъ:

— Камбизъ, владыка вселенной, посылаетъ меня къ тебѣ навстрѣчу, царица, затѣмъ, чтобы я освѣжилъ твое сердце росой его привѣтствій. вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ меня, своего нижайшаго раба, онъ посылаетъ тебѣ одежду персіанокъ, чтобы ты, какъ подобаетъ супругѣ могущественнѣйшаго изъ царей земныхъ, приблизилась въ мидійскомъ платьѣ къ воротамъ Ахеменидовъ. Эти женщины, твои рабыни, ожидаютъ твоихъ приказаній. Изъ египетскаго изумруда они превратятъ тебя въ персидскій алмазь.

Богесъ отошелъ въ сторону и благосклоннымъ знакомъ далъ понять хозяину постоялаго двора, что онъ можетъ передать царевнѣ корзинку съ фруктами, уложенными весьма изящнымъ образомъ.

Нитетисъ любезно поблагодарила обоихъ мужчинъ, вошла въ домъ, со слезами сняла одежду своей родины и приказала распустить густую косу съ лѣвой стороны, считавшуюся отли-

чительнымъ знакомъ египетскихъ царевенъ; ⁸ затѣмъ руки чуждыхъ ей прислужницъ облегли ее въ мидійскія одежды.

Между тѣмъ ея провожатые распорядились относительно закуски. Ловкіе слуги принесли стулья, столы и золотую посуду, вынутую изъ повозокъ; повара забѣгали и такъ охотно помогали другъ другу, что вскорѣ роскошный столъ, при убранствѣ котораго не оказалось недостатка даже въ цвѣтахъ, точно по мановенію волшебства представился взорамъ проголодавшихся путниковъ.

Во все время продолжительнаго путешествія господствовала такая же роскошь, такъ какъ на вьючныхъ лошадяхъ, слѣдовавшихъ за царственными путешественниками, везлись всевозможные предметы удобствъ, начиная отъ непромокаемой затканной золотомъ палатки, до серебряной свамейки для ногъ; а въ колесницахъ, сопровождавшихъ путешественниковъ, кромѣ будочниковъ, поваровъ, виночерпиевъ и разрѣзателей, сидѣли втиратели маселъ, вѣнкоплеты и завиватели волосъ.

При этомъ, на большой дорогѣ, встрѣчалась на каждахъ четырехъ миляхъ хорошо устроенная гостинница. Тутъ смѣнялись испортившіяся дорогою лошади; тѣнистыя рощи представляли гостепріимный пріютъ во время полуденнаго жара; а въ горахъ подобныя гостинницы служили убѣжищами отъ снѣга и холода.

Персидскія гостинницы, имѣвшія сходство съ нашими почтовыми станціями, обязаны своимъ возникновеніемъ и улучшеніемъ великому Кіру, который старался, посредствомъ хорошо содержимыхъ дорогъ, сократить громадныя разстоянія своего обширнаго царства. Онъ также устроилъ правильное почтовое сообщеніе. На каждой станціи, на смѣну верховому курьеру, былъ готовъ другой съ новою лошадей, который, получивъ корреспонденцію мчался съ быстротою вѣтра до слѣдующей станціи, чтобы въ свою очередь передать свою сумку новому, уже готовому къ отъѣзду курьеру. Эти курьеры назывались аггарами и считались самыми быстрыми ѣздоками въ цѣломъ мірѣ ⁹.

Когда пирующие, къ которымъ также присоединился и евнухъ Богесъ, встали изъ-за-стола, дверь станціоннаго дома снова отворилась, и послышалось продолжительное восклицаніе внутри. Передъ персіанами стояла Нитетисъ въ драгоцѣнномъ придворномъ костюмѣ мидянки, съ гордымъ сознаніемъ своей побѣдоношенной красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенно краснѣя при видѣ удивленія своихъ спутниковъ.

Ея слуги невольно пали передъ ней ницъ по азіатскому обы-

чаю; а благородные Ахемениды преклонились передъ нею съ глубочайшимъ уваженіемъ. Казалось, что вмѣстѣ съ простыми одеждами своей родины царица сбросила съ себя свою застѣнчивость и, облекшись въ шелковыя, усыпанныя драгоценными камнями одежды персидской царицы, усвоила себѣ гордый видъ и царственное величіе.

Глубокое почтеніе, которое ей оказывали, повидному, пришлось ей по душѣ. Сдѣлавъ милостивый жестъ рукой, она поблагодарила восхищавшихся ею друзей; затѣмъ, обратилась къ начальнику евнуховъ ¹⁰ и сказала ему ласково, но величественно:

— Ты исполнилъ свою обязанность. Я довольна одедами и рабскими, доставленными тобою. Я съумѣю похвалить своему супругу твою ловкость и умѣнье, а покажѣсть прими эту золотую цѣпь въ знакъ моей благодарности.

Всемогущій надзиратель надъ царскими жонами, поцаловалъ одежду Нитетисъ и молча принялъ подарокъ. Еще никогда ни одна изъ подчиненныхъ ему женщинъ, не относилась къ нему съ подобною гордостью. До сихъ поръ всѣ жоны Камбиза были азіатскаго происхожденія и, зная всемогущество начальника евнуховъ, употребляли всевозможныя усилія, чтобы посредствомъ льстивыхъ фразъ и смиренія войти къ нему въ милость.

Богесъ снова низко поклонился Нитетисъ; но она, не обращая на него болѣе никакого вниманія, обратилась къ Крезу и тихо проговорила:

— Тебя, мой добрый другъ, я не могу отблагодарить ни словами, ни подарками за все то, что ты сдѣлалъ для меня, такъ какъ одному тебѣ я буду обязана, если моя жизнь при этомъ дворѣ будетъ, если не совершенно счастливою, то, по крайней мѣрѣ, мирною. Затѣмъ она уже болѣе громкимъ голосомъ, слышнымъ и другимъ ея спутникамъ, продолжала: — Прими отъ меня это кольцо, которое я не снимала съ руки со времени моего отъѣзда изъ Египта. Стоимость его ничтожна, но значеніе велико. Пиеагоръ, благороднѣйшій изъ всѣхъ эллиновъ, подарилъ его моей матери, когда внималъ въ Египтѣ мудрымъ ученіямъ нашихъ жрецовъ; а мать моя подарила это кольцо мнѣ, когда я разставалась съ родиною. На простомъ бирюзовомъ камнѣ начертана цифра семь. Это нечетное число представляетъ собою здоровье тѣла и души ¹¹, такъ какъ не существуетъ ничего болѣе нераздѣльнаго, чѣмъ здоровье. Если страдаетъ малѣйшая частица тѣла, то весь человѣкъ боленъ; если дурная мысль поселится въ нашемъ сердцѣ, то нарушится вся душевная гармонія. Пусть эта цифра семь, постоянно, при всякомъ

взглядѣ твоємъ, напоминаетъ тебѣ о моемъ желаніи, чтобы тебѣ на долю выпало полное, ничѣмъ не омраченное наслажденіе тѣлеснымъ здравіемъ и непрерывное продолженіе любвеобильной кротости, которая дѣлаетъ тебя самымъ здоровымъ изъ всѣхъ людей. Не благодари меня, отецъ мой, такъ какъ я осталась-бы твоею должницею даже и тогда, когда была-бы въ состояніи возвратить Крезу всѣ богатства Креза. А ты, Гигесъ, возьми эту лидійскую лиру изъ слоновой кости, и когда зазвучать ея струны, то вспомни о той, которая тебѣ подарила ее. Тебѣ, Зофиръ, я дарю эту золотую цѣпь, такъ какъ, насколько я могла замѣтить, ты всегда оставался самымъ вѣрнымъ другомъ своихъ друзей; мы же, египтяне, изображаемъ нашу богиню любви и дружбы, прелестную Гаеоръ съ цѣпями и веревками въ очаровательныхъ рукахъ, служащими символомъ ея связующаго характера. Что же касается до тебя, Дарій, то я, зная твою любовь къ египетской мудрости и звѣздному небу, даю тебѣ на память этотъ золотой обручъ, на которомъ искусною рукою выгравированы знаки зодіака ¹². Тебѣ, милый мой деверь Бартія, я предназначаю самое драгоценное изъ сокровищъ, которымъ обладаю. Возьми этотъ амулетъ изъ голубого камня ¹³. Моя сестра Тахотъ надѣла мнѣ его на шею, когда я въ послѣдній разъ передъ отходомъ ко сну напечатлѣла прощальный поцалуй на ея губахъ. Она сказала мнѣ, что этотъ талисманъ надѣляетъ счастьемъ въ любви тѣхъ, которые его носятъ. При этомъ, Бартія, она заплакала! Я не знаю, о комъ думала добрая дѣвушка, но надѣюсь, что сдѣлаю ей угодное, если передамъ ея сокровище въ твои руки. Представь себѣ, что Тахотъ передаетъ его тебѣ черезъ меня, свою сестру, и вспоминай иногда о нашихъ играхъ въ садахъ Саиса.

До сихъ поръ она говорила по гречески. Теперь-же она обратилась къ прислугѣ, ожидавшей въ почтительномъ отдаленіи, и проговорила ломанымъ персидскимъ языкомъ:

— Благодарю также и васъ! Въ Вавилонѣ вы получите тысячу золотыхъ статеровъ ¹⁴. Приказываю тебѣ, Богесъ, сказала она, обращаясь къ евноху, раздать назначенную сумму людямъ не позже, какъ послѣ завтра.—Веди меня къ колесницѣ, Крезъ!

Старикъ поспѣшно повиновался. Въ то время какъ онъ подводилъ Нитетисъ къ колесницѣ, она, прижимая его руку къ своей груди, шепнула ему:

— Доволенъ-ли ты мною, отецъ мой?

— Я говорю тебѣ, дитя мое, отвѣчалъ старикъ, что при этомъ дворѣ ты сдѣлаешься первою послѣ матери цари, такъ какъ на

челѣ твоемъ сіяетъ истинная гордость царицы и ты обладаешь искусствомъ дѣлать многое съ небольшими средствами. Повѣрь мнѣ, что незначительный подарокъ, который ты съумѣешь выбрать и поднести съ свойственною тебѣ находчивостью, доставитъ человѣку достойному гораздо больше удовольствія, чѣмъ горсть золота, которую бросили-бы къ его ногамъ. Дѣлать и получать драгоценныя подарки въ обычаѣ у персіанъ. Они умѣютъ обогащать другъ друга; ты же научишь ихъ осчастливливать одинъ другаго. Какъ ты прекрасна! Хорошо-ли тебѣ сидѣть или тебѣ нужно еще больше подушекъ! Но, что это такое? Видишь-ли облава пыли, поднимающіяся со стороны города? Это долженъ быть Камбизъ, ѣдущій тебѣ навстрѣчу. Крѣпись, дитя мое! А главное, постарайся выдержать взглядъ твоего супруга и смѣло смотришь ему въ глаза. Немногіе выносятъ блескъ его взоровъ. Если тебѣ удастся смѣло и безъ смущенія взглянуть ему въ лицо, то это будетъ побѣдою съ твоей стороны. Мужайся, мужайся, дочь моя; да украситъ тебя Афродита своею плѣнительнѣйшею красотою. Садитесь на лошадей, друзья мои; кажется, царь ѣдетъ къ намъ навстрѣчу!

Выпрямившись и прижавъ руки къ сильно бьющемуся сердцу, сидѣла Нитетисъ въ золотой колесницѣ. Облако пыли близилось все болѣе и болѣе. Вотъ изъ него сверкнули яркіе лучи солнца, которныя отразились на оружіи путешественниковъ. Затѣмъ, облако раздвинулось и показались отдѣльныя фигуры; потомъ приближавшаяся толпа исчезла за густымъ кустарникомъ у поворота дороги и, наконецъ, появились, въ какой нибудь сотнѣ шаговъ отъ станціи, уже ясно видимыя фигуры мчавшихся всадниковъ.

Вся толпа представляла пеструю массу людей, лошадей, пурпура, золота, серебра и драгоценныхъ камней. Болѣе двухсотъ всадниковъ на бѣлоснѣжныхъ низейскихъ лошадяхъ, которыхъ узды, удила, чапраки были покрыты золотыми колокольчиками и бляхами, перьями, кистями и вышивками,¹⁵ слѣдовали за челобкомъ, ѣхавшимъ на сильномъ ворономъ конѣ. Этотъ конь неоднократно порывался понести своего всадника, но тотъ сдерживалъ его своею богатырскою рукою и доказывалъ покрытому пѣною скакуну свою способность обуздать его бѣшеный норовъ. На этомъ всадникѣ, котораго сильныя ноги сдвигали бока коня, до такой степени, что тотъ дрожалъ и задыхался, было надѣто платье красное съ бѣлымъ, сплошь покрытое вышитыми на немъ орлами и соколами¹⁶. Шаровары были пурпурныя, а сапоги изъ желтой кожи. Его талию стегивалъ золотой поясъ, за которымъ была заткнута короткая, похожая на винжалъ, сабля съ руко-

итвою и ногами, уснавшими драгоценными камнями. Остальной его нарядъ имѣлъ сходство съ нарядомъ Бартіа. Его шапка была обвита бѣлою съ синимъ повязкою Ахеменидовъ. Изъ подъ нея рассыпались густые пряди черныхъ, какъ эбеновое дерево, волосъ. Громадная борода такого же цвѣта скривала всю нижнюю часть его лица. Оно было блѣдно и неподвижно; но глаза, еще чернѣе волосъ и бороды, сверкали пламенемъ — не согревающимъ, а испепеляющимъ. Глубокой, ярко-красный рубецъ, слѣдствіе сабельнаго удара массагетскаго вонна, бороздиль высокое чело, горбатый носъ и тонкія губы всадника. Во всей его манерѣ видѣнь былъ отпечатокъ величайшей силы и безмѣрной гордости.

Нитетисъ не могла отвести глазъ отъ этого человѣка. Она никогда не видала никого, подобнаго ему. Ей казалось, что эта необузданно-гордая наружность есть олицетвореніе мужской силы. Ей казалось, что для служенія этому человѣку созданъ весь міръ, а прежде всего она сама. При видѣ его она чувствовала страхъ, и однако ея женское сердце, привыкшее къ поворотности, стремилось обвиться вокругъ него, подобно тому, какъ виноградная лоза ищетъ себѣ опоры въ могучемъ стволѣ дерева. Она не могла дать себѣ отчетъ, представляетъ-ли она себѣ въ такомъ видѣ отца всевозможнаго зла, ужаснаго Сета¹⁷ или же великаго Ра, источника всякаго свѣта.

Яркій румянецъ и мертвенная блѣдность смѣшались на ея лицѣ подобно свѣту и тѣни, когда въ полдень тучи заволакиваютъ небо. Она забыла совѣты своего преданнаго друга, однако же, когда Камбизъ осадилъ своего бѣшенаго храбѣвшаго коня около ея колесницы, она, затанвъ дыханіе, смотрѣла въ пламенные глаза этаго мужчины, зная, что это царь, хотя никто не говорилъ ей этого.

Строгое лицо властелина полу-вселенной становилось все привѣтливѣе, чѣмъ дольше Нитетисъ, повинувшись какому то необычайному влеченію, переносила его пронизывающій взглядъ. Наконецъ, Камбизъ сдѣлалъ ей рукою привѣтственный жестъ и направился къ ея спутникамъ, соскочившимъ со своихъ лошадей, при чемъ нѣкоторые поверглись во прахъ передъ царемъ, а другіе стояли низко кланяясь и, по персидскому обычаю, спрятавъ руки въ рукава своихъ платьевъ.

Теперь и самъ царь соскочилъ съ лошади. Примѣру его въ то же мгновеніе послѣдовали и его спутники. Сопровождавшіе его разстилатели ковровъ съ удивительною быстротою покрыли землю тяжелымъ пурпуровымъ ковромъ, чтобы ноги царя не коснулись придорожной пыли и, нѣсколько минутъ спустя, Кам-

бывъ привѣтствовалъ своихъ родственниковъ и друзей, подставляя имъ свои губы для поцалуня.

Затѣмъ онъ пожалъ правую руку Креза и приказалъ ему снова садиться верхомъ, и въ качествѣ переводчика, послѣдовать за нимъ къ колесницѣ Нитетисъ.

Знатнѣйшіе сановники бросились къ царю и помогли ему снова сѣсть на лошадь; онъ подалъ знакъ и весь поѣздъ двинулся.

Крезъ ѣхалъ рядомъ съ Камбизомъ, около золотой колесницы.

— Она прекрасна и плѣнила мое сердце, воскликнулъ персъ, обращаясь къ старику лидійцу. Теперь переведи мнѣ слово въ слово все, что она станетъ отвѣчать на мои вопросы, такъ какъ я понимаю только персидски, воассирійски и по мидійски.

Нитетисъ поняла эти слова. Неизъяснимый восторгъ окватилъ ея сердце и, сильно всникнувъ, она отвѣчала ломаннымъ персидскимъ языкомъ:

— Какъ возблагодарить мнѣ боговъ, которые помогли мнѣ найти милость передъ твоими очами? Мнѣ не совсѣмъ незнакома рѣчь моего повелителя, такъ какъ этотъ благородный старецъ давалъ мнѣ уроки персидскаго языка во время нашего продолжительнаго путешествія. Не взыщи за то, что я могу отвѣтить тебѣ только отрывистыми фразами. Срокъ ученія былъ не великъ, а способности мои не превышаютъ обыкновенныхъ способностей бѣдной неученой дѣвушки ¹⁸.

На губахъ Камбиза, почти всегда сурово сжатыхъ, мелькнула улыбка. Желаніе Нитетисъ понравиться ему польстило егѣ самолюбію, да и кромѣ того, персу, привыкшему видѣть какъ женщины вырастаютъ погрязшія въ невѣжествѣ и лѣни, и думаютъ только о нарядахъ и интригахъ, казалось стель же удивительнымъ какъ и похвальнымъ такое прилежаніе въ чужестранкѣ. Потому онъ отвѣчалъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— Мнѣ пріятно, что я могу говорить съ тобою безъ посредника. Продолжай заниматься изученіемъ прекраснаго языка моихъ отцовъ; мой собесѣдникъ Крезъ останется и впредь твоимъ учителемъ.

— Ты осчастливиллаешь меня этимъ приказаніемъ, воскликнулъ старикъ, такъ какъ я не могъ бы пожелать себѣ болѣе ревностной и благодарной ученицы, какъ дочь Амазиса.

— Она оправдываетъ извѣстную издревле славу египетской мудрости, отвѣчалъ царь:—и мнѣ кажется, что она въ непродолжительномъ времени пойметъ ученіе маговъ, которые будутъ наставлять ее въ нашей религіи, и приметъ его въ глубину своей души.

Нитетись опустила глаза. Приближалось то, что составляло предмет ея опасеній. Отнынѣ она должна была служить чуждымъ ей богамъ вмѣсто египетскихъ.

Камбизъ не замѣтилъ ея внутренняго движенія и продолжалъ:

— Моя мать Кассандана посвятить тебя во всѣ обязанности моихъ жонъ. Завтра я самъ отведу тебя къ ней. То, что ты услышала случайно, я теперь вновь повторяю тебѣ: ты пріятна моему сердцу! Позаботься о сохраненіи этого благорасположенія! Мы постараемся, чтобы ты полюбила нашу страну, а такъ какъ я тебѣ другъ, то совѣтую тебѣ быть ласковою съ Богесомъ, котораго я послалъ тебѣ на встрѣчу; тебѣ придется во многомъ слушаться его, такъ какъ онъ главный начальникъ женской палаты.

— Хотя онъ начальникъ женщинъ, отвѣчала Нитетись, но я все-таки думаю, что твоей женою не долженъ повелѣвать никто кромѣ тебя самого. Я буду повиноваться малѣйшему знаку съ твоей стороны, но подумай, что я дочь царя и уроженка страны, гдѣ слабыя женщины пользуются одинаковыми правами съ сильными мужчинами, и что мое сердце проникнуто тою-же гордостью, которая сверкаетъ въ твоихъ глазахъ, мой повелитель! Тебѣ, могущественному моему супругу и властелину я буду повиноваться съ покорностью рабы; но заискивать расположенія самого немощнаго изъ мужчинъ, продажнаго слуги, я не въ состояніи, равно какъ и повиноваться его приказаніямъ.

Удивленіе и радость Камбиза все увеличивались. Такого рода разговора онъ не слышалъ ни отъ одной женщины, кромѣ своей матери, а ловкій тактъ, съ которымъ Нитетись какъ бы бессознательно признавала его власть надъ всѣмъ ея существованіемъ, удовлетворилъ его самолюбію. Гордость понравилась гордецу. Онъ одобрительно кивнулъ головою дѣвушка и проговорилъ:

— Ты права. Я прикажу устроить тебѣ отдѣльное помѣщеніе. Ты будешь слушаться только однихъ моихъ приказаній относительно того, какъ тебѣ слѣдуетъ держать себя. Веселенькій домикъ среди висячихъ садовъ будетъ сегодня-же приготовленъ для тебя.

— Тысячу разъ благодарю тебя, воскликнула Нитетись. О, еслибы ты зналъ, какъ ты осчастливилъ меня этою любезностью! Твой милый братъ Бартія такъ много рассказывалъ мнѣ о висячихъ садахъ, и ни одно изъ чудесъ твоего великаго царства не нравилось намъ такъ, какъ любовь того царя, который приказалъ воздвигнуть эту зеленѣющую гору.

— Завтра тебѣ можно будетъ водвориться въ твоемъ новомъ

жплещѣ. Скажи же мнѣ теперь, какъ понравились мои послы тебѣ и египтянамъ?

— Какъ можешь ты спрашивать объ этомъ? Кто-быль-бы въ состояніи не полюбить этого благороднаго старца, повнакомившись съ нимъ? Развѣ возможно было-бы не оцѣнить достоинствъ молодыхъ героевъ, твоихъ друзей? Всѣ они сдѣлались дорогими нашему дому; въ особенности-же твой прекрасный братъ плѣнилъ всѣ сердца. Египтяне недружелюбно смотрятъ на иноземцевъ, но какъ только они увидѣли Бартію, то шопотъ одобренія пронесся въ глазбющей толпѣ.

При этихъ словахъ царевны чело царя омрачилось. Онъ прищипорилъ своего коня такъ, что тотъ взвился на дыбы, повернулъ его и, помчавшись, сталъ во главѣ своей свиты, съ которою черезъ нѣсколько минутъ достигнулъ стѣны Вавилона.

Несмотря на то, что Нитетисъ, какъ египтянка, привыкла къ самымъ громаднѣмъ постройкамъ, она, все-таки, была поражена необъятнѣмъ пространствомъ и величіемъ огромнаго города.

Стѣны его оказывались положительно неприступными, такъ-какъ имѣли пятьдесятъ локтей въ вышину, а ширина ихъ была такъ значительна, что двѣ колесницы могли свободно разѣхаться на ихъ поверхности. Двѣсти пятьдесятъ высочихъ башенъ увѣнчивали и дѣлали окончательно неприступною эту громадную твердыню; однакоже, понадобилось бы еще болѣе значительное число подобныхъ укрѣпленій, еслибы Вавилонъ не былъ защищенъ съ одной стороны непроходимыми белотами. Городъ-великанъ былъ расположенъ на обонхъ берегахъ рѣки Евфрата. Онъ имѣлъ болѣе девяти миль въ окружности и окружавшая его стѣна служила охраною такимъ зданіямъ, которыя своимъ объемомъ превосходили пирамиды и храмы въ Фивахъ и Мемфисѣ ¹⁹.

Ворота, черезъ которыя царскій поѣздъ долженъ былъ вступить въ городъ, настѣжь растворили передъ высокими путниками свои желѣзныя крылья въ 50 локтей вышину. Съ каждой стороны этого входа возвышалось по укрѣпленной башнѣ, а передъ каждою изъ нихъ былъ поставленъ, въ видѣ стража, высѣченный изъ камня гигантскій крылатый быкъ съ человѣческою головою и серьезнѣмъ бородатымъ лицомъ ²⁰. Съ удивленіемъ глядѣла Нитетисъ на эти гигантскія ворота и радостно всмат-

ривалась въ длинную широкую улицу большого города, которая въ честь ея была великолѣпно разукрашена.

Какъ только показался царь съ золотою колесницей, толпа разразилась громкими восклицаніями восторга; эти восклицанія, постоянно усиливаясь, превратились въ непрерывный, перекаты-вавшійся подобно грому и рѣзкій крикъ, когда взорамъ толпы представился любимецъ народа Бартія, благополучно возвратившійся изъ своего путешествія. Народъ также давно не видалъ и самого Камбиза, такъ-какъ царь, согласно обычаю миданъ, рѣдко показывался публично. Сокрытый отъ взоровъ простыхъ смертныхъ, онъ долженъ былъ управлять незримо, подобно божеству, и его появленіе среди народа ожидалось какъ особенное торжественное событіе. Такимъ образомъ и въ этотъ день весь Вавилонъ былъ на ногахъ, чтобы взглянуть на внушавшаго страхъ властелина и всѣми обожаемаго, возвратившагося домой путешественника, и привѣтствовать обоихъ. Всѣ окна были унизаны любовными женщинами, которыя бросали цвѣты на дорогу при приближеніи поѣзда и прыскали душистыми эссенціями. Вся мостовая была усыпана миртовыми и пальмовыми вѣтвями; различныхъ породъ зеленыя деревья стояли передъ дверями; ковры и шали были вывѣшены изъ оконъ; гирлянды цвѣтовъ были протянуты отъ одного дома къ другому; ладанъ и сандаловые ароматы наполняли воздухъ, и по обѣимъ сторонамъ дороги стояли тысячи глазѣющихъ вавилонянъ въ бѣлыхъ полотняныхъ рубашкахъ, пестрыхъ шерстяныхъ одеждахъ и короткихъ накидкахъ, держа въ рукахъ длинныя палки съ золотыми и серебряными гранатовыми яблочками, птицами или розами ²¹.

Всѣ улицы, черезъ которыя проходило шествіе, были прямы и широки; дома, выстроенныя изъ кирпича, прекрасны и высоки ²². А надъ всѣмъ господствовалъ видимый отовсюду Храмъ Ваала съ его громадною лѣстницею, которая, въ видѣ огромной змѣи, восьмикратно обвивалась вокругъ башнеподобнаго круглаго зданія, составленнаго изъ нѣсколькихъ этажей; каждый изъ этихъ этажей постепенно уменьшался до самого верха, гдѣ и помѣщалось настоящее святилище ²³.

Теперь шествіе приблизилось къ царскому дворцу, ²⁴ котораго размѣры соответствовали гигантскому плану всего города. На стѣнахъ, окружающихъ дворецъ, видѣлись пестрыя картины, покрытыя глазурью и представлявшія странную смѣсь изображеній птицъ, людей, млекопитающихъ и рыбъ, сценъ изъ военной и охотничьей жизни и торжественныхъ процессій. Къ сѣверу, вдоль рѣки, висались височія сады; ²⁵ къ востоку на другомъ берегу Евфрата, былъ расположенъ другой царскій дво-

рець меншихъ размѣровъ, соединенный съ великолѣпнымъ каменнымъ мостомъ капитальной постройки.

Шествіе прошло въ мѣдныя ворота трехъ стѣнъ, окружавшихъ дворець. Лошади, запряженныя въ колесницу Нитетисъ, остановились, рабы—носители скамеекъ, помогли ей выйти изъ экипажа. Она находилась въ новомъ отечествѣ и вскорѣ была введена въ назначенныя ей, для временнаго помѣщенія, комнаты женскаго дома.

Камбизъ, Бартія и извѣстныя уже намъ друзья, окруженные сотнею блистательныхъ вельможъ, стояли еще на устланномъ пестрыми коврами дворцовомъ дворѣ, когда послышались громкіе женскіе голоса и, дивной красоты персіанка, въ драгоценныхъ одеждахъ, съ роскошными бѣлокурыми волосами, перевитыми нитями дорогаго жемчуга, бросилась во дворъ на встрѣчу мужчинамъ; за нею слѣдовало нѣсколько другихъ, болѣе пожилыхъ женщинъ.

Послѣднія пали ницъ на благородномъ разстояніи; но когда дѣвушка стала осыпать возвратившихся все новыми ласками, то Камбизъ воскликнулъ:

— Стыдись, Атосса! Подумай, что съ тѣхъ поръ какъ тебѣ надѣли серьги, ²⁶ ты уже перестала быть ребенкомъ. Я не имѣю ничего противъ того, что ты радуешься возвращенію брата, но даже и въ радости дѣвушка царской семьи не должна забывать приличій. Отправляйся назадъ къ матери. Вонъ тамъ стоятъ твои няньки. Поди и скажи имъ, что ради этого торжественнаго дня я прощаю тебя. Но если ты вторично появишься въ этомъ мѣстѣ, закрытомъ для непрощенныхъ гостей, то я прикажу Богесу запереть тебя на двѣнадцать дней. Помни же это, попрыгунья, и скажи матери, что я сейчасъ приду къ ней съ братомъ. Подалуй же меня! Ты не хочешь? Подожди же упрямца!

Съ этими словами царь бросился къ дѣвочкѣ, лѣвою рукою такъ крѣпко сжалъ ей руки, что она громко вскрикнула, правою отогнула назадъ очаровательную головку и расцѣловалъ сопротивлявшуюся сестру, которая со слезами бросилась къ своимъ нянькамъ и исчезла въ комнатахъ дворца.

Когда Атосса убѣжала, то Бартія сказалъ:

— Ты сильно сжалъ бѣднаго ребенка, Камбизъ, она вскрикнула отъ боли!

Лицо царя омрачилось, но онъ воздержался отъ рѣзкаго отвѣта, готоваго сорваться съ его губъ, и сказалъ, дѣлая движеніе по направленію къ дому:

— Пойдемъ теперь къ матери; она просила меня привести

тебя къ ней тотчасъ по прїѣздѣ. Женщины, по обыкновенію, не могутъ дождаться тебя. Нитетисъ говорила мнѣ, что ты также очаровалъ и египтянокъ твоими бѣлокурыми локонами и розовыми щеками. Молись заранѣе Митрѣ, ²⁷ чтобы онъ даровалъ тебѣ вѣчную юность и избавилъ тебя отъ старческихъ морщинъ!

— Ужъ не хочешь-ли ты этимъ сказать, спросилъ Бартія, что я не обладаю никакими добродѣтелями, которыя служатъ украшеніемъ и старости?

— Я никому не объясняю своихъ словъ. Пойдемъ!

— Я же попрошу тебя доставить мнѣ случай доказать, что я не уступлю ни одному персу въ добродѣтеляхъ, составляющихъ принадлежность мужчинъ.

— Восторженные клики вавилонянъ доказываютъ тебѣ, что тебѣ не нужны никакіе подвиги, чтобы пользоваться всеобщимъ расположеніемъ.

— Камбизъ!

— Теперь пойдемъ! Война съ массагетами неизбѣжна. Ты будешь имѣть случай доказать, каковъ ты, и что ты можешь сдѣлать.

Нѣсколько минутъ спустя, Бартія лежалъ въ объятіяхъ своей слѣпой матери, которая съ сильно бьющимся сердцемъ ожидала своего любимца. Теперь, когда она наконецъ услышала его голосъ и своими дрожащими руками осязала дорогое лицо, она забыла все другое и, обрадовавшись возвращенію младшаго сына, даже не обратила вниманія на своего первенца, могущественнаго царя, который съ горькою улыбкой глядѣлъ, что весь безграничный источникъ материнской любви цѣликомъ изливался на его младшаго брата.

Съ самаго ранняго дѣтства Камбиза, всѣ постоянно исполняли малѣйшія его желанія, каждое движеніе его бровей считалось приказаніемъ; поэтому онъ не могъ переносить противорѣчій и безъ удержу предавался припадкамъ своей бѣшеной вспыльчивости, если кто нибудь изъ его подданныхъ — а онъ не зналъ другихъ людей — осмѣливался ему противорѣчить. Киръ, его отецъ, могущественный завоеватель полу-міра, гениальностью котораго небольшая нація персовъ была возведена на вершину земнаго величія, умѣвшій приобрѣсти уваженіе многочисленныхъ покоренныхъ имъ племенъ, — этотъ Киръ былъ неспособенъ въ кругу своего семейства примѣнить къ дѣлу ту систему воспитанія, которой онъ такъ удачно придерживался относительно обширныхъ государствъ ²⁸. Уже въ мальчикѣ Камбизѣ онъ видѣлъ будущаго царя, приказывалъ своимъ под-

даннымъ слѣпо повиноваться ребенку и забывалъ, что тотъ, кто хочетъ повелѣвать, прежде всего долженъ научиться слушать другихъ.

Жена его юности, сильно имъ любимая Кассандана, родила ему сперва Камбиза, затѣмъ трехъ дочерей, и наконецъ, уже черезъ пятнадцать лѣтъ, Бартію. Первенецъ уже давно вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, когда родился младшій сынъ, поэтому его младенческіе годы и необходимый въ этомъ возрастѣ уходъ поглотили всю заботливость родителей. Очаровательный, мѣлко-сердечный и ласковый ребенокъ сдѣлался идоломъ какъ отца, такъ и матери; вся теплоота ихъ любви обратилась на него, между тѣмъ какъ Камбизъ видѣлъ только заботливое вниманіе съ ихъ стороны. Наслѣднику престола удалось отличиться во многихъ войнахъ храбростію и мужествомъ; своимъ повелительнымъ, гордымъ характеромъ, онъ пріобрѣлъ себѣ трепещущихъ рабовъ, между тѣмъ какъ гуманный, добродушный Бартія могъ называть своихъ товарищей своими преданными друзьями. Народъ боялся Камбиза и трепеталъ при его приближеніи, несмотря на богатые подарки, которые онъ имѣлъ обыкновеніе расточать съ непомѣрною щедростію, и любилъ привѣтливаго Бартію, въ которомъ видѣлъ портретъ покойнаго Кира «отца своего народа».

Камбизъ очень хорошо чувствовалъ, что онъ не можетъ никакой цѣною купить себѣ той любви, которая добровольно изливалась со всѣхъ сторонъ на Бартію. Онъ не питалъ къ брату ненависти, но ему было досадно, что мальчикъ, который не заявилъ себя еще никакими подвигами, былъ чтимъ и любимъ персами точно какой нибудь герой и благодѣтель. Все, что ему не нравилось, онъ считалъ несправедливымъ; то, что было несправедливо, онъ долженъ былъ порицать, а его порицаніе было, съ самаго его дѣтства, вещь страшною даже для самыхъ сильныхъ изъ среды людей, окружавшихъ его.

Восторженные крики народа, неизсякаемая ласка матери и сестры, а въ особенности дружеская похвала со стороны Нитетисъ, доставшіяся на долю Бартіи, все это возбудило въ немъ ревность, до тѣхъ поръ невѣдомую его сердцу. Нитетисъ сильно понравилась ему. Эта дочь могущественнаго царя, подобно ему, презирающая все мелкое и исполнѣ подчиняющаяся его величію; эта женщина, которая, для пріобрѣтенія его расположенія, не отступила передъ серьезными трудностями при изученіи персидскаго языка; эта величественная дѣвушка, которой оригинальная полу-египетская, полу-греческая красота (ея мать была эллинскаго происхожденія) возбудила его удивленіе, какъ нѣчто по-

вое, никогда невиданное,—произвела на него глубокое впечатлѣніе. Поэтому ея похвалы, относившіяся къ Бартіи раздосадовали его и сдѣлали его сердце воспримчивымъ къ ревности.

Выйдя съ братомъ изъ женскихъ комнатъ, онъ принялъ мгновенное рѣшеніе, и, прежде чѣмъ разойтись съ нимъ, сказалъ:

— Ты просилъ у меня случая выказать свое мужество. Я не откажу тебѣ въ этомъ. Тапуры возстали и я отправилъ войско къ ихъ границамъ. Отправляйся въ Рагъ, прими главное начальство надъ войскомъ и покажи, каковъ ты самъ и что въ состояніи ты сдѣлать!

— Благодарю тебя братъ мой, вослицинулъ Бартія.—Позволишь-ли ты мнѣ взять съ собою моихъ друзей—Дарія, Гигеса и Зогира?

— Я не откажу тебѣ въ этой милости; будьте храбры и не теряйте времени, чтобы черезъ три мѣсяца возвратиться къ главной арміи, которая отправится весной для наказанія массагетовъ.

— Я отправлюсь завтра-же.

— Будь здоровъ!

— Исполнишь-ли ты мою просьбу, если Аурамазда сохранить мою жизнь и я возвращусь побѣдителемъ?

— Исполню.

— О, въ такомъ случаѣ я одержу побѣду, еслибъ даже пришлось съ тысячею человекъ идти противъ десяти тысячъ тапуровъ. Глаза юноши сверкали. Онъ думалъ о Сафо.

— Я буду очень радъ, если твои краснорѣчивыя слова оправдаются на дѣлѣ. Но погоди, мнѣ нужно еще кое-о чемъ переговорить съ тобою. Тебѣ минуло двадцать лѣтъ и пришла пора жениться. Роксана, дочь благороднаго Гидарнеса, достигла совершеннолѣтія. Говорятъ, что она красавица, да и по происхожденію она достойна тебя.

— О, братъ мой, не говори мнѣ о женитьбѣ, я...

— Ты долженъ жениться, такъ какъ я бездѣтенъ.

— Но ты молодъ и не останешься безъ потомства; да я и не говорю, что не женюсь никогда; не сердись на меня, но именно теперь, когда я долженъ выказать свое мужество, я не хочу ничего слышать о женщинахъ.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ жениться на Роксанѣ, возвратись съ сѣвера. Но я совѣтую тебѣ взять красавицу съ собою въ походъ. Персы обыкновенно сражаются съ бѣльшею

энергіею, когда, вмѣстѣ съ самыми дорогими сокровищами въ своемъ лагерѣ, должны защищать красавицу жену. ¹²⁹.

— Избавь меня отъ этого, братъ мой. Умоляю тебя памятью нашего отца, не навязывай мнѣ жены, которой я не знаю и не желаю знать. Отдай Роксану Зопиру, охотнику до женщинъ, отдай ее Дарію или Бессу, которые придутся родственниками Гидарнесу; я былъ бы несчастливъ...

Камбизъ разсмѣялся и воскликнулъ, прерывая брата:

— Слушая тебя можно вообразить, что ты пересталъ быть персомъ и превратился въ египтянина. Право, я уже не разъ пожалѣлъ, что отправилъ въ чужія страны такого мальчика, какъ ты! Я не привыкъ дозволать противорѣчія моей волѣ и по окончаніи войны, не приму никакихъ отговорокъ. Теперь, ты, пожалуй, отправляйся въ походъ неженатымъ, такъ какъ я не хочу навязывать тебѣ ничего такого, что могло бы ослабить твое мужество. Впрочемъ, мнѣ кажется, что ты имѣешь еще другія тайныя причины отказываться отъ моего предложенія. Въ такомъ случаѣ мнѣ жаль тебя. Теперь, поѣзжай. Но послѣ войны я не стану обращать вниманіе ни на какое сопротивленіе. Ты знаешь меня!

— По окончаніи войны можетъ быть я самъ попрошу тебя о томъ, чего теперь не соглашаюсь принять отъ тебя. Навязывать человѣку счастье столь же неблагоприятно, сколько нехорошо насильно вести его къ несчастію. Благодарю тебя за твою уступчивость.

— Остерегайся слишкомъ часто подвергать ее испытанію!— Какой у тебя счастливый видъ! Мнѣ даже кажется, что ты влюбленъ и, вслѣдствіе этого, презираешь всѣхъ другихъ женщинъ.

Бартія покраснѣлъ до корней волосъ, схватилъ руку брата и воскликнулъ: «Не донскивайся дальше, позволь второй разъ поблагодарить тебя и будь здоровъ. Позволишь-ли ты мнѣ послѣ прощанья съ матерью и Атоссою, проститься также и съ Нитетисъ?»

Камбизъ закусилъ губы, проникательно посмотрѣлъ на Бартію и, примѣтивъ нѣчто въ родѣ смущенія на лицѣ брата, воскликнулъ отрывисто и грозно:

— Поторопись отправиться къ тапурамъ! Моя жена не нуждается болѣе въ твоёмъ покровительствѣ; у нея теперь есть другіе охранители!

Съ этими словами онъ отвернулся отъ Бартіи и отправился въ залу, блиставшую золотомъ, пурпуромъ и драгоценными камнями, гдѣ его ожидали военачальники, сатрапы, судьи, казначеи, писцы, совѣтники, внуки, охранители воротъ, вводи-

тели чужеземцевъ, чины царскихъ покоевъ, одѣватели и постельники, виночерпїи, конюшіе, главные ловчіе, придворные врачи, очи и уши царскіе ³⁰ и всевозможные посланники.

Ему предшествовали глашатаи съ жезлами, а за нимъ по пятамъ слѣдовала толпа вѣроношцевъ, носителей шамаекъ, паланкиновъ, разстилателей ковровъ, и также писцовъ, которые записывали каждое приказаніе своего господина, каждое его обѣщаніе, сдѣланное хотя-бы въ видѣ намека, всякую награду или наказаніе, и передавали эти замѣтки для исполненія надлежащимъ должностнымъ лицамъ.

Среди залы, залитой свѣтомъ, стоялъ вызолоченный столъ, чуть не лопившійся подъ тяжестью золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, тарелокъ, кубковъ и чашъ, разставленныхъ въ изящномъ порядкѣ. Въ боковой комнатѣ, завѣшенной пурпуровыми драпировками, стоялъ маленькій столъ, уставленный дивно-роскошною посудой, которая стоила нѣсколько милліоновъ. За этимъ столомъ обыкновенно обѣдалъ царь. Занавѣсь скрывала его отъ воровъ остальныхъ пирующихъ, между тѣмъ какъ онъ могъ обозрѣвать всю залу и каждое движеніе своихъ, сотрапезниковъ. ³³ Попасть въ число этихъ «сотрапезниковъ» считалось величайшею честью; даже и тѣ, которымъ посылалось какое-нибудь кушанье съ царскаго стола считали это изъясненіемъ величайшей милости.

Когда Камбизъ вошелъ въ залу, то почти всѣ присутствовавшіе пали ницъ передъ нимъ; только его родственники, отличавшіеся голубыми съ бѣлымъ повязками на своихъ турбанахъ ограничились почтительными поклонами.

Какъ только царь сѣлъ въ своей комнатѣ, его сотрапезники тоже заняли свои мѣста и начался удивительный пиръ. На столъ ставились цѣлыя жареные звѣри, и когда всѣ утолили свой голодъ, то прислуга начала подавать въ нѣсколько приемовъ самыя рѣдкія лакомства, которыя внослѣдствіи приобрѣли знаменитость даже у грековъ, подъ именемъ персидскаго десерта. ³⁴

Затѣмъ появились рабы, которые убрали со стола остатки кушаній. Другіе слуги принесли гигантскіе сосуды съ виномъ; царь вышелъ изъ своей комнаты и сѣлъ во главѣ громаднаго стола; многочисленные виночерпїи самымъ изящнымъ образомъ стали наполнять золотыя чаши и пробовать вино, чтобы показывать, что въ немъ нѣтъ отравы; и вскорѣ разыгралась одна изъ тѣхъ поносокъ, при которыхъ вполсѣдствіи Александръ Великій сталъ забывать всякую мѣру и даже дружбу.

Въ этотъ разъ Камбизъ былъ необыкновенно молчаливъ.

Подозрѣніе, что Бартія влюбленъ въ его новую жену, внезапно пробудилось въ его душѣ. Почему шель юноша на переборъ обычая и отказывался отъ обязанности, налагаемой на него бездѣтствомъ царя, жениться на знатной и прекрасной дѣвушкѣ? Зачѣмъ нужно ему было еще разъ видѣться съ Нитетисъ передъ отъѣздомъ къ тапурамъ? Отчего повраснѣлъ онъ, высказывая эту просьбу? Отчего египтянка, почти не будучи спрошена, сама такъ усердно раскваливала его?

«Хорошо, что онъ уѣзжаетъ, такъ какъ онъ не долженъ лишить меня любви и этой женщины, думалъ царь. Еслибы онъ не былъ моимъ братомъ, то я отправилъ-бы его туда, откуда нѣтъ возврата!»

За-полночь окончилась попойка. Явился Богесъ, начальникъ евнуховъ, чтобы отвести Камбиза на женскую половину, куда онъ обыкновенно отправлялся въ этотъ часъ, если не былъ слишкомъ хмѣленъ.

— Фединя съ нетерпѣніемъ ожидаетъ тебя,— сказалъ Богесъ.

— Пускай ждетъ! отвѣчалъ царь. Позаботился-ли ты о приведеніи въ порядокъ двора въ висахихъ садахъ?

— Туда можно перебраться завтра.

— Какія комнаты приготовлены для египтянки?

— Бывшее жилище второй жены твоего отца Кира, покойной Амитисъ.

— Хорошо. Нитетисъ слѣдуетъ оказывать величайшее почтеніе; ты самъ не будешь отдавать ей никакихъ приказаній, громѣ тѣхъ, которыя я захочу передать ей черезъ тебя.

Богесъ поклонился.

— Наблюдай за тѣмъ, чтобы никто, не исключая и самого Креза, не говорилъ съ нею, пока мой... пока я не отдамъ тебѣ другихъ приказаній.

— Крезъ былъ у нея сегодня вечеромъ.

— Что ему было нужно отъ моей жены?

— Не знаю, такъ какъ не понимаю погречески; я только слышалъ, что неоднократно произносилось имя Бартія, и мнѣ кажется, что египтянка получила дурныя вѣсти. Она была очень грустна, когда я, послѣ удаленія Креза, пришелъ спросить ея приказаній.

— Да погубить Анграмайнюсъ твой языкъ, проворчалъ Камбизъ, отвертываясь отъ евуха, и послѣдовалъ за факелоносцами и постельниками, сопровождавшими его въ его собственные покои.

Въ полдень слѣдующаго дня Бартія отправлялся со своими друзьями и огромною свитою прислуги на границу Тапурии.

*

Крезъ провожалъ юнаго героя до воротъ Вавилона. Передъ послѣднимъ прощаньемъ Бартія шеннулъ своему престарѣлому другу:

— Если у посланнаго изъ Египта найдется письмо и для меня, то перешли его ко мнѣ.

— Развѣ ты съумѣешь прочесть греческія письма?

— Гягесъ и Эросъ помогутъ мнѣ!

— Нитетисъ, которой я говорилъ о твоёмъ отъѣздѣ, просила влнаться тебѣ и сказать, чтобы ты не забывалъ Египта!

— Разумѣется не забуду!

— Итакъ, да хранить тебя боги, сынъ мой. Будь, подобно отцу твоему, милосердъ къ бунтовщикамъ, которые возмутились не изъ гордости, а ради сохраненія сокровища, самаго дорогаго для человѣка, т. е. свободн. Обдумай также, что гораздо пріятнѣе дѣлать добро, чѣмъ проливать кровь, такъ какъ мечъ убиваетъ человѣка, а доброта и кротость повелителя осчастливливаютъ людей. Покончи съ войною какъ можно скорѣе, такъ какъ она извращаетъ естественный ходъ вещей: въ мирное время сыновья переживаютъ отцовъ, а въ военное—отцы своихъ сыновей. Будьте здоровы, юные герои, желаю вамъ быть побѣдителями!

II.

Камбизъ провелъ бессонную ночь. Новое для него чувство ревности усилило его желаніе обладать египтянкою, которую онъ не могъ еще назвать своею женою, такъ какъ по предписанію персидскаго закона царь не могъ жениться на иноземкѣ, ³⁵ пока она не освоится со всѣми иранскими обычаями и не приметъ религіи Зороастра. ³⁶

По закону, для Нитетисъ требовался цѣлый годъ приготовления, чтобы сдѣлаться женою персидскаго царя; но что такое значилъ законъ для Камбиза? Онъ видѣлъ воплощеніе его въ своей собственной особѣ, и находилъ, что для Нитетисъ достаточно четырехъ мѣсяцевъ, чтобы понять всѣ ученія маговъ, и затѣмъ отпраздновать свадьбу.

Другія его жены казались ему въ этотъ день ненавистными, и даже возбуждали въ немъ отвращеніе. Уже съ самой ранней юности, его дворецъ былъ наполненъ женщинами. Прекрасныя дѣвушки изъ всѣхъ частей Азіи, черноглазныя уроженки Арменіи, ослѣпительной бѣлизны дѣвушки съ Кавказа, нѣжныя дѣвы съ береговъ Ганга, роскошныя вавилонянки, златокудрныя персіан-

ки и изнѣженныя жительницы мидійской равнины—всѣ принадлежали ему. Кромѣ того, нѣсколько дочерей благороднѣйшихъ Ахеменидовъ соединились съ наследникомъ престола въ качествѣ его законныхъ жонъ.

Федима, дочь благороднаго Отанеса, племянница Кассанданы, матери Камбиза, была до сихъ поръ его любимую женою, или, по крайней мѣрѣ, единственною женщиною, про которую можно было думать, что она дороже его сердцу, нежели погушная рабыня. Но вслѣдствіе дурнаго расположенія духа царя и его пресмыченія, и она представлялась пошлою и презрѣнною въ глазахъ царя, въ особенности-же когда онъ думалъ о Нитетисъ.

Ему казалось, что египтянка создана изъ элементовъ болѣе благородныхъ, болѣе достойныхъ его, чѣмъ всѣ другія. Тѣ были льстивыя, продажныя существа, а Нитетисъ—царевна. Другія пресмыкались въ прахѣ у его ногъ; когда же онъ переносился мыслию къ Нитетисъ, то онъ видѣлъ, что она стоитъ также прямо, величественно и гордо, какъ онъ самъ. Отнынѣ, не только она должна была занять мѣсто Федины, но онъ намѣревался возвеличить ее также, какъ когда-то его отецъ Киръ возвысилъ свою жену Кассандану.

Одна только Нитетисъ могла помогать ему своими познаніями и совѣтами, между тѣмъ какъ другія жены, невѣжественныя точно дѣти, жили только для того, чтобы заниматься нарядами и уборами, или же мелочными интригами и сплетнями. Египтянка должна была любить его, такъ какъ онъ былъ ея опорой, властелиномъ, отцемъ и братомъ въ чужой сторонѣ.

«Она должна любить меня», говорилъ онъ самъ себѣ, и желаніе тирана казалось ему столь-же вѣсшимъ, какъ и совершившійся фактъ. «Пусть Бартія остерегается,» проворчалъ онъ про себя, «иначе онъ узнаетъ, что ждетъ того, кто вздумаетъ стать мнѣ поперегъ дороги!»

Нитетисъ также провела безповойную ночь.

Въ сборной женской залѣ, прилежавшей къ ея комнатамъ, пѣли, возились и шумѣли до полуночи. Не разъ узнавала она визгливый голосъ Богеса, шутившаго и смѣявшагося съ подвластными ему женщинами. Когда, наконецъ, водворилось спокойствіе въ обширныхъ комнатахъ дворца, она перенеслась мыслию въ далекую родину, къ бѣдной Тахотъ, грустившей о ней и о красавцѣ Бартіи, который, по рассказамъ Креза, шелъ, можетъ быть, на смерть. Потомъ, измученная продолжительнымъ путешествіемъ, она заснула въ мечтахъ о Камбизѣ. Онъ приснился ей сплывшимъ на своемъ ворономъ конѣ. Взбѣсившееся живот-

ное испугалось труппа Бартин, лежавшаго поперегъ дороги, и сбросило съ себя царя въ волны Нила, которыя ввезапно сдѣлались кровавыми. Въ ужасѣ она звала на помощь, но ея крикъ находилъ отголосокъ только у пирамидъ и дѣлался все громче и ужаснѣе, пока она не проснулась отъ этого ужаснаго эхо.

Но, что это такое? Плачевный и дребезжащій звукъ, слышанный ею во снѣ, еще и теперь на яву раздавался въ ея ушахъ.

Она распахнула ставни и оглядѣлась кругомъ. Предъ ея глазами раскидывался большой, великолѣпный садъ, съ бьющими фонтанами и длинными аллеями, орошенный утреннею росой²⁷. Ничего не было слышно кромѣ прежняго страннаго звука; но и этотъ звукъ постепенно замеръ въ утреннемъ вѣтрѣ. Вскорѣ она услышала шумъ и гамъ вдали; затѣмъ пробудилась жизнь въ гигантскомъ городѣ, послѣ чего до нея сталъ доноситься глухой гулъ, подобный ропоту моря.

Утренняя прохлада воплнѣ отрезвила Нитетисъ и потому она, не думая ложиться снова, подошла вторично къ окну. Она увидѣла двухъ людей, выходившихъ изъ занимаемаго ею дома. Въ одномъ изъ нихъ она узнала внука Богеса, разговаривающаго съ прекрасною, небрежно одѣтою персіанкою. Обѣ фигуры приближались къ ея окну. Нитетисъ спряталась за полуотворенный ставень и стала прислушиваться, такъ какъ ей показалось, что было произнесено ея имя.

— Египтянка спитъ еще, сказалъ внукъ: — она вѣроятно устала съ дороги.

— Такъ отвѣчая же скорѣе, проговорила персіанка: неужели ты дѣйствительно думаешь, что мнѣ можетъ грозить опасность со стороны этой иноземки?

— Разумѣется, моя куколка.

— Что-же заставляетъ тебя предполагать это?

— Новая жена будетъ слушаться не моихъ приказаній, а только повелѣній самого царя.

— И это все?

— Нѣтъ, мое сокровище; но я знаю царя и умѣю читать въ его лицѣ такъ-же хорошо, какъ въ священникъ книгахъ.

— Такъ мы должны погубить ее!

— Это легко сказать, но трудно исполнить, моя голубка.

— Пусти меня, безстыдникъ!

— Да вѣдь насъ никто не видитъ, а вѣдь ты еще будешь имѣть во мнѣ нужду.

— Пусть будетъ такъ; но говори скорѣе, что надо дѣлать?

— Благодарю, моя голубушка, Федима! Итакъ, на первый разъ мы должны сидѣть смирно и выждать удобнаго случая. Когда уберется Крезъ, этотъ отвратительный лицемеръ, повидимому принимающій участіе въ египтянкѣ, то надобно будетъ устроить ловушку...

Разговаривающіе отошли такъ далеко, что Нитетисъ не могла понять ничего болѣе. Въ нѣмомъ негодованіи она закрыла ставни и позвала служанокъ, чтобы онѣ одѣвали ее. Теперь она знала своихъ враговъ и понимала, что ее ожидаютъ тысячи опасностей; впрочемъ, она чувствовала себя гордою и свободною, такъ какъ должна была сдѣлаться законною женою Камбиза. Никогда еще не было въ ней такъ сильно чувство собственнаго достоинства, какъ теперь, при видѣ этихъ негодеевъ. Удивительная увѣренность въ побѣдѣ наполняла ея сердце, въ которомъ жила твердая вѣра въ магическую силу правды и добродѣтели.

— Что такое означалъ ужасный звукъ, слышанный мною сегодня утромъ? спросила она первую изъ своихъ персидскихъ горничныхъ, убравшую ей голову.

— Ты, вѣроятно, говоришь о звучащей мѣди, госпожа?

— Часа два тому назадъ я проснулась, въ испугѣ, отъ какихъ-то странныхъ звуковъ.

— Это была звенящая мѣдъ, повелительница моя, она ежедневно служитъ знакомъ пробужденія для мальчиковъ изъ знатныхъ семействъ, которыхъ воспитываютъ у царскихъ воротъ³⁸. Ты привыкнешь къ этому звуку. Мы съ давнихъ поръ даже никогда и не слышимъ его; напротивъ, мы просыпаемся именно отъ необычайной тишины, когда порой, по праздникамъ, его не бываетъ слышно. Во всякомъ случаѣ, тебѣ можно будетъ наблюдать, какъ каждое утро, несмотря на холодъ или жару, водятъ купаться толпу мальчиковъ. Бѣдныхъ дѣтей уже на седьмомъ году отъ рожденія берутъ отъ матерей, чтобы вмѣстѣ съ другими сверстниками воспитывать на глазахъ царя.

— Неужели они уже такъ рано знакомятся съ пышностью этого двора?

— О нѣтъ, бѣднымъ дѣтямъ приходится очень плохо! Они должны спать на твердой землѣ и вставать съ восходомъ солнца; ихъ кормятъ хлѣбомъ и водою, съ прибавленіемъ незначительнаго количества мяса. О чемъ либо другомъ, также какъ и о винѣ, они не имѣютъ никакого понятія. Иногда они даже бываютъ принуждены голодать и томиться жаждою по нѣсколькимъ дней сряду, безъ всякой необходимости; говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы приучить ихъ къ лишеніямъ. Когда же

живемъ въ Пассаргадѣ или Экбатанѣ, ³⁹ то въ самый холодъ ихъ непремѣнно водятъ купаться; если же мы проживаемъ здѣсь или въ Сузѣ, то чѣмъ жарче печетъ солнце, тѣмъ труднѣйшія заставляютъ ихъ дѣлать прогулки.

— И такіе закаленные, столь сурово воспитанные мальчики, превращаются въ подобныхъ сластолюбивыхъ мужчинъ?

— Да вѣдь оно всегда бываетъ такъ. Чѣмъ дольше приходится голодать, тѣмъ блюда кажутся вкуснѣе! Такой знатный юноша, ежедневно видя весь этотъ блескъ, и будучи принужденъ переносить всякаго рода лишения, въ то же время знаетъ, что онъ богатъ. Что-же тутъ удивительнаго, если онъ, когда съ него снимутъ узду, станетъ наслаждаться всѣми радостями жизни, съ удовольствіемъ въдесятеро сильнѣйшимъ? А когда приходится выступать въ походъ или отправляться на охоту, тогда онъ не сѣтуетъ, если случится поголодать или протомиться жаждою; тогда онъ со смѣхомъ полѣзетъ въ грязь, несмотря на тонкіе сапоги и пурпурные шаровары, и уснетъ на камнѣ также спокойно, какъ на ложѣ изъ нѣжной аравійской шерсти. Посмотрѣла бы ты, какія штуки выкидываютъ мальчики, въ особенности когда знаютъ, что царь смотритъ на ихъ упражненія! Камбизъ, вѣроятно, возьметъ тебя когда нибудь съ собою, если ты попросишь его.

— Мнѣ это знакомо. Въ Египтѣ всю молодежь, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвушекъ заставляютъ принимать участіе въ подобныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. И мои члены также сдѣлались гибкими вслѣдствіе бѣганья, искусственныхъ позъ и игръ въ мачи и кольца ⁴⁰.

— Какъ это странно! Мы, женщины, растемъ здѣсь какъ хотимъ и не учимся ничему другому, какъ только немножко ткать и прастъ. Правда-ли, что бѣольшая часть египтянокъ умѣютъ писать и читать?

— Почти всѣхъ учатъ этому.

— Клянусь Митрою, вы должны быть умнымъ народомъ! А у насъ, кромѣ маговъ и писцовъ немногіе учатся такимъ труднымъ наукамъ. Знатныхъ мальчиковъ не учатъ ничему другому, какъ только—говорить правду, быть послушными и храбрыми, почитать боговъ, охотиться, ѣздить верхомъ, насаждать деревья и различать травы. Тотъ, кто хочетъ выучиться писать долженъ въ послѣдствіи обращаться къ магамъ, по примѣру благороднаго Дарія. А женщинамъ даже запрещено заниматься подобными науками.—Ну, вотъ теперь ты готова. Эта жемчужная нить, которую царь прислалъ тебѣ сегодня утромъ, великолѣпно пристала къ твоимъ чернымъ, какъ смоль волосамъ. Позволь

попросить тебя приподняться. А вѣдь и эти башмаки слишкомъ велики для тебя. Примѣръ вотъ эту пару! Ты сіяешь точно богиня, но сейчасъ замѣтно, что ты еще не привыкла къ широкимъ шелковымъ шароварамъ и загнутымъ носкамъ башмаковъ. Пройдись только разъ, другой, взадъ и впередъ, и тогда ты даже и походкою превзойдешь всѣхъ персіанокъ!

Въ эту минуту послышался стукъ въ дверь и вошелъ евноухъ Богесъ, чтобы вести Нитетисъ къ слѣпой Кассанданѣ, гдѣ ее ожидалъ Камбизъ.

Богесъ имѣлъ видъ самаго почтительнаго раба и рассыпался потокомъ самыхъ льстивыхъ и цвѣтистыхъ фразъ, уподобляя Нитетисъ солнцу, звѣздному небу, чистому источнику счастья и розовому саду. Нитетисъ не удостоила его ни однимъ словомъ, и съ сильно бьющимся сердцемъ вошла въ комнату матери царя.

Окна въ этой комнатѣ были завѣшены гардинами изъ шелковой индійской матеріи зеленаго цвѣта, смягчавшими яркій полдневный свѣтъ солнца, вслѣдствіе чего, въ комнатѣ царствовала полумракъ, благодѣтельный для глазъ ослѣпшей царицы. Полъ былъ устланъ тяжелымъ вавилонскимъ ковромъ, въ которомъ ноги утопали точно во мху. Стѣны были покрыты мозаикою изъ слоновой кости, черепахи, серебра, малахита, лапись лазули ⁴¹, чернаго дерева и янтара. Золотая мебель была покрыта львиными шкурами, а столъ, поставленный около Кассанданы, былъ сдѣланъ изъ чистаго серебра. Она сама, одѣтая въ платье изъ голубой матеріи, шитой серебромъ, сидѣла на дорогомъ креслѣ. Ея бѣлоснѣжныя волосы были прикрыты длинною вуалью изъ самыхъ тончайшихъ египетскихъ кружевъ, длинные концы которой окружали ея шею и образовали у подбородка огромный бантъ ⁴². Въ этой рамкѣ изъ кружевъ лицо слѣпой шестидесятилѣтней старухи, съ его правильными чертами, представлялось вполне прекраснымъ и, вмѣстѣ съ высокимъ умомъ, носило на себѣ отпечатокъ глубокой душевной доброты и теплаго человѣколюбія.

Ослѣпшіе глаза старухи были закрыты, но можно было ожидать, что если они откроются, то засіяютъ двѣ свѣтлыя кроткія звѣзды. Фигура сидящей обличала высокій ростъ. Вся она, стройная и величественная, была достойна великаго и магкосердаго Кира.

На небольшой скамеечкѣ сидѣла у ногъ старухи ея младшая, уже поздно родившаяся, дочь Атосса, и вытягивала длинныя нити изъ своей золотой прялки. Противъ слѣпой стоялъ Камбизъ, а въ глубинѣ комнаты, полу-скрытый въ тѣни, помѣщался египетскій глазной врачъ Небенхари.

Когда Нитетисъ переступила черезъ порогъ этой комнаты, то царь пошелъ къ ней на встрѣчу и подвелъ ее къ матери. Дочь Амазиса упала на колѣни передъ почтенною старухой и съ искреннимъ чувствомъ припала губами къ ея рукѣ.

— Добро пожаловать къ намъ, воскликнула слѣпая, положивъ свою руку на голову дѣвушки.—Я слышала о тебѣ много хорошаго и надѣюсь, что ты будешь мнѣ доброю дочерью.

Нитетисъ опять поцаловала нѣжную руку царицы и тихо проговорила:

— Какъ я благодарна тебѣ за эти слова! Позволь мнѣ называть тебя, супругу Кира, своею матерью. Мой языкъ, привыкшій произносить это сладостное имя, дрожитъ отъ восторга, что можетъ теперь, по прошествіи многихъ недѣль, снова произнести это слово: «мать моя!» О, я приложу всевозможное стараніе, чтобы сдѣлаться достойною твоей доброты, но я надѣюсь, что и съ твоей стороны найду осуществленіе того, что обѣщаетъ мнѣ твое милое лицо. Помогни мнѣ своими совѣтами и наставленіями въ этой чужой сторонѣ, дозвожь мнѣ найти убѣжище здѣсь у твоихъ ногъ, когда мною овладѣетъ тоска и сердце не въ состояніи будетъ, въ своемъ одиночествѣ, перенести горе или радость; будь для меня всѣмъ тѣмъ, что заключается въ этихъ двухъ словахъ: мать моя!

Слѣпая почувствовала, что горячія слезы оросили ея руку. Она напечатлѣла нѣжный поцалуй на челѣ плачущей дѣвушки и сказала:

— Я вполне сочувствую тебѣ! Какъ мое сердце, такъ и мои комнаты всегда будутъ открыты для тебя, и подобно тому, какъ я отъ души называю тебя «дочерью», такъ и ты съ полною довѣрчивостію называй меня «матерью». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ты сдѣлаешься женою моего сына; а затѣмъ, можетъ быть, боги ниспошлютъ тебѣ сокровище, которое заставитъ тебя забыть о матери, такъ какъ ты тогда сама ознакомишься съ материнскимъ чувствомъ.

— Да ниспошлетъ для этого Аурамазда свое благословеніе! воскликнулъ Камбизъ.—Я очень радъ, мать моя, что и тебѣ припалась по сердцу будущая жена моя; я знаю, что ей понравится у насъ, какъ только она ознакомится съ нашими персидскими нравами и обычаями. Если она окажется понятливою, то нашъ бракъ можетъ быть совершенъ черезъ четыре мѣсяца.

— Но законъ... хотѣла возразить Кассандана.

— Я приказываю, черезъ четыре мѣсяца! воскликнулъ царь:— и посмотрѣлъ-бы, кто осмѣлится возставать противъ этого! Теперь, прощайте! Наблюдай за глазами царицы, Небенхари, и,

если моя жена позволитъ, то ты можешь, въ качествѣ ея земляка, посѣтить ее завтра. Будьте здоровы; Бартія вамъ кланяется; онъ уже находится на пути къ тапурамъ.

Атосса молча отерла слезу, а Кассандана сказала:

— Ты могъ бы оставить его съ нами еще хотя на нѣсколько мѣсяцевъ. Твой полководецъ Мегабизъ и безъ него сѹмѣетъ наказать маленькій народъ тапуровъ.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ царь: — но Бартія самъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая отличиться на воинскомъ поприщѣ, поэтому-то я послалъ его въ походъ.

— А развѣ онъ не остался бы охотно дома до начала большой массагетской войны, въ которой можно приобрѣсти большіе славы? спросила слѣпая.

— А если его пронзятъ тапурская стрѣла, воскликнула Атосса:—тогда ты будешь виноватъ въ томъ, что помѣшалъ ему исполнить священнѣйшій долгъ человѣка—отомстить за смерть нашего отца!

— Молчи, крикнулъ Камбизъ на сестру:—пока я еще не показалъ тебѣ, какъ должны вести себя женщины и дѣти. Баловень счастья — Бартія останется здоровъ и невредимъ, и заслужитъ на дѣлѣ ту любовь, которою его ни за что, ни про что осыпаютъ въ настоящее время.

— Какъ можешь ты говорить подобнымъ образомъ? Развѣ твоего брата не украшаютъ всѣ мужскія добродѣтели? И развѣ виноватъ онъ въ томъ, что не имѣлъ еще случая, подобно тебѣ, отличиться въ бою? спросила Кассандана.—Ты—царь и я уважаю твои приказанія; но сына своего я намѣрена пожурить за то, что онъ, неизвѣстно почему, лишаетъ свою старую мать величайшей радости ея жизни. Бартія могъ бы остаться и у насъ до массагетской войны; но, по своему упрямству, ты устроилъ иначе...

— Все, чтѣ я задумываю, бываетъ хорошо! прервалъ Камбизъ, щоки котораго поблѣднѣли.—Я не желаю никогда болѣе говорить объ этомъ дѣлѣ!

Съ этими словами онъ порывисто вышелъ изъ комнаты и, сопровождаемый своею огромною свитой, никогда его не покидавшей, направился въ пріемную залу.

Прошло уже цѣлый часъ съ тѣхъ поръ, какъ Камбизъ оставилъ комнату матери, а Нитетисъ все еще сидѣла у ногъ старухи, вмѣстѣ съ очаровательною Атоссою.

Персіанки прислушивались къ разговорамъ новой собесѣдницы и не переставали спрашивать о чудесахъ Египта.

— О, какъ охотно я побывала бы въ твоемъ отечествѣ! вос-

влинула Атосса.—Вашъ Египетъ долженъ имѣть совершенно иной видъ, нежели Персія и все, до сихъ поръ видѣнное мною. Плодородные берега громадной рѣки, которая еще больше нашего Евфрата, капища боговъ со множествомъ пестрыхъ колонъ, искусственныя горы, называемыя пирамидами, гдѣ погребены цари глубокой древности,—все это должно представлять удивительное зрѣлище! Но лучше всего мнѣ представляются ваши пиры, во время которыхъ мужчины и женщины могутъ непринужденно сходиться другъ съ другомъ. А мы, жоны персовъ, хотя и можемъ провать въ новый годъ и въ рожденіе царя вмѣстѣ съ мужчинами, но намъ строго запрещается разговаривать, и даже было бы сочтено неприличнымъ, еслибы мы вздумали поднять глаза съ тарелки. А какъ все иначе у васъ! Клянусь Митрою, матушка, мнѣ хотѣлось бы сдѣлаться египтянкою, такъ какъ мы, бѣдныя — не болѣе какъ ничтожныя рабыни; а между тѣмъ чувствую, что я дочь великаго Кира и нисколько не хуже всякаго мужчины. Развѣ я не говорю правду, развѣ я не могу повелѣвать и исполнять приказанія, развѣ я не мечтаю о славѣ, развѣ я не могла бы научиться ѣздить верхомъ, натягивать лукъ, фехтовать и плавать, еслибы только захотѣли укрѣпить мои силы подобными упражненіями?

Дѣвушка вскочила со своего мѣста, глаза ея сверкали и она размахивала веретеномъ, не обращая вниманія на то, что ленъ слутался и нить оборвалась.

— Подумай, что это совершенно не идетъ, уговаривала Кассандана. Женщина должна со смиреніемъ подчиняться своей долѣ и не стремиться подражать мужчинамъ.

— Но вѣдь есть женщины, живущія подобно мужчинамъ. У Термодона въ Темисцирѣ и у рѣки Ириса въ Команѣ живутъ тѣ амазонки, которыя вели большія войны и еще понинѣ ходятъ въ воинскихъ доспѣхахъ мужчинъ.

— Отъ кого ты знаешь объ этомъ?

— Отъ моей няни, старой Стефаніонъ изъ Синопа, привезенной нашимъ отцомъ въ Пасаргадъ, въ качествѣ военно-плѣнной.

— Я же расскажу тебѣ кое-что другое, проговорила Нитетисъ.—Въ Темисцирѣ и Команѣ, разумѣется, есть множество женщинъ, носящихъ одежду мужчинъ военнаго сословія; но всѣ эти женщины не болѣе какъ жрецы, которыя имѣютъ обыкновеніе одѣваться подобно воинственной богинѣ, служенію которой онѣ посвятили себя; онѣ дѣлаютъ это для того, чтобы предстать передъ молящимися какъ бы воплощеніемъ божества; Крезъ говоритъ, что войско амазонокъ никогда не существовало, но греки, которые нво всего умѣли всегда сдѣлать преж-

расную легенду, превратили вооруженных дѣвственницъ въ цѣлую націю воинственныхъ женщинъ ⁴⁸.

— Но вѣдь въ такомъ случаѣ они лгуны? воскликнула разочарованная дѣвушка.

— Разумѣется, возразила Нитетись, для эллиновъ истина не такъ священна какъ для васъ; сочинять подобныя сказки и распѣвать ихъ передъ удивленными слушателями въ прекрасныхъ стихахъ извѣстнаго размѣра они не называютъ ложью, а стихотворствомъ.

— Точь въ точь, какъ и у насъ, сказала Кассандана. Вѣдь пѣвцы, воспѣвавшіе славу моего супруга, удивительнымъ образомъ извратили и разукрасили исторію юныхъ лѣтъ Кира, однакоже ихъ не называютъ за это лгунами. Но скажи мнѣ, дочь моя, неужели справедливо, что эти эллины прекраснѣе другихъ людей и гораздо болѣе свѣдуши во всѣхъ искусствахъ, чѣмъ даже египтяне?

— Объ этомъ я не могу судить. Наши художественныя произведенія такъ различны отъ произведеній искусства у эллиновъ! Когда я входила въ наши громадныя храмы, чтобы помолиться, то мнѣ всегда казалось, что я должна унасть въ прахъ передъ величіемъ боговъ и просить ихъ не уничтожать меня, маленькаго червя; но на ступеняхъ храма Геры въ Самосѣ я воздѣла руки къ небу и съ восторгомъ благодарила боговъ за то, что они сотворили землю столь прекрасною. Въ Египтѣ я всегда думала, какъ меня учили, что «жизнь есть сонъ, а къ настоящей жизни мы пробудимся только въ смертный часъ, въ царствѣ Осириса»; а въ Греціи я думала: «я рождена для жизни и наслажденій благами этого міра, который цвѣтетъ и сіяетъ передо мною въ такой дивной красѣ».

— О, расскажи намъ побольше о Греціи, воскликнула Атосса, но пусть Небенхари сперва сдѣлаетъ перевязку на глазахъ матери.

Глазной врачъ, высокій серьезный человѣкъ, въ бѣлой одеждѣ египетскихъ жрецовъ, принялся за свое дѣло, и, по окончаніи его, молча удалился въ глубину комнаты, послѣ того какъ Нитетись дружески привѣтствовала его. Въ комнату вошелъ евнухъ и освѣдомился, можетъ ли Крезъ засвидѣтельствовать свое почтеніе матери царя.

Вскорѣ затѣмъ явился лидіецъ, и въ качествѣ стараго, испытаннаго друга царскаго дома былъ принятъ съ сердечною радостью. Живая Атосса бросилась къ нему на шею, царица протянула ему руку, а Нитетись привѣтствовала его какъ нѣжно любимаго отца.

— Приниму благодарность богамъ, что они допустили меня снова увидѣться съ вами, воскликнулъ бодрый старикъ. Въ моихъ лѣтахъ нужно смотрѣть на всякій годъ, какъ на неслуженный даръ со стороны боговъ, между тѣмъ какъ юность считаетъ жизнь за нѣчто законное, за собственность, составляющую ея исключительное достоинствѣ.

— Какъ завидую я твоему радостному возрѣнію на міръ, со вздохомъ проговорила Кассандана. Я моложе тебя, но каждый новый день разсвѣта, котораго боги не дозволяютъ мнѣ видѣть, я считаю новымъ наказаніемъ бессмертныхъ.

— Неужели это говорить супруга великаго Кира? спросилъ Крезъ. Съ которыхъ поръ исчезла надежда и увѣренность нѣ мужественнаго сердца Кассандани? Говорю тебѣ ты проврѣнешь снова и, подобно мнѣ, станешь благодарить боговъ за счастливую и глубокую старость. Кто былъ серьезно боленъ, тотъ сьумѣетъ во сто кратъ болѣе оцѣнить то счастье, которое дается намъ здоровьемъ. Кто былъ слѣпъ и снова прозрѣлъ, тотъ, вѣроятно, принадлежитъ къ особеннымъ любимцамъ боговъ. Представь себѣ только восторгъ, который охватитъ тебя, когда, послѣ многихъ лѣтъ мрака, ты снова увидишь блескъ солнца, черты дорогихъ твоему сердцу лицъ и всю красу мірозданія; и признайся, что торжественность этой минуты можетъ вознаграждать за цѣлую жизнь, проведенную во мракѣ и слѣпотѣ⁴⁴. Когда ты будешь исцѣлена въ старости, то для тебя настанетъ новая, юная жизнь, и я предчувствую, что ты согласишься съ моимъ другомъ Солономъ.

— А что такое онъ говорилъ? спросила Атосса.

— Онъ желалъ, чтобы Мимнеросъ Колофонскій,⁴⁵ пѣвшій, что пріятная жизнь кончается съ шестидесятымъ годомъ, исправилъ свои стихи, и вмѣсто шестидесяти, написалъ бы восемьдесятъ.

— О нѣтъ, воскликнула Кассандана, столь продолжительная жизнь утратила-бы меня даже и тогда, если-бы Митра соблаговолилъ возвратить мнѣ свѣтъ очей моихъ. Лишась моего супруга я уподобляю себя путнику, блуждающему въ пустынѣ безъ цѣли и проводника.

— Ты забываешь о своихъ дѣтахъ и объ этомъ государствѣ, которое образовалось и возвеличилось на твоихъ глазахъ.

— О нѣтъ! но дѣти болѣе не нуждаются во мнѣ, а властитель этого государства не желаетъ обращать вниманія на совѣты женщинъ.

При этихъ словахъ, Атосса схватила правую, а Нитетисъ лѣвую руку старухи и египтянка воскликнула:

— Ради твоихъ дочерей, ради нашего счастья, ты должна желать себѣ долговременной жизни. Что стали-бы мы дѣлать безъ твоего покровительства и твоей помощи?

Кассандра улыбнулась и едва слышно проговорила:

— Вы правы, дѣти мои, вы будете имѣть нужду въ матери.

— По этимъ словамъ я узнаю супругу великаго Кира, воскликнулъ Крезъ, цалуя одежду сѣдой. Говорю тебѣ Кассандра, что въ тебѣ будутъ нуждаться, и притомъ, можетъ быть, очень скоро! Камбизъ — это твердый металлъ, который, ударяя обо что-нибудь, стонсуду извлекаетъ искры. Твоя обязанность — заботиться о томъ, чтобы эти искры не заронили пожара въ кругу тѣхъ, которые всего дороже твоему сердцу. Ты — единственная личность, могущая въ чемъ-либо остановить царя. Только одну тебя онъ считаетъ равною себѣ по происхожденію. Онъ презираетъ мнѣіе людей, но ему непріятно порицаніе матери. Поэтому, твоя обязанность — оставаться на своемъ посту въ качествѣ посредницы между царемъ, государствомъ и своею сестрою, и заботиться о томъ, чтобы гордость твоего сына не была унижена карою боговъ, вмѣсто твоего порицанія.

— О еслибы мнѣ возможно было достигнуть этого! отвѣчала слѣпая. Но какъ рѣдко мой гордый сынъ обращаетъ вниманіе на совѣты своей матери!

— Но снѣ, покрайней мѣрѣ, принужденъ будетъ выслушивать, что совѣтуетъ ему мать, возразила Крезъ: — ужѣ и этимъ будетъ достигнуто многое, потому что, если-бы онъ даже и не послѣдовалъ твоимъ наставленіямъ, то, все-таки, они, подобно голосамъ боговъ, будутъ звучать въ его груди и удерживать его отъ многихъ преступленій. Я останусь твоимъ союзникомъ, такъ какъ и я, которому его отецъ, умирая, поручилъ помогать совѣтомъ и дѣломъ, рѣшаюсъ иногда противопоставлять мое смѣлое слово его суйасбродствамъ. Изъ всего этого двора мы двое — единственные люди, порицанія которыхъ онъ боится. Будемъ мужественны и станемъ добросовѣстно отправлять свою должность увѣщателей: ты — изъ любви къ Персін и къ твоимъ дѣтямъ, я — изъ благодарности въ великому челоуѣку, который нѣкогда даровалъ мнѣ жизнь и свободу. Я знаю, ты сѣтуешь, что не воспитала его иначе; но позднѣе раскаянья слѣдуетъ избѣгать, какъ вредоноснаго яда. Не раскаяніе, а «улучшеніе» — вотъ цѣлительное средство для ошибокъ мудрыхъ; такъ какъ раскаяніе терзаетъ сердце, а улучшеніе — наполняетъ его благородною гордостью и заставляетъ его биться свободнѣе.

— У насъ въ Египтѣ, — сказала Нитетисъ: — раскаяніе считается даже въ числѣ сорока двухъ смертныхъ грѣховъ. «Ты

не долженъ терзать своего сердца», гласить одна изъ нашихъ высшихъ заповѣдей ⁴⁶.

— Этими словами, сказалъ старикъ Крезъ, ты напоминаешь мнѣ, что я вѣлся обучать тебя персидскимъ обычаямъ, религiи и языку. Я охотно удалился-бы въ Барену, городъ подаренный мнѣ Киромъ, чтобы отдохнуть тамъ въ мирной и очаровательнѣйшей изъ горныхъ долинъ; но остаюсь здѣсь ради тебя и ради царя, и буду продолжать заниматься съ тобою персидскимъ языкомъ. Сама Кассандана посвятитъ тебя во всѣ обычаи, которыхъ придерживаются женщины при здѣшнемъ дворѣ, а верховный жрецъ Ороастъ, по приказанiю царя, ознакомитъ тебя съ ученiемъ иранской религiи. Онъ будетъ твоимъ духовнымъ, а я—свѣтскимъ наставникомъ ⁴⁷.

Нитетись, до тѣхъ поръ радостно улыбаясь, теперь опустила глава и, понизивъ голосъ, спросила:

— Неужели я должна отречься отъ боговъ моей родины, которымъ я молилась до настоящаго дня и которые постоянно ниспосылали мнѣ свои милости? Развѣ я смѣю и могу забыть ихъ?

— Ты обязана, можешь и даже непременно должна сдѣлать это, выразительно проговорила Кассандана,—такъ какъ жена не должна имѣть никакихъ друзей кромѣ друзей мужа. А такъ какъ боги — самые могущественные, вѣрные и ясные друзья мужа, то, въ качествѣ жены, твоя обязанность—почитать ихъ, и, подобно тому, какъ ты заперла бы двери другимъ женихамъ, ты должна отвратить свое сердце отъ боговъ и суевѣрiя своего прежняго отечества.

— Притомъ же, сказалъ [Крезъ, вѣдь у тебя не отнимаютъ боговъ, они будутъ существовать для тебя только подъ другимъ именемъ. Подобно тому, какъ истина вѣчно остается одинаковою, станешь ли ты называть ее «шаа» на языкѣ египтянъ, или «aletheia» по эллински, такъ никогда и нигдѣ не измѣняется и сущность божества.—Возьми примѣръ съ меня, дочь моя. Когда я еще былъ царемъ, то съ неподдѣльнымъ благоговѣнiемъ приносилъ жертвы эллинскому Аполлону и нисколько не предполагалъ оскорбить этимъ дѣломъ набожности лидiйскаго бога солнца Сандона; iонiйцы съ полною вѣрою поклоняются азиатской Цибелѣ, а теперь, послѣ того, какъ я превратился въ перса, я съ молитвою водѣваю руки къ Митрѣ, Аурмаздѣ и прекрасной Анахитѣ ⁴⁸. Пивогоръ, ученiя котораго не чужды и тебѣ, молится только одному божеству. Онъ называетъ его Аполлономъ, потому что отъ этого божества, такъ же какъ отъ бога солнца у эллиновъ, исходятъ чистый свѣтъ и гармонiя, кото-

рые для него выше всего. Наконецъ, Ксенофанъ Колофонскій ⁴⁹ насмѣхается надъ многоразличными богами Гомера и возводитъ на престолъ единое божество: неутомимо создающую силу природы, которой сущность составляютъ мысль, разумъ и вѣчность. Изъ нея произошло все, она есть сила, остающаяся вѣчно равною самой себѣ, между тѣмъ какъ матерія мірозданія, въ постоянномъ измѣненіи, возобновляется и дополняется. Неудержимое стремленіе къ высшему существу, въ которомъ мы могли бы найти опору, когда не достааетъ нашихъ собственныхъ силъ, странное, живущее въ нашей груди, влеченіе — имѣть молчаливаго повѣреннаго для всѣхъ страданій и радостей, волнующихъ наше сердце, — благодарность наша при видѣ этого прекраснаго міра и всѣхъ благъ, которыя такъ щедро расточаются на нашу долю, мы называемъ благочестіемъ. Сохрани въ себѣ это чувство, но обдумай, что міромъ не управляютъ отдѣльно египетскіе, греческіе и персидскіе боги, а что всѣ они суть одно единое и нераздѣльное божество, въ какихъ бы различныхъ и многообразныхъ видахъ ни представляли и изображали его, и что оно держитъ въ своей власти судьбы всѣхъ людей и народовъ ⁵⁰.

Персіанки съ удивленіемъ прислушивались къ словамъ старика. Вслѣдствіе неразвитой способности пониманія онѣ не могли слѣдить за теченіемъ мысли Креза; но Нитетись вполне поняла его и восклинула: «Ладиса, моя мать, ученица Пиеагора, преподавала мнѣ нѣчто подобное; но египетскіе жрецы называютъ эти воззрѣнія грѣховными, а ихъ изобрѣтателей богохульниками. Поэтому я старалась подавить въ себѣ подобныя мысли. Теперь же я не буду болѣе дѣлать этого. То, во что вѣрить мудрый и достойный Крезъ, не можетъ быть безбожнымъ. Пусть приходитъ Оропастъ! Я готова внимать его ученію и превратить нашего Аммона, бога Фивъ, въ Аурамазду, а Изиду или Гаеоръ въ Анахиту. Я буду съ благоговѣніемъ взирать на божество, объемлющее весь міръ, которое заставляеть и здѣсь все зеленѣть и цвѣсти и изливаеть радость и утѣшеніе въ сердца персовъ, обращающихся къ нему съ молитвой.

Крезъ улыбнулся. Онъ думалъ, что Нитетись не такъ легко отречется отъ боговъ своей родины, потому что ему была извѣстна непоколебимая привязанность египтянъ къ старымъ традиціямъ и ко всему, привитому воспитаніемъ; но онъ не принялъ въ соображеніе, что мать Нитетись была элинка, и что ученіе Пиеагора не осталось безъизвѣстнымъ дочерямъ Амазиса. Наконецъ, онъ не подозрѣвалъ горячаго сердечнаго желанія дѣвушки пріобрѣсти благосклонность гордаго властелина. Самъ Амазисъ, несмотря на свое глубокое уваженіе къ самосскому мудрецу, на

свою податливость въ вліанію эллиновъ и на злогѣхъ заслуженное названіе свободномыслищаго египтянина, скорѣе пожертвовалъ бы жизнью, чѣмъ промѣнилъ бы своихъ многообразныхъ боговъ на общее понятіе о «божествѣ».

— Ты—понятливая ученица, сказалъ Крезъ, кладя руку на голову дѣвушки. Въ награду за это, тебѣ будетъ разрѣшено каждое утро и послѣ полудня, до захода солнца, или посѣщать Кассандану, или принимать Атоссу въ всѣхъ садахъ.

Это радостное извѣстіе было принято громкимъ возгласомъ восторга со стороны молодой персіанки, а египтянка отвѣчала взглядомъ полнымъ благодарности.

— Кромѣ того, продолжалъ Крезъ, я привезъ вамъ изъ Санда шары и обручи, чтобы вы могли забавляться играми по египетски.

Шары? съ удивленіемъ спросила Атосса. Что-же мы будемъ дѣлать съ такими деревянными шарами? ⁵¹

— Не безпокойся, смѣясь сказалъ Крезъ: — шары, о которыхъ идетъ дѣло, у насъ сдѣланы очень аккуратно и изящно изъ надутой воздухомъ рыбьей шкуры или кожи. Ихъ можно бросать двухлѣтній ребенокъ, между тѣмъ какъ вы не были бы въ состояніи поднять одинъ изъ тѣхъ деревянныхъ шаровъ, которыми играютъ персидскіе мальчики и юноши. Довольна-ли ты мною, Нитетисъ?

— Какъ благодарить мнѣ тебя, мой отецъ?

— Прислушай еще разъ, какъ будетъ раздѣлено твоё время въ теченіи дня: утро—посѣщеніе Кассанданы, разговоръ съ Атосою и слушаніе наставленій достойной матери.

Слѣпая утвердительно вивнула головою.

— Около полудня явлюсь къ тебѣ я,—и, разговаривая о Египтѣ и о твоихъ родныхъ, буду—если ты согласишься—давать тебѣ уроки персидскаго языка.

Нитетисъ улыбнулась.

— Черезъ день будетъ приходить къ тебѣ Оронасъ, чтобы посвящать тебя въ религію персовъ.

— Я приложу всевозможныя старанія, чтобы какъ можно быстрѣе понимать его.

— Послѣобѣденное время ты будешь проводить съ Атосою, сколько захочешь. Довольна-ли ты этимъ?

— О, Крезъ! воскликнула дѣвушка, цалуя руку старика.

III.

На слѣдующій день Нитетись переехала въ помѣщеніе въ всякихъ садахъ и стала вести тамъ уединенную, но трудолюбивую жизнь, по распредѣленію Креза. Каждый день ее переносили въ наглухо закрытомъ палаккнѣ къ Кассанданѣ и Атоссѣ.

Слѣпая царица вскорѣ сдѣлалась для нея любящею матерью, которой она отвѣчала взаимною любовью, а веселая, неукротимая дочь Кира почти замѣнила египтянкѣ ее сестру Тахотъ, оставленную на далекихъ берегахъ Нила. Нитетись не могла пожелать себѣ лучшей собесѣдницы, какъ это своеюравное дитя, которая, своими шутками и веселостью, умѣла не допустить, чтобы тоска по родинѣ и недовольство овладѣли сердцемъ ее подруги. Веселый нравъ одной разгоняла серьезность другой, и сумасбродная рѣзвость персіянки превращалась въ умѣренную веселость, подъ вліяніемъ равноумѣрной и полной достоинства манеры, которая была свойственна Нитетисъ.

И Крезъ, и Кассандана были равно довольны новою дочерью и ученицею. Магъ Оропастъ ежедневно расхваливалъ Камбизу способности и прилежаніе дѣвушки; Нитетисъ дѣлала необычайно быстрые успѣхи въ персидскомъ языкѣ; царь посѣщалъ свою мать только тогда, когда надѣялся встрѣтить тамъ египтянку, и ежедневно осматривалъ ее различными драгоценными подарками и платьями. Величайшую милость онъ выказывалъ ей тѣмъ, что никогда не бывалъ у нея въ ея загородномъ домѣ въ всякихъ садахъ. Подобнаго рода обращеніемъ онъ давалъ понять, что онъ намѣренъ включить Нитетисъ въ число своихъ немногихъ законныхъ жонъ, — милость, которою не могли похвалиться многія дѣвушки царскаго рода, жившія въ его гаремѣ.

Прекрасная, серьезная дѣвушка производила на неукротимаго грознаго царя странное, магическое впечатлѣніе. Однако, ея присутствіе было, повидимому, достаточно для того, чтобы смягчить его упрямство. По цѣлымъ днямъ онъ смотрѣлъ на игру въ обручъ и не переставалъ слѣдить взглядами за граціозными движеніями египтянки. Однажды, когда мячъ упалъ въ воду, Камбизъ бросился за нимъ въ своихъ тяжелыхъ драгоценныхъ одеждахъ и вытащилъ его. Нитетисъ громко вскрикнула, когда царь вздумалъ оказать ей эту рыцарскую услугу; Камбизъ-же, улыбаясь, подалъ ей игрушку, съ которой лилась вода, и сказалъ: «Будь осторожнѣе, а то мнѣ придется часто пугать тебя!» При этомъ онъ снялъ съ своей шеи золотую, осматривавшую

драгоценными камнями, цѣпь, и подарилъ ее зардѣвшейся дѣвушкѣ, которая поблагодарила его взглядомъ, вполне выразившимъ все, что чувствовало ее сердце въ будущемъ супругу.

Крезъ, Кассандана и Атосса очень скоро замѣтили, что Нитетисъ любить царя. Дѣйствительно, ее страхъ передъ могущественнымъ гордымъ мужчиной превратился въ пламенную страсть. Ей казалось, что лишась его лицедрѣвнїа она умретъ. Его особа представлялась ей столь блестящею и всемогущею, какъ какое-нибудь божество, а желаніе назвать его своимъ—она считала заносчивымъ и даже грѣховнымъ; исполненіе этого желанія казалось ей событіемъ еще болѣе счастливымъ, нежели самое возвращеніе на родину и свиданіе съ тѣми, которыхъ она исключительно любила до сихъ поръ.

Она врядъ-ли сама отдавала себѣ отчетъ въ этой страсти и старалась увѣрить себя, что она только боится Камбиза и передъ его приходомъ дрожитъ не отъ волненія, а отъ страха. Крезъ скоро разсмотрѣлъ все это и вызвалъ яркую краску на губы своей любимицы, пропѣвъ, своимъ старческимъ голосомъ, новѣйшую пѣсенку Анакреона, которую выучилъ въ Саясѣ отъ Ивика:

Отмѣтна славуна—таврѣ,
 Прожженное огнемъ,
 По шапкамъ издали легко
 Мы пареанъ узнаемъ;
 А на влюбленныхъ я взгляну—
 И тотчасъ въ ихъ глазахъ
 Прочту, что пѣнный знавъ любви
 Написанъ въ ихъ сердцахъ.

Такимъ образомъ, среди занятій и забавъ, серьезныхъ дѣлъ, шутокъ и взаимной любви проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Слова Камбиза: «Тебѣ должно понравиться у насъ» оправдались на дѣлѣ, и когда прошла мессопотамская весна (январь, февраль и мартъ), смѣняющая въ тѣхъ мѣстностяхъ дождливый декабрь, когда во время весенняго равноденствїа былъ отпразднованъ важнѣйшїй праздникъ жителей Азіи — новый годъ, когда майское солнце начало жечь своимъ зноемъ, тогда Нитетисъ окончательно освоилась съ Вавилономъ и всѣ персы узнали, что молодая египтянка вытѣснила Федину, дочь Отанеса, изъ сердца царя, и можетъ рассчитывать навѣрное — сдѣлаться первою любимою женою Камбиза.

Кредитъ начальника евнуховъ Богеса все болѣе падалъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что царь не посѣщаетъ уже гарема и что евнухъ обязанъ своимъ вліяніемъ только однѣмъ женщинамъ, которыя должны были выпрашивать у Камбиза все, чего

онъ желалъ для себя или для другихъ. Оскорбленный Богесъ ежедневно совѣщался съ опальною фавориткою Федимой, ка-кимъ-бы образомъ погубить египтянку; но самыя тонкія интриги и ловкія ухищренія оказывались безсильными передъ любовью Камбиза и безупречнымъ поведеніемъ царской невѣсты.

Федима, женщина нетерпѣливая и жаждущая мести, постоянно торопила осторожнаго Богеса въ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; но послѣдній уговаривалъ ее подождать и потерпѣть.

Наконецъ, по прошествіи многихъ недѣль, онъ прибѣжалъ къ ней, сильно обрадованный и вскричалъ:

— Какъ только возвратится Бартія, мое сокровище, тогда наступитъ время дѣйствовать. Я придумалъ маленькій планъ, вслѣдствіе котораго мы свернемъ шею египтянкѣ, и это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Богесомъ.

При этихъ словахъ, вѣчно улыбающійся евнухъ потеръ свои гладкія мясистыя руки и гладѣлъ такъ весело, какъ будто ему удалось сдѣлать доброе дѣло. Впрочемъ онъ не выдалъ Федимѣ своего плана, даже ни однимъ намекомъ, и отвѣчалъ на ея настойчивыя вопросы:

— Я скорѣе положилъ бы свою голову въ львиную пасть, чѣмъ довѣрилъ бы свой секретъ женскому уху. Я вполнѣ цѣню твое мужество, но прошу тебя сообразить, что смѣлость мужчины выражается въ дѣйствіи, а женщины—въ послушаніи. Поэтому дѣлай то, что я скажу тебѣ, и терпѣливо выжидай, чѣмъ порадуетъ тебя будущее.

Глазной врачъ Небенхари, по прежнему, лечилъ Кассандану, уклоняясь отъ всякаго соприкосновенія съ персами, и, вслѣдствіе мрачнаго, молчаливаго характера этого человѣка, его имя обратилось въ прозвище. При дворѣ стали называть каждаго счастливца «Бартіей», а каждаго ипохондрика «Небенхари».—Днемъ послѣдній неслышно присутствовалъ въ комнатахъ матери царя, занимаясь перелистываніемъ большихъ свертковъ папируса; ⁵² а по ночамъ очень часто взбирался, съ позволенія царя и Тритантехмеса, вавилонскаго сатрапа ⁵³, на одну изъ высочайшихъ башенъ, для наблюденія надъ звѣздами.

Халдейскіе жрецы—древнѣйшіе ревнители астрономіи—предложили ему производить свои наблюденія на вершинѣ большого храма Ваала, бывшаго ихъ обсерваторіей; но онъ рѣшительно отказался отъ этого приглашенія и продолжалъ соблюдать величайшую замкнутость. Когда магъ Оропастъ захотѣлъ объяснить ему знаменитый вавилонскій указатель тѣней, который былъ введенъ также и въ Греціи Анаксимандромъ Милетскимъ,

то онъ иронически улыбнулся и отвернулся отъ главы мидійскихъ жрецовъ, сказать:

— Это было известно намъ прежде, чѣмъ вы знали, что такое—часть. ⁵⁴

Нитетисъ обходилась съ нимъ очень ласково, но онъ не обращалъ на нее никакого вниманія и, повидимому, даже намѣренно избѣгалъ ее. Когда она однажды спросила его:

— Не видишь ли ты, Небенхари, чего нибудь дурного во мнѣ, или не оскорбила ли я тебя? то онъ отвѣчалъ:

— Ты — чужая для меня: я не могу причислить къ своимъ друзьямъ ту, которая такъ охотно и вѣроломно отказалась отъ всего самаго дорогаго сердцу, т. е. отъ боговъ и обичаевъ своей родины.

Богесъ—евнухъ, очень скоро замѣтилъ, что главной врачъ сердится на будущую супругу царя; поэтому онъ старался пріобрѣсти въ его лицѣ союзника; но Небенхари съ достоинствомъ отвергъ его льстивыя заискиванья, подарки и любезности.

Какъ только какой нибудь ангаръ въѣзжалъ на царскій дворъ, привоза известіе царю, евнухъ торопился разспросить его, откуда онъ и не слыхалъ ли онъ чего либо о войскѣ, посланномъ противъ тапуровъ.

Наконецъ явился желанный гонецъ, привезшій известіе, что возмущившееся племя снова покорено и что Бартія вскорѣ возвратится.

Прошло три недѣли. Одинъ гонецъ за другимъ возвѣщаль о приближеніи побѣдоноснаго царевича; улицы снова красовались въ богатѣйшемъ праздничномъ убранствѣ; войска вступили въ Вавилонъ; Бартія благодарилъ ликующей народъ и вскорѣ очутился въ объятіяхъ матери.

Камбизъ также встрѣтилъ брата съ величественною радостью и нарочно повелъ его къ Кассанданъ, рассчитавъ, что и Нитетисъ найдетца тамъ же.

Въ сердцѣ царя утвердилась увѣренность въ любви къ нему Нитетисъ. Онъ хотѣлъ показать Бартію, что онъ довѣряетъ ему, и считалъ свою прежнюю ревность безумнымъ заблужденіемъ.

Любовь сдѣлала его противнымъ и ласковымъ; его руки не уставали раздавать подарки и творить добро, его огни въ дремалъ и вавилонскіе вероны; царя отъ голода, кружились теперь вокругъ того мѣста, на которомъ, въ прежнее время видѣлись многославныя долины вавилонскія; выставленныя съ цѣлю устрѣпанія дуги.

Съ паденіемъ вліянія льстивыхъ евнуховъ, разряда людей,

приблизившихся ко двору Кира только вслѣдствіе присоединенія Мидіи, Лидіи и Вавилона, гдѣ они занимали многія государственныя и придворныя должности, стало увеличиваться вліяніе благородныхъ персовъ изъ рода Ахеменидовъ и, къ счастью для страны, Камбизъ ириучился слушаться совѣтовъ своихъ родственниковъ а, не наговоровъ евнуховъ.

Престарѣлый Гистаспъ, отецъ Дарія и намѣстникъ персидскихъ земель въ собственномъ смыслѣ, постоянномъ резиденцію котораго была Пассаргада, двоюродный братъ царя Фарнаспъ, его дѣдъ съ материнской стороны—Отанеспъ, его дядя и тестъ Интафернесъ, Аспатиеспъ, Гобриасъ, Гидарнесъ, полководецъ Мегабизъ,⁵⁵ отецъ Зоивра, посланникъ Прексаспъ, благородный Крезъ, старшій герой Араспъ, — однимъ словомъ самыя знатныя родоначальники изъ семействъ персовъ находились именно теперь при дворѣ царя.

Къ тому же всѣ знатныя люди цѣлаго государства, сатрапы и намѣстники всѣхъ областей и главные жрецы со всѣхъ городовъ собрались въ то время въ Вавилонъ, чтобы праздновать день рожденія⁵⁶ царя.

Всевозможныя заслуженныя люди и депутаты изъ всѣхъ областей стекались въ столицу, чтобы поднести властелину подарки, пожелать ему благополучія и принять участіе въ большихъ жертвоприношеніяхъ, при которыхъ обыкновенно убивались въ честь боговъ тысячи лошадей, оленей, быковъ и ословъ.

Въ этотъ торжественный день раздавались подарки всѣмъ персамъ и каждый могъ обратиться къ царю съ просьбою, которая рѣдко оставалась неисполненною; а народъ повсюду кормилъ въ этотъ день на счетъ царя. Камбизъ рѣшилъ, что по прошествіи восьми дней послѣ празднованія его рожденія должна совершиться его сватьяба съ Нитетисъ, и что на нее будутъ приглашены всѣ вельможи государства.

Улицы Вавилона цестрѣли приѣзжими; исполнинскихъ размѣровъ дворцы по обѣимъ сторонамъ Евфрата были церколомнены и всѣ дома красовались въ праздничныхъ украшеніяхъ.

Эта радость народа, эта толпа, состоявшая изъ депутатовъ всѣхъ областей, въ лицѣ которыхъ вдругъ Камбиза было обрано какъ бы цѣлое государство, не мало способствовали къ увеличенію радостнаго настроенія царя.

Его гордость была удовлетворена, а единственная дустота, остававшаяся въ его сердцѣ, т. е. недостатокъ любви, поволонена, обрадомъ Нитетисъ. Камбизу казалось, что онъ въ первый разъ въ жизни можетъ назвать себя вполне счастливимъ, и онъ раздавалъ подарки не только потому, что персидскій царь дол-

женъ дарить, но и потому, что раздача подарковъ дѣйствительно доставляла ему удовольствіе.

Полководецъ Мегабизъ не находилъ словъ для восхваленія военныхъ подвиговъ Бартія и его друзей. Камбизъ обнялъ юныхъ героевъ, одарилъ ихъ золотыми цѣпами и лошадьми, называлъ ихъ «братьями» и напомнилъ Бартію о той просьбѣ, исполнить которую онъ обѣщался въ случаѣ, если братъ возвратится побѣдителемъ.

Когда юноша опустилъ глаза и не рѣшался немедленно высказать своего желанія, то царь расхохотался и воскликнулъ:

— Поглядите-ка, друзья: нашъ юный герой краснѣетъ точно дѣвушка! Мнѣ сдается, что я буду принужденъ исполнить какую нибудь весьма важную просьбу, и поэтому пусть Бартія подождетъ до дня моего рожденія, и во время попойки, ободренный виномъ, шепнетъ мнѣ на ухо то, о чемъ онъ не рѣшается просить теперь. Смотри же, Бартія, потребуй чего-нибудь позначительнѣе! Я счастливъ, и поэтому желаю видѣть счастливыми и всѣхъ своихъ друзей!

Бартія отвѣтилъ улыбкою на эти слова и отправился къ матери, чтобы теперь въ первый разъ подѣлиться съ нею желаніями своего сердца.

Онъ боялся встрѣтить энергическое сопротивленіе; но Крезъ весьма искусно подвелъ мины и наговорилъ слѣпой царицѣ такъ много хорошаго о Сафо, объ ея добродѣтели и привлекательности, такъ расхвалилъ ея способности и образованіе, что дѣвушки увѣрили, будто внучка Родописъ дала старику волшебный напитокъ и поэтому Кассандана согласилась на просьбы своего любимца послѣ небольшого сопротивленія.

— Эллинка—законная жена персидскаго царевича! воскликнула слѣпая. Вѣдь этого еще никогда не случалось! Что скажетъ Камбизъ? Какимъ образомъ добьемся мы его согласія?

— Объ этомъ тебѣ нѣчего беспокоиться, матушка, возразилъ Бартія.—Я такъ-же увѣренъ въ согласіи моего брата, какъ и въ томъ, что Сафо будетъ украшеніемъ нашего дома.

— Крезъ рассказывалъ мнѣ много хорошаго объ этой дѣвушкѣ, и я очень довольна, что ты, наконецъ, рѣшаешься жениться; но мнѣ кажется, что подобный бракъ неприличенъ сыну Кира. Да и обдумалъ-ли ты, что ребенка, могущаго родиться отъ этой эллинки, Ахемениды едва-ли признаютъ своимъ царемъ въ томъ случаѣ, если у Камбиза не окажется сыновей?

— Я не опасаясь ничего, такъ какъ и не помышляю о царскомъ вѣнцѣ. Впрочемъ, вѣдь многіе персидскіе цари были сыновьями женщинъ происхожденія гораздо болѣе низкаго,

чѣмъ моя Сафо ⁵⁷. Я навѣрное знаю, что мои родственники не станутъ порицать меня, когда я покажу имъ сокровище, которое я нашелъ на берегахъ Нила.

— Лишь бы только Сафо была похожа на нашу Нитетисъ! Я люблю ее, какъ родную дочь и благословляю тотъ день, въ который она вступила на нашу землю. Своими нѣжными взглядами она смягчила непокорный духъ твоего брата; ея доброта и кротость утѣшаютъ меня среди мрака, въ который я погружена, и услаждаютъ мою старость; ея кроткая сдержанность превратила твою сестру Атоссу изъ неукротимаго ребенка во взрослую дѣвушку. Поволи-же теперь нашихъ дѣвушекъ, играющихъ внизу въ саду; надо сообщить имъ, что, благодаря тебѣ, у нихъ прибавится новая подруга.

— Прости меня, мать моя, возразилъ Бартія, — но я попрошу тебя не говорить сестрѣ объ этомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ согласія царя.

— Ты правъ, сынъ мой. Мы должны держать это въ тайнѣ отъ дѣвушекъ, хотя бы для того, чтобы избавить ихъ отъ возможнаго разочарованія. Разрушеніе радостной надежды труднѣе перенести, нежели неожиданное горе; поэтому, мы будемъ ожидать согласія твоего брата. Да ниспошлютъ тебѣ боги свое благословеніе!

Рано утромъ, въ день рожденія царя, персы совершали свои жертвоприношенія на берегу Евфрата. На искусственной горѣ возвышался громадный серебряный алтарь, на которомъ горѣло могучее пламя, возносившее къ небу благоуханія и огромные огненные столбы. Маги въ бѣлыхъ одеждахъ поддерживали огонь, бросая въ него искусно нарубленные куски самаго лучшаго сандалнаго дерева и мѣшали связками прутьевъ.

Головы жрецовъ были обвиты повязками, называемыми паити-дана ⁵⁸, концы которыхъ прикрывали ротъ, и, такимъ образомъ, не допускали до чистаго огня нечистаго дыханія. На лугу, возлѣ рѣки, убивали животныхъ, предназначенныхъ къ жертву; ихъ мясо разрѣвалось на куски ⁵⁹, посыпалось солью и раскладывалось на нѣжной травѣ и клеверѣ, на миртовыхъ цвѣтахъ и листьяхъ лавроваго дерева для того, чтобы ничего мертваго и кроваваго не касалось прекрасной дочери Аурамазды, терпливой, святой земли.

Затѣмъ Оропастъ, старшій изъ дестуровъ ⁶⁰, подошелъ къ огню и бросилъ туда свѣжаго масла. Пламя поднялось высоко. Всѣ персы упали на колѣни и закрыли свои лица, такъ какъ думали, что пламя возносится на встрѣчу своему отцу, великому богу. Затѣмъ, магъ взялъ стунгу, бросилъ туда листья и

стебли священнаго растенія, гаемы ⁶¹, растоловъ ихъ и вылить въ огонь красноватый его сокъ, считавшійся пищей боговъ.

Наконецъ, онъ поднялъ свои руки къ небу и сталъ дѣть по священнымъ книгамъ большую молитву, между тѣмъ, какъ другіе жрецы постоянно подбрасывали масла въ огонь, чтобы онъ разгорался сильнѣе. Въ этой молитвѣ призывалось благословеніе боговъ на все чистое и доброе, а прежде всего на царя и все государство. Воспѣвались добрыя духи свѣта, жизни, правды, благородныхъ дѣлъ, щедрой земли, освѣжающей воды, блестящихъ металловъ, пастбищъ, деревьевъ и чистыхъ твореній, и проклипались злыя духи мрака, лжи, вводящей людей въ обманъ, болѣзни, смерти, грѣха, пустыни, леденачаго холода и всестребляющей засухи, отвратительной грязи и всякаго нечистыхъ насѣкомыхъ, вмѣстѣ съ ихъ отцомъ, злымъ Анграмайньусомъ; наконецъ, голоса всѣхъ присутствовавшихъ соединились въ торжественномъ гимнѣ: «Чистота и блаженство ожидаетъ непорочнаго праведника» ⁶².

Затѣмъ, жертвоприношеніе было заключено молитвою царя. Камбизъ, одѣтый въ самое роскошное платье, сѣлъ въ золотую колесницу, украшенную топазами, сердоликами и янтарями и запряженную четверкою бѣлоснѣжныхъ нивейскихъ коней, и отправился въ большую пріемную залу, гдѣ были собраны всѣ знатные вельможи и депутаты областей.

Какъ только удалился царь со своею свитою, жрецы выбрали себѣ лучшіе куски жертвеннаго мяса, а остальное разобрали и унесъ домой народъ.

Персидскіе боги не принимали жертвы въ качествѣ кушанья, они требовали для себя только души убитыхъ животныхъ, и многіе небогатые люди, въ особенности жрецы, постоянно пытались мясомъ отъ обильныхъ царскихъ жертвоприношеній.

Подобно тому, какъ молился магъ, должны были молиться всѣ персы. Ихъ религія запрещала отдѣльнымъ лицамъ внимать у боговъ что-нибудь собственно для себя. Напротивъ того, каждый персъ долженъ былъ испрашивать у боговъ счастья для всѣхъ персовъ, а въ особенности для царя; каждый отдѣльный человѣкъ считался частью дѣлаго и былъ очастливленъ, когда боги висносплали государству свое благословеніе. Это прекрасное отреченіе отъ собственной личности въ пользу всѣхъ, вмѣстѣ съ дѣлать, возвеличило персовъ. Когда же въ особенности молились за царя, то это дѣлалось потому, что на него смотрѣли какъ на одиотвореніе дѣлаго государства.

Египетскіе жрецы превращали фараона въ настоящаго бо-

говъ, а персидскіе называли своихъ властителей только силами боговъ⁶³; но на дѣлѣ первые властвовали гораздо неограниченнѣе, чѣмъ послѣдніе, такъ какъ персидскіе цари сумѣли уклониться отъ опекуства вѣсти жрецовъ, которая, какъ мы видѣли, если не властвовала надъ фараонами, то все-таки умѣла вліять на нихъ въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ.

Въ Авин не имѣли понятія о нетерпимости египтянъ, которые старались изгнать съ береговъ Нила всѣхъ иноземныхъ боговъ. Побѣжденные Киромъ вавилоняне могли, послѣ своего присоединенія къ великой азіатской державѣ, попрежнему молиться своимъ старымъ богамъ. Евреи, іонійцы, мало-азійцы, однимъ словомъ—цѣлая масса народовъ, подчинившихся скипетру Камбиза, продолжала безпрепятственно исповѣдывать унаслѣдованную отъ пращуровъ религію и придерживаться прежнихъ нравовъ и обычаевъ.

Такимъ образомъ, и въ этотъ день рожденія царя, въ Вавилонѣ, рядомъ съ огненными алтарями маговъ, горѣло множество другихъ жертвенныхъ огней, зажженныхъ пріѣхавшими на праздникъ иневѣрцами во славу боговъ, которымъ они поклонялись у себя на родинѣ.

Гигантскій городъ издали уподоблялся необозримой плавильной печи, такъ какъ надъ его банями носились густыя облака дыма, затемнявшія свѣтъ жгучаго майскаго солнца.

Когда царь достигъ большаго параднаго дворца, толпа депутатовъ, устанавливаясь по порядку, образовала необозримое шествіе, которое направилось къ дворцу по прямымъ улицамъ Вавилона.

Миртовня и пальмовня вѣтви, розы, магъ и олеандровые цвѣты, листья серебрястаго тополя покрывали всѣ улицы. Ладанъ, мирра и тысячи другихъ благовоній наполняли воздухъ, флаги и ковры развѣвались на всѣхъ домахъ. Радостные возгласы и восторженныя клики несмѣтнаго вавилонскаго народа, — который, будучи покорежъ персами еще немного дѣтъ тому назадъ, носилъ, по азіатскому обычаю, свои дѣти въ видѣ украшенія до тѣхъ поръ, пока страшное могущество своего властелина, — были сильнѣе звука мидійскихъ трубъ, нѣжныхъ звуковъ фригійскихъ флейтъ, іудейскихъ зимбаловъ и арфъ, пафлагонскихъ тамбуриновъ, іонійскихъ струнныхъ инструментовъ, сврійскихъ бубней, режовинъ и барабановъ, арійцевъ съ устьевъ Инда и громкихъ звуковъ бактрійскихъ боевыхъ трубъ.

Благоуханіе, богатство красокъ, водото и сверзаніе драгоценныхъ камней, ржаніе коней, восторженныя клики и дѣланіе

сливались въ одно цѣлое, опьянявшее чувства и накоплявшее сердца безумнымъ восторгомъ.

Ни одно изъ праздничныхъ посольствъ не явилось съ пустыми руками. Одни привели табунъ лошадей благородной породы, другіе — великановъ-слоновъ и проказницъ-обезьянъ, третьи — носороговъ и буйволовъ, обвѣшанныхъ попонами и кистями, четвертые — двугорбыхъ бактрійскихъ верблюдовъ съ золотыми обручами вокругъ лохматой шеи. Нѣкоторые привозили цѣлыя возы дерева рѣдкихъ сортовъ и слоновой кости, драгоценныя ткани, серебряныя и золотыя сосуды, бочки съ золотомъ пылью, рѣдкія растенія для садовъ и чужеземныхъ звѣрей для царскаго охотничьяго парка, между которыми встрѣчались антилопы, зебры, рѣдкія породы обезьянъ и птицъ⁶⁴; послѣднія, будучи приволены цѣпочками къ зеленѣющимъ деревьямъ, хлопали крыльями и представляли пріятное зрѣлище.

Эти подарки считались данью со стороны покоренныхъ племенъ. Послѣ того, какъ они были показаны царю, ихъ разсматривали и взвѣшивали казначей и писцы, которые, найдя ихъ доброкачественными, принимали ихъ, или же отказывались принять, если находили ихъ слишкомъ незначительными. Въ послѣднемъ случаѣ, скупые данины должны были прислать вещи двойной цѣнности⁶⁵.

Шествіе безпрепятственно достигло воротъ дворца, такъ-какъ биченосцы и воины, образовавшіе стѣну по обѣимъ сторонамъ улицы, очищали дорогу отъ напиравшей массы народа.

Если шествіе царя къ мѣсту жертвоприношенія было великолѣпно (за его колесницей вели пятьсотъ богатоубранныхъ коней)⁶⁶ и шествіе посланниковъ блистательно, то видъ большой тронной залы слѣдовало назвать ослѣпительнымъ и волшебнымъ.

Въ глубинѣ этой залы шесть ступеней, изъ которыхъ каждая была какъ бы охраняема двумя золотыми собаками, вели къ золотому трону. Надъ нимъ былъ растянута пурпурный балдахинъ, поддерживаемый четырьмя золотыми колонами, украшенными драгоценными камнями, а на верху балдахина видѣлись два крылатыхъ диска, на которыхъ былъ изображенъ феруэръ царя⁶⁷.

Позади трона стояли метлоносцы и вѣероносцы, знатные придворные чины; по обѣимъ сторонамъ трона соотрапезники царя, его родственники и друзья, государственные сановники, знатнѣйшіе жрецы и евнухи.

Стѣны и потолокъ всей залы были покрыты блестящими золотыми пластинками, а полъ устланъ пурпурнымъ ковромъ.

Крылатые бии съ человѣчьими головами лежали въ видѣ стражей у серебряныхъ воротъ залы, а на дворцовомъ дворѣ размѣстилась почетная стража, которой копья были украшены золотыми и серебряными яблоками. Поверхъ пурпурныхъ платьевъ у нихъ были надѣты золотые панцири; драгоценные камни сверкали на ихъ мечахъ, имѣвшихъ золотыя ножны, а высокія персидскія шапки дополняли нарядъ. Между ними стройностью роста и смѣлыми манерами отличалась толпа «бессмертныхъ»⁶⁸.

Докладчики и вводители иностранцевъ, держа въ рукахъ короткія палочки изъ слоновой кости, проводили посланниковъ въ залу и мимо трона. Подойдя къ его ступенямъ, они падали ницъ, дѣлая видъ, будто хотятъ цаловать землю и прятали руки въ рукавахъ одежды. Прежде, чѣмъ они могли отвѣчать царю на какой либо вопросъ, имъ обвязывали платкомъ нижнюю часть лица, чтобы нечистое ихъ дыханіе не коснулось его чистой особы.

Камбизъ разговаривалъ ласково, или строго, смотря по тому, былъ-ли онъ доволенъ подарками и покорностью отдѣльныхъ областей. Когда въ концѣ шествія, къ его трону приблизилось іудейское посольство, то онъ весьма любезно кликнулъ: «остановитесь» евреямъ, которымъ предшествовали два серьезныхъ мужа съ рѣзкими чертами лица и длинными бородами.

Первый изъ нихъ былъ одѣтъ, какъ всѣ знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ вавилонянъ; на второмъ была пурпурная одежда, сотканная изъ одного куска, украшенная побрякушками и кистями и охваченная—голубо-красно-бѣлымъ⁶⁹ кушакомъ; нарядъ дополнялся голубою нарядкой. На шеѣ у него висѣлъ мѣшечекъ со священными табличками⁷⁰, украшенный двѣнадцатью оправленными въ золото драгоценными камнями съ именами колѣнъ Израилевыхъ. Бѣлая повязка съ концами, спускавшимися ниже плечъ, охватывала строгое чело первосвященника.

— Мнѣ очень пріятно видѣть тебя, Веельсаръ⁷¹, воскликнулъ Камбизъ, обращаясь къ человѣку, облеченному въ вавилонскія одежды.—Послѣ смерти моего отца ты не появлялся у моихъ воротъ!

— Тотъ, къ кому относились эти слова, смиренно поклонился и отвѣчалъ:

— Милость моего влестителя дѣлаетъ счастливымъ раба твоего. Если, несмотря на то, что я недостойнъ подобной милости, ты желаешь, чтобы солнце твоей благосклонности засіяло надъ твоимъ, то исполни просьбу моего бѣднаго народа, которому рабомъ твоей великій отецъ дозволилъ возвратиться въ страну его отцовъ. Этотъ старецъ, стоящій рядомъ со мною — Инсусъ,

первосвященникъ нашего Бога — не испугался трудностей дальняго пути, ведущаго въ Вавилонъ, для того, чтобы вы-сказать тебѣ эту просьбу. Да будетъ рѣчь его пріятна твоему уху и да падутъ его слова на плодородную почву въ твоемъ сердцѣ.

— Я догадываюсь, чего вы станете требовать, воскликнулъ царь.—Справедливо-ли мое предположеніе, жрецъ, что ваша просьба снова относится къ построению храма въ вашемъ отечествѣ?

— Ничто не можетъ остаться сокровеннымъ для нашего господина, отвѣчалъ первосвященникъ, съ низкимъ поклономъ.— Рабы твои въ Иерусалимѣ жаждутъ увидѣть лицо своего повелителя и молятъ тебя своими устами посѣтить страну ихъ отцовъ, чтобы они могли получить твое разрѣшеніе—продолжать постройку храма, уже дозволенную намъ твоимъ державнымъ отцомъ, надъ которымъ да пребудетъ милость Божья.

Царь улыбнулся и возразилъ:

— Ты съумѣлъ выразить свою просьбу съ изворотливостью, свойственною твоему народу и избралъ для этого приличныя слова и удобное время! Въ день моего рожденія я врядъ-ли въ состояніи отказать вѣрному мнѣ народу въ исполненіи его просьбы; поэтому общаю тебѣ, въ возможно скорѣйшемъ времени, посѣтить прекрасный городъ Иерусалимъ и страну твоихъ отцовъ.

— Ты глубоко осчастливилъ рабовъ твоихъ, отвѣчалъ первосвященникъ.—Наши оливы и виноградники принесутъ лучшіе плоды при твоемъ приближеніи, наши ворота широко растворятся для принатія тебя и Израиль возликуетъ во срѣтеніе своему господину, вдвойнѣ осчастливленный, если увидитъ въ немъ новаго зждителя.

— Постой, жрецъ, постой! воскликнулъ Камбизъ. — Первая ваша просьба, какъ уже сказано, не останется не исполненною, такъ-какъ я уже давно имѣю желаніе познакомиться съ богатымъ Тиромъ, золотымъ Сидономъ и твоимъ Иерусалимомъ, съ его удивительными суевѣріями и предрасудками; но еслибы я уже теперь разрѣшилъ вамъ продолжать постройку храма, то что осталось бы мнѣ даровать вамъ въ слѣдующемъ году?

— Рабы твои станутъ привѣтствовать тебя дарами, а не обременять просьбами, отвѣчалъ жрецъ:—а теперь произнеси великое свое слово и дозвожь намъ построить домъ для Бога нашихъ отцовъ.

— Странные люди, эти палестинцы! воскликнулъ Камбизъ.— Я слышалъ, что вы вѣруете въ единое божество, которое не-

возможно изобразить, такъ-какъ оно есть нечто иное, какъ духъ. Неужели же вы думаете, что это воздушное существо нуждается въ домѣ? По истинѣ, вышъ великій духъ, должно быть, немощенъ и жалокъ, если ему необходима кровля для защиты отъ вѣтра и сырости, а также и отъ вноя, такъ-какъ все это создано имъ самимъ. Если же ваше божество, подобно нашему, есть существо вездѣсущее, то преклоняйтесь передъ нимъ и молитесь ему такъ, какъ дѣлаемъ это мы, на вѣнкомъ мѣстѣ, — и вы, вѣроятно, будете отовсюду услышаны имъ!

— Богъ Израиля отовсюду вмешеть своему народу, воскликнулъ первосвященникъ. — Онъ внималъ нашимъ мольбамъ, когда мы далеко отъ родины томилась въ плѣну у Фараона; онъ услышалъ насъ, когда мы плакали на водахъ вавилонскихъ! Онъ избралъ твоего отца орудіемъ нашего освобожденія, а также и въ нынѣшній день услышитъ мою молитву и смягчитъ твое сердце. О, великій царь, соизволь даровать твоимъ рабамъ общее мѣсто для жертвоприношеній, гдѣ могли бы соединиться всѣ двѣнадцать разъединенныхъ коленъ народа; даруй алтарь, у ступеней котораго они могли бы всѣ вмѣстѣ молиться за тебя; дозвожь построить домъ, въ которомъ они могли бы съобща праздновать свои праздники! За эту великую милость мы будемъ непрестанно призывать на главу твою благословеніе Господа и его царя на твоихъ враговъ!

— Дозволь моимъ братьямъ строить храмъ! просилъ также Веельсаръ, богатѣйшій и влиятельнѣйшій изъ оставшихся въ Вавилонѣ евреевъ, которому Киръ оказывалъ большее уваженіе и даже многократно спрашивалъ его совѣтовъ.

— Да развѣ вы успокоитесь, если я уступаю вашимъ просьбамъ? спросилъ царь. — Мой отецъ дозволялъ вамъ начать это дѣло и далъ вамъ средства для его окончанія. Въ полномъ согласіи и совершенно счастливые, отправились вы къ себѣ на родину изъ Вавилона; но при построеніи храма между вами открылись раздоры и вражда. Многочисленные просьбы, подписанныя самыми значительными сирійцами, посыпались къ Киру, котораго умоляли прекратить постройку, и еще недавно ваши соотечественники самаряне умоляли меня остановить ее. Поэтому, молитесь вашему Богу гдѣ и какъ хотите; желая вамъ добра, я никакъ не могу согласиться на продолженіе такого дѣла, которое возбуждаетъ между вами междоусобія и безпокойства.

— Неужели ты въ сегодняшній день возьмешь назадъ милость, которую твой отецъ даровалъ намъ своею царскою грамотой? спросилъ Веельсаръ.

— Грамотою?

— Она должна еще и понынѣ храниться въ твоёмъ государственномъ архивѣ.

— Какъ только вы отыщете ее и представите мнѣ, отвѣчалъ царь:—то я не только соглашусь на построеніе храма, но даже окажу вамъ свою помощь. Воля моего отца священна для меня наравнѣ съ приказаніемъ боговъ!

— Позволишь-ли ты мнѣ, спросилъ Веельсаръ:—распорядиться, чтобы твои писцы пересмотрѣли архивъ въ Экбатанѣ, гдѣ долженъ найтись документъ?

— Дозволяю; но я боюсь, что вы ничего не найдете. Жрецъ, скажи своимъ соотечественникамъ, что я доволенъ вооруженіемъ воиновъ, которые были присланы въ Персію для похода противъ массагетовъ. Мой полководецъ Мегабизъ хвалитъ ихъ выправку и внѣшній видъ. Было бы желательно, чтобы они сражались такъ-же, какъ во время войнъ моего отца! Тебя Веельсаръ, я приглашаю на мою свадьбу съ египтянкою, и поручаю тебѣ передать твоимъ соотечественникамъ Месаху и Аве-Наго⁷², первымъ послѣ тебя въ Вавилонѣ, что я ожидаю ихъ сегодня къ себѣ на вечерній пиръ.

— Господь Богъ Израиля да ниспошлетъ тебѣ счастье и благословеніе, произнесъ Веельсаръ, отвѣшивая низкій поклонъ.

— Это желаніе твое я принимаю, воскликнулъ царь:—такъ-какъ я считаю бессильнымъ вашего великаго духа, будто бы творившаго много чудесъ. Еще одно слово,—Веельсаръ! Нѣсколько евреевъ недавно ругались надъ богами вавилонянъ и были наказаны за это. Предостереги своихъ соотечественниковъ. Они дѣлаются всѣмъ ненавистными вслѣдствіе своего упрямаго суетвѣрія⁷³, и того высокомернаго тона, съ которымъ имѣютъ дерзость увѣрять, что вашъ великій духъ есть единственное истинное божество! Возьмите примѣръ съ насъ: довольствуясь тѣмъ, чѣмъ обладаемъ, мы не мѣшаемъ и другимъ вѣрить по своему. Не считайте самихъ себя лучше остальныхъ людей. Я желаю вамъ добра, такъ-какъ гордость, проистекающая изъ сознанія собственнаго достоинства нравится мнѣ; но остерегайтесь, чтобы эта гордость, въ ущербъ вамъ самимъ, не превратилась въ самонадѣянность! Прощайте и будьте увѣрены въ моей благожелательности.

Евреи удалились сильно разочарованные, но не совсѣмъ безнадежные, такъ-какъ Веельсаръ зналъ навѣрно, что документъ, относящійся къ построенію Иерусалимскаго храма, долженъ найтись въ архивѣ Экбатаны.

За евреями слѣдовало посольство сирійцевъ и іонійскихъ грековъ. Послѣдними въ шествіи были одѣтые въ звѣринныя шкуры

люди дикаго вида, съ какимъ-то особеннымъ незнакомымъ складомъ лица. Ихъ пояса, наплечники, колчаны, сѣкиры и острия копій были грубо сдѣланы изъ чистаго золота, хотя на ихъ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ также виднѣлись золотыя украшенія. Впереди ихъ шелъ человекъ въ персидскомъ одѣяніи, но по чертамъ его было видно, что онъ принадлежитъ къ одной расѣ съ тѣми, которые слѣдовали за нимъ ⁷⁴.

Царь съ удивленіемъ взглянулъ на пословъ, приближавшихся къ его трону. Его чело омрачилось и, сдѣлавъ рукою знакъ человеку, который велъ чужеземцевъ, онъ воскликнулъ:

— Чего нужно отъ меня этимъ людямъ? Если я не ошибаюсь, то они принадлежатъ къ числу тѣхъ массагетовъ, которые вскорѣ должны будутъ затрепетать отъ моей мести. Скажи имъ, Гобріасъ, что хорошо вооруженное войско стоитъ наготовѣ на мидійской равнинѣ, чтобы съ мечомъ въ рукѣ дать вродивый отвѣтъ на каждое требованіе!

Гобріасъ поклонился и сказалъ:

— Эти люди явились въ Вавилонъ сегодня утромъ, во время жертвоприношенія и привезли съ собою громадныя массы чистѣйшаго золота, чтобы заслужить твое снисхожденіе. Когда они узнали, что въ честь твою совершается великое празднество, то стали настоятельно упрашивать меня еще сегодня осчастливить ихъ, доставивъ имъ случай — предстать предъ лицо твое и сообщить тебѣ, съ какими порученіями они явились къ твоему престолу отъ имени своихъ соотечественниковъ.

Нахмуренное чело царя начало проясняться. Проницательными взглядами осмотрѣлъ онъ высокія бородатыя фигуры массагетовъ и воскликнулъ:

— Пускай они приблизятся! Мнѣ очень любопытно послушать, какого рода предложенія осмѣлятся сдѣлать мнѣ убійца моего отца!

Гобріасъ подалъ знакъ; самый громадный и старшій изъ массагетовъ, подошелъ, въ сопровожденіи человека, одѣтаго по-персидски, очень близко къ самому трону, и сталъ громко говорить на своемъ природномъ языкѣ. Его сосѣдь, массагетъ, плѣнникъ Кира, выучившійся персидскому языку, переводилъ царю фраза за фразою рѣчь оратора номадовъ.

— Мы знаемъ, началъ тотъ, что ты великій повелитель, гнѣваешься на массагетовъ за то, что твой отецъ погибъ въ битвѣ съ нами, которыхъ онъ самъ вызвалъ на бой, несмотря на то, что мы никогда не оскорбляли его.

— Мой отецъ имѣлъ полное право наказать васъ, прервалъ

оратора царь, такъ какъ ваша царица Томириса осмѣлилась дать ему отрицательный отвѣтъ, когда онъ просилъ ея руки.

— Не гнѣвайся, о царь, отвѣчалъ массагетъ; я не могу умолчать о томъ, что весь нашъ народъ одобрилъ ея сопротивленіе. Вѣдь каждый ребенокъ понялъ-бы, что престарѣлому Кирю хотѣлось присоединить нашу царицу къ числу своихъ жонъ только потому, что онъ, ненасытимый въ своихъ стремленіяхъ, хотѣлъ, вмѣстѣ съ нею, приобрѣсти и ея владѣнія.

Камбизъ молчалъ, а посолъ продолжалъ:

— Киръ приказалъ перекинуть мостъ черезъ Араксъ, нашу пограничную рѣку. Мы не боялись ничего; поэтому Томириса велѣла сказать ему, чтобы онъ не трудился наводить мостъ, такъ какъ мы готовы — или спокойно ожидать его въ нашемъ отечествѣ, допустивъ спокойно переправиться черезъ Араксъ, или идти къ нему навстрѣчу, въ его собственное государство. Киръ рѣшился, какъ намъ впоследствии сообщили военноплѣнные, по совѣту низвергнутаго лидійскаго царя Креза, идти въ нашу землю и погубить насъ при помощи хитрости. Онъ послалъ къ намъ только небольшую часть своего войска, допустилъ, чтобы оно было истреблено нашими пиками и стрѣлами и позволилъ намъ безпрепятственно завладѣть его лагерьмъ. Мы воображали, что побѣдили непобѣдимаго и стали пировать, уничтожая ваши богатые запасы. Когда мы, отравленные тѣмъ сладкимъ напиткомъ, котораго мы никогда не отвѣдывали, и который вы называете «виномъ», впали въ сонъ, похожій на одурѣніе, на насъ напало ваше войско и перебило значительное число нашихъ воиновъ. Многіе попались къ вамъ въ плѣнъ, и между ними Спарганисъ, молодой сынъ нашей царицы. Когда послѣдній узналъ, что его мать готова заключить съ вами миръ, если вы освободите его, то благородный юный герой попросилъ снять съ него цѣпи. Какъ только руки его оказались свободными, то онъ схватилъ мечъ и пронзилъ себѣ грудь, воскликнувъ: «Я приношу себя въ жертву ради свободы моего народа!» Едва было получено извѣстіе о великодушной смерти всѣми любимаго юноши, какъ мы стали собирать всѣ военныя силы, оставшіяся у насъ послѣ пораженія. Вооружились даже мальчики и старики, и пошли на твоего отца, чтобы отомстить за Спарганиса и, по его примѣру, пожертвовать собою для свободы. Дѣло дошло до битвы. Вы были разбиты; Киръ палъ. Томириса нашла его трупъ, плавающимъ въ лужѣ крови, и воскликнула: «Ненасытный, теперь, я думаю, ты уже пресытился кровію!» Толпа тѣхъ благородныхъ воиновъ, которыхъ вы называете безсмертными, оттѣснила насъ назадъ и изъ середины

самыхъ густыхъ нашихъ рядовъ вырвала тѣло твоего отца. Ты самъ стоялъ во главѣ ихъ и сражался какъ левъ. Я узнаю тебя! Знай же, что этотъ самый мечъ, висящій у меня здѣсь съ боку, нанесъ ту рану, которая теперь, въ видѣ пурпурнаго почотнаго рубца украшаетъ твое мужественное лицо!»

Толпа слушателей зашевелилась, дрожа за жизнь смѣльчана, говорившаго подобнымъ образомъ; но Камбизъ, вмѣсто гнѣва, одобрительно кивнулъ ему головою и сказалъ:

— И я также узнаю тебя теперь! Въ тотъ день подъ тобою былъ ярко-рыжій конь, покрытый золотыми украшениями. Мы, персы, умѣемъ чтить храбрость, и это ты испытаешь на себѣ! Друзья мои, я никогда не видалъ болѣе остраго меча и болѣе неутомимой руки, какъ у этого человѣка; преклонитесь передъ нимъ, такъ какъ героизмъ заслуживаетъ уваженія со стороны храбрыхъ, у кого бы онъ ни проявился, у друга или у врага ⁷⁵. Тебѣ же, массагетъ, я посоветую, поскорѣе отирайтесь дождю и приготовьтесь къ бою, такъ какъ, вслѣдствіе воспоминанія о вашемъ мужествѣ и вашей силѣ, во мнѣ удвоилось желаніе сразиться съ вами. Клянусь Митрою, что подобные вамъ сильные враги, для меня лучше плохихъ друзей! Я отпущу васъ невредимыми на родину, но не советую вамъ слишкомъ долго оставаться вблизи меня, такъ какъ подъ вліяніемъ мысли о мести, которою я обязанъ душѣ моего отца, во мнѣ можетъ проснуться гнѣвъ, и тогда ваша смерть сдѣлается неизбежною!

Губы массагетскаго воина искривились отъ горькой улыбки и онъ возразилъ царю:

— Мы, массагеты, думаемъ, что душа твоего отца получила уже слишкомъ страшное удовлетвореніе. Въ замѣнъ его лишился жизни единственный сынъ нашей царицы, гордость нашего народа, который былъ ничѣмъ не ниже и не хуже Кира. Пятьдесятъ тысячъ труновъ моихъ соотечественниковъ, въ качествѣ жертвъ, умягчили собою твердые берега Аракса, между тѣмъ какъ съ вашей стороны лишилось жизни только тридцать тысячъ человѣкъ. Мы сражались также мужественно какъ и вы, но ваши панцири тверже нашихъ и оказываютъ сопротивленіе стрѣламъ, которые пронизываютъ насъ сквозь наши тѣла. Наконецъ вы отомстили намъ самымъ ужаснымъ образомъ, лишивъ жизни нашу благородную царицу Томирису!

— Томириса уже умерла? воскликнулъ Камбизъ, прерывая оратора. Неужели мы, персы, убили женщину? Чтѣ такое случилось съ вашею царицей? Отвѣчай!

— Десять мѣсяцевъ тому назадъ, Томириса умерла отъ тоски

по единственномъ сынѣ поэтому и осмѣлился я сказать, что и она также погибла жертвою войны съ персами и искупленіемъ за душу твоего отца.

— Это была великая женщина, прошепталь Камбизъ. Затѣмъ, возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ: Я начинаю думать, массагеты, что сами боги приняли на себя обязанность отомстить вамъ за моего отца. Но какъ ни тяжелы вашу потери, а все-таки Спаргаписъ, Томириса и пятьдесятъ тысячъ массагетовъ не могутъ считаться искупленіемъ за душу царя персовъ, а въ особенности Кира!

— Въ нашей странѣ, отвѣчалъ массагетъ, смерть равняетъ всѣхъ, и разставшаяся съ тѣломъ душа умершаго царя дѣлается равною душѣ бѣднаго раба. Твой отецъ былъ великій человекъ, но то, что выстрадаю нами изъ за него — ужасно. Знай-же, царь, что я еще не рассказаль тебѣ всѣхъ несчастій, которыя со времени той ужасной войны, обрушились на нашу страну. Послѣ смерти Томирисы между массагетами обнаружись междуособія. Два человека вообразили, что имѣютъ равныя права на освободившійся престолъ. Одна половина народа сражалась за одного, — другая — за другого. Вслѣдствіе этой страшной междуособной войны, за которую по пятамъ слѣдовали повальные заразительныя болѣзни, сильно порѣдѣли ряды нашихъ воиновъ. Если бы ты ведумаль идти на насъ войною, то мы не въ состояніи сопротивляться тебѣ, и поэтому предлагаемъ тебѣ миръ, съ прибавленіемъ тяжелыхъ мѣшковъ золота.

— Такъ вы хотите покориться, не обнажая меча? спросилъ Камбизъ. Численность моего войска, собраннаго въ мидійской долинѣ, можетъ доказать вамъ, что я ожидаль большаго отъ вашего героизма. Но безъ враговъ намъ невозможно сражаться. Я распущу воиновъ и пришлю вамъ намѣстника. Привѣтствувать васъ, какъ новыхъ подданныхъ моего государства.

При словахъ царя, лицо массагетскаго героя вспыхнуло и онъ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ:

— Ты ошибаешься, государь, думая, что мы забыли прежнюю свою храбрость или захотѣли сдѣлаться рабами. Но намъ извѣстно твое могущество и мы знаемъ, что небольшое число нашихъ соотечественниковъ, пощаженное войною и чумою, не можетъ сопротивляться твоимъ безчисленнымъ и хорошо вооруженнымъ войскамъ. Честно и прямо, по-массагетски, мы сознаемъ въ этомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляемъ, что будемъ продолжать управлять сами собою и никогда не согласимся покориться приказаніямъ персидскаго сатрапа. Ты гнѣвно гля-

дись на меня, но я переношу твой взоръ и повторяю мое заявленіе.

— А я, воскликнулъ Камбизъ, скажу тебѣ вотъ что: для васъ существуетъ одинъ выборъ. Или вы подчинитесь моему скипетру, присоединитесь къ моему государству подъ именемъ массагетской провинціи, примете къ себѣ съ достоюльнѣмъ почтеніемъ сатрапа, который будетъ считаться моимъ намѣстникомъ,—или же вы должны заявить себя моими врагами и, будучи покорены моимъ войскомъ, неволею согласиться на тѣ условія, которыя я теперь предлагаю вамъ принять добровольно. Сегодня вы еще можете приобрести себѣ добраго государя; а впоследствии я сдѣлаюсь для васъ побѣдителемъ и мстителемъ. Хорошенько обдумайте это прежде, чѣмъ станете отвѣчать!

— Мы уже заранѣе обдумали все, отвѣчалъ воинъ, и поняли, что мы, свободные сыны степей, готовы принять скорѣе смерть, чѣмъ рабство. Послушай, что велѣлъ тебѣ передать, черезъ меня совѣтъ нашихъ старцевъ: «Мы, массагеты, не по своей винѣ, а вслѣдствіе испытаній, ниспосланныхъ намъ нашимъ богомъ — солнцемъ, сдѣлались слишкомъ безсильны для того, чтобы дать отпоръ, вамъ, персамъ. Намъ извѣстно, что вы посылаете противъ насъ большое войско и мы готовы купить у васъ миръ и свободу посредствомъ ежегоднаго платежа богатой дани. Но знайте, что если вы, во чтобы то ни стало, захотите побѣдить насъ вооруженною силою, то причините себѣ самимъ величайшій вредъ. Какъ только ваше войско приблизится къ Араксу, то всѣ мы, съ женами и дѣтьми поднимемся и пойдемъ искать новаго отечества, такъ какъ мы не живемъ, подобно вамъ, въ городахъ и домахъ, но привыкли мчаться на нашихъ коняхъ и отдыхать подъ кровомъ палатокъ. Мы унесемъ съ собою наивное золото и засыплемъ потайныя ямы, въ которыхъ вы могли бы найти сокровища. Мы знаемъ всѣ мѣста нахождения благородныхъ металловъ и готовы доставлять ихъ вамъ въ большомъ количествѣ, если вы даруете намъ миръ и позволите сохранить свободу; но если вы пойдете на насъ войною, то не приобретете ничего, кромѣ безлюдной степи и недосыгаемыхъ враговъ, которые могутъ сдѣлаться для васъ ужасными, какъ только оправятся отъ тяжелыхъ утратъ, опустошившихъ ихъ ряды. Если же вы оставите насъ свободными и даруете намъ миръ, то мы готовы, кромѣ дани золотомъ, ежегодно приносить вамъ по пяти тысячъ быстроногихъ степныхъ коней и оказать вамъ помощь, какъ только персидскому царству станетъ угрожать серьезная опасность».

Посланникъ замолкъ. Камбизъ задумчиво уставился глаза

ми въ землю, долго медлилъ отвѣтомъ и, наконецъ, сказалъ, поднимаясь съ своего трона:

— Сегодня на пиру ми посовѣтуемся и завтра сообщимъ вамъ, какой отвѣтъ вы должны передать вашему народу. Распорядись, Гобриасъ, чтобы этимъ людямъ были доставлены всѣ удобства, а тому массагету, который ранилъ меня въ лицо, ваки подать остатки лучшихъ кушаній съ моего собственнаго стола.

IV.

Во время этихъ происшествій Нитетисъ въ уединеніи и глубокой тоскѣ проводила время въ своемъ домѣ на висячихъ садахъ. Въ этотъ день она впервые присутствовала при общемъ жертвоприношеніи царскихъ жонъ, и передъ пылающимъ алтаремъ, устроеннымъ на открытомъ воздухѣ, пыталась, среди чуждыхъ ей напѣвовъ, молиться своимъ новымъ богамъ.

Большинство обитательницъ царскаго гарема въ первый разъ увидели египтянку на этомъ торжествѣ и, вмѣсто того, чтобы поднимать взоры къ божеству, не спускали глазъ съ новосемки.

Нитетисъ, безнокоимая любовьютными, недоброжелательными взглядами своихъ соперницъ, развлекаемая громкою музыкой, доносившеюся изъ города, грустно настроенная при воспоминаніи о благоговѣйныхъ молитвахъ, которыя она возносила къ богамъ своего дѣтства среди торжественной тишины, господствовавшей въ гигантскихъ храмахъ ея родины, посѣщаемыхъ ею вмѣстѣ съ матерью и сестрою, никакъ не могла вызвать въ себѣ набожнаго настроенія, несмотря на все свое желаніе помолиться за сильно любимаго царя въ день его рожденія, и испросить ему у боговъ счастья и благополучія.

Кассандана и Атосса преклонили колѣни рядомъ съ нею и громко вторили пѣнію маговъ, которое было для египтянъ не болѣе какъ пустыни, ничего незначащими звуками.

Эти молитвы, которыя мѣстами отличаются высокою поэзіей, дѣлаются утомительными вслѣдствіе постоянного повторенія именъ безчисленнаго множества злыхъ и добрыхъ духовъ и относящихся къ нимъ призываній. Персіанки доходили почти до эстаза при этомъ молитвословіи, такъ какъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкли считать эти гимны самыми священными и лучшими изъ пѣснопѣній. Онѣ слушали ихъ съ тѣхъ поръ, какъ научились молиться, и эти напѣвы были имъ дороги и священны, какъ все, унаслѣдованное нами отъ нашихъ отцовъ, все, что

представляется намъ достойнымъ уваженія и божественнымъ въ дѣствѣ, самомъ впечатлительномъ времени нашей жизни; но онѣ не могли дѣйствовать на избалованный вкусъ египтянки, которой были хорошо знакомы прекраснѣйшія произведенія греческой поэзіи. То, что она съ усиліями заучила въ теченіи послѣдняго времени еще не вошло къ ней въ плоть и кровь. Между тѣмъ какъ персіянки совершали внѣшніе обряды своего богослуженія, какъ нѣчто имъ врожденное и совершенно обыкновенное, Нитетисъ должна была дѣлать умственные усилія, чтобы не забыть предписываемаго церемоніала и не совершить какой нибудь неловкости въ глазахъ соперницъ, подсматривавшихъ за нею съ величайшимъ недоброжелательствомъ. Кромѣ того, она за нѣсколько минутъ до жертвоприношенія получила первое письмо изъ Египта. Оно лежало, еще не прочитанное, на ея туалетномъ столѣ, и, какъ только она собиралась молиться, приходило ей на умъ. Какія извѣстія заключались въ немъ? Что подѣлывали ея родители? какимъ образомъ перенесла Тахотъ разлуку съ нею и съ возлюбленнымъ царевичемъ?

По окончаніи торжества, съ глубокимъ вздохомъ облегченія обняла она Кассандану и Атоссу. Затѣмъ, приказала нести себя домой, и какъ только вошла къ себѣ, то поспѣшила къ столу, на которомъ лежало драгоцѣнное письмо. Главная изъ ея прислужницъ, — та самая, которая дорогою въ первый разъ одѣвала ее персидскія платья, — встрѣтила Нитетисъ съ хитрою, многообѣщающею улыбкой, которая превратилась въ удивленіе, когда ея госпожа не удостоила ни однимъ взглядомъ лежащій на столѣ уборъ, а схватила давно желанное письмо.

Поспѣшно разломивъ Нитетисъ восковую печать и только что хотѣла усѣсться, чтобы приняться за чтеніе, какъ служанка подошла къ ней очень близко и, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Клянусь Митрою, госпожа моя! Ты, должно быть, нездорова! Или не заключается ли въ этомъ сверномъ сѣромъ кускѣ матеріи какаго нибудь колдовства, что всѣ, вглядывающіеся въ него, дѣлаются слѣпыми ко всему прекрасному? Отложи-ка поскорѣй въ сторону этотъ свертокъ и взгляни на великолѣпныя вещи, присланныя тебѣ великимъ царемъ (надъ которымъ да будетъ благословеніе Аурамазды), въ то время когда ты присутствовала при торжественномъ служеніи. Взгляни на эту драгоцѣнную пурпурную одежду съ бѣлыми полосами и серебряною вышивкою, и на этотъ тюрбанъ съ царскими брилліантами! Развѣ тебѣ неизвѣстно, что подобныя подарки имѣютъ особеннаго рода значеніе? Камбизъ велѣлъ просить тебя (досланный сва-

залъ «просить», а не приказать), чтобы ты надѣла эти великолѣпныя вещи на нмѣшній пиръ. Какъ разгнѣвается Федима! Какъ будутъ глядѣть другія женщины, которыя никогда не получали подобныхъ подарковъ! До сегодняшняго дня мать царя, Кассандана, была единственною женщиною цѣлаго здѣшняго двора, которая имѣла право носить пурпуръ и брилльянты; посредствомъ этихъ подарковъ Камбизъ дѣлаеть тебя равною своей царственной матери и передъ* лицомъ всего міра объявляетъ тебя своею любимою супругою и царицею. ⁷⁶ О, пожалуйста, сдѣлай одолженіе, дозвожь мнѣ надѣтъ на тебя всѣ эти дивныя вещи. Какъ прекрасна будешь ты, и какъ завистливо и злобно стануть другія глядѣть на тебя! Ахъ, еслибъ я могла быть при томъ, когда ты войдешь въ залу! Пойдемъ, госпожа моя, позвожь снять съ тебя простыя платья, и разрѣши мнѣ убрать тебя, хотя для пробы, такъ, какъ подобаеть новой царицѣ.

Нитетисъ молча слушала болтунью и съ нѣмою улыбкою разсматривала драгоценныя подарки. Она была на столько женщиною, чтобы обрадоваться имъ; вѣдь они были присланы ей человѣкомъ, котораго она любила больше собственной жизни; эти подарки говорили ея сердцу, что она значить для царя болѣе, нежели всѣ его другія жоны, и даже что она любима Камбизомъ. Давно ожидаемое письмо выпало у нея изъ рукъ, она молча склонилась на просьбы служанки и вскорѣ весь туалетъ былъ оконченъ. Царскій пурпуръ еще рельефнѣе выказывалъ ея величественную красоту, а ея стройная, великолѣпная фигура казалась еще выше отъ высокаго сверкающаго тюрбана. Когда въ металлическомъ зеркалѣ, лежавшемъ на уборкомъ столѣ, она въ первый разъ увидѣла свою фигуру, въ полномъ убранствѣ царицы, то ея черты приняли другое выраженіе. Казалось будто въ нихъ выразилась часть гордости ихъ повелителя. Вѣтренная служанка неволью опустилась на колѣни, когда ея взгляды, въ которыхъ выражалось одобреніе, встрѣтились съ сіяющими взглядами женщины, любимой могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ мужчинъ.

Недолго смотрѣла Нитетисъ на дѣвушку, лежавшую въ прахѣ передъ нею; затѣмъ, покраснѣвъ отъ стыда, она покачала прекрасною головкой, нагнулась къ ней, и, ласково поднявъ, поцѣловала въ лобъ; она тутъ же подарила ей золотой браслетъ, а такъ какъ ея взглядъ пробѣжалъ по письму, упавшему на полъ, то она приказала служанкѣ оставить ее одну. Мандана опрометью вбѣжала изъ комнаты своей госпожи, чтобы показать великолѣпный подарокъ своимъ подчиненнымъ, и изъшаго разбора

прислужницамъ и рабнямъ. А Нитетись, со слезами радости и съ сердцемъ, трепещущимъ отъ внутренняго волненія, бросилась на свое кресло изъ слоновой кости, обратилась съ краткою благодарственною молитвою къ своей любимой Египетской богинѣ, прекрасной Гаэоръ, поцаловала золотую цѣпь, подаренную ей Камбизомъ послѣ его прыжка въ воду, прижала губы къ родному письму и, откинувшись на пурпурныя подушки, развернула его съ полнымъ чувствомъ удовлетворенія, проговоривъ про себя:

— Какъ я, однако, неизмѣримо счастлива и довольна! Бѣдное письмо! Та, которая писала тебя, вѣроятно не думала, что оно цѣлую четверть часа будетъ лежать непрочитаннымъ на полу у Нитетись.

Она углубилась въ чтеніе, полная радостнаго чувства; но вскорѣ ея улыбка перешла въ серьезное выраженіе и, когда она дочитала письмо до конца, то оно снова выпало изъ ея рукъ на полъ.

Тѣ глаза, гордый взглядъ которыхъ заставилъ служанку преклонить колѣни, отуманились слезами, гордая голова склонилась на туалетный столъ, покрытый золотыми вещами, капли слезъ смѣшались съ жемчугомъ и брилліантами; и странный контрастъ представлялъ величественный тюрбанъ съ убитою горемъ Нитетись.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Отъ Ладисы, жены Амазиса и Царицы Верхняго и Нижняго Египта, къ ея дочери, Нитетись, супругѣ великаго царя Персидскаго.

«Если ты, любезная моя дочь, оставалась столь продолжительное время безъ извѣстій съ родины, то это была не наша вина. Триера, долженствовавшая доставить въ Эгею предназначенныя для тебя письма, была задержана самосскими военными судами, которыя скорѣе слѣдовало бы назвать разбойничьими кораблями, и уведена въ гавань Астипалеи. ⁷⁷

«Заносчивость Поликрата, которому обыкновенно удается все, что бы онъ ни задумалъ, принимаетъ все бдѣльнѣе и бдѣльнѣе размѣры. Ни одно судно не ограждено отъ его разбойничьихъ кораблей съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось на голову разбить лезбосцевъ и милетцевъ, старавшихся положить конецъ этому безобразію. ⁷⁸

«Сыновья покойнаго Пизистрата ⁷⁹—его друзья. Лигдамисъ многимъ обязанъ ему и нуждается въ помощи самосцевъ, для поддержанія своего владѣчества на островѣ Наксосѣ. Онъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе греческихъ амфиціоновъ, подаривъ

Аполлону Делосскому сосѣдній островъ Ренію⁸⁰. Всѣ мореходные народы страдаютъ отъ его пятидесятивесельныхъ судовъ, для которыхъ требуется двадцать тысячъ матросовъ, однако никто не осмѣливался нападать на него; онъ окруженъ опытною стражею и превратилъ почти въ неприступную крѣпость свою резиденцію и великолѣпныя дамбы самосской гавани.

«Купцы, послѣдовавшіе за счастливымъ Колеемъ⁸¹ на западъ, и разбойничьи корабли, которые не знаютъ состраданія, сдѣлаютъ Самось богатѣйшимъ изъ острововъ, а Поликрата—могущественнѣйшимъ изъ людей, если, какъ говоритъ твой отецъ, боги не позавидуютъ столь полному счастию человѣка и не приготовить ему неожиданной гибели.

«Опасаясь подобнаго исхода, Амазисъ посовѣтовалъ своему другу, Поликрату, чтобы онъ, для предотвращения гнѣва боговъ, разстался съ какою нибудь любимою вещью, утрата которой была бы ему ощутительна, и разстался такимъ образомъ, чтобы никогда уже не имѣть возможности получить ее обратно. Поликратъ внялъ этому совѣту твоего отца и съ круглой башни своей крѣпости бросилъ въ море,⁸² драгоценнѣйшее изъ своихъ колець, работы Θεодора. Это былъ сардониксъ необыкновенной величины, придерживаемый двумя дельфинами, на которомъ необыкновенно искусно была выгравирована лира—эмблема властителя.

«Шесть дней спустя, его поваръ нашелъ кольцо во внутренности рыбы. Поликратъ немедленно увѣдомилъ насъ объ этомъ удивительномъ событіи; но вмѣсто того, чтобы обрадоваться, твой отецъ грустно покачалъ своею сѣдою головою и сказалъ, что понимаетъ, какъ невозможно отвратить отъ кого бы то ни было предназначенную ему судьбу. Въ тотъ же самый день онъ объявилъ Поликрату, что разрываетъ съ нимъ старую дружбу и велѣлъ передать ему, что онъ постарается забыть о немъ, для того, чтобы избавить себя отъ горя видѣть несчастіе любимого имъ человѣка.

«Поликратъ со смѣхомъ принялъ это извѣстіе и съ ироническимъ поклономъ возвратилъ намъ тѣ письма, которыя его морскіе разбойники отняли у нашей тріеры. Отнынѣ вся переписка будетъ пересылаться къ тебѣ черезъ Сирію.

«Если ты спросишь меня, зачѣмъ я рассказываю тебѣ эту длинную исторію, интересующую тебя менѣе, чѣмъ всѣ другія извѣстія изъ родительскаго дома, то я отвѣчу тебѣ: «чтобы приготовить тебя къ извѣстію о томъ состояніи, въ которомъ находится твой отецъ». Развѣ возможно узнать веселаго, ясно-

ваго, беззаботнаго Амазиса въ той мрачной фразѣ, съ которою онъ отнеся къ самосскому другу?

«Уви! мой супругъ имѣеть достаточную причину быть грустннмъ, а глаза твоей матери не осушаются отъ слѣзъ съ самаго твоего отъѣзда въ Персію. Отъ одра болѣзни твоей сестры я перехожу къ твоему отцу, чтобы утѣшать его и направлять его невѣрные шаги.

«Чтобы написать тебѣ эти строки я должна ожидать ночи, несмотря на то, что мнѣ необходимъ сонъ.

«Сейчасъ я была прервана няньками, которыя позвали меня къ Тахотъ, твоей сестрѣ и вѣрной подругѣ.

«Какъ часто, среди горячечнаго бреда, дорогая дѣвушка повторила твое имя, какъ старательно сохраняетъ она твое восковое изображеніе, ⁸³ котораго поразительное сходство съ тобою служить доказательствомъ величія греческаго искусства и дарованія великаго Феодора. Завтра мы отправимъ въ Эгину этотъ восковой слѣпокъ, чтобы по немъ сдѣлали въ тамошней мастерской золотое изображеніе. Нѣжный воскъ страдаетъ отъ жаркихъ рукъ и устъ твоей сестры, которыя столь часто прикасаются къ нему.

«Теперь, дочь моя, соберись съ духомъ; и я, съ своей стороны, напрягу всѣ свои силы, чтобы рассказать тебѣ по порядку все, что ниспослано на насъ волею боговъ.

«Послѣ твоего отъѣзда, Тахотъ неудержимо плакала цѣлнхъ три дня. Всѣ наши утѣшенія, всѣ уговариванія твоего отца, всѣ жертвоприношенія и молитвы не были въ состояніи смягчить горе бѣдной дѣвушки и развлечь ее. Наконецъ, на четвертый день слѣзы ея изсыхали. Негромкимъ голосомъ, но, повиднмому, примирившись со своею судьбою, она отвѣчала на наши вопросы; но большую часть дня она молча проводила за своею прялою. Пальцы ея, когда-то столь ловкіе, обрывали всѣ нити, если не покоились по цѣлымъ часамъ на колѣннхъ мечтательницы. Она, которая въ прежнее время такъ отъ души хохотала при шуткахъ твоего отца, теперь выслушивала ихъ съ равнодушной безучастностью; а къ моимъ материнскимъ увѣщаніямъ прислушивалась съ боязливымъ напряженіемъ.

«Когда я, цалуя ее въ лобъ, умоляла ее сдерживать себя, то она вскакивала и, сильно зардѣвшись, бросалась ко мнѣ на грудь, а потомъ снова садилась къ прялкѣ и почти съ днкою послѣднностью передергивала нити; черезъ полчаса обѣ руки ея лежали неподвижно у нея на колѣннхъ, ея глаза дѣлались снова задумчивы и устремлялись на одну какую нибудь точку въ воздухъ или на землѣ. Когда ми принуждали ее при-

нять участіе въ праздникѣ, то она безучастно двигалась между гостями.

«Когда мы ввали ея съ собою на большое богомолье въ Бубастисъ, гдѣ египетскій народъ забываетъ о своей серьезности и чувствѣ достоинства, а Нилъ съ его берегами уподобляется огромной театральной сценѣ, на которой окмѣлѣвшіе хоры изображаютъ игры сатировъ, увлекающія къ крайней распушенности; когда въ Бубастисѣ ⁸⁴ она въ первый разъ въ жизни увидала весь народъ предающимся безграничному веселью и шумнымъ провазамъ, то она очнулась отъ своего молчаливаго ступѣнія и стала проливать столь же обильные потоки слезъ, какъ въ первые дни послѣ твоего отъѣзда.

«Грустные, потерявъ всякую надежду, и не зная, чѣмъ помочь горю, мы привезли бѣдняжку обратно въ Сансъ.

«Она имѣла видъ богини. Хотя она и похудѣла, но всѣмъ намъ казалось, что она выросла; ея кожа свѣтилась какою-то прозрачною бѣлизной, а на щекахъ проступалъ чуть замѣтный румянецъ, который я могу сравнить съ цвѣтомъ-молодого розеваго листка, или съ первыми проблесками зари. Ея взоръ еще и понинѣ удивительно свѣтелъ и ясенъ. Мнѣ всегда кажется, что эти глаза видятъ кое-что больше того, что дѣлается на землѣ и движется на небѣ. Мнѣ думается, что эти взоры должны блуждать далеко за предѣлами видимаго міра; въ другихъ, далекихъ сферахъ мірозданія.

«Такъ какъ жаръ въ головѣ и рукахъ все увеличивался, а временами, по нѣжнымъ членамъ Тахотъ пробѣгала легкая дрожь, то мы вызвали изъ Фивъ въ Сансъ Имготепъ, знаменитѣйшаго врача для внутреннихъ болѣзней.

«Увидавъ твою сестру, опытный жрецъ покачалъ головою и объявилъ, что ей предстоитъ перенести трудную болѣзнь. Отнынѣ ей было запрещено пріять и позволялось говорить очень мало. Она должна была принимать разнородныя лекарства, ея болѣзнь заговаривали и завораживали ⁸⁵, вопрошали звѣзды и оракуловъ, приносили богамъ богатныя жертвы и подарки. Жрецы богини Гаеоръ прислали намъ съ острова Филе освященный амулетъ для больной, жрецы Озириса изъ Абидуса оправленный въ золото логонъ Озириса, а Нейтотепъ, верховный жрецъ нашей богини-покровительницы, устроилъ большое жертвоприношеніе, которое должно было возвратить здоровье твоей сестрѣ.

«Но ни врачи, ни ворожба, ни амулеты не помогали бѣдняжкѣ. Нейтотепъ, наконецъ, уже не сталъ скрывать отъ меня, что остается мало надежды на звѣзду Тахотъ. На этихъ дняхъ умеръ священникъ быкъ въ Мемфисѣ; жрецы не нашли сердца

въ его внутренности и объявили, что это есть предзнаменованіе несчастія, готовящагося для Египта. До сихъ поръ новый Аписъ еще не найденъ. Всѣ думаютъ, что боги прогнѣвались на царство твоего отца и оракулъ въ Буто объявилъ, что бессмертные тогда только ниспосллютъ на Египетъ свою благодать, когда будутъ уничтожены всѣ храмы, воздвигнуты иновѣрными богамъ на черной землѣ⁸⁶ и изгнаны всѣ тѣ, которые приносятъ жертвы ложнымъ богамъ.

«Несчастныя предзнаменованія оправдались. Тахотъ заболѣла страшною горячкою. Девять дней она находилась между жизнью и смертію, и даже еще теперь такъ слаба, что приходится носить ее на рукахъ, и она не можетъ шевельнуть ни рукою, ни ногою.

«Во время путешествія въ Вубастисъ, у Амазиса открылось воспаленіе въ глазахъ, какъ это нерѣдко случается въ Египтѣ⁸⁷. Вмѣсто того, чтобы дать себѣ отдыхъ, онъ по прежнему работалъ отъ солнечнаго восхода до полудня. Въ то время, когда сестра твоя лежала въ горячкѣ, онъ, несмотря на всѣ наши увѣщанія, не отходилъ отъ ея ложа. Я постараюсь быть краткою, дитя мое. Глазная болѣзнь становилась все хуже и хуже, и въ тотъ самый день, когда мы получили извѣстіе о твоёмъ благополучномъ прибытіи въ Вавилонъ, Амазисъ лишился зрѣнія.

«Изъ бодрого, привѣтливаго человѣка, онъ превратился съ тѣхъ поръ въ разслабленнаго мрачнаго старика. Смерть Аписа, неблагоприятное сопоставленіе созвѣздіи и изрѣченія оракуловъ тоскливо сжимаютъ его сердце. Тьма, среди которой онъ живетъ, омрачаетъ и настроеніе его духа. Сознаніе безпомощности и невозможности двинуться съ мѣста безъ посторонней поддержки, лишаетъ его прежней твердости характера. Смѣлый, самостоятельный властелинъ готовъ сдѣлаться послушнымъ орудіемъ жрецовъ.

«Цѣлые часы онъ проводитъ въ храмѣ Нейтъ, принося жертвы и предаваясь молитвѣ. Тамъ же, подъ его надзоромъ, толпа рабочихъ занята постройкою гробницы для его муміи, между тѣмъ какъ другая такая же толпа каменьщиковъ разрушаетъ начатый элинами въ Мемфисѣ храмъ Аполлона. Несчастіе, постигшее Тахотъ и его самого, Амазисъ называетъ справедливымъ наказаніемъ безсмертныхъ.

«Его посѣщенія больной не приносятъ ей большаго утѣшенія; вмѣсто того, чтобы дружески говорить съ бѣдняжкой онъ старается доказать ей, что и она также заслужила кару боговъ. Всею силою своего неотразимаго краснорѣчія онъ старается

заставить ее совершенно отрѣшиться отъ земли и, съ помощью постоянныхъ молитвъ и жертвоприношеній, заслужить милость Озириса и судей преисподней. Такимъ образомъ онъ терзаетъ душу нашей дорогой страдальцы, въ которой такъ еще сильна привязанность къ жизни. Можетъ быть, будучи египетской царицей, я болѣе, чѣмъ слѣдуетъ осталась гречанкою; но вѣдь смерть такъ неизмѣримо продолжительна, а жизнь такъ коротка, что я не назову умными тѣхъ мудрецовъ, которые, вѣчнымъ напоминаніемъ о мрачномъ Гадесѣ, отдають ему болѣе половины жизни.

«Мнѣ снова помѣшали. Явился великій врачъ Имготетъ, чтобы взглянуть на нашу больную. Онъ подаетъ мало надежды, и даже, повидимому, удивляется, что это нѣжное тѣло можетъ такъ долго сопротивляться сильнымъ нападеніямъ смерти. «Она уже давно перестала-бы существовать, сказалъ онъ вчера, если-бы ее не поддерживало непоколебимое желаніе и стремленіе жить во что бы то ни стало. Если-бы она захотѣла проститься съ жизнью, то могла-бы перейти въ объятія смерти, подобно тому, какъ мы отходимъ ко сну. Если ея желанія сбудутся, то она, можетъ быть (но это невѣроятно), проживетъ еще нѣсколько лѣтъ; если-же ея надежда останется неосуществленною еще нѣкоторое время, то она умретъ вслѣдствіе той причины, которая теперь не допускаетъ ее разстаться съ жизнью». Догадываешься-ли ты, къ чему стремятся ея желанія? Наша Тахотъ допустила околдовать себя брату твоего мужа. Этими я не хочу сказать, чтобы, какъ воображаетъ жрецъ Аменеманъ, со стороны юноши были употреблены какія-нибудь магическія средства для возбужденія въ ней любви къ себѣ; вѣдь половины той дивной красоты и очаровательныхъ манеръ, какъ у Бартіа, было-бы достаточно, чтобы плѣнить сердце невинной дѣвушки, полуробенка. Но ея страсть такъ пламенна, перемѣнна, происшедшая съ нею такъ велика, что бывали минуты, когда я сама начинала вѣрить въ сверхъестественныя вліянія. Незадолго до твоего отъѣзда, я уже замѣтила привязанность твоей сестры къ персу. Первые ея слѣзы мы еще приписывали твоему отъѣзду; но когда она погрузилась въ нѣмое забытье, то Ивикъ, который тогда еще проживалъ при нашемъ дворѣ, замѣтилъ, что дѣвушкой овладѣла сильная страсть.

«Когда она сидѣла, однажды, въ глубокой задумчивости передъ своею прялкою, онъ при мнѣ сталъ напѣвать ей надъ ухомъ любовную пѣсенку Сафо:

Милая матушка,
Прясть не могу я,

Мнѣ не сидится,
Нол, тоскуя,
Сердце томится
Здѣсь, въ заперти!
Ниточки рвутся,
Руки трясутся...
Милая матушка,
Дай мнѣ уйти! ⁹⁰

«При этихъ словахъ, она поблѣднѣла и спросила: «Ты самъ сочинилъ эту пѣсенку, Ивикъ?»

«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, ее пѣла левбіанна Сафо».

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ... задумчиво повторила Тахоть».

«Любовь всегда останется неизмѣнною, прервалъ ее поэтъ; подобно тому, какъ любила Сафо, любили еще до эоновъ, и будутъ любить нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ насъ».

«Большая одобрительно улыбнулась, и съ тѣхъ поръ стала тихо повторять эту пѣсенку, сидя со сложенными руками у прѣлки».

«Несмотря на то, всѣ мы намѣренно уклонялись отъ всякихъ вопросовъ, которые могли-бы напомнить ей о томъ, кого она любить. Когда она лежала въ горячкѣ, то съ ея запершихся устъ не сходило имя Бартіи. Когда-же она снова пришла въ себя, то мы стали рассказывать ей объ ея бредѣ».

«Тогда она открыла мнѣ всю свою душу и, точно прорицательница, устремивъ глаза къ небу, проговорила: «Я знаю, что не умру до тѣхъ поръ, пока не увижу его».

«Недавно мы приказали снести ее въ храмъ, такъ какъ она захотѣла помолиться подъ священными сводами. По окончаніи молитвы, когда мы проходили черезъ передній дворъ, Тахоть примѣтила маленькую дѣвочку, которая съ большимъ увлеченіемъ рассказывала что-то своимъ подругамъ. Тогда она приказала носильщикамъ остановиться и позвать ребѣнка».

«Что такое ты говорила?»

«Я рассказывала другимъ о моей старшей сестрѣ».

«Не могу-ли и я послушать, что ты рассказываешь?» сказала Тахоть такимъ ласковымъ и умоляющимъ голосомъ, что малютка, нисколько не смущаясь, начала свой рассказъ: «Батау, женихъ моей сестры, вчера совершенно неожиданно возвратился изъ Эивъ. Когда вошла звѣзда Изиды ⁹⁰, онъ неожиданно вошелъ на нашу крышу, гдѣ Керимама молча играла съ отцомъ въ тритракъ. Онъ принесъ ей прекрасный золотой, брачный вѣнокъ».

«Тахоть поцаловала малютку и подарила ей свой драгоцен-

ный вѣрь. Когда мы снова возвратились домой, то она плутовски улыбнулась мнѣ, и сказала: «Вѣдь ты знаешь, милая матушка, что слова дѣтей, сказанныя въ преддверіи храма, считаются изрѣченіями оракула⁹¹. Если малютка сказала правду, то онъ долженъ пріѣхать! Развѣ ты не слыхала, что онъ принесетъ брачный вѣнокъ? О, матушка, я навѣрное знаю, и убѣждена, что увижусь съ нимъ!»

«Когда я вчера спросила Тахоть, что мнѣ передать тебѣ отъ ея имени, то она просила меня сказать, что она посылаетъ тебѣ тысячу поклоновъ и поцалуевъ, и собирается сама писать къ тебѣ, когда наберется силъ, такъ какъ ей многое нужно передать тебѣ. Сейчас она принесла мнѣ прилагаемую записочку для тебя одной, которую она написала съ величайшимъ трудомъ.

«Теперь я должна спѣшить окончаніемъ этого письма, такъ какъ посланецъ уже давно ожидаетъ его.

«Какъ хотѣлось-бы мнѣ сообщить тебѣ что-нибудь радостное! Но куда я ни погляжу, нигдѣ не вижу ничего, кромѣ самыхъ грустныхъ обстоятельствъ. Твой братъ все болѣе и болѣе подчиняется властолюбію жрецовъ, и подъ руководствомъ Нейтотепа занимается дѣлами правительства вмѣсто твоего бѣднаго ослѣпшаго отца.

«Амазисъ предоставляетъ Псамметиху полную свободу и говоритъ, что ему рѣшительно все равно—займетъ-ли наслѣдникъ его мѣсто нѣсколькими днями раньше или позже.

«Онъ не помѣшалъ твоему брату насильственнымъ образомъ похитить изъ дома эллинки Родопись дѣтей бывшаго начальника царской стражи Фанеса и даже одобрилъ поступокъ сына, вступившаго въ переговоры съ потомками двухсотъ тысячъ воиновъ⁹², выселившихся въ Эіопію во времена перваго Псамметиха, вслѣдствіе предпочтенія, оказываемаго іонійскимъ наемникамъ. Въ случаѣ ихъ согласія возвратиться на родину, Псамметихъ намѣревался распустить эллинскихъ воиновъ. Переговоры оказались безуспѣшными; но онъ сильно оскорбилъ грековъ своимъ недостойнымъ обращеніемъ съ дѣтьми Фанеса. Аристомахъ угрожалъ погнать Египетъ съ десятью тысячами самыхъ лучшихъ воиновъ; онъ даже требовалъ отставки, когда по приказанію твоего брата, былъ умерщвленъ сынъ Фанеса. Тогда спартанецъ, внезапно, исчезъ неизвѣстно куда, а эллины, подкупленные значительными денежными суммами, остались въ Египтѣ.

«При видѣ всего этого, Амазисъ хранилъ молчаніе, и среди молитвъ и жертвоприношеній оставался спокойнымъ свидѣте-

лемъ того, какъ его сынъ то оскорблялъ всѣ классы народа, то недостойнымъ образомъ старался примириться съ ними. Эллинскіе и египетскіе военачальники такъ-же, какъ и номархи различныхъ провинцій, убѣрили меня, что это положеніе дѣла невнесимо. Никто не можетъ знать, чего слѣдуетъ ожидать отъ новаго властелина, который приказываетъ сегодня дѣлать то, что вчера запрещалъ въ принадлежъ запальчивости, и который, пожалуй, расторгнетъ прекрасныя узы, до сихъ поръ соединявшія египетскій народъ съ его царями.

«Будь здорова, дочь моя, и не забывай своего бѣднаго друга—мать. Прости твоихъ родителей, когда узнаешь то, что мы такъ долго срывали отъ тебя. Помолись за Тахоть, передай наши поклоны Крезу и молодымъ персамъ, которыхъ мы знаемъ; передай также Бартіи привѣтствіе отъ твоей сестры, на которое я прошу его смотрѣть какъ на завѣщаніе умирающей. Еслибы ты могла какимъ-нибудь образомъ передать своей сестрѣ вѣсть, что молодой персъ не совсѣмъ забылъ ее!

«Будь здорова и счастлива въ твоемъ новомъ цвѣтущемъ отечествѣ!»

V.

Подобно тому, какъ за золотомъ утреннею зарей слѣдуютъ дождливыя дни, радостное ожиданіе нерѣдко предшествуетъ грустнымъ событіямъ.

Нитетисъ такъ искренно обрадовалась этому письму, которое должно было отравить сладость ея счастья горькими каплями полныи.

Точно по мановенію волшебства, оно уничтожило прекрасную часть ея внутренней жизни—радостное воспоминаніе о маломъ отечествѣ и о тѣхъ, которые были участниками беззаботнаго счастья ея дѣтства.

Въ то время, какъ она сидѣла, облеченная въ пурпурныя одежды и заливалась слезами, она думала только о печали своей матери, о несчастіи своего отца и о болѣзни сестры. Радостная будущность, которая предрекала ей счастье, могущество и любовь, вдругъ исчезла изъ ея глазъ. Невѣста Камбиза, отличенная имъ среди всѣхъ, забыла объ ожидающемъ ее возлюбленномъ; будущая персидская царица не думала ни о чемъ, кромѣ несчастій, постигшихъ египетскій царствующій домъ.

Солнце уже давно возвѣстило о наступленіи полудня, когда

служанка Нитетисъ, Мандана, снова вошла въ комнату, чтобы окончательно привести въ порядок ея нарядъ.

«Она спитъ, подумала дѣвушка: можно дать ей отдохнуть четверть часа; церемонія жертвоприношенія, вѣроятно, утомила ее, а ей слѣдуетъ явиться на пиръ въ полномъ сіяніи свѣжести и красоты, чтобы своимъ блескомъ затмить всѣхъ, какъ мѣсяцъ затмѣваетъ звѣзды».

Она удалилась неслышными шагами изъ комнаты, изъ оконъ которой открывался дивный видъ на висячіе сады, на громадный городъ, на плодородную вавилонскую долину и на неизмѣримую даль.

Не оглядываясь, бросилась она къ клумбѣ съ цвѣтами, чтобы нарвать розановъ. Ея глаза были устремлены на новый браслетъ, на которомъ свергали лучи полуденнаго солнца и не замѣтили богато-одѣтаго человѣка, который, вытянувъ шею, заглядывалъ въ окно той комнаты, гдѣ Нитетисъ обливалась слезами. Прерванный въ своемъ занятіи подслушиватель, какъ только замѣтилъ дѣвушку, воскликнулъ послышимъ голосомъ, точно принадлежавшимъ какому-нибудь мальчику:

— Привѣтствую тебя, прекрасная Мандана!

Дѣвушка перепугалась, и, узнавъ начальника евнуховъ, Богеса, сказала:

— Нехорошо съ твоей стороны, господинъ мой, такъ пугать бѣдную дѣвушку! Клянусь Митрою, что я упала-бы въ обморокъ, если-бъ увидала тебя прежде, чѣмъ услышала твой голосъ. Женскіе голоса не пугаютъ меня, а мужчина въ этомъ уединеніи такая-же рѣдкость, какъ лебеди въ пустынѣ!

Богесъ добродушно улыбнулся, хотя и понялъ очень хорошо насмѣшливый намекъ на его голосъ, и отвѣчалъ, потирая свои мясистыя руки:

— Разумѣется, молодой прекрасной птичкѣ невесело томиться въ такомъ уединеніи; но имѣй терпѣніе, голубушка моя! Вскорѣ твоя госпожа сдѣлается царицею и найдетъ тебѣ молоденькаго муженька, съ которымъ ты, вѣроятно, скорѣе согласишься жить въ уединеніи, нежели съ твоей прекрасной египтянкой, не такъ-ли?

— Моя госпожа прекраснѣе, чѣмъ этого желали-бы многіе, а я никому не поручала прискивать мнѣ мужа, отвѣчала она презрительно. — Ужь его-то я найду и безъ тебя.

— Кто станетъ въ этомъ сомнѣваться? Такая хорошенькая рожица служить столь-же лакомой приманкою для мужчинъ, какъ червякъ для рыбы.

— Я не ловлю мужчинъ, а менѣе всего такихъ, какъ ты!

— Охотно, очень охотно вѣрю этому, смѣясь проговорилъ евнухъ, — но скажи мнѣ, мое сокровище, отчего ты такъ сурова со мною? Развѣ я сдѣлалъ тебѣ что-нибудь непріятное? Развѣ не я доставилъ тебѣ твое настоящее прекрасное мѣсто? Развѣ я не соотечественникъ твой, не мидянинъ?

— И развѣ мы оба—не люди? и у насъ обоихъ не по десяти пальцевъ на рукѣ? и наши носы не сидятъ посреди лица? Здѣсь, на всю массу населенія, половина — мидійцы; еслибъ всѣ они, только потому, что они мои соотечественники, были моими друзьями, то я завтра могла бы сдѣлаться царицей. А мѣсто у египтянки доставилъ мнѣ совсѣмъ не ты: я обязана этимъ мѣстомъ верховному жрецу Оропасту, рекомендовавшему меня великой Кассанданѣ! Намъ здѣсь на верху нѣтъ дѣла до тебя!

— Что это ты говоришь такое, моя милашка! Развѣ ты не знаешь, что безъ моего согласія не назначается сюда ни одна прислужница?

— Это я знаю не хуже тебя, но...

— Но вы, женщины—существа неблагодарныя, недостойныя нашей доброты!

— Не забывай, что ты говоришь съ дѣвухой изъ хорошаго семейства!

— Знаю, моя овечка! Твой отецъ былъ магъ, а твоя мать дочь мага. Оба умерли рано и передали тебя дестуру Иксабату, отцу верховнаго жреца Оропаста, который выростилъ тебя вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Когда ты надѣла серьги, то въ твою розовую рожицу влюбился Гаумата, братъ Оропаста; ⁹⁹ нѣчего тебѣ краснѣть, — это очень хорошее имя — и, несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, хотѣлъ жениться на тебѣ. Гаумата и Мандана! какъ хорошо звучатъ вмѣстѣ эти два имени! Мандана и Гаумата! Если бы я былъ пѣвецъ, то моего героя я назвалъ бы Гауматою, а его возлюбленную Манданою!

— Я прошу тебя оставить эти насмѣшки! вослигнула дѣвуха, сильно вспыхнувъ и топнувъ ногою.

— Развѣ ты недовольна, что я нахожу ваши имена подходящими одно къ другому? Сердись скорѣе на гордаго Оропаста, который отправилъ своего юнаго брата въ Рагэ, ⁹⁹ а тебя ко двору, для того, чтобы вы забыли другъ друга.

— Ты клеветашь на моего благодѣтеля.

— Пусть отсохнет мой языкъ, если я говорю не истинную правду. Оропастъ разлучилъ тебя съ своимъ братомъ, потому что онъ имѣетъ на своего брата совершенно иные виды, чѣмъ его женитьба на бѣдной сирогѣ незначительнаго мага. Ами-

*

тисъ или Менише были бы гораздо прѣятнѣе ему, въ качествѣ невѣстокъ; а подобная тебѣ бѣдная дѣвушка, всѣмъ обязанная его благотворительности, можетъ только оказаться препятствіемъ при осуществленіи его плановъ. Между нами будь сказано, ему хотѣлось бы управлять государствомъ въ качествѣ наместника во время войны съ массагетами и дорогое даль бы онъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ вступить въ родство съ Ахеменидами. Въ его лѣта уже не приходится помышлять о новыхъ жонахъ; но у него есть братъ, юноша и красавецъ и, какъ говорятъ, даже похожій на царевича Вартію...

— Это справедливо, воскликнула Мандана. Представь себѣ, когда мы ѣхали на встрѣчу нашей госпожѣ и я въ первый разъ увидала Вартію у окна станціоннаго дома, то я сперва приняла его за Гаумату. Они похожи другъ на друга точно близнецы, и могутъ назваться самыми красивыми въ цѣломъ государствѣ.

— Какъ ты покраснѣла, моя роза! Но сходство вѣдь не до такой степени обманчиво. Когда я сегодня утромъ привѣтствовалъ брата верховнаго жреца...

— Гаумата здѣсь? прервала евнуха Мандана со страстными увлеченіемъ. Развѣ ты дѣйствительно видѣлъ его, или хочешь только вывѣдать что нибудь отъ меня и затѣмъ обмануть?

— Клянусь Митрою, моя голубка, я сегодня целовалъ его въ лобъ и принужденъ былъ многое рассказать ему о егѣ возлюбленной; кромѣ того, я кочу сдѣлать невозможное возможнымъ для него, такъ какъ я слишкомъ слабъ, чтобы противостоять этимъ очаровательнымъ голубинымъ глазкамъ, этой золотудрой головѣ и этимъ щекамъ, пушистымъ какъ персики. Побереги свой румянецъ, мой миленькій гранатовый цветочекъ, пока я еще не рассказалъ тебѣ всего. На будущее время ты не станешь относиться столь сурово къ бѣдному Богѣсу и убѣдишься, что у него доброе сердце, исполненное расположеніи къ Манданѣ, его маленькой, миленькой, плутоватой сротачественницѣ.

— Я не вѣрю тебѣ, прервала Мандана, и этимъ нѣжнымъ заявленіемъ. Меня предупреждали относительно твоего льстиваго языка, и я даже не знаю, чѣмъ я могла заслужить твое участіе.

— Узнаешь ты это? спросилъ евнухъ, подавая дѣвушкѣ бѣлую ленту съ искусно вышитыми на ней золотыми огоньками.

— Послѣдній подарокъ, который я вышивала для него! воскликнула Мандана.

— Этотъ знакъ я выпросилъ у Гауматы. Я очень хорошо

зналъ, что ты не будешь имѣть ко мнѣ довѣрія. Да и бывали ли примѣры, чтобы узникъ любилъ своего тюремщика?

— Скорѣй, скорѣй говори мнѣ, чего требуетъ отъ меня товарищъ моихъ игръ! Смотри, вонъ уже на западѣ показывается розовый отгѣнокъ въ небѣ. Дѣло идетъ къ вечеру, и я должна убирать свою госпожу для пршества.

— Я постараюсь не терять времени, сказалъ внучкъ, внезапно сдѣлавшійся такимъ серьезнымъ, что Мандана испугалась его. Если ты не желаешь вѣрить, что я изъ расположенія къ тебѣ подвергаю себя опасности, то считай, что я помогаю вашей любви изъ желанія смирить гордость Оропаста, который грозитъ лишитъ меня расположенія царя. Вопреки всѣмъ интригамъ верховнаго начальника маговъ, ты должна сдѣлаться женою твоего Гауматы, и это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Богесомъ! Завтра вечеромъ, когда взойдетъ звѣзда Тистаръ, ⁹⁵ тебя посѣтитъ твой милый. Я сумѣю удалить всѣхъ сторожей для того, чтобы ему можно было безъ помѣхи придти къ тебѣ и остаться у тебя въ теченіи часа, но помни— не болѣе одного часа. Твоя госпожа—я знаю это навѣрно—сдѣлается любимою женою Камбива. Впослѣдствіи она станетъ сильно содѣйствовать твоему браку съ Гауматомъ, такъ какъ она любитъ тебя и не находитъ достойной похвалы, чтобы выразить степень твоей вѣрности и лѣвкости. Завтра вечеромъ, когда взойдетъ звѣзда Тистаръ,—продолжалъ онъ, выходя въ прежній свойственный ему, шуточный тонъ,—возсіяетъ солнце твоего счастья. Ты опускаешь глаза и молчишь? Благодарность замигаетъ твой маленький ротикъ? Прошу тебя, голубка моя, не будь столь молчаливою, когда, со временемъ, дѣло дойдетъ до того, что тебѣ придется въ похвальномъ тонѣ упомянуть передъ твоею могущественною госпожею о бѣдномъ Богесѣ. Передать ли мнѣ поклонъ прекрасному Гауматѣ? Можно ли мнѣ сказать ему, что ты не забыла его и съ радостью ждешь его? Ты колеблешься? О горе, вѣдь уже начинается темнота! Мнѣ надобно отправиться взглянуть, всѣ ли женщины одѣты, какъ подобаетъ для великаго пира. Еще одно: Гаумата долженъ послѣ-завтра покинуть Вавилонъ; Оропастъ опасается, чтобы онъ не увидался съ тобою, и приказалъ ему возвратиться въ Рагэ немедленно по окончаніи праздника. Ты все еще молчишь? хорошо;—въ такомъ случаѣ я не могу помочь ни тебѣ, ни бѣдному мальчику. Я и безъ васъ достигну своей цѣли, а вѣдь въ концѣ концовъ будетъ гораздо лучше, если вы позабудете о своей любви. Прощай!

Въ душѣ дѣвушки происходила тяжелая борьба. Предчувствіе

подсказывало ей, что Богесъ хочет обмануть ее; внутренній голосъ напoптывалъ ей, чтобы она отказалась отъ свиданія со своимъ возлюбленнымъ; доброе начало и осторожность брали верхъ въ ея сердцѣ и она только-что хотѣла воскликнуть: «Скажи ему, что я не стану его приниматьъ», когда ея взоры упали на ленточку, которую она когда-то вышила для прекраснаго мальчика. Веселыя картины дѣтства, краткія мгновенія одуряющихъ восторговъ любви съ быстротою молніи промелькнули въ ея памяти; любовь, необдуманность, влеченіе къ любимому человѣку, одержали верхъ надъ добродѣтелью, предчувствіями, осторожностью, и, прежде чѣмъ Богесъ могъ докончить свою прощальную фразу, она бросилась къ дому, какъ спугнутая лань, почти невольно воскликнувъ:

— Я буду ждать его!

Быстрыми шагами шелъ Богесъ черезъ цвѣтуція аллеи всѣхъ садовъ. У парапета высокаго зданія онъ остановился и осторожно отворилъ скрытую опускающую дверь. Она выходила на потайную лѣстницу, которую строитель, вѣроятно, велѣлъ сдѣлать для того, чтобы прямо съ береговъ рѣки проходить незамѣтно въ жилище своей жены черезъ одну изъ огромныхъ колонъ, поддерживавшихъ садъ. Дверь легко вращалась на своихъ петляхъ, и послѣ того, когда Богесъ снова заперъ ее и набросалъ на нее нѣсколько рѣчныхъ раковинъ, покрывавшихъ аллею сада, то ее трудно было бы разглядѣть даже тому, кто сталъ бы отыскивать ее. Евнухъ, по своей привычкѣ, весело потиралъ свои покрытыя кольцами руки, и бормоталъ про себя:

— Теперь это должно удался! Дѣвушка попалась въ ловушку, ея возлюбленный послушается моего намека, на старую лѣстницу можно пробраться, Нитетисъ заливалась горькими слезами въ этотъ, радостный для всѣхъ, день, голубая лилія расцвѣтетъ завтра ночью... да, да, мой маленькій планъ долженъ удался! Прекрасная египетская кошечка, твои бархатныя лапки завтра запутаются въ силкахъ, которые поставитъ тебѣ бѣдный презрѣнный евнухъ, не имѣющій права ничего приказывать тебѣ.

При этихъ словахъ лучъ злобы сверкнулъ въ глазахъ сторожа женщинъ.

На большой лѣстницѣ онъ встрѣтился съ евнухомъ Нериглисаромъ, который жилъ въ всѣхъ садахъ въ должности главнаго садовника.

— Что подѣлываетъ голубая лилія? спросилъ онъ у него.

— Она распускается великолѣпно! воскликнулъ садовникъ,

съ восторгомъ вспоминая о своемъ любимомъ дѣтищѣ. Завтра, какъ только взойдетъ звѣзда Тистаръ, она, какъ я уже говорилъ тебѣ, будетъ красоваться во всемъ великолѣпнн своего распвѣта! Моя госпожа, египтянка, будетъ сильно обрадована, такъ какъ она любитъ цвѣты, и я прошу тебя, сообщить также царю и Ахеменидамъ, что съ помощью неуспынныхъ трудовъ я довелъ это рѣдкое растеніе до полнаго распвѣтанія. Въ теченіи десяти лѣтъ, цвѣтокъ только одну ночь красуется въ полномъ блескѣ своей красоты. Сообщи это благороднымъ Ахеменидамъ и приведи ихъ ко мнѣ.

— Твое желаніе будетъ исполнено, съ улыбкою проговорилъ Богесъ. На посѣщеніе царя тебѣ, разумѣется, нѣчего рассчитывать, такъ какъ я предполагаю, что онъ не покажется въ всячыхъ садахъ до своего бракосочетанія съ египтянкою; но нѣкоторые изъ Ахеменидовъ явятся непременно. Они такіе пламенные любители садоводства и цвѣтовъ, что не захотятъ лишиться себя столь рѣдкаго зрѣлища. Можетъ быть, мнѣ удастся привести сюда и Креза; онъ, хотя и не такой знатокъ садоводства, какъ персы, помѣшанные на цвѣтахъ, но за то онъ самый усердный цѣнитель всего пріятнаго для глазъ.

— Ты ужъ только приведи его, воскликнулъ садовникъ:—онъ будетъ благодаренъ тебѣ, такъ какъ моя царица ночи прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ, когда-либо возрожденныхъ въ царскихъ садахъ! Ты вѣдь видѣлъ среди гладкаго, какъ зеркало бассейна, бутонъ, окруженный вѣнкомъ изъ зеленыхъ листьевъ; распустившись, онъ имѣетъ видъ голубой розы громаднхъ размѣровъ. Мой цвѣтокъ...

Воспламенившійся садоводъ хотѣлъ продолжать свой хвалебный гимнъ, но Богесъ, любезно раскланявшись, распростился съ нимъ, спустился внизъ по лѣстницѣ, помѣстился на двухколесную деревянную колесницу, ожидавшую его, и приказалъ стоявшему около него погонщику его коней, увѣшанныхъ кистями и колокольчиками, ⁹⁶ вести себя какъ можно скорѣй къ воротамъ сада, окружавшаго большое зданіе царскаго гарема.

Особеннаго рода суетливая жизнь кипѣла сегодня въ этомъ гаремѣ Камбиза. Богесъ приказалъ, чтобы всѣ придворныя женщины, для большей красоты и свѣжести, были передъ началомъ пиршества отведены въ баню; поэтому начальникъ женщинъ немедленно отправился въ тотъ флигель дворца, гдѣ находились женскія бани.

Уже издали до него доносился смѣшанный гулъ голосовъ криклявыхъ, смѣющихся, болтающихъ. Въ огромной залѣ нагрѣтой до послѣдней степени, среди густого облака влажнаго

пара, двигалось болѣе трехсотъ женщинъ ⁹⁷. Точно туманныя видѣнія мелькали полунагія фигуры, которыхъ стройныя формы вполне обрисовывались подъ тонкой шелковой тканью пропитанныхъ влажностью накидокъ. Все это въ пестромъ безпорядкѣ двигалось по мраморнымъ плитамъ бани, съ потолка которой падали на полъ теплыя капли, разлетаясь въ мелкія брызги.

Тутъ лежали, весело болтая, группы изъ десяти или двадцати роскошно-прекрасныхъ женщинъ, а тамъ двѣ царскія жены ругались, точно избалованныя дѣти. Одна красавица, въ которую попала туфля, брошенная ея сосѣдкою, громко вскрикнула; другая лежала въ тяжоломъ раздумьи, точно грусть на горячемъ сиромъ полу. Шесть армянокъ стояли въ рядѣ одна возлѣ другой и звонкими голосами пѣли задорную любовную пѣсню на своемъ родномъ языкѣ, между тѣмъ, какъ группа бѣлокуроухъ персіанокъ, выбивалась изъ силъ, вводя на бѣдную Нитетисъ такія клеветы, что тотъ, кому пришлось бы подслушать это, вообразилъ бы, что прекрасная египтянка есть нѣчто въ родѣ тѣхъ уродливыхъ чучель, которыми пугаютъ дѣтей.

Среди этой суматохи расхаживали нагія рабыни, разносившія на головахъ хорошо нагрѣтыя покрывала, и набрасывали ихъ на своихъ госпожъ. Крики евнуховъ, которые, охраняя двери залы, принуждали купавшихся торопиться; визгливые голоса, звавшіе рабынь, нескоро являвшихся, и рѣзкія благовопія, смѣшанныя съ горячимъ водянымъ паромъ, все это превращало пеструю толкотню въ дѣйствительно оглушающее зрѣлище.

Спустя четверть часа, жоны царя представляли видъ вполне противоположный описанному выше.

Точно розы, смоченныя росой, лежали онѣ спокойныя, но не спящія и охваченныя сладкой нѣгой на мягкихъ подушкахъ, окружавшихъ длинныя стѣны громадной залы. Благовопная влага еще висѣла въ видѣ капель на ихъ распущенныхъ, не просохшихъ волосахъ, между тѣмъ, какъ проворныя рабыни вытирали малѣйшіе слѣды глубоко проникающей въ поры влажности мягкими мѣшочками изъ верблюжьей шерсти.

Прекрасныя утомленныя члены прикрывались шолговыми одѣялами, и толпа евнуховъ наблюдала за тѣмъ, чтобы ни одна задорная или бранчивая личность не нарушала покоя отдыхающаго полчища женщинъ.

Впрочемъ, необыкновенная тишина, господствовавшая въ этотъ день среди залы, предназначенной для дремоты и отдохновенія, была рѣдкимъ явленіемъ, вызваннымъ никакъ не присутствіемъ

евнуховъ: было объявлено, что нарушительница мира, будетъ, въ наказаніе, исключена изъ числа участницъ большого пира.

Цѣлый часъ пролежали женщины въ молчаливой полудремотѣ, когда звукъ металлическаго удара снова преобразилъ картину.

Отдыхавшія фигуры соскочили со своихъ подушекъ, толпа рабынь ворвалась въ залу; мази и духи полились на красавицъ, роскошные волосы стали заплетать и искусно убирать драгоценными камнями; дорогіе уборы, шерстяныя и шелковыя платья всѣхъ цвѣтовъ радуги, башмаки твердые отъ покрывавшихъ ихъ жемчугомъ и драгоценныхъ камней, надѣвались на нѣжныя ноги, и богатыя золотыя пояса обвивались вокругъ талій ⁹⁸.

Туалетъ большинства женщинъ, который въ общей сложности представлялъ собою стоимость цѣлаго государства, былъ уже оконченъ, когда Богесъ вошелъ въ залу.

Многоголосый визгливый крикъ радости встрѣтилъ новоприбывшаго. Двадцать женщинъ, схватившись за руки, стали танцовать вокругъ своего улыбающагося надсмотрщика, напѣвая сочиненную въ гаремѣ безыскусственную хвалебную пѣсню его добродѣтелямъ. Въ этотъ день царь имѣлъ обыкновеніе исполнять какую-нибудь незначительную просьбу каждой изъ своихъ жонъ, поэтому, когда цѣпь танцующихъ распалась, толпа просительницъ набросилась на Богеса, чтобы, глядя его по лицу и цалуя его мясистыя руки, шепнуть ему на ухо требованія самыя многообразныя и упрямые, чтобы онъ ихъ исполнилъ.

Улыбающійся бабій деспотъ заткнулъ уши, и, шутя и смѣясь, отталкивалъ отъ себя назойливыхъ просительницъ; онъ обѣщала мидянкѣ Амیتисъ, что финиціанка Эсеиръ будетъ наказана, а финиціанкѣ Эсеири, что накажутъ мидянку Амیتисъ; обѣщала Пармисѣ болѣе драгоценный уборъ нежели тотъ, который имѣла Паризатисъ ⁹⁹, а Паризатисъ—болѣе драгоценный, чѣмъ у Пармисы, и, наконецъ, когда уже не могъ отбиться отъ просительницъ, приложилъ къ губамъ золотой свистокъ, котораго рѣзкій звукъ подѣйствовалъ магическимъ образомъ на толпу женщинъ. Поднятыя руки мгновенно опустились, топавшія ноги сдѣлались спокойны, раскрытыя губы сжались, — и шумъ замѣнился мертвою тишиною.

Та, которая не послушалась-бы звука этого свистка, равнявшагося по своему значенію предупрежденію закона или фразѣ: «именемъ царя!» навѣрное, подвергалась-бы строгому наказанію. Теперь этотъ рѣзкій звукъ подѣйствовалъ особенно поразительно. Богесъ замѣтилъ это съ самовольною улыбкою, обвелъ всю толпу благодушнымъ, выразившимъ удовольствіе взглядомъ,

и, въ цвѣтистой рѣчи, обѣщалъ поддержать передъ царемъ просьбы всѣхъ своихъ милыхъ, бѣлыхъ голубовъ и, наконецъ, приказалъ своимъ подчиненнымъ стать въ два длинные ряда.

Женщины послушались и подверглись осмотру, точно солдаты со стороны начальнива, или рабы со стороны покупателя.

Богесъ остался доволенъ нарядомъ большинства; но нѣкоторымъ онъ приказалъ прибавить лишній слой румянъ, другимъ—смягчить слишкомъ здоровый цвѣтъ лица бѣлымъ порошкомъ, выше поднять волосы, сильнѣе начернить брови, или лучше намазать губы.

Послѣ окончанія смотра, онъ вышелъ изъ залы и отправился къ Фединѣ, которая, въ качествѣ законной жены Камбиза, жила отдѣльно отъ наложницъ.

Низвергнутая фаворитка, униженная дочь Ахеменидовъ, уже давно ожидала евнуха.

Она была одѣта въ высшей степени роскошно и даже почти обременена украшениями. Съ ея маленькой женской шапочки ниспадалъ густой вуаль изъ легкой матеріи, затканной золотомъ, а вокругъ самой шапочки, была обвита синяя съ голубымъ повязка, какъ отличительный знакъ дочери Ахеменидовъ. Ея нельзя было не назвать красавицей, хотя въ ней уже замѣчалось то излишнее развитіе формъ, которому подвержены всѣ восточныя женщины, вслѣдствіе неподвижной гаремной жизни. Чуть-ли не слишкомъ обильные золотисто-бѣлокурые волосы, переплетенные серебряными цѣпочками и небольшими золотыми монетами, спускались изъ-подъ ея чалмы и плотно прилепали къ вискамъ.

Когда Богесъ вошелъ въ комнату, она съ трепетомъ бросилась ему на встрѣчу, взглянула сперва въ зеркало, а потомъ на евнуха, и спросила съ величайшимъ волненіемъ:

— Нравлюсь-ли я тебѣ? Понравлюсь-ли я ему?

Богесъ улыбнулся, какъ всегда, и отвѣчалъ:

— Мнѣ ты нравишься всегда, мой золотой павлинь, да и царю понравилась-бы навѣрное, еслибы ему пришлось увидѣть тебя такою, какою вижу я. Когда ты сейчасъ воскликнула: «понравлюсь-ли я ему», то ты была, дѣйствительно, хороша: страсть заставила твои голубые очи потемнѣть такъ сильно, что они казались столь-же черными, какъ ночь Анграмайньюса и ненависть особеннымъ образомъ раскрыла твои губы и показала мнѣ два ряда зубовъ, превосходящихъ своею бѣлизною снѣга Демавенда!

Видимо польщенная Фединя принудила себя бросить еще одинъ подобный взглядъ и воскликнула:

— Отправимся поскорѣе на пиръ, такъ какъ я говорю тебѣ, Богесъ, что мои глаза еще сильнѣе потемнѣютъ, а мои зубы сверкнуть еще ослѣпительнѣе прежняго, когда я увижу египтянку на томъ мѣстѣ, которое должно принадлежать мнѣ!

— Не долго она останется на этомъ мѣстѣ!

— Итакъ, твой планъ удался? О, говори Богесъ, не скрывай отъ меня долѣе своихъ плановъ! Я буду нѣма, какъ мертвая и помогу тебѣ...

— Я не могу и не долженъ ничего разглашать, но скажу тебѣ, для услажденія горечи предстоящаго тебѣ вечера, что все идетъ отлично, что уже вырыта пропасть, въ которую мы хотимъ низвергнуть ненавистную намъ женщину, и что я надѣюсь скоро возстановить мою золотую Федину на ея старомъ мѣстѣ, или, даже, вознести выше, если она будетъ слѣбно повиноваться мнѣ.

— Скажи, что мнѣ дѣлать? я готова на все.

— Это хорошо сказано, моя храбрая львица! Слушайся меня, и тогда все удался... Если я потребую отъ тебя чего-нибудь труднаго, то твоя награда будетъ тѣмъ значительнѣе. Не противорѣчь мнѣ, такъ какъ намъ нельзя терять ни минуты! Сейчасъ-же сними съ себя излишнее убранство и надѣнь только ту цѣпь, которую царь подарилъ тебѣ на свадьбу. Въмѣсто этихъ свѣтлыхъ одеждъ ты должна надѣть темныя и совершенно простыя. Послѣ колѣнопреклоненія передъ Кассанданомъ, матерью царя, ты смиренно поклонись египтянкѣ.

— Невозможно!

— Безъ противорѣчій! Скорѣе, скорѣе, сбрасывай съ себя всѣ наряды, прошу тебя! Вотъ такъ хорошо! Мы можемъ быть увѣрены въ успѣхъ только въ такомъ случаѣ, если ты слушаешься. Шея самой бѣлѣйшей изъ пери черна въ сравненіи съ твоею!

— Но...

— Когда настанетъ твоя очередь просить чего-нибудь у царя, то ты скажешь, что твое сердце перестало желать съ тѣхъ поръ, какъ твое солнце отвратило отъ тебя свои лучи.

— Хорошо.

— Когда твой отецъ спроситъ тебя, какъ ты поживаешь, то тебѣ слѣдуетъ заплакать.

— Я буду плакать.

— Ты тогда заплачешь такимъ образомъ, чтобы всѣ Ахемениды увидѣли тебя плачущею.

— Какое униженіе!

— Это не униженіе, а средство—тѣмъ вѣрнѣе возвыситься!

Поскорѣй сотри со своихъ щекъ яркій румянецъ и набѣди ихъ какъ можно бѣлѣе.

— Я буду имѣть нужду въ бѣлой краскѣ, чтобы скрыть румянецъ, который загорится на моихъ щекахъ. Ты требуешь отъ меня ужасныхъ вещей, Богесъ; но я послушаюсь тебя, если ты сообщишь мнѣ свой планъ...

— Служанка! принеси поскорѣй новыя темнозеленыя одежды твоей госпожи!

— Я буду походить на рабыню.

— Настоящая прелесть бываетъ привлекательна даже и въ лохмотьяхъ.

— Какъ затмить меня египтянка!

— Всѣ должны видѣть, что ты далека отъ мысли соперничать съ нею. Всѣ станутъ задавать себѣ вопросъ: «Не была-ли-бы Федима такъ-же прекрасна, еслибы нарядилась подобно этой высокомѣрной женщинѣ?»

— Но я не могу склониться передъ ней!

— Ты должна это сдѣлать!

— Ты хочешь погубить и унижить меня!

— Блнворукая и глупая женщина! Вслушай моя причины и повинуйся! Мы должны расчитывать на то, чтобы возстать Ахеменидовъ противъ нашей непріятельницы. Какъ будетъ разгнѣванъ твой дѣдъ Интафернесъ, въ какое бѣшенство придетъ твой отецъ Отанесъ, когда они увидятъ тебя во прахѣ передъ иновемкою! Оскорбленная гордость сдѣлаетъ ихъ нашими соперниками; и если они, по ихъ словамъ, слишкомъ «благородны» для того, чтобы самими предармиать что-нибудь противъ женщины, то, все-таки, въ томъ случаѣ, если я буду имѣть въ нихъ нужду, они скорѣе станутъ помогать, нежели противо-дѣйствовать мнѣ. Когда египтянка будетъ погублена, то, если ты послушаешься меня, царь вспомнитъ о твоихъ блѣдныхъ щекахъ, твоемъ смиреніи, твоемъ безкористіи. Ахемениды и даже маги станутъ просить его, чтобы онъ сдѣлалъ царицею знатную женщину изъ своего рода; а какая женщина въ Персіи можетъ похвалиться болѣе высокимъ происхожденіемъ, чѣмъ ты, и кому другому можетъ достаться пурпуръ, какъ не тебѣ, моею пестрой райскою птячкѣ, моею прекрасной розѣ Фединѣ? Не слѣдуетъ опасаться паденія съ лошади, когда жалеешь научиться верховой ѣздѣ, такъ не слѣдуетъ и отступать передъ униженіемъ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы одержать полную побѣду!

— Я буду слушаться тебя! воскликнула дочь Ахеменидовъ.

— Ну, такъ мы побѣдимъ! отвѣчала старуха. — Теперь твои

глаза снова свѣтятся настоящимъ темномъ чернотой! Такого-я люблю тебя, моя царица, такого-я долженъ увидѣть тебя Камбизъ, когда собаки и птицы станутъ насмѣяться нѣжнымъ жасомъ египтянинъ, и я въ первый разъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ, среди тины ночной, отпущу ему твои пощаты. Эй, Арморгея, прикажи жевщницамъ, чтобы онѣ были готовы и сядились въ носилки; я отправлюсь впередъ, чтобы указать имъ ихъ мѣста.

Большая зала пирушества была ослѣпительно освѣщена тысячами свѣтъ, которыхъ пламя отражалось на золотыхъ волосахъ, покрывавшихъ стѣны. Неизмѣримо длинный столъ стоялъ посреди залы, представляя сказочно-дивное зрѣлище, вслѣдствіе богатства покрывавшей его посуды, — кубковъ, тарелокъ, мисокъ, чашъ, вазъ для фруктовъ и курильницъ.

— Царь скоро явится! воскликнулъ старшій стольникъ, знатный придворный, обращаясь къ виночерпію царя, благородному родственнику Камбиза. — Наполнены-ли всѣ кружки и опорожнены-ли мѣха, присланные Поликратомъ?

— Все готово! отвѣчалъ виночерпій. — Вонъ те хіосское вино превосходить качествомъ все, что я пивалъ до сихъ поръ, и даже затмило сирійскій виноградный сокъ ¹⁰⁰. Попробуй-ка!

Съ этими словами, онъ одною рукою взялъ изящный золотой маленькій кубокъ, а другою ковшикъ, изъ того-же металла, высоко поднялъ ковшикъ и сталъ наливать благородный напитокъ длинною струею, и такъ ловко, въ небольшое отверстие кубка, что ни одна капля не пролилась. Затѣмъ, онъ взялъ сосудъ кончиками пальцевъ, и съ ловкимъ поклономъ передалъ его навривателю стола ¹⁰¹.

Этотъ послѣдній, медленно и присаживаясь накомъ, пропустилъ драгоценную влагу и воскликнулъ, передавая сосудъ виночерпію:

— Право, это благородный напитокъ, который оказывается вдвое вкуснѣе, когда его такъ мило подаютъ пьющему, какъ только умѣешь это дѣлать ты. Иностранцы правы, удивляясь персидскимъ виночерпіямъ, какъ искуснѣйшимъ въ цѣломъ мѣрѣ.

— Благодарю тебя, сказалъ виночерпій, цалуя своего друга въ лобъ, — я горжусь своею должностію, которую великій царь предоставляетъ только своимъ друзьямъ. Но мнѣ, однако, она дѣлается невыносимо-тягостною, среди этого раскаленнаго Вавилона; когда-же мы, наконецъ, отправимся въ лѣтнія резиденціи, въ Экбатану или Пасаргадъ?

— Я сегодня говорилъ объ этомъ съ царемъ. По поводу войны съ массагетами, онъ-было не хотѣлъ переѣзжать куда, а прямо изъ Вавилона отправиться въ походъ; но если, — что весьма вѣроятно, послѣ прибытія сегодняшняго посольства, — война не состоится, тогда мы, черезъ четыре дня послѣ свадьбы царя, то-есть черезъ недѣлю, отправимся въ Сузу.

— Въ Сузу? спросилъ виночерпій. Вѣдь тамъ немногимъ прохладнѣе, да и кромѣ того, вѣдь старый дворецъ Мемнона перестраивается ¹⁰².

— Сатрапъ Сузы извѣстилъ царя, что новый дворецъ уже готовъ, и превосходить блескомъ и великолѣпіемъ все прежнее. Едва услыхалъ это Камбизъ, какъ восклинулъ: «въ такомъ случаѣ мы черезъ три дня послѣ свадебнаго пира отправимся туда! Я хочу показать египетской царевнѣ, что мы, персы, столь-же свѣдуши въ архитектурѣ, какъ и ея предки. Она, какъ жительница береговъ Нила, привыкла къ знойнымъ днямъ и будетъ чувствовать себя хорошо въ прекрасной Сузѣ». Кажется, царь сильно привязался къ этой красавицѣ.

— Да. Онъ изъ за нея отшатнулся отъ всѣхъ остальныхъ женъ и скоро возведетъ ее въ санъ царицы.

— Это было бы несправедливо. Федима, какъ происходящая изъ рода Ахеменидовъ, имѣетъ болѣе давнія и законныя права.

— Это несомнѣнно, но чего желаетъ царь, то и должно быть хорошо.

— Воля властелина есть воля божества.

— Вотъ это хорошо сказано. Каждый изъ насъ, истинныхъ персовъ, долженъ радоваться, лобызая руку своего владыки, даже если-бы она была обагрена кровію нашихъ собственныхъ дѣтей.

— Камбизъ приказалъ казнить моего брата, но я не имѣю противъ него никакого неудовольствія, какъ противъ божества, лишившаго меня моихъ родителей. Эй, вы, слуги, отдерните занавѣсы: гости приближаются. Да поворачивайтесь, собаки, и глядите въ оба! Будь здоровъ Артабазосъ; намъ предстоитъ жаркая ночь!

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Главы VIII—XI.

¹⁸⁸ Это число, также какъ и ниже слѣдующая исторія—по Діодору I. 98. Платонъ разсказываетъ, что въ его время египтяне, по одному и тому же закону, дѣлали свои изображенія столь же прекрасно или отвратительно, какъ и за тысячу и болѣе лѣтъ передъ тѣмъ. Это подтверждается и памятниками, хотя, все-таки, каждая эпоха имѣла свой собственный стиль въ искусствѣ, бросающійся въ глаза знатоку. Въ древнемъ египетскомъ царствѣ формы были болѣе принужденны; при великомъ Рамсесѣ красота пропорцій достигаетъ своей высшей точки; начиная съ 20 династїи стиль ухудшается, въ 26-ю, при Псамметихахъ, мы встрѣчаемъ послѣднее возрожденіе искусства, которое, впрочемъ, не достигло древней чистоты формъ.

¹⁸⁹ Эти деревянныя статуи представляютъ самого царя. Герод. II. 182. Статуи-портреты дошли до насъ въ довольно большомъ числѣ. О раннемъ развитіи египетской скульптуры въ Египтѣ уже во времена пирамидъ свидѣтельствуетъ находящаяся въ музеѣ въ Булакѣ статуя Хефрена, великолѣпно сдѣланная изъ весьма твердаго матеріала и возбуждавшая удивленіе всѣхъ зрителей на всемірной выставкѣ въ Парижѣ (1867). Найденная въ Саккарахъ деревянная статуя такъ называемаго деревенскаго старости, въ музеѣ въ Булакѣ также относится ко времени пирамидъ и по тонкости работы и реализму въ исполненіи не имѣетъ себѣ подобныя.

¹⁹⁰ 450,000 талеровъ.

¹⁹¹ Знатное аттическое семейство Агимеонидовъ, покинувъ Аены изъ-за Пизистрата, предприняло постройку храма въ Дельфахъ. Сами дельфійцы, которые должны были собрать четвертую часть суммы, необходимой на постройку, дѣлали сборы также въ Египтѣ и, какъ говорятъ, собрали довольно значительную сумму. Герод. II, 180.

¹⁹² Herod. I, 58. Xenoph. Сугор. VII. 2.

¹⁹³ Кандавъ овладѣлъ лидійскимъ трономъ посредствомъ умерщвленія царя Гигеса; изрѣченіе оракула относится къ нему. Herod. I. 8 слѣд. 91.

¹⁹⁴ Древній аттической серебряный талантъ, по Бёку (Staatshaltung der Athener I. 25) равнялся 1800 талерамъ. Мина—25 талер., драхма—5 большихъ грошей; оболъ—1 грошъ.

¹⁹⁵ Агариста—богатая наследница, дочь Клизеена Склионскаго, на которой женился Агимеонидъ Мегаклесь. Herod. VI. 126—130. Diod. VII. 19. Phegydes, fr. 20. Мюллеръ.

¹⁹⁶ Herod. VI. 125.

¹⁹⁷ Herod. II. 180. Это мѣсто можно понять такъ, какъ будто всѣ греки въ Науратисѣ вмѣстѣ дали 20 минъ, т. е. 500 талеровъ. Но такъ какъ эта сумма для столь значительнаго города слишкомъ мала, а для каждаго отдѣльнаго гражданина слишкомъ была бы велика, то мы полагаемъ, что Геродотъ говоритъ о разныхъ общинахъ въ Науратисѣ.

²⁰⁸ См. Примѣч. 204. 250 талеровъ.

²⁰⁹ Родописъ, по свидѣтельству Геродота, послала подобный подарокъ въ Дельфы. Herod. II. 135.

²¹⁰ Египетскіе зубные врачи, должно быть, были весьма искусны. Въ челюстяхъ мумій найдены искусственные зубы. Blumenbach—Von den Zähnen der alten Aegypten und von den Mumien. Въ Göttinger Magazin 1780. I. стр. 115.

²¹¹ Athen. XII. 20. Plut. sept. sap. p. 147.

²¹² αὐτὴ τὸν κύνα». Клятва Радамантова, для небѣманія упоминенія имени боговъ. Schol. Aristoph. Aves. 520.

²¹³ Вода Нила, какъ мы убѣдились собственнымъ опытомъ, имѣетъ необыкновенно пріятный вкусъ. Одинъ путешественникъ называетъ ее шампанскимъ въ видѣ воды; дамы въ гаремѣ великаго султана выписываютъ нильскую воду въ Константинополь, а арабы говорятъ, что еслибы Магометъ выпилъ этой воды, то онъ пожелалъ бы себѣ вѣчной жизни.

²¹⁴ Стихи Θεογνισα Μεγαρσκαго; ум. за 480 л. до Р. Хр. IV. 2.

²¹⁵ Эта пѣсня заначивается слѣдующими стихами:

Сынъ мой, ты отъ жаля пчеламъ
Воль такую потерилъ,
Баково-жъ бываетъ людямъ
Отъ твоихъ жестокихъ стрѣлъ!

По Анакреону. Анаст. ed. Malhogn lб.

²¹⁶ Маріонетки и куклы для дѣтей. Уилькинсонъ, II. 427. Примѣч. 149. Въ Лейденскомъ музеѣ находится очень хорошо сохранившаяся маріонетка

²¹⁷ Сицилійскія комматныя собачки были знамениты въ древности и по видимому сибариты были первые, которые завезли ихъ у себя.

²¹⁸ Такъ называлась вѣрная собака Одиссея.

²¹⁹ Перен еще и теперь замечаютъ торжественные союзн дружба въ такъ называемомъ праздниѣ наследства. «Два персінянина, желавшіе заключить между собою союзъ дружбы, отправились къ мужѣ, завѣняють ему о своемъ намѣреніи и получаютъ отъ него торжественное благословеніе какъ братецъ нѣ или «братья». Вrigsch, Reise nach Persien. I. стр. 260.

²²⁰ Herod. I. 181 и 182, и изъ многихъ другихъ мѣстъ мы видимъ, что персы во времена Ахеменидовъ не имѣли никакихъ храмовъ и неображеній боговъ. Два начала—доброе и злое, Аурамазда и Антрамайньдъ были невѣдомыя существа, которыя накомнили все созданное безчисленнымъ количествомъ изъ добрыхъ и злыхъ духовъ. Вѣчность создала огонь и воду. Отсюда произошло Ормуздъ (Аурамазда), добрый духъ. Онъ былъ духъ свѣтозарный, чистый, преданный добру. Послѣ того, какъ онъ въ 12000 лѣтъ создалъ небо рай и звѣзды, онъ увидѣлъ злога духа Аримана (Антрамайньдуса), духа чернаго, нечистаго, зловоннаго и злаго. Ормуздъ рѣшился уничтожить Аримана. Началась великая борьба, въ которой злой духъ былъ побѣжденъ и отъ страха лежалъ въ непомощіи 8000 лѣтъ. Въ это время Ормуздъ создалъ небо, воду, землю, полезныя растенія, быка и первую пару людей въ теченіи одного года. Затѣмъ Ариманъ выступилъ снова и былъ побѣжденъ, но не умерщвленъ, такъ какъ, послѣ смерти, стихіи—огонь, вода, воздухъ и земля, изъ которыхъ состоятъ все живущее, соединяются съ первобытными стихіями и въ день возрожденія раздробленное снова соединяется вмѣстѣ. Ничто не возвращается къ небытію; все соединяется только съ своими первобытными частями. Аримана можно было бы убить только въ такомъ случаѣ, еслибы нечистота его существа была превращена въ чистоту, а его тѣла—въ свѣтъ. Такимъ образомъ, злое начало продолжало жить, и каждый разъ, какъ только добрый духъ создавалъ что-нибудь хорошее и чистое, злой создавалъ

что-нибудь злое и нечистое. Это борьба будет продолжаться до послѣдняго дня. Тогда Ариманъ сдѣлается чистымъ и свѣтымъ, потому что дивы или дѣвы (злые духи), мало-по-малу, возьмутъ въ себя все злое его существа и въ послѣдній день уже перестанутъ существовать. Именно посредствомъ наказания постигающаго каждого человѣка послѣ его смерти, дивы которые жили въ немъ и были частями Аримана, будутъ уничтожены. По Ulmai Islam у Буллерса и по Зенд-Авестѣ.

²²¹ Еще и теперь стоятъ на горахъ огнепные алтари персовъ. Эти послѣдніе могутъ молиться повсюду, гдѣ только огонь и вода находятся въблизи ихъ. Spiegel, Avesta. Введеніе. LI. Также по Геродоту, 1. 182, персы приносили жертвы на открытомъ воздухѣ.

²²² Цари имѣли обыкновеніе награждать подобными подарками подвиговъ своихъ подданныхъ. Herod. III. 130. VIII. 118. Plutarch, Artaxerxes 10. 14. Xenoph. Anab. 1. 2. Xenoph Сутор. VIII. 3. III. ч. пр. 187.

²²³ Подробности о положеніи персидскихъ царей см. во 2 части.

²²⁴ Обыкновенно же родильницамъ въ Египтѣ помогали повивальныя бабки какъ и нынѣ. Въ книгѣ Исходъ I. 15. упоминается о двухъ бабкахъ Сифра и Пуа. Кромѣ того, царицамъ при родахъ помогали, какъ въ нашихъ сказкахъ, феи, богини.

²²⁵ Обыкновенное страшное наказаніе для тяжкихъ преступниковъ. Diod. I. 78. III. 12—14.

²²⁶ Кольца съ печатами египтяне носили еще въ очень ранніе времена. Такъ въ I книгѣ Моисея, 41. 42. Фараонъ даетъ свое кольцо Іосифу. Въ берлинскомъ и во всѣхъ другихъ египетскихъ музеяхъ находится много подобныхъ колецъ, изъ коихъ нѣкоторымъ болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ. Уильямсонъ представилъ изображенія цѣлаго рода колецъ съ печатами, III. стр. 374. У Lepsius, Denkmäler X. табл. 42 мы видимъ изображеніе находки Фердини, проходящей изъ Нубіи и сохраняющейся въ берлинскомъ музей. Это сокровище, найденное въ 1830 г., уже теперь далеко, на мѣстѣ его открытія, поводъ къ легендѣ. Также на рукахъ многихъ мумій мы находимъ кольца.

²²⁷ Египетскіе цари и вельможи, повидному, были преданы благороднымъ подвигамъ охоты. Кромѣ собакъ разныхъ породъ для охоты дрессировали также и ихъ звѣрей, какъ напр. леопардовъ и львовъ. Уильямсонъ III. 16. Прекрасное изображеніе охоты за львами находится у Розеллини, Mon. stor. II табл. 129. Фараонъ убилъ льва, который, проваженный стрѣлами, надыхаетъ возлѣ него. Одинъ раненый левъ убѣгаетъ въ тростникъ. Охотничьи собаки разныхъ породъ у Уильямсона III. 32. Охота за антилопами и другими травоядными животными—тамъ же III. 22. Розеллини, Mon. siv. табл. 15—18. Охота за птицами посредствомъ сѣтей: Уильямсонъ III. 88. 89. 41. 42. Lepsius Denkm. Abth. P. Taf. 181 и 182. Венигассанскія сцены охоты: На одной изъ такъ называемыхъ свадебныхъ сарабей (18 династія) мы читаемъ, что царь убилъ 110 львовъ собственными руками.

²²⁸ Изображенія особенно прекрасныхъ коней въ богатой сбруѣ, нарисованныя мастерски, находятся на намятникахъ въ Фивахъ. См. напр. Розеллини, Mon. stor. I. Табл. 78 Lepsius, Denkm. III. 126 и слѣд. и Description de l'Égypte ant. II и III (Theben).

²²⁹ Геродотъ, П. 41, рассказываетъ, что египтяне не казвались ни съ однимъ чужеземцемъ и не ѣли съ нимъ изъ одного горшка и даже не прикасались къ мясу, разрѣзанному ножомъ какого нибудь грека. На намятникѣ Пьянки мелкіе властители Дельты не смѣли переступить порогъ Фараона, потому что они были нечисты и ѣли рыбу. Въ книгѣ Бытія говорится, что братья Іосифа ѣли отдѣльно отъ египтянъ.

²⁸⁰ Халдеи въ Вавилонѣ были первыми послѣ египтянъ астрономами. Agrostoteles de coelo 11. 12. Шаль въ Comptes rendus de l'acad. des Sciences T. XXIII. 1846 p. 852—854 утверждаетъ, что они употребляли уже астрономическія таблицы. По Геродоту, Дарій былъ хорошо расположенъ къ египтянамъ и высоко цѣнилъ ихъ мудрость.

²⁸¹ Того-же самаго оракула пожелала спросить Гликера, когда ея возлюбленный, трагикъ Менандръ, былъ призванъ въ Египетъ царемъ Птолемеемъ. Письмо ея, Alciph. II, Ep. 4, столь же умно, какъ и мило. Мнѣ приходится также на память превосходное стихотвореніе страдающей отъ любви дѣвухи и ея заливанія у Теокрыта.

²⁸² Это гаданье на цвѣтахъ, похожее на наше отрываніе листовъ авадій и маргаритокъ, было довольно обыкновенно въ древности. Pollux IX. 27. Becker, Charikles 1. 327. Еще и въ нынѣшней Элладѣ дѣвухи обращаются къ этому оракулу. Библияписъ, Новогреческая жизнь, стр. 20.

²⁸³ Такъ заставляетъ цѣть соловья Эсхиль. Фигуральное объясненіе словъ ἴτις, ἰ τω есть шутка, которую мы можемъ вложить въ уста Сафо. Первоначально издаваемый соловьемъ звукъ—итисъ имѣлъ совершенно другой смыслъ. Филомела оплакивала Итиса, мальчика, котораго она убила, чтобы отомстить его отцу: Прокна, дочь Пандіона Аѣннскаго, была жена Теревса изъ Даулиса во Фракіи. Они имѣли сына, Итиса. Однажды Теревсъ велъ къ женѣ своей сестру ея Филомелу. На пути онъ изнасиловалъ дѣвуху, отрѣзалъ ей языкъ, чтобы она не могла рассказать о случившемся и оставилъ ее въ лѣсу. Однакоже Филомелѣ удалось, посредствомъ ткани въ одеждѣ, извѣстить сестру о причиненномъ ей насиліи. Тогда Прокна убила своего собственного сына и подала его Теревсу въ видѣ кушанья. Послѣдній слишкомъ поздно замѣтилъ тѣмъ онъ насчитлся, поспѣшилъ въ погоню за бѣжавшими сестрами и, вслѣдствіе ихъ молитвы, вмѣстѣ съ ними, подвергся превращенію. По первоначальной редакціи сказанія, Прокна, превратясь въ соловья, улетѣла въ лѣса и оплакивала своего, принесеннаго въ жертву, сына Итиса; Филомела превратилась въ ласточку, которая вслѣдствіе того, что у ней отрѣзанъ былъ языкъ, могла только щелкать и кричать *теревъ*. Самъ Теревсъ превратился въ удода, который постоянно кричалъ: «поу»? гдѣ? (т.-е. гдѣ Итисъ)? Сестра, обращенная въ соловья, была наказана совершенною, а превращенная въ ласточку — половиною бессонницей. Насчетъ того, кто именно изъ нихъ былъ превращенъ въ соловья, Прокна, или Филомела, существуютъ въ разныхъ мѣстахъ разные свидѣтельства. Овидій, передающій это сказаніе въ наиболее изящной формѣ, *Metamorph. VI. 425.* и слѣд. оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ. Впрочемъ въ его *Amoges. II. 6. 7—10* Филомела превратилась въ соловья, въ какомъ видѣ это сказаніе вообще было принято и въ послѣдствіи.

²⁸⁴ Между тѣмъ какъ спартапцы заключали бракъ по влеченію своего сердца, въ Аѣннахъ онъ устроивался посредствомъ переговоровъ съ родителями невѣсты. Это было причиною или слѣдствіемъ уединенной жизни аттическихъ дѣвухъ.

²⁸⁵ Дядь Сафо, Хараксъ, братъ поэтессы Сафо, былъ, въ качествѣ лесбійца, соміецъ.

²⁸⁶ Herod. I. 185. II въ этомъ видно сходство персовъ съ германскою націей. Они и теперь, какъ во времена Геродота, жадны до всего чужеземнаго.

²⁸⁷ Diod. I. 81.

²⁸⁸ Парская книга Фирдуси. Сыновья Феридуна.

²⁸⁹ Свадебные вѣнки у эллиновъ обыкновенно состояли изъ фіалокъ и миртовъ. Относительно свадебныхъ обрядовъ см. примѣч. къ 3-му тому.

²⁹⁰ Пѣснь, въ тактъ которой гребли греческіе матросы. Ритмъ келейсмы былъ обыкновенно задаваемъ флейтистомъ, травалесомъ. Эсхиль: Персы

403. Laërt. Diog. IV. 22. Беккеръ, Charikles I. стр. 213. Въ «Лягушкахъ» Аристофана эти обитатели болотъ поютъ келейску 205.

²⁴¹ См. эпиграмму Калимаха 45. у Атеней XV. р. 669.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Главы I—V.

¹ Такъ-называемая «царская дорога», о которой мы скажемъ еще многое впоследствии, была устроена еще Киромъ и поддерживаема Даріемъ съ особенною заботливостію.

² Азіатскій дорожный экипажъ, который впервые встрѣчается въ Анабазисѣ Ксенофонта, гдѣ повѣствуется о ѣдущей въ такомъ экипажѣ царкѣ. Римляне усвоили себѣ гармамаксу и употребили ее во время путешествій.

³ Родъ плода, который особенно хорошо произрасталъ въ мѣстности около Вавилона и изъ котораго выжимали масло.

⁴ Герод. I. 198. Открытое Лайярдомъ орошеніе полей. Нин. и Вав. стр. 215. Барельефы, изображающіе хорошо орошаемую и обработанную мѣстность. I. 1. Стр. 283.

⁵ Значительный торговый городъ на Евфратѣ. Основной пунктъ землемѣрныхъ работъ Эратосеена.

⁶ Нефть, и въ настоящее время въ большомъ количествѣ встрѣчающаяся въ окрестностяхъ Вавилона, употреблялась вавилонянами, по свидѣтельству всѣхъ новыхъ и старыхъ изслѣдователей, въ качествѣ связующаго матеріала. Кромѣ древнихъ см. У. Фоуксъ, *Niniveh and Persopolis. An historical sketch of Assyria and Persia* стр. 186. Лайярдъ I. 262.

⁷ Подробности объ этомъ несчастномъ классѣ людей, обязанномъ своимъ происхожденіемъ болѣе ревности жителей Востока и ихъ желанію имѣть законныхъ потомковъ чистой крови, нежели желанію Семирамиды окружить себя только такими мужчинами, которые, подобно ей, не имѣли-бы бороды и обладали-бы тонкимъ голосомъ, см. у Эберса: Египетъ и книги Моисей стр. 296 и слѣд.

⁸ Почти на всѣхъ египетскихъ картинахъ, изображающихъ дочерей фараоновъ, послѣднія представлены съ волосами, заплетенными такимъ образомъ, что косы падаютъ со лба до шеи. Розеллини, *Mon. Stor.* II. 123. Lepsius, *Denkm.* Такъ, напр., дочь Рамзеса II и многія другія изображенія.

⁹ Herod. V. 14, 49—52. Xenoph. Cyrop. VIII, 6. 9. Plutarch, *Artaxerxes*, 25. Камни, коими обозначались персидскія мины, встрѣчаются еще въ настоящее время на остаткахъ царской дороги, соединявшей Ниневію съ Экбатаномъ. Курды называютъ ихъ теперь Keli-Shin (голубые столбы), В. Фоуксъ, *Nin. and Persopolis* стр. 330.

¹⁰ По книгѣ Эсэиръ 2. 12, 15 существовалъ одинъ начальникъ евнуховъ для жонъ, а другой—для наложницъ царя. А у насъ Богесъ, жившій гораздо раньше, при Камбизѣ, соединяетъ обѣ должности въ своемъ лицѣ.

¹¹ Семь, «безсмертное» число не имѣетъ до десяти никакого фактора. Zeller, *Geschichte d. Philos. d. Griechen* стр. 232 и 298.

¹² Діодоръ рассказываетъ, I. 49, что въ гробницѣ Озимандіаса (во дворцѣ Рамзеса въ Фивахъ) лежалъ кругъ, длиною въ 865 локтей и толщиною въ локоть, представлявшій собою полный астрономическій календарь. Находящійся въ Парижѣ зодіакъ изъ Дендеры, — астрономическая картина для потолка, — считавшійся въ то время, когда она была открыта, произведе-

нѣмъ глубокой древности, на дѣлѣ совсѣмъ не такъ древнѣе, такъ какъ относится въ концу владычества Птолемеевъ. Летроу первый отъбилъ его по достоинству. См. Lepsiusъ. Хронол. стр. 63 и Lauth. Les Zodiaques de Denderah. München 1865.

¹³ Laris Lazuli былъ драгоцѣнный камень, весьма любимый древними египтянами, который умѣли весьма искусно поддѣлывать изъ стекла. Тоже самое можно сказать и относительно изумруда.

¹⁴ По Геродоту, I. 94, эти золотые статеры были первою чеканенною монетою. Впрочемъ, у ассирійцевъ, по изысканіямъ Бѣка и Брандиса уже гораздо раньше была опредѣленная норма мѣръ и вѣсовъ. Персидскіе дарейки чеканились впервые, вѣроятно, во времена Дарія, хотя, по свидѣтельству Суздаса, обязаны своимъ названіемъ преемнику Дарію. Оно также можетъ происходить отъ слова «Zaga», т. е. золото. Стоимость дарейки простиралась до восьми талеровъ слишкомъ. Бѣкъ, Метрологія. Стр. 46. 51. 129 и слѣд. Дункеръ, Исторія Древности. II, стр. 642. Новѣйшими и наилучшими изысканіями относительно стоимости восточныхъ мѣръ всякаго рода мы обязаны Брандису.

¹⁵ По изображеніямъ въ Assyria T. Госсѣ стр. 288 и Лайярда Niniv. and Babyl. Стр. 178, 340, 450.

¹⁶ Курційсъ III, 8. Xenoph. Сутор. VIII, 3. 7. Эскиль, Персы, 835 и 836. По свидѣтельству Плутарха, одежда и нарядъ царя Артаксеркса должны были стоить 24,000 талантовъ, т. е. 15 милліоновъ талеровъ.

¹⁷ См. ч. I.

¹⁸ Фемистокль, по словамъ Діодора, также ввучился персидскому языку на пути въ Сузу. Поэтому, мы не приписываемъ Никетису ничего необыкновеннаго.

¹⁹ Эти свѣдѣнія заимствованы частію у Геродота, частію у Діодора, Страбона и Арріана. По словамъ Лайярда I. 1, Госсѣ—Assyria, Раттера—Землеуѣдѣніе, XI, стр. 900 и другихъ, развалины этого громаднаго города позволяютъ судить о его громадномъ протяженіи во времена процвѣтанія. Aristot., polit. III. I, говоритъ, что Вавилонъ имѣетъ объемъ никакъ не города, а цѣлаго народа.

²⁰ J. Вомон, Niniveh and its Palaces, фиг. 33, и у Лайярда на многихъ гравюрахъ. Оригиналы и слѣпки съ произведеній древняго ассирійскаго искусства находятся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, въ парижскомъ Луврѣ и (въ особенности слѣпки) въ Новомъ музеѣ въ Берлинѣ. Ассирійскіе сфинксы, вѣроятно, должны были служить олицетвореніемъ божественнаго всемогущества, такъ какъ они соединяли въ себѣ силу въ тѣлѣ быка, выструг мудрость въ человѣческой головѣ и величайшую быстроту въ крыльяхъ орла.

²¹ Herod. I, 195. У пророка Іезекіиля 23, 15. Этотъ костюмъ совершенно соответствуетъ изображеніямъ ассирійцевъ, встрѣчающимся на египетскихъ памятникахъ между изображеніями другихъ народовъ. Печатано у Розеллини красками. Mon. stor. del'Egitto II, табл. 157 и 158, такъ-же, какъ и въ памятникахъ Лепсіуса. При знаменитомъ перечнѣ походовъ Тутмеса III (у Лепсіуса), упоминается объ Ассури и Бабелѣ, вѣроятно, объ Ассири и Вавилонѣ. Тамъ говорится: «Въ 40-мъ году царь Ассури (Ассири?) прислалъ въ дань большой камень лаписъ лазули, вѣсннннй 20 минъ и 9 ассовъ, прекрасный лаписъ лазули изъ Бебея (Вавилон?), подставки для вазъ изъ Ассури и проч.

²² Herod. I, 180.

²³ Объ этомъ храмѣ Ваала, который многіе считаютъ «башнею вавилонскою», упоминаемаго въ I книгѣ Моисея гл. II говорится у Геродота I. 181, 182, 183; у Діодора II. 8 и 9 (Ктезіасъ); Страбона 738 и у многихъ другихъ древнихъ писателей. Нынѣшніе жители той мѣстности называютъ эти развалины Вирсъ Намрудъ, т. е. замкомъ Намрода. Въ текстѣ мы дали приблизи-

тельное описание строения, на сколько могли воссоздать его по гѣмъ мѣстамъ у классиковъ, гдѣ о немъ упоминается. Первый этажъ, который стоитъ еще доннѣ, окруженный развалинами, имѣетъ 260 футовъ высоты. Говорятъ, будто очень легко узнать стѣны, окружавшія храмъ, и что онѣ имѣли 4,000' въ длину и 8,000' въ ширину. Ritter: Erdkunde XI. 877 и слѣд. Лайрхъ, стр. 494—499. Rich. collected memoirs. First memoir. p. 87. Въ эпоху нашего разсказа, эта гигантская постройка, вѣроятно, красовалась въ полномъ блескѣ, такъ какъ мы знаемъ, что Навуходоносоръ построилъ его на великолѣпнѣйшимъ образомъ. Это свидѣніе изъ Josephus Antiq. X. II, 1. подтверждается надписью, переведенною Роулинсономъ. Journal of the roy. As. society XII. 2, p. 476. Фундаментъ храма Ваала, повидимому, имѣлъ форму четырехугольника.

²⁴ Это зданіе, повидимому, тоже было встроено Навуходоносоромъ; по крайней мѣрѣ, на кирпичахъ, найденныхъ въ развалинахъ около Гиллѣ, значится имя этого великаго царя. Также многіе осколки покрытыхъ глазурью рельефовъ находятся тамъ и въ настоящее время.

²⁵ См. I ч. Груда развалинъ, носившая теперь название el Kasr, т. е. дворецъ, простирается на 2,400' въ длину и 1,800' въ ширину на берегу Евфрата. «На сѣверной сторонѣ этого искусственнаго холма, на одномъ изъ высочайшихъ пунктовъ видѣется теперь одинокій тамарискъ, очень старое и объемистое дерево; арабы расказываютъ, что это есть единственное дерево, уцѣлѣвшее отъ висчяихъ садовъ Семирамиды» Дункеръ, Исторія Древности I, стр. 572. Дюдоръ, II. 10, говоритъ, что висчяіе сады имѣли сходство со ступенями театра. Лайрхъ нашелъ на плитѣ барельефы съ изображеніемъ сада, висѣвшаго на колоннахъ. Niniy. and. Babyl. стр. 238. Таблица XI. В. перевода Ценкера.

²⁶ Персіанкамъ надѣвали серьги, когда онѣ дѣлались совершеннолѣтними, т. е. способными выйти замужъ, на пятнадцатомъ году. Vendid. Fargard. XIV. 66. Впрочемъ, какъ дѣвухекъ, такъ и мальчиковъ на пятнадцатомъ году опоясывали священнымъ шнуромъ кисти, или, kosti. Его можно было развязывать только ночью. Приготовленіе этихъ шнуровъ соединено и у нынѣшнихъ персіанъ съ большими формальностями. Шнурокъ долженъ состоять изъ 72 нитокъ. Черная шерсть при этомъ не употребляется. Шпигель, Avesta II. Введеніе XXIII.

²⁷ Богъ солнца и свѣта у персовъ.

²⁸ Это замѣчаніе встрѣчается у Сенеки, de ira и у Платона, legg. 691 и 695. Herod. VII. 83. 187. Xenoph. Cyrop. VIII. 10.

²⁹ «Очи и уши царскія» могутъ быть сравнены съ нашими министрами молціи. Можетъ быть, что Дарій пользовался этимъ титуломъ у египтянъ, на памятникахъ которыхъ уже въ раннія времена встрѣчается титулъ: «два глаза царя Верхняго Египта», «двое ушей царя Нижняго Египта». Впрочемъ, мальчикъ Киръ, Герод. II. 114, называетъ одного изъ своихъ товарищей въ играхъ ὀφθαλμῶν βασιλεὺς, т. е. царскимъ окомъ. См. примѣчаніе въ Гезихіусу (изд. Шмидта) подъ словомъ ὀφθαλμός. Герод. I. 100, говоритъ, что система владычества шіонства началась у мидянъ еще со временъ Деіоцеса. Въ его время страна была переполнена сыщими и подслушвателями. О другихъ придворныхъ чинахъ упоминается у различныхъ древнихъ писателей и они перечисляются у Дункера, Исторія Древности I, стр. 606 и 614.

³⁰ Herod. I. 188, говоритъ, что персы думали, будто греки должны голодать, такъ какъ у нихъ по окончаніи трапезы не подается ничего особен-

наго. Изъ новѣйшихъ описаній путешествій, въ особенности Бругша, Путешествіе въ Персію, мы заключаемъ, что иранцы еще и въ настоящее время ѣдят много сладостей. И. фонъ-Гаммеръ представляетъ отрывки изъ сочиненій одного поэта, Абнъ Исгала, который воспѣвалъ только одни лакомства.

³³ По книгѣ Эсеиръ 2, 12—14, этотъ учебный годъ посвящался на изученіе женщинами употребленія мазей, спецій и духовъ. Но намъ кажется, что подобный срокъ слишкомъ продолжителенъ для изученія подобныхъ искусствъ. Почему-бы не употребить этого времени для ознакомленія чужестранокъ съ требованіями, возлагаемыми на нихъ закономъ Зороастра? Въ оправданіе этой догадки, мы приведемъ буквально въ переводѣ Шпигеля относящиеся сюда мѣсто изъ *Vendidad Farg.* XVIII, 123 и 124:

«Кто причиняетъ тебѣ, Агура-Мазда, величайшую мечь, кто наноситъ тебѣ величайшую рану?

На это Агура-Мазда отвѣчаетъ:

«Тотъ, кто смѣшиваетъ сѣмя благочестивыхъ и нечестивыхъ, читателей девовъ и тѣхъ, которые не чтутъ девовъ, грѣшныхъ и безгрѣшныхъ; и тѣ, которые смѣшиваются съ девопоклонниками, должны быть умерщвлены, какъ ядовитыя змѣи». *Vend.* XVIII. 123. Хотя прозелитизмъ вѣроатно, былъ чуждъ маздаиснасамъ, такъ какъ они считали особымъ отличіемъ родиться въ этой вѣрѣ, но эта привилегія, была распространена и на иностранцевъ. Мало того, во времена Сассанидовъ иновѣрцы подвергались даже жестокому преслѣдованію.

³⁴ Зороастръ, точнѣе — Заратустра или Зеретостро былъ однимъ изъ величайшихъ основателей религіи и законодателей. По Anquetil du Perron, имя его значитъ «золотая звѣзда»; но это объясненіе столько-же ненадежно, какъ и многія другія попытки объяснить значеніе упомянутого слова. Намъ кажется весьма подходящимъ объясненіе, данное въ статьѣ Керна, производящаго имя Зороастра отъ *Zaga*—золотой «*athwistra*» блистающій, такъ что оно значитъ блистающій золотомъ, χρυσοφάνης. Неизвѣстно, гдѣ онъ родился: въ Вактріи, Мидіи, или Персіи. По Анкетилу, онъ родился въ Урми, городѣ Адербеджанской провинціи. Его отецъ назывался Порошаспъ, его мать—Догдо; родъ его хвалился своимъ происхожденіемъ отъ царей. Время его рожденія, по выраженію Шпигеля, «безнадежно» темно. Анкетиль и многіе другіе ученые относятъ жизнь его ко времени Дарія, но это мнѣніе несправедливо, какъ доказали Шпигель, Дункеръ и фонъ-Шахъ въ своемъ введеніи къ переводу сочиненій Фирдуси. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ разрѣшеніе этого труднаго вопроса; однако-же, мы можемъ увѣрить читателя, что ученіе Зороастра было уже въ силѣ въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ. Относительно этого основателя религіи, извѣстія такъ сбивчивы, что недавно одинъ ученый голландецъ, профессоръ Кернъ, сдѣлалъ попытку отвергнуть существованіе Зороастра, какъ личности, и помѣстить его въ области мифовъ. Его статья, написанная съ большимъ умомъ и большими познаніями, находится въ *Verlagen en midedeelingen der k. acad. v. vetenschappen. Afdeeling Letterkunde. Amsterdam 1867 г.*, стр. 182 и слѣд. Противоположный взглядъ высказываетъ Юсти въ своемъ руководствѣ къ изученію языка Зенды. Авеста вполнѣ написана была уже послѣ, около временъ Артаксеркса. Она состояла изъ 21 нѣсковъ. или частей. До насъ дошла вполнѣ только 20 часть, «*Vendidad*».

³⁵ Персидскіе сады славились во всея древнемъ мірѣ, и, какъ кажется, устраивались гораздо свободнѣе и непринужденнѣе, нежели сады у египтянъ. Даже цари не считали ниже своего достоинства заниматься садоводствомъ, и знатнѣйшіе изъ Ахеменидовъ съ любовью занимались разведеніемъ пре-

красныхъ парковъ, называвшихся на персидскомъ языкѣ раемъ. Герод. V. 14. 49—52. Хероф. Сугор. VIII, 6. 9. Эконом. 4. Діодоръ XVI. 41. Плутархъ. Алкивиадъ 24. Ихъ предпочтеніе къ стройнымъ растеніямъ заходило такъ далеко, что Ксерксъ покрылъ золотыми украшеніями особенно прекрасное дерево, встрѣченное имъ на пути въ Грецію. Фирдуси, величайшій персидскій эпикъ, не умѣетъ придумать для человѣческой красоты бѣдшей похвалы, какъ прилагательное «кипарисо-подобный ростъ». Нѣкоторымъ деревьямъ воздавались даже божескія почести у иранцевъ. Священныя деревья встрѣчаются въ ихъ раю, подобно тому, какъ у евреевъ «дерево жизни».

³⁶ Въ особенности по Хероф. Сугор. VIII, 8. 7. Анабазисъ. I. 9.

³⁷ Лѣтнія резиденціи персидскихъ царей, въ которыхъ иногда бываетъ значительно-холодно. Экбатана находится у подошвы высокой горы Эльбурса (Оронта) въ странѣ нынѣшняго Гамадана; Пасаргаде неподалеку отъ Рахмета, въ возвышенной мѣстности Ирана.

³⁸ См. къ I ч. примѣч.

³⁹ Лаписъ лазули и малахитъ съ дѣвняго времени упоминаются между предметами дани, платимой фараонамъ азіатскими народами.

⁴⁰ Это великолѣпное убранство комнаты матери персидскаго царя никакъ не слѣдуетъ считать преувеличеннымъ. Подробности заимствованы въ Персахъ Эскила, въ Киропедіи и Анабазисѣ Ксенофонта, у Арріана, Курціуса, Страбона и другихъ. Кружевная ткань, надѣтая на Кассанданѣ, названа египетскою потому, что въ то время, когда происходитъ эта исторія, не ткали нигдѣ такъ тонко, какъ на берегахъ Нила. Классики утверждаютъ, что памятники служатъ подтвержденіемъ этого факта. Къ тому-же, сэръ Гарднеръ Уилькинсонъ обладаетъ весьма тонкимъ образцомъ древне-египетской ткани.

⁴¹ По Дункеру, Исторія Древности стр. 231—233. Какъ уже доказано, амазонки окончательно принадлежатъ къ области фантазіи. Удивительно, что и у китайцевъ встрѣтилось подражаніе сказанію объ амазонкахъ. Этнографическій музей въ Іенѣ, директоромъ котораго я былъ, обладаетъ весьма интересною китайскою картиною, изображающею войну амазонокъ.

⁴² Въ этихъ словахъ нельзя найти анахронизма. Слѣдуетъ только вспомнить прекрасное мѣсто въ Цицероновомъ *De natura deorum*, гдѣ Аристотель выражаетъ тѣ-же самыя чувствованія.

⁴³ Мимнермосъ. *Fragm. ed. Bergk.* 6 Solon. *Fragm.* тамъ-же стр. 20.

⁴⁴ Въ книгѣ мертвыхъ (почти въ каждомъ папирусѣ упоминается о нихъ) мы видимъ изображеніе души, которой сердце взвѣшивается и получаетъ свой приговоръ. Рѣчь, которую она держитъ, можетъ быть названа отрицательнымъ оправданіемъ. Въ этой рѣчи, она передъ 42 судьями мертвыхъ увѣряетъ, что она не совершила 42 смертныхъ грѣховъ, которыя она исчисляетъ по одиночкѣ. Эта оправдательная рѣчь вдвойнѣ интересна въ томъ отношеніи, что въ ней мы находимъ весь нравственный Моисеевъ законъ, который, совершенно независимо отъ національныхъ особенностей и возрѣній, повидимому, составляетъ сущность общечеловѣческой морали и внесенъ уже, въ видѣ отдѣльныхъ статей, въ упомянутое отрицательное оправданіе. Книга мертвыхъ *ed. Lepsius*, 125. Мы не можемъ вдаваться здѣсь ни въ какія философскія разсужденія; но за насъ говоритъ заповѣдь Писагора (заимствовавшаго столь многое у египтянъ), подобнаго-же содержанія и изложенія почти въ той-же самой формѣ, какъ и египетская.

⁴⁵ Начиная съ того времени, когда дитя персіанки носить поясъ, «кости», оно должно прискаты себѣ покровителя между язатами и духовнаго совѣтника между дестурами (жрецами). Какъ отецъ и мать суть тѣлесные родители ребенка, такъ этотъ духовный совѣтникъ есть духовный отецъ. Spiegel, *Avesta*. II. Einl. XXII.

⁴⁰ Анахита или *Argdī sūra* называется богиня источниковъ, которая также не безъ основанія была уподоблена греческой Афродитѣ. Изъ источника Анахиты вытекаютъ всѣ воды и онъ обладалъ неистощимою силой очищенія. *Vendidad. VII. 37—40.* Высказываемое нашимъ голландскимъ переводчикомъ предположеніе, что Анахита есть, первоначально, семитическое божество, которое въ послѣдствіи слыхомъ съ персидскимъ водяннымъ гениемъ женскаго пола, имѣетъ на своей сторонѣ много вѣроятности и было также и нами высказано въ другомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, слѣды поклоненія ей можно въ первый разъ отыскать во времена Артаксеркса Мнемона. За первое мнѣніе самымъ энергическимъ образомъ ратуетъ знаменитый ревнитель восточной нумизматики Стиггелъ: *De Dianae pers. monum. gr.*, за второе — Виндшманъ: *Персидская Анахита.* По позднѣйшему преданію, Зороастръ ввѣрилъ ей сѣмя, изъ котораго должны были вырасти его потомки передъ послѣднимъ судомъ, *Anquetil. Zend-Avesta. II. p. 43.*

⁴¹ Знаменитый вольнодумецъ, который, имѣя смѣлныя и самостоятельныя убѣжденія, подвергался сильнымъ порицаніямъ и преслѣдованіямъ, вслѣдствіе своихъ насмѣшекъ надъ гомеровскимъ сонмомъ боговъ. Онъ былъ въ полной силѣ уже въ то время, когда происходитъ нашъ рассказъ, но дожилъ до такой глубокой старости, что умеръ уже въ началѣ пятаго столѣтія. Отрывки изъ его сочиненій приведены нами выше. Онъ высказывалъ свои умозрѣнія еще въ формѣ стиховъ.

⁴² Тѣ, кому извѣстны изрѣченія Ксенофана, относящіяся, приблизительно, къ тому-же времени, врядъ-ли сочтутъ эту рѣчь анахронизмомъ.

⁴³ Въ Персіи, игра въ шары еще и по настоящее время считается развлеченіемъ мужчинъ. Игроки бьютъ другъ къ другу деревянные шары, какъ у англичанъ при игрѣ въ крокетъ и въ голландской игрѣ *castiespel.* *Charadin (Voyage en Perse III, стр. 286)* видѣлъ, какъ эта игра происходила между 300 участвующихъ. Дальнѣйшія подробности у Гиде: *De ludis orientaliū.*

⁴⁴ *Pāgn. 15.*

⁴⁵ Имя святой Амбресъ, повидимому, произошло отъ искаженія начальныхъ словъ книги мертвыхъ. Горapolloвъ, I. 53 изд. Лесманса, упоминаетъ о «книгѣ болѣзней», между тѣмъ какъ Мането у Африкана и Евсевія рассказываетъ о преeminнѣй первомъ египетскаго царя Менеса, (по свидѣтельству хронографовъ и по памятникамъ онъ единогласно такъ называется) Атотесъ, что онъ писалъ книги по анатоміи. Такъ какъ вообще ученые, а въ особенности медицинскіи, книги считаются происходящими отъ бога Тотъ, то весьма легко могло случиться, что вслѣдствіе сходства именъ, дарю было приписано то, что относилось къ богу. Между священными рукописями египтянъ, какъ говорить, находилось шесть медицинскіихъ. *Clemens Alex. Strom. ed. Potter p. 757 (VI. 4). Jamblichus. De Myst. Aeg. VIII 4.* См. также часть III пр. 115.

⁴⁶ Сатрапами назывались губернаторы отдѣльныхъ провинцій, которые были почти неограниченными правителями въ качествѣ царскихъ намѣстниковъ. Отъ нашего перваго, заимствованнаго изъ Малькольма (*Perisia, I. 41*) объясненія этого названія отъ *chattra*, солнечный зонтикъ и *pati*, господинъ, т. е. господинъ зонтика, мы охотно отказываемся въ пользу объясненія Тилъ, производящаго слово сатрапъ отъ *Khschatra*—господство и *raṇap*—покровитель. Правда, памятники показываютъ намъ египетскихъ вельможъ, которые съ достоинствомъ выполняютъ обязанность ношенія зонтика за царемъ. (см. Нибура, Тексье, Лайларда и др.) но на бактрійскомъ языкѣ и въ Зендавестѣ они называются «*Shōitrapaita*» (господинъ дома) и «*Shōitrapan*» (покровитель дома). Голландскій переводчикъ этого примѣчанія Д-ръ Рогге высказывается въ пользу этого послѣдняго мнѣнія. Мы замѣтимъ только, что въ

древне-персидскомъ языкѣ слово «покрывать» употребляется, въ приложеніи къ одинаковому образу, вмѣсто слова «защищать». Въ одномъ египетскомъ текстѣ подводонецъ Птоломей (Лаги) названъ Chschtra-рап'омъ.

⁵³ Хотя халдеи, не сообщившимъ Аристотелю свѣдѣніямъ, умѣли дѣлать астрономическія вычисленія, еще въ 1903 г. до Александра, слѣдовательно, за 2284 г. до Р. X. (Simplicius comm. in Arist. de coelo. l. II. Lersius, Chronologie S. 9), однакоже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что египетская астрономія еще древнѣе халдейской. Діодоръ, I. 81, рассказываетъ даже, что по увѣренію египетскихъ жрецовъ, халдеи въ Вавилонѣ были египетскіе поселенцы и своею славою въ качествѣ астрономовъ были обязаны ученію египетскихъ жрецовъ. Последнее увѣреніе, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю правды: не скорѣе египтяне пришли изъ западной Азіи, чѣмъ халдеи изъ Египта.

⁵⁴ Эти имена, называемыя Геродотомъ, частію находятся, хотя съ нѣсколькими формами, въ надписи Бегистана или Визатунъ. IV. XVIII стр. 37. Раулинсонъ. Journ. of the Asiatic soc. X p. 12.

⁵⁵ День рожденія царя былъ величайшимъ празднествомъ у персовъ и назывался «совершеннымъ». Herod. I. 133. Вообще дни рожденія, въ особенности царей, въ древности праздновались съ великимъ торжествомъ. Имѣются у насъ большія египетскія намятники на двухъ языкахъ (Таблица Розетты строка 10 иероглифическаго текста, гр. текстъ строка 46 и декретъ Канопа, изд. Делсіуса иероглиф. текстъ строка 3, греч. текстъ строка 5) упоминають о празднествѣ дня рожденія одного изъ египетскихъ царей Птоломеевской династіи. Но уже и относительно Рамзеса II (14 столѣтіе до Р. X.) мы въ одномъ мѣстѣ читаемъ. *pehem em ret, hegu em shese—t—f*, т. е. радость была на небѣ въ день его рожденія. Памятникъ изъ Кубана, строка 3. Друманъ, въ своемъ комментаріи къ греческому тексту таблицы Розетты, приводитъ много мѣстъ, относящихся ко дню рожденія царей. См. Эберса Египетъ, I. стр. 334.

⁵⁶ Мы, напр., читаемъ въ книгѣ царя у Фердуса, что родъ Феридуна былъ поддержанъ благодаря рабниѣ. Такимъ-же образомъ Салъ, отецъ Рустема, женился на иворемлѣ, въ которую оцъ влюбился. Были-ли герои персидскаго эпоса личностями чисто мифическими (что впрочемъ вѣроятно) или же нѣтъ, но это ни въ какомъ случаѣ не было несмысленною вещью, чтобы владѣтельное лицо женилось на рабниѣ.

⁵⁷ Этими четырехугольнымъ кускомъ матеріи, шириною отъ 2—7 дюймовъ, всѣ персы должны были прикрывать ротъ во время молитвы. Анкетиль въ своей Зендъ-Авестѣ приложилъ его рисунокъ. Страбонъ упоминаетъ о *Paiti—dâna* стр. 733. По его свидѣтельству конецъ платка свѣшивался съ головы и прикрывалъ губы.

⁵⁸ Herod. I. 132. Strabo. 733. Весь жертвенный свариадъ нынѣшнихъ персовъ описанъ и изображенъ у Анкетили.

⁵⁹ Жрецовъ.

⁶⁰ Гаома или сома есть названіе растенія, котораго сокъ, по вѣрованію персовъ, служилъ пищею для боговъ и при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ вливался въ огонь. Наконецъ гаома превратился въ бога. Подробности о культѣ Соми у Арийцевъ см. у Виндишмана въ трактатѣ ксролевск. Баварск. Академіи наукъ IV. 2.

⁶¹ Эту прекрасную молитву Персы должны, по настоящему, проговорить вставая отъ сна. Анкетиль, Зендъ-Авеста. II 564 и слѣд.

⁶² Въ позднѣйшія времена уже и цари персидскіе заставляли поклоняться своей особѣ почти какъ божеству.

⁶³ Эту процессію мы описали по рельефамъ, знакомству съ которыми мы обязаны преимущественно Лайардовымъ раскопкамъ и обелиску изъ Нингуды (Nineviah), находящемуся въ отлитыхъ снимкахъ во многихъ европейскихъ музеяхъ; то-же можно сказать и про Менгсовы копіи въ Дрезденѣ.

⁶⁴ Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, персидскіе цари облагали свое государство совершенно произвольными налогами. Только премирникъ Камбиза, Дарій, ввелъ правильную систему налоговъ, вслѣдствіе чего и получилъ прозвище «торгаша». Даже еще въ позднѣйшее время, отдѣльные округа были обязаны доставлять ко двору нѣкоторыя вещи натурою. Герод. I. 192. Ксеноф. Анаб. IV. 5.

⁶⁵ Herod. VII, 40, 41, 54, 55. Xenoph. Cyrop. VIII. 8. Curtius. III. 3.

⁶⁶ Феруэръ или ферверъ, есть духовная часть человѣка, его душа, соединенная со способностью составлять завлученія. Феруэръ существовалъ задолго до рожденія человѣка, соединялся съ нимъ, какъ только онъ появился на свѣтъ и оставлялъ тѣло немедленно послѣ смерти. Ферверъ борется противъ дивовъ (злыхъ духовъ) и есть причина сохраненія нашей жизни. Какъ только онъ оставляетъ насъ, то тѣло должно разлагаться. Послѣ смерти онъ, въ награду за сотворенное имъ добро, дѣлается безсмертнымъ, а въ противномъ случаѣ, низвергается въ адъ. Слѣдуетъ обращаться къ ферверу и, принося жертвы, молить его о помощи. Онъ-же возноситъ молитву къ богу, вслѣдствіе чего и изображается въ видѣ крылатата диска: Ulmai Islam въ отрывкахъ Фуллера о религій Зороастра. Мы охотно указываемъ здѣсь относительно Фраваша (въ Farvadin yasht) на соч. Тиле—De Godsdienst van Zarathustra.

⁶⁷ Эти «безсмертные», были обязаны своимъ почетнымъ прозвищемъ тому обстоятельству, что, какъ только былъ убитъ или умиралъ кто-либо изъ нихъ, то немедленно являлся новый взамѣнъ его, и поэтому, ихъ число никогда не уменьшалось, а всегда оставались тѣ-же 10,000 человѣкъ. Говорятъ, будто-бы, эта гвардія была учреждена еще Киромъ. Herod. VII. 40. 41. 84. Xenoph. Cyrop. VII. I. VIII. 1. 2. 3. Curtius, III. 3.

⁶⁸ Эвальдъ, Древности израильскаго народа. (Прибавленіе къ Исторіи іуд. народа). Стр. 289. 305 и 383. Weisz, Kostümkunde, стр. 344. Winer, Realwörterbuch, 8. Изд. Kitto, The tabernacle and furniture, pl. III.

⁶⁹ Уримъ и Тумимъ.

⁷⁰ Мы безъ колебанія вводимъ въ нашъ рассказъ одного изъ оставшихся въ Вавилонѣ знатныхъ и богатыхъ іудеевъ; должно также замѣтить, что существованіе упомянаемаго, собственноручнаго документа Кира, на основаніи котораго, въ послѣдствіи, Дарій разрѣшилъ постройку храма, исторически доказано. Эздра 6, 2—12. Захарія 1—8. Во времена, къ которому относится нашъ рассказъ, Иисусъ былъ верховнымъ жрецомъ. Bunsen. Bibelwerk, ст. CCCXXIV.

⁷¹ Мы удержали имя Месаха и Аве Наго, такъ какъ не могли прискаты болѣе подходящихъ именъ для знатныхъ израильтянъ, проживавшихъ въ Вавилонѣ, кромѣ тѣхъ, которыя книга Даниила даетъ спутникамъ благочестиваго юноши.

⁷² Тацитъ, Histor. V. 2—5 выражается о еврейской религій еще болѣе рѣзкимъ образомъ, и даже съ ядовитомъ горечью, въ особенности вслѣдствіе нетерпимости іудеевъ.

⁷³ Герод. I. 215. Этотъ эпизодъ мы передаемъ частію по Геродоту, I. 204—216, частію по Дюхору II. 44 и Іустину I. 8.—Ктевій, Regica 9, рассказываетъ, что Киръ былъ раненъ какимъ-то индусомъ въ битвѣ съ дербійцами и, вслѣдствіе этого, умеръ. Ксенофонтъ, вѣроятно, для того, чтобы вложить ему въ уста прекрасную предсмертную рѣчь, заставляетъ его умирать мирною кончиною.

⁷⁴ Араксъ (Арасъ) беретъ начало въ горной части Арменіи и изливается въ Каспійское море.

⁷⁵ Эта черта вполне соответствуетъ персидскому характеру. Хотя Геродотъ VII. 231, заставляетъ Ксеркса поступать совершенно другимъ образомъ, но слѣдующая эпиграмма Антифилоса Византійскаго (*Griechische Blumenlese* Ф. Якобса IV. 19), доказываетъ, что эллинамъ было весьма хорошо извѣстно рыцарское благородство персовъ:

«Вотъ, Леонидъ, тебѣ Ксерксъ посылаетъ пурпурное платье.

Чтѣ твою мужество, что оказалъ ты на полѣ сраженья».

— Вы предложите измѣнникамъ этотъ подарокъ, меня же

Щитъ прикрываетъ и въ смерти, которой не красить могила.

— «Ты умираешь. Иль мертвый ты злобствовать будешь на персовъ?»

— Въ сердцѣ спартамца къ свободѣ любовь пребываетъ бессмертна.

⁷⁶ Герод. Книга Эсепръ I. 11 и 19, II. 4. 17, V. 1. Илюдоръ изъ Эмесы. *Aethiopica* VII. 19.

⁷⁷ Эгедъ, портовой городъ въ Мизіи. Астипалаію, о которой упоминается здѣсь, не слѣдуетъ смѣшивать съ островомъ Астипалаіемъ, на которомъ до-рійскими колонистами былъ построенъ Акрагасъ «прекраснѣйшій изъ городовъ, принадлежавшихъ смертнымъ», Пиндаръ, Пис. 12. 1. Астипалаію (старая крѣпость), называлось также укрѣпленное мѣсто жительства Поликрата на Самосѣ. Стѣны этого зданія имѣли 12 футовъ толщины, а гарнизонъ составляла стража тирана, набранная изъ скивовъ. *Polihd.* I. 23. Е. Курциусъ. *Исторія Греціи*, стр. 812.

⁷⁸ Герод. III. 39.

⁷⁹ Певистратъ, о которомъ мы уже слышали (ч. I, гл. 2), умеръ въ 527 г. до Р. X. въ глубокой старости. Ему наследовалъ его старшій сынъ Гипписъ.

⁸⁰ *Rhenia* (*Rheneia*) принадлежитъ къ сѣвернымъ Цикладскимъ островамъ. Герод. III. 89. Оувилідъ I. 13. III. 104.

⁸¹ Колей, самосскій судокозяинъ, былъ первый грекъ, который въ седьмомъ вѣкѣ до Р. X. поплы на Западъ во время путешествія въ Египетъ, и прошелъ Геркулесовы столбы (Гибралтарскій проливъ). Герод. IV. 152.

⁸² Плиній, 37, 2 и Солинъ, 38, называютъ камень этого извѣстнаго кольца сардониксомъ. Въ ту эпоху, когда жилъ послѣдній, Храму Согласія принадлежало подаренное Августомъ кольцо, выдаваемое за кольцо Поликрата. Климентъ Александрійскій говорить, что на немъ была вырѣзана лира. Арабы еще и въ настоящее время рассказываютъ подобнаго рода исторію; но герой этого рассказа случайно теряетъ свое кольцо. Повѣсть о мудромъ Шунѣ у Фр. Дитеричи, *Reisebilder aus dem Morgenlande*. I. стр. 161. Шиллеръ взялъ фавулу для своей прекрасной баллады у Геродота, заставляющаго Амазиса писать письмо самосскому тирану, которое онъ приводитъ цѣлкомъ. Герод. III. 40 и слѣд. Еще и нынѣ существуютъ печати изъ сардоникса, какъ, напримѣръ, хранящіеся во Флоренціи прекрасно гравированный камень, принадлежавшій царю финикійскому Абибалу. *Gori, Gemmae antiquae ex Thesaurō Mediceo*. p. 56. pl. XXII, de Luynes, *Essai sur la numismatique des satrapies de la Phénicie sous les rois Achaéménides* p. 69. pl. XIII. 1.

⁸³ Анакреонъ, жившій въ то время, когда происходилъ нашъ рассказъ, написалъ пѣсню о восковомъ изображеніи Эроса, которое онъ досталъ у мальчика за одну драхму; (7 зальберггрошей 6 пфенниговъ). *Anacreon ed. Moevius* 10. Платонъ также употребляетъ въ *Тимеусѣ* стр. 74 слово *χρυσόπλάστης*, т. е. дѣлатель восковыхъ фигуръ. Кроме того, хранили еще фрукты изъ воска. Объ этомъ см. у Вѣттигера, *мелк. статьи* II, стр. 86, III, стр. 304 и Векера: *Хариллесъ I*, стр. 99.

⁸⁴ Описание этого бѣшенаго праздника находится у Геродота II. 98. Онъ говоритъ, что 700,000 человекъ отирались на богомолье въ Бубастисъ, находившійся на востокѣ нелуэинскаго рукава Нила, и имѣли обыкновеніе выпивать тамъ больше вина, чѣмъ въ теченіи всего остального года. Въ Дендерѣ, тамъ богиня Гасоръ называлась также великою богиней Бубастисъ, праздновались подобные праздники, какъ мы узнаемъ изъ надписей. Совершающіяся при этомъ случаи излишества и весь характеръ торжества въ Бубастисѣ имѣетъ положительную связь съ финиійскими культами, для объясненія которыхъ мы напоминаемъ о ранней финиійской колонизаціи на берегу Дельты, омываемомъ Средиземнымъ моремъ. См. Эберсъ: *Черезъ Говень къ Синаю*, стр. 18, 482 и 483.

⁸⁵ Египетскіе докторы, повидному, весьма часто заговаривали больныхъ. Принадлежащія сюда медицинскія предписанія разнообразнѣшаго рода сохранились главнѣйшимъ образомъ на гѣратическихъ папирусахъ, между которыми берлинскій медицинскій папирусъ въ особенности знаменитъ. Вругишъ издалъ его въ своемъ *Recueil de Monum. égyptiens Pl. 85—107, Chabas (Mélanges égyptol. 1862)* отнесся къ нему съ особеннымъ вниманіемъ, и Вругишъ, *notice raisonnée d'un traité médical datant du XIV siècle a. p. è.* уяснилъ многіе мѣста въ трудномъ текстѣ. См. также Г. Вругиша о медицинскій наукѣ древнихъ египтянъ и о древне-египетской медицинскій рукописи берлинскаго музея. Всеобщее ежемѣсячное изданіе по наукамъ и литературѣ. 1863. Въ папирусѣ описывается очень подробно состояніе больного, говорится, напр., слѣдующее: «Его тѣло отяжелѣло, отверстіе его желудка горитъ, платье стѣсняетъ его, и если даже на немъ надѣто много платьевъ, то они, все-таки не согреваютъ его. Ночью онъ чувствуетъ жажду, у него дурной вкусъ во рту, какъ у человека наѣвшагося фигъ смоковницъ... у него въ тѣлѣ таятся гнѣздо воспаленія... если онъ встаетъ, то походить на человека, которому мѣшаютъ ходить». Относительно лекарствъ, я упомяну о пальмовомъ винѣ съ поваренною солью и ладаномъ, смѣшанныхъ въ мазь, для внѣшняго употребленія. Къ терапевтическимъ предписаніямъ примѣшались также элементы магіи. Такъ, надлежало призывать имя Изиды для уничтоженія зародыша болѣзней. Здѣсь я долженъ упомянуть также о демотическомъ греческомъ папирусѣ, который находится въ Лейденѣ и который докторъ Лемансъ сдѣлалъ доступнымъ ученому міру посредствомъ своего превосходнаго сборника подъ названіемъ: *Monuments égyptiens du Musée de Leyde. Отдѣленіе 2* заключаетъ въ себѣ медицинскій рецептъ Гемериуса. См. также отдѣл. 15. Указу также на греко-египетскій папирусъ о чародѣйствѣ, изданный Партеемъ. Упомянутыя Плутархомъ, (Изида и Озирисъ) окуриванія для дезинфекціи воздуха при эпидеміяхъ очень рациональны. Характеристичная формула заклинанія дошла до насъ въ одной коптской рукописи; авторъ ея превратилъ имена египетскихъ геніевъ смерти въ имена архангела Михаила Урила и Гавріила. *Dulaugier, Recette déprécatoire. Journal Asiatique IV. T. I. p. 433.* Горанолло называетъ цѣлебный амулетъ *φυλακτήρια*, I. 28; Оракулъ *Tasit. Historia IV. 81.* Мы могли-бы привести много цитатъ, относящихся къ этому предмету. Удивительно то, что хотя-бы подобныя магическія средства миліоны разъ оказались неэффективными, они, все-таки, не утрачиваютъ своего кредита и примѣненія, даже въ настоящее время.

⁸⁶ Египетъ, который его древніе обитатели называли хамъ, т. е. черная земля или черноземъ.

⁸⁷ Египетская глазная болѣзнь, которая, къ несчастію, неизбежна и намъ, должно быть, свирѣствовала уже въ весьма давнее время на берегахъ Нила. Египетскіе главные врачи пользовались уже громкою извѣст-

ностью въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ. Геродотъ говоритъ, что весь Египетъ кипитъ врачами, и на памятникахъ мы видимъ изображенія слѣпыхъ. И нинѣ въ Египтѣ ужасно много слѣпцовъ. F. Fruner, *Krankheiten des Orients*. Bruant, *Notice sur l'ophthalmie regnante*. Въ *Mémoires sur l'Égypte* I. p. 95—103. См. т. III примѣч.

⁸⁵ Сафо. ed. Heine. XXXIII.

⁸⁶ Планета Венера называлась у египтянъ богинею Изидою. Плиніи П. 6. *Arist. de mundo* II. 7. Имъ было уже извѣстно, какъ доказываютъ памятники глубокой древности, тождество утренней и вечерней звѣзды. Демисусъ. *Хронологія*. Стр. 94.

⁸⁷ Плутархъ. Изв. и Оз. 14. Павзаній VII. 22.

⁸⁸ По Геродоту II. 29—31, 240,000 челов. По Діодору, I. 67, болѣе 200,000. Въ Абузимбелѣ, въ Нубіи, въ величественномъ храмѣ, построенномъ Рамзесомъ II, найдены греческія и финикійскія надписи, сдѣланныя преслѣдователями бѣглецовъ. Lepz. *Denkm.* IV. Bl. 98 и 99.

⁸⁹ Извѣстный у грековъ подъ именемъ Смердеса. Но клинообразныя письмены называютъ его Гуматою, или, по Шпигелю, Гауматою. Надписи Веггистана XI. Густинъ, I. 9, даетъ ему настоящее, хотя и искаженное имя и называетъ Смердеса Кометесъ. Поэтому, мы заимствовали у этого-же автора также имя Оропаста, котораго Геродотъ, III. 61, называетъ Паттзейесъ.

⁹⁰ Rhagae (Rha gai), называвшійся во времена Александра Европесъ, по днѣе, Селевкомъ Никаторомъ — Арзацией, а нинѣ называемый Рей, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Персіи. Здѣсь, говорятъ, родился Зороастръ, а равно *Naqun-er-gaschid*. Туда, по сказанію священнаго писанія, былъ изгнанъ Товія. Здѣсь находилась, пользовавшаяся большою извѣстностью, школа жрецовъ.

⁹¹ Звѣзда Тистаръ (вѣроятно, Сириусъ или созвѣздіе пса) въ Авестѣ называемая *Tistrija*, а въ книгахъ Веды *Tishija*, призывается въ качествѣ блестящей могучей звѣзды, приносящей столь цѣнный въ Персіи дождь. Объ этой звѣздѣ весьма часто упоминается въ священныя книги парсовъ. Шпигель, *Авеста*, I. 1. Экскурс. стр. 274. Анкетиль въ своемъ сочиненіи *Vie de Zoroaster* p. 1 производитъ отъ нея имя Зеретостро (*zete* — золото и *thaschtre* — звѣзда — Тистаръ).

⁹² По картинамъ у Госсе, *Assyria* стр. 224 и 251 и Лайрд у, *Niniveh and its remains* p. 288. *Nin. a. Bab.* стр. 198. 340. 450.

⁹³ Діодоръ, XVII. 77, говоритъ, что у персидскаго царя было столько жонъ, сколько дней въ году. Въ сраженіи при Иссъ Александръ-Великій взялъ въ плѣнъ 329 наложницъ послѣдняго изъ Даріевъ. См. также въ книгѣ Эсенъ I. 6. 18. 2 и слѣд. II. Герод. III. 68. 69. 84. 88 и мног. друг. м. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что эти крупныя вышеприведенныя цифры относятся только къ наложницамъ. Послѣ усмиренія возстанія маговъ, аристократія рѣшила, что царь можетъ выбрать себѣ законныхъ жонъ только изъ знатныхъ семействъ. Герод. III. 84. Съ этимъ закономъ, кажется, и сообразовались почти безъ исключеній. Дарій впоследствии имѣлъ четырехъ законныхъ жонъ, среди которыхъ первую отавалась Атосса. На этомъ, отчасти, основано мифіе ф. Гаммера, которое трудно оспоривать, что дозволенный Магометомъ бракъ съ четырьмя жонами исходитъ изъ древняго обычая, укоренившагося на Востоцкѣ. ф. Hammer, *Geschichte des osmanischen Reiches*. I. Bd. S. 565.

⁹⁴ Пѣкоторые цари давали своимъ жонамъ, въ качествѣ денегъ на пояса (по нашему выраженію — на булавки) доходы цѣлыхъ городовъ. Херорф. *Anab.* I. 4. Сіцеро, *Verg.* III. 83. Драгоценная башмачная работа: Юдѣевъ XVI. 9. О богатонаполненнхъ сундукахъ съ сокровищами у персидскихъ жонъ: *Herod.* III. 130.

⁹⁸ Это имя значитъ «изъ рода перс» по Рогге, собственно Raigikazana, Raigikagaona или Raigikanāfa.

⁹⁹ Хюсское вино въ высшей степени цѣнилось греками, вино изъ Библоса (Гебаль) въ Сиріи славилось въ особенности своимъ прекраснымъ букетомъ.

¹⁰⁰ Херод. Сугор. I. 8, 8, съ увлеченіемъ хвалитъ ловкость и грацію персидскихъ виночерпцевъ.

¹⁰¹ Крѣпость Сузу древніе, даже самъ Ктезій, жившій долгое время при персидскомъ дворѣ въ качествѣ врача, называли «крѣпостью Мнемона». Ктезій у Діодора II. 22. Herod. VII. 151. V. 58. 54. Эсхилъ у Страбона, стр. 718. О мнемической личности Мнемона наилучшія свѣдѣнія находятся въ смѣшанныхъ сочиненіяхъ Фр. Якобса.

МИРОСОЗЕРЦАНІЕ, МЫСЛЬ, ТРУДЪ И ЖЕНЩИНА

ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ.

Первобытный страхъ вѣщаго ума, вѣдунства и преобладаніе нервно-мозговой способности усиливанія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ задерживанія или надъ способностью мышленія. — Допетровское развитіе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, или способности мышленія. — Допетровская боязнь разума и господство «смиреномудрія». — Послѣпетровское восторженное чувство удивленія уму человѣческому и премудрости, славы и пользы наукъ, и вліяніе его на возбужденіе умственной дѣятельности, на распространеніе наукъ и развитіе литературы. — Усиленное развитіе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга или способность отвлеченной мысли. — Вліяніе сантиментально-филантропическаго взгляда на умъ и чувство человѣка на возбужденіе и развитіе въ обществѣ высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ. — Сантиментально-филантропическая идея всеобщаго, всенароднаго умственнаго развитія.

Въ сферѣ умственнаго развитія общества, науки, введенныя Петромъ великимъ, и умы, ими просвѣщенные, въ началѣ возбуждали восторженное чувство удивленія, какъ чудеса генія человѣческаго, и потомъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу и на „права человѣчества“, впервые порождали филантропическую идею и потребность всеобщаго, всенароднаго умственнаго и нравственнаго развитія и просвѣщенія. Чтобы яснѣе видѣть, какъ совершился такой поворотъ идей въ умственной сферѣ, — бросимъ

сначала бѣглый взглядъ на общій ходъ предшествовавшихъ фазъ умственнаго развитія.

Въ первобытныя времена, въ сферѣ умственной жизни, фетишическій страхъ внезапныхъ и страшныхъ проявленій таинственныхъ силъ природы, постоянно возбуждая инстинктъ самосохраненія и потребность въ самосохранительныхъ дѣйствіяхъ, въ родѣ бѣгства, крика и т. п., естественно обуславливалъ, съ одной стороны преобладаніе сенсуальной воспріимчивости или развитія органовъ чувствъ надъ развитіемъ высшихъ мыслительныхъ, нервно-мозговыхъ центровъ, надъ силой мысли, а съ другой стороны—господство нервно-мозговой способности усиленія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ задерживанія. Отсюда, естественно, проистекало преобладаніе грубого, пассивнаго сенсуализма въ міросозерцаніи и господство неудержимо-рефлективныхъ, инстинктивно-самосохранительныхъ мыслей, чувствъ и желаній въ теургическихъ, идолопоклонническихъ, обрядовыхъ дѣйствіяхъ. Страхъ таинственныхъ силъ природы неудержимо, рефлективно выражался въ звукоподражательномъ омотоническомъ языкѣ, въ возбужденно-нервическихъ манипуляціяхъ, наговорахъ и заклятійхъ вѣдунства, волшебства, въ идолопоклонническихъ колѣнопреклоненіяхъ и мольбахъ, въ теургическихъ пляскахъ, играхъ, пѣсняхъ, въ уличныхъ сборищахъ и повѣстьяхъ о звѣряхъ и птицахъ, въ природобоязненныхъ гаданьяхъ и примѣтахъ, вообще—въ идолопоклонническомъ культѣ и мнѳологическомъ эпосѣ. Нервно-мозговая сила почти вся расходовалась въ реакціи наружу,—и отъ того мысль была крайне неразвита. Въ слѣдующій за тѣмъ фазисъ, когда христіанская проповѣдь страха Божія и образъ страшнаго суда произвели на нервную систему нашихъ предковъ сильное возбуждательное впечатлѣніе, — моноеистическое чувство страха единой невидимой силы Божіей въ природѣ, отвлекая умы отъ фетишически-боязливаго, пассивно-сенсуальнаго созерцанія предметовъ природы къ умозрительному богомыслию, и удерживая ихъ нервно-мозговую способность усиленія рефлексовъ головного мозга отъ первобытнаго, неудержимо-рефлективнаго проявленія фетишическаго страха въ усиленныхъ мышечныхъ движеніяхъ, такимъ образомъ естественно развивало въ нихъ нервно-мозговую способность задерживанія рефлексовъ головного мозга, впервые сосредоточивало умы въ отвлеченной самостоятельности мысли въ сферѣ умозрительнаго богомыслия. Чтобы совершенно отвлечь умы отъ первобытнаго фетишическаго страха предметовъ и явленій природы, учителя церковные усиленно сосредоточивали ихъ на богомыслии и богопознаніи. Они воз-

бранили старикамъ народнымъ „повѣствовать на уличныхъ сборищахъ о звѣряхъ, о коняхъ, о птицахъ“, называя такія повѣсти „скверною и пагубою душъ, отводящею отъ Бога“, и заповѣдывали, вмѣсто того, толковать о единомъ истинномъ Богѣ, о пророкахъ и апостолахъ и т. п.¹ Такъ какъ древне-греческія, „еллинскія“ естественно-научныя книги проникнуты были языческими воззрѣніями на міръ, то учителя церковные строго возбраняли изучать по нимъ природу, считая такое изученіе „еллинскихъ книгъ душевнымъ грѣхомъ“². „Тѣ преобидятъ божественное писаніе,—училъ въ XV-мъ вѣкѣ Козма Индикоплавтъ,—которые стараются познать міръ по ученію внѣшнихъ, еллинскихъ философовъ: невозможно оставаться истиннымъ христіаниномъ тому, кто хочетъ изучать еллинскія книги о мірозданіи, ибо всѣ ихъ мудрованія не истинны, лъстивны“³. Вообще, какъ еллинскія, такъ и арабскія и латинскія книги о природѣ казались православнымъ учителямъ отводящими умы отъ страха Божія къ первобытному языческому страху таинственныхъ силъ природы,—и потому строго возбранялись. Максимъ, грекъ, поучалъ русскихъ: „не подобаеъ внимати ученію латинъ, прельстившихся книгами арабскими и еллинскими, не подобаеъ и переводить ихъ на русскій языкъ. Берегитесь отъ нихъ, какъ отъ гангрены и злѣйшей коросты. Ибо заповѣдано—высшаго себя не изыскивать, ни уставлять, о чемъ открыто отъ вѣка единому Богу“⁴. Въ частности, отвращаясь отъ первобытнаго фетишическаго страха природы, боялись и всѣхъ наукъ о природѣ, какъ „богомерзостныхъ“. „Богомерзостенъ предъ Господомъ Богомъ, говорили грамотники,—всякъ любяй геометрію“⁵. Астрономію также считали „богоотметною“⁶. Боялись всякаго пытливаго разсматриванія звѣзднаго неба: „знаменія небесныя,—говорили,—бываютъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому не пригоже: небесное знаменіе, тварь Божія, ему Творцу и работаетъ, и разсуждать про то никому не удобно“⁷. И вообще, послѣ первобытнаго страха вѣдунства, знахарства, внушался страхъ „естественнаго разума“, вникающаго въ „естественныя вины (причины) вещей“. Допетровскій учи-

¹ Лѣтоп. русск. литерат. IV. Слово VIII.

² «А се душевнїи грѣси—учитися астрономїи и еллинскимъ книгамъ». Ibid. Слово VI.

³ Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ Велик. т. I, стр. 333.

⁴ О Люцидаріусѣ. Лѣт. литер. 1859. кн. I, 35—37.

⁵ Сборн. Солов. Библ. № 225 и 25—26.

⁶ Пам. стар. литер. III, стр. 19 «о астрономїи».

⁷ Ист. Росс. Соловьева т. IX, стр. 149.

тель—педагогъ разсуждалъ: „обхуждается непокорство Божію Слову того естественнаго разума, который, будучи изощренъ художествомъ, хитростію, на естественныя винны взираеть. Та мудрость міра сего, буйство есть у Бога: ибо величайшее есть начало заблужденія, когда хотять божественныя и умъ человѣчскій превосходящія вещи мѣрою человѣческаго разума измѣрять: это подобно тому, какъ еслибы сова хотѣла судить о свѣтѣ солнца, всеконечно силу зрѣнія ея превосходящаго. Лучше къ небу умъ обращайтесь и клоните, дабы не земное зрѣтъ и не о земномъ мудрствовать, а о небесномъ“¹. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на „естественный разумъ“, внушалось: „братіе, не высокоумствуйте, но въ смиренномудріи пребывайте: аще кто ти речеть: вѣси ли всю философію? И ты рци ему: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философиами и астрономами не бывахъ, но учуся токмо книгамъ благодатнаго закона. Люби простыню претемудрости, учися держати умъ, высочайшаго себя не изыскивай, а глубочайшаго тебя не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое учение—то содержи“². Также вѣковыя предостереженія умовъ отъ предметовъ, возбуждавшихъ въ древнія времена фетишическій страхъ, съ одной стороны, совершенно отвлекли умы отъ фетишически-боязливыхъ представлений о предметахъ природы; но въ тоже время, естественно, приучили ихъ къ смиренномудрію, къ безхитростной простотѣ, къ невѣдѣнію мудрости. И вотъ, послѣ всего этого, понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести на нихъ вдругъ открытая имъ, вмѣстѣ съ чудесами природы, премудрость наукъ.

Сначала самыя науки, введенныя геніемъ Петра Великаго, возбуждали всеобщее восторженное удивленіе „мудрости высокозрительнаго и остромысленнаго разума, дивнымъ и премудрымъ вымышленіямъ, неоцѣненному сокровищу мудрости“. Такъ ариѳметика сначала всѣхъ удивляла „дивнымъ и премудрымъ считаніемъ“: „составлено дивное и премудрое считаніе,—говорили переводчики книгъ петровскаго времени,—хваленія достойно дивное и премудрое считаніе тройное, еже считается въ три перечни, и рождаетъ собою четвертый перечень: Яко на нѣкоемъ драгоценномъ тканіи чудныя и различныя цвѣты испещрены, или лаки дивныя пестротныя изображенія изящнѣйшихъ художествъ, еже бываетъ хитрымъ начертаніемъ украшено и различіе учинено,—тако поистинѣ и въ книгѣ сей дивныя считанія разумнѣ-

¹ Лавровскаго, Памяти. Старин. воспитанія въ чтен. Общ. Истор. 30. 44,

² Цекарскаго, I стр. 3. Сборн. Солов. Библ. № 295 л. 66—68. см. также, Пам. IV, стр. 214—215.

емъ и вымышленіемъ дальнимъ учинена и предана" ¹. Вышей математикѣ, астрономіи и другимъ физическимъ наукамъ еще болѣе удивлялись, какъ „пречуднымъ, предивнымъ премудростямъ, достойнѣйшимъ чести и уваги, и самымъ блаженнѣйшимъ, послѣ богословія, знаніямъ" ². Послѣ допетровскихъ, исключительно церковныхъ повѣстей и сказаній, публику русскую, на первыхъ порахъ, изумляли и удивляли всякія описанія или изображенія предметовъ природы и исторіи. Таѣ, въ предисловіи къ описанію „преславнаго торжества 1704 года“, авторъ говорилъ: „мню, удивитися, православный читателю, яко не отъ божественныхъ писаній, но отъ мірскихъ исторій вещь намѣренную изображаемъ: сіе же не мни быти буйствомъ нѣкіимъ и киченіемъ разума, написаннымъ нами, читатель, не дивися, не ревнуй невѣгласамъ, ничего нигдѣ невидѣвшимъ, неслыхавшимъ, которые егда ни во что у себя видять, удивляются и ужасаются, но ты благосерднмъ окомъ смотри на сіи описанія" ³. Точно также писатели или переводчики книгъ петровскаго времени, потомъ особенно Ломоносовъ, съ восторженнымъ чувствомъ удивленія прославляли пользу и славу распространенія наукъ ⁴. Общимъ слѣдствіемъ такого восторженнаго удивленія премудрости, пользы и славы наукъ, было первое пробужденіе общественной мысли, послѣ допетровскаго ея застоя и усыпленія, и первое, энергическое введеніе и распространеніе наукъ въ Россіи. Удивленіе премудрости наукъ, послѣ допетровскаго предпочтенія „простыни ума“ и „смирномудрія“, впервые возбуждали, по выраженію писателей петровскаго времени, „храбромудрство“ и „разумъ къ вольнымъ наукамъ дерзающимъ“: послѣ допетровскаго „дурачества“, какъ выражались сатирики XVIII-го вѣка, началась, по выраженію Фонъ-Визина, „мода на умы“, явились, по словамъ Крылова, „философы по модѣ“; послѣ допетровскаго страха „естественнаго разума“, мало-по-малу развилось такое „дерзновеніе умовъ“, что обнаружили даже первые зачатки „вольномудства“, вольномыслія, хотя на первый разъ большею частію легкомысленнаго, поверхностнаго и нетвердаго ⁵. Восторженное удивленіе пользы

¹ Пекарскаго, «Наука при Петрѣ Великомъ», I, 265.

² Пекарскаго, II, № 406, стр. 148—149 и др. Точно также съ удивленіемъ приступали къ изученію «Театрона или позора историческаго». Пекарскаго, I, 330—331; II, № 562, стр. 619.

³ Пекарскаго, «Наука при Петрѣ», т. II, № 81, стр. 96.

⁴ Тамъ-же, т. I, стр. 273—274, 264.

⁵ Пекарскаго, «Наука и литература при Петрѣ», I, 273—274, 275, 264, 266, 19. II, № 41, стр. 449, 447. «Сочиненія Фонъ-Визина», Спб. 1852 г. стр. 511, 523—524: Частосердечное признаніе. «Живописецъ» 1774 г. Но-

наукъ ¹ возбудило энергическую заботу о введеніи наукъ въ Россіи, первоначально путемъ преимущественнаго распространенія практически-утилитарныхъ знаній. Науки вводились, какъ полезныя искусства, какъ „искусство математическое, искусство механическое, искусство анатомическое и хирургическое, искусство ботаническое, искусство архитектуръ-цивилей“ и т. п. ². Математика усвоилась прежде всего по причинѣ ея пользы и необходимости для кораблестроенія, архитектуры и математико-навигационныхъ школъ ³. Астрономія сначала принимаема была, какъ наука, необходимая для мореплаванія и астрономо-географическихъ съемокъ или опредѣленій мѣстностей, а также для знанія солнечнаго и луннаго затмѣнія, для составленія календарей и т. п. Минералогія предназначалась для горнаго дѣла. Анатомія, физиологія, ботаника и, вообще, естественная исторія вводились первоначально, какъ науки, въ высшей степени полезныя и необходимыя для медицины, для разумнаго веденія дѣлъ въ аптекахъ и госпиталяхъ ⁴. Химія вводилась первоначально, преимущественно, какъ аптекарская наука, и послѣ Ломоносова, до конца XVIII-го вѣка разрабатывалась главнымъ образомъ аптекарями, въ родѣ Моделя, Биндгейма и др. ⁵. Наконецъ, восторженное удивленіе славѣ распространенія наукъ ⁶ вызвало энергическую заботу о распространеніи наукъ въ Россіи, учрежденіе академіи наукъ, математико-навигационныхъ и хирургическихъ школъ, основаніе московскаго и потомъ другихъ

викова, стр. 34. «Сочиненія Ломоносова» III, 146—148. Признаніе Елагина о вольномыслии: «Дерзнулъ я забыть и вѣру и страхъ Божій, увлекшись писаніями Вольтера, Гельвеція, Руссо» и проч. «Русскій Архивъ» годъ 2-й, стр. 524—602. «Записки Лопухина», 14—15.

¹ Прославленіе пользы геометріи или землемѣрія, простирающейся такъ далеко, «что ничего въ свѣтѣ есть, еже бы не возмозло художествомъ сямъ преодолѣно и сдѣлано бытъ». Пекарскаго, I, 275. Тамъ-же, о пользѣ арметки: I. 264, 273—274.

² Прославленіе пользы наукъ вообще и, въ частности, обширнѣйшей пользы химіи въ «Сочиненіи Ломоносова» III, 8—12, 23—40: Слово о пользѣ химіи. Рѣчи профессоровъ московскаго университета о пользѣ наукъ. «Исторія московск. универ.», 247.

³ Полн. Собр. Закон. VII, № 4,438.

⁴ Рихтера, «Исторія медицины въ Россіи», М. 1820 г.

⁵ Ежемѣсячн. сочинен. 1763 г. ноябрь, стр. 442—453. Биндгейма «Опытъ химическаго изслѣдованія прозябаемыхъ, составляющ. чловѣч. пищу», 1794 г.

⁶ «Похвальное слово Петру Великому», Сочин. Ломоносова, ч. II, стр. 372—376; ч. I, Ода 8-я и 16-я. Восхваленіе славы распространенія наукъ въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ: ч. II, стр. 325—332. Въ одной одѣ Ломоносова, всѣ науки, и астрономія, и геометрія, и географія, механика, химія, и «наука легкихъ метеоровъ» провозглашаютъ славу распространенія наукъ. Ч. I, стр. 130—133. Тамъ-же стр. 102—103.

университетовъ, учрежденіе народныхъ училищъ и гимназій, изданіе журналовъ, „къ пользѣ и увеселенію служащихъ“, вообще, развитіе журналистики и, въ частности, обличительной литературы, направленной противъ „дурачества“ и „недоумства“ допетровскихъ временъ; изданіе разныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, учрежденіе разныхъ ученыхъ обществъ, сначала по части словесности, потомъ по части естествознанія и т. д. И всѣ эти нововведенія и учрежденія въ сферѣ умственной жизни общества, въ свою очередь, опять долго привѣтствовались и прославлялись въ высокаторжественныхъ одахъ и похвальныхъ словахъ, какъ новыя, чудесныя явленія. Такъ, напримѣръ, Кантеміръ писалъ о всеобщемъ удивленіи новоучреждавшимся учебнымъ заведеніямъ:

Вонъ дивись, какъ ученія заводять заводы,
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны:
Вотъ завтра ученія высоки начнутся,
Вотъ ужъ и учителя заморски сберутся! ¹.

Ломоносовъ прославлялъ Елисавету за учрежденіе московскаго университета:

Твой университетъ
О имени твоемъ подь солнцемъ процвѣтеть:
Коль чудныя дѣла Елисаветъ являетъ!

Сумароковъ еще восторженнѣе выражалъ удивленіе славѣ учрежденія университета:

Промчатся въ превеликихъ звукахъ
О нашихъ слава тамъ наукахъ
И всю Европу удивить...
Въ Россіи Локка и Невтона
И всѣхъ премудрыхъ оживить ².

Какъ славѣ распространенія наукъ, такъ и славѣ и величію умовъ, просвѣщенныхъ науками и полагавшихъ основаніе или дававшихъ тонъ и направленіе русской литературы, всѣ удивлялись, какъ рѣдкости или чуду природы. Послѣ первобытнаго природобязненно-миеологическаго эпоса и допетровскаго церковно-славянскаго слова о страхѣ Божіемъ, о кончинѣ міра, о постѣ и т. п., всеобщее чувство удивленія чудесамъ природы и премудрости, пользѣ и славѣ наукъ, рефлексивно выражаясь въ восторженно-воодушевленномъ словѣ о чудесахъ природы, естественно возбуждало въ умахъ живое, радостное чувство и сознаніе важности, величія общественнаго слова, какъ органа радостнаго, восторженнаго выраженія новаго общественнаго міросозерцанія.

¹ Пезарскаго, «Наука и литература при Петрѣ», I, 63.

² Сочинен. Сумарокова, ч. II, стр. 17—18.

Живое, восторженно-вдохновенное слово о чудесах природы и о чудесах преобразований російскаго государства, обильно изливаясь въ торжественныхъ „словахъ“ о чудесахъ природы и въ высокаторжественныхъ одахъ и похвальныхъ словахъ, послѣ допетровской монополіи церковно-славянскаго слова, могущественно возбуждало, потрясало и изумляло умы новыми идеями и чувствами, новыми оборотами рѣчи, новой терминологіей. И вотъ почему на первыхъ порахъ съ восторженнымъ удивленіемъ прославляли „благогласіе и изящность російскаго слова, прелезачное краснорѣчіе, гражданское витійство, заслуги о російскомъ слоgѣ, славу словесными науками стяжаемую“, и энергично основывали прежде всего „общества любителей російскаго слова“, „вольное російское собраніе“ словесное, „общество російской словесности“. Ломоносовъ, послѣ Петра Великаго, былъ первымъ проповѣдникомъ естествознанія, просвѣтителемъ общественнаго ума, и первымъ творцомъ или преобразователемъ общественнаго слова. И вотъ, Радищевъ и Поповскій восторженно прославляли Ломоносова. „Мы,—говорилъ Радищевъ,—соплетемъ вѣнецъ насадителю російскаго слова, мы воспоемъ гѣснь заслугъ его обществу. Слово твое, Ломоносовъ, живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово російскаго племени, тобою въ языкѣ нашемъ обновленное, перелетитъ въ устахъ народныхъ за необозримый горизонтъ столѣтій... Ты былъ первый въ славѣ просвѣщенія общаго ума и въ славѣ обновленія народнаго слова, и слава твоя есть слава вождя. Се, природа, твое торжество! Пріявъ отъ природы неопѣненное право дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ нея силу творенія, великій мужъ могущественно дѣйствуетъ на среду народную. Да, вы, доселѣ бесплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души и, какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу,—вѣщайте, какъ душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами. Если вѣдаете, какое дѣйствіе имѣеть разумъ великаго мужа надъ общимъ разумомъ, повѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа. Се, вѣнецъ твой, о Ломоносовъ! Ты создалъ витійство гражданское! Послѣ древняго господства языка церковно-славянскаго, ты первый научилъ общество слову російскому, витійству гражданскому. Ты произвелъ Сумарокова“ и т. д.¹ Поповскій также прославлялъ Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
 Что чистый слоgъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію;
 Что въ Римѣ Цицеронъ, и что Виргилій былъ,

¹ Путешествіе Радищева 232—252.

То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ россовъ,

Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Послѣ Ломоносова, который, на первый разъ, почти исключительно открывалъ обществу чудеса внѣшней природы, чудеса астрономіи, физики и химіи,—Карамзинъ первый въ болѣе обновленномъ и усовершенствованномъ словѣ восторженно возвыщалъ послѣ допетровскаго аскетически-человѣкобоязненнаго, сантиментально-филантропическій взглядъ на человѣческую природу и общество. И вотъ, и уму Карамзина долго удивлялись, какъ рѣдкости природы. Напримѣръ, въ 1797 г. В. А. Полѣновъ писалъ: „Я видѣлъ Карамзина, видѣлъ и говорилъ съ нимъ: на немногія рѣдкости смотрѣлъ я съ такимъ вниманіемъ, съ какииъ смотрѣлъ на сочинителя „Вѣдной Лизы“, и если-бы судьба вручила мнѣ кисть Апеллесову или рѣзецъ Праксителейъ, я изобразилъ-бы Карамзина въ совершенной точности, смотрѣвши на него 4 или 5 часовъ“¹. Въ тридцатыхъ годахъ молодые писатели и студенты точно также съ удивленіемъ смотрѣли на Пушкина, представителя эстетико-романтическаго направленія литературы. „Имя Пушкина,—говорить одинъ мемуаристъ того времени,—овладѣло тогда всѣми юными воображеніями и у всѣхъ было на кончикѣ языка: всякій, нѣсколько грамотный, читалъ и твердилъ наизусть его стихи, эпиграммы и цитировалъ его острья, мѣткія слова. Я думаю, что это обаяніе, какое распространялъ Пушкинъ на своихъ современниковъ, можетъ быть объяснено его чисто народнымъ гениемъ, равно и положеніемъ русскаго общества, которое, за неимѣніемъ политическихъ и гражданскихъ интересовъ, жаждало наслажденій искусства“². Вообще, слава распространенія изящной словесности такъ-же удивляла и увлекала современниковъ, какъ и слава распространенія наукъ и художествъ. По словамъ Жуковскаго, „Пушкинъ принадлежалъ славы царствованія Николая, какъ Державинъ славы Еватеринны, а Карамзинъ славы Александра“³.

¹ Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 1,764. Жуковскій 18-го февраля 1816 года писалъ о Карамзинѣ: „Здѣсь (въ Петербургѣ) всѣ жаждутъ его узнать... Что-же касается до меня, то мнѣ весело необыкновенно объ немъ говорить и думать. Я благодаренъ ему за счастье особеннаго рода: за счастье знать и тѣмъ еще болѣе чувствовать настоящую ему цѣну. И можно сказать, что у меня въ душѣ есть особенное хорошее свойство, которое называется Карамзинимъ; тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго... Лучшей души земля не видала. Оцѣнкой гениа Карамзина должно заняться съ благоговѣніемъ. Русскій Архивъ, годъ 4-й, стр. 1,629—1,630, 1,639, 1,640. Карамзина не дозволилось критиковать. Рус. Арх. годъ 4-й, стр. 1,692.

² Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 961.

³ Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 934.

Вслѣдствіе такого удивленія литературнымъ умамъ, выдававшимся надъ общимъ уровнемъ, естественно, литература все болѣе и болѣе становилась могучимъ органомъ общественнаго направленія и развитія, и усиливала свое вліяніе на воспитаніе общественнаго ума и чувства. Сначала, послѣ допетровскаго страха таинственныхъ силъ природы и господства невѣжества, суевѣрія, восторженное удивленіе чудесамъ природы, премудрости, пользы и славы наукъ, естественно, все болѣе и болѣе возбуждало прежде всего потребность искорененія первобытнаго страха природы, допетровскаго невѣжества и суевѣрія, потребность просвѣщенія общественнаго ума и міросозерцанія свѣтомъ науки. И потому, вотъ, съ начала и до второй половины или даже до конца XVIII столѣтія, господствовали два направленія литературы: естественно-научно-просвѣтительное, во главѣ котораго стоялъ Ломоносовъ, и обличительное, возникшее въ сатирахъ Кантемира, въ обличительныхъ словахъ Феодана Прокоповича и достигшее полного своего разцвѣта въ сатирическихъ журналахъ екатерининскаго времени, особенно въ журналахъ Новикова, въ родѣ „Живописца“, „Трутня“ и другихъ, а также въ комедіяхъ фонъ-Визина, Сумарокова и Екатерины. Естественно-научныя слова Ломоносова о чудесахъ природы разсѣвали допетровскій страхъ таинственныхъ силъ природы. Сатирическая литература осмѣивала и бичевала допетровское невѣжество и суевѣріе, какъ „дурачество“, „недоумство“, „ханжество“ и т. п. Затѣмъ, когда, подъ вліяніемъ удивленія чудесамъ природы и премудрости, пользы и славы наукъ, почувствовалась потребность наиболѣе глубокаго и живаго воздѣйствія науки не только на умъ, но и на социальныя чувства общества, потребность возбужденія высшихъ социально-нравственныхъ, общественно-человѣколюбивыхъ чувствъ, послѣ древняго господства челоѣко-боязненныхъ и животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—тогда естественно стали преобладать три слѣдующія формы литературы: сентиментально-критическая, наиболѣе прогрессивно проявившаяся въ соціологическихъ или публицистическихъ разсужденіяхъ Радищева, сентиментально-оптимистическая и сентиментально-филантропическая, наиболѣе рельефно выраженная Карамзинимъ, и наконецъ эстетико-романтическая, созданная Жуковскимъ и доведенная до своего апогея Пушкинымъ.

Далѣе, восторженное чувство удивленія чудесамъ природы внѣшней и челоѣческой, сильно возбуждивши умственные способности молодыхъ поколѣній, порождало въ нихъ „жажду размышленій“ и, слѣдовательно, дальнѣйшее развитіе преобладанія нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга надъ

господствовавшей въ первобытныя времена нервно-мозговою способностью усиливанія этихъ рефлексовъ и, затѣмъ, вело къ замѣткамъ критики мысли какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Въ началѣ, послѣ первобытнаго и допетровскаго преобладанія сенсуальности надъ мышленіемъ, молодая поколѣнія съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и восхищенія привѣтствовали рожденіе отвлеченной, философской мысли въ Россіи, какъ ясное выраженіе начавшагося преобладанія нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга надъ способностью ихъ усиливанія. Профессора университетовъ заговорили восторженныя рѣчи о философіи, прославляя чудеса, какія она производитъ въ умственной жизни человѣчества. Студенты университетовъ восклицали: „о божественная наука, философія! Ты научаешь насъ мыслить и познавать!“ и т. п. Всѣ передовые умы страстно полюбили философію, какъ возбуждательницу мышленія, и съ энтузіазмомъ увлекались метафизическими умозрѣніями. Уже Сумароковъ, по собственнымъ словамъ его, „метафизичесествовалъ естественно“. Карамзинъ просиживалъ ночи, вырабатывая свои „первыя метафизическія понятія“, и въ концѣ XVIII вѣка съ энтузіазмомъ увлекался, „законами чистаго разума Канта“, въ метафизическомъ умонстроеніи „былъ полонъ вѣры, что люди, увѣряясь въ изыщности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и насладятся истинными благами жизни“¹. Д. В. Дашковъ въ одномъ критическомъ разсужденіи своемъ (1811 г.) замѣчалъ: „страсть къ системамъ увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму“. Макаровъ, издатель московскаго Меркурія, говорилъ о новомъ мыслящемъ поколѣніи русскихъ: „въ отношеніи къ понятіямъ мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки: мы хотимъ *умствовать*, какъ французы, какъ нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенныя народы“². Въ 1809 г. Н. Н. Дмитріевъ писалъ къ А. Н. Тургеневу: „теперь молодые люди, вмѣсто увлеченій чувственности или страсти, хотятъ *мыслить*“³. Вообще, высшая, благородѣйшая потребность человѣческой природы, потребность мысли, умственной жизни и дѣятельности, потребность наслажденія развитіемъ, впервые сознава была, какъ такая же насущная, физиологическая потребность мозга, ума, психической жизни человѣка, какъ

¹ Цвѣтокъ въ гробѣ мого Агадена (1798). Аглад, 2 кн. и. 1794. Материалы для характеристика Карамзина — г. Дитина въ Дѣтон. рус. литерат. т. II, 12.

² Московск. Меркурій 1805 г. № 12.

³ Русск. Архивъ годъ 5-й, стр. 1079.

пища физиологически необходимая для желудка, для физической, тѣлесной жизни организма. Такъ, кн. П. Вяземскій въ 1827 году писалъ къ Н. Н. Дмитріеву: „законное право излагать свои мысли есть насущный хлѣбъ образованнаго поколѣнія. Оно не прихоть, а необходимость и, слѣдовательно, въ числѣ коренныхъ условій народнаго существованія. Бѣда въ томъ, что многіе изъ желудковъ высшаго званія не признаютъ потребности того хлѣба насущнаго, какой заключается въ знаніи или мысли для ума, и могутъ голодовать въ богатирскомъ умерщвленіи духовной плоти“. Вслѣдствіе такихъ понятій, и въ наукѣ, и въ литературѣ, дѣйствительно, выразилась потребность мышленія, „жажда размысленій“. Въ области науки, первое побужденіе отвлеченнаго мышленія, умозрительныхъ способностей со всею пылостью юношескаго увлеченія проявилось въ первоначальномъ, естественно-психологическомъ господствѣ натуръ - философскаго мышленія. Появились въ Россіи сначала свои „философы по модѣ“. „вольтерьянцы“, жаркіе послѣдователи Ж. Ж. Руссо, потомъ возникла своего рода secta kantiana, затѣмъ, явились шеллингисты, гегелианцы, и т. д. По выраженію Сперанскаго, любознательные, мыслящіе умы „съ модой изученія философіи проходили путь умозрѣнія.“¹ Съ другой стороны, ясны зачатки сосредоточенной работы мысли выразились въ потребности размысленій о природѣ и въ требованіи усиленнаго, внимательнаго наблюденія природы. Впервые появилась въ Россіи особая литература „размысленій о природѣ“, въ родѣ „размысленія о природѣ“ Теряева (1802), „мыслей о тайнствахъ природы изъ высочайшихъ философовъ для размысленія“ — Подшивалова (1811) „мыслей о происхожденіи и образованіи міровъ“ — Ертова (1805 г.) и т. п. Наиболѣе мыслящіе, передовые умы не ограничивались одними общими, умозрительными „размысленіями о природѣ“, а требовали усиленнаго наблюденія и опытнаго познанія природы. Профессора университетовъ, Шаденъ, Мудровъ и Осиповскій первые требовали, вмѣсто метафизическихъ, натуръ-философскихъ умозрѣній, аналитическаго, опытнаго изслѣдованія природы. Но понятно, что на первыхъ порахъ, послѣ допетровскаго страха испытанія природы, не вдругъ могла развиться въ умахъ русскихъ смѣлость и способность экспериментальнаго изслѣдованія природы. Въ началѣ долго нужно было еще убѣждать умы — не бояться испытанія природы. Ломоносовъ увѣщевалъ русскую публику не страшиться гнѣва Вожія за испытаніе природы. „Ежемѣсячныя сочиненія“ Миллера, извѣщая о новыхъ физическихъ опытахъ

¹ Русскій Архивъ годъ 5-й, стр. 1682.

академика Эпинуса и других, находили необходимымъ предупредить публику отъ суевѣрно-боязливыхъ предубѣжденій противъ этихъ опытовъ. ¹ Потомъ, послѣ страха испытанія природы, восторженное чувство удивленія чудесамъ природы, сосредоточивши умы на идеѣ „натуры“, введши ихъ въ область, „натурализма“, на первыхъ порахъ, вслѣдствіе допетровскаго полнѣйшаго господства пассивнаго сенсуализма, породило преобладаніе сенсуально-фавмастическаго, пассивно-чувственнаго созерцанія чудесъ или „куріозитетовъ и раритетовъ натуры“, „преузорочныхъ вещей всякихъ колеровъ“ и т. п. Пассивно-эмпирическое созерцаніе и наблюденіе чудесъ натуры, поэтому, долго преобладало надъ активно-экспериментальнымъ изслѣдованіемъ законовъ природы. Еще въ началѣ XIX-го столѣтія издавались отдѣльными брошюрами подробныя правила для элементарныхъ сенсуально-эмпирическихъ наблюденій природы — физическихъ, метеорологическихъ, естественно-историческихъ и технологическихъ, и съ конца XVIII-го вѣка до 35-тыхъ годовъ XIX-го издавались первые словари минералогическіе и ботаническіе, первые руководства и опыты по части математики, физики, химіи, естественной исторіи и другихъ наукъ, которыя, на первыхъ порахъ, возбуждали въ русскихъ умахъ потребность рачіональнаго познанія природы, потребность наблюденія и опыта, и впервые знакомили ихъ съ естественнонаучной терминологіей и классификаціей. ² Точно также, и въ области нравственныхъ наукъ сначала господствовало удивленіе чудесамъ человѣческой природы, и потомъ мало по малу возбуждалась мысль, идея. Такъ было, напримѣръ, въ области исторіи. Первые издатели учебныхъ книгъ по всеобщей исторіи приписывали ей чудесное значеніе: „Чтеніе исторіи,—говорили они,—совершаетъ чудеса, удивительно исцѣляетъ болѣзни тѣла и духа: Фердинандъ, владѣтель сицилійскій, и Альфонсъ испанскій, будучи такъ больны, что отъ нихъ отказались всѣ доктора, заставили читать себѣ—одинаго Тита Ливія, другой—Квинта Курція, и оба получили отъ того исцѣленіе: такое же чудесное дѣйствіе имѣла исторія на Лаврентія Медици“ ³. На исторію человѣчества сначала смотрѣли, какъ на *Theatrum historicum*, на зрѣлище чудесныхъ событій въ судьбахъ человѣческой природы. Потомъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣ-

¹ Ежемѣсч. сочин. 1768 г. іюль, стр 537—541. Сочин. Ломоносова (1808) III, 47—58. 108—110. 342—354.

² Подробности см. въ моей статьѣ: «естественно-психологич. условія умств. развитія русскаго общества. Отечеств. записки 1870 г. № 12.

³ Пекарскаго, Наука и Литерат. при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 14, 19.

ческую природу, отъ историографовъ требовали „чувствительности къ человѣческому роду“, или прославленія героевъ добродѣтели, осужденія тирановъ и чувствительнаго изображенія бѣдствій и страданій человѣческихъ. Изученіе исторіи признавалось полезнымъ для гражданъ „единою нравственностію“ и притомъ полезнымъ только для „умовъ чрезвычайныхъ“. Въ „Періодическомъ изданіи любителей словесности“ 1804 года говорилось объ исторіи: „исторія требуетъ для начертанія пера великаго и, можетъ быть, и героя. Надобно непремѣнно, чтобъ историкъ чувствовалъ совершенно всю цѣну великаго дѣла, надобно, чтобъ перо его пылало сердечнымъ жаромъ, когда онъ описываетъ то, что служило къ возвышенію благоденствія народовъ, чтобы онъ проливалъ слезы, описывая бѣдствія человѣческія“¹. Въ такомъ духѣ именно и зародилась русская историографія въ „исторіи Россійскаго государства“ Карамзина, которая, вслѣдствіе господствовавшего тогда сантиментально-филантропическаго и телеолого-оптимистическаго воззрѣнія на человѣческую природу и преобладанія идеи государственнаго гражданства, любви къ отечеству, всецѣло проникнута была сантиментально-филантропическимъ и оптимистическимъ взглядомъ на гражданско-человѣческія и государственныя дѣянія и идеей любви къ отечеству². За тѣмъ, послѣ романтически-филантропической „исторіи русскаго народа“ Полеваго, „наиболѣе мыслящіе умы стали чувствовать потребность наиболѣе рациональнаго, философскаго пониманія исторіи, объясняли идею о философіи исторіи, возникшую въ новѣйшее время, показывая различіе между ею и историческимъ прагматизмомъ, и рассматривая въ главныхъ чертахъ тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ первые опыты такой философіи исторіи“³. Въ началѣ философско-историческая мысль наша, естественно, не могла миновать метафизическаго направленія, и въ такомъ именно видѣ она выразилась въ историческихъ трудахъ 30-тыхъ и 40-выхъ годовъ. Какъ въ политическихъ общественныхъ понятіяхъ, при преобладаніи идеи граж-

¹ Г. Пятковскаго, «Русская журналистика при Александрѣ I, въ «Дѣлѣ».

² Согласно съ духомъ времени, «Исторія государства Россійскаго» встрѣчена была съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и восхищенія. Батюшковъ, наприм. «къ творцу исторіи государства Россійскаго:

И я такъ плакалъ въ восхищеніи,

Когда скривалъ твою читаль,

И геній твой благословлялъ и яرح.

Стихотвореніе это Батюшковъ приложилъ въ письмѣ къ А. Н. Тургеневу, съ замѣчаніемъ: «чувствомъ удивленія лечу желчь мою». Рус. Арх. годъ 4-й, стр. 658.

³ Современникъ 1846 г. № 3, стр. 411.

данина и государственнаго дѣателя надъ идеей челоуѣка, идея государственнаго конституціонализма преобладала надъ идеей общественной реформы, такъ и въ исторіографіи идея государственности, государственнаго развитія преобладала надъ идеей развитія общественнаго.

Въ литературѣ также восторженное чувство удивленія чудесамъ внѣшней и челоуѣческой природы было господствующимъ стимуломъ возбужденія умовъ, мысли и литературныхъ произведеній. Удивленіе красотамъ слога, краснорѣчію и силѣ выраженія, а также филантропическому и патріотическому духу сочиненій— „любви къ отечеству, челоуѣколюбію, милостынѣ писателей“ въ началѣ предшествовало рациональной критикѣ. Такъ наприм. М. А. Дмитріевъ въ мемуарахъ своихъ говорить: „Когда Херасковъ написалъ Россіаду, нѣсколько петербургскихъ литераторовъ и любителей литературы собирались нѣсколько вечеровъ сряду у Н. Н. Новикова, чтобы обдумать и написать разборъ поэмы, но не могли: тогда еще было не по силамъ обнять столь большое произведеніе поэзіи. Оставалось одно *безотчетное удивленіе* и похвала восторга! ¹. Или Н. Н. Дмитріевъ въ 1816 году писалъ къ Тургеневу: „вы требуете отъ меня критики: можно ли искать недостатковъ въ слогѣ въ такомъ родѣ сочиненія, которое дышетъ *челоуѣколюбіемъ и милостаніемъ*“ ². Господство восторженнаго чувства удивленія естественно обуславливало въ литературѣ долговременное преобладаніе оды, и особенно оды высокаторжественныхъ, восторженныхъ. „Встарину, — замѣчаетъ М. А. Дмитріевъ, — всѣ писали оды, отъ того, что оды выражали господствовавшее тогда чувство удивленія и восторга“ ³. Вообще, вслѣдствіе господства восторженнаго, вдохновеннаго чувства удивленія, восхищенія, экстаза и восторга, поэзія преобладала надъ прозою, предшествовала преобладанію научно-критической литературы. И въ поэзіи преименственно господствовали: сначала восторженныя оды, главными творцами которыхъ были Ломоносовъ и Державинъ, потомъ—сентиментально-идиллическая поэзія, представителями которой были поэты школы Карамзинской, затѣмъ сентиментально-романтическая и эстетико-идеалистическая поэзія, во главѣ которой стояли Жуковский и Пушкинъ, ⁴. Наконецъ, въ 40-вымъ годамъ, когда Гоголь ос-

¹ М. А. Дмитріева, «Мелочи изъ запаса моей памяти». М. 1869 г. стр. 31—32.

² Русск. Архивъ годъ 5-й стр. 1085.

³ Дмитріева, Мелочи изъ зап. моей пам. 45. 54.

⁴ Вообще, долго господствовала восторженная страсть къ стихотворству, или по выраженію кн. Вяземскаго, господствовалъ «стихотворный грѣхъ», «стихами давились». Русск. Архивъ. годъ 4-й, стр. 1700.

новаль „натуральную школу“ поэзии и литературы, по словам Хомякова,

*Предъ hladнымъ утромъ размыслился,
Увяль поэзія вѣнецъ:*

И въ литературѣ уже съ 20-тыхъ годовъ стала возбуждаться „жажда размысленій“. Веневитиновъ (1805—1827) первый возсталъ противъ господства страсти къ стихотворству, сталъ изучать нѣмецкихъ критиковъ и философію Шеллинга и, послѣ восторговъ удивленія, почувствовалъ потребность спокойнаго, холодно-разсудочнаго размысленія, — и самъ о себѣ говорилъ:

*Открой глаза на всю природу!
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ...
Когда минуты удивленія
Какъ сонъ туманный пролетать,
Но тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтеть спокойный взглядъ ¹.*

Пушкинъ также начиналъ чувствовать „жажду размысленія“, преобладаніе нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, потребность самососредоточеннаго мыслительнаго труда и „пріученіе ума къ вниманью долгихъ думъ“. Такъ въ письмѣ къ Чаадаеву въ 1821 году онъ писалъ:

*Въ уединеніи мой своеобразный гениѣ
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размысленія!
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ ².*

Вмѣстѣ съ возбужденіемъ жажды размысленія, которое на первыхъ порахъ было наиболѣе метафизико-идеалистическое, мало-по-малу стали развиваться, послѣ первоначальнаго „дерзновенія къ вольнымъ наукамъ“ и энтузіастическаго увлеченія „вольтерьянствомъ“, первые зародыши холодно-разсудочнаго, философско-критическаго сомнѣнія и рационально-скептической, реальной критики, первымъ представителемъ которой, какъ увидимъ далѣе, явился Бѣлинскій.

Какъ въ сферѣ мысли, такъ и въ сферѣ чувства, вслѣдствіе возбужденія сосредоточенной умственной дѣятельности, подъ вліяніемъ восторженнаго чувства удивленія чудесамъ природы и премудрости наукъ, — естественно, мало-по-малу развивалась нервно-мозговая, нравственная способность самообладанія, саморазвитія и сосредоточенная энергія чувства. Послѣ первобытнаго и допетровскаго преобладанія усиленныхъ психическихъ рефлексовъ или неустойчиво-рефлексивныхъ мышечныхъ проявленій животнo-эгоистическихъ чувствъ и страстей въ реакціи наружу, — теперь, вслѣдствіе развитія мысли, мало-по-малу, естественно, на-

¹ Стихотворенія Веневитинова. 1, 84—85.

² Сынъ Отечества 1821 г. № 85.

ступало господство нервно-мозговой способности задерживанія усиленныхъ психическихъ рефлексовъ — страстныхъ чувствъ и влеченій. Разсудокъ, въ лучшихъ людяхъ, все болѣе и болѣе начиналъ преобладать надъ чувствомъ и страстями. Такъ, Карамзинъ разсуждалъ: „Я имѣю способность мыслить и могу управлять моими склонностями. Когда желанія и потребности мои находятся въ счастливомъ согласіи, когда разумъ мой повелѣваетъ чувствами, тогда я существую нравственно. Гнушаясь сладострастіемъ, презирая суетное честолюбіе, живу въ спокойствіи духа. Человѣкъ сотворенъ быть не ученымъ, а благоразумнымъ. Умъ есть фаросъ жизни его, умъ, который велитъ мнѣ сносить терпѣливо несправедливость людей, запрещаетъ мстить, усмиряетъ всякое сердечное волненіе и приводитъ страсти мои въ то пріятное равновѣсіе, которое называется добродѣтелию“¹. Разсудокъ Карамзинъ признавалъ главнымъ критеріемъ нравственности. Признавая личное благо, наслажденіе однимъ изъ существенныхъ стремленій нравственной жизни, Карамзинъ въ то же время разсудку приписывалъ регулирующую, критическую роль въ анализѣ и выборѣ лучшихъ, наиболѣе нравственныхъ наслажденій, согласныхъ съ законами природы. „Сердце,—говоритъ онъ,—велитъ искать удовольствій, а разсудокъ—однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами природы. Природа дала намъ чувства, чтобы услаждать ихъ, дала страсти для того, что онѣ необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Но она дала намъ также и разсудокъ, чтобы выбирать лучшія наслажденія и сдерживать страсти. Страсти въ своихъ границахъ благотѣльны, внѣ границъ пагубны: границы долженъ назначать разсудокъ“². Далѣе, при развитіи нервно-мозговой способности задерживанія рефлексовъ головного мозга, естественно, усиливалась нравственная сосредоточенность чувства, и вся энергія нервно-мозговой, психической силы, тратившаяся прежде въ неудержимо-рефлективныхъ мышечныхъ проявленіяхъ живоотно-эгоистическихъ чувствъ и страстей,—теперь все болѣе и болѣе начала превращаться въ сосредоточенную энергію нравственнаго чувства. Вслѣдствіе этого, новая мораль, всецѣло проникнутая сантиментально-филантропическими идеями и чувствами, возвѣщая господство разсудка надъ чувствами и страстями, въ то же время прежде всего требовала развитія въ людяхъ сосредоточенной, живой энергіи чувства или возбужденія „чувствительности“. Сантиментальная проповѣдь „чувствительности,“ провоз-

¹ Изъ Смѣси Московскихъ Вѣдомостей 1795 г. «разсужденія философа».

² Разговоръ о счастіи 1797.

глашенная Карамзинимъ, была явленіемъ, вполнѣ естественно-психологическимъ въ послѣдовательномъ развитіи человѣческой природы русскихъ людей. Во-первыхъ, по причинѣ общей медленности распространенія возбужденій по нервамъ, неизбежно обуславливаемой холоднымъ сѣвернымъ климатомъ, и притекавшей отъ того общей грубости, притупленности и медленности нервно-мозговыхъ процессовъ сенсуальной и умственной восприимчивости, возбуждаемости и дѣятельности, — въ нервно-мозговой организаціи русскихъ людей прежде всего необходимо было энергическое возбужденіе и воспитаніе чувствительности. И вотъ, вслѣдъ за Карамзинимъ, всѣ передовые умы требовали развитія чувствительности, живой, энергической восприимчивости къ впечатлѣніямъ. Даже дочь Сперанскаго разсуждала о чувствительности. И самъ Сперанскій, отвѣчая на эти разсужденія дочери, въ письмахъ своихъ къ ней изъ Сибири, писалъ: „разсужденіе твое о чувствительности прекрасно и даже весьма основательно. Упражняйся, любезная, чаще въ сихъ размышленіяхъ; но упражняйся съ перомъ въ руцѣ... мысли твои такъ заманчивы, что я не могу не прибавить къ нимъ нѣсколько своихъ. Чувствительность, въ собственномъ смыслѣ, есть способность духа человѣческаго понимать и услаждаться всѣмъ, что есть изящнаго (le beau) въ природѣ и дѣяніяхъ человѣческихъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Нисшій степени чувствительности принадлежать всѣмъ существамъ мыслящимъ; но высшія даны немногимъ. И остякъ имѣетъ свою музыку и увеселяется корольями и стеклярусомъ; но высшія степени чувствительности зависятъ отъ устройства органовъ, отъ усовершенствованія ихъ и нравственнаго образованія; а еще болѣе они зависятъ отъ обилія и полноты живущаго въ насъ духа... Душа изнѣживается отъ недостатка впечатлѣній, подобно какъ тѣло безъ труда и безъ воздуха. Истинная чувствительность есть способность не только принимать, но и выдерживать впечатлѣнія, бороться съ ними и побѣждать ихъ внутреннею силою“¹. Далѣе, послѣ вѣковаго господства въ допетровскихъ нравахъ грубой, звѣрской безчувственности, когда люди въ отношеніи другъ къ другу были бессердечно-жестоки „яки звѣрье“, опять, весьма естественна была эта сантименталистическая проповѣдь „чувствительности къ роду человѣческому“, нравственнаго чувства симпатіи къ людямъ. Чувствительность, по ученію сантиментализма, есть самая плодотворная почва для насажденія и развитія всѣхъ высшихъ, социальновзаимодѣйственныхъ чувствъ и добродѣтелей человѣческихъ—

¹ Русск. Архивъ 1863. № 11, стр. 1690. 1721.

туманности, честности, справедливости и проч. „Блаженъ,—говоритъ Карамзинъ,—кто успѣетъ хотя единое плодородное сѣмя добродѣтели вложить рукою любви въ сердце чувствительныхъ“.

„Чувствительное сердце,—по словамъ Подшивалова,—есть обильный источникъ состраданія къ страдающимъ, человеколюбивой жалости и справедливости сильнаго къ слабому, богатаго къ бѣдному, милосердія воиновъ къ побѣжденнымъ, справедливости и кротости судьи къ подсудимымъ и т. д.“¹ Наконецъ, энергическая проповѣдь „чувствительности“ необходима была для возбужденія и воспитанія въ обществѣ нравственной, психической, нервно-мозговой способности къ социальнo-кооперативной взаимности въ сферѣ общественной дѣятельности. Послѣ вѣковаго господства первобытныхъ животно эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—необходимо было пробуждать въ людяхъ, въ обществѣ, высшія человѣческія чувства просвѣщенно-человѣчной симпатіи и социальнo-кооперативной взаимности. И вотъ, во времена господства сентиментально-филантропическаго взгляда на человѣческую природу, начали зарождаться первыя требованія развитія въ людяхъ психической, нравственной способности сочувственнаго взаимодѣйствія и союзности въ общественной жизни и дѣятельности. Карамзинъ считалъ высшимъ идеаломъ нравственнаго общенія людей или „гармоніей“ общежитія симпатичное, сочувственное нравственное взаимодѣйствіе разсудительности и чувствительности, или „чувствительныхъ и холодныхъ характеровъ“. Эту мысль онъ выразилъ въ своей повѣсти „чувствительный и холодный“, въ лицѣ Эраста и Леонида, и въ „цвѣткѣ на гробъ моего Агатона“ (его друга—Петрова). „Чувствительный и холодный характеры,—говоритъ Карамзинъ,—въ нравственномъ взаимодѣйствіи и саморазвитіи личностей оба необходимы другъ для друга—одинъ чувствительностью, другой—разсудительностью! Соединеніе этихъ двухъ умственныхъ и нравственныхъ особенностей составляетъ гармонію общественной нравственности, ибо разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна—и два человѣка совершенно одинаковыхъ свойствъ всего скорѣе наскучатъ другъ другу“². „Еще яснѣе выразились зачатки психической, нравственной потребности социальнo-кооперативной взаимности въ обществѣ не только въ этой изобильной поэзіи „любви и дружбы“, но и въ прямыхъ заявленіяхъ „артельныхъ друзей“ литературныхъ обществъ. Такъ

¹ Карамзина — «разговоръ о счастьи». Подшивалова размышленіе: «къ сердцу».

² Аглат. 2. кн. М. 1794. 2-е изд. 1796.
Т. ССІХ. — Отд. I.

въ послѣднемъ протоколѣ 20-го засѣданія Арзамасскаго литературнаго общества, бывшаго въ 1817 году, выражено было такое возваніе къ „артельнымъ друзьямъ“ объ усиленіи дружеской взаимности, совокупности и общности въ сферѣ нравственно-общественнаго труда: „Ближе, друзья! Чтобы видѣть другъ друга въ лицо и, сливши пламень души, неприступной кладу убійственной жизни, *вмѣстѣ* сохранять, посреди измѣненія, первое благородство человѣческое (если ужъ счастья нельзя). *Вмѣстѣ*! Великое слово! *Вмѣстѣ*! Твердить унывая сердце, жадное жизни, томяся бесплоднымъ стремленьемъ. *Вмѣстѣ*!.. что мы розно? Одинъ въ мелкихъ заботахъ, въ рабствѣ, другой новаго зданія строить не смѣеть. *Вмѣстѣ*! При немъ—этомъ „вмѣстѣ“—благодатная бодрость; намъ оно—это, „вмѣстѣ“—безопасный пріютъ судьбы вѣроломной: съ нимъ—этимъ „вмѣстѣ“—награда, не шумная почестъ, гремушка младенцевъ, но священное чувство достоинства, внятный немногимъ голосъ души; съ нимъ—этимъ „вмѣстѣ“—жизнедательный трудъ съ безкорыстною цѣлью для пользы; съ нимъ—просвѣщенье, свобода“ и проч. ¹.

Наконецъ, возбудивши, такимъ образомъ, мысль и чувство, всеобщее восторженное восхищеніе славой распространенія наукъ и славой просвѣщенныхъ умовъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу и „права человѣчества“, впервые порождало мысль о необходимости всеобщаго, всенароднаго умственнаго развитія и просвѣщенія, мысль объ общечеловѣческомъ достояніи науки, о всеобщности естественной, нервно-мозговой потребности умственнаго развитія, о правѣ каждаго человѣческаго ума на высшее, научное развитіе, объ общечеловѣческой обязанности умственнаго саморазвитія. Какъ „слава наукъ“, такъ и эта филантропическая мысль съ восторженнымъ чувствомъ восхищенія была привѣтствуема и возвыщаема, при самомъ ея зарожденіи. Всѣ передовые умы восторженно предвозвѣщали зарю всеобщаго, всенароднаго просвѣщенія. Ломоносовъ радостно привѣтствовалъ будущія поколѣнія:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ!
О, ваши дни благословены!
Держайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля родить ².

¹ Русскій Архивъ годъ 6-й, стр. 881—885

² Сочиненія Ломоносова I, 112.

Мерзляковъ съ восторженнымъ вдохновеніемъ пророчилъ наступленіе среди „россовъ“, послѣ славы побѣдъ, славы распространенія наукъ:

Гдѣ, гдѣ не слышно имя россовъ?
 Какъ буря мѣръ они вращли!
 Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
 Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли!
 Куда еще имъ бросить громы?
 Постояте пламенные сонмы!
 Вашъ новый къ славіи путь открытъ:
 Пусть россы наукой, просвѣщеніемъ
 Въ другой разъ мѣръ сей побѣдитъ!

Такое восторженное восхищеніе славою распространенія наукъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго воззрѣнія на человѣческую природу, на „права человѣчества“ и вслѣдствіе восторженнаго удивленія человѣческому уму и мудрости, какъ чудеснѣйшимъ дарованіямъ человѣческой природы, естественно возбуждало мысль, что и умъ простаго народа не долженъ быть униженъ презрѣннымъ невѣжествомъ, позорнымъ клеймомъ „дурачества“, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ. И вотъ, всѣ лучшіе, передовые умы общества стали возбуждать сознаніе всеобщихъ, всенародныхъ умственныхъ правъ на общечеловѣческое интеллектуальное развитіе. Такъ Сумароковъ писалъ: „многіе думаютъ, будто просвѣщеніе только однимъ начальникамъ имѣти надобно; но блаженство общества состоитъ не въ начальникахъ однихъ, и не въ однихъ знатныхъ господахъ. Когда де, говорятъ, люди всѣ просвѣщенны будутъ, такъ не будетъ повиновенія и, слѣдовательно, никакого порядка. Сія система принадлежитъ малымъ душамъ и безмозглымъ головамъ. Сдѣлаемъ новое общество, и вообразимъ, что оно все состоитъ изъ Сократовъ мудрыхъ. Захочетъ-ли кто видѣти не породю и не достоинствомъ кого себѣ государемъ, когда онъ самъ долженъ будетъ черпать ему воду? Собралися бы Сократы, и, посовѣтовавъ, выбрали себѣ, конечно, или государей, или государя. Монархическое правленіе,—я не говорю, деспотическое,—есть лучшее: такъ сіи Сократы, посовѣтовавъ, изберутъ себѣ государя, вельможъ и начальниковъ, которымъ они еще больше повиноваться будутъ, имѣя здравый разумъ; предпишутъ они непарушимые законы свяжутъ и себя, и вельможей тѣми законами, которые они сами оставили. Сократъ истопникъ не будетъ имѣти презрѣнія; ибо онъ почтенъ отъ того, кому онъ печи топить, и тѣмъ онъ его только меньше, что начальникъ его больше, нежели онъ, трудится; онъ топить печи, а тотъ судить и распоряжаетъ. Сверхъ

того, могутъ люди всѣ быть просвѣщенны, но качества просвѣщенія суть разноличны. Тотъ законникъ, тотъ пѣиць, тотъ воинъ, тотъ живописецъ, тотъ астрономъ, и такъ, хотя разумъ и равенъ у людей, но уже и качества просвѣщенія дѣлають различіе между ними. Говорятъ же не о равновѣсіи разума, но о просвѣщеніи: такъ не только равнаго просвѣщенія, но и разума, да и ничего на свѣтѣ равнаго нѣтъ. Такъ сія глупая система, боящаяся просвѣщенія всѣхъ людей, сама себя опровергаетъ, ко стыду толь недобродѣтельно мыслящихъ, и если они не отъ невѣжества и привязанной ему гордости такъ разсуждаютъ, такъ конечно, отъ нечестія¹. Возвѣщая такимъ образомъ идею всеобщаго умственнаго и нравственнаго развитія, Сумароковъ, въ то же время, для развитія въ людяхъ высшихъ добродѣтельныхъ человѣческихъ чувствъ и стремленій, требовалъ именно просвѣщенія физико-математическаго. „Казалось бы, — говоритъ онъ, — что физическое и математическое разсужденіе для добродѣтели было ненужно; да и многіе физисты и математисты честности и не знаютъ; однако, тогда основанія физическихъ и математическихъ разсужденій иначе и не употребляются, какъ только къ профессіямъ сихъ физистовъ и математистовъ. Сія двѣ обширныя науки, физика и математика, и съ ними логика, суть орудія къ изысканію истины; а добродѣтель безъ нисканія истины ни вкорениться, ни утвердиться не можетъ. Словесныя науки, имущія основанія на логикѣ, нужнѣе еще и физики, и математики къ пріобрѣтенію добродѣтели. Вообще, какъ мука еще не хлѣбъ и, слѣдовательно, не пища еще, такъ и воспитаніе безъ науки еще недостаточно для добродѣтели; воспитаніе становится пищею добродѣтели только тогда, когда оно устанавливается просвѣщеніемъ, безъ котораго оно подобно орѣху неимущему еще ядра, или яйцу непроизведшему еще цыпленка“¹. Вслѣдствіе сантиментально-филантропическаго убѣжденія, что „всѣ люди имѣють душу, имѣють сердце“, — филантропы конца XVIII и начала XIX столѣтія громко провозглашали, что всѣ люди могутъ наслаждаться благами наукъ и искусствъ, что безчеловѣчно не давать этого наслажденія нисшимъ классамъ. Карамзинъ съ филантропической точки зрѣнія высказалъ такую мысль: „Не думайте, власти, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ должноствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ. *Всѣ люди имѣють душу, имѣють сердце: слѣдовательно, всѣ могутъ пользоваться плодами наукъ и искусствъ, и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣй-*

¹ Сочиненія Сумарокова, ч. VI, стр. 240—241, 232.

шимъ гражданиномъ" ¹. Воодушевляемый такою филантропическою идеей, Карамзинъ съ чувствительною благодарностію привѣтствовалъ указъ императора Александра I отъ 24-го января 1803 года объ учрежденіи гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и новыхъ университетовъ. Въ учрежденіи этомъ онъ видѣлъ „новый человѣколюбивѣйшій уставъ монарха, сильнѣйшее доказательство небесной благодати его“. „Предупредимъ гласъ потомства,—писалъ онъ,—предупредимъ судъ историка и Европы: „скажемъ, что всѣ новыя законы наши человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благодати монарха, который всѣхъ своихъ подданныхъ равно любить и всѣхъ считаетъ людьми“. Другіе мыслящіе люди, возбуждаемые примѣромъ правительственной филантропіи въ дѣлѣ учрежденія народныхъ училищъ на издвигеніи приказовъ общественнаго призрѣнія, показывали образцы частной филантропически-педагогической дѣятельности. Такъ напримѣръ, Измаиловъ (1773—1830), глубоко проникнутый идиллически-филантропическими идеями и чувствами, восторженно увлекался филантропически-педагогическими идеями Руссо и старался проводить ихъ въ воспитаніе русскаго юношества. Въ 1804 году онъ издавалъ журналъ для воспитанія „Патріотъ“. Недовольствуясь теоріей воспитанія, онъ задумалъ приложить ее къ самому дѣлу, и, съ этою цѣлью, въ идиллически-филантропическомъ увлеченіи, завелъ въ своемъ сельскомъ жилищѣ пансіонъ для бѣдныхъ, крестьянскихъ дѣтей. Кн. Шаликовъ, посѣтивъ однажды Измаилова въ его сельскомъ домикѣ, говорилъ о немъ слѣдующее: „онъ былъ окруженъ своими питомцами, которыхъ любить болѣе, нежели отцы и матери, которыхъ образуетъ какъ Руссо, какъ Песталоцци, которымъ посвящаетъ жизнь свою въ такихъ лѣтахъ, когда жизнь требуетъ всѣхъ удовольствій личности. Я находилъ удивительное сходство между симъ любимцемъ музъ и Ж. Ж. Руссо: тѣже чувства, тѣже вкусы, тотъ-же образъ жизни и мыслей; подобно женевскому философу, онъ имѣетъ своего Эмиля—одного изъ питомцевъ, который неразлученъ съ нимъ и котораго онъ учитъ столярному ремеслу“ ². Точно также, учрежденное въ 1802 году въ Ригѣ „вольное общество словесности и практики“, подъ вліяніемъ филантропическихъ идей вѣка, поставило своею обязанностію — „обучать въ тишинѣ людей низкаго рода тому, что можетъ быть для нихъ

¹ «Вѣстникъ Европы» 1808 г. № 5: «о новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи».

² Агала 1808, ноябрь: «Любимцу музъ».

полезно, обращать вниманіе свое на физическое и нравственное воспитаніе гражданъ нисшаго класса, которые находятся въ перенебреженіи, и стараться приучать ихъ размышлять самихъ собою" ¹. Общимъ слѣдствіемъ такихъ филантропическихъ идей и чувствъ были всѣ эти народообразовательныя учрежденія правительственной филантропіи—гимназіи и приходскія, и уѣздныя училища, въ уставахъ и учебникахъ которыхъ впервые выражено было филантропическое стремленіе очистить или избавить умъ народный отъ допетровскихъ суевѣрій и предразсудковъ, какъ источниковъ народнаго заблужденія и несчатія ². И вообще, вплоть до сороковыхъ годовъ, филантропическіе мотивы къ возбужденію идеи о всенародномъ образованіи предшествовали требованіямъ справедливости. Еще въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ „Современникѣ“ замѣчено было, по поводу разбора книги о духовномъ образованіи земледѣльческаго класса: „Нельзя не замѣтить, что *филантропическая идея объ образованіи людей нисшаго класса* у насъ болѣе и болѣе развивается. Это очень естественно: „чѣмъ просвѣщеннѣе становится высшій рядъ общества, тѣмъ чаще изъ него всматриваются въ положеніе тѣхъ, которые судьбою поставлены внизу“ ³.

¹ Периодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, т. I, стр. 52—59. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, № 8, стр. 22—27.

² Это стремленіе искоренить *суевѣріе* и просвѣтитъ *разсудокъ* простаго народа прямо выражено было въ уставахъ приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также въ предисловіяхъ учебниковъ, напримѣръ, по физикѣ, технологіи и проч. Сборникъ постановленій министерства народнаго просвѣщенія, т. I.

³ Современникъ 1846 г. № 6, стр. 353.

IV.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРУДЪ.

Господство фетишическаго страха и богатырской, хищнической, разбойнической, воинственной и поработительной мускульной дѣятельности въ сферѣ первобытнаго труда. — Происхождение рабства, богатства и бѣдности въ сферѣ труда. — Первобытная форма коопераціи въ дружинахъ богатырски-воинственныхъ, хищническихъ и разбойническихъ: коопераціи грубо-мускульныхъ. — Господство моноэстетическаго страха Божія, богобоязненно-братолюбивыхъ воззрѣній на рабочихъ людей и остатковъ первобытныхъ эгоистически-приобрѣтательныхъ и хищнически-поработительныхъ наклонностей въ сферѣ допетровскаго общественнаго труда. — Богобоязненно-братолюбивый взглядъ на рабство, и евократическая санкція историко-традиціоннаго принципа рабства. — Богобоязненно-церковно-обрядовая форма допетровскихъ кооперацій — церковныхъ дружинъ иконописцевъ, храмостроителей, церковныхъ братствъ: коопераціи нравственно-мускульная. — Богобоязненныя понятія о трудѣ и господствѣ труда первобытно-грубаго, простаго, безъаскетическаго. — Богобоязненное предуготовленіе къ усвоенію западныхъ художествъ въ сферѣ труда. — Восторженное чувство удивленія чудесамъ художествъ и машинъ, и вліяніе его на развитіе послѣпетровскаго общественнаго труда. — Преобладающее художественнаго, искусстваваго труда надъ первобытнымъ и допетровскимъ трудомъ безъаскетическимъ. — Сантиментально-филантропическая идея улучшенія быта рабочихъ. — Послѣ допетровскаго богобоязненно-аскетическаго отрицанія страсти корыстолюбія, какъ порожденія особаго «демона сребролюбиваго» или «сребрестнаго духа вестности», — прославленіе страсти корыстолюбія и вліяніе его на государственное поощренія и возвышеніе коммерціи, на развитіе преобладанія капитала надъ трудомъ. — Сантиментально-филантропическія идеи благотворительности богатыхъ и рационально-филантропическія идеи Канкрива о наиболѣе справедливомъ распредѣленіи богатства. — Восторженное чувство удивленія «славѣ геройскихъ и знатныхъ дѣлъ», и возвышеніе общественной дѣятельности дворянства, сопровождавшееся равномернымъ униженіемъ «подлога народа». — Восторженное прославленіе филантропической славы царей, и сантиментально-филантропическая идея освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. — Возникновеніе сантиментально-фиантропической идеи коопераціи въ сферѣ земледѣлія и особенно въ сферѣ умственнаго труда и нравственно-общественной дѣятельности. — Восторженное восхищеніе идеей коопераціи и развитіе нравственныхъ чувствъ социально-кооперативной взаимности.

Въ первобытныя времена, и въ сферѣ труда, страхъ таинственныхъ силъ природы и грубой физической силы былъ главнымъ источникомъ всѣхъ первобытныхъ проявленій мускульной дѣятельности человѣческой и первоначальныхъ понятій о трудѣ. Прежде всего, возбуждая инстинктъ самосохраненія, онъ неудержимо рефлективно выражался въ постоянной, обширной мускульной дѣятельности, и порождалъ всеобщее животно-эгоистическое стремленіе къ самообезпеченію, какъ требѣ боговъ „живота“, къ застрахованію себя на счетъ „чужого труда“, или, по древнему выраженію, „отъ чужой силы“. Сильный, несмотря на свою могучую силу, все-таки боялся таинственныхъ силъ природы, могшихъ вдругъ лишить его нахватавшаго имущества и уморить голодною смертію, — и вслѣдствіе такого опасенія, съ ненасытною жадностію застраховывалъ себя — подвигался въ по-

хищеніи чужаго имущества, въ захватѣ произведеній или добычи чужаго труда. Отсюда происходило первобытное сильнѣйшее развитіе страсти любостыжательности, корыстолюбія, какъ требы боговъ „живота“. Отсюда происходило господство насильственной эгоистически-приобрѣтательной дѣятельности и преобладаніе подвига богатырскаго, труда воинственнаго, оккупаторскаго, хищническаго, поработительнаго надъ трудомъ мирнымъ, челоуѣколюбиво-промышленномъ. „Маломочный смердъ“, трепеща передъ „богатырской головой“ и мускульной силой, страшась „необычной“, преобладающей насильственно-поработительной силы „сильныхъ мужей“, невольно поклонялся и покорялся имъ „подъ руку“, по словамъ древнихъ памятниковъ, „черпалъ и подавалъ имъ воду, какъ холопъ господамъ“, вообще, работалъ на нихъ. На войнѣ, малосильные люди, „малая чадь“, „отроки“ также невольно отдавались въ руки „сильнымъ мужамъ“. Такимъ образомъ, рождалось первобытное рабство въ сферѣ труда¹. Далѣе всѣ боялись таинственныхъ силъ природы,—и со страхомъ и трепетомъ рѣшались на каждый трудъ и промыселъ: вслѣдствіе этого, звѣроловъ поклонялся разнымъ зооморфическимъ божествамъ, звѣрямъ и самымъ срудіямъ звѣроловнымъ, а также и хлѣсу; пастухъ поклонялся „скотъему богу—Велесу“; земледѣлецъ поклонялся „матери—сырой землѣ“, плугу и хлѣбу²; вѣдунъ, знахарь со страхомъ и трепетомъ шолъ искать клада, сокровищъ въ горахъ, боясь „Змѣя-Горынчица“³. Въ то же время, страхъ таинственныхъ силъ природы внѣшней и челоуѣческой полагалъ первоначальное основаніе раздѣленія людей на богатыхъ и бѣд-

¹ Памяти. стар. русс. литер. вып. II, стр. 328. Подробности см. въ моей статьѣ въ „Дѣлѣ“ за 1871 г. № 8.

² Первобытный религиозный обычай поклоненія «Хлѣбу», повидному, долго сохранялся въ народѣ. Патр. Никонъ на соборѣ 1655 года говорилъ: «людіе, въ церкви приходяще, неосвященному хлѣбу божескую честь воздаютъ, поклоняются и припадающе молятся хлѣбамъ, аки не вѣти пѣніе странновѣрствующіе и хлѣбопоклонники». Впрочемъ, на это Павелъ Коломенскій возражалъ: «возможно ли помыслить, яко бы шестисотыи въ россійской церкви обычай, чужевѣрный хлѣбопоклонническій чинъ содержалъ донынѣ». Раскольничья церковная исторія XIX вѣка. 1859 г. ч. III, л. 56: въ библиот. Казан. дух. академіи.

³ Въ горахъ боялись Змѣя-Горынчица, и только волхвы, вѣдуны или богатыри дерзали добывать изъ горныхъ сокровищъ золото и серебро: «Замогъ Добрыня въ пещеры бѣлокаменныя, гдѣ жилъ Змѣя Горынчице, нашель въ тѣхъ пещерахъ бѣлокаменныхъ у лѣтаго Змѣя Горынчица много влата, серебра». (Древн. россійск. стихотвор. стр. 349). И впоследствии, долго, никто, кромѣ волхвовъ или вѣдуновъ, не дерзалъ первый рыться въ горахъ, искать руды. Юрій Крыжаничъ говоритъ: «къ обрѣтенію руды Камскія блже призванъ нѣкій волхвъ, и онъ указавъ ово мѣсто, гдѣ конати, яже и есть конано, во сѣ малю корыстѣю». Омосков. государ. 4-й «о рудакъ», стр. 69—60.

ныхъ. Съ одной стороны, всеобщій страхъ таинственныхъ силъ природы, постоянно угрожавшихъ внезапнымъ лишеніемъ всѣхъ средствъ жизни, нищетою и голодною смертію, невольно и сильно побуждая всѣхъ, для застрахованія и обезпеченія своей жизни, всѣми силами добывать и приобрѣтать средства жизни, во всеобщей эгоистически-приобрѣтательной борьбѣ за существованіе, другъ съ другомъ соперничать въ ловлѣ звѣрей, въ грабежахъ и разбояхъ, въ хищническихъ набѣгахъ на чужія владѣнія,—такимъ образомъ порождалъ первобытное раздѣленіе людей на „имущихъ и неимущихъ“. Сильнѣйшіе, удачнѣе другихъ ловившіе или, по древнему выраженію, „имавшіе“ звѣрей, захватывавшіе или „поймавшіе“ чужое имѣніе на войнѣ, или въ грабежахъ и разбояхъ, естественно оказывались и назывались „сильными имѣніемъ“, „имущими“ (отъ глаг. „имать“), т. е. имѣвшими силу захватить, набрѣть много имѣнья; а малосильные, не обладавшіе достаточною силою для захвата и „собранія имѣнья“ естественно становились и назывались „неимущими“ или „немоцными имѣніемъ“. Первые, какъ щедро надѣленные богами силы и изобилія, какъ любимцы или избранники боговъ, назывались „богатыми“ (отъ слова „боги“), а „немоцные имѣніемъ“, нищѣ, какъ обдѣленные богами силы и изобилія, бывшіе въ немилости у боговъ, названы были „убогими“: ибо, по древней пословицѣ, „гдѣ смердь думалъ, тамъ богъ не былъ“¹. Съ другой стороны, всеобщій страхъ преобладающей эгоистически-приобрѣтательной физической силы—воицственной, хищнической и разбойнической нерѣдко невольно побуждалъ самихъ маломощныхъ людей приносить свое имѣнье въ жертву „сильнымъ мужамъ“, „храбрымъ воинамъ и бойцамъ“, дабы умилостивить ихъ и избавиться отъ ихъ страшнаго истязанія. Маломощные всегда терпѣли, по выраженію древнихъ памятниковъ, „бѣды или бѣднестя“ отъ сильнѣйшихъ, все силою отнимавшихъ у нихъ и заставлявшихъ ихъ бѣдствовать; и отъ того произошло первоначальное названіе ихъ „бѣдными“². Таковы были существенныя начала первобытнаго народнаго труда и приобрѣтенія.

Въ слѣдующій за тѣмъ фазисъ, когда первобытній фетишистическій страхъ природы замѣнился моноистическимъ страхомъ единой невидимой силы Божіей въ природѣ и въ сферѣ труда народнаго, высшимъ основнымъ началомъ сталъ этотъ моное-

¹ Буслаева.

² Въ одной челобитной XVII вѣка сохранилось первобытное значеніе слова „бѣдность“, именно въ такомъ выраженіи: «видимъ надъ собою такую бѣдность, что болгарскія дѣти со многими дворовыми людьми учали у насъ силой кожи изъ озера волоčiti и насъ бить». Въ чтен. Москов. общ. истор. и древн. росс.

истическій, христіанскій страхъ Божій. Такъ богобоязненными убѣжденіями утверждено было общественное значеніе и положеніе рабочаго народа. Съ одной стороны, богобоязненная вѣра въ предопредѣленіе „неисповѣдимыхъ судьбъ и уставовъ Вожиныхъ“, укоренивши убѣжденіе, что „Господь попустилъ есть овому господствовать, овому же работати“, что „Богъ не самовластно челоуѣка сотворилъ, а уставомъ и царей, и князей, и прочія власти для воздержанія міра, и далъ властямъ волости съ христіанн“,—¹ эта богобоязненная вѣра въ „попущеніе Божіе“ такимъ образомъ неизменно утверждала историко-традиціонное установленіе рабства и господства—первооснову развитія крѣпостнаго права. Вслѣдствіе укорененія такихъ убѣжденій Русской правдой утверждено было первобытное холопство или рабство, образовавшееся путемъ первобытнаго приобрѣтенія рабовъ или холоповъ войной, насильственнымъ захватомъ „отроковъ“ и „маломочныхъ, молодшихъ людей“, кабалой и т. п., и, въ то же время, узаконены были обязательныя рабочія отношенія „ролейныхъ закуповъ“ къ „господинамъ“—боярамъ, или отношенія колонистовъ-земледѣльцевъ къ колонизаторамъ-землевладѣльцамъ. Затѣмъ, когда колонизаціонная обстройка русской земли, географическое, колонизаціонное распространеніе и распредѣленіе населенія требовавшее его разбродчивости, „брошенія въ ровнь“, свободного перехода, въ главныхъ основаніяхъ были заключены, когда княжескія и боярскія вотчинныя земли были значительно заселены и, вслѣдъ за распространеніемъ христіанства, вслѣдъ за пожалованіемъ духовенству обширнѣйшихъ земель, вслѣдъ за обращеніемъ „поганой, некрещеной Чуди, Лопи, Корѣль, и другихъ финскихъ племенъ въ „Христіанъ или Хрестьянъ“, вслѣдъ за колонизаціонно-іерархическимъ распространеніемъ на нихъ „волости“ или власти духовной, образовались новыя „волости“ монастырскія, владычныя и церковныя,—тогда, тотчасъ послѣ совершенія централизаціоннаго, единодержавно-государственнаго процесса „собиранія“ всѣхъ этихъ разрозненныхъ, „особныхъ“, удѣльно-вѣчевыхъ вотчинныхъ колоній въ одно цѣлое московское государство, подъ одну „крѣпкую руку московскихъ самодержцевъ всея Русіи“,—тогда, говоритъ, естественно совершилось и прекращеніе свободного перехода крестьянъ, прикрѣпленіе ихъ къ землѣ, и учрежденъ былъ особый „холопій“ и „сыскный“ приказъ. Указами 1592—1597 годовъ и свободные крестьяне стали обращаться въ прикрѣпленныхъ къ землѣ рабочихъ рабовъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ работать на своихъ

¹ Памят. IV, 205, Инокъ Вассіана разсуд. о неправдѣ монастырск. владѣть вотчинами. Въ чтен. общ. истор. стр. 12—16.

„господиновъ“ особыми указами и уставными грамотами. Указами 1598—1640 г. и уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича усилено было стремленіе къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и, наконецъ, первыми ревизіями во всей силѣ развито было крѣпостное право.

Съ другой стороны, богобоязненно-братолюбивое воззрѣніе на человѣческую природу, утвердивши убѣжденіе, что „все единымъ крещеніемъ крестихомся, все равно кровію Христова, искуплены и все равно, рабы и свободные, на страшномъ судищѣ представимъ“,—впервые порождало и внушало заповѣдь „не поработать силою рабовъ, быть милосерднымъ и челоуѣколюбивымъ къ рабамъ“, „господствующимъ князьямъ и боярамъ печаловаться объ общемъ народѣ, Господня ради страха“, „не нудить нищихъ на работу“ и т. п. Послѣ первобытнаго господства воинственно-поробительнаго насилія „сильныхъ мужей“,—учители церковныя увѣщевали бояръ, служившихъ въ войнахъ, укрощать свою воинственную силу и оказывать братолюбивое милосердіе къ подвластнымъ имъ крестьянамъ и рабамъ. „Власти,—говорилъ инокъ Вассіанъ Косой, —даны свыше отъ Бога мірскимъ властямъ, и вѣрнымъ воинамъ подобаетъ въ войнахъ бити съ царскаго повелѣнія и стоять противъ враговъ креста Христова крѣпко, неподвижно, а къ своевѣрнымъ и въ домахъ своихъ бити кроткимъ, щедрымъ, милостивымъ, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не чинити, женъ и дѣвицъ не сквернити, вдовицъ и сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не изобидѣти. Подобаетъ въ войнахъ бити и помнити всегда смертный часъ со всякою добродѣтелью къ Богу. Такоже, подобаетъ труждающихся въ волостяхъ, крестьянъ любить, какъ братій по Бозѣ, снабжать всѣмъ лучшимъ и полезнѣйшимъ, лучшими яствами и питьями“ и т. п.¹ Иосифъ Волоцкій писалъ особымъ посланіемъ къ боярамъ, въ которыхъ увѣщевалъ ихъ милосердо обращаться съ рабами, достаточно снабжать ихъ пищею и одеждою, учить ихъ страху божію, отпускать на волю для постриженія въ иночество. Въ XVII в. „Слово о Правдѣ“ поучало облегчить крестьянъ въ земскихъ повинностяхъ и работахъ, и т. п.²

Точно также и первобытныя, эгоистически-приобрѣтательныя стремленія корыстолюбія, въ сферѣ труда, существенно смягчались и измѣнялись христіанскими богобоязненными чувствами. Послѣ первобытнаго господства грубаго, немилосердаго корыстолюбія и хищничества, богобоязненные люди стали бояться стра-

¹ Разсужд. Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами.

² Пам. IV, 191—192. Голосъ древн. русск. церкви объ улучшеніи быта людей несвободныхъ въ Правосл. Соборѣхъ. 1858 г. январь.

сти корыстолюбія, какъ особаго демона сребролюбиваго. Въ книгахъ читали: „демонъ сребролюбивый будетъ яко человекъ лицомъ, очю отъ очю испущаетъ, чернь яко мурина, по обонмъ раменамъ его вмѣсто рукъ змія висить, уста у него львовы, чрево же его всякой пищи изнурительнѣйшее, все влагаемое спалаетъ“ и проч. ¹ Вслѣдствіе такого взгляда на страсть корыстолюбія,—проповѣдники церковныя, искореняя въ народѣ первобытное господство ненасытимаго хищничества и грабежа, сильно вопіяли противъ этого господства грубой, хищнической любостязательности. Напримѣръ, одинъ проповѣдникъ въ „словѣ о берущихъ многа имѣнія“, устрашая народъ страшнымъ судомъ и казнями Божиими, вопіялъ: „безъ ума мятется всякъ человекъ и собираетъ имѣнія, и не вѣсть, кому собираетъ: ибо мятется, суетится, собирая богатство: одному богатство, а другому печаль, одинъ алчетъ, а другой добромъ его насыщается, тотъ стонетъ, а иные имѣніемъ его обогащаются; одинъ у другаго имѣніе похитилъ, а другой у инаго землю отнял, многіе крадутъ и разбойничаютъ, а все потому, что жаждутъ собрать имѣнье. Богъ далъ намъ богатство, а мы еще отнимаемъ у убогихъ и насилуемъ сиротъ“. ² По внушенію страха Божія, послѣ первобытнаго необузданнаго господства насилія въ отнятіи пищи и всякаго имѣнія, послѣ первобытнаго ненасытимаго хищничества „сильныхъ имѣніемъ“, неизбѣжно сопровождавшагося умноженіемъ бѣдныхъ, нищихъ, голодныхъ и т. п.,—всѣ богообязанные люди, какъ мы видѣли, стали раздавать кормъ, яства и питья и всякое имѣнье этимъ нищимъ, бѣднымъ и голоднымъ, вообще, послѣ первобытнаго звѣрскаго жестокосердія, стали творить милостыню. Съ другой стороны, страхъ Божій внушилъ убѣжденіе, что „богатство Богъ намъ далъ есть“, что „Господь Богъ егоже хочетъ обогащаетъ, и его же хочетъ унищеваетъ“. ³ Вслѣдствіе этого, моралисты поучали народъ „въ купляхъ и продажахъ вѣдать судьбы Божіи“, а не обращаться къ волхвамъ съ гаданьями. Гости или купцы побуждались страхомъ Божиимъ соблюдать „правду Божию въ вѣсахъ и мѣрахъ“. Св. Владиміръ въ своемъ церковномъ уставѣ, искореняя первобытное безсовѣстное грабительство, объявилъ мѣру и вѣсы чѣмъ то священнымъ и передалъ наблюденіе за ними надзору церковной власти, епископовъ, говоря: „а мѣру и вѣсы святителямъ блюсти“. Первые торги, въ родѣ торга при церкви св. Іоанна (XII в.) охранялись и освящались церковной санкціей. Слага-

¹ Изъ рукописи В. Ив. Григоровича.

² Правосл. Собес. 1858 июль, стр. 481—483.

³ Памяти. IV, 205. III, 15.

лись легенды, что гостей или купцовъ обогащала уже не сила, а сама Богородица, „убожествамъ обогатительница“, или обогащала самъ Богъ. Такъ какъ многіе, по внушенію аскетическаго страха Божія, стали смотрѣть на богатство, какъ на зло, то церковные наставники поучали: „братіе, вѣдите, яко богатство нѣсть зло, аще добро творимъ; еще кто нищеты ради, отходитъ въ монастырь, то уже не для Божіей любви отходитъ, но чреву своему угодіе творить; не спасутъ насъ черныя ризы, аще въ лѣнности начнемъ жити, не губятъ же и бѣлыя ризы тѣхъ, аще кто богатъ, но творитъ Господни заповѣди“. Наконецъ, и на самое пріобрѣтеніе богатства и на улучшеніе торговли „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель“ смотрѣли съ богобоязненной точки зрѣнія, какъ на „богоданную радость христіанъ“. Знаменитый Ордінъ-Нащокинъ, издатель торговаго устава, утверждалъ: „всегда отъ Бога данная христіанамъ радость, чтобы они въ покоѣ и въ умноженіи торговыхъ прибытковъ пребывали“.¹

Далѣе, самыя понятія о трудѣ всецѣло проникнуты были страхомъ Божіимъ. Впервыхъ, страхъ Божій возбранялъ первобытное проявленіе рабочей силы человѣка—хищническое и разбойническое. Церковь угрожала татамъ и разбойникамъ страхомъ суда страшнаго и проклятія церковнаго, отлучала ихъ отъ церковнаго общенія, возбраняла принимать отъ нихъ всякія „чары“ или приношенія въ храмы Божіи, поучала князей казнями искоренять первобытное разбойничество. Вообще, послѣ первобытнаго господства труда воинственнаго, хищническаго и разбойническаго,—страхъ Божій побуждалъ и пріучалъ къ труду мирному, братолюбиво-промышленному, богобоязненному. Древнее поученіе, подъ заглавіемъ: „Слово о лѣнливыхъ и похвалы дѣлателямъ“ поучало земледѣльцевъ, „рукодѣльниковъ“ пастуховъ или скотоводовъ, гостей или торговцевъ и жонъ мирно трудиться, работать усердно, и часть отъ трудовъ своихъ удѣлять нищимъ и Богу или церквамъ, но отнюдь не заниматься разбоемъ и татьбою, и отъ разбойниковъ и татей не принимать никакихъ приношеній въ церкви.² Вовторыхъ, послѣ первобытнаго фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы во всѣхъ сферахъ промышленнаго труда и волшебныхъ гаданій, объ удачѣ или неудачѣ промысловъ, христіанское чувство страха Божія внушало убѣжденіе, что не сила ручная, не хитрость искусства дѣлаютъ успѣшнымъ всякій трудъ, а единственно молитва къ

¹ Памяти. I, 133. Лешкова, русскій народъ и государство. Правосл. Соборъ. 1858 г. декабрь, стр. 512. Исторія Россіи Соловьева XII, 247.

² Измарагды, рукоп. Солов. библиот. № 270.

Богу. На такой мысли основана была древняя повѣсть „о двухъ шведахъ“ или сапожникахъ, которая кончалась такимъ поученіемъ: „се же, братіе, слышаще, теките къ церкви, дѣло оставяши, да Господь помируетъ вы: аще бо и много труждаемся, дѣлающе что или куплю дѣюще, а отъ Бога не будетъ дано, то не успѣемъ ничтоже, самый хитрый руководѣльникъ ничего не сдѣлаетъ, не будетъ богатъ отъ своего хитраго ремесла“. ¹ Вслѣдствіе такихъ богобоязненныхъ воззрѣній на трудъ, сочинены были особыя молитвы при началѣ всякаго труда, и даже особыя „молитвенники“ промышленныя, въ родѣ находящагося у насъ рукописнаго „молитвенника бортниковъ“ или пчеловодовъ, похожаго на цѣлый молебень. Во всѣхъ сферахъ труда, въ области земледѣлія, огородничества, скотоводства и рыболовства, признаны были покровителями и помощниками особыя святые. ² Въ третьихъ, богобоязненные понятія внушили убѣжденіе, что не человѣческая хитрость или умственная изобрѣтательность, мускульная ловкость и художественное творчество научили и научаютъ людей разнымъ ремесламъ, а „Христось Богъ, всѣмъ учителямъ мастерамъ ремесла даетъ“, что „умилосердился Господь, послалъ сперва архангела Іоуля, отлучити седьмую часть земли отъ рая и подалъ Адаму и Еввѣ на воздѣланіе, потомъ пришелъ архангелъ Гавріилъ и наставилъ Адама на дѣла ручная, и дастъ имъ ипсеницу и медь“. ³ Общимъ слѣдствіемъ такихъ убѣжденій было предпочтеніе труда богобоязненно-скромнаго, безыскусственнаго, труду художественному, изобрѣтательно-индустриальному. Древнее сказаніе о богобоязненномъ дровосѣѣ—„о старцѣ, низведшемъ дождь съ небесе“, который „отъ чужой силы никогда не бралъ хлѣба и не ѣлъ даромъ ни у кого, а только рубилъ въ лѣсу дрова и на своихъ плечахъ носилъ ихъ въ городъ на продажу и, тѣмъ нишу себѣ покупалъ“,—это древнее сказаніе представляло религіозную санкцію труда своеручнаго и, въ тоже время, самаго простаго, безыскусственнаго и богобоязненнаго. ⁴ И этотъ-то идеаль труда, можно сказать, вполне достигался въ древней Руси наибольшею частію рабочаго народа. Трудъ изъ-за куска хлѣба, трудъ чисто „кормовой“ и самый безыскусственный, всецѣло преобладалъ надъ трудомъ искусственнымъ, рационально-индустриальнымъ, художественно-творческимъ. Самыя безыскусственныя „кормовыя“ и „бродячія работы и промыслы преобладали надъ мастерствами

¹ Пам. I, 87—88.

² См. историческій любопытный народный календаръ въ Чт. Общ. Истор.

³ Вуслаева II, стр. 180. Пам. III, 2.

⁴ Памати. I, 86—87.

и работами, хоть сколько-нибудь требовавшими умственного развитія и ученья. Многие „кормились походя работою“, или „кормились работою ходя по наймамъ“. Одни „кормились топоромъ“, другіе — „ветошьемъ“, или — „отъ озера“. ¹ Иные, послѣ отцовъ бродя по многимъ мѣстамъ, кормились „веселымъ промысломъ — скоморошествомъ“, или „скрипкою“. Въ самой Москвѣ, въ Мѣщанской слободѣ, въ 1677 году, изъ 634 промышленныхъ и ремесленныхъ людей, только человекъ 8 занимались такими ремеслами или промыслами, которые хоть сколько-нибудь требовали умственного развитія и ученья, какъ, напримѣръ: ученьемъ дѣтей въ школѣ, печатаньемъ листовъ, книжной торговлей, перепиской книгъ, дѣланьемъ органовъ и насосовъ, садоводствомъ, и на каждое изъ этихъ ремеслъ приходилось только по одному человеку. Между тѣмъ, однимъ „мясомъ промышленяли“ въ той-же Мѣщанской слободѣ до 52 человекъ, рыбой болѣе 20, хлѣбомъ печенымъ и калачами до 24, разнымъ другимъ харчемъ до 11 человекъ, „ветошнымъ“ 13 человекъ, „сырьемъ“ 4 или 5, „переулошнымъ товаромъ“ 14, черною работою кормилось 18 человекъ. ² И всѣ эти ремесла и промыслы, вмѣстѣ съ повѣрьями и суевѣрьями, передавались по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ отцовъ и дѣдовъ къ дѣтямъ и внукамъ, по старинѣ и пошлнѣ. Многие рабочіе такъ и въ дѣловыхъ бумагахъ писались изъ рода въ родъ: „въ такомъ-то дѣлѣ сынъ или внукъ силу знаетъ, какъ и родители его въ томъ-же дѣлѣ силу знали“; „или: какъ дѣдъ и отецъ писался „свѣшникомъ“, „масленникомъ“, „холшевникомъ“ и т. п., такъ и сынъ и внукъ писался: „сынъ свѣшникъ, сынъ масленникъ, сынъ холшевникъ и т. п.“ ³ Вообще, первобытный, историко-традиціонный, безыскусственный трудъ до того преобладалъ до Петра Великаго надъ трудомъ изобрѣтательно-творческимъ, что въ народѣ укоренилось убѣжденіе, будто нетолько первобытные люди, но и ихъ потомки, безъ власти Божіей никогда не могли и не могутъ изобрѣсти ни одного вида труда искусственнаго. Эту мысль народные грамотники выразили въ слѣдующемъ „разговорѣ о дѣтихъ праотца, како жила“: „братъ, сынъ Феофилактовичъ! Благополучно здравствуй! Писалъ ты на походѣ своемъ прошеніе нѣкое о написаніи къ тебѣ что-нибудь. Я то помню и думаю, что писать, и пришло мнѣ на мысль помянуть вкратцѣ прадѣда нашего житіе: диковинка не малая подумать, какъ онъ заводъ свой заводилъ — хоромное строеніе и хлѣбную пашню, рыбную ловлю, сѣнные покосы и прочее. Сталь

¹ А. А. Э. IV, № 38.

² Чтен. Общ. Истор. 1860 г. кн. 2, отд. V, стр. 1—20.

³ Дополн. къ А. П. VI, 182, 185.

онъ прежде избу строить: гдѣ бревна? Смѣчены и несѣчены. Сѣчь чѣмъ? Топоромъ? А топоръ не кованъ, а топорщице не сдѣлано. Ахъ, бѣда! прежде избы надобно кузницѣ строить, а желѣзо изъ земли не выкопано, а и копать чѣмъ, не умѣеть, уголья не жжены, и жечь не знаетъ. Еще лѣсъ стоять на корени; что тутъ въ началѣ завезть—желѣзные заводы, или сѣченіе лѣсовъ? Пашню ли пахать, аль сохи, бороны дѣлать? Плотники не рождены, кузнецы не зачаты, прочіе мастера всѣ еще на свѣтъ не поспѣли и хитрецы не вышли... Безконечное слово о томъ, да пора окончить. Видно намъ безъ власти Божіей ничего не сдѣлать, а Богъ въ семь дней все сотворилъ для насъ¹. Вслѣдствіе такого безсилія первобытнаго, безъискусственнаго труда, маломощные смерды неизбѣжно съ древнѣйшихъ временъ оказывались безсильными во всѣхъ сферахъ труда на пути своего колонизаціоннаго самоустройства среди дикой, суровой природы сѣверной и сѣверо-восточной Европы. Долго они боялись Змѣевъ Горынчищей и не умѣли добывать желѣзо изъ горъ, не умѣли ковать сошниковъ, косъ, топоровъ и проч.; съ трепетомъ упова на скотяго бога Велеса и потомъ на святаго Власія и Георгія, не умѣли разумно вести скотоводства; со страхомъ голодовъ поклоняясь „хлѣбу“, не умѣли разумно обрабатывать поля и проч., — и вотъ поневолѣ, съ древнѣйшихъ временъ и вплоть до XVII-го вѣка, сами шли „поряжаться въ ролейные закупы, въ крестьяне“ „господинамъ боярамъ“, „господинамъ архимандритамъ, игуменамъ, владыкамъ“, изъ-за ссуды сохи, топора и косы, изъ за ссуды рабочей лошади и коровы, изъ-за „денежной и хлѣбной подмоги“, и такимъ образомъ выработывали себѣ крѣпостное рабство. Точно также, часто, единственно вслѣдствіе нераціональности, безъискусственности труда, самыя цвѣтуція общины древней Руси не имѣли прочной экономической силы, самобытности, устойчивости, и поневолѣ подчинялись крѣпкой рукѣ и опеѣ московскихъ самодержцевъ. Съ XI-го вѣка народъ позналъ догматическую истину, что „Богъ наводитъ по грѣхамъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, или вѣдромъ, или иною казнію, а человекъ не вѣсть ничтоже“.² На основаніи такой догматической истины, народъ сталъ объяснять всѣ физическія явленія въ сферѣ своей хозяйственной дѣятельности, въ области природы, однимъ непостижимымъ закономъ — волею Божіею. По словамъ древнихъ народныхъ памятниконъ, „волею Божіею вставала буря и вѣтромъ лѣсъ ломало; волею Божіею приходила вѣшняя большая вода; волею Божіею или попущеніемъ

¹ Изъ рукоп. XVІІІ в. Лѣтоп. рус. литер. и древн. 1859 г. т. II, огд. III, стр. 72.

² Лаврент. лѣтоп. 68—64.

Божіимъ, по грѣхамъ нашимъ, была засуха; Божіимъ посѣщеніемъ ниспадалъ градъ; Божіимъ промысломъ и повелѣніемъ бываетъ теплота воздушная и молитвъ ради пречистыя Бородицы и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ даруетъ Господь Богъ снѣгъ и мразь; Божіимъ промысломъ и повелѣніемъ рожь цвѣтеть, а цвѣту не прибываетъ мразомъ молитвами пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ; Божіимъ наведеніемъ бываетъ изсохновеніе земли“ и т. д. ¹ Само по себѣ это догматическое убѣжденіе непреложно. Но допетровскіе предки наши выводили изъ него, то одностороннее, ложное умозаключеніе; что „человѣкъ не вѣсть ничтоже“, что „познавать естественныя вины явленій естественнымъ разумомъ есть буйство у Бога, непокорство слову Божію“, что трудъ человѣческой безсиленъ въ борьбѣ съ природой. И вотъ, вслѣдствіе такихъ убѣжденій, естественно, допетровскія общины никакъ не могли додуматься до того, что для наиболѣе разумнаго, правильнаго и прочнаго саморазвитія имъ необходимы были во всѣхъ сферахъ труда раціональныя основы естествознанія, что рано или поздно общины должны были бы сами собою преобразовываться изъ непосредственно-натуральныхъ, естественно-рабочихъ общинъ въ общины раціонально-рабочія, естественно-научно-экономическія, что рядомъ съ „излюбленными ихъ мірскими головами и старостами“ имъ еще болѣе необходимы были, вмѣсто вѣдуновъ и знахарей, такія мірскія, общинныя излюбленныя головы, которыя бы изслѣдовали и раскрывали имъ законы природы во всѣхъ сферахъ труда и общинной экономіи, что, наконецъ, рядомъ съ вѣчами и мірскими думами имъ необходимы были общинныя думы или согласія естество-познавательныя, рядомъ съ общинными, мірскими избами, необходимы были общинныя естество-испытательныя лабораторіи, естественно-научныя училища и т. п. Напротивъ, древне-русскія общины, со страхомъ казней Божіихъ пассивно подчинялись всѣмъ силамъ природы, дѣйствовавшимъ на ихъ общинный трудъ, хозяйство и благосостояніе, — и, вслѣдствіе того, неизбѣжно или разрушались до основанія, или влачили самое бѣдственное, „страдаемое“ существованіе. Такъ, на примѣръ, вѣвовымъ опытомъ познавали общины, что земли постоянно „выпахивалпсь“, какъ выражались въ старину, и что за истощеніемъ почвы неизбѣжно слѣдовали неурожай и голода; но изслѣдовать силы и законы почвы боялись, считали это богопротивнымъ, дерзкимъ искушеніемъ воли Божіей, и потому, до изысканія новыхъ, лучшихъ способовъ удобренія полей не могли и додуматься: „хлѣбъ родится, рожь цвѣ-

¹ Тамъ. I, 277—278 и мног. друг. источн.

теть или цвѣту въ ней не прибываетъ промыслѣмъ и повелѣніемъ Божиимъ“, — такъ говорили въ старину новгородцы; „хлѣбъ въ Божіей волѣ“, — такъ въ одинъ голосъ отвѣчали и всѣ земскіе люди, когда на земскомъ соборѣ 1660 года поднять былъ вопросъ о причинахъ „хлѣбныхъ недородовъ“ или дороговизны. И вотъ, вслѣдствіе одного „иссохновенія“ или „выпахиванья почвы“ и „хлѣбнаго недороду“, самыя богатя, многолюдныя общины, по словамъ лѣтописей и писцовыхъ книгъ, „расходились въ рознь“, испытывали отъ неурожаевъ постоянное „горе великое, тугу и страхъ“, страдали, во время голодовъ, страшною рознью, несогласіемъ и „братоненавидѣніемъ“, и, наконецъ, поневолѣ утрачивали свою свободу и самую способность самостоятельнаго развитія. Не богатъ ли, не могучъ ли былъ въ древней Руси Новгородъ великій съ его вѣчемъ, при его союзѣ съ европейскими ганзеатическими городами? А палъ, со страхомъ гнѣва Божія за грѣхи покорился грозному страху московскихъ самодержцевъ. И естественною, физическою причиною его паденія и покоренія было именно истощеніе, „иссохновеніе новгородской земли“. Вопервыхъ, давнишнее, постепенное иссохновеніе и выпаживаніе новгородской почвы, все болѣе и болѣе усиливало „хлѣбные недороды“, крайній недостатокъ и дороговизну хлѣба на торгу, и, вслѣдствіе этого, естественно, постепенно доводило вольную общину до такого внутренняго изнеможенія, несогласія, междоусобія и братоненавидѣнія“, что вѣчи стали только выраженіемъ общиннаго несогласія и крамоль; множество народонаселенія вымирало съ голодовъ и, по свидѣтельству лѣтописи, „братъ брату хлѣба не уламывалъ“; потребители ржанаго хлѣба возставали противъ потребителей пшеничнаго, какъ измѣнниковъ — московскихъ сторонниковъ; новгородскіе торговцы и покупщики хлѣба враждовали съ „низовыми“, великокняжескими „мукобрынями“. А между тѣмъ, московскіе самодержцы, такъ же какъ и князья тверскіе, стали задерживать привозъ хлѣба въ Новгородъ изъ своихъ низовыхъ хлѣбородныхъ земель, и такимъ образомъ, не только силою оружія, но и голодомъ заставляли вольную общину покориться московскому государству. Затѣмъ, въ частности, новое, чрезвычайное „иссохновеніе новгородской земли“, случившееся какъ разъ въ тотъ самый роковой годъ, когда великій князь московскій Іоаннъ III шель окончательно покорить Новгородъ великій, съ одной стороны произвело такое „иссохновеніе болотъ и мѣстъ, прежде непроходимыхъ“, что московская рать, прежде всегда только зиму находившая удобною для походовъ на Новгородъ, на этотъ разъ легко подступила къ Новгороду и лѣтомъ, черезъ высохшія рѣки и болота, а съ другой стороны,

произвело такой сильный „хлѣбный недородъ“ въ новгородской землѣ, такую скудость и дороговизну ржи на торгу, что новгородцы и отъ голоду не могли выдержать московской осады и поневолѣ покорились московскому государству ¹. И вотъ, лѣтописецъ, исполненный чувства страха Божія, съ полною покорностью волѣ Божіей, указывалъ на это „иссохновеніе почвы новгородской“ не какъ на слѣдствіе естественныхъ, климатическихъ вліяній и вѣковаго невѣжественнаго выпаживанья почвы, а какъ особенное, нарочитое дѣйствіе или поущеніе гнѣва Божія за грѣхи новгородцевъ, наведенное прямо съ цѣлю покоренія ихъ московскимъ царемъ. „Тако бо,—говоритъ лѣтописецъ,—на нихъ (новгородцевъ),—*Господь иссохновеніе земли наведе имъ неправды ихъ ради, смиряя ихъ подъ крѣпкую руку благочестивому князю, исударю нашему русскія земли*“ ². Вообще, и въ послѣдующія времена, общины почти на каждомъ шагѣ оказывались безсильными въ сферѣ своего безыскусственного труда, и поневолѣ во всемъ подчинялись опеке московскаго правительства. Не могли выдѣлывать на мѣстахъ достаточнаго количества сошниковъ, востъ, топоровъ,—и царь долженъ былъ высылать эти орудія труда изъ Москвы въ отдаленныя области. Чувствовался въ какомъ-нибудь городѣ недостатокъ воды, нуженъ былъ колодезь, а колодезника не было,—и вотъ били челомъ царю о присылкѣ изъ Москвы колодезника ³. Такъ во всемъ, и особенно въ горномъ дѣлѣ ⁴, безсиленъ былъ допетровскій безыскусственный трудъ. Нужно было призвать нѣмецкихъ мастеровъ-учителей, нужно было западное ученье искусствамъ и художествамъ въ сферѣ труда.

И вотъ, наконецъ, и это, самое первое дерзновеніе допетровскихъ умовъ къ изученію искусствъ и художествъ у передовыхъ цивилизованныхъ народовъ Запада возникло прежде всего не иначе, какъ изъ побужденій того же чувства страха Божія и сначала именно только въ сферѣ богобоязненныхъ, церковныхъ искусствъ. Прежде всего умъ народный пріучался къ богобоязненному созерцанію художествъ въ сферѣ церковной архитектуры и иконописной живописи. Пастыри русской церкви, со страхомъ Божіимъ воздвигая великолѣпные церковные храмы и палаты святительскія, первые подавали примѣръ богобоязненнаго усвоенія церковныхъ художествъ въ сферѣ труда. И первые худож-

¹ П. С. Л. IV, 127—129. 289—242. VI, 1—15. 191—194. Никон. VI, 16—39.

² Софійск. Лѣтоп. I, стр. 9—10.

³ Дополн. къ А. И. VI, № 83. Юрія Крыжанича, раздѣл III, стр. 41—43. 50.

⁴ Доп. къ А. И. т. VIII, стр. 296—297.

ники, появившіся исключительно въ церковной сферѣ, всецѣло проникнуты были страхомъ Божиимъ и отличались богобоязненнымъ художественнымъ творчествомъ. Такъ, напр., повѣсть о Евфиміи епископѣ новгородскомъ гласитъ: „создавъ многіе чудные, пресвѣтлыя храмы Божіи, блаженный Евфимій помыслилъ палату каменную воздвигнути, не по пристрастію какому-либо, но ради успокоенія святителей Божіихъ. Имѣлъ онъ и духовнаго нѣкоего инока казначея, хитра сущаго и художника къ умншенію чудныхъ зданій, именовъ Теодора, который великъ былъ предъ Богомъ, о которомъ и самъ архіепископъ свидѣтельство-воль, что онъ истинный человекъ Божій. Сей-то художникъ по призванію святителя, создалъ палаты пречудныя, которыя тамъ и индѣ имѣли переходы и врата, подобныя городскимъ улицамъ, одни тамъ, другія-же индѣ, иныя горнѣйшія, а другія дольнѣйшія, одни переднія, другія среднія, иныя же иначе, такъ что всего въ писаніи сказать не мочно, а надобно самому видѣть своими очами: шарами же и подписаньями украсилъ ее, также и кельи рукодѣльницамъ, поварню и хлѣбню, и все каменное устроилъ: также и столбъ каменный высочайшій устроилъ, посреди сада на высокомъ мѣстѣ водрузилъ, а на верху устроилъ часы предивныя, которые весь міръ оглашаютъ“¹. Затѣмъ, богобоязненное усердіе къ построенію благолѣпныхъ храмовъ Божіихъ мало-по-малу внушало мысль о призваніи мастеровъ-художниковъ съ запада. Такъ приглашенъ былъ знаменитый итальянскій мастеръ-художникъ Аристотель Фіоравенти. У новгородскихъ владыкъ между церковными мастерами нерѣдко были и нѣмцы. Такимъ образомъ, христіанское чувство страха Божіа, возбуждая богобоязненную потребность въ церковныхъ художествахъ, путемъ приложенія западныхъ искусствъ, западной архитектуры къ такому богоугодному и богобоязненному дѣлу, какъ построеніе и украшеніе благолѣпныхъ храмовъ Божіихъ, постепенно возбуждало въ допетровскихъ умахъ смѣлую восприимчивость къ художествамъ западнымъ. Отъ потребности церковныхъ художествъ они мало по малу перешли и къ потребности художествъ гражданскихъ. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ владыки церковные первые показали народу и такую западную хитрость, какъ „часы предивныя, преухитренныя, самозвонныя, пречудныя“ и т. п.,—съ тѣхъ поръ умы русскіе уже перестали бояться художической хитрости западныхъ, „злбожныхъ и поганыхъ“ народовъ, и на первыхъ порахъ, даже до времени Кулибина, мастера русскіе съ увлеченіемъ учились „первому

¹ Пам. II, 20.

ученю;—дѣлу указныхъ часиковъ“¹. Наконецъ, послѣ первоначальнаго богобоязненнаго усвоенія западныхъ художествъ для устройства и укрѣпленія церквей, церковныхъ палатъ и часовъ,—и московскіе цари стали все сильнѣе и сильнѣе чувствовать потребность въ усвоеніи западныхъ художествъ, необходимыхъ и въ гражданской жизни. Такъ царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ далъ послу Бекману, отправленному въ Любекъ съ грамотою къ тамошнему правительству, особую „память“ или инструкцію, въ которой предписывалъ ему стараться о присканіи и вызовѣ въ Россію разныхъ художниковъ, суконныхъ мастеровъ, рудознатцевъ, часовниковъ, „которые бы умѣли дѣлать часы боевые стоячіе, съ бои и перечастья, и съ планитами, и съ алмазнаками, которые бы били передъ часы перечастья во многіе колокола, какъ-бы пѣли многими гласы, и въ тѣ поры выходили люди“².

И вотъ, когда, такимъ образомъ, въ допетровскомъ обществѣ стала зарождаться безбоязненная потребность усвоенія западныхъ искусствъ, вдругъ Петръ Великій открылъ передъ взорами русскихъ чудеса всѣхъ западныхъ художествъ. Послѣ вѣковой привычки народа къ труду первобытно-грубому, простому, безыскусственному,—вдругъ Петръ Великій сталъ приучать русскихъ людей къ труду искусственному, художественному. И вотъ, естественно, всѣ невиданныя и неслыханныя въ древней Руси нововведенія западноевропейскаго изобрѣтенія и творчества въ сферѣ общественнаго труда возбуждали въ началѣ восторженное чувство удивленія, какъ „чудеса генія человѣческаго“, а потомъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго взгляда на человѣческую природу, на права человѣчества и на физическій и умственный трудъ, мало-по-малу порождали новыя, сантиментально-филантропическія идеи относительно лучшаго, наиболѣе человѣколюбиваго и наиболѣе справедливаго общественнаго распредѣленія и благоустройства труда. Въ началѣ, послѣ допетровскаго господства труда самаго простаго, безыскусственнаго, всѣ восторженно удивлялись чудесамъ западныхъ художествъ, которыя Петръ Великій первый ввелъ въ сферу русскаго промышленнаго труда. Всѣ съ удивленіемъ разсматривали „дивныя, пестротныя изображенія изящнѣйшихъ художествъ“ и прославляли „предивныя художническія руки“, „изумлялись надъ искусствомъ генія человѣческаго“ и „дивились чудесному соревнованію человѣ-

¹ А. И. I, №№ 242. 244.

² А. И. II, № 34.

ческих рукъ трудамъ природы“¹. Въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ 1764 года такъ восхвалялись художества и художническая, творческая способность человѣческой души: „Художество и естество имѣютъ одно намѣреніе, и оба преславныя свойства Божія являютъ. Человѣческая душа съ своими безприкладными силами есть, безпрекословно, дѣло, показывающее величество своего создателя. Мы должны такъ ее познавать, но она нигдѣ не являетъ себя лучше, какъ въ художествахъ и рукодѣльяхъ, которыя день ото дня приращеніе свое получаютъ. Не говоря о механическихъ художествахъ, довольно посмотрѣть на одно простое тканье полотна: кто доселѣ смотрѣлъ на сіе дѣло безъ всякаго примѣчанія, тотъ пусть потрудится сравнить льняную стебель съ самымъ тончайшимъ полотномъ, и подумаетъ, какъ возможно, чтобъ одно произошло отъ другаго,—и онъ подлинно долженъ будетъ удивиться силѣ изысканія, вложенной въ душу человѣческую. Итакъ, когда мы отъ малаго къ великому заключимъ, то какъ же велика должна быть предъ нашими глазами Божія благодать, премудрость и сила, когда мы такимъ образомъ рассмотримъ всѣ прочія, колыми паче благороднѣйшія и знатнѣйшія художества, и ихъ великую пользу для человѣческаго благополучія разсудимъ“². Не только въ XVIII вѣкѣ, но даже еще и въ первой четверти XIX столѣтія русскіе съ изумленіемъ разсматривали за границей чуда искусства. Наприм. Батюшковъ, обзрѣвая въ Парижѣ художественныя произведенія скульптуры, восклицалъ: это не мраморъ—богъ! Это чудо искусства! Чтобы восхищаться имъ, надобно только чувствовать. Этому чуду искусства изумлялись и простые солдаты“³. Слѣдствіемъ такого удивленія художествамъ было то, что искусственный, художественный трудъ съ XVIII-го вѣка сталъ все болѣе и болѣе преобладать и выше цѣниться, чѣмъ первобытный, допетровскийъ безыскусственный трудъ. Удивленіе „преузорочнымъ, изящнѣйшимъ художествамъ и предивнымъ художническимъ рукамъ“ порождало въ промышленномъ классѣ живѣйшее увлеченіе художественнымъ трудомъ, искусственнымъ производствомъ и побуждало къ основанію фабрикъ и заводовъ. И во введеніи фабрично заводскаго производства, прежде всего увлекались искусственной обработкой такихъ предметовъ, которые придавали болѣе блеска и славы матеріальной жизни людей, служили къ наиболѣе бле-

¹ Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, Долгорукаго, журн. путеш. въ Кіевъ въ 1817 г. стр. 107.

² Ежемѣс. сочинен. и мѣв. о учен. дѣлахъ, октябрь 1764 г. стр. 360—364:—званіе о художествахъ.

³ Русскій Архивъ годъ 5-й, стр. 1462.

сташему и комфортабельному удовлетворенію физиологической потребности пищи, жилища, одежды и увеселеній. Одни, по свидѣтельству лѣтописи российской торговли, устраивали на европейскій манеръ, по европейскимъ образцамъ, такія заведенія, которыя возбуждали и удовлетворяли потребности европейскаго комфорта или вели къ улучшеніямъ въ пищѣ и питъѣ, каковы, наприм., европейскіе „кофейные дома и трактиры“, склады или магазины и фабрики вывозимой изъ за моря „дворянской провизіи“ и, вообще разныхъ иностранныхъ съѣстныхъ припасовъ, фруктовъ, конфетъ, фабрики и заводы сахарные и другіе ¹ Другіе, въ тоже время, подражая европейскимъ промышленникамъ, съ энергическою предприимчивостію устраивали фабрики и заводы, выработывавшіе, по европейскимъ образцамъ, новые или лучшіе матеріалы для одежды, каковы, наприм., были „фабрики или художества всякихъ матерій и парчей“, или фабрики шелковыя, шерстяныя, холотняныя, шляпныя, „фабрики для выдѣлки кожъ и обуви на французскій манеръ“ и проч. ² Третьи заводили фабрики для производства разныхъ орудій и матеріаловъ, необходимыхъ для украшенія или изящнаго убранства жилищъ, для наиболѣе изящной отдѣлки матерій для одежды, какъ, напр., „фабрики для дѣланья разныхъ красокъ, подобныя иностраннымъ“ и т. п. Вообще, послѣ допетровскаго безыскусственнаго труда, внезапно открытыя Петромъ Великимъ совершенно новыя и изумительныя для русскихъ операціи и производства западно-европейскаго мануфактурно-фабричнаго труда возбудили въ первыхъ послѣпетровскихъ поколѣніяхъ „особливую охоту къ наукѣ фабрикъ“. Такъ, уже въ 1719 году, въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ публиковалось: „Наши дѣла мануфактурныя и коммерческія зѣло успѣваютъ: къ работамъ на фабрикахъ шпалерныхъ, подѣ въдѣніемъ французскихъ мастеровъ, на мануфактурныхъ шелковыхъ, штофныхъ, ленточныхъ, чулочныхъ и шерстяныхъ съ 200 человекъ охотныхъ робятъ для науки записались, и простой народъ къ симъ наукамъ особливую охоту показуетъ“ ³. Или въ бергъ-регламентѣ 1739 года возвѣщалось: „партикулярные люди, имѣя фабрики и заводы въ своемъ собственномъ владѣніи, для лучшей своей пользы стараніе прилагали всякими удобно-возможными способами тѣ заводы и фабрики распространить, и на заводахъ заводили всякія фабрики и дѣлали всякія вещи къ употребленію домаш-

¹ Исторія российской торговли. М. 1788 г. стр. 71, 102, 154, 176, 248, 258, 258, 303.

² Истор. росс. торговли, стр. 69, 70; 71—73, 76, 81, 108, 142.

³ Пекарскаго П, стр. 461 и 464.

нему, отъ чего тѣ фабрики въ государствѣ размножились и въ лучшее состояніе приходили“¹. Возбужденное въ началѣ энтузіастическое чувство удивленія „преузорочному, пестротному художеству, изяществу и блеску“ произведеній западнаго мануфактурно-фабричнаго труда, мало по малу, порождало и въ русскомъ промышленномъ классѣ стремленіе къ выработкѣ изъ грубаго сыраго матерьяла изящныхъ произведеній. „Россійское купечество постигаетъ уже—писалъ Георгі — что приведенные выработкою въ изящество товары несравненно общепольнѣе продаются, нежели сырыя произведенія природы, и что для сего весьма нужно умножить число фабрикъ и заводовъ, пользуясь на то правами, дарованными мѣщанству и городамъ, да и самому дворянству“². Вообще, искусственный трудъ до того обольщаль умы промышленниковъ, что его стали предпочитать всѣмъ старымъ видамъ или отраслямъ простаго, безыскусственнаго труда. „Часто случалось мнѣ видѣть—писала императрица Екатерина Великая—какъ обыкновенно больше любятъ послѣдніе и новѣйшіе вымыслы художествъ и мануфактуръ: отъ сего происходитъ, что земледѣліе пренебрегается и наименѣе покровительствуемо потому только, что оно всѣхъ промышленныхъ трудовъ старѣе“³. И дѣйствительно, трудъ художественный, искусственный наиболѣе былъ покровительствуемъ и поощряемъ. „Нужно—писала Екатерина Великая—чтобы художества были покровительствуемы правительственнымъ дарованіемъ привилегій и вольностей тѣмъ только мастерамъ, коихъ работы требуютъ особенныхъ знаній и способностей, и въ семъ случаѣ нужно ограничиться только отличнѣйшими мастерами, художниками, не распространяя отнюдь такихъ-же ободреній на прочихъ мало-важныхъ мастеровъ и работниковъ. Несправедливо было-бы, на примѣръ, на фарфоровомъ заводѣ работнику, который кидаетъ въ печку дрова, давать такіа-же отличія, какъ и живописцу и модельмейстеру“⁴. Вслѣдствіе такихъ воззрѣній на художественный трудъ, правительство и общество поощряли его всякими мѣрамп. Учреждена была особая мануфактуръ-коллегія, долженствовавшая „имѣть стараніе о заведеніи въ Россіи мануфактуръ и иныхъ *куръѣзныхъ художествъ*“⁵. Основана (въ 1758 году) академія художествъ. Частныя лица, въ родѣ горнаго за-

¹ Полн. Собран. Закон. т. XI, №. 8571.

² Георгі, описаніе народовъ Россійской Имперіи. Сиб. 1799 г., ч. IV^е стр. 157.

³ Русскій Архивъ, годъ 3-й, стр. 504.

⁴ Русскій Архивъ, годъ 3-й, стр. 503.

⁵ Полн. собр. Закон., № 4,878-й

водчика Турчанинова, по словамъ Палласа, „первые въ Россіи доводили, къ удивленію иностранцевъ, до совершенства высокія и прекрасныя произведенія изъ различныхъ металловъ, подражая самымъ лучшимъ европейскимъ и азіатскимъ произведеніямъ, и вообще очевидно доказывали художественный вкусъ и достохвальную ревность о распространеніи славы изящныхъ художествъ въ своемъ отечествѣ“¹. Далѣе, при удивленіи „презорочнымъ и курьёзнымъ художествамъ“, еще болѣе удивлялись въ началѣ „чудеснымъ самодѣтельными машинамъ“. Публика съ удивленіемъ смотрѣла на „курьёзныя самодѣтельныя машины“, въ родѣ „удивительной машины, которая однимъ разомъ 6 лентъ вдругъ тчетъ, такъ что оныхъ отъ 18-ти до 20-ти дюймовъ въ минуту поспѣваетъ“². Издавались особныя книги „о чудесныхъ дѣйствіяхъ машинъ“³. Даже еще въ началѣ XIX вѣка на машины съ удивленіемъ смотрѣли, какъ на рѣдкости. Долгорукій, въ дневникѣ путешествія въ Одессу и Кіевъ въ 1810 году, говоритъ: „Рѣдостью осмѣлюсь назвать видѣнные мною два камня нарочитой величины изъ чистаго бѣлаго мрамора. Но еще удивительнѣе двѣ машины, устроенныя при адмиралтействѣ, выдумки какого-то механика, англичанина Юнга. Одна удивительная машина посредствомъ двухъ лошадей приводитъ въ движеніе до 6-ти различныхъ станковъ, изъ коихъ одинъ мѣдь сверлитъ, другой ее точитъ, и всѣ эти разнообразныя работы, по волѣ каждаго мастераваго, могутъ, независимо одна отъ другой, прекращаться вдругъ. Механизмъ этотъ очень любопытенъ“⁴. Вслѣдствіе такого взгляда на машины, съ восторженнымъ удивленіемъ восхваляли преимущества машиннаго производства и мышечной ловкости машиннаго работника. Ломоносовъ съ восторженнымъ энтузіазмомъ рассуждалъ о прогрессѣ механической или мышечной ловкости цивилизованныхъ людей, произведенномъ машинами, сравнивая ее съ неловкостью дикаря, неразумно тратящаго свою грубую мускульную силу. „Представьте—говоритъ онъ въ одномъ словѣ о природѣ—представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ: поставьте дикаря, поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево для своей защиты отъ непріятеля, поставьте его рядомъ съ человѣкомъ европейскимъ, снабженнымъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ и молніи и грому подобными машинами! Поставьте дикаря, съ большимъ потомъ едва претирающаго

¹ Палласа, путешествіе. Изд. 1770 г., кн. 1-я, стр. 176.

² Московскія Вѣдомости 1766 г., № 14-й.

³ XVIII-й вѣкъ, кн. 1-я, стр. 431.

⁴ Путеш. въ Кіевъ и въ Одессу въ 1810 г., стр. 116.

заостреннымъ камнемъ тонкое дерево, при европейскомъ образованномъ человѣкѣ, употребляющемъ сильныя и хитро сложенныя машины къ движению ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣса и времени! Не ясно-ли увидите, что одинъ едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится, а другой почти выше жребія смертныхъ поставленъ. Толь великую приноситъ учение пользу, толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческой разумъ!¹ Съ такимъ-же восторженнымъ чувствомъ удивленія видѣли, какъ поразительную новость, первые зачатки развитія механической ловкости или лучшаго соподчиненія сложныхъ движений въ машинныхъ операціяхъ. Напримѣръ, тотъ-же Долгорукій, обозрѣвая въ 1810 году одну фабрику, въ 12-ти верстахъ отъ Николаева, въ Богоявленскомъ селѣ, особенно удивлялся механической ловкости ткача и въ „дневникѣ“ своемъ писалъ: „есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ три аршина слишкомъ ширины; онъ не ломается, какъ другіе неискусные, простые ткачи, а просто одною кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростью съ края стана на другой“². Общимъ слѣдствіемъ такого удивленія механическимъ искусствамъ было то, что оно, мало по малу, возбуждало потребность распространенія необходимыхъ знаній въ сферѣ труда художественнаго и промышленнаго. Почувствовалась потребность въ школахъ художественныхъ, ремесленныхъ, технологическихъ, фабричныхъ. Потребовалось заведеніе училищныхъ фабрикъ, распространеніе машинъ въ разныхъ производствахъ. Издавались руководства по части технологій, фабрикъ и искусствъ³.

Наконецъ, подъ влияніемъ сантиментально-филантропическихъ идей и чувствъ, съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, просвѣщенно-человѣколюбивые люди впервые стали обращать вниманіе и на улучшеніе быта рабочаго народа или, по крайней мѣрѣ, возбуждать первую зачаточную мысль о немъ. Такъ, въ Атенѣ 1828 года, съ цѣлью возбужденія въ обществѣ мысли объ улучшеніи быта мануфактурныхъ рабочихъ, сообщались такія мысли и извѣстія по поводу устройства нью-ланарской бумагопрядильни въ Шотландіи: „Читая часто о новыхъ открытіяхъ,

¹ Сочиненія Ломоносова, изд. 1808 г., ч. III, стр. 8—12.

² Чтен. общ. истор. 1869 г., кн. 3, стр. 188.

³ Отечественныя Записки 1828 г., № 37-й: историческій очеркъ нѣкоторыхъ фабрикъ. Технологія, изданная главнымъ правленіемъ училищъ, 4-е изд. 1817 г. Извѣстія о школахъ горнозаводскихъ наукъ и проч. Сиб. 1838 г. Лѣтописи открытій и изобрѣтеній касательно искусствъ и проч. Сиб. 1829 г.

изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ мануфактурныхъ работахъ, рѣдко видимъ, чтобы они удружили жребій работника, еще рѣже, чтобы не дѣлали оный тягостнѣйшимъ. Умъ изобрѣтателей, дѣйствуя въ кругу собственной пользы, не имѣетъ, кажется, причинъ согласовать ее съ пользою работниковъ. Этимъ объясняется противорѣчіе: отчего съ возрастающею промышленностью, напримѣръ, въ Англии, возрастаетъ и число бѣдныхъ, и съ заведеніемъ новыхъ мануфактуръ распространяются и селенія Ботани Беа. Болѣе любви къ людямъ, нежели ума надобно, чтобы открыть этому причину. Явленія, слишкомъ опредѣленные, скоро послѣдовавшія за причиною, ясно показали, чего должно ожидать отъ подобнаго хода обстоятельствъ. Однѣ только дѣятельныя мѣры просвѣщенной филантропіи могли и могутъ сдѣлать ихъ рѣже; но, къ сожалѣнію, рѣдко бываетъ соединеніе идеи со средствами и еще рѣже въ душѣ прекрасной, рожденной и образованной для добра. Немного людей, которые благополучіе ближняго почли-бы прямою дорогою къ собственному: эгоизмъ есть болѣзнь нашего времени. Заведеніе Овена весьма замѣчательно въ семъ отношеніи, какъ превосходное цѣлебное средство отъ этого нравственнаго недуга и тѣмъ дѣйствительнѣйшее, что не требуетъ большихъ пожертвованій. Примѣръ и для насъ: надобно прежде нѣсколько позаботиться о тѣхъ, которые послѣ избавляютъ насъ отъ заботъ о самихъ себѣ!¹

Въ то же время, вслѣдствіе прославленія страсти корыстолюбія, какъ источника процвѣтанія торговли, въ XVIII-мъ вѣкѣ болѣе, чѣмъ когда-либо стали превозносить славу распространенія коммерціи. Въ литературѣ, Крыловъ и Долгорукій восторженно прославляли корысть, какъ чудесную силу процвѣтанія торговли, фабрикъ и заводовъ. Крыловъ въ посланіи „о пользѣ страстей“ (1808 г.) провозглашалъ:

Какія мы ни видимъ перемѣны
 Въ художествахъ, въ наукахъ, въ ремеслахъ —
 Всему виной корысть!
 На что-бы намъ огромныя палаты,
 Плоды, вино и ткани дальнихъ странъ,
 Коль не было-бъ корысти?..
 На что-бы плыть за грозный океанъ
 Торговлею соединять народы?
 Повѣрь, мой другъ! Нашъ вѣкъ златой!
 Тогда лишь люди стали жить,
 Когда корысть пустилась за моря,
 И въ ней весь міръ избралъ себѣ царя...
 Для щегольства намъ нуженъ казмиръ,
 Голландское бѣлье для прочной носки;

¹ Алексей, издав. М. Павловнѣ. 1828 г. № 19, стр. 289—286.

Въ Америкѣ трудится бездна рукъ,
 Изъ тростника дара пріятны соки,
 И сахаромъ въ Европу шлетъ оброки,
 Чтобъ нашихъ баръ умножить пухлый тукъ.
 Я вкругъ себя зрю сокращенье свѣта!
 Тамъ вижу вкусъ французскаго корнета,
 Тамъ англійской кареты слышу стукъ.
 Все сблизилось и все въ связи со мной,
 Все движется и все живетъ мѣной,
 Въ которой намъ указчикъ первый страсти,
 Куда взгляну — торговлю вижу я,
 Дальнѣйшіе знакомятся края.
 Знакомщикъ ихъ — причуды, роскошь, сласти ¹.

Первымъ слѣдствіемъ такого восхищенія чудесной силой корыстолюбія было возбужденіе энергическаго увлеченія „славой распространенія коммерціи“, усиленное поощреніе развитія торговли, возвышеніе общественнаго значенія купечества и общее улучшение коммерціи. Правительство никогда прежде такъ не поощряло торговли, какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ первой четверти XIX столѣтія ².

Послѣ Петра великаго, графъ Е. Ф. Канкринъ явился новымъ преобразователемъ въ сферѣ торговли. Въ одномъ журналѣ такъ прославлялись его заслуги для русской коммерціи:

„Оживленная, распространенная, возвышенная и, такъ сказать, облагороженная въ своемъ положеніи и въ отношеніяхъ своихъ русская торговля сообщила благопріятный свѣтъ и тому сословию, которое до этихъ поръ не исполнѣ выставлено было на общее вниманіе и уваженіе. Особенно учрежденіе выставки издѣлій отечественной промышленности показало характеръ и политическую значительность купечества. Дѣйствительнымъ капиталомъ и въ его кругу уже начали быть признаваемы нравственныя достоинства, какъ-то: наибольшая довѣренность къ имени, равномерное стремленіе къ соревнованію производимыхъ вещей, аристократическая честь въ словѣ и дѣлѣ. Затѣмъ, Канкринъ въ своемъ министерствѣ основалъ расадники социальна-экономическихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ возникли: технологическій институтъ, училище торговаго мореплаванія, высшій коммерческій пансіонъ и множество другихъ училищъ по разнымъ предметамъ“ ³. Другимъ слѣдствіемъ восторженнаго прославленія страсти корыстолюбія и возвышенія славы распространенія коммерціи было усиленіе господства капитала надъ трудомъ и преобра-

¹ Драматич. Вѣсти. Ч. 5. Сиб. 1808.

² Исторія російской торговли. М. 1788 г. стр. 103. 167. 258. 287. 171—175 и друг.

³ Современникъ 1846 г. № 4, стр. 53—57: графъ Е. Ф. Канкринъ.

зованіе допетровскаго московскаго класса „гостей суконной и другихъ сотенъ“ въ европейскій классъ „совершенныхъ купцовъ“ или, по выраженію Сперанскаго, en véritable bourgeois-gentilhomme. Буржуазно-коммерческій духъ формулированъ былъ всѣми „правами и регулами“ европейской буржуазіи. Вслѣдствіе этого, въ обществѣ замѣтно стало усиливаться господство буржуазіи, купечества или, вообще, класса капиталистовъ надъ классомъ рабочимъ. По словамъ Н. М. Долгорукаго, „купцы стали любочестивы и ничего не щадили, чтобы капиталы свои прославить, богачи хотѣли, чтобы имъ дивились: они строили великолѣпные дома и давали роскошные пиры, чтобы изумлять себя подобнымъ“¹. „Богатые мужики, по словамъ Д. Б. Мертваго, будучи чванны, желали отличиться и удивить общество своими новыми коммерческими предпріятіями“². „Кто богатъ,—говорилось въ одномъ журналѣ XVIII-го вѣка,—тотъ, какъ божокъ, почитается. Въ нынѣшній вѣкъ богачъ можетъ все то дѣлать, что ему вздумается, потому что всѣ только о его деньгахъ стараются: всѣ его слова и разговоры удивительными приѣмлются, и каждый его взоръ награждается низкими поклонами, ласкательство слѣдуетъ за его стезями“³. „Вслѣдствіе такого превознесенія богачей, капиталъ все болѣе и болѣе усиливалъ и особыми регулами“ утверждалъ свое господство надъ трудомъ, что особенно замѣтно стало уже въ XVIII вѣкѣ на фабрикахъ и заводахъ, особенно горныхъ. Нетолько моралисты-филантропы, но и такіе естествоиспытатели, какъ Палласъ и Лепехинъ, подробно описывали страданія и тягости горно-заводскихъ рабочихъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ, хозяевъ заводовъ⁴. И недаромъ фабрично-заводскіе рабочіе въ XVIII вѣкѣ неоднократно бунтовали. Въ то время, какъ слава капиталистовъ-фабрикантовъ все болѣе и болѣе блистала и удивляла роскошью и великолѣпіемъ, — въ то время фабричные работники слагали и пѣли свою ироническую пѣсню униженія:

Кричитъ пава:
Гдѣ ваша слава?

¹ Журн. путешеств. въ Нижній въ 1813 г. стр. 8. Дневн. путеш. въ Кіевъ въ 1817 г. стр. 64. Вообще, Долгорукій съ одобреніемъ распространялся о развитіи господства эгоистически-пріобрѣтательной «монополи» купцовъ, капиталистовъ. Дневн. путеш. въ Одессу и Кіевъ въ 1817 г. стр. 86—88.

² Русск. Арх. годъ 5-й, стр. 151. 154: Записки Мертваго.

³ Сочиненія и переводы, въ пользу и увеселенію служащія. Спб. 1758 г. Май, стр. 493.

⁴ Лепехина, дневн. зап. путеш. Спб. 1802 г. ч. II, 124—128. 282—283. Палласа, Путеш. изд. 1786 г. ч. 2, кн. 1, стр 162. 235. 299. 313. Отзывъ Екатерины о капиталистахъ-монополистахъ. Русск. Арх. г. 4-й, стр. 61.

Молодцы вы, фабричники!

— Наша слава зауропала.

Гдѣ ваши дѣмы?

Наши дѣмы—круты горы и проч. ¹

И при недостаточномъ развитіи идеи справедливости, при господствѣ однихъ сантиментально-филантропическихъ чувствъ,—отъ капиталистовъ общество требовало только челоуѣколюбія и милосердія, а не справедливости, въ отношеніи къ бѣднымъ рабочимъ классамъ. Карамзинъ ничего больше не желалъ, какъ только того, чтобъ „богачи воздвигали монументы благотворенія, были отцами-благодѣтелями бѣдныхъ и превращали въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности“ ². И дѣйствительно, богатые купцы только и „воздвигали монументы благотворенія“ на удивленіе массы бѣднаго рабочаго народа. Не даромъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ вѣкъ особеннаго возвышенія коммерціи, впервые говорились надгробныя похвальныя слова въ честь знаменитыхъ купцовъ, въ которыхъ прославлялись ихъ „монументы благотворенія“. Такъ, наприимѣръ, въ одномъ надгробномъ словѣ, говоренномъ 17-го марта 1800 года, при погребеніи одного великоустюжскаго 1-й гильдіи купца Лереемъ Іосифомъ Самуиловымъ, между прочимъ, говорилось: „что за плачевный позоръ зрю я съ сего священно-возвышеннаго мѣста! Дѣти земли! Вы оплакиваете знаменитаго сочлена своего. И не долженъ-ли по справедливости градъ сей Устюгъ оплакивать жребій свой, лишившись сего толь великаго, толь почтеннаго, толь знаменитаго, толь любимаго всѣми именитаго и почтеннаго своего члена! Престаните отъ слезъ! Онъ былъ мужъ добродѣтельный. Когда благотворительная рука Всевышняго ущедрила его временными благами, когда земля, повинуваясь велѣнію Творца своего, издавала изъ нѣдръ своихъ сокровища для обогащенія его, то онъ размышлялъ: если мнѣ благотворить Богъ, то и я долженъ благотворить другимъ. И потому всѣ просящіе у него вспоможенія и пособія въ своихъ нуждахъ не отходили изъ его благословеннаго дома безъ удовольствія... Престаните отъ слезъ! ибо онъ былъ другъ искренній челоуѣчества: онъ былъ вездѣ пріятель, вездѣ его уважали съ ласковостію, никто отъ него не опасался никакихъ дурныхъ послѣдствій, и потому никто къ нему не приближался безъ любви и почтенія. Все сіе сколь было восхитительно! Итакъ, провожайте въ гробъ сего знаменитаго сочлена, не оплакивая, но ублажая. Почтенный сынъ! Къ тебѣ я обращаю

¹ Русск. Архивъ, годъ 4-й, стр. 373.

² «Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени». «Вѣстн. Европы». 1802 г. № 12.

рѣчь мою: ты яко отъ благаго корене благая вѣтвь подражай добродѣтелямъ родителя твоего, и будешь ты паче и паче благословенъ отъ Бога: онъ взираетъ съ небесъ, съ коликимъ благоговѣніемъ и почестію отдають послѣдній долгъ родителю твоему, коликія тысячи бѣдныхъ окружають ежедневно домъ твой, ежедневно получаютъ пропитаніе изъ сокровищъ твоихъ. Богъ за сіе усугубить блаженство родителя твоего“, и проч. ¹.

Но съ другой стороны, и не одними „монументами благотворенія“ купеческаго выразились господствовавшія въ XVIII вѣѣ сантиментально-филантропическія идеи и чувства. Въ началѣ XIX-го столѣтія, при поощреніи умноженія купеческаго богатства, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ идей, впервые зарождалась мысль и о возможно-равномѣрномъ распредѣленіи богатства или благосостоянія во всемъ народѣ. Тотъ-же графъ Канкринъ, въ 1821 году, издалъ сочиненіе: *Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschafte* (всемирное богатство, народное богатство и государственное хозяйство). Начала, изложенныя въ этомъ сочиненіи, проникнуты были филантропическими стремленіями. „Благосостояніе людей, каждаго въ частности, а не умноженіе общаго государственнаго дохода, должно быть непремѣнною задачею управленія. Умѣренный, по возможности, одинаковый достатокъ всего народа, а не огромный итогъ доходовъ, при которомъ половина народонаселенія иногда нищенствуетъ“ — вотъ идеаль Канкриня. „Независимое, обезпеченное существованіе, — говоритъ онъ, — есть главная цѣль народа, и этой цѣли должно служить и народное богатство“ ².

Далѣе, при восторженномъ прославленіи страсти славолубія и честолюбія, при господствѣ восторженнаго удивленія „Славѣ“, „Фаумѣ“, всѣ удивлялись „чудесамъ дѣлъ оружія“, „чудесамъ пройсвой славы“, „дивамъ храбрости“, *gloriae triumphorum et trophaeorum*, „дѣламъ чрезвычайнымъ и чудеснымъ“, „дѣламъ и мыслямъ знатнымъ, отмѣннымъ“ и т. п. ³. Равнымъ образомъ, всѣ удивлялись вновь введеннымъ Петромъ Великимъ „честямъ графскимъ, баронскимъ и прочимъ, славнымъ, высокимъ титу-

¹ Изъ рукописнаго Сборника начала XIX столѣтія, сообщеннаго мнѣ иркут. снѣмъ чиновникомъ С. С. Поповымъ.

² Русскій Архивъ годъ 4-й, стр. 121—122: графъ Е. Ф. Канкринъ.

³ См. напримѣръ, «Храмъ славы російскихъ проевъ», П. Ю. Львова, 1803 г. Панегрики Меншикову и Потемкину: Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ, т. II, стр. 328—330. Сочиненія Державина, ч. II, стр. 111—112, 185, 75, 213—216 и мног. др. Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 674—694. Оды и похвальныя слова Ломоносова, Сумарокова и другихъ, въ честь «проевъ славы».

ламъ — сіятельствамъ (Erlaucht), свѣтлостямъ (Durcherlaucht), превосходительствамъ (Excellence), кавалерскимъ орденамъ, особу украшавшимъ“ и т. п. ¹ Вслѣдствіе такого удивленія блеску славы и чиновъ, естественно произошло особенное общественное возвышеніе дворянства и его дѣятельности, или, по выраженію дворянскихъ депутатовъ Коммисіи 1767 года, „отмѣнное отличіе его всею полнотою блеска, какъ особливаго рода чести и славы“, преимущественно предназначеннаго для военнаго и гражданскаго чиновначальническаго служенія отечеству ². Манифестомъ 18-го февраля 1762 года утверждено было это государственное возвышеніе дворянства дарованіемъ ему свободы и вольности. И дворянство съ восторженнымъ чувствомъ удивленія и восхищенія прославляло за это императора Петра III. Такъ, напримѣръ, въ 1762 году графъ И. Т. Чернышевъ писалъ къ И. И. Шувалову: „милости нашего августѣйшаго государя приводятъ всѣхъ въ восторгъ: какъ онъ начинаетъ осмыслить насъ благодѣяніями прежде, чѣмъ имѣлъ онъ случай видѣть все наше усердіе къ нему — въ драгоцѣнной крови Петра Великаго! Я восхищенъ этимъ милосердіемъ; никогда государь такъ ярко и такъ широко не обнаруживалъ онаго. Любезные дворяне! Не злоупотребляйте этимъ милосердіемъ и покажите вселенной, что если монархъ вашъ снялъ съ васъ узы, тѣмъ не менѣе вы сами на вѣкъ свяжете себя другими, гораздо сильнѣйшими узами вѣрноподданническаго долга и привязанности. Нѣтъ, повторяю, никогда государь даже не оканчивалъ царствованіе такъ славно, какъ началъ оно неподражаемый нашъ Петръ. Вы знаете, мой другъ, мою восторженность; судите-же, какъ на меня подѣйствовала эта новость, какъ я плакалъ, получивъ ее, и притомъ скорѣе *слезами удивленія*, нежели радости... Осчастливить сто тысячъ, и сто тысячъ дворянъ! День этотъ долженъ быть благословенъ во вѣки! Великій Боже! Какое величіе! Не думайте, чтобъ я одинъ такъ смотрѣлъ на это благодѣяніе; скоро вся Европа огласится великолѣпнѣйшими похвалами нашему монарху, вызванными милостію, столь же *удивительною*, какъ и неожиданною. Сохрани намъ его, Всемогущій!“ ³ Болотовъ слѣдующими словами своихъ записокъ изображаетъ впечатлѣніе, произведенное манифестомъ на дворянство: „Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего

¹ Полн. Собр. Закон. № 4,881, 5,016, 5,017. «Дворянство въ Россіи» — изслѣдованіе г. Романовича—Славатинскаго. Спб. 1870 г., стр. 32—40.

² Сборникъ русск. историч. общества, т. IV, стр. 206, 150—152, 190—191, 205, 207, 187, 193, 153.

³ Русскій Архивъ 1869 г. (годъ 7-й), № XI, стр. 1824—1825.

любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и благодаря Государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей“. Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи соорудить ему золотую статую. Рычковъ, въ преизбыткѣ радости, говорилъ, что „слѣдовало бы воздвигнуть не только золотую, но и брилліантовую статую его императорскаго величества на жемчужномъ подножіи“. Пѣнты воспѣвали императора: написано и поднесено было ему нѣсколько восторженныхъ одъ восхваленія ¹, Вслѣдствіе такого возвеличенія дворянства, вмѣсто допетровской общественной гегемоніи духовенства и преимущественно монашества, основанной на господствѣ богобоязненно-еократическихъ идей, возникла теперь общественная гегемонія дворянства и особенно вельможества, гегемонія, естественно проистекавшая первоначально изъ восторженного чувства удивленія „чудесамъ иройскихъ и знатныхъ дѣлъ“, основанная на чувствѣ чести ². Какъ въ допетровскомъ обществѣ духовенству и, особенно монашеству, принадлежала еократическая гегемонія въ установленіи основныхъ началъ общественнаго устройства—юридическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и даже хозяйственныхъ, такъ теперь дворянство стало пользоваться высшими умственными и гражданскими правами, завѣдывать общественнымъ образованіемъ, пользоваться трудомъ крѣпостнаго народа, составлять іерархію правительства, исправлять всѣ высшія государственныя должности—военныя, административныя, судебныя, участвовать въ законодательствѣ и т. п. ³. Вслѣдствіе этого, при увеличеніи и осложненіи государственныхъ дѣлъ, почувствовалась потребность въ усиленіи государственно-служебной дѣятельности дворянства. Императоръ Павелъ вызывалъ всѣхъ праздныхъ дворянъ къ службѣ, и этотъ вызовъ, какъ поразительная новость, по словамъ современниковъ, „приводилъ всѣхъ въ удивленіе и живность, какъ электрической ударъ, произвелъ сильное потрясеніе, шумъ и движеніе въ государствѣ“ ⁴. Далѣе, вслѣдствіе господства преимущественнаго удивленія „чудесамъ славы иройскихъ дѣлъ“, „чудесамъ храбрости иройской“, естественно развилась въ XVIII в. государственная гегемонія дворянства военнаго, общественная предпочтительность военной службы и военныхъ чиновъ передъ гражданскими. Такое предпочтеніе военной дѣятельности дво-

¹ См. А. Романовича-Славатинскаго, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отгнѣн крѣпостн. права». Спб. 1870 г., стр. 195—196.

² Сборн. рус. истор. общ. IV, 162.

³ См. подробности въ сочин. г. Романовича-Славатинскаго.

⁴ Русскій Архивъ, годъ 2-й, стр. 714, 697.

рянства гражданской выразилось, напимѣрь, въ одѣ графу Поттоцкому (1803 г.), въ которой говорилось:

Нельзя, нельзя не восхищаться!..
 Когда ты смѣлою рукою
 Толь добро правду начерталъ,
 Дворянства цѣлаго въ защиту...
 А вы, что противъ насъ возстали,
 Приказный родъ, въ корню гнилой,
 Крапивы вредно сѣмя?
 Не вы Россію защищали,
 Не ваша кровь текла рѣкой,
 Не ваше мужество и сила
 Низвергли стѣны Измаила,
 Стамбулъ надменный потрясла;
 Не вы пріемые россияне;
 Но, жизнью жертвуя, дворяне,
 Россіи славу вознесли, и проч. ¹.

Вслѣдствіе такихъ возрѣній, и въ обществѣ долго потомъ господствовало предпочтеніе военной службы гражданской. Въ петербургскомъ обществѣ, по словамъ Эрмана, даже о достоинствѣ чловѣка судили по тому, военный или гражданскій онъ былъ, и спрашивали: „что онъ — мундиръ или фракъ?“ ². Наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, или, по мѣрѣ того, какъ возвышалось дворянство, увеличивался блескъ его великолѣпія и славы, возвеличивалось его благородство,—по мѣрѣ того, для поддержанія блеска и роскоши дворянства, усиливалось крѣпостное право, усиливались извлеченія дворянскихъ доходовъ изъ труда крѣпостныхъ крестьянъ. И такимъ образомъ, одновременно и сопутственно съ прославленіемъ и возвеличеніемъ благороднаго російскаго дворянства, неизбѣжно доходило до крайности, до вынужденія „Пугачевщины“ угнетеніе и униженіе крѣпостнаго народа и, вообще, презрѣніе „низкаго, подлаго народа, черни“. „Достоинство дворянское,—говорилъ одинъ депутатъ въ собраніи Коммисіи 1767 года,—считается у насъ чѣмъ-то священнымъ, отличающимъ одного чловѣка отъ прочихъ. Оно даетъ ему и его потомкамъ *право владѣть собою подобными* и заботиться о ихъ благосостояніи“ ³. Въ „Трутиѣ“ 1769 года Новиковъ такъ характеризуетъ возрѣніе его превосходительства г. Недоумова на простой народъ: „Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породю. Онъ производитъ свое потомство отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего, по крайней мѣрѣ, за 500 лѣтъ доказать не могутъ: съ такими онъ

¹ Рус. Арх. годъ 7-й, № 9, стр. 1,330—1,332.

² Erman, Reise.

³ Сборн. истор. общ. IV, 205.

говорить гнушается. Тотчасъ начинается его трести лихорадка, если кто передъ нимъ упоминаетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ: онъ ихъ въ противность моднаго мнѣнія не удостоитъ даже имени подлости. Онъ желаетъ, чтобы простой народъ былъ со-всѣмъ истребленъ и чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ¹. Г. Безразсудъ, по словамъ Новикова, боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть чело-вѣки, но крестьяне, а чтò таковое крестьяне, о томъ онъ знаетъ только потому, что они крѣпостные его рабы: онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними нетолько что не удостоиваетъ слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, передъ нимъ по землѣ рас-простираются². Вообще, съ возвышеніемъ дворянства до степени вельможества екатерининскаго времени, крѣпостное рабство, уни-женіе и угнетеніе рабочаго народа достигло того пунета, той степени своего развитія³, за которыми неизбѣжно должны были слѣдовать ужасы пугачевщины, возникновеніе и усиленіе сектъ рабочаго народа, въ родѣ селивановщины или людей Божіихъ, бѣгуновъ и т. п., сложеніе новаго, крѣпостнаго народнаго эпоса и проч. А съ другой стороны, всѣ просвѣщенные умы, проник-нутые сантиментально-филантропическими идеями XVIII вѣка, неизбѣжно должны были сознать, что крѣпостное право—„ужас-нѣйшее зло“, что необходимы „человѣколюбивыя учрежденія“ для облегченія несноснаго ига крѣпостнаго рабства. „Если мы,— писала императрица Екатерина Великая,—если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго рабскаго положенія, то и противъ нашей воли кре-стьяне сами рано или поздно возьмутъ свою волю“.

И вотъ, при всеобщемъ удивленіи чудесамъ художествъ, славѣ коммерціи, блеску и славѣ „знатныхъ, отмѣнныхъ дѣлъ“ дворян-ства въ сферѣ общественнаго труда, передовые умы, проникну-тые филантропическими идеями и чувствами, съ восторженнымъ восхищеніемъ привѣтствовали и первое зарожденіе идеи уничто-женія крѣпостнаго труда, какъ „сильнѣйшее блистаніе славы царей“. Беарде Делабей, представившій для напечатанія въ „Трудахъ“ вольнаго экономическаго общества статью о дарова-ніи вольности и собственности крѣпостному рабочему народу, пи-салъ: „Когда мы съ удивленіемъзираемъ на чудныя дѣла, про-

¹ Трутенъ, изд. 3-е, стр. 139.

² Трутенъ, стр. 147.

³ См. подробности въ «Исторіи крестьянъ на Руси», соч. Бѣжева.

изведенныя Петромъ Великимъ въ его земляхъ, то вдругъ покажется, что преемники его, подобно сыну Филиппа Македонскаго, могли бы сказать, что онъ ничего великаго сдѣлать имъ не оставилъ. Но, какъ Александръ въ подвигахъ своихъ знатно превзошелъ отца, такъ равномерно предоставлено было безсмертной Екатерины сдѣлать еще *большія чудеса*, одушевляя, просвѣщая и даруя новую жизнь безчисленному множеству рабовъ, чувствующихъ только половину своего бытiя, и преобразая такимъ образомъ многія тысячи самодвижущихся машинъ. Богатство славно только въ рукахъ свободнаго. Богатство, принадлежащее рабу, подобно брякушкамъ серебрянымъ, у собаки на ошейникѣ висающимъ: все принадлежитъ господину... Когда *слава царей* должна быть причисляема къ преимуществамъ государства, то не можетъ она получить сильнѣйшаго блистанiя, какъ отъ дарованiя вольности рабамъ. О, цари! Вы умножите могущество ваше въ единое мгновенiе стами тысячъ человекъ, если вы даруете вольность стамъ тысячамъ невольниковъ¹. Въ то же время, извѣстный законовѣдъ XVIII вѣка Полѣновъ, впервые возвѣщая сантиментально-филантропическую идею „правъ человечества“, также въ „Славѣ народа“ указывалъ побужденiе къ улучшенiю участи крѣпостныхъ крестьянъ. „Для славы народа, — говорилъ онъ, — нужно вывести производимый человѣческою кровiю безчеловѣчный торгъ“². Такимъ образомъ, послѣ первобытнаго порабощенiя „маломочныхъ смердовъ сильными мужами“, обусловленнаго страхомъ грубой физической силы, послѣ допетровскаго бюкратическаго утвержденiя первобытнаго историко-традиционнаго принципа рабства и господства на основанiи богобоязненнаго убѣжденiя, что „Господь Богъ попустилъ есть овому господствовать, овому-же работати и далъ князьямъ и боярамъ волости съ христiанами“ и, наконецъ, послѣ допетровской богобоязненно-аскетической идеи „неприличiя монастырямъ владѣть вотчинами“ и богобоязненно-братолюбивой идеи милосердiя къ рабамъ, внушаемой богобоязненно-братолюбивымъ возрѣнiемъ на человѣческую природу, — послѣ всего этого, съ тѣхъ поръ, какъ восторженное чувство удивленiя чудесному устройенiю человѣческой природы возбудило сантиментально-филантропическiй взглядъ на нее, впервые возможно стало зарожденiе идеи уничтоженiя

¹ Труды вольнаго экономическаго общества, т. VШ, 1768 г. Русскiй Арх. годъ 2-й, стр. 783. Такое восторженное возвѣщенiе идеи освобожденiя крестьянъ, какъ чудеснаго дѣянiя царей, принято было съ изумленiемъ, и авторъ первой статьи о вольности рабовъ (Беарде Делабей) награжденъ былъ 100 червонцами и золотомъ медалью.

² Русскiй Архивъ, годъ 8-й, стр. 522.

рабства, какъ „ужаснѣйшаго бѣдствія и безчеловѣчнаго ига“. Именно, восторженное чувство удивленія „чудесному устроенію человѣческой природы“ и психологически-вытекавшая изъ него сантиментально-филантропическая „любовь и чувствительность къ чело-вѣчеству“, возбудивши радостное чувство „правъ чело-вѣчества“, филантропически-юридическую идею справедливости или „правосудія“, сантиментально-идиллическое восхищеніе „поселенными и сельскими работами“ и сантиментально-филантропическое сознаніе „уважительности всякаго ободренія достойныхъ земледѣльцевъ и поселянъ“¹, — впервые порождали сантиментально-филантропическую идею освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Всѣ проекты и предположенія, впервые возбуждавшіе эту идею, имѣли источникомъ своимъ именно филантропическую „чувствительность къ роду чело-вѣческому“, возбужденную сантиментально-филантропическимъ воззрѣніемъ на чело-вѣческую природу. Такъ, прежде всего, сама императрица Екатерина Великая, глубоко проникнутая филантропическими понятіями о чело-вѣческой природѣ, видя страданія и недовольство помѣщичьихъ крестьянъ, выразила филантропическое благожеланіе „чело-вѣколюбивыхъ учреждений“ въ сферѣ крѣпостнаго права. Въ 1775 г. она писала въ письмѣ къ генераль-прокурору кн. А. А. Вяземскому: „Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что, окромѣ *чело-вѣколюбивыхъ учреждений* и тишины, ничѣмъ избѣгнуть неможно. Мы должны согласиться на уменьшеніе жестокости и умѣреніе чело-вѣческому роду нестерпимаго положенія“². Точно также, извѣстный законовѣдъ XVIII вѣка Полѣновъ, представившій въ „вольное экономическое общество“ свой трактатъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, основывая свою идею объ освобожденіи крестьянъ на идеѣ „правъ чело-вѣчества“, въ пониманіи этихъ правъ руководился филантропически-юридическими понятіями „о безчеловѣчномъ правѣ рабовладѣнія, о конечномъ унынїи и угнетенїи людей, лишенныхъ всѣхъ правъ чело-вѣчества, о бѣдственномъ состоянїи нашихъ крестьянъ, о преимуществахъ собственности“ и т. п. Разсужденіе его о бѣдственномъ состоянїи нашихъ крестьянъ глубоко проникнуто тѣми филантропическими чувствами собогѣзнованія и чувствительности къ чело-вѣчеству, какія въ то время воспитывались подѣ вліаніемъ сантиментально-филантропическаго взгляда на чело-вѣческую природу. „Бѣдственное состоянїе нашего крестьянства, — говорилъ онъ, — на такой степень возшло,

¹ Г. Пшнина, «Общ. движ. при Александрѣ I», стр. 88—90.

² XVIII вѣкъ, кн. 8, стр. 390.

что они, лишившись всёхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величины своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ. Крестьяне по самой справедливости заслуживаютъ, чтобы имѣть, о нихъ всевозможныя попеченія, и для приведенія ихъ въ хорошія обстоятельства не должно падать ни труда, ни времени. По истинѣ сказать, сколь много мы должны быть обязаны нашимъ крестьянамъ за ихъ защиту отечества, за ихъ тяжкіе труды и безпокойствія для нашего изобильнаго питанія, за ихъ лишенія и безотрадныя упражненія единственно для приумноженія посторонней пользы. Но мы, ежели искренно признаться, позабывъ всё сіи великія благодѣянія, вмѣсто почтенія платимъ крестьянамъ презрѣніемъ, вмѣсто благодаренія воздаемъ обиды, вмѣсто попеченія ничего, кромѣ разоренія, не видно. Ничто человѣка въ большее уныніе привести не можетъ, какъ лишеніе соединенныхъ съ человѣчествомъ правъ. Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ показать, сколь пагубно конечное угнетеніе для людей. Итакъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы отечества вывести производимый человѣческою кровію торгъ. Я не разумѣю здѣсь конечное запрещеніе; но кто намѣренъ продавать, то долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, пріятелей съ пріятелями: ибо, не упоминая о прочихъ несходствахъ, отъ сей продажи порознь переводится народъ, и земледѣліе въ ужасный приходитъ упадокъ. Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, словомъ представляютъ плачевное, печальное и нашего сожалѣнія достойное позорище“¹. Точно также, Радищевъ, по собственному его сознанію, возбужденъ былъ къ начертанію своего проекта объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ единственно „сожалѣніемъ объ участи крестьянскаго жребія“². Въ царствованіе Александра I, когда сантиментально-филантропическое возрѣніе на человѣческую природу достигло высшей степени развитія, съ новымъ энтузіазмомъ возбудились филантропическія разсужденія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Самъ императоръ Александръ главными побужденіями къ образованію свободнаго земледѣльческаго сословія признавалъ

¹ Русскій Архивъ, годъ 5-й, стр. 511—540.

² Радищевъ, Путешеств. Спб. 1868 г., стр. 28, 44.

„тѣ благородныя движенія *чувствительнаго сердца*, которыя во всѣ времена созидали благо человѣчества“. Графъ С. П. Румянцевъ въ „Запискѣ о вольныхъ земледѣльцахъ“ прославлялъ уничтоженіе рабства, какъ величайшее или чудеснѣйшее дѣяніе „чувствительности сердца“ монаршаго: „Всемиловивѣйшій государь!—писалъ онъ ¹,—указъ вашего императорскаго величества, распространяющій право земской собственности на всѣ свободныя состоянія государства, есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть оно поставлено въ числѣ тѣхъ, кои не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества, такъ сказать, принадлежать. Преддверіемъ оно будетъ у насъ преобразованія, превышающаго учиненное Петромъ Великимъ. Тогда истреблялось насильственнымъ образомъ невѣжество, состояніе, о которомъ еще могутъ быть пренія; теперь же, всемиловивѣйшій государь, нечувствительно и безъ всякаго опасенія начаться можетъ постепенное уничтоженіе и самаго рабства, которое иноели что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе... Нѣтъ сомнѣнія, всемиловивѣйшій государь, что вскорѣ *чувствительность сердца* вашего будетъ утѣшена частыми и совѣмъ безмятежными переходеніями изъ состоянія рабскаго въ вольноземледѣльческое“ ². Такимъ образомъ, по выраженію гр. Румянцева, „движеніями чувствительности“ вызванъ былъ указъ объ образованіи вольныхъ хлѣбопашцевъ, и мотивирована была сантиментально-филантропическая идея освобожденія крестьянъ. Точно также восторженно привѣтствовали зарожденіе идеи освобожденія крестьянъ, какъ плодъ филантропической „чувствительности къ роду человѣческому“, всѣ филантропы александровскаго времени. „Что можетъ быть, писалъ тогда одинъ „россіянинъ“, по поводу правительственнаго намѣренія освободить крестьянъ,—что можетъ быть и справедливѣе, и согласнѣе съ закономъ Божиимъ, съ закономъ челоуѣколюбія, желанія обезпечить благосостояніе, собственность и даже жизнь себѣ подобныхъ? Что болѣе опредѣляетъ истинную любовь къ отечеству, какъ не попеченіе о благосостояніи согражданъ? Да воздадимъ хвалу и благодареніе Всевышнему за то, что благодать его приуготовила, наконецъ, сердца нѣкоторыхъ согражданъ нашихъ къ принятію спасительныхъ лучей свѣта любви и правды! Распадется, наконецъ, чудовищное зданіе предразсудковъ, рабства. Хвала тебѣ

¹ По поводу указа 12-го декабря 1801 года, даннаго сенату, о предоставленіи дуклечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ приобрѣтать покупкою земли. Полп. Собр. Закон., т. XXVI. № 20,075.

² Русскій Архивъ, годъ 7-й (1869), № XI, стр. 1,953 — 1,962: Записка графа С. П. Румянцева о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

царю російській, отвергающій преддверія храма правосудія въ освобожденіи крестьянъ“¹. Вотъ, вслѣдствіе такихъ-то „движеній чувствительности къ роду человѣческому“, сантиментально-филантропическое воззрѣніе на человѣческую природу все болѣе и болѣе возбуждало идею освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго рабства,—и постепенное зарожденіе этой идеи ясно выразилось, напримѣръ, въ извѣстной задачѣ „Вольнаго экономическаго общества“ о надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ поземельною собственностью, въ разсужденіи Полѣнова о дарованіи крестьянамъ права собственности и свободы, въ проектѣ Радищева объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, въ указѣ о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 года, въ мнѣніяхъ Строгонова, Кочубея и Чарторыжскаго о необходимости уничтоженія такого „ужаснаго (si horribile) зла“, какъ крѣпостное право и о необходимости „великаго дѣла“—освобожденія крестьянъ, въ краткихъ предположеніяхъ Сперанскаго о планѣ уничтоженія крѣпостнаго права, въ запискѣ Канкринна объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленной, въ 1818 году, по повелѣнію императора Александра I, въ мнѣніи смоленскаго помѣщика объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ (около 1820 года) и друг.

Вмѣстѣ съ идеей освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, возникла впервые и филантропическая мысль объ обновленіи или лучшемъ устройствѣ сельской общины. Такъ, наприм., въ „мнѣніи смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ (1820 г.) выражены были такіа желанія: „желательно, чтобы *обществамъ* поселянъ предоставлено было право принимать къ себѣ въ общину людей изъ другихъ сословій, которымъ покажется выгоднѣе пристать къ онымъ. Желательно также, чтобы общинамъ симъ предоставлено было въ то же время право покупать земли *цѣлымъ обществомъ*. Управление сихъ обществъ остается по народному обыкновенію избирательное. Староста и головы распоряжаются въ ежедневныхъ случаяхъ, въ важныхъ—рѣшаетъ міръ или громада. Общинное владѣніе крестьянъ, при нѣкоторыхъ неудобствахъ, имѣетъ и большія выгоды. Всѣ частныя дѣйствія въ общинахъ направлены духомъ общественности, и при ономъ не можетъ быть почти нищихъ. Всякой сохраняетъ свое право на участки земли, какъ бы ни увеличивалось населеніе, а тунеядцевъ общественная власть принуждаетъ къ работѣ“².

¹ Отвѣтъ сочинителю рѣчи о защищеніи права дворянъ на владѣніе крестьянами, писанной въ Москвѣ 1-го апрѣля 1818 г., древнему російскому дворянину и проч.

² Русск. Архивъ стр. 555—556.

Въ тоже время, восторженное чувство удивленія чудесамъ человѣческой природы, возбуждѣнныя, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическихъ воззрѣній на человѣческую природу, первые вѣчатки сантиментально-филантропической идеи социальна-кооперативной взаимности въ сферѣ человѣческой дѣятельности, впервые порождено наиболее разумную идею коопераціи въ сферѣ труда. Чтобы лучше понять, какъ дошли умы русскіе до этой идеи, мы должны, хоть бѣзглымъ взглядомъ, представить предшествовавшія формы коопераціи. Въ первобытныя времена, когда господствовалъ фетишистическій страхъ таинственныхъ силъ природы и грубой физической силы, при антропофагически-человѣкобоязненномъ взглядѣ на человѣческую природу, вмѣстѣ съ общинами или дружинами для поимки татей и разбойниковъ, для самоохраненія родовъ отъ грубой физической силы — человѣкоубійственной, хищнической, порабощительной и междоусобно-воинственной, впервые возникли и нѣкоторыя другія дружины и, такимъ образомъ, впервые зародилось начало коопераціи въ сферѣ мускульной дѣятельности. Кооперація эта, на первыхъ порахъ, естественно, была исключительно мускульная и воинственно-хищническая. Именно, страхъ хищныхъ звѣрей и хищныхъ народовъ и вызванное этимъ страхомъ господство грубой физической силы — звѣроловческой, хищнической, воинственной и разбойнической были первыми естественными побужденіями къ звѣроловческой и воинственно-хищнической коопераціи. Такимъ образомъ, для наиболее смѣлой и удачной борьбы со звѣрями, возникали дружины или артели звѣроловскія; для борьбы съ чуждыми враждебными народами и для хищнически-воинственнаго набѣга на нихъ устраивались дружины воинскія, „дружины сильныхъ мужей“ — богатырей или „воиновъ“ храбрыхъ; для хищнической наживы на чужой счетъ составлялись дружины разбойническія и воровскія ¹. Возникновеніе такихъ коопераціи въ сферѣ первобытной мускульной дѣятельности было естественно и согласно съ фактами общечеловѣческаго развитія. „Участіе коопераціи въ сферѣ труда, — говоритъ одинъ глубокомысленнѣйшій современный изслѣдователь политико-экономической исторіи, — можетъ быть наблюдаемо уже при самомъ началѣ че-

¹ О существованіи разбойническихъ и хищническихъ дружинъ въ первобытныя времена несомнѣнно можно заключать и изъ существованія такихъ дружинъ въ послѣдующія времена. Такъ одна древняя повѣсть гласитъ: «человѣкъ нѣкій жилище имѣя во градѣ Псковѣ, Василій именовъ, зовомый Тѣсныя-Очи: человекъ не той лютъ въю, и со мною дружиною ходяше на злое свое стѣло — на кражу, разбой и убластѣе человекѣвъ безъ милостивъ. Памяти IV, стр. 109.

ловѣческой культуры. Такъ, мы встрѣчаемъ ее у охотничьихъ народовъ и въ индѣйскихъ земледѣльческихъ общинахъ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ она основывается, съ одной стороны, на общинномъ владѣннн средствами производства, а съ другой стороны—на томъ, что отдѣльный индивидуумъ такъ же мало успѣлъ оторваться отъ пуповины, связывавшей его съ его племенемъ или общиною, какъ отдѣльная пчела отъ своего улья. Оба эти обстоятельства отличаютъ эту первобытную форму кооперации отъ кооперации послѣдующей¹. Далѣе, во времена воспитанія, вмѣсто первобытнаго фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы, христіанскаго чувства страха единого Творца и вседержителя природы,—вслѣдствіе замѣны первобытнаго антропофагически-человѣкобоязненнаго взгляда на человѣческую природу богобоязненно-братолюбивымъ воззрѣніемъ на людей, какъ „братій и сестеръ по Боги“, подъ влияніемъ богобоязненной идеи „братства“ и „братолюбія“, смѣнившаго древнюю антропофагію и боязнь людей, естественно, первобытная зооморфически-звѣроловческая и воинственно-хищническая форма кооперации въ сферѣ труда мало по малу преобразовывались въ форму кооперации богобоязненно-дружинной или богобоязненно-артельной, мирнопромышленной. Вмѣсто первобытныхъ воинственно-хищническихъ „дружинъ“, основывались дружины церковно-ремесленныя, напримѣръ—упоминаемыя въ лѣтописяхъ и актахъ „дружины иконописцевъ“, „дружины храмостроителей“, а также „церковныя братства“ или монастырскія „общежительства“ съ общимъ сотрудничествомъ братіи². Въ частности и самыя первобытныя, звѣроловческія дружины подъ влияніемъ чувства страха Божія, мало по малу преобразовывались въ мирнопромышленныя „артели“, проникнутыя богобоязненными чувствами и поддерживавшія въ себѣ кооперативную взаимность и добросовѣстность въ артельномъ трудѣ богобоязненно-нравственными правилами. Таковы, напримѣръ, были новыя звѣропромышленныя артели въ Сибири. Крамнинниковъ описывалъ ихъ такимъ образомъ: „собирались промышленные люди артелью, въ которой бывало по 50 и по 60 человекъ. Общимъ трудомъ дѣлали они каучи или лодки, нарты, лыжи, уледи и прочія вещи, общими силами заготовляли и отправляли на мѣста промысловъ

¹ К. Маркса, Капиталъ, стр. 288.

² Наприм. въ лѣтописяхъ сказано: «бѣша старѣйшины и начальники иконописцамъ, а прочіе ихъ дружина». Карамзина IV, примѣч. 372. Или: «Псковичи наша мастеровъ и дружину побивати церковь свинцомъ», Псковск. лѣт. II, стр. 23, подъ 6928 годомъ. См. также Новгород. лѣт. стр. 78 Стоглавъ гл. 43.

разные припасы—хлѣбъ, бурню, на квасу и прочее, общими силами строили зимовья въ лѣсу или на мѣстахъ соколиного промысла, вообще, все дѣлали сообща. Одного изъ среды своей, больше бывалаго на промыслахъ, выбирали всею артелью въ передовщики: онъ раздѣлялъ артель на чуницы или отдѣльныя партіи и снаряжалъ на промыслы. Какъ рѣки ставали и наступало способное къ соболиному промыслу время, то главный передовщикъ собиралъ всю артель въ зимовье и, *помолясь Богу*, отправлялъ каждую чуницу въ назначенную ей дорогу. Отпуская артельщиковъ, онъ отдавалъ имъ приказъ, чтобы въ началѣ самый первый станъ въ лѣсу рубили *во имя церквей*, которыхъ онъ сказывалъ всякому, а въ слѣдующіе дни рубили бы станы *во имя тѣхъ святыхъ*, которыхъ образа съ собой имѣютъ. И первыхъ-бы соболей, которые попадутся *въ церковныхъ станахъ*, мѣтили отправить по возвращеніи, *въ церкви*: такіе соболи назывались у нихъ *Божими* или приходскими; а которые соболи сперва попадутся въ станахъ рубленыхъ на имя святыхъ, тѣ доставались тѣмъ промышленникамъ, которые имѣли при себѣ *образа оныхъ святыхъ*. Притомъ, наказывалось каждой артельной чуницѣ на-крѣпко, чтобы промышленляи онѣ правдою, (по сущей евангельской заповѣди, какъ говорилось въ другихъ артельныхъ записяхъ), ничего бы про себя не таили, и тайно бы ничего не ѣли. За нарушеніе этихъ наказовъ должны были опасаться „дѣвованья соболей“, какъ наказанья. Когда вся артель возвращалась съ промыслу, то разбирали, кто согрѣшилъ противъ артельныхъ правилъ; воровъ наказывали, къ столбу ставили и, какъ другіе ѣсть начинали велѣли имъ кланяться и, объявляя вину свою, говорить: простите, молодежь, воровъ лишили надѣлу. Изъ удовленныхъ соболей, Божіихъ или церковныхъ отдавали въ церкви, а прочихъ дѣлили между собою поровну“¹. Такъ церковно-обрядны были артели допетровской формаци. Наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ, послѣ допетровскаго страха таинственныхъ силъ природы, вслѣдствіе моноейстическаго отвлеченія умовъ отъ фетишическаго и политическаго страха предметовъ и явленій природы, возбудилось восторженное чувство удивленія чудесамъ природы, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ допетровскаго „смиреномудрія“ и страха естествоиспытательнаго разума, возбудился „разумъ къ вольнымъ наукамъ дерзающъ“ и началось восторженное удивленіе премудрости, пользы и славы наукъ, съ тѣхъ поръ, какъ сантиментально-филантропическій взглядъ на человѣческую природу,

¹ Крашенинникова, описаніе земли Камчатки. Спб. 1786 г. II, стр. 288—287.

порожденный удивленіемъ ея чудесному устройенію, впервые сталъ возбуждать сантиментально-филантропическія идеи и чувства просвѣщенно-человѣчной симпатіи и социальна-кооперативной взаимности въ сферѣ человѣческой общежителности и дѣятельности, съ тѣхъ поръ и кооперація въ сферѣ труда стала расширяться и преобразовываться въ сантиментально-филантропическомъ духѣ. Именно, съ тѣхъ поръ, послѣ первобытныхъ грубо-мускульныхъ, воинственно-хищническихъ, звѣроловческихъ и разбойнически-богатырскихъ дружинъ, послѣ допетровскихъ богобоязненныхъ „братствъ“, церковно-ремесленныхъ дружинъ и богобоязненно-промышленныхъ артелей, тоже еще ограничивавшихся сферою мускульнаго, физическаго труда, — впервые начала развиваться идея филантропической коопераціи въ сферѣ труда умственнаго и нравственно-общественнаго. Такъ, восторженное удивленіе чудесамъ природы въ области земледѣлія прежде всего возбудило потребность въ интеллигентной, просвѣщенно-научной коопераціи въ сферѣ теоретическаго и социальна-экономическаго развитія земледѣлія. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, и въ „земледѣльствѣ“ пскали чудеса природы. Такъ, наприм., одинъ авторъ „писемъ о земледѣльствѣ“ говоритъ: „и въ нашемъ нынѣшнемъ земледѣльствѣ, хотя оно и подъ клятвою, со многими трудомъ въ потѣ лица производится, со всѣми тѣми еще множество находится въ немъ всего того, отчего мы *можемъ приходить въ великое удивленіе*. Если бы кто изъ знатныхъ и ученыхъ людей возымѣлъ тщаніе и трудъ рассмотреть и о всякомъ хлѣбѣ изслѣдовать, какимъ образомъ въ роженіи и умноженіи его Божиимъ повелѣніемъ дѣйствуетъ натура, то бы время отъ времени всегда открывались намъ новыя и чудесныя таинства природы къ великому удивленію“¹. И вотъ, вслѣдствіе такого возбужденія умовъ „чудесами природы въ земледѣльствѣ“, въ 1765 году учреждено было въ С.-Петербургѣ „вольное экономическое общество“ — первая кооперація умственныхъ силъ, направленныхъ къ совокупному стремленію членовъ „соединенными силами обращать свои труды къ распространенію въ отечествѣ о земледѣліи и домостройствѣ знаний“². Такою же умственно дѣятельною кооперацію, въ сферѣ земледѣлія, представляло основанное въ началѣ XIX в. московское „общество земледѣлія и механическихъ ху-

¹ Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія. Спб. 1758 г. июль, стр. 429, 547, 548.

² См. о „Трудахъ“ вольнаго экономич. общества въ сочин. г. Мулова: „Заботи объ улучшеніи быта крестьянъ во второй полов. XVIII в. Казань, 1859.

дожествъ“¹. Во вторыхъ, восторженное чувство удивленія „сла-
въ распространенія наукъ“, возбудиши въ передовыхъ людяхъ
общества „разумъ къ вольнымъ наукамъ дерзающъ“, потреб-
ность знанія, невольно побуждало къ дружному, кооперативному
сотрудничеству и взаимному содѣйствію въ дѣлѣ изученія и
распространенія наукъ. Такъ, въ 1782 году съ восторженнымъ
чувствомъ удивленія чудесамъ Божиимъ во вселенной и въ пре-
образованіяхъ Россіи привѣтствовалось особой, высокотоуже-
ственной одой учрежденіе первой филантропической, умственно
образовательной коопераціи — „ученаго дружескаго общества“,
основаннаго Новиковымъ съ товарищами². Въ объявленіи объ
основаніи этого общества впервые выражено было разумно-
сознательное чувство потребности коопераціи для облегченія
умственного и нравственнаго саморазвитія личностей и созна-
ніе преимущества кооперативнаго труда надъ трудомъ ин-
дивидуальнымъ. Именно, тамъ сказано было: „Къ просвѣщенію
себя и къ приведенію въ большее совершенство много способ-
ствуютъ вспомошествованія въ томъ отъ друзей, ихъ примѣры,
совѣты и добрыя качества. Ибо что трудно одному, никѣмъ не
подкрѣпленному, то весьма удобно производится соединенными
сплами. Сіе самое побудило насъ, учинивъ выборъ друзей, зна-
менитыхъ разными дарованіями и добродѣтелями, составить об-
щество, и симъ способомъ подкрѣпить себя взаимною помощію,
дабы тѣмъ удобнѣе трудъ и упражненіе свободнаго времени
обратить въ пользу и къ свѣдѣнію многихъ, что все внѣ
нашего союза, было бы слабо и осталось бы тьмою неизвѣ-
стности покрыто. Итакъ, ученое общество, подъ именемъ „Дру-
жескаго“, составлено изъ разныхъ мужей и юношей знаме-
нитыхъ благородствомъ, и другихъ, испытанныхъ въ наукахъ,
въ ревности къ распространенію просвѣщенія и въ отличныхъ
своихъ дарованіяхъ. Сихъ различествующихъ другъ отъ друга
лѣтами, образомъ жизни, разностию упражненій и дарами сча-
стія, соединило между собою драгоценное употребленіе въ поль-
зу празднаго времени, любовь къ наукамъ и общее и частное
благо. Взаимный между ними союзъ, взаимная благосклонность
и взаимныя добрыя качества производятъ имъ взаимную пользу,
взаимныя услуги и взаимныя совершенства. Такъ, иной посред-
ствомъ сего общества возбуждается и поощряется къ полезнымъ
обществу дѣламъ; другой умагчаетъ свои нравы, или, будучи ро-

¹ Богдановича, истор. царства. Александра I, т. I, стр. 166—167.

² Ода ученому дружескому обществу, соч. членомъ его Ф. П. Ключаревымъ 6 ноября 1782 г. Русс. Архивъ, 1863 г. стр. 206—215.

бокъ, навываетъ быть смѣлымъ; иной дѣлается учтивѣе или извѣстнѣе своими дѣлами; другаго добродѣтели въ общемъ союзѣ дѣлаются полезнѣйшими; иному подается нужная помощь, дабы чрезъ то могъ приносить вышнюю пользу; наконецъ, всѣ дѣлаются полезнѣйшими и дѣятельнѣйшими“¹. Точно также, въ манифестѣ по случаю изданія новаго регламента академіи наукъ, со стороны самаго правительства, торжественно провозглашена была идея коопераціи въ сферѣ умственнаго труда: „всѣ просвѣщенные народы,—сказано тамъ,—въ разныя времена испытали, koliko способствуетъ успѣхамъ наукъ соединеніе многихъ ученыхъ, одушевленныхъ единою ревностію къ усовершенствованію оныхъ. Учрежденныя въ ихъ нѣдрахъ ученныя общества, обративъ соединенную дѣятельность членовъ своихъ къ единой цѣли, предпринимали и совершали важныя дѣла и обогатили науки открытіями, которыя безъ того счастливаго соединенія ревности и знаній, можетъ быть, невозвратно-бы погибли для рода человѣческаго. Такъ и Россія раздѣляетъ съ ними славу распространенія предметовъ наукъ“². Когда, такимъ образомъ, сознана была потребность коопераціи, на первый разъ, въ сферѣ умственнаго труда,—тогда энергично стали основываться разнообразныя умственно-образовательныя кооперативныя общества—естественно научно-практическія и социальнo-филантропическія. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Александра I основаны были, сверхъ спеціальныхъ филантропическихъ или „человѣколюбивыхъ обществъ“: „вольное общество любителей наукъ, словесности и художествъ“ (15-го іюля 1801 г.), „вольное общество словесности и практики въ Ригѣ“, нѣчто въ родѣ литературно-практической народообразовательной коопераціи (1802), „общество соревнованія медицинскіхъ и практическихъ наукъ“ (2-го января 1804 г.), „общество испытателей природы“ (26-го сентября 1804 г.), „общество математиковъ“ (1811 г.), „харьковское общество наукъ“ (ноября 1812 г.), петербургское минералогическое общество, арзамасское литературное общество, союзъ благоденствія и друг.³ Восторженными чувствами восхищенія проникнуты были всѣ эти первоначальныя коопераціи въ сферѣ умственнаго труда и нравственно-общественной дѣятельности. „Восхищенному дѣлу членовъ общества,—говорилось наприм. въ „пла-

¹ Русскій Архивъ 1863 г. стр. 207—210.

² Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. I, № 20.

³ См. наприм. Богуславича, истор. царств. Александра I, т. I, Сборникъ постановл. по Минист. Народн. Просвѣщ., т. I, № 154, 200, 291. Истор. Москов. Университ. стр. 457.

нѣ " одного изъ подобныхъ обществъ, — представляется счастли-
вѣйшее будущее время! " „Ближе, друзья! провозглашалось въ
другомъ обществѣ: *вмѣстѣ!* Великое слово: *вмѣстѣ*: съ нимъ —
этимъ „вмѣстѣ“ — жизнедеятельный *трудъ* съ безкорыстной цѣлью,
для пользы общественной; съ нимъ — просвѣщеніе, свобода“, и
т. д. Филантропическія идеи и стремленія, на первыхъ порахъ,
преобладали въ большей части этихъ интеллектуально-коопера-
тивныхъ обществъ. Такъ, напримѣръ, не говоря о специальныхъ
филантропическихъ дѣйствіяхъ „человѣколюбивыхъ обществъ“, —
рижское „вольное общество словесности и практики“, въ составъ
котораго входили не только ученые, но и художники и реме-
сленники, по словамъ его программы, „ограничивало славу свою
обученіемъ въ тишинѣ людей низкаго роду тому, что можетъ
быть для нихъ полезно, и трудами въ пользу физическаго и нрав-
ственнаго воспитанія гражданъ низкаго рода или низшаго клас-
са, вмѣстѣ съ приученіемъ ихъ къ лучшимъ способамъ работъ“¹.
Точно также, „въ первой отрасли предметовъ дѣятельности“ фи-
лантропической коопераціи — „союза благоденствія“ было *чело-
вѣколюбіе*, т. е. успѣхи частной и общей благотворительности и
т. п.² Вообще, прежде практическаго созданія ассоціацій или
кооперативныхъ артелей въ сферѣ совокупнаго-умственнаго и
реальнаго труда, напередъ необходимо было психическое, нрав-
ственное развитіе высшихъ человѣческихъ чувствъ социальна-ко-
оперативной взаимности, дружбы, единодушія и взаимодѣйстви-
тельности. И вотъ, ассоціаціи въ сферѣ умственнаго труда предва-
рительно и выполняли эту естественно-психологическую функцію
социальнаго развитія и подготавливали умы и чувства передовыхъ
генерацій къ сознанію идеи высшей, антропологической социальна-
кооперативной ассоціаціи, въ которой-бы и умственный и мус-
кульный трудъ соединились-бы въ одно органическое цѣлое, какъ
того требуетъ и физиолого-психологическій законъ соотноситель-
наго развитія человѣческой природы. Предварительныя научно-
литературныя ассоціаціи въ сферѣ умственнаго труда и нрав-
ственно филантропической дѣятельности пробуждали и воспиты-
вали социальна-гуманныя чувства единодушія, согласія, дружбы;
вмѣсто господствовавшихъ въ обществѣ „взаимныхъ отношеній
безъ взаимныхъ сочувствій, свиданій безъ радости, разлукъ безъ
сожалѣнія, тонкихъ расчетовъ и своекорыстныхъ уваженій, чув-
ства добра людей пробуждали“, воспитывали въ нихъ психиче-
скую, нравственную способность къ любви и дружбѣ, къ соци-

¹ Сборн. постановл. по Министерству Народн. Просвѣщ., т. I, № 8.

² Г. Пыпина, общ. движ. при Александрѣ I, стр. 393.

ально-кооперативной взаимности и взаимодѣйственности, чтобы, такимъ образомъ приготовить умы и чувства передовыхъ поколѣній къ взаимодѣйственному, социальнo-кооперативному облегченію и осчастливленію въ жизни, въ трудѣ, въ умственномъ и нравственномъ развитіи, въ общественной дѣятельности. Это стремленіе ясно выразилось, какъ мы сказали уже, не только въ изобильной поэзіи „любви и дружбы“, но и въ прямыхъ заявленіяхъ „артельныхъ друзей“ литературныхъ обществъ, какъ, напримеръ, въ протоколѣ 20-го „артельнаго“ засѣданія арзамаскаго литературнаго общества, бывшаго въ 1817 году, и особенно въ „посланіи къ артельнымъ друзьямъ“ Мещевскаго (1817 г.)¹.

Такимъ образомъ, идея новой артели зародилась, но до осуществленія ея еще было далеко. Передовые умы восторженно привѣтствовали ея зарожденіе, но въ тоже время и скорбѣли, что до полнаго разцвѣта ея было еще далеко. Тѣмъ не менѣе, они полны были восторженной, пламенной вѣры въ ея будущій роскошный и плодотворнѣйшій разцвѣтъ, какъ въ неизбѣжный разцвѣтъ весны. Такъ, Мещевскій, въ „посланіи къ артельнымъ друзьямъ“ въ 1817 году писалъ:

Друзья! Вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая раннихъ дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній!
Кто жъ благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и снова златыхъ,
Для счастья отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ ее... въ сей жизни...
Но часъ пробьетъ! Услышимъ мы
Отечества призванье, —
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье!
Сметенныя руна съ рукою
На путь мы ступимъ жизни
И пылкой полетимъ душой
Къ счастью отчизны и проч.²

Въ тоже время, подѣ влияніемъ сантиментально-филантропическаго восхищенія идеей братскаго сотрудничества людей, умъ

¹ Русскій Архивъ, годъ 6-й, стр. 938—939, 831—835.

² Записки адмирала Шишкова въ Чтен. Общ. Истор. 1868 г. кн. 3, стр. 102.

русскіе впервые съ восторгомъ описывали всякую общину, поразившую ихъ дружною общинностью труда. Такъ, В. В. Измаиловъ, въ своемъ путешествіи въ полуденную Россію (1799 г.) писалъ: „торжество человѣческихъ обществъ есть, конечно, общество евангелическое, котораго братья поселились у насъ на берегахъ Сарпы. Здѣсь семейство людей есть семейство братій. По улицамъ вы встрѣтите на каждомъ шагу хозяйство трудолюбія. Здѣсь каждый платитъ долгъ свой общезитію трудиться и покупать пропитаніе трудами рукъ своихъ. Послѣ обѣда весь городокъ колонистовъ есть одна мастерская, одна рабочая. Пятьсотъ рукъ находятся въ движеніи. Дѣятельность есть душа міра. Кажется, что во время работъ Сарента еще счастливѣе и веселѣе. Здѣсь надобно воображать себѣ истинно счастливаго человѣка, котораго изображаетъ Руссо.“¹ Н. М. Долгорукій въ своемъ путешествіи въ Нижній въ 1813 году такимъ образомъ описывалъ женскую кооперативную общину въ Арзамасѣ: „въ общинѣ до 100 дѣвушекъ разнаго состоянія находятъ пристанище и насущный хлѣбъ: онѣ трудятся въ разныхъ рукодѣльяхъ. Дѣвушки вступаютъ въ общину безъ всякой иной обязанности, кромѣ общей нравственной: вести себя хорошо, скромно и не шататься. Онѣ не постригаются, носятъ платье общее. Столъ у нихъ общій. Могутъ выключаться изъ общины, когда захотятъ. Надзирательницей у нихъ пожилая дворянка, на отвѣтственности которой лежитъ весь внутренній порядокъ и благочиніе. Цѣль этой общины достойна похвалы. Дѣвицы бѣдныя работаютъ и приучаются къ трудамъ полезнымъ. Это не отводитъ ихъ отъ связей общественныхъ. Онѣ не заключаются, подобно монахинямъ ханжамъ. Онѣ не обязываются тутъ вѣковать, не стригутся, не живутъ праздно, полевыи себѣ и ближнимъ трудами благородными, зная, что работа собственная рукъ нашихъ ничего подлаго не имѣетъ сама собою. Желательно было бы, чтобы, вмѣсто монастырей женскихъ, заводились лучше подобныя общины женскаго пола“².

Наконецъ, подъ вліяніемъ сантиментально-филантропическаго возрѣнія на человѣческую природу, прежде всякой лучшей соціальной организаціи труда, напередъ необходимо и естественно было общее возбужденіе сознанія важности труда въ жизни и развитіи человѣческой природы Литературныя общества восторженно призывали молодя поколѣнія къ „жизнедательному труду

¹ Путешеств. въ полуденную Россію. Вл. Измаиловъ м. 1805 г. 4 части.

² Журналъ путешествія въ Нижній въ 1813 г. въ Чтен. Общ. Истор. стр. 48—49.

для пользы общественной". Жуковский въ одномъ письмѣ писалъ: „Трудъ — великій волшебникъ, онъ всемогущій властитель настоящаго. Какими бы глазами ни смотрѣло на насъ это настоящее, дружелюбными или суровыми, трудъ заговариваетъ, заглушаетъ печали человѣка, даетъ значительность и прочность его радостямъ. И въ Курганѣ это волшебство труда равно дѣйствительно, какъ на берегахъ Рейна. Трудъ—великій благотворитель человѣческой души, очарователь и животворитель настоящаго и проч. ¹.

А. Шаповъ.

¹ Русскій Архивъ годъ 5-й, стр. 851

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ.

(Замѣтки провинціального адвоката).

III.

Хотя мнѣ не приходилось бывать на волостномъ разбирательствѣ въ качествѣ ходатая по дѣламъ, тѣмъ не менѣе, при удобномъ случаѣ, обыкновенно во время дальнихъ поѣздокъ къ участковымъ мировымъ судьямъ, я бывалъ на волостномъ судѣ, въ качествѣ зрителя; поэтому позволю себѣ воспроизвести нѣсколько сценъ волостнаго разбирательства, очевидцемъ которыхъ мнѣ пришлось быть; сценъ, наиболѣе характеризующихъ нравы и обычаи волостныхъ судовъ описываемой мною мѣстности.

Однажды, — это было лѣтомъ 187... года, — возвращаясь я изъ-за 50-ти-верстнаго путешествія къ участковому мировому судѣ. Случилось какъ разъ, что онъ вызывалъ меня къ разбирательству на субботу и я, выѣхавъ изъ города съ утра пятницы, едва-едва подоспѣлъ къ разбору дѣла. Заночевавъ въ одномъ изъ кабаковъ, пріютившихся вблизи усадьбы мирового судьи, я, чуть свѣтъ, въ воскресенье отправился въ обратный путь. Погода стояла дождливая; дорога «разступилась», какъ выражаются крестьяне; у довѣрителя моего (я ѣхалъ на его иждивеніи) лошади были не изъ бойкихъ; и мы дѣлали свой путь съ средней скоростью 4—5 верстъ въ часъ. Подъѣхавъ къ селу Р—ву, довѣритель мой отказался везти далѣе, говоря, что лошади умаялись. Дѣлать было нечего: два, три часа нужно было какъ-нибудь убить и я, полагая, что въ волостной конторѣ должна въ воскресенье происходить «разборка дѣловъ», отправился туда.

Когда я вошелъ въ контору, судебная камера была биткомъ набита народомъ. Гамъ стоялъ невообразимый: кричали, шумѣли, спорили, есорились и, кажется, всякій изъ находящихся здѣсь полагалъ, что «кто правѣе, тотъ и орѣтъ сильнѣе».

Передать всё эти споры на бумагѣ едва-ли возможно.

- Давай мои три рубля! шумѣли въ одномъ мѣстѣ.
- Три-и?..
- Да, три!..
- Натрешься, своихъ позабудешь!..
- Эхъ ты, душа!.. Весоувѣстный ты человекъ!..
- Да ты и самъ свою совѣсть по копейкѣ за пудъ продаешь!

Въ другомъ мѣстѣ.

- Поперхнешься ты, моимъ долгомъ!
 - Это дѣло Божье!
 - Моя копейка свѣтлая!
 - Ну, ладно, не приписывай!
- Около меня, у самаго входа, кричала и плакала крестьянка, приступая къ солидному крестьянину тина увѣдныхъ мироѣдовъ.
- Отдай!..
 - А што ты такая за человекъ?
 - Умирать будешь!..
 - Можетъ быть!
 - — И богатые, и бѣдные, всѣ умирать будемъ!.. Сейчас ты мои пятнадцать цалковыхъ заѣлъ, а пятнадцать забожилъ! И Богъ съ тобой! Здѣсь не разобрали, — Богъ все разберѣтъ! Ты думаешь, на томъ и остался? Нѣтъ, Богъ все разберѣтъ!
 - Ну чего ты лѣвешь!.. Сказано, у меня твоихъ денегъ нѣту!

- Подай ты мои заработанные тридцать цалковыхъ!..
 - Какіе?
 - Какіе!.. Самъ знаешь, какіе!.. Здѣсь не разсудили, къ мировому пойду! Свидѣтелей моихъ не допрашиваютъ!..
 - Куда хожь!
- Съ другого боку тоже происходилъ денежный споръ.
- Прокопъ, а Прокопъ, отдай деньги-то!
 - Какія?
 - Мои, что ты бралъ!
 - Спи еще!
 - Отдай, короче будетъ!
 - У насъ на все хватить, и на короткую, и на длинную!
 - Право, отдай!
 - Ты не плавай по сухому берегу! острялъ неотдающій денегъ.

Всѣ эти споры и препирательства происходили въ задней части судебной камеры, у входной двери; впереди, въ переднемъ углу, происходило, конечно, судебное засѣданіе. Когда я вошелъ въ контору, то кой-кто изъ толпы узналъ меня; въ толпѣ послышался шопотъ: «абвакать, глянь, абвакать издѣсь!». Ближайшіе ко мнѣ приступили съ разспросами, какъ и что, и зачѣмъ это я у нихъ на волостномъ судѣ. Таки-таки я былъ извѣстенъ большинству крестьянъ въ увѣдѣ и меня никто не считалъ за какое ни на есть начальство, то никто и нисколько не

стѣнялся мнѣ присутствіемъ на волостномъ разбирательствѣ, такъ что я могу съ увѣренностью сказать, что тѣ разбирательства, которыхъ я былъ очевидцемъ, и безъ меня происходили бы такъ-же, какъ и въ моемъ присутствіи.

— Посмотрѣть нашихъ расудовъ застѣли, видно? спрашивали у меня.

— Да.

— Что-жъ! Супротивъ мировой, примѣрно сказать, судьи будутъ далече! У мировой, все, примѣрно сказать, по закону: какое вышло дѣло,—посмотрѣлъ въ законъ; сейчасъ и пишетъ тебѣ резолюцію! А у насъ что? Нѣбже у насъ законъ какой! Что хотите, то и дѣлаетъ! Не уважаетъ!

— И для нашихъ судовъ тоже существуютъ законы.

— Законы! У насъ одинъ законъ—вожа! Кто больше спонитъ, тотъ и правъ! Кто старшинѣ, да судьямъ родня, тому и рука! Вотъ наши судьи ваки! Одни грѣхи съ ними! Инъ дѣло у мировой: какъ надо бить, по порядку, онъ тебя расудитъ и получишь ты свое удовольствіе, а не доволенъ, самъ тебѣ укажетъ, куда на него выше просить моему!

— Да вѣдь вы и рѣшавіе волостнаго суда тоже можете обраковать, если оно неправильно.

— Обраковать! Да пока ты жалобу писать сберешься, такъ тебя разговъ десятокъ отвернутъ! Да и кому жаловаться-то!.. Къ мировому пойдешь, скажешь не мое дѣло и отошлетъ къ посреднику, а посредникъ опять на волость всѣ бумаги вышлетъ, на новую пересудку! Ну и опять на прежнемъ положеніи останешься и никакого ты себѣ резонту не найдешь!

— Какъ-такъ, на прежнемъ положеніи?

— А такъ! Мало тебя драли, такъ еще подбавютъ!

— Не можетъ быть!

— Будь покоенъ!

Въ это время шумъ особенно усилился. Должно быть окончилось предыдущее разбирательство и нѣкоторые изъ тяжущихся выходили изъ конторы «вожа», потому что толпа заколыхалась.

— Цыцъ вы! Чего вы тамъ гадите! Или въ холодную захотѣли! раздавался рѣзкій голосъ старшины.

Смогли. Я пробрался поближе къ судейскому столу, за которымъ сидѣло трое судей, и сталъ въ толпѣ. На столѣ были разложены письменныя принадлежности и около нихъ тоже необходимая принадлежность волостнаго суда—волостной писарь. Мнѣ не очень хорошо было видно, что онъ дѣлалъ; кажется, разминивалъ листъ бумаги, приготовляя его для новаго приговора.

Предъ столомъ образовалось свободное пространство, оставленное, вѣроятно, для тяжущихся. И въ самомъ дѣлѣ: здѣсь стояли другъ противъ друга два крестьянина: одинъ постарше, лѣтъ около 35, одѣтый довольно опрятно и, повидимому, че-

ловѣкъ съ достаткомъ; другой, помоложе, выглядывалъ бѣднѣйшей и забитѣйшей, залезавшиимъ. Волостной старшина (замѣтно, что онъ былъ въ легкомъ подбитіи) стоялъ тутъ-же, около тяжущихся, во внушительной позѣ, съ подпертой въ боги правой рукой, и съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ слушалъ «словесное состязаніе» тяжущихся. Волостные судьи молчали и тоже, должно быть, слушали. Сради началось снова гаденье, но не столь шумное, какъ прежде, быть можетъ, потому, что наряду замѣтно поубавилось.

Начала дѣла я разсуждать не могъ и засталъ «словесное состязаніе» на половинѣ и на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Безперечъ ты меня, озорника, ругавши! Долго я терпѣлъ, да мочи не стало! Нигдѣ отъ тебя ни мнѣ, ни жень, ни дѣтамъ проходу нѣту! горячился старшій.

— И все врешь, коротко отрѣзалъ тотъ, который былъ помоложе:—это мнѣ съ женой отъ вашего дому жатья нѣту! Оramите вездѣ! Что богатъ, такъ и думашь, что справи на тебя нѣтъ!

— Ты у меня денегъ не считалъ! И зачѣмъ мнѣ тебя страмить, коли-бы ты самъ не страмной былъ!

— Страмной-то ты и есть!..

— Ты съ Ваньки съ моего поддевку снялъ?..

— Снялъ! Не ходи мнѣ огородежъ! Нешто улицы у насъ нѣту, аль дороги, а то не коноплию дорогу сдѣлали себѣ! Не бойсь конопли онъ у меня сколько потопталъ! Отдай за потраву и получи поддевку!

— Ты Ваську за что отколотилъ, а?

— Не смѣй моихъ курей конять! Пѣтуху онъ ногу перешибъ! Ему заказано было,—не послушалъ, ну и даль ему тѣску!

— Да кто видѣлъ, что онъ твоихъ курей гонялъ! Охальникъ ты!

— Охальникъ ты-то и есть! И дѣтище-то все твоѣ охальниками растѣтъ! И за что ты меня избилъ?

— И за что ты насъ на всю деревню ругалъ, неслладными словами обзывалъ? вдругъ ни съ того, ни съ сего вмѣшалась въ «состязаніе» жена пожилаго тяжущагося, выдвинувшись изъ толпы, гдѣ до тѣхъ поръ она стояла.

— Сами, сами, сами матершиной сидить горазды! Всякъ знаетъ, горлотаны настоящіе! вступилась въ свою очередь жена другого тяжущагося.

Когда въ словесное состязаніе тяжущихся вмѣшаются ихъ жены, то дѣло всегда принимаетъ болѣе серьезный оборотъ. Казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ защитницы своихъ мужей вступятъ въ рукопашную. Старшина самъ, быть можетъ, былъ того-же мнѣнія, или-же считалъ обстоятельства дѣла достаточно выясненными изъ словеснаго состязанія тяжущихся,—какъ бы то ни было, но онъ положилъ конецъ преніямъ.

— Господа, обратися онъ въ судьямъ: — покель намъ еще

воловодиться-то съ ними! Заставятъ што-ль его (онъ указалъ на того, который былъ помоложе) попросить христьянскаго прощенья?..

— Ну, дакъ что-жь! Коли такъ, извѣстно дѣло на смиренней! сказадь одинъ изъ судей.

— Имъ вѣдь бы смириться надо!.. замѣтилъ-было другой судья. Третій молчалъ.

Возраженіе это было принято первымъ судьей и старшиною съ какимъ-то азартомъ.

— За што вѣдьмы! Нешто правнй у виновнаго прощенья просить?

Возраженіе такъ и осталось безъ послѣдствій.

— За што-жь мнѣ смиряться, коли я себя виновнымъ не признаю! Самъ первый на деревнѣ ругатель, а на меня вини пригоняетъ! Енъ-же меня билъ и мнѣ-жь у него прощенья просить!

— Ну, ладно, проси прощенья!

— Енъ пусть у меня просить! Енъ билъ!

— Ты будешь у него прощенья просить, ай нѣтъ?

— Да за что-жь мнѣ прощенья просить, коли я не виновенъ!

— Ты будешь у него прощенья просить, а?

Голосъ у старшины возвышался.

— Да за что-жь... вини моеи нѣту!

— Ребята, подайте-ка розогъ! закричалъ старшина уже не «своимъ» голосомъ, обращаясь по направленію къ выходной двери, надо полагать, къ разсылнымъ.

Розги немедленно появились.

— Не хочешь прощенья просить? Раздѣвайся! кричалъ старшина.

— Я вашимъ судомъ... недоволенъ, пожалуйте мнѣ скопія!

— Получишь скопію опдслѣ, а теперь ложись!

— За што-жь мнѣ ложиться, коли меня ѡнъ билъ! Никакой вини за собой не признаю!

— Ладно! Опдслѣ признаешь! Ложись, тебѣ говорятъ! Ну-ка, ребята, подмоги!

Помогатели мигомъ сорвали, стащили съ обреченнаго на сѣчку все то, что могло помѣшать правильному ходу исполненія этой экзекуціи.

— Ложись, по чести, говорю, ложись! приказывалъ старшина.

— Не могу я самъ класться, потому что въ себѣ причинъ не нахожу!

— Ну, такъ проси прощенья!..

— Какъ-же мнѣ у него прощенья просить, коли ѡнъ меня билъ!

— Поклонись ему въ ноги!

— За что-жь мнѣ ему въ ноги кланяться, коли мои-къ вини-вовсѣ нѣтутъ!

— Покаль-же я съ тобой буду маяться, такой-сякой! вскричалъ старшина, бросившись на бѣднягу и схвативъ его за воротъ.—Дери его въ мою голову! кричалъ онъ разсыльнимъ.

Тѣ бросились исполнять... Я высочилъ изъ залы судебного засѣданія, превратившейся въ конюшню. Я бѣжалъ... а меня догнали отчаянныя раздрающіе душу крики «сѣкомаго».

— Все-таки не попросилъ-же прощенья, подумалъ я, въ утѣшенъе самому себѣ.

Черезъ полчаса я видѣлъ, какъ «сторона, выигравшая дѣло», старшина, судьи да еще нѣсколько человѣкъ крестьянъ (есть нѣкоторое основаніе предполагать, что то были «сѣкуторы») направляли свои стопы въ питейный домъ, стоявшій неподалеку отъ волостной конторы.

Довѣритель мой въ это время былъ на улицѣ, около своей телеги. Я указалъ ему на «шествиѣ».

— Въ кабагъ?

— Ужъ это какъ водится, по порядку! Кто «оправился» съ того и выпивка!

— Да волостной-то старшина кажется уже «того»?

— У насъ, на этой должности нельзя безъ этого обойтись! всякій нарываетъ къ ему съ поклономъ, да съ угожденьемъ; за почетъ считаетъ, коли старшина съ нимъ водочки попьетъ! Такъ какъ-же тутъ, на этой должности, тверѣзому бытъ!..

— Но неужели-жъ всѣ они пьяницы?

— А... нѣтъ, какъ можно! Коли слабый человѣкъ какой упадетъ, ну онъ водей радъ, а то тоже есть и другіе!

— Тѣхъ ужъ ничѣмъ и не угощаютъ?

— Какъ не угощаютъ! А чай, примѣрно, на што? Или тамъ закуска такая, примѣрно...

— Ну, а волостные судьи?

— Ну и тѣ тоже, когда случится, попиваютъ! Кто зайтить ихъ попередъ хочеть, ну и угостить, чтобы его руку тянули!

— И тянуть?

— Ктожъ хлѣбъ-соль забываетъ, чудной ты право!

— А волостные писаря?

— И волостные писаря свое возьмутъ! Они свое возьмутъ не теперь; а послѣ, когда къ ему ты за скопией придешь. Онъ и будетъ тебя воловодить: «завтра, да завтра». Ужъ тогда онъ надъ тобой властенъ и ты ему долженъ—всякое угожденіе, ну и деньгами случается!..

— И деньгами берутъ?

— А какже! Вотъ во время некрутнаго вочереду, такъ и Боже ты мой, какъ нашему брату отъ нихъ жутко достается!

— А что?

— А то, что сейчасъ онъ можетъ тебѣ и твою семью безъ череду назначить и поди ты тамъ опосля путайся, свои права

розскивая, а заправских, любовных, по паспортамъ въ зароботки отпустить! Тутъ имъ со старшиной и рука!

Нѣтъ сомнѣнiя, что волостные суды въ скоромъ времени будутъ преобразованы: на нихъ обращено вниманiе и, въ настоящее время, существуетъ особая коммиссiя для разсмотрѣнiя вопроса о волостныхъ судахъ. Члены этой коммиссiи, какъ было видно изъ прошлогоднихъ газетныхъ корреспонденцiй, разѣзжали по губернiямъ, уѣздамъ и волостямъ, очевидно, съ цѣлю ближайшаго ознакомленiя съ порядками волостныхъ разбирательствъ. Въ одной изъ такихъ корреспонденцiй, помнится, рассказывалось, что на вопросъ одного члена коммиссiи о томъ «довольны-ли, крестьяне, волостными судами» со стороны крестьянъ, *собранныхъ въ волостной конторъ* послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ. Воображаю, что ожидало-бы крестьянъ со стороны ихъ начальства, если-бы они осмѣлились высказать, что «недовольны своимъ судомъ»...

Если-бы членъ этой коммиссiи разговаривалъ съ крестьянами не въ качествѣ члена-чиновника, то навѣрное они не отвѣтили ему стереотипной фразой: «всѣмъ довольны». Чтобы знать доподлинно: «удовлетворяютъ-ли волостные суды своему назначенiю», т. е., чтобы получить отвѣтъ на самый первый вопросъ коммиссiи о волостныхъ судахъ, нужны годы болѣе близкаго знаомства съ практикою волостныхъ судовъ. Тогда только можно безошибочно судить о степени ихъ удовлетворительности для крестьянъ.

Нѣкоторый намекъ на преобразованiе волостныхъ судовъ уже видѣлся изъ 1-го примѣчанiя къ ст. 102 общ. пол., въ которой сказано: «впредь до изданiя общаго сельскаго устава, волостные суды, а также и волостные старшины и сельскiе старосты, при опредѣленiи, на точномъ основанiи ст. 64, 86 и 102 общ. пол. мѣры наказанiй за маловажные преступленiя и проступки, пригнѣваются къ правиламъ по самому предмету установленнымъ въ уставѣ сельскомъ судебномъ для государственныхъ крестьянъ (Св. Зак. 1857 года, т. XII, ч. II, уст. о благоустр. въ казен. селен. ст. 440—536).

Будутъ-ли волостные суды уничтожены или будетъ изданъ общинный «общiй сельскiй уставъ» и каковъ онъ будетъ, все это покажетъ намъ будущее, а въ настоящемъ крестьяне, кромѣ волостнаго суда, подвѣдомственные и сельской администрацiи, ст. 64 и 86 общ. пол. Подобно тому, какъ 102 ст. этого положенiя опредѣляетъ подсудность дѣлъ волостному суду, она же опредѣляетъ и судебную власть волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ по взысканiямъ съ виновныхъ за маловажные полицейскiе проступки.

На основанiи этихъ статей, волостные старшины и сельскiе старосты могутъ подвергаться виновныхъ подвѣдомственныхъ имъ

крестьянъ: назначенію на общественныя работы до двухъ дней, или денежному въ пользу мирскихъ суммъ взыскаіію до одного рубля, или аресту не долѣе двухъ дней. Эта власть, казалось, должна была бы окончиться со дня введенія въ дѣйствіе въ данной мѣстности Уставовъ 20 ноября 1864 года, подобно тому, какъ окончилась власть общей, уѣздной полиціи по мало-важнымъ полицейскимъ проступкамъ, которые перешли въ дѣніе мировыхъ судей, а полиція сохранила за собою лишь право преслѣдовать виновныхъ по обвиненію ихъ вредъ судью. Между тѣмъ, на дѣлѣ этого нѣтъ и ст. 86 и 64 общ. пол. не отиѣнены и до настоящаго времени. Другими словами, по Уставамъ 20 ноября, всѣ «полицейскіе» проступки крестьянъ, признаны подсудными мировому суду, а волостные старшины да сельскіе старосты дѣйствуютъ себѣ «на прежнемъ основаніи».

Какъ-бы то ни было, но волостные старшины пользуются своимъ правомъ суда и расправы надъ животами подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ съ энергіею, достойною лучшей участи. Чтобы они ни сдѣлали, имъ все сходитъ съ рукъ, потому что за всѣ свои дѣйствія по должности они отвѣтственны только предъ посредникомъ, который, на основ. 125 ст. общ. пол., за мало-важные проступки по должности подвергается незначительнымъ взысканіямъ, по собственному усмотрѣнію; а въ случаѣ совершенія уголовного преступленія, отъ того-же самаго посредника зависитъ преданіе виновнаго старшины уголовному суду. Въ случаѣ-же «замѣченныхъ со стороны старшинъ злоупотребленій» или несправнаго управленія своихъ должностей, эти послѣдніе окончательно удаляются, на осн. 122 ст. общ. полож. уѣзднымъ мировымъ съѣздомъ. Вислѣдствіи читателю увидитъ, насколько примѣняется въ дѣлѣ этотъ законъ мировымъ съѣздомъ.

А старшинамъ сами посредники даже вовсе не нужны: имъ нужны ихъ письмоводители. Эти письмоводители, начавшіе свою службу по этой части съ 1861 года, до тонкости изучили положеніе, тѣмъ, конечно, рѣдкій въ посредниковъ настоящаго времени можетъ похвалиться, потому что посредники «настоящаго»,—это, какъ извѣстно, старички, деживающіе свой вѣкъ «на пенсіонѣ». Письмоводители переходятъ отъ одного посредника къ другому, и состоятъ бессмѣнными письмоводителями по своему участку. По крайней мѣрѣ, это было такъ во всѣхъ нашихъ окрестныхъ участкахъ.

Въ нашемъ уѣздѣ было три посредника и, слѣдовательно, три письмоводителя нажили себѣ порядочныя деньги и владѣютъ въ настоящее время довольно цѣнною недвижимостью въ городѣ. Какъ они нажили деньги, въ этомъ я убѣдился чуть-ли не на третій день своего пребыванія въ томъ уѣздномъ городѣ, гдѣ я поселился. Это было еще мѣсяца за полтора до введенія судебнаго устава въ этой мѣстности. Я приѣхалъ въ тотъ

передъ собственно на службу въ уѣздной земской управѣ, на должность «дѣлопроизводителя», но предложенію предсѣдателя управы, — но потомъ какъ-то оказалось, что «въ моихъ услугахъ управа вовсе не нуждалась» и я былъ опредѣленъ, чѣмъ-то въ родѣ «старшаго помощника младшаго писаря». Въ то время у меня и въ помислахъ не было «сдѣлаться аблакатомъ» и я постоянно ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, чтобы найти средства выбраться изъ того омота, въ который попалъ. Уѣхать — стоило денегъ, которыхъ у меня не было; а проѣздъ стоилъ не дешево...

Но не въ томъ дѣло. Комната, гдѣ засѣдали члены земской управы, или «присутствіе», отдавалась одинъ разъ въ мѣсяцъ подъ засѣданіе уѣзднаго мирового съѣзда. Замѣчу, что предсѣдатель земства былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предводителемъ дворянства, а слѣдовательно и предсѣдателемъ съѣзда посредниковъ, такъ какъ двѣ эти должности совмѣстны.

Двери присутствія съѣзда были притворены и до канцеляріи управы доносился только невнятный гулъ; народу съѣхалось не мало.

Вдругъ, общая тишина была прервана такими пронзительными криками, которые способны вырваться только у человѣка, когда его грабятъ, рѣжутъ или сѣкутъ. Кричала, должно быть, крестьянка.

Любопытство мое было возбуждено. Я вошелъ въ залу. На полу, въ ногахъ предсѣдателя, валялась баба, заливаясь «горючими» слезами и умоляя его приказать кому-то что-то отдать. На лицѣ предсѣдателя было написано недоумѣніе, на лицѣхъ посредниковъ — полнѣйшее равнодушіе. Посредники сидѣли за столомъ безъ дѣлѣй, присвоенныхъ ихъ должности, быть можетъ потому, что ихъ и такъ всѣ знали; за столомъ каждаго изъ нихъ стоялъ принадлежащій ему письмоводитель. Это нужно было для болѣе удобныхъ справокъ и совѣщаній. Одинъ изъ этихъ письмоводителей какъ-то подергивался, пожевивался, и видно было, что ему очень не по себѣ.

— Судьи царскіе, судите по божецки! прикажите отдать! Десять рублей съ меня взяли, чтобы мое дѣло законно вышло, а теперь вишь незаконно стало! Прикажите отдать мои денежки!..

— Незаконно стало, потому что незаконно пресинь! сказала предсѣдатель.

— А за чѣмъ онъ говорилъ, что законно! Десять рублей съ меня взяли! Прикажите отдать!..

— Вы брали? обратился предсѣдатель къ письмоводителю, который подергивался.

— Я? Я-съ!.. Я-нѣтъ! Нѣтъ-съ!.. Я въ первый разъ вижу!

— Вотъ онъ, старука, что говорить! Олишала?.. Да ты встань! Встань! прикрикнувъ на старуку предсѣдатель.

— Взгляни на Бога-то! Здѣсь обманешь, а Бога не обманешь! Точно, бралъ ънъ у меня, ваше скобродіе, десятку! вышлагивала и выиркивала крестьянка, поднимаясь съ полу.

— Если брали, то слѣдуетъ отдать! Вы, конечно, не брали? насмѣшливо спросилъ предсѣдатель.

— Нѣ-ѣтъ-съ, не брали! Мнѣ и нельзя было съ нее брать, какъ я въ первый разъ ее здѣсь вижу!

— Ишь какой! въ первый разъ! А мало я къ тебѣ ногъ прибила ходивши? Небось разовъ поболѣ петку была! Я большого подтѣлка продала, да къ ему пришла, а его дома не было: сказывали, съ баринномъ по волостямъ вуѣхамни бжги! У евоной жонки я на кухнѣ заночевала! Ну, на утрѣ прїѣзжаетъ, я ему десятку и отдала! А ты и говоришь,—обратилась она къ писмоводителю: — ступай, говоришь, съ Богомъ, я дѣло все по твоему сдѣлаю! А то въ первый вижу! Небездольте малаго челоуѣка! Приважите ему ѡтдать! заголосила она, снова кидаясь въ ноги предсѣдателю.

По жалкой фигурѣ писмоводителя, по выраженію его физиономіи было видно, что крестьянка не лгала: ему было совѣстно при всѣхъ совнаться во взяточничествовѣ и ѡтдать деньги.

— Быть можетъ, вы сами забыли, что взяли съ нея десять рублей, а если взяли,—то слѣдуетъ ѡтдать! ѡтдайте, совѣтую вамъ!..

— Я... ѡдамъ-съ! Сейчасъ-съ ѡдамъ-съ!

— Тѣмъ лучше! Старуха, получи съ него, да скажи намъ всѣ-ли ѡтдать...

Какъ будто эти слова задѣли писмоводителя за живое, потому что онъ тотчасъ-же схватился за свой бумажникъ, довольно туго набитый кредитками и, вынувъ десятирублевою, тутъ-же ѡтдалъ ее крестьянкѣ.

— Слава тѣ, Господи! Дай тѣ Господи много лѣтъ пожить! И сохрани тебя!

— Ну, ну, ступай, старуха, домой, да въ другой разъ подтѣлка не продавай!..

— Нѣ, нѣ, батюшка, нѣчаго ужъ и продавать-то стало! Ѳстальную сотину со двора свела!

Какъ оказалось впоследствии, такая сцена не была рѣдкимъ явленіемъ въ практикѣ уѣздныхъ мировыхъ сѣздовъ, но исходъ такихъ сценъ зависить исключительно ѡтъ расположенія духа предсѣдателя. Случалось, что онъ приказывалъ и возвращать взятые деньги, но случалось, что онъ «сигналъ вонъ» и того, съ кого были они взяты.

Въ уѣздной жизни все это не казалось страннымъ. Но на меня, въ то время еще не вкусившаго всей прелести провинціального провабанія, подобныя сцены производили чрезвычайно болѣзненное впечатлѣніе.

«Вотъ,—думалъ я,—скоро отерють мировые суди и эти несчастные «стригоми» будутъ пудаться въ руководителѣхъ»

по пути «закона». Сдѣлаюсь-ка защитникомъ «своихъ и сиротъ» и всѣхъ «обиженныхъ безвинно!» И какъ висока казалась мнѣ въ то время эта добровольно принимаемая на себя обязанность! Ну, а теперь? Какъ бы то ни было, но я нашелъ себѣ выходъ изъ омута, въ который попалъ, и съ перваго же дня открытія мировыхъ судовъ я сдѣлался «свакатою».

Находясь подѣ покровительствомъ такихъ писемоводителей, или, какъ ихъ называютъ крестьяне «посредничихъ писарей», старшины дѣйствуютъ не такъ, какъ предписываетъ имъ въ томъ или другомъ случаѣ законъ, а такъ, какъ имъ самимъ заблагоразсудится. Сколько жалобъ на нихъ, сколько воплей на ихъ почти безконтрольное употребленіе своей власти!

— На счетъ съчки, къ вашей милости, объяснилъ вшедшій ко мнѣ крестьянинъ, когда я спросилъ, что ему нужно.

— На счетъ чего-о?

— На счетъ драгья, значить.

— Объяснитесь, пожалуйста, подробнѣе!

— Да вотъ, къ становому насъ призывали, всю деревню, семнадцать человекъ! Мы и не знали, что становой переѣхалъ въ С—во, а что стоялъ онъ въ К—вѣ, то знали! Это, на счетъ пожарнова дѣла, къ акту расписаться призывали. Пошли мы въ К—во, да тамъ и не нашли становаго, а сказали намъ: «другой день переѣхалъ!» Ну, мы было къ ему пошли въ С—во, анъ на дорогѣ повстрѣчали насъ разсмыльные. Воротили насъ въ контору и стали они спрашивать: «васъ, говорятъ, послали въ карцералію къ становому, а вы почему не явились? Мы говоримъ, что не знали, что становой переѣхалъ, а они и говорятъ: «ступайте, говорятъ, въ контору!»

Разскащикъ былъ въ большомъ волненіи; рѣчь его была отрывистая и говорилъ онъ какъ-бы заикавшійся. Онъ остановился и «перевелъ духъ».

— Ну, пришли мы въ контору! продолжалъ онъ:—старшина сталъ ко мнѣ приступать, я попередъ всѣхъ стоялъ: «ты, говоритъ, Ларивонъ Ларивоновъ, повѣску получилъ?»—Я говорю: «получилъ!»—А онъ говоритъ: «ты самъ ее читалъ?»—А у меня товарищъ мой читалъ, самъ я не умѣю!.. — Онъ этого въ резонтъ не взялъ...—«Ну-ка, говоритъ, разсмыльные, дайте-ка, говоритъ, розогъ! Сталь я въ ногахъ у него ваяться... «Прости, говорю, Степанъ Николаичъ, я-же не виновенъ! А ежели я виновенъ, то обложите меня штрафомъ! Однако, думаю, что онъ только пугаетъ розгами-то—и раздѣлся! Раздѣлся я, а меня разсмыльные схватили, да и повалили!.. Я безъ чувствія лежалъ! Когда очнулся, меня все еще стегали!

— А товарищей вашихъ наказывали?

— Трехъ отстегали, прочіе такъ отпустили—замаялись!

— Жаловались вы кому нибудь?

— Ходилъ къ посреднику, да онъ говоритъ «старшину, говоритъ, не могу судить, надо на мировой съѣздъ на посредничій прошенье подавать!» Ну, а мировой-то съѣздъ не съѣхался; половодѣ, вишь ты, захватило! А старшина-то забоялся, что безвинно насъ наказалъ, да подложный приговоръ и написалъ, двѣнадцать дѣтъ онослѣ нашей сѣчки, а волостные судьи потомъ печати пригладали!

— Вы это вѣрно знаете?

— На что вѣрнѣе!.. Вся волость знаетъ и въ свидѣтели пойдеть, что точно онослѣ составили и печати пригладали!..

— А ваши товарищи жаловались?

— И они жаловались, въ одномъ прошеньи на посредничій съѣздъ все исписано... вся наша скорбь! Ну, да они теперь своимъ дѣломъ занялись!.. Недосужно имъ, потому что въ роцѣ у куца Сухонюева на счетъ возки дровъ заняты!.. Мнѣ и препоручили: «тебя, говорятъ, больнѣй всѣхъ сѣли, ты и хлопочи, отыскивай свои права и наши права! Вотъ и стираетъ мое дѣло посредничкой писарь, нигдѣ себѣ концовъ не сыщутъ!»

— Что-же вамъ сказалъ этотъ посредничкой писарь?

— А сказалъ ънъ: «если ты дальше куда пойдешь, то мало тебя на сѣчкѣ били, въ острогѣ сгниешь!» Ну, я и поопасаюсь маненечко, что подавалъ прошенье-то и пришелъ къ вашей милости посоветоваться: будетъ-ли мнѣ что за то, что я на старшину прошенье подавалъ?..

— Да вѣдь это все правда, что вы рассказываете?..

— Вѣрное слово говорю вашей милости! Посредничкой писарь самъ въ контору наѣзжалъ, старшину ругалъ: «что ты, говоритъ, надѣлалъ! Въ Сибирь захотѣлъ?» Ну, а потомъ и научилъ его подложный приговоръ сдѣлать, чтобы не быть виновнымъ!

— У васъ есть копія съ приговора?

— Не дасть и скопир!

— По крайней мѣрѣ, не извѣстно-ли вамъ, что написано въ приговорѣ?

— Кто-жь е знаетъ, что тамъ написано! по слухамъ, надо быть, писано тамъ, что не послушались мы старшинова приговору, и сѣдуеть насъ за то сѣчь!

— А въ этомъ постановленіи сказано-ли, сколько именно дать вамъ розогъ?

— У насъ нѣшто считаютъ! Написать можно сколько хошь, и сѣчь можно сколько хошь! Товарищи сказывали: долго сѣли, нѣтъ силъ выбились, тогда и бросили! Можетъ, розогъ побольше сотенъ двухъ дали!

— Мнѣ все-таки не вѣрится, чтобы все было именно такъ, какъ вы рассказываете.

— Истинное дѣло, какъ было, такъ и сказываю! Я вашей милости сейчасъ свидѣтеля предоставляю на допросъ!.. Онъ «вонкахъ» (внѣ, т.-е. на дворѣ) дожидается!

Очевидецъ, одинъ изъ 17 человекъ, изъ тѣхъ, которые избѣжали «сѣчки», рассказалъ мнѣ дѣло точно также, какъ оно изложено со словъ Ларіонова.

— Да не былъ-ли старшина въ это время пьянъ?

— Намъ не вѣдаждъ было! Очень скоро уже онъ къ намъ приступилъ! сказалъ Ларіоновъ.

— Надо правду говорить, прибавилъ другой: — рѣдко когда онъ тверезнѣй бываетъ!

— Зачѣмъ-же такого выбирали?

— А нѣшто мы выбирали!

— А кто-жь?

— А самъ выбрался!..

— Какъ такъ самъ?

— А такъ... ну, конечно, староста, да посредничкой писарь на бандировкѣ¹ былъ!..

— А не самъ посредничкой?

— Говорили, что самъ-то посредничкой былъ боленъ, такъ за себя писаря принималъ. Ну, старшина напоилъ всѣхъ пьяными въ лоскъ... и выбрался самъ съезнова на новые среки!..

— Надо быть, вы желаете, чтобъ я написалъ на старшину жалобу?

— Куда будете писать? Къ мировому?

— Нѣтъ, въ мировой съѣздъ!..

— Въ посредничкой?

— Конечно.

— А не останемся мы виновны, что подадимъ на старшину?

— Если вы и вотъ этотъ крестьянинъ, утверждаете, что дѣло дѣйствительно было такъ, какъ вы рассказали, то вамъ бояться нечего.

Я написалъ жалобу въ съѣздъ посредничковъ, въ которой, указывая на свидѣтелей, упомянулъ и про подложный приговоръ и про превышеніе старшиною власти, такъ-какъ онъ наказалъ безъ приговора волостнаго суда. Наконецъ, указавъ, что и самое дѣло, по смыслу ст. 29 и 30 уст. о нак., нал. мир. судьями и ст. 42 уст. угол. суд. не подлежало вѣдѣнію волостнаго суда, такъ-какъ наказаніе за ослушаніе сельскихъ и волостныхъ начальниковъ опредѣляется въ силу вышеприведенныхъ законовъ подлежащимъ мировымъ судьей.

Черезъ нѣсколько недѣль вышло рѣшеніе, въ которомъ объяснено: «Мировой съѣздъ изъ объясненій старшины усматриваетъ, что приговоръ волостнаго суда о наказаніи Ларіона Ларіонова съ товарищами за ослушаніе распоряженія волостнаго старшины и становаго пристава, дѣйствительно былъ составленъ послѣ того, какъ Ларіоновъ съ товарищами былъ наказанъ; поэтому съѣздъ, въ виду невозможности отменить уже отбытый приговоръ, штрафуетъ старшину на три рубля и дѣ-

¹ На балотировкѣ.

ласть ему строгія выговоры, съ тѣмъ, чтобы впередъ онъ отъ такихъ дѣлъ воздерживался»...

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Крестьянинъ Ларионовъ долго потомъ франилъ меня, какъ мнѣ передавали, за то, что я написалъ ему жалобу въ сѣздъ на старшину, который, при всякомъ удобномъ случаѣ мстилъ за подачу прошенья и за штрафъ, назначалъ Ларионову не въ очередь подводн, не выдавалъ «сво время» семейству его и ему самому паспортъ на отлучку въ заработки и т. п.

Услуга моя была, значить, медвѣжья!

IV.

Хотя по ст. 104 общ. пол. волостные старшины и сельскіе старосты не имѣютъ права вмѣшиваться въ производство волостнаго суда, и присутствовать при обсужденіи дѣлъ,—въ дѣятельности же они имѣютъ такое вліяніе на сущность рѣшеній волостныхъ судовъ, или, точнѣе сказать, на самихъ волостныхъ судей, что, говоря о волостныхъ разбирательствахъ нельзя умолчать и о «судебной власти» волостныхъ старшинъ.

Что волостные судьи находятся подъ ферулою волостныхъ старшинъ, что они побаиваются ихъ,—все это объясняется очень просто. Волостной старшина избирается, по ст. 117 общ. пол. на три года, а волостные судьи, по 93 ст. того же положенія «избираются волостнымъ сходомъ въ числѣ отъ четырехъ до двѣнадцати или для безсѣйнаго въ теченіе дѣлаго года отправления своей должности или для отправления оной по очереди, заранее опредѣленной волостнымъ сходомъ». Пока избранный въ судьи отправляетъ свою должность,—онъ «независимъ» отъ волостнаго старшины, но отбылъ онъ срокъ своей службѣ, онъ дѣлается обыкновеннымъ смертнымъ, такимъ же какъ и всѣ крестьяниномъ, и, слѣдовательно, во всякую минуту можетъ оштрафовать, что волостной старшина подвергнетъ его «сѣчкѣ» безъ вѣдома волостнаго суда,—а «тамъ, поди, отыскивай свои права... только время по напрасну сотрешь»!..

Будутъ-ли волостные судьи уничтожены, и будетъ-ли уничтожена вмѣстѣ съ ними «сѣчка»; отнимется-ли отъ волостныхъ старшинъ, идущая въ разрѣзъ съ позднѣйшими судебными реформами ихъ судебно-административная власть,—это покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы опредѣлить, служить-ли «сѣчка», дѣйствительнымъ подспорьемъ ко вниманію съ неплательщиковъ повинностей, нужны статистическія данныя, которыя, надо полагать, не были въ виду даже и въ засѣданіяхъ бывшаго въ прошломъ году статистическаго конгресса.

Какъ выясняются волостными старшинами и сельскими старостами «подана» можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа.

— Мировой прошенья не принимает!

— Какого прошенья?

— А на счетъ дому!

— Да вы расскажите по порядку.

— Дн, вотъ... поѣхалъ въ Москву, былъ домъ, пріѣхалъ — нѣту дома!

— Куда-жъ онъ дѣвался?

— И самъ не знаю! И виновнаго не найду!.. за подати сказывали, за казенныя домъ оцѣнили и разрыли весь на чисто!.. Который стоитъ для меня, для хозяйственнаго дома, 200 рублей,—оцѣнили за 20 рублей, срыли и увезли.

— Кто-жъ увезъ?

— И виновнаго не найду!.. Меня дома самого не было! Человѣкъ я бѣдный, вѣдникій: жены нѣтъ, номерла... вотъ когда поморуха по людямъ ходила. Дома хлѣбушка нѣту, вотъ я для дѣтей своихъ и пошелъ въ Москву въ работу, пропитаніе добывать... А пріѣхалъ—и домъ раскопанъ, и дома нѣту! И мѣсто чисто! Прихожу въ волостную контору къ старшинѣ и предьясняю ему: «Яковъ Васильичъ, говорю, кто это безъ меня домъ мой разрылъ и снялъ и свезъ?» — «Не знаю!» «Кто-жъ будетъ знать?» «Не знаю!» «Куда-жъ мнѣ теперь» идти?» — «А староста у тебя деревенскій на што? Ну ладно. Качнулся я къ старостѣ: «Кто разрылъ?» — «Не знаю?» — «Кто-жъ знаетъ?» — «А старшина, говорить, у тебя на што?...» — Ну я ихъ и соединилъ, старшину-то со старостой! Староста говорить: «Я дома не цѣнилъ,» и старшина говорить: «Я не цѣнилъ!» И не могу я средствій никакихъ сискать: кто мой домъ цѣнилъ и кто его продавалъ...

— Да сосѣди вѣдь видѣли, кто его срылъ и увезъ?

— Да ужъ я со стороны-то допытался, кто его срывалъ и кто увезъ!.. Да старшина-то со старостой отпираются. А староста взялъ богатаго мужика, пришолъ, да приступилъ къ дому. Старшина, потомъ-то ужъ, когда я все разобралъ, и говорить мнѣ: «я ему велѣлъ ото всего общества избрать богатыхъ мужиковъ, человекъ пять, чтобы оцѣнили его въ настоящую силу, а онъ взялъ одного богатаго мужика, и что захотѣлъ, то за него, за домъ-то, и положилъ, а съ общества не собиралъ и укцѣну не дѣлалъ!..

— Вы дѣйствительно не платили податей?..

— Изъ Москвы принесли на уплатку! Да теперь што-жъ! заплочены! Не за што и платить!.. Поданя большія, хлѣбушка не уродился... дома нѣту, теперь ложись да и умирай! Пошли мы было къ посреднику, да писарь его прошенья не примаешь, оборачиваетъ на волость, а волостной старшина говорить: «малого дому лишился, если въ прошенье пойдешь, то выпорю еще, какъ никогда не породъ!» Былъ у мирового, а мировой тоже не примаешь, къ посреднику оборачиваетъ; и верчусь я туда-суда, и не попаду я въ настоящую точку! Вудьте отцомъ роднымъ, оборотите мой отцовскій домъ!..

Это случилось еще до циркулярнаго предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 3 сентября 1870 года, по которому воспрещалось продавать у крестьянъ послѣднее, необходимое для хозяйства и ихъ домашняго обихода, имущество.

На основаніи 111 ст. пол. о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, жалобы, адресованныя въ сѣздъ посредниковъ, можно подавать и во время засѣданій его, такъ что дѣла по поданнымъ въ это время жалобамъ и просьбамъ должны были рѣшаться въ теченіе этихъ засѣданій. Этими я пользовался во многихъ случаяхъ, когда подача жалобы посреднику была признаваема приходившими ко мнѣ «за помощью» крестьянами по чему бы то ни было «неудобною». — По рѣшенію сѣзда изба была возвращена просителю, но что стоило ему снова перевезти и поставить ее на прежнее мѣсто!...

Вообще описываемый случай относился къ одному изъ самыхъ тяжелыхъ для крестьянъ годовъ. По селамъ, городамъ и деревнямъ разгуливала холера, опустошая цѣлыя семейства. Лѣтомъ стояли невыносимыя жары, хлѣбъ весь пожелто и нашъ уѣздъ голодалъ. Горѣли лѣса и торфяныя болота, горѣли деревни, оставшіяся безъ населенія. Были такіе случаи: холерныхъ покойниковъ укладывали въ гробы, и родственники, по обычаю, наклонять ко гробу восковыхъ свѣчей, а посмотрѣть за огнемъ некому: кто поумиралъ, кто кончается... Догорать свѣчи, загорится гробъ и сгоритъ вся деревня отъ копеечной свѣчки, со всѣми покойниками, со всѣми умирающими... Да, тяжелое было то время для крестьянства... А тутъ еще «приступаютъ» по взысканіямъ къ имуществу...

— Приступаютъ съ дополнительными (исполнительными) листами къ нашему имуществу, а намъ нечѣмъ платить, — жаловались мнѣ крестьяне на свою горькую судьбину, явившіеся ко мнѣ цѣлою толпою.

— Кто приступаетъ?

— Да оцѣношныи приставъ! Хошь изъ домовъ выходи! Скотини у кого нѣту, по веснѣ продали на *поданя*. Кой у кого лошади есть. Вотъ и изволятъ оцѣношныи приставъ дополнительный листъ къ намъ прислать!

Оцѣношныи приставъ—судебныи приставъ.

— Что же вамъ нужно?

— Нельзя-ли это дѣло разстрочить!.. Не о томъ просимъ, чтобы намъ не отдать, а только разстрочить!

— Нельзя-ли отложить до будущаго года! Годъ нонеча какой!.. Поморъ людямъ, хлѣбу неурожай, деревни горять, лѣса горять... совсѣмъ разоренье! Можно-ли такъ обойтись, чтобы разложить по стрѣкамъ? Разборка у мирового была, — приказалъ платить! мы и не отпираемся, да платить-то нечѣмъ!..

Такъ какъ рѣшеніе было подвергнуто предварительному исполненію, и «строкъ» апелляціи еще не вышелъ, то можно было подать жалобу въ мировой сѣздъ и просить, на—основаніи 136

ст. уст. гр. суд. о разсрочкѣ присужденнаго взыскапія, въ виду неимѣнія у отвѣтчиковъ никакихъ наличныхъ средствъ для внесенія присужденной рѣшеніемъ денежной суммы. Мировой судебный сѣздъ вообще гуманно относился къ нуждамъ крестьянъ и подвигаться на удовлетвореніе ходатайства представлялось полное основаніе.

— Взойдите въ отечество! Будьте отцомъ роднымъ, заставьте за себя вѣчно Богу молить!

— Обездолили совсѣмъ! Съ одной деревни 240 рублей взыску! Брали въ прошломъ годѣ подѣ посѣвъ овса цѣлой деревней, да вишь неуродилось ничаво! Все поггло! Мы всѣ какъ глумные ходимъ, сами себя не понимаемъ! Нѣкоторые люди совѣтъ давали къ губернатору прошенье подавать! Въ конецъ разорилиса!

— У меня одна лошадка была и тыѣ оцанили! Овинушка былъ, да староста подѣ оцѣнку взялъ! Овинушка худо, худо 15 рублей стоилъ, подѣ оцѣнку за три пошоль! Три рубля оставался, должднъ! Лошадь была — нѣту лошади! Нельзя-ли воротить лошадку!...

— Чтожъ ты съ насъ возьмешь? за прошенье-то? Ты много не бери... Христовымъ именемъ изъ деревни въ городъ пришли, собирали для тебя сорокъ копеекъ, на прошенье-то! Напиши по мозголовиѣ, чтобъ намъ виновнымъ не остаться!...

— Я не прошу съ васъ денегъ! Я напишу даромъ, бесплатно.

— Да будетъ-ли оно въ пользу, задаромъ-то? Ты возьми съ насъ два двугривенныхъ и напиши по «хорошему!»

И все это просится со слезами и на колѣняхъ. А говорятъ еще, что «провинціальныя ходачки» — обирали-мученики, что они пьявицы, что они высасываютъ изъ крестьянства послѣднюю кровь!.. Нѣтъ, пьявицамъ здѣсь негдѣ разгуляться. Пьявицамъ повадно на тучномъ тѣлѣ, на тучной почвѣ, а не на изнеможенномъ организмѣ. «Пьявицамъ хорошо тамъ, гдѣ тысячи летать въ карманъ, а не тамъ, гдѣ всего на всего два двугривенныхъ по копейкамъ собираю».

Въ доказательство, что крестьяне обращаются къ мировымъ судьямъ и въ сѣзды мировыхъ судей во всѣхъ случаяхъ, когда считаютъ себя «обиженными, а въ особенности съ жалобами на волостныхъ старшинъ, я могъ бы много страницъ наполнить списываемымъ этихъ жалобъ, но полагаю, что будетъ достаточно и одной нижеслѣдующей. Жалоба эта, какъ и многія подобныя ей, была подаваема въ мировыя учрежденія, но возвращена сѣздомъ мировыхъ судей—скаго округа, по неподсудности.

«Узнавши, что отъ сыновей моихъ, находящихся въ С.-Петербургѣ въ заработкахъ, получена въ —скомъ волостномъ правленіи повѣстка изъ здѣшней почтовой конторы, о присланныхъ ими мнѣ деньгахъ отъ 22 числа іюня мѣсяца, въ воскресенье, пошелъ въ село — ево, въ волостное правленіе за полученіемъ»

этой повѣстки. По случаю праздничнаго дня зацолъ въ питейный домъ, гдѣ, съ знакомыми мнѣ крестьянами, выпилъ два стакана вина, и какъ день былъ жаркій, то я сдѣлался хмѣленъ и, убоясь идти въ волостное правленіе, прилежъ на улицѣ, недалеко отъ правленія, около изгороди отдохнуть, а когда уснулъ, то развѣзжіи волостной конторы, крестьянинъ села—ева, Ефимъ Петровъ, увидавши меня лежащимъ, при свидѣтеляхъ: крестьянинъ—ской волости деревни Быкова, Анисимъ Осиповъ и волостномъ писарѣ, и неупомню еще комъ, заворотивъ на голову надѣтый на меня зипунъ и разорвавъ поясъ, билъ меня прутьями по спинѣ и, неудовольствуясь этимъ, схватилъ за голову и ударилъ о землю такъ сильно, что почти выбилъ глазъ и разбилъ бровь. О причиненныхъ мнѣ побояхъ, я, въ тоже время, объявлялъ волостному старшинѣ и мѣстному священнику; но какъ разсылный Ефимъ Петровъ есть волостному старшинѣ родственникъ и притомъ помогаетъ ему въ работахъ, то, не обращая вниманія на мои побои, никакого мнѣ удовлетворенія въ то время не сдѣлано. Будучи сильно ушибенъ Ефимомъ Петровымъ и предполагая, что лишенъ одного глаза отъ его побоевъ, я обратился съ просьбою къ г. мировому судѣ — го участка—скаго округа, г-ну ММ, который, видя мои побои, первоначально освидѣтельствовалъ чрезъ земскаго врача. 30-го числа іюня я, по приказанію г. мирового судьи, явился съ свидѣтелями къ нему, который при обсужденіи соглашалъ меня на миръ съ Ефимомъ Петровымъ, при чемъ я, не желая продолжать дѣла, соглашался; и какъ я пролечилъ много денегъ и будучи не въ состояніи работать нанималъ за себя постороннихъ лицъ, то и помирился на 50 руб. сер. Но Ефимъ Петровъ на этотъ миръ своего согласія не изъявилъ, и мировой судья объявилъ мнѣ, что онъ передаетъ это дѣло куда слѣдуетъ на обсужденіе.

«Въ прошедшее Воскресенье, 24-го числа сего мѣсяца, я былъ призванъ въ—ское волостное правленіе, на волостной судъ, и когда судьи начали обсуживать этотъ предметъ, то я объяснял, что могу помириться, если Ефимъ Петровъ уплатитъ мнѣ за побои 50 руб. Волостные судьи, видя мою справедливую просьбу, также соглашались меня помириться и по сосѣдству оставить дѣло, предлагая взять съ него, Ефима Петрова, 25 рублей. Волостной же старшина, будучи родственникомъ Ефиму Петрову и обязаннымъ ему работами, въ противность общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія, вмѣшался въ это дѣло и сказалъ судьямъ, что я за мои побои и увѣче не могу получить болѣе трехъ рублей. По этому вмѣшательству волостнаго старшины, волостные судьи не сдѣлали мнѣ никакого удовлетворенія, и Ефимъ Петровъ за поступокъ свой остается не наказаннымъ!»

«Будучи недоволенъ вмѣшательствомъ волостнаго старшины, и неудовольствованъ въ своей претензіи, я приѣмлю смѣлость утруждать съѣздъ мировыхъ судей войти въ разбирательство

моей справедливой просьбы, удовлетворить меня въ нанесеніи жестокихъ побоевъ, а съ виновнымъ Ефимомъ Петровымъ, какъ уголовнымъ преступникомъ, поступить по всей строгости закона».

— Вамъ кто писалъ это прошеніе?

— Тутъ у насъ на деревнѣ молодець изъ Москвы пришелъ; въ конторщикахъ у одного купца жилъ, такъ написалъ...

— Кто-жъ васъ надоумилъ подавать въ сѣздъ мировыхъ судей?

— Эхъ, батюшка, да куда-жъ мужику кинуться, какъ не къ мировымъ судьямъ! Коли тутъ правды не сыщешь, нигдѣ не сыщешь! А судьи-то вишь судить не хотятъ, говорятъ не наше дѣло: самый законный, таперича, судъ, а не судить!

Вотъ еще прошеніе, адресованное къ мировому судѣ и возвращенное при объявленіи: «Семейство мое состояло изъ 3 душъ мужска пола, меня самого — просителя, роднаго сына и при мнѣ роднаго брата. Земляной надѣлъ былъ у насъ на 2¹/₂ души, сынъ волею Божею умеръ, а братъ находится съ женою въ одномъ со мной семействѣ, но живетъ въ раздѣлѣ. А я при старости своихъ лѣтъ, послѣ смерти сына, оставившаго малолѣтнихъ дѣтей, какъ человекъ бѣднаго состоянія не въ силахъ обрабатывать землю на 2¹/₂ души. Поэтому, обращался я въ —скую волостную контору и просилъ дать мнѣ облегченіе, на что удовлетворенія не получилъ, а напротивъ того, за ходатайство мое, получилъ отъ общества самое крайнее разореніе и вынужденъ нахожусь препокорнѣйшею своею просьбою просить вникнуть въ мои обстоятельства и приказать кому слѣдуетъ дать мнѣ отъ полевой земли свободу. При чемъ дополняю, что въ нынѣшнемъ году до покоса меня недопустили, надворнее строеніе за подана разобрало и всю имѣющуюся у меня скотину безъ причины отобрали, на что я нигдѣ не могу найти законной защиты и правосудія».

Къ мировому судѣ крестьяне обращались даже и по рекрутскимъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, у меня имѣется прошеніе, возвращенное судьей и оставленное у меня подателемъ, приходившимъ посоветоваться «какъ со своимъ дѣломъ быть, съ какой стороны, куда слѣдуетъ зайти?».

Въ —ской мировой судъ. Такого-то прошеніе. «Пичальное мое палаженіе вынуждаетъ мѣне и надаеть смѣловѣе искать защиты и покровительства вашей особы у величественной власти вашей данной Богомъ и высочайшимъ Монархомъ вынудѣла мѣне и постигнула крайняя необходимость възайти просбою придице ваше и припадаю встопамъ ногъ вашихъ что я вышеозначенной въ 1868 году Гиннваря 28го числа въ —скомъ рекруцкомъ присутствіи оданъ былъ врекруты ни поочириди бизвинна и вовсе нипридлжалъ крекруцкой повинности но болне по сиротству и па бѣдности потому что наша мать вдава потаму начальства напало а общаство нидовала приговору мине одать

въ рекруты, и были оставлены семьи тройники и четверники и потому я—новъ обращаюся къ Правительству что я—новъ находился въ службѣ два года споловинуй ипертерпѣлъ великие убытки похозяйственному домаположенію и крестьянскому порядку и домъ мой пришолъ въ крайнее бедное положеіне что ня могъ зарабатывать ежегоднона восимьдсать рублей и болне ивѣсе покорнише прашу—ской миравои судѣ здѣлать состоранн свое законое завищне распоряженне и прикажитъ каму слѣдоеть вознаградить мѣне убытками что я—притѣрпѣлъ».

Изъ имѣющихся у этого «посѣтителя» документовъ явствовало, что онъ былъ неправильно сланъ въ рекруты, но потому, по ходатайству матери былъ возвращенъ, какъ значилось въ бумагахъ, въ «первобытное состояніе», т. е., прослуживши за чужую семью два года, сдѣлался опять мужикомъ. Онъ отыскывалъ убытки «съ виновныхъ» за неправильное назначеніе его въ рекруты, но такъ какъ въ этомъ былъ виновенъ одинъ только старшина, и взысканіе съ него могло послѣдовать не иначе какъ въ административномъ порядкѣ, то ему до сихъ поръ еще, кажется, не сдѣлано никакого удовлетворенія. Когда онъ приходилъ ко мнѣ, то сказывалъ, что «одну корову» онъ уже просудилъ, «сходячи по судамъ»; и теперь продалъ другую «на просудку», а оставить дѣла не хотѣлъ.

Желаніе крестьянъ судиться у мировыхъ судей объясняется и тѣмъ, что крестьяне поняли, что «новые суды» предоставляютъ тяжущимся способн для обжалованія въ высшей инстанціи неправильныхъ постановленій низшей инстанціи.

— Инъ дѣло у мировой у судьи: тому не зайдешъ ни сзади, ни спереди, ни сбоку! Какъ надо, по порядку, ѡнъ тебя разсудитъ и получишь ты свое удовольствіе, а *недоволю*,—*самъ тебѣ укажетъ куда на него выше просить можно!* говорятъ крестьяне, сравнивая свои волостные порядки съ порядкомъ судопроизводства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ.

Не то въ волостныхъ судахъ. Приговоры этихъ судовъ по проступкамъ, *подлежащимъ его разсмотрѣнію*, на осн. 109 ст. общ. пол. считаются окончательными, т. е., не подлежащими вторичному пересмотру по существу. Другими словами, приговоры волостныхъ судовъ приводатся въ исполненіе тотчасъ-же вслѣдъ за постановленіемъ ихъ, не взирая на то *доволенъ-ли имъ или недоволенъ подсудимый*.

— Теперь ложись, а послѣ жалуйся куда хошь! вотъ фраза, обыкновенно употребляемая старшинами въ тѣхъ случаяхъ, когда «приговоренный къ сѣчѣ» осмѣлится выразить, что онъ недоволенъ постановленіемъ волостнаго суда или распоряженіемъ старшины (что часто одно и тоже) и попроситъ «скопію». Эго я слышалъ отъ всѣхъ приходившихъ ко мнѣ просить «на счетъ обиды» съ жалобами на неправильную «сѣчеу».

Жалобы крестьянъ «на сѣчку» доходили и до уголовного кассационнаго департамента, рѣшеніе котораго по дѣлу крестьянъ Федоровыхъ (1868 года, № 31) представляетъ особенный интересъ, а потому я и рѣшаюсь привести его: «волостной судъ, разобравъ дѣло по жалобѣ крестьянина Петрова о нанесеніи ему крестьяниномъ Федоровымъ и сыновьями послѣдняго побоевъ во время сельскаго скода, приговорилъ: Федорова выдержать трое сутокъ подъ арестомъ, а сыновей его наказывать розгами. На это рѣшеніе, *приведенное въ исполненіе*, Федоровъ жаловался мировому сѣзду посредниковъ, который, принявъ во вниманіе, что настоящее дѣло заключаетъ взаимное обвиненіе въ обидѣ дѣйствіемъ съ угрозою отрубить голову Федорову косою и что если сіе подтвердится, то виновные могутъ по ст. 33 уст. уг. суд. и 133, 135 и 140 уст. о нак. и по 2 прим. къ 519 ст., т. XII, ч. 2 сельскаго судебнаго устава, подлежать взысканію, выходящему изъ предѣловъ волостнаго суда, постановилъ: рѣшеніе волостнаго суда по настоящему дѣлу, какъ состоявшееся въ нарушеніи ст. 102 общ. пол. 19 февраля 1861 года, отмѣнить, и производство передать на разсмотрѣніе мирового судьи. Вслѣдствіе отказа мирового судьи отъ принятія настоящаго дѣла къ своему разсмотрѣнію, сѣздъ мировыхъ посредниковъ просилъ сѣздъ мировыхъ судей отмѣнить опредѣленіе мирового судьи. Сѣздъ, находя, что по 1648 ст. улож. о нак. дѣла объ обидахъ и угрозахъ начинаются по жалобѣ самихъ обиженныхъ, постановилъ: дѣло сіе, по неподсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ, на основ. 3 п., ст. 34 уст. угол. суд. и ст. 101 и 102 общ. пол. 19 февраля 1861 г., ст. 518 т. XII ч. 2 (сельскаго судебнаго устава), возвратить сѣзду посредниковъ. Федоровъ и его сыновья, въ прошеніи Правительствующему Сенату изъясняютъ, что настоящее дѣло, какъ заключающее обвиненіе Петрова въ нанесеніи обиды съ угрозою отрубить голову косою, подлежитъ по ст. 519 и 3, примѣч. 2 и ст. 536 и 10, т. XII, ч. 2 (сельскаго судебн. уст.) и ст. 1545 улож. о нак. по ст. 130 и 140 уст. о нак., налагаемыхъ мировыми судьями, разбору мировыхъ судебныхъ установленій; а потому просятъ отмѣнить рѣшеніе сѣзда мировыхъ судей. Правительствующій Сенатъ находитъ: что... крестьянину Федорову съ сыновьями надлежало, примѣняясь къ ст. 41 и 234 уст. угол. суд., принести просьбу о возстановленіи надлежащей подсудности по дѣлу сему не въ Правительствующій Сенатъ, а въ сѣздъ мировыхъ судей, для представленія ихъ просьбы въ судебную палату. Вслѣдствіе сего и по неподсудности Сенату дѣлъ о пререканіяхъ между сѣздами мировыхъ судей и сѣздами мировыхъ посредниковъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу Федорова и его сыновей оставить безъ послѣдствій».

Изъ приведенной выше ст. 109 общаго положенія видно, что приговоры волостнаго суда по проступкамъ, *подлежащимъ его разсмотрѣнію*, считаются окончательными, а такъ какъ волост-

вне судьи всякое дѣло, которое они разсматриваютъ, считаютъ подлежащимъ своему разсмотрѣнію, то всякій приговоръ волостнаго суда, даже по дѣлу ему неподсудному, приводится въ исполненіе ни мало не медля. Никакія заявленія неудовольствія и просьбы о выдачѣ копій, какъ мы видѣли, не останавливаютъ приведенія приговора въ исполненіе.

Между тѣмъ, по ст. 14 нынѣ дѣйствующаго устава угол. суд. 20 ноября 1864 года «никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ подлежащій судебному вѣдомству иначе, какъ по приговору *надлежащаго* суда, вошедшему въ законную силу». Слѣдовательно, если волостной судъ принялъ къ своему производству дѣло, ему не подсудное, и постановилъ по этому дѣлу приговоръ, что бываетъ часто, потому что въ волостныхъ судахъ иногда разбираются и замиряются грабежи, кражи со взломомъ, то, очевидно, волостной судъ превысилъ свою власть. Хотя-же, по ст. 22 того-же устава присужденный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ не можетъ быть вновь судимъ по тому-же дѣлу, если-бы даже открылись новыя обстоятельства, увеличивающія вину, — но такъ какъ приговоры волостнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти, не могутъ считаться дѣйствительными (рѣш. угол. кас. деп. 1867 г. № 397), то и не освобождаютъ виновныхъ отъ наказанія по опредѣленію надлежащаго суда; такъ что иногда случается, что подсудимый несетъ по одному и тому-же преступленію два наказанія одно: «не надлежащее», въ волостномъ судѣ (обыкновенно «сѣчку»), а другое — надлежащее, по приговору общихъ или мировыхъ судовъ.

Какъ скоро практика пятилѣтняго существованія волостныхъ судовъ показала, что судьи эти часто постановляютъ незаконные приговоры по дѣламъ, ихъ вѣдѣнію неподлежащимъ, были изданы правила «О порядкѣ отмены рѣшеній волостныхъ судовъ». Такъ, главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, журналомъ, высочайше утвержденнымъ 14-го февраля 1866 года, положилъ:

I. Въ разрѣшеніе возбужденнаго вопроса относительно отмены незаконныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ сообщить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, что:

1) Рѣшенія волостныхъ судовъ должны считаться окончательными и неподлежащими обжалованію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при разборѣ дѣла и постановленіи рѣшеній были соблюдены указанныя въ статьяхъ 96—98, 101 и 102-й общ. пол. о крестьянахъ правила, коими опредѣлено, какія именно дѣла могутъ подлежать рѣшенію сихъ судовъ и какія взысканія и наказанія могутъ быть ими налагаемы.

2) Если-же волостной судъ постановитъ рѣшеніе по такому дѣлу, которое не подлежитъ его разбору, на основаніи статей 96, 97, 98 и 101-й общ. пол. о кр., или приговоритъ виновныхъ въ совершеніи маловажныхъ проступковъ къ взысканію,

либо наказанію въ мѣрѣ, превышающей указанную въ статьѣ 102-й того-же положенія, или-же, наконецъ, постановить по дѣлу рѣшеніе безъ вызова къ суду участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, вопреки 107-й ст. общ. пол., то такіе рѣшенія и приговоры волостного суда, какъ несогласные съ закономъ, могутъ быть отмѣнены мѣстнымъ уѣзднымъ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, вслѣдствіе просьбы, поданныхъ лицами, до коихъ рѣшеніе или приговоръ касается. Въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ дѣлахъ по проступкамъ волостной судъ явно превыситъ свою власть, предоставленную ему закономъ, мировой посредникъ можетъ, если признаетъ нужнымъ по важности дѣла, представить мировому съѣзду объ отмѣнѣ приговора суда и безъ просьбы о томъ лица, до коего приговоръ касается.

3) Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній волостныхъ судовъ должны быть приносимы не позже, какъ въ мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія или приговора суда лицами, до коихъ оныя касаются.

4) Мировой съѣздъ, при разсмотрѣніи и представленіи объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ волостного суда, ограничивается обсужденіемъ вопроса о томъ: дѣйствительно-ли въ рѣшеніи суда заключается одно изъ указанныхъ выше, въ статьѣ 2-й, нарушеній правилъ общаго положенія; и, затѣмъ, если мировой съѣздъ признаетъ, что на основаніи упомянутой статьи 2-й рѣшеніе или приговоръ волостного суда подлежитъ отмѣнѣ, то, вмѣстѣ съ отмѣною такого рѣшенія или приговора, съѣздъ, по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ, предоставляетъ постановить новое рѣшеніе волостному суду по принадлежности; дѣла о такихъ проступкахъ и преступленіяхъ, кои не подлежатъ разсмотрѣнію волостного суда—передаетъ на разсмотрѣніе судебного мѣста по принадлежности; а по всемъ прочимъ дѣламъ предоставляетъ тяжущимся обратиться съ искомъ въ подлежащій судъ.

II. Въ предупрежденіе случаевъ отмѣны рѣшеній волостныхъ судовъ по дѣламъ, въ разбирательство коихъ они входятъ по желанію самихъ тяжущихся сторонъ, предоставить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда спорящія лица, на основаніи статьи 98-й и примѣчанія къ статьѣ 101-й общ. пол. о кр., сами пожелаютъ предоставить окончательному рѣшенію волостного суда дѣла, въ коихъ они участвуютъ, судъ, прежде разсмотрѣнія такихъ дѣлъ, требовалъ отъ тѣхъ лицъ подтвержденія о добровольномъ согласіи ихъ подчиниться рѣшенію суда и о томъ заносилъ бы, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ своимъ, въ книгу, установленную для записки рѣшеній и приговоровъ волостного суда (распуб. указ. правит. сената, 27-го января 1867 года; см. сб. по устр. быта кр., т. VII, ч. 1-я, стр. 10—12).

Наконецъ, по вопросу о времени вступленія приговоровъ

волостныхъ судовъ въ окончательную законную силу, распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 2-го мая 1870 года, разъяснено слѣдующее:

Согласно статьямъ 96-й и 109-й общ. пол., приговоры волостныхъ судовъ признаются окончательными и апелляціи на нихъ не допускается; съ другой стороны, на основаніи высочайшаго повелѣнія 14-го февраля 1866 года, незаконные приговоры волостныхъ судовъ могутъ быть отмѣнены мировымъ съѣздомъ по просьбѣ о томъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, если она будетъ подана въ теченіи мѣсяца со дня объявленія рѣшенія; сверхъ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлахъ по проступкамъ волостной судъ явно превыситъ власть, предоставленную ему закономъ, мировой посредникъ можетъ, если признаетъ нужнымъ по важности дѣла, представить мировому съѣзду объ отмѣнѣ приговора суда и безъ просьбы о томъ лица, до коего приговоръ касается. Относительно же исполненія приговоровъ волостныхъ судовъ, въ статьѣ 110-й общ. пол. постановлено только, «что какъ по спорамъ и тяжбамъ, такъ и по проступкамъ, приговоры тѣ приводятся въ исполненіе сельскими старостами или, когда волость состоитъ изъ одного сельскаго общества—помощникомъ волостного старшины, *подъ наблюденіемъ* старшины и за общецъ ихъ отвѣтственностью». Такимъ образомъ, въ постановленіяхъ о волостныхъ судахъ нѣтъ указаній для разрѣшенія настоящаго вопроса; но, принимая во вниманіе, что при изданіи правилъ объ отмѣнѣ рѣшеній волостныхъ судовъ приняты были въ соображеніе узаконенія по предмету обжалованія рѣшеній учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, должно заключить, что вопросъ этотъ подлежитъ разрѣшенію сообразно тѣмъ узаконеніямъ. Изъ разсмотрѣнія, затѣмъ, положеній 19-го февраля 1861 года, оказывается, что въ отношеніи правилъ обжалованія рѣшеній мировыхъ инстанцій, мировые съѣзды находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ волостными судами. Какъ на существо рѣшеній волостныхъ судовъ, такъ и на существо рѣшеній мировыхъ съѣздовъ по дѣламъ спорнымъ жалобы не допускаются, а разрѣшено только приносить просьбы объ отмѣнѣ ихъ рѣшеній въ случаѣ превышенія власти и т. п.

Въ пунктѣ 3-мъ прил. къ ст. 130-й полож. о губерн. и уѣздн. по кр. дѣламъ учрежд. (по прод. 1868 года) при установленіи сроковъ для принесенія просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ по дѣламъ спорнымъ, разъяснено, что при исполненіи сего рода рѣшеній съѣздовъ примѣняются правила, означенныя въ статьяхъ 77-й и 78-й пол. о губ. и уѣздн. по крест. дѣламъ учрежд. Соображеніе настоящаго вопроса съ сими узаконеніямъ приводитъ къ заключенію, что рѣшенія волостныхъ судовъ подлежатъ исполненію съ соблюденіемъ тѣхъ правилъ и, посему, рѣшеніе волостнаго суда вступаетъ въ отношеніи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, въ оконча-

тельную силу и подлежить исполненію: 1) когда на рѣшеніе объявлено *удовольствіе* и 2) когда, хотя *удовольствіе* и не было объявлено, но просьбы объ отмініи рѣшенія въ установленный срокъ не поступало (сбор. пр. росп. по устр. быта крест., т. XI, стр. 114—115).

Къ сожалѣнію, за всѣмъ тѣмъ, всѣ безъ исключенія посѣтители являлись ко мнѣ *«съ отбитыми уже наказаніями»*; кто былъ «на сѣчкѣ», кто «на висидкѣ», и я не знаю такого примѣра въ своей практикѣ, чтобы исполненіе приговора волостного суда отсрочивалось даже и послѣ заявленія неудовольствія до конца мѣсячнаго срока. Стоитъ вспомнить рассказанное мною «дѣло про поля», чтобы убѣдиться въ этомъ.

Повторю еще разъ: никакое постановленіе съѣзда мировыхъ посредниковъ въ отміну незаконнаго рѣшенія волостного суда не сдѣлаетъ уже сѣченаго не сѣченнымъ, отсидѣвшаго выsidку неотсидѣвшимъ!... Да крестьяне боятся и подавать на свое начальство жалобы, чтобы не нажить себѣ большаго «грѣха».

— Супротивъ мировой, примѣрно сказать, судья будетъ далече! У мировой все, примѣрно сказать, по закону: какое вышло дѣло, посмотрѣлъ въ законъ, сейчасъ и пишетъ! А у насъ штъ! Нѣшто у насъ законъ какой!... говорилъ мнѣ крестьянинъ, сравнивая разбирательство волостного суда съ мировымъ.

— И для вашихъ судовъ тоже существуютъ законы!

— Законы! У насъ одинъ законъ — вода! Кто больше спонилъ, тотъ и правъ!.. Кто старшинѣ, да судьямъ родня, тому и рука! Вотъ наши судьи какіе! Одни «грѣхи» съ ними! Инъ дѣло у мировой, тому не зайдешь ужъ ни свади, ни спередн, ни сбоку! Какъ надо быть онъ тебя разсудить и получишь ты свое удовольствіе, а недоволенъ, самъ тебѣ уважить, куда на него выше просить можно!

— Да вѣдь вы и рѣшеніе волостного суда тоже можете обжаловать, если оно неправильно?

— Обжаловать!... Да пока ты жалобу писать собирешься, такъ тебя разковъ десятокъ отпорютъ!... Вотъ ты и пооди, обжалуй!...

А сколько усилій употребляетъ крестьянинъ, чтобы добиться «божескаго правосудія». Не получилъ онъ «законнаго» удовлетворенія въ волостномъ судѣ — идетъ съ жалобой къ посреднику. Не получилъ удовлетворенія у посредника — идетъ къ мировому.

Между различными мнѣніями по вопросу о преобразованіи волостныхъ судовъ чаще всего встрѣчается такое: волостные суды оставить, но допустить обжалованіе ихъ рѣшеній и приговоровъ въ апелляціонномъ порядкѣ мировымъ участковымъ судьямъ, а рѣшенія и приговоры, постановляемые этими послѣдними по апелляціямъ, — мировымъ съѣздамъ въ кассационномъ порядкѣ, такъ что рѣшенія мирового судебного съѣзда по дѣламъ, рѣшаемымъ волостными судами, будутъ оконча-

тальни и дальнѣйшему обжалованію неподлежащія. Этой мѣрою волостные суды будутъ, конечно, изъяты изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и перейдутъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи и кассационныя рѣшенія мировыхъ судебныхъ сѣздовъ будутъ постановляемы при участіи лицъ прокурорскаго надзора, но въ общемъ эта мѣра все-таки не удовлетворительна.

Мировые суды, очевидно, подають свой голосъ за существованіе волостныхъ судовъ потому только, что боятся, что, въ случаѣ перехода крестьянъ въ ихъ вѣдѣніе, они будутъ обременены дѣлами, которыя вновь будутъ поступать къ нимъ отъ крестьянъ; но этому неудобству, по справедливости, можно было бы помочь увеличеніемъ числа мировыхъ участковъ, чрезъ что сократятся и прежнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно сократится и количество дѣлъ по каждому, прежде бывшему участку въ отдѣльности. Справедливо это было бы потому, что бѣольшую часть повинностей и налоговъ на содержаніе мировыхъ установленій платять сами-же крестьяне, а «божескимъ правосудіемъ» пользоваться не могутъ, такъ что увеличеніе числа мировыхъ участковъ произошло-бы главнѣйшимъ образомъ насчетъ самихъ-же крестьянъ. Между тѣмъ, въ томъ случаѣ, если мировому суду будутъ присвоены права апелляціонной инстанціи по дѣламъ, рѣшаемымъ волостными судами, число дѣлъ у мировыхъ судей неизбѣжно должно увеличиться, и, кромѣ того, въ дѣятельность ихъ будетъ внесена новая отрасль, совершенно чуждая ихъ обязанностямъ, установленнымъ уставами 20-го ноября, какъ для судовъ первой степени. Не лучше-ли было-бы прямо предоставить крестьянамъ, наравнѣ съ прочими сословіями, право пользоваться мировыми судами на общемъ основаніи?

Если волостные суды уничтожены не будутъ, то интересно было-бы знать, какой будетъ установленъ новый порядокъ обжалованія постановленій этихъ судовъ, по упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ, о бесполезности дальнѣйшаго существованія которыхъ такъ много говорилось въ печати за послѣднее время?

В. К.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«Брюхо Парижа» (Le ventre de Paris) романъ Эмиля Золя. 1873.

Изъ безчисленной толпы французскихъ романистовъ выдѣлилась, въ послѣднее время, группа молодыхъ писателей, стремящихся къ реальному, чуждому всякихъ прикрасъ и идеализаціи изображенію современнаго французскаго общества. Дѣятельность ихъ началась при второй имперіи, успѣвшей, въ теченіи двадцати лѣтъ, довести это общество до крайнихъ предѣловъ деморализаціи; а потому не удивительно, что вниманіе ихъ по преимуществу останавливаютъ на себѣ темныя стороны, отрицательныя типы, окружающей ихъ дѣйствительности, и что произведенія ихъ, такимъ образомъ, получаютъ характеръ самообличенія, которое не совсѣмъ-то долюбиваетъ французская критика, относящаяся къ нимъ, иногда, съ той же строгостью, чтобы не сказать съ тѣмъ-же недоброжелательствомъ, съ какою она еще недавно встрѣтила замѣчательный романъ Флобера, осмѣлившагося безпристрастно взглянуть на людей всѣхъ политическихъ партій и отѣнковъ, и указать на отсутствіе идеала въ французскомъ обществѣ описанной имъ эпохи. По своимъ приемамъ, писатели эти одинаково отличаются, какъ отъ нынѣшнихъ поставщиковъ фѣлетоннаго романа, которые прежде всего гоняются за сложною интригой и раздражающими нервы эффектами, такъ и отъ болѣе талантливыхъ романистовъ предшествующаго литературнаго періода, въ значительной степени грѣшившихъ идеализмомъ. Трезвое, здоровое отношеніе къ жизни, тщательный анализъ ея явленій, стремленіе отыскать и объяснить ихъ физиологическія и историческія причины,—и вслѣдствіе того широкій захватъ,—таковы свойства этой небольшой группы, талантливейшимъ представителемъ которой можно считать Эмиля Золя. Онъ пишетъ уже довольно давно, лѣтъ около десяти; но извѣстность доставили ему только послѣднія его произведенія, гдѣ талантъ его является вполне зрѣлымъ; что же касается до тѣхъ романовъ, которыми онъ дебютировалъ, то они прошли совсѣмъ незамѣченными и стоили этого. Кто прочелъ бы теперь его «Confessions de Claude», или «Les vœux d'une morte», написанные по шаблону безчисленныхъ француз-

сихъ романовъ, ежедневно наводняющихъ книжный рынокъ, тотъ съ трудомъ повѣрилъ-бы, что они принадлежать автору Ругоновъ;—до такой степени все въ нихъ блѣдно, рутинно, вяло. Первый романъ Золя, обратившій на него вниманіе публики, есть «Thérèse Raquin», отлично задуманный, но чуждый всякаго политическаго элемента. Онъ построенъ на психологическомъ мотивѣ, нѣсколько совпадающемъ съ мотивомъ «Преступленія и наказанія» Достоевскаго. Два лица, мужчина и женщина совершили убійство и весьма благополучно скоронили концы. Они могутъ вполне наслаждаться его плодами, но тутъ-то и начинается наказаніе, приходящее, разумѣется, не извнѣ. Они непрестанно мучатъ и терзаютъ другъ друга подозрѣніями и попреками. Любовь превращается въ ненависть, которая, достигнувъ высшихъ предѣловъ—разрѣшается катастрофой. Драма эта производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что она совершается среди самой пошлой, буржуазной обстановки, мастерски обрисованной авторомъ. Здѣсь уже мы встрѣчаемъ замѣчательную способность къ анализу, энергію, оригинальность формы и обиліе характерныхъ деталей, показывающихъ въ Золя большую наблюдательность.

Слѣдовавшій затѣмъ романъ «Madeleine Férat», тоже основанный исключительно на любви, нѣсколько слабѣе; хотя и въ немъ есть страницы, пожалуй, даже цѣлыя главы, написанныя очень талантливо. Такова, напримѣръ, глава, гдѣ описывается воспитаніе героя, аристократическаго юноши, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма старой тетки. Оригинальная, смѣло очерченная фигура этой тетки, сообщающая какой-то мрачный, полуфантастическій колоритъ, всей окружающей обстановкѣ, вышла особенно удачной. Канвой для «Ругоновъ» послужила Эмилю Золя вторая имперія. Подъ общей рубрикой «Естественной и соціальной исторіи одного буржуазнаго семейства» онъ намѣренъ издать цѣлую серію романовъ, совершенно различныхъ, имѣющихъ каждый свою особую интригу и развязку, но связанныхъ между собой, одной общей идеей. Цѣль его—изобразить въ исторіи одного семейства—исторію цѣлаго общества, въ извѣстный періодъ. «Я хочу, говорить Золя въ предисловіи къ первому эпизоду «Ругоновъ», показать, какимъ образомъ семья, небольшая группа людей вращается въ обществѣ, нарождая десять, двадцать личностей, которыя на первый взглядъ, какъ будто глубоко отличаются одна отъ другой, живутъ своей самостоятельной жизнью; но когда станешь подробно анализировать ихъ, оказываются тѣсно связанными между собой, ибо наследственность имѣетъ свои законы, какъ тяготѣніе. Я постараюсь найти и прослѣдить—разрѣшая двойную задачу темпераментовъ и среды,—нить, математически ведущую отъ одного человѣка къ другому, и когда въ рукахъ моихъ будутъ всѣ нити, вся соціальная группа, я покажу эту группу въ дѣйствіи, какъ актеровъ исторической эпохи; покажу совокупность ея уси-

лій, анализирую сумму воли каждаго члена и общее движеніе цѣлаго. Характеристическая черта Ругоновъ—группы, семьи, которую я хочу изучить, есть необузданная жажда наслажденій; физиологически,—они продуктъ постепеннаго ряда нервныхъ, сангвиническихъ явленій, обнаруживающихся въ расѣ послѣ перваго, органическаго разстройства, и, опредѣляющихъ, соответственно средѣ, въ каждомъ индивидуумѣ этой расы, чувства, желанія, страсти, словомъ всѣ естественныя, инстинктивныя человѣческія проявленія, получающія условныя названія пороковъ или добродѣтелей. Исторически — они выходятъ изъ народа, распространяются по всѣмъ слоямъ общества, достигаютъ всѣхъ его ступеней, вслѣдствіе историческаго хода вещей, выдвигающаго впередъ низшіе классы; и, такимъ образомъ, рассказываютъ посредствомъ своихъ индивидуальныхъ драмъ, всю исторію второй имперіи отъ Декабрьской ловушки до Седанскаго предательства».

Тема, какъ видитъ читатель, столько же обширная, сколько и благодарная. Вторая имперія представляетъ для нея матерьялъ, котораго хватить еще на долго; и Зола продолжаетъ разрабатывать ее съ неослабѣвающимъ успѣхомъ. Въ первомъ эпизодѣ онъ описываетъ происхожденіе своихъ героевъ и провинціальное общество въ самый моментъ декабрьскаго переворота, нашедшаго себя поддержку во всемъ, что шло до того времени только мыслью о быстромъ обогащеніи, о карьерѣ, о наслажденіи земными благами. Не успѣла еще кровь народа обсохнуть на мостовыхъ, какъ хищная ватага авантюристовъ съ остервененіемъ принялась рвать на части брошенную ей Наполеономъ III добычу. Эта дѣлжка, эта оргія на истерзанномъ, опрощенномъ трупѣ Франціи, изображена Эмилемъ Зола въ второмъ эпизодѣ, названномъ имъ «La Cigée». «Здѣсь, говоритъ онъ, я хотѣлъ выставить преждевременное истощеніе расы, которая жила слишкомъ быстро и пришла къ тинѣ женоподобнаго мужчины, этому продукту гнилаго общества;—необузданную страсть къ спекуляціямъ, воплотившуюся въ авантюриствѣ, не гнушающуюся никакими средствами; безстыдный развратъ свѣтской женщины, въ которой роскошь среди развиваетъ до крайнихъ предѣловъ—прирожденные дурные инстинкты».

Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ романѣ «Брюхо Парижа», составляющемъ третій эпизодъ Ругоновъ, Зола переноситъ насъ въ центральный парижскій рынокъ, les halles; подъ своды огромнаго, построеннаго при второй имперіи зданія, гдѣ сосредоточивается дѣятельность мелкой буржуазіи, лавочниковъ, торгашей, всецѣло погруженныхъ въ заботы о своемъ матерьяльномъ довольствѣ, помимо котораго для нихъ не существуетъ никакихъ интересовъ. Тутъ они копошатся, какъ муравьи, спекулируютъ, сметничаютъ, ссорятся, подставляютъ другъ другу ногу, движимые однимъ желаніемъ скопить себѣ капиталецъ, который бы далъ имъ возможность наслаждаться впоследствии земными

благами. Эта узкая, тупая, самодовольная, по преимуществу консервативная среда, боящаяся всяких переменъ, ревниво слѣдящая за всѣмъ, что можетъ подорвать ея благосостояніе, изображена у Золя чрезвычайно ярко. Передъ вами встаетъ совершенно особый міръ, съ своими нравами и обычаями, съ безконечнымъ разнообразіемъ типовъ. Вы видите какъ растлѣвающее вліяніе наполеоновскаго режима отразилось на этой средѣ. Во время іюльской монархіи, въ ней еще можно было отыскать кое-какіе слѣды гражданскаго чувства, теперь же все поглощено одной страстью къ обогащенію, все попорано и приносится въ жертву маммону: нравственные принципы, семейныя отношенія, любовь, дружба. Совѣсть беззащитно кладется въ карманъ. Доносчики, шпіоны, agents provocateurs, не только кишатъ на улицахъ, въ лавкахъ, въ кофейняхъ, но проникаютъ въ домашній бытъ. Никто не можетъ быть увѣренъ, что на него завтра же не отправится въ префектуру съ доносомъ его хозяинъ, его прислуга, даже его родные и близкіе. Доносить изъ личной ненависти, изъ желанія поживиться чужимъ добромъ, подкочаться подъ чужое благосостояніе, или оградить свое. Эпическій элементъ въ романахъ Золя значительно перевѣшиваетъ драматическій. Особенно налегаетъ онъ всегда на описательную сторону, обнаруживая при этомъ огромное знаніе изображаемаго быта. Въ послѣднемъ романѣ онъ даже отчасти злоупотребляетъ этимъ знаніемъ и слишкомъ растягиваетъ описанія обстановки, въ которой дѣйствуютъ его герои. Возвращаясь безпрестанно къ этой обстановкѣ, посвящая ей цѣлыя десятки страницъ, и отвлекаясь для нея отъ разсказа событій, отодвигающихся, такимъ образомъ, на второй планъ, онъ значительно вредитъ впечатлѣнію. Ему недостаетъ чувства мѣры, архитектурной способности. Хотя фабула романа весьма несложная, но это не мѣшаетъ читателю съ любопытствомъ слѣдить за судьбой главныхъ дѣйствующихъ лицъ (что также есть признакъ даровитости автора); и развитіе ихъ характеровъ представляетъ для насъ несравненно болѣе интереса, нежели подробное перечисленіе всякаго рода колбасъ, сосисокъ, галантиновъ, жареныхъ гусей и прочаго товара, наполняющаго лавки центральнаго рынка, или реестръ мебели и посуды. Это самый важный упрекъ, который можно сдѣлать новому произведенію Золя; но затѣмъ оно все-таки остается однимъ изъ весьма крупныхъ явленій французской беллетристики. Не говоря уже о томъ, что никто изъ романистовъ не касался еще этихъ нравовъ центральнаго рынка, или, по крайней мѣрѣ, не изображалъ ихъ съ такою полнотою, такъ оригинально и колоритно; не говоря о политическомъ и общественномъ значеніи романа Золя, но уже созданіе одного такого типа, какъ Lisa—эта красивая, привѣтливая, изящная женщина, эта образцовая хозяйка, аккуратная, бережливая, дѣятельная, созидающая благосостояніе семьи своей, до крайности

честная въ денежныхъ расчетахъ, гордая сознаниемъ, что ея держится весь домъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сухая, безсердечная, ограниченная, и не останавливающаяся ни передъ какими средствами, даже передъ доносомъ, когда ей кажется, что ея материальному благосостоянію грозитъ опасность—созданіе одного такого типа, говоримъ мы, можетъ сдѣлать писателю репутацію художника.

Это положительно лучшее лицо въ романѣ. Оно свидѣтельствуетъ объ умѣнн Золѣ заглянуть въ самую глубь человѣческой природы, о значительной силѣ анализа, такъ что онъ можетъ, въ этомъ отношеніи, поспорить съ Бальзакомъ, съ которымъ имѣетъ и кое-какіе общіе недостатки, а именно, кромѣ указанного нами излишества деталей, еще и нѣкоторую вычурность языка. Самъ герой романа, идеалистъ Флоранъ, посланный послѣ декабрьскаго переворота въ Кайенну и бѣжавшій оттуда, довольно блѣденъ, и играетъ пассивную роль въ романѣ. Весь интересъ сосредоточивается не на немъ, а на второстепенныхъ лицахъ; онъ нуженъ былъ автору только для того, чтобы сгруппировать около него, и привести въ дѣйствіе весь этотъ рыночный міръ (положительные типы, какъ видно, удаются и французскимъ писателямъ—также какъ нашимъ—менѣе чѣмъ отрицательные). Представители этого міра, гораздо живѣе, рельефнѣе, ярче. Сытые, откормленные, грѣющіе свое брюхо на солнцѣ лавочки; шиняющіе по лавкамъ и переносащія силетки салопницы; цинически-нахальные рыбныя торговки; кружокъ ярыхъ революціонеровъ, собирающихся въ кофейнѣ Лебигра, и оказывающихся потомъ, также какъ и самъ Лебигръ, шпионами; либеральный колбасникъ Гаваръ, попадающій въ ссылку, за то, что всю жизнь только болталъ, да показывалъ, какъ говорится, шингъ въ карманѣ, наполеоновскому правительству — всѣ эти лица и еще множество другихъ, нарисованы съ большимъ мастерствомъ.

Критика обвиняющая Золѣ въ наклонности къ изображенію грязныхъ, циническихъ сценъ, на этотъ разъ должна быть довольнѣе имъ. Въ его новомъ романѣ такихъ сценъ почти нѣтъ и, по правдѣ сказать, онъ нисколько отъ этого не теряетъ. Конечно, и въ прежнихъ своихъ романахъ, рисуя такими густыми красками картины разврата, Золѣ дѣлаетъ это съ цѣлью показать всю глубину той нравственной порчи, до которой дошли извѣстные слои французскаго общества, въ данную эпоху, а отнюдь не изъ потворства — подобно какому нибудь Беллопадой на разныя скабрѣзности публикѣ; но онъ иногда уже слишкомъ долго останавливается на подобныхъ изображеніяхъ, и его можно упрекнуть въ этомъ не во имя нравственности, не изъ ложной, отжившей pruderie, а скорѣе съ точки зрѣнія художественной. Искусство имѣетъ свои законы. Подробное описаніе различныхъ проявленій разврата не можетъ имѣть мѣста въ художественномъ произведеніи, точно также, какъ, напри-

жѣрь, описаніе сѣченія плетью или розгами встрѣчавшееся у нѣкоторыхъ нашихъ романистовъ. У истиннаго художника всегда найдется и помимо этого, множество средствъ, съ помощью коихъ онъ съумѣетъ достичь желаемыхъ результатовъ и возбудить отвращеніе къ средѣ и порядкамъ, дѣлающимъ возможными такія явленія.

Упомянувши о сходствѣ между Балзакомъ и Золя, мы должны прибавить, что послѣдній чуждъ того политическаго индифферентизма, которымъ отличался авторъ человѣческой комедіи. Онъ республиканецъ по убѣжденіямъ, и симпатіи его всецѣло принадлежать народу, изъ чего, однакоже, не слѣдуетъ, что онъ рисуетъ однѣ его свѣтлыя стороны. Всякая идеализація противна его таланту, по существу своему, глубоко реальному. Желая ближе познакомить читателя съ «Брюкомъ Париза», передаемъ его въ сокращеніи.

Флоранъ только что поступилъ въ парижскую школу правъ, когда получилъ извѣстіе о смерти своей матери. Она жила въ одной изъ южныхъ провинцій, гдѣ два-раза была замужемъ: сперва за отцомъ Флорана, потомъ за нормандцемъ Кэню, чиновникомъ тамошней префектуры, который, послѣ трехлѣтняго супружества, тоже умеръ, не оставивъ женѣ въ наслѣдство ничего, кромѣ здороваго мальчугана. На старшемъ сынѣ, Флоранѣ, сосредоточила она всю свою привязанность, всѣ свои надежды, можетъ быть, потому, что предпочитала въ этомъ блѣдномъ и худощавомъ ребенкѣ, своего перваго мужа—мягкаго, нѣжнаго провансальца, страстно ее любившаго (Кэню, понравившійся ей сначала своимъ веселымъ нравомъ, оказался слишкомъ самодовольнымъ и пошловатымъ). Она отказывала себѣ во всемъ, просяживала ночи за тяжелой, изнуравшей ее, работой для того, чтобы дать Флорану порядочное образование. Мысль, что онъ будетъ адвокатомъ, приобрѣтетъ себѣ положеніе, поддерживала ее въ этихъ неимоверныхъ усиліяхъ. Она радовалась при видѣ его кротости, его прилежанія, его школьныхъ успѣховъ; младшаго сына она считала ни къ чему неспособнымъ, и послала его учиться въ какой-то старой дѣвѣ, сосѣдкѣ, гдѣ онъ совсѣмъ излѣнился; она водила его въ худыхъ панталонахъ, въ рваныхъ, затасканныхъ блузахъ, изъ которыхъ онъ давно выросъ, заставляла его голодать вмѣстѣ съ собой. Когда Флоранъ пріѣхалъ въ провинцію, мать его уже была похоронена. Она не хотѣла, чтобы ему писали объ ея болѣзни, боясь отвлечь его отъ занятій.

Страшное впечатлѣніе сдѣлала на него эта повѣсть нищеты и страданій несчастной женщины, переданная ему сосѣдомъ-мѣбельщикомъ. Сердце его сжалось. Взявъ на руки своего 12-ти-лѣтняго братишку, который одинъ сидѣлъ въ кухнѣ на столѣ и заливался горькими слезами, онъ долго цаловалъ его,

какъ-бы желая вознаградить этой нѣжностью за все, чего тотъ лишенъ былъ по его милости. Онъ посмотрѣлъ на его грязныя ручѣнки, на его худые локти, на всю эту нищету покинутого ребенка—и тотчасъ-же порѣшилъ взять его съ собой. Въ провинціи онъ ни за что не хотѣлъ оставаться. Но у него едва было съ чѣмъ возвратиться въ Парижъ. Продавъ небольшую лавочку лентъ, заведенную его матерью, онъ могъ только уплатить долги, въ которые она поневолѣ была вовлечена, несмотря на свою бережливость и честность въ денежныхъ дѣлахъ. Но, къ счастью, тотъ-же сосѣдъ купилъ у него все ея движимое имущество, ея платье, бѣлье и мѣбель за пятьсотъ франковъ. Флоранъ, со слезами на глазахъ, поблагодарилъ его, не подовѣвая, что тотъ сдѣлалъ славную афферу; купилъ братишкѣ новое платье и въ тотъ-же вечеръ увезъ его. Въ Парижѣ Флоранъ не могъ ужъ и думать о продолженіи юридическаго курса. Всякія честолюбивыя мечты пришлось пока отложить въ сторону и жить уроками. Когда ему удалось найти ихъ, онъ нанялъ широкую комнату въ улицѣ Ройѣ Коляръ, купилъ двѣ желѣзныя кровати, шкапъ, столъ и четыре стула, и зажилъ вмѣстѣ съ Кэню. Наслѣдовавъ отъ матери самоотверженіе, Флоранъ лелѣялъ и окружалъ всевозможными попеченіями своего румянаго и толстаго питомца. Сначала онъ попробовалъ учить его кое-чему по вечерамъ, но мальчикъ, способности котораго были плохи, ничего не слушалъ и ревѣлъ о счастливыхъ дняхъ, когда мать оставляла его на свободѣ бѣгать по улицамъ. Флорану дѣлалось его жалко; онъ утѣшалъ его, превращалъ занятія, обѣщалъ безконечную вакацію и въ оправданіе своей слабости, говорилъ себѣ, что не затѣмъ-же онъ взялъ къ себѣ ребенка, чтобы мучить его! Видѣть его веселымъ, здоровымъ, незнающимъ никакихъ заботъ, было для Флорана истиннымъ счастьемъ, и онъ предоставилъ ему расти, какъ лѣнливой барышнѣ. Самъ Флоранъ худѣлъ и желтѣлъ посреди мелкихъ дразгъ и непріятностей, сопряженныхъ съ учительствомъ, между тѣмъ, какъ его братъ становился круглымъ и плотнымъ малымъ, нѣсколько простоватымъ, едва умѣвшимъ читать и писать, но за то съ неизмѣнно веселымъ нравомъ, оживлявшимъ мрачную комнату въ улицѣ Ройѣ Коляръ. Возвращаясь домой съ уроковъ, понижій и пасмурный Флоранъ, послѣ ненависти чужихъ дѣтей, такъ радъ былъ и нѣжному поцалую, и звонкому смѣху своего брата! Однакоже, годы шли за годами, и Флоранъ сталъ раздумывать о дальнѣйшей судьбѣ Кэню и своей. Онъ рѣшился опять вступить въ школу правъ, не покидая уроковъ; и это удалось было ему, но вскорѣ болѣзнь, продержавшая его, въ теченіи нѣсколькихъ дней дома, произвела такое расстройство въ его бюджетѣ, что онъ отбросилъ всякую мысль объ окончаніи курса, и принялъ мѣсто учителя въ одномъ частномъ пансіонѣ съ 1,800 фр. жалованья. Это было дѣловое состояніе:

можно было даже кое-что откладывать въ сторону, думалъ онъ, для того, чтобъ пристронуть Кэню, которому минуло 18 лѣтъ. Флоранъ смотрѣлъ на него, какъ на дѣвушку, за которой нужно дать приданое. Кэню, во время болѣзни брата, съ своей стороны, кой о чемъ пораздумалъ. Однажды утромъ онъ объявилъ, что хочетъ работать, что ему пора добывать себѣ хлѣбъ. Флоранъ былъ глубоко тронутъ. Противъ нихъ жилъ часовщикъ. Кэню видѣлъ какъ онъ по цѣлымъ днямъ сидѣть за столомъ и терпѣливо разсматриваетъ въ лупу, при свѣтѣ лампы, какія-то маленькія вещицы. Это ему понравилось, и онъ возмечталъ, что имѣетъ наклонность сдѣлаться часовщикомъ. Но черезъ двѣ недѣли онъ ревѣлъ, какъ десятилѣтній ребенокъ, находя, что «это слишкомъ мудрено» и что онъ никогда не будетъ знать всѣхъ этихъ крошечныхъ бездѣлушекъ, которыя входятъ въ часы. Онъ рѣшился сдѣлаться слесаремъ; но и слесарное ремесло ему надѣло. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ перепробовалъ болѣе десяти ремеслъ. Флоранъ находилъ, что онъ правъ и не нужно браться за дѣло, которое не по сердцу. Но только великодушная рѣшимость Кэню работать, обходилась обоимъ братьямъ нѣсколько дорого. Переходы изъ мастерской въ мастерскую требовали каждый разъ новыхъ издержекъ, то на платье, то на обѣдъ, который приходилось брать на сторонѣ, то на угощеніе товарищей. Флорану не хватало его жалованья. Онъ долженъ былъ взять два лишнихъ урока по вечерамъ. Нѣсколько лѣтъ онъ таскалъ одинъ и тотъ же сюртукъ.

Братья приобрѣли себѣ друга. Въ томъ-же домѣ находилась лавка готовыхъ съѣстныхъ припасовъ, куда Флоранъ, запоздавши въ обѣду, заходилъ иногда купить кусокъ жареной индѣйки или гуся, въ двѣнадцать су. Хозяинъ лавки, человекъ почтенныхъ лѣтъ, по имени Гаваръ, заинтересовался имъ, узналъ его исторію, и принялъ участіе въ обоихъ братьяхъ. Кэню съ тѣхъ поръ почти не выходилъ изъ лавки; проводивъ брата, онъ тотчасъ-же, спускался туда и, помѣстившись въ углу, восторженно созерцалъ четыре громадные вертела, освѣщенные яркимъ, высокимъ пламенемъ, на которыхъ жарилась, съ пріятнымъ шипѣньемъ, разная дичь. Прізвище Кэню было найдено. Перепробовавъ всякія профессіи, онъ кончилъ тѣмъ, что поступилъ ученикомъ въ одинъ большой ресторанъ. Сначала онъ боялся, что Флоранъ разсердится, узнавъ о его намѣреніи посвятить себя кулинарному искусству: Флоранъ былъ плохой ѣдокъ, и съ презрительной миной профана отзывался о разныхъ гастрономическихъ тонкостяхъ. Но когда Кэню замѣтилъ, что братъ внимательно слушаетъ его объясненія, какъ приготовляются разные сложныя блюда, то рѣшился сознаться въ своемъ призваніи. Съ той поры, жизнь обоихъ братьевъ потекла спокойно; они оставались на прежней квартирѣ, и сходились по вечерамъ, одинъ съ своей грустной фізіономіей, задавленнаго

нуждой учителя, въ черномъ, потасканномъ сюртукѣ; другой, улыбающийся, тучный, румяный, и облеченный въ бѣлую куртку, въ бѣлый фартукъ и бѣлый колпакъ поваренка.

Для Флорана эти годы были отраднымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустнымъ сномъ; онъ вкушалъ тогда всю горькую радость самопожертвованія. Дома онъ находилъ только нѣжность и ласку. Въ домѣ, насмѣшки учениковъ, всѣ униженія, испытываемыя бѣдностью, раздражали и озлобляли его. Онъ чувствовалъ, что становится хуже. Подавленное, казалось, честолюбіе, опять начинало шевелиться и грызть его; долгіе мѣсяцы нужны ему были для того, чтобы покориться своей участи, участи человѣка некрасиваго, посредственнаго, бѣднаго. Желая избѣжать искушеній ненависти, онъ бросился въ идеальную доброту, и создалъ себѣ въ мечтахъ убѣжище абсолютной правды и справедливости. Въ это время онъ сдѣлался республиканцемъ; онъ вступилъ въ республику, какъ отчаявшаяся дѣвушка вступаетъ въ монастырь. Но не находя такой мирной, молчаливой республики, которая могла бы уврачевать его страданія, онъ создалъ себѣ ее. Книги были ему противны. Вся эта масса бумаги съ чернѣвшими на ней буквами, посреди которой онъ жилъ, напоминала ему вонючіе классы, жеванныя бумажки школьниковъ—пытку долгихъ безплодныхъ часовъ. Притомъ-же книги говорили только о возстаніяхъ, возбуждали его самолюбіе, а ему нужны были миръ и забвеніе. Онъ ублаживалъ себя мечтами объ идеальной республикѣ, гдѣ бы и онъ, и всѣ, могли быть совершенно счастливы. Онъ не читалъ ничего, кромѣ учебниковъ, необходимыхъ для его уроковъ и, бродя по улицамъ, обдумывалъ тѣ нравственныя мѣры, тѣ гуманныя законы, которые должны были превратить этотъ городъ страданій и скорби, въ городъ блаженства и радости... Когда іюньскіе дни обагрили кровью парижскія улицы, сердце его сжалось, и онъ сталъ ходить по клубамъ, требуя, чтобы «эта кровь была искуплена братскимъ поцалуемъ всѣхъ республиканцевъ земнаго шара». Онъ сдѣлался однимъ изъ пламенныхъ проповѣдниковъ всемірнаго братства, святой любви къ человѣчеству. Нужны были декабрьскіе дни, чтобы вывести его изъ этого идеальнаго міра. Очнувшись, онъ почувствовалъ себя на каменномъ полу каземата, умирающимъ съ голоду.

Въ ночь на 4-е декабря онъ схваченъ былъ полицейскими. Днемъ, часа въ два, онъ тихо шелъ по Монмартрскому бульвару, посреди толпы, улыбаясь при видѣ всѣхъ этихъ солдатъ, которыхъ Елисейскіе герои водили по улицамъ для болѣеи внушительности. Какъ вдругъ солдаты неожиданно открыли пальбу по народу, продолжавшуюся четверть часа, и очистили тротуары. Опрокинутый, смятый, бѣжавшей въ испугъ толпой, онъ упалъ на углу улицы Вивьенъ и лишился сознанія. Когда все затихло, и онъ пришелъ въ себя, онъ хотѣлъ приподняться, но на немъ лежала молодая женщина въ розовой шляпкѣ и въ шали, спу-

славшейся съ плечъ. На шеѣ у ней были двѣ раны; и когда онъ сдѣлалъ усиліе, чтобъ вывободиться изъ-подъ трупа, изъ этихъ ранъ потекла ему на руки кровь двумя струйками. Онъ мгновенно вскочилъ и бросился бѣжать, какъ безумный, безъ шляпы, съ окровавленными руками. Цѣлый день бродилъ онъ, видя передъ собой, повсюду, блѣдное лицо убитой молодой женщины, съ большими открытыми голубыми глазами, съ искривленными страданіемъ губами, и съ выраженіемъ изумленія, что она умерла такъ скоро, такъ внезапно, тутъ-же... Онъ былъ застѣнчивъ, и въ 30 лѣтъ не смѣлъ взглянуть прямо въ лицо женщинамъ, а это женское лицо на всю жизнь запечатлѣлось въ его памяти, въ сердцѣ. Какъ будто онъ потерялъ въ ней близкую ему женщину. Вечеромъ, онъ, случайно, самъ не зная какъ, попалъ въ погребокъ въ улицѣ Монторгейль. Тамъ шли какіе-то люди и сговаривались строить баррикаду. Онъ пошелъ съ ними, помогъ имъ вытащить нѣсколько камней изъ мостовой, и утомленный отъ долгой ходьбы присѣлъ на баррикаду, рѣшившись драться когда придутъ солдаты. Онъ все еще былъ безъ шляпы и не имѣлъ при себѣ никакого оружія, даже ножика у него не было. Онъ заснулъ около 11 часовъ и все видѣлъ передъ собой двѣ черныя ранки, которыя глядѣли на него, какъ два глаза, плачущихъ кровавыми слезами. Когда онъ проснулся, четыре сержанта толкали его кулаками. Защитники баррикады разбѣжались. Но сержанты пришли въ ярость и чуть не задушили его, замѣтивъ на рукахъ его кровь. Это была кровь молодой женщины. Его не разстрѣляли лишь потому, что у полицейскихъ не было ружей. Его отравили въ ближайшій полицейскій постъ, при запискѣ: «взять съ окровавленными руками; очень опасный». До самаго утра таскали его изъ одного пѣста въ другой. И записка эта повсюду сопровождала его. Когда онъ предсталъ предъ слѣдственнымъ судьей, безъ защитника, безъ свидѣтелей, его обвинили въ принадлежности къ тайному обществу, и когда онъ сталъ увѣрять, что это неправда, судья показалъ ему записку: «взять съ окровавленными руками; очень опасный». Этого было достаточно. Его присудили къ ссылке. Шесть недѣль спустя, въ январѣ, тюремщикъ, однажды ночью, разбудилъ его, и выгналъ на дворъ, гдѣ было около четырехъ сотъ арестантовъ. Черезъ часъ, эту первую партію заковали и повели, подъ конвоемъ жандармовъ, съ заряженными ружьями. Они перешли Аустерлицкій мостъ, и по бульварамъ направились къ Гаврской желѣзной дорогѣ. Тогда была веселая, масляничная ночь. Окна бульварныхъ ресторановъ были залиты свѣтомъ. При поворотѣ въ улицу Вивьенъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ мертвую незнакомку, образъ которой теперь уносилъ въ себѣ, арестанты пересѣкли дорогу большой коляскѣ. Въ ней сидѣли замаскированныя женщины, съ голыми плечами, громко смѣявшіяся. Онъ разсердился, что «эти безконечныя колодники» не даютъ имъ проѣхать. Во все время

пути отъ Парижа до Гавра, арестанты не получали ни куска хлѣба, ни глотка воды. Передъ отправленіемъ изъ Парижа имъ забыли раздать раціоны. Ихъ въ первый разъ накормили только спустя тридцать шесть часовъ, когда они уже были на фрегатѣ *Канада*.

Кэню было тогда двадцать два года. Узнавъ объ арестѣ брата онъ пришелъ въ отчаяніе. Послѣ долгихъ усилій, ему удалось проникнуть въ тюрьму, и свиданіе съ братомъ такъ на него подѣйствовало, что онъ слегъ въ постель. Это была его первая и единственная болѣзнь. Когда онъ оправился, Флоранъ уже былъ на пути въ Кайенну.

Но сокрушаться слишкомъ долго, было не въ характерѣ Кэню; мѣсяцъ спустя онъ уже могъ смѣяться. Сначала онъ разсердился на себя за этотъ смѣхъ, и опять загрустилъ. Но мало-по-малу его природная веселость взяла свое, и онъ смѣялся, самъ не замѣчая того. Вскорѣ въ его жизни произошла перемѣна. У него былъ дядя въ Парижѣ, братъ его матери, нѣкто Градель, державшій колбасную въ улицѣ Пируэтъ, близъ центрального рынка. Грубый, скупой толстякъ никогда не хотѣлъ знать своихъ племянниковъ, боясь, чтобы не потребовали отъ него какой нибудь помощи. Самолюбіе Флорана не разъ было увлечено подозрительными взглядами, которые Градель искося бросалъ на потертый сюртукъ его, и лишь послѣ того, какъ онъ размѣнялъ, однажды, въ дядиной лавкѣ, сто-франковый билетъ, страхъ колбасника нѣсколько поуменьшился; но сношенія его съ племянниками по прежнему ограничивались тѣмъ, что Кэню подносилъ ему въ день его именинъ букетъ, за который получалъ десять су. Теперь-же Градель, нуждаясь въ помощникѣ, и узнавъ, что изъ Кэню вышелъ отличный поварь, вдругъ сталъ выказывать къ нему родственное участіе; онъ пригласилъ его къ себѣ жить; продалъ всю мебель, стоявшую въ комнатѣ племянниковъ, за сорокъ франковъ, и деньги оставилъ у себя, изъ опасенія, чтобы «этотъ повѣса Кэню» не протранжирилъ ихъ; но впрочемъ, впослѣдствіи, сталъ выдавать ему по 6 франковъ въ мѣсяцъ на удовольствія. Кэню былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, несмотря на то, что постоянно нуждался въ деньгахъ и что дядя обходился съ нимъ нѣсколько грубовато. Воспитанный Флораномъ, какъ лѣнивая дѣвочка, онъ легко подчинялся чужому вліанію. Впрочемъ, дядя, поручавшій ему изготовленіе заказныхъ обѣдовъ, разныхъ грилье и свиныхъ котлетокъ, и такимъ образомъ извлекавшій изъ него выгоду, любилъ его по своему. Любовь эта выражалась въ щипкахъ, которыми онъ награждалъ его, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Притомъ-же, Кэню приобрѣлъ себѣ въ колбасной друга, въ молодой прикащикѣ Лизѣ, которую нанялъ дядя Градель, когда потерялъ жену. Это была здоровая, полная, красивая дѣвушка, съ такой очаровательной улыбкой, что старушка, у которой Лиза съ самаго дѣтства жила въ услуженіи, и

которая оставила ей, по смерти своей, капиталъ въ 10 тысячъ франковъ, часто говаривала: «за улыбку Лизы я пошла бы въ адъ». Улыбка эта дѣлилась тѣмъ болѣе, что Лиза отлично умѣла распоряжаться ею. Она улыбалась рѣдко, но въ эти минуты лицо ея, обыкновенно серьёзное, даже нѣсколько строгое, совершенно преображалось; и во взглядѣ являлась ласка. Лиза, часто приходившая въ лавку Граделя съ своей воспитательницей, на похоронахъ ея показала ему до такой степени похоронившей, что онъ пошелъ провожать покойницу до самаго владѣнща; и пока гробъ опускали въ могилу все думалъ: какое славное приобретёніе будетъ эта дѣвочка для колбасной! Какъ она привлечетъ покупателя!

По возвращеніи съ похоронъ, онъ тотчасъ-же предложилъ ей тридцать франковъ въ мѣсяцъ, квартиру и столъ. Она потребовала сутки на размышленіе и въ назначенный срокъ явилась съ маленькимъ узелкомъ въ рукѣ, и съ своими десятью тысячами франковъ въ корсажѣ. Спустя мѣсяцъ, весь домъ принадлежалъ ей; Градель, Кэню—всѣ, до послѣдняго поваренка, въ особенности-же Кэню, который бы охотно далъ себѣ отрубить за нее руку. Когда она улыбалась, онъ стоялъ, какъ вкопанный и тоже ослаблялся отъ удовольствія. Лиза была очень терпѣлива въ трудѣ; очень благоразумно рассуждала объ обязанностяхъ жены и мужа, и Кэню постоянно поддакивалъ ей, увѣряя ее, что онъ вполне раздѣляетъ всѣ ея мнѣнія. А мнѣнія ея были слѣдующія: всѣ должны работать для того, чтобъ ѣсть; счастье каждаго человѣка зависитъ отъ него самого; очень дурно поощрять лѣность; и если есть на свѣтѣ несчастные, то значить, они тунеядцы, и тѣмъ хуже для нихъ. Она поняла, что лучшее средство для того, чтобы вкусить всю сладость блаженнаго сна,—это самому приготовить себѣ мягкое ложе. И этому мягкому ложу принадлежали всѣ часы ея, всѣ ея помыслы. Въ шестилѣтнемъ возрастѣ, она соглашалась весь день просидѣть смиренно на стулѣ, съ тѣмъ, чтобы вечеромъ ее наградили сладкимъ пирогомъ.

Она приняла предложеніе Граделя не на обумъ. У ней было вѣрное чутьѣ. Она предвидѣла, что въ этой мрачной лавкѣ можно сдѣлать себѣ карьеру; что здѣсь трудъ найдетъ себѣ желаемое вознагражденіе, и что Градель будетъ для нея прочной опорой. И она вела свое дѣло съ той же заботливостью, съ тѣмъ же неутомимымъ усердіемъ, и той же очаровательной улыбкой, съ какими ходила за своей больной воспитательницей. Чистота ея фартуковъ вскорѣ вошла въ пословицу въ околдкѣ и Градель былъ такъ ей доволенъ, что говорилъ иногда Кэню, перевязывая пару сосисокъ:

— Еслибъ мнѣ не было за шестьдесятъ лѣтъ, то честное слово, я сдѣлалъ бы глупость,—женился бы на ней... Вѣдь это золото, въ нашемъ торговомъ дѣлѣ, такая женщина!

Кэню состоялъ съ ней въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ. Ве-

черомъ они, въ одно время поднимались къ себѣ на верхъ, спать. Комнаты ихъ были рядомъ. Поболтавъ съ минуту на площадкѣ лѣстницы, съ подсвѣчниками въ рукахъ и, щелкнувъ потомъ ключами своихъ дверей, они произносили самымъ дружескимъ тономъ:

— Прощайте, мадмуазель Лиза.

— Прощайте, мсье Кэню.

Кэню ложился въ постель, прислушиваясь какъ раздѣвалась Лиза. Перегородка была такъ тонка, что онъ могъ слѣдить за каждымъ движеніемъ сосѣдки. Онъ думалъ: «вотъ она задернула занавѣски. Что она такое дѣлаетъ передъ своимъ комодомъ? Сѣла; снимаетъ ботинки. Вотъ и свѣчу задула. Спокойной ночи! Теперь будемъ спать». Онъ слышалъ, какъ трещала кровать и шептала съ усмѣшкой: «А не легка, однакожь, эта мадмуазель Лиза!» Эта мысль его забавляла. Наконецъ, онъ засыпалъ, думая объ оворокахъ и сосискахъ, которые ему нужно будетъ приготовить по утру.

Такъ продолжалось годъ... и ни разу, во все это время, Лиза не покраснѣла, Кэню не пришелъ въ замѣшательство, хотя руки ихъ часто встрѣчались за общей работой; хотя Кэню не разъ чувствовалъ за спиной своей тѣло Лизы, которая, подавшись впередъ, заглядывала въ воструюлю. Они помогали другъ другу, и вмѣстѣ пробовали языкомъ начинку сосисокъ, чтобы узнать довольно-ли положено перцу. Послѣ обѣда, когда лавка пустѣла, они спокойно разговаривали вдвоемъ по цѣлымъ часамъ; всего больше о кухнѣ, потомъ о Граделѣ, или о сосѣдяхъ. Они рассказывали ему также иногда, какъ ребенку, сказки, или легенды. Она знала очень хорошенькія, гдѣ дѣйствовали барашки и ангелы. Она сохраняла при этомъ свою обычную серьёзность и только говоря за ангеловъ, старалась придать своему голосу нѣжную пѣвучесть. Въ одиннадцатъ часовъ, оба опять поднимались по лѣстницѣ, какъ наканунѣ, и опять щелкнувъ ключами произносили:

— Прощайте, мадмуазель Лиза.

— Прощайте, мсье Кэню.

Однажды, Градель, приготовляя галантинъ, умеръ отъ апоплексіи. Онъ упалъ носомъ на столъ, на которомъ рубили мясо. Лиза не потеряла присутствіе духа; она тотчасъ распорядилась перенести тѣло Граделя въ комнату, которую онъ занималъ, и умѣла весьма искусно скрыть отъ сосѣдей, что онъ умеръ въ кухнѣ, такъ какъ это обстоятельство могло отбить покупателей. Кэню былъ совсѣмъ озадаченъ, и удивлялся, что у него нѣтъ слѣвъ. Впослѣдствіи они всплакнули вмѣстѣ съ Лизой. Кэню и Флоранъ были единственные наслѣдники покойнаго. Бесъ олодокъ былъ убѣжденъ, что Градель страшно богатъ, но ко всеобщему удивленію, у него не оказалось ни одного эку. Лизой вдругъ овладѣло безпокойство; она цѣлые дни то сидѣла задумчиво, то оглядывалась вокругъ себя, словно что нибудь

потеряла. Наконецъ, она велѣла вымыть и вычистить все помѣщеніе, подъ тѣмъ предлогомъ, что исторія смерти Граделя можетъ, какъ нибудь, разнестись между сосѣдами, и что нужно показаться какъ можно опрятнѣе. Однажды, Лиза, собственно-ручно перемывавшая въ погребѣ кадки для соленья, вышла оттуда, неся что-то въ своемъ передникѣ. Кэню рубилъ свиные печенки. Она подошла къ нему и стала выжидать пока онъ кончитъ, разговаривая съ нимъ весьма хладнокровно. Но глаза ея какъ-то необычайно блестяли. Она улыбалась своей прекрасной улыбкой, и, наконецъ, сказала Кэню, что хочетъ ему сообщить что-то. Она поднялась по лѣстницѣ съ большимъ трудомъ; то, что она несла въ передникѣ, тяжестью своей связывало ея движенія. На площадкѣ третьяго этажа она остановилась, чтобы перевести духъ. Кэню слѣдовалъ за ней молча и съ удивленіемъ, вплоть до ея комнаты. Она въ первый разъ пригласила его войти туда. Затворивъ дверь, она подогнала къ своей постели и высыпала на нее изъ передника цѣлую груду серебра и золота. Она нашла эти сокровища на днѣ одной солильной кадки. Въ мягкой постелѣ молодой дѣвушки образовалось подъ этой тяжестью большое углубленіе. Радость Лизы и Кэню была сосредоточенна. Они усѣлись на краю постели: она у изголовья, онъ въ ногахъ, по обѣимъ сторонамъ сокровищъ, и стали считать на одѣялѣ, чтобы не было слышно. Оказалось три тысячи серебрянной монетой, сорокъ тысячъ золотомъ, и въ маленькомъ жестяномъ ящичкѣ, сорокъ двѣ тысячи банковыми билетами. Два часа добрыхъ употребили они на счетъ. Руки Кэню немного дрожали. Лиза наиболѣе дѣйствовала. Они разложили золото на подушкахъ, а серебро оставили на одѣялѣ. Подведя итогъ, равнявшійся 85 т. франковъ, громадной въ ихъ глазахъ суммѣ, они начали разговаривать. Разговаривали, разумѣется, о будущемъ, о своей свадьбѣ, хотя между ними никогда не было и помину о любви. Эти деньги, казалось, развязали имъ языкъ. Они подвинулись въ самую глубину постели, подъ бѣлыя кисейныя занавѣски, и, прислонясь спинами къ стѣнѣ, нѣсколько вытянули ноги. Въ то время, какъ они болтали, руки ихъ встрѣтились, и остались одна въ другой, подъ грудой серебряныхъ монетъ. Сумерки встали ихъ такъ. Только тогда Лиза покраснѣла, вспомнивъ, что она одна съ молодымъ человѣкомъ. Они поднялись съ смущеннымъ видомъ двухъ любовниковъ послѣ перваго проступка. Это было ихъ паденіемъ. Лиза пошла за своими десятью тысячами. Кэню пожелалъ, чтобы она положила ихъ вмѣстѣ съ капиталомъ дяди. Онъ смѣшалъ обѣ суммы и скавалъ, смѣясь: «надо, чтобы и деньги также женились». Условлено было, чтобы всѣ сокровища хранились у Лизы, въ ея комодѣ. Когда она ихъ заперла и оправдала постель, оба спокойно сошли внизъ. Они были мужъ и жена.

Свадьба происходила черезъ мѣсяць. Весь кварталъ нашель,

что это совершенно въ порядкѣ вещей. Исторію денегъ знали въ общихъ чертахъ; и честность Лизы сдѣлалась предметомъ безконечныхъ похвалъ: она могла ничего не сказать Кэню, и оставить капиталъ у себя, потому что никто не видѣлъ его — значитъ она была вполне достойна сдѣлаться женою Кэню, которому рѣшительно везло. Онъ былъ не пригожь, а напелъ себѣ красивую жену, да еще открывшую ему кладъ. Удивленіе зашло такъ далеко, что нѣкоторые сосѣди шопотомъ говорили другъ другу: «Дура эта Лиза! очень нужно ей было отдавать деньги». Лиза улыбалась, когда ей передавали объ этомъ. Она продолжала жить съ мужемъ въ самомъ добромъ согласіи, по прежнему заглядывая въ костью изъ-за спины его; и по прежнему руки ихъ встрѣчались въ общей работѣ; и только жаркій огонь кухонной печи вызывалъ на ихъ лица краску.

Но Лиза, какъ женщина со смысломъ, поняла вскорѣ, что оставлять восемьдесятъ-пять тысячъ въ комодѣ—глупо. Кэню охотно продержалъ-бы ихъ въ солильной кадкѣ, до той поры, пока не нажилъ-бы еще столько-же. Но у жены его были другія мечты. Старая, темная лавка въ улицѣ Пируетъ, вѣчно вонявшая мясомъ, какъ ни мыли и ни скребли её, оскорбляла чистоплотность Лизы. Она чувствовала потребность простора, воздуха, свѣта, необходимыхъ для ея цвѣтущаго здравія; и стала подумывать объ одномъ изъ тѣхъ, новѣйшихъ, великолѣпныхъ магазиновъ, которые смотрятъ салономъ, разливая свѣтъ на тротуарныя плиты. Кэню сначала испугался, когда она сказала ему, что на отдѣлу такого магазина нужно будетъ употребить чуть не половину всего капитала; но услышавъ, однажды, какъ одна женщина, проходя мимо лавки, говорила другой: «ноги моей не будетъ у этихъ Кэню; у нихъ въ кухнѣ былъ покойникъ»—пришлось въ такое огорченіе, что даже стать краснѣть и стыдиться передъ покупателямъ, нагнаннымъ, чтобы поближе понюхать его товаръ — и ужъ самъ заговорилъ съ женою о необходимости новаго помѣщенія. Оно вскорѣ было отыскано въ улицѣ Рамбюто. Лиза сама распорядилась рабочими; отъ нея не ускользала ни одна мелочь. Мраморъ, позолота и зеркала стояли больше тридцати тысячъ. Наконецъ, Кэню перешли на своё новоселье; дѣлая толпа нахлынула къ нимъ. Покупатели приходили только за тѣмъ, чтобы взглянуть новый магазинъ, полюбоваться на огромное четырехугольное зеркало, вставленное въ потолокъ, на массивную бронзовую люстру съ четырьмя газовыми рожками, на изящный, выложенный розовымъ мраморомъ, прилавокъ, на которомъ красовалось безконечное множество сочныхъ, вкусныхъ, заманчиво смотрѣвшихся вещей... на стѣны, изящно росписанныя медальонами,—на мраморныя, рововія съ бѣлымъ, плиты половъ. Кварталъ гордился своей колбасной и о прежней лавкѣ не было больше помину. Цѣлый мѣсяцъ сосѣдки останавливались передъ окнами, завистливо взирала на Лизу, сидѣвшую за ком-

торкой, и такую-же бѣлую и розовую, какъ мраморъ. Она казалась душой, живымъ освѣщеніемъ, здоровымъ и плотнымъ идоломъ колбасной... И съ тѣхъ поръ ее называли не иначе, какъ la belle Lisa.

Дѣла приняли оборотъ блистательный. Кеню не только не сожалѣлъ объ истраченныхъ деньгахъ, но возчувствовалъ къ женѣ какое-то благоговѣнное уваженіе; это была, по словамъ его, «умнѣйшая голова». Пять лѣтъ спустя, у нихъ оказалось около восьмидесяти тысячъ, очень выгодно помѣщенныхъ. Лиза говорила, что они не честолюбивы; что они могли бы нажить сотни тысячъ, еслибы пустились въ гуртовую торговлю свиньями; но они были еще молоды, и имѣли передъ собой много времени. Они предпочитали трудиться спокойно, по маленьку, не изнурая себя излишними заботами какъ честные люди, которымъ хочется и пожить.

— У меня есть двоюродный братецъ, говаривала она въ минуты откровенности,—я не вижу съ нимъ; наши семейства въ ссорѣ—мнѣ сказывали, что онъ наживаетъ милліоны. Но развѣ онъ живетъ? Вся жизнь его проходитъ въ волненіяхъ, въ адской тревогѣ. Скажите на милость, можетъ-ли онъ послѣ этого спокойно обѣдать? Мы, по крайней мѣрѣ, ѣдимъ, какъ слѣдуетъ. Деньги любишь только какъ средство къ жизни. Всякому хочется пожить въ довольствѣ, — это естественно. Но наживать для наживы и терпѣть болѣе неприятностей, чѣмъ васъ ждетъ удовольствій въ будущемъ,—этого я не понимаю. Ужъ лучше, по моему, сидѣть сложа руки. Да и хотѣла-бы я посмотрѣть на эти милліоны моего кузена. Не вѣрю я имъ. Я встрѣтила его недавно, онъ ѣхалъ въ каретѣ—и подивилась какой онъ желтый, да скучный. Человѣкъ, наживающій деньги, не такъ глядитъ. Впрочемъ, это его дѣло. Мы предпочитаемъ наживать по копейкамъ, но зато пользоваться этими копейками.

Богатство, дѣйствительно, шло имъ въ прокъ. Въ первый же годъ супружества—у нихъ родилась дочка, названная Полиной; и всѣ трое, мужъ, жена и ребенокъ—представляли самое блестящее зрѣлище, своимъ здоровымъ, сытымъ, откормленнымъ видомъ. Лиза умѣла устранить всѣ причины безпокойства, и дни этого семейства протекали мирно, невозмутимо-счастливо, среди жирной и нѣсколько тяжеловатой атмосферы достатка, переходящаго въ изобиліе. Только по временамъ на Кеню находила грусть при воспоминаніи о бѣдномъ Флоранѣ. Сначала онъ получалъ отъ него изрѣдка письма, но потомъ они прекратились. Въ одной газетѣ онъ вычиталъ, что трое смѣльныхъ бѣжали съ острова Дьявола и утонули не достигнувъ берега. Въ префектурѣ полиціи ему не могли сказать ничего положительнаго; но предполагали, что братъ его умеръ. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ продолжалъ питать нѣкоторую надежду, но наконецъ отчаялся, и оплакалъ Флорана, какъ мертвеца, съ которымъ даже не могъ простаться. Ли-

за не знала зятя; но каждый разъ, какъ мужъ предавался передъ ней своей горести, она находила добрыя, ласковныя слова для его утѣшенія; и съ необычайной снисходительностью слушала въ сотый разъ его рассказы о томъ; какъ они жили съ братомъ въ улицѣ Ройе-Коляръ, и о тридцати шести ремеслахъ, которымъ Кэню пробовалъ обучаться, пока не сдѣлался поваромъ.

Въ этотъ-то пріютъ благоразумнаго счастья, въ эту-то комфортабельную фдальню, гдѣ всѣ процвѣтали, досидѣлись и жирѣли, какъ съ неба свалился въ одно прекрасное утро Флоранъ, которому удалось убѣжать изъ ссылки.

Флоранъ вѣхалъ въ Парижъ ночью, на телегѣ, наполненной морковью и рѣпой. Изнемогшій отъ голоду и усталости—онъ лежалъ, какъ пласть, на пыльной мостовой, когда на него наткнулся обозъ огородниковъ, тянувшійся изъ Нантера. Принявъ его за пьянаго, они проѣхали-бы мимо, еслибы добрая женщина по имени мадамъ Франсуа, ѣхавшая впереди всѣхъ, не соскочила съ своей телеги и не постаралась привести его въ чувство. Она растолкала его, и помогла ему взобраться на возъ. Его худоба, его изодранная одежда поразили ее; и она съ участіемъ стала разспрашивать, какъ онъ очутился тутъ и куда поелъ. Но на всѣ ея разспросы онъ отвѣчалъ уклончиво и коротко. Голова его была полна разныхъ исторій о сыщикахъ, подслушивающихъ у каждаго забулдыга; о женщинахъ, выдающихъ тайны, которыя имъ удавалось выпытать у бѣдняковъ. Онъ относился къ любопытству мадамъ Франсуа недоувѣрчиво, онъ не могъ разглядѣть въ темнотѣ ея добраго, спокойнаго лица, ея черныхъ глазъ, свѣтившихся кротостью. Она была дѣйствительно очень любопытна, но любопытство это было самое добродушное,—и молчаніе Флорана не оскорбило ее, она поняла сердцемъ, что этотъ человѣкъ несчастливъ и, замолчавъ, стала дремать. Старая толстая лошадь ея, называвшаяся Бальтазаромъ, знала каждый камешекъ мостовой на этомъ пути и потому не нуждалась въ возжахъ, которыя мадамъ Франсуа бросила ей на шею. Медленно подвигаясь къ Парижу, Флоранъ припоминалъ всѣ, что ему пришлось испытать во время своего долгаго путешествія. Онъ вспомнилъ, какъ по прибытіи въ Гавръ у него оставалось 15 франковъ, завязанныхъ въ уголокъ платка, на которые онъ могъ еще довѣхать до Руана въ дилижансѣ. Изъ Руана ужъ приходилось идти пѣшкомъ, съ тридцатью су въ карманѣ. Въ Вернонѣ онъ купилъ на послѣдніе два су хлѣба; потомъ уже не помнилъ, что было съ нимъ. Ему казалось, что онъ проспалъ нѣсколько часовъ въ какой-то канавѣ, что показывалъ жандарму свой видъ. Всѣ это вертѣлось въ головѣ его. Отъ самого Вернона онъ ничего не ѣлъ; отчаяніе и голодъ заставляли его безсознательно жевать листья окаймлявшихъ дорогу кустовъ. Судороги сводили ему животъ; ноги его подкашивались, взоръ мутился... Была темная ночь, когда онъ до-

стигъ Курбева, и Парижъ—словно кусокъ звѣзднаго неба, упавшій на черную землю, смотрѣлъ на него сердито, какъ-бы недовольный его возвращеніемъ. Едва передвигая ноги онъ добрался до берега. На Pont de Neuilly онъ остановился, облокотился на перила. Сена катилась передъ нимъ свои чернильныя волны; красный маякъ, отражавшійся въ нихъ, слѣдилъ за нимъ, какъ кровавый глазъ. Теперь ему нужно было идти все вверхъ; аллея, которая вела къ Парижу, казалось ему неизмѣримой. Сотни льѣ, пройденныя имъ передъ тѣмъ, были ничто, въ сравненіи съ ней. Этотъ конецъ дороги приводилъ его въ отчаяніе; онъ думалъ, что никогда не дойдетъ до ея вершины, блестящей огнями. Онъ шолъ,—а аллея всё продолжала тянуться, съ рядами своихъ огромныхъ деревьевъ и низенькихъ домиковъ, съ своими широкими, сѣроватыми тротуарами, на которыхъ, подобно пятнамъ, ложились тѣни отъ вѣтвей, съ темными поперечными улицами и переулками, вся объятая мглой и молчаніемъ. Одно только желтое, колеблющееся пламя газовыхъ фонарей, симметрически стоявшихъ по сторонамъ, сообщали жизнь этой мертвой пустынѣ. Флоранъ уже не могъ двигаться... аллея всё уходила отъ него въ даль, скрывая Парижъ во мракѣ ночи... Ему казалось, что одноглазые фонари бѣгутъ съ обѣихъ сторонъ и уносятъ съ собой дорогу. Всё закружилось передъ нимъ—онъ запнулся и тяжелою массой упалъ на шоссе.

Теперь онъ катился тихо на этомъ ложѣ зелени, казавшемся ему мягче пуха. Онъ приподнялъ голову, чтобы взглянуть на зарево отъ фонарей, разливавшееся надъ черными силуэтами зданій. Онъ приближался къ Парижу, спокойно, безъ усталости; члены его дремали—и только голодъ давалъ себя чувствовать всё сильнѣе и сильнѣе, какъ будто раскаленные клещи терзали его желудокъ. Запахъ свѣжихъ овощей, въ которыхъ онъ зарылся—доводилъ его до одуренія. Онъ изо всей силы прижался къ нимъ грудью, какъ-бы для того, чтобы заглушить вопль голода; а позади цѣлыя горы капусты, гороху, артишоковъ, масла, салату и сельдирею, на девяти телегахъ, казалось постепенно надвигались на него, и обвалъ съѣдобныхъ вещей грозилъ задавить этого умиравшаго отъ голоду человека.

Когда они пріѣхали на центральный рынокъ, мадамъ Франсуа попросила Флорана покараулить ссыпаннаго на землю овощи, которыя она расположила такъ красиво и симметрически, что они походили на пестрый коверъ, съ зеленой каймой; а сама отправилась въ соедѣнную улицу убрать телегу и лошадь. Усѣвшись подлѣ груди капусты, Флоранъ сталъ осматриваться. Онъ находился на углу какой-то улицы, которой не узнавалъ. Всего болѣе удивляли его колоссальныя павильоны по обѣимъ сторонамъ улицы. Легкія крыши ихъ, возвышались одна надъ другой—уходили во мракъ. Какими-то странными, фантастическими дворцами показались ослабѣвшему уму его эти зданія... Онъ даже съ какимъ-то страхомъ отвернулся отъ нихъ; но глаза его

встрѣтили освѣщенный циферблатъ часовъ на колоколнѣ св. Евстафія, и это еще болѣе изумило его.

— Вы давно не были въ Парижѣ, сказала ему, возвратись, мадамъ Франсуа, а потому, можетъ быть, не знаете новаго рынка? Еще только пять лѣтъ, какъ его построили.

— Вотъ—посмотрите, подлѣ насъ, это павильонъ для цвѣтовъ и плодовъ... а дальше—для рыбы, для птицъ. Позади павильоны для масла и сыру. Съ этой стороны шесть павильоновъ, а съ той—четыре. Рынокъ большой; только зимой здѣсь очень холодно. Говорить, что хотять выстроить еще два павильона, и что сломать дома около хлѣбнаго рынка. Вы это го небось ничего не знали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Флоранъ. Я былъ за границей... А эта улица,—передъ нами, какъ она называется?

— Улица Новаго Моста. Ее тоже недавно сдѣлали. Она идетъ отъ Сены до улицы Манмартра и Монторгейль. Еслибъ было свѣтло, вы бы сейчасъ признали всѣ мѣста.

Флоранъ взглянулъ на улицу Монторгейль — и въ памяти его воскресла ночь 4-го декабря. На этомъ самомъ мѣстѣ его схватили.... Онъ вспомнилъ также, какъ у церкви св. Евстафія отрядъ жандармовъ разстрѣлялъ пятерыхъ несчастныхъ, взятыхъ на баррикадѣ. Тамъ, гдѣ лежали тогда ихъ окровавленные трупы—онъ замѣтилъ теперь груды розовыхъ рѣдисокъ...

— Есть у васъ въ Парижѣ родные? спросила, немного погодя, мадамъ Франсуа. Но онъ не отвѣчалъ ей, какъ бы не слышалъ ея вопроса; прежняя подозрительность возвратилась къ нему.

— У меня былъ племянникъ; но не удался, пошелъ въ солдаты, продолжала она, не обидѣвшись этимъ молчаніемъ; хорошо коли есть гдѣ пристать... Ваши родные, можетъ быть, не ждали васъ и, очень удивятся, когда вы къ нимъ явитесь? А вѣдь пріятно возвратиться—не такъ-ли?

Говоря, она не спускала съ него глазъ. Сожалѣніе выразалось въ чертахъ ея; но она долго не рѣшалась предложить ему серебряную монету, которую держала въ рукѣ; какъ ни была плоха одежда его, но все-таки, мадамъ Франсуа, видѣла въ немъ «господина». Наконецъ, она робко произнесла; Если вы пова въ чемъ нибудь нуждаетесь.... но онъ съ безыюкойной гордостью отказался отъ предлагаемой помощи, отвѣтивъ, что ему ничего ненужно, и что онъ знаетъ куда ему идти. Эти слова, казалось, ее обрадовали, и она нѣсколько разъ повторила, какъ бы для того, чтобы успокоить самое себя на его счетъ: А! ну хорошо, хорошо... такъ подождите пова разсвѣтетъ.— Большой колоколъ неожиданно загудѣлъ надъ самой головой Флорана, на павильонѣ плодовъ. Протяжные, мѣрные удары будили дремавшій рынокъ; телеги и фуры прибывали; крики возчиковъ, хлопанье бичей, стукъ колесъ и лошадиный топотъ,—усиливались съ каждой минутой. Вездѣ едва могли подвигаться, вытянутые въ безконечный рядъ, который терялся

въ туманѣ. Издалека несея гулъ голосовъ. По всему протяженію улицы Новаго Моста, выгружались на тротуары овощи; и лошади, стѣснившись, стояли неподвижно какъ на ярмаркѣ. Флорана въ особенности заинтересовала одинъ возъ капусты, до такой степени громадный, что его съ трудомъ могли придвинуть къ тротуару. Онъ превосходилъ своею вышиною, стоявшій тутъ долговязный фонарь, при свѣтѣ котораго листья капусты казались кусками зеленого бархата. Маленькая крестьяночка, лѣтъ 15-ти, въ казакинѣ и синемъ, холстинковомъ чепцѣ, стоя на возу, по плечи въ капустѣ, бросала кочанъ за кочаномъ—кому-то, стоявшему внизу и скрытому темнотой... Маленькая порой исчезала, тонула въ капустѣ, потомъ ея розовый носикъ опять появлялся посреди густой зелени; она хохотала; и капуста снова летѣла, между газовымъ фонаремъ и Флораномъ. Онъ машинально считалъ... когда телегу опростали, ему стало скучно.

Скоро всѣ тротуары покрылись въ длину и въ ширь выгруженными овощами, между которыми продавцы оставляли узенькіе проходы для покупателей. Проснувшійся народъ начиналъ толкаться въ этихъ проходахъ; останавливаясь, разговаривая, торгуясь, толпа все росла и росла. Отворили рѣшетку павильона овощей, торговли котораго въ бѣлыхъ чепцахъ, въ черныхъ кофтахъ и съ подобранными, для того, чтобы не запачкаться—юбками, запасались дневной провизіей, наполняя купленными у огородниковъ овощами, корзинки носильщиковъ. Между павильонами и шоссе—кипѣла жизнь... И посреди этого шума и гама, толкотни и скоромныхъ словъ, посреди этихъ споровъ до хрипоты—изъ за каждой копейки, невозмутимо спокойными оставались одни огородники, съ своими загорѣлыми лицами... Мадамъ Франсуа быстро распродала свой товаръ, и готовилась уѣзжать домой. Она рада была выбраться поскорѣй изъ Парижа, который ненавидѣла всей душой, и иначе не называла какъ «этотъ подлый» или «этотъ проклятый Парижъ». Но она такъ заинтересовалась судьбой Флорана, который, несмотря на всѣ свои увѣренія, что ему ничего ненужно, казался ей такимъ страдающимъ и несчастнымъ, что передъ отъѣздомъ опять рѣшилась предложить ему свои услуги. Но на этотъ разъ, онъ отказался еще съ бѣльшей рѣзкостью; и даже всталъ съ мѣста чтобъ показаться бодримъ. Но когда она отвернулась на минуту, онъ поднялъ валявшуюся на землѣ морковку и положилъ ее въ ротъ. Ему ужасно хотѣлось съѣсть ее, но онъ однакоже долженъ былъ удержаться потому, что мадамъ Франсуа опять смотрѣла ему въ лицо, своимъ добрымъ взглядомъ, и опять принялась допрашивать его. Чтобъ не говорить,—онъ, вмѣсто отвѣта, только бивалъ головой, и потомъ потихоньку, медленно съѣлъ морковку.

Мадамъ Франсуа окончательно уже хотѣла уѣхать, какъ увидѣла въ толпѣ знакомаго ей молодого художника Клода Лантье,

который иногда посѣщалъ ее, бродя по парижскимъ окрестностямъ. Поболтавъ съ нимъ минуту, она представила ему Флорана.

— Вотъ, сказала она, господинъ, который, какъ кажется, прѣѣхалъ изъ-далека и не узнатьъ вашего подлаго Парижа. Можетъ быть вы ему кое-что укажете.

Добрая женщина была рада-радешенька, что оставляла Флорана не одного, и могла уѣхать къ себѣ успокоенная.

Клодъ не безъ любопытства посмотрѣлъ на Флорана. Эта длинная, тощая фигура казалась ему оригинальна. Рекомендации мадамъ Франсуа, которую онъ очень любилъ, было ему вполне достаточно; и съ фамильярностью фланера, привыкшаго къ разнымъ, случайнымъ встрѣчамъ, онъ спокойно сказалъ:

— Я готовъ сопровождать васъ. Куда вы идете?..

Флоранъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость. Онъ не такъ скоро сходился. Но его давно тревожилъ одинъ вопросъ, на который онъ все не рѣшался, изъ боязни получить неприятный отвѣтъ. Теперь онъ, наконецъ, рискнулъ его сдѣлать.

— Скажите, пожалуйста, что улица Пируэтъ, еще существуетъ?

— Конечно, отвѣчалъ живописецъ. Это прелюбопытный уголокъ стараго Парижа. Я даже срисовалъ ее. Когда вы будете у меня—я вамъ покажу. Вышло не совсѣмъ дурно. Вамъ нужно туда? Пойдемте, я проведу васъ.

Флоранъ утѣшенный тѣмъ, что улица Пируэтъ существуетъ, началъ отговариваться и увѣрять, что ему нигуда не нужно. Настойчивость Клода пробудила въ немъ подозрительность.

— Все равно, сказалъ Клодъ, пойдемте. Это въ двухъ шагахъ. На разсвѣтъ она очень эффектна.

Флоранъ поневолѣ пошелъ съ нимъ. Въ улицѣ Пируэтъ, Клодъ объяснялъ ему исторію каждаго дома. Онъ зналъ даже бѣдшую часть жильцевъ. Одинъ изъ этихъ домовъ, въ которомъ находилась лавка съ огромной красной вывѣской, почему-то особенно привлекъ взоры Флорана. Онъ неподвижно и съ удивленіемъ остановился передъ нимъ, казалось, не находя того, что ему было нужно. Въ мезонинѣ, въ эту минуту, хлопнуло окно, и какая-то старушонка, высунувшись изъ него, взглянула сперва на небо, потомъ на проспавшійся рынокъ.—Ишь какъ рано поднялась старая дѣвка Саже, произнесъ Клодъ, и потомъ прибавилъ, обратясь къ Флорану:—въ этомъ домѣ у меня жила тетя, настоящая коробка сплѣтенъ. А! вотъ и Мегюдены просыпаются; во второмъ этажѣ свѣтъ. Это рыбницы. Старшая вполне красавица; маленькая, торгующая рѣчной рыбой, тоже очень мила и напоминаетъ посреди своихъ карповъ и угрей, Мурильевскую мадонну. Потомъ, вдругъ, остановясь посреди улицы, спросилъ рѣзко: «Да куда-же вы, наконецъ, идете?»

— Пока еще нигуда, отвѣчалъ Флоранъ. — Пойдемте куда хотите.

Когда они выходили изъ улицы Пируэтъ, кто-то позвалъ

Клода, и онъ потащилъ за собой своего спутника въ погребокъ, находившійся на углу. Станки были отворены только на половину. Газовый рожокъ еще горѣлъ въ залѣ. На столикѣ валялись прейсъ-куранты. Свѣжая струя воздуха вривалась черезъ отворенную дверь въ эту атмосферу, пропитанную виннымъ запахомъ. Патронъ, г. Лебигръ, красивый человекъ, безъ свертка, въ одною жилетъ, съ всклокоченной бородой и съ опухшимъ отъ сна лицомъ, наливалъ бѣлое вино и водку, столпившимся около прилавка посѣтителемъ. Войдя, Клодъ пожалъ руку, повзавшему его лицу. Это былъ малый, лѣтъ двадцати двухъ, недурной наружности, выбритый и съ закрученными усами, смотрѣвшій весело и открыто. Живописецъ называлъ его Александромъ. Они тотчасъ же завели разговоръ о поѣздкѣ въ Шарантонъ, которую намѣревались предпринять на дняхъ.

— Чего вы хотите? спросилъ Клодъ Флоранъ. Окинувъ взглядомъ разные напитки, разставленные на прилавкѣ, Флоранъ нѣсколько затруднился отвѣтомъ, но, наконецъ, сказалъ, что охотно-бы выпилъ чего-нибудь горячаго; г. Лебигръ подалъ имъ три стакана пунша. Около жѣдныхъ чайниковъ съ горячей водой лежали тоненькія поджаренныя тартинки съ масломъ, только-что принесенныя и еще теплыя, но никто не бралъ ихъ, и потому Флоранъ также выпилъ пуншъ свой безо всего. Въ пустой желудокъ его, какъ-будто влили струю растопленного свинца. За всѣхъ заплатилъ Александръ.

— Огличный малый! говорилъ про него Клодъ, выходя изъ погребка. И красивъ каналья! Чтò за торсы! Я видѣлъ какъ онъ купался. Я бы дорого далъ, чтобъ имѣть такого натурщика». И потомъ прибавилъ съ усмѣшкой, затягивая красный ремень, служившій ему поясомъ:—Странное дѣло!.. и вы, вѣроятно, замѣчали это, всегда найдешь пріятеля, который угоститъ тебя виномъ... а никто никогда не накормитъ!—А теперь не хотите-ли обойдти со мной рынокъ?

Флоранъ послѣдовалъ за нимъ. Блѣдный свѣтъ въ концѣ улицы Рамбюто возвѣщалъ приближеніе дня. Голоса на рынкѣ раздавались все громче; изрѣдка шумъ этотъ заглушался звономъ колокола въ отдаленномъ павильонѣ. Они вошли въ одну изъ крытыхъ улицъ между рыбнымъ рядомъ и рядомъ живности. Флоранъ съ любопытствомъ разглядывалъ высокій сводъ, внутренняя рѣзба котораго такъ ярко выдавалась между черными свинцовыми кружевами. Когда онъ вышелъ на большую среднюю улицу ему представилось, что онъ въ какомъ-то городѣ, который, по какому-то странному капризу поставили весь съ кварталами, предмѣстьями, деревнями, прогулками, дорогами, площадями, улицами, въ дождливый день подъ навѣсъ. Полумракъ, который еще царствовалъ надъ крышами, превращалъ столбы въ лѣса, далеко раскидывалъ тѣни отъ колоннъ, превращая ихъ въ какія-то прозрачныя галереи съ колыхающимися занавѣсами, а надъ этимъ городомъ, теряясь во мракѣ, тану-

лось дѣлое растительное царство; какое-то чудовищное превращеніе металла въ стебель, въ безконечныя вѣтви, между собою перелетенины, которыя тихонько дрожали; напослѣдкѣ собою провѣтывающую лепву: тѣнь вѣтвонныхъ лѣсовъ. Крупнее еще все спало; рѣшетки вездѣ были завертны; вдалекѣ, при слабомъ газовомъ свѣтѣ можно было разглядѣть обветвляющіяся маленькія лавочки при павильонахъ масла и дичи. Открытъ былъ только павильонъ свѣжей рыбы. Шумъ дѣлался все сильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ овощамъ, цвѣтамъ и фруктамъ. Городъ пробуждался, все оживало какъ въ бѣдномъ кварталѣ, гдѣ уже съ 4 часовъ утра начинаютъ вываливать кочни капусты, тагъ и въ богатомъ, лѣнливомъ, гдѣ только въ 8 часамъ вывѣшиваются фазаны и пулярки.

Клодъ наслаждался всей этой суматохой, онъ заглядывался на всякій эффектъ свѣта, на всякую группу блузниковъ, останавливался передъ каждымъ вомомъ. Наконецъ, слѣдуя все по большой улицѣ, они добрались до цвѣточного ряда. По правую и лѣвую сторону сидѣли женщины, передъ ними стояли громадные корзины, наполненныя только что срѣзанными розами, фіалками, георгинами, маргаритами. Около одной изъ корзины горѣла свѣчка; и при свѣтѣ ея, отъ всѣхъ этихъ цвѣтовъ, какъ-бы шли радужныя лучи. Ароматъ этихъ цвѣтовъ ласкалъ васъ съ чисто весеннею нѣжностью, что особенно чувствовалось послѣ посѣщенія павильона рыбы, масла и сыра.

Клодъ и Флоранъ повернули назадъ, заглядываясь на цвѣты. Они съ любопытствомъ остановились передъ женщинами, продающими пучками папоротникъ и виноградный листь. Потомъ завернули въ крытую улицу, почти пустынную; шаги ихъ раздавались точно подъ сводами церкви. Въ ней они увидали запряженнаго въ маленькую тележку небольшое тачки, осленка, который, видно соскучился, и при видѣ ихъ сталъ ревѣть во все горло, тагъ что крыши дрожали. Лошадь отвѣчала ему ржаньемъ; вдалекѣ слышалось топанье, гвалтъ, шумъ, и опять все затихло. Напротивъ нихъ, въ улицѣ Берже, въ настежъ открытыя лавка, при свѣтѣ газа, можно было разглядѣть дѣлую массу корзины и фруктовъ, между трехъ стѣнъ, исписанныхъ цифрами. Мимо нихъ ѣхала въ фіакрѣ утомленная счастьемъ дама, таинственно пробираясь по загромажденной улицѣ.

— Это возвращается Сандрильона, потерявъ свои башмачки, сказалъ улыбаясь, Клодъ.

Они, разговаривая, вернулись къ рынку. Клодъ, засунувъ руки въ карманы, и насвистывая, рассказывалъ о своей любви къ этой массѣ всевозможныхъ продуктовъ, которые точно приливомъ кажимъ вносятся въ Парижъ.

Было видно, что Клодъ въ эту минуту не помнилъ даже, что всѣ эти прекрасныя вещи пожираются.

Онъ любилъ ихъ за ихъ цвѣтъ. Онъ вдругъ замолчалъ и, опять подтягивая свой ремень, восликнулъ съ усмѣшкой:

— Въ тому-же, я здѣсь хотѣ глазами завтракаю, это всотаки ситѣе, чѣмъ ничего. А иногда, когда я наканунѣ не пообедаю, у меня чуть не дѣлается разстройство желудка отъ этой бездны преграсныхъ вещей, которыя я здѣсь вижу: Въ такія утра я еще съ большою нѣжностью отношусь къ своимъ овощамъ. Но всего ужаснѣе, и несправедливѣе то, что подленцы буржуа все это помирають!

Разговаривая, Клодъ прибавилъ шагу и привелъ своего товарища въ деревню св. Евстафія; изнемогая отъ усталости, онъ опустился на скамейку около конторы омнибусовъ. Воздухъ становился свѣжѣе. Розоватый оттѣнокъ разлился по небу. Флорана это зарождавшееся утро обдало живительнымъ благоуханіемъ; онъ мысленно перенесся въ деревню, на горы. Клодъ указалъ ему на другую сторону скамейки, на рядъ ароматическихъ травъ. Это были точно сплошныя поля тмину, лаванды, чеснока; молодые тополи были обвиты цѣлыми гирляндами изъ лавровыхъ вѣтокъ. Сильный запахъ лаврового листа заглушалъ собою все остальное.

Освѣщенный циферблатъ башенныхъ часовъ становился все блѣднѣе, точно пламень свѣчи, который умираетъ съ первыми лучами солнца. У торговцевъ вина повсюду исчезали одинъ за другимъ газовые рожки, напоминая собою застывшія звѣзды передъ разсвѣтомъ. Передъ Флораномъ постепенно выросло изъ мрака зданіе рынка; оно все принимало болѣе ясную опредѣленную форму, и при дневномъ свѣтѣ казалось такою-то современной машиною, какимъ-то паровымъ котломъ, которому поручено пищеваеніе цѣлаго народа, гигантское брюхо изъ металла, стекла, свинца, дерева, поражающее красотой и силой своего механическаго двигателя, дѣйствующее посредствомъ жара топлива и страшнаго вращенія колесъ.

Клодъ въ совершенномъ восторгѣ влѣвъ на скамейку; онъ заставилъ своего пріятеля восклицаться прелестью первыхъ лучей солнца на этомъ морѣ зелени. Блѣдный день окрашивалъ все самою нѣжною аквамарью. Зеленныя волны безпрестанно мѣняли оттѣнки, напоминая собою всѣ переливы утренняго неба, когда оно такъ похоже на прозрачную розовато-блѣдную шелковую ткань. По мѣрѣ того, какъ загоралась заря, всѣ эти овощи яснѣе выступали, обрисовывались. Салатъ, латукъ, цикорья выставляли на показъ свои блестящія, свѣжія сердцевинны; шпинатъ, щавель, артишоки, бобы, горохъ, представляли изъ себя всѣ тѣни зеленого цвѣта, а на этомъ зеленомъ фонѣ яркими пятнами выдавалась красная морковь и бѣлая рѣпа. Въ концѣ рыночной улицы возвышалась цѣлая гора капуста; была тутъ и бѣлая капуста, крѣпкая, какъ ядро изъ блѣднаго металла, и кудрявая, съ большими листьями бронзоваго цвѣта, и красная, на которой яркіе лучи солнца отражались всѣми своими переливами. На другомъ концѣ, къ площадкѣ св. Евстафія улица Рамбюто была загромождена цѣлою баррикадою оранжевыхъ

тивъ; тамъ, дальше лоснились красные томаты, виднѣлись желтоватые огурцы, вообще тутъ было полное разнообразіе цвѣтовъ, только мрачныя черныя рѣдки представляли изъ себя траурное покрывало и напоминали, среди всеобщей радости пробужденія, о только-что разсѣвшемся мракѣ.

Клодь былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ находилъ, что эти подлещи-овощи, величественны, безумны, чудовищны. Онъ увѣрялъ, что они живутъ еще и только ждутъ солнца, чтобы сказать ему послѣднее «прости». Онъ увѣрялъ, что слышитъ ихъ предсмертный вздохъ. Между тѣмъ, толпа росла всюду. Сновали бѣлые чепцы, черныя кофты, синія блузы. Точно цѣлая деревня была въ сборѣ. Надъ головами выдавались большія корзины носильщиковъ. Мелочныя торговки, зеленщицы, покупали, сутились. Около капусты собрались отставные солдаты, монахини, а повара общественныхъ школъ ко всему прицѣнивались, чтобы узнать на чемъ поживиться. А возы все еще подѣвжали, и масса зелени не переставала увеличиваться.

— Какъ это хорошо! Воже! Какъ прекрасно! не переставалъ восклицать въ восторгѣ Клодь.

Вдругъ въ толпѣ онъ замѣтилъ какую-то знакомую и кликнуть ее:

Но голосъ его потерялся въ общемъ шумѣ; тогда онъ быстро сосочилъ и побѣжалъ за ней, но вдругъ вернулся, онъ вспомнилъ о Флоранѣ и, торопясь, сказалъ ему:

— Въ концѣ глухой улицы Бурдонне... знаете? Мое имя написано на двери мѣломъ: Клодь Лантье...

Съ этимъ онъ исчезъ. Онъ не зналъ имени Флорана. Онъ расстался съ нимъ, какъ встрѣтился—на улицѣ, подѣлавшись съ нимъ нѣкоторыми своими артистическими впечатлѣніями.

Флоранъ снова очутился одинъ и сначала даже обрадовался своему одиночеству; съ той минуты, какъ г-жа Франсуа подобрала его въ Нѣльской аллеѣ, онъ не выходилъ изъ безсознательности какого-то соннаго состоянія и ему вдругъ захотѣлось стряхнуть съ себя это впечатлѣніе гигантскихъ запасовъ пищи, которое его давило. Онъ рѣшительно ничего не могъ сообразить и ощущалъ только какой-то неопредѣленный страхъ. Быстро свѣтлѣло—его могли увидѣть. Онъ застегнулъ сюртукъ, почистилъ панталоны—ему казалось, что лохмотья эти его выдадутъ. Около него на скамейкѣ, сидѣли такіе-же оборванцы. Ночь на рынкѣ куда какъ мила для бродягъ! Мимо него прошли полицейскіе, подозрительно поглядѣли на него, точно почуя добычу. Флорану показалось, что они его узнали и вотъ сейчасъ остановать. Страхъ овладѣлъ имъ. Онъ хотѣлъ бѣжать и не рѣшался. Наконецъ, онъ всталъ и пошелъ медленными шагами, точно пробуя, не держатъ-ли его за шиворотъ полицейскіе. Передъ нимъ оказался рынокъ картофеля, безконечныя груды котораго заставили его повернуть въ улицу Рамбюто, но она была вся загромождена телегами, шарабанами, и онъ невольно

свернуть еще въ улицу, но вездѣ нагибался на ту же массу изъ вальной земли. У него нуталось въ годовѣ, онъ бессознательно шелъ, куда влекла его толпа и очутился на площадѣ св. Евстафія. Надъ рынокомъ стоялъ гулъ; казалось, гигантскія челюсти жевали пищу для двухъ милліоновъ жителей, точно работали главный органъ, поставляя кровь на всѣ жилки. Между всѣмъ этимъ раздавались удары внута разныхъ заѣзжихъ торговцевъ, которые скупали провизію для другихъ кварталовъ, да однообразный стукъ деревянныхъ башмаковъ бѣдныхъ торговцевъ салата. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ ночью пустынную, отдаленную улицу, и думалъ въ ней скрыться въ какомъ-нибудь закоулкѣ. Но и здѣсь кипѣла жизнь: изъ громадныхъ телегъ выгружали большія вѣтки съ живою птицею, корзины съ битю, безконечное множество телятъ, спеленатыхъ какъ дѣти, барановъ, разныя отдѣльныя части быковъ. Мясники въ бѣлыхъ передникахъ вѣсили мясо, ставили на него клейма и развѣшивали на рѣшетку. Рядомъ висѣли блѣдныя телячьи головы, ножи, кровавыя печенки, деловатыя почки, на столахъ разложены были мозги, чисто вымытыя кишки.

Тутъ-же стояли тележки со свиньями, изъ которыхъ торчали кровавыя внутренности; жестыя коробки съ кровью...

Бѣднѣй запахъ мяснаго ряда привелъ Флорана въ неистовую ярость. Онъ поспѣшно вышелъ изъ крытой улицы рынка и снова вернулся на тротуаръ площади св. Евстафія.

Казалось, онъ испытывалъ предсмертныя страданія; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ утренняго свѣжаго воздуха, едва держался на ногахъ, а всѣ скамейки были заняты: онъ-бы, кажется, прилегъ съ такимъ наслажденіемъ, пускай-бы полицейскіе разбудили его. Не въ силахъ идти далѣе, онъ прислонился къ дереву, у него въ глазахъ помутилось, шумѣло въ ушахъ. Сырая морковь, которую онъ проглотилъ цѣликомъ, давала себя чувствовать сильною рѣзью въ желудкѣ, а отъ стакана пунша у него кружилась голова. Вообще, онъ былъ пьянъ отъ нищеты, усталости и голода. Въ груди своей онъ чувствовалъ какой-то всепожирающій огонь и безпрестанно хваталъ себя за грудь, точно желая удержатъ въ себѣ остатки жизни. Думая хоть какъ-нибудь заглушить въ себѣ страданія, онъ пошелъ далѣе, но на каждомъ шагу наткнулся на новое препятствіе; выбившись окончательно изъ силъ, онъ предоставилъ себя теченію толпы. Имъ овладѣло отчаяніе. Онъ чувствовалъ себя готовымъ на всякую подлость. Онъ готовъ былъ просить милостыню и проклиналъ свою гордость, которая помѣшала ему принять помощь г-жи Франсуа, свой глупый страхъ, помѣшавшій ему распросить Клода объ улицѣ Паруэтъ. Онъ не былъ-бы теперь одинъ, ему не пришлось-бы теперь умирать съ голоду, какъ собакѣ! Онъ въ послѣдній разъ взглянул на рынокъ. Солнечный свѣтъ былъ разлитъ повсюду, дробясь о крышу, лучи падали золотымъ дождемъ. Все жило—это былъ

всобщій шумъ, гвалтъ. Нѣжные отгѣнки цвѣтовъ превратились въ болѣе яркіе, а море все еще приливало; казалось, минута—и оно васъ покроетъ съ головой. Ослѣпленный, обезсмысленный этимъ наплывомъ волнъ моря пищи, онъ молилъ о пощадѣ: его страшила мысль о смерти отъ голода, среди этого снѣга Парижа, среди всего этого запаса ѣдн. Горячія слезы выступили у него на глазахъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него показался человѣкъ небольшого роста, полный, сіяющій, съ коротко обстриженными волосами; онъ несъ подъ мышкой двухъ гусей, которые головами болтались во всѣ стороны. Замѣтя его, Флоранъ радостно бросился за нимъ, позабывъ усталость.

— Гаваръ! сказали онъ, ударивъ его по плечу.

Тотъ оглянулся, но не узналъ его и только взглядывшись поближе:

— Какъ, это вы? воскликнулъ онъ.

Онъ чуть не разронялъ своихъ гусей отъ удивленія. Но, замѣтя недалека свою свояченицу и мадмуазель Саже, которыя за ними съ любопытствомъ слѣдили, онъ торопливо прибавилъ: «Не останавливайтесь, здѣсь вездѣ глаза и уши». Они вошли въ крытую улицу. Дорогою Гаваръ рассказалъ Флорану, что братъ его Кэню переѣхалъ изъ улицы Пируэтъ и открылъ колбасную въ двухъ шагахъ отсюда въ улицѣ Рамбюто, напротивъ рынка. Оказалось, что Кюдъ Лантье, съ которымъ Флоранъ провелъ все утро, былъ племянникомъ г-жи Кэню. Онъ предложилъ провести его къ брату. Когда онъ узналъ, что Флоранъ возвратился во Францію съ фальшивыми бумагами, онъ принялъ всѣ предосторожности, чтобы никто не обратилъ на него вниманія. Онъ шелъ впередъ; проходя мимо павильона живности, онъ повѣсилъ своихъ двухъ гусей и направился къ улицѣ Рамбюто; Флоранъ слѣдовалъ за нимъ. Пройдя не болѣе двадцати шаговъ, онъ указалъ ему на большую колбасную лавку. Она блестѣла въ лучахъ утренняго солнца, которые переливались самыми яркими красками по всѣмъ бѣлоснѣжнымъ мраморнымъ украшеніямъ. На вывѣскѣ надъ стекломъ, въ рамкѣ изъ зелени красовалось золотыми буквами: «Кэню-Градель». На обѣихъ половинкахъ двери, также надъ стекломъ, были разрисованы розовые амурь среди цвѣтхъ гирляндъ сосисокъ, свиныхъ котлетъ и т. п. Какими блѣдными казались краски этихъ искусственныхъ котлетъ и сосисокъ сравнительно съ разложенными въ лавкѣ! Въ дверяхъ лавки Флоранъ увидалъ женщину, всю облитую солнечными лучами. Ея присутствіе дополняло картину довольства. Это была роскошная женщина лѣтъ тридцати. Она только что встала, но волосы ея были уже тщательно приглажены и блестѣли, какъ лакированные. Это придавало ей какой-то опрятный видъ. Ея бѣлое тѣло, розоватая, глинцоватая кожа, ясно говорили, что она живетъ между саломъ и сырнымъ мясомъ. Это была спокойная, тихая,

медленная въ движеніяхъ женщина. Ея бѣлый накрахмаленный воротничекъ, бѣлые рукава до локтей, длинный бѣлый передникъ почти совсѣмъ скрывали ея черное платье, ея высокую полную грудь, туго затянутую въ корсетъ. Она, казалось, наслаждалась, глядѣла, не мигая, на солнце, позволяя ему въ волю ласкать себя своими горячими лучами. Отъ нея вѣяло какимъ-то добродушіемъ, довольствомъ.

— Это жена вашего брата, ваша свояченица Лиза, замѣтилъ Гаваръ Флорану.

Онъ ей издала поклонился, но все еще соблюдая предосторожность; онъ не повелъ Флорана прямо въ лавку.

— Подождите тутъ, я узнаю, нѣтъ-ли кого у вашего брата... Я вамъ сдѣлаю знакъ, когда будетъ можно.

Онъ вошелъ въ калитку, но когда за этой дверью Флоранъ услышалъ голосъ Кеню, онъ мигомъ очутился около него и оба брата были въ объятіяхъ другъ друга. Кеню обожалъ его. Они цаловались, какъ дѣти.

— Ахъ, чортъ возьми! бормоталъ Кеню, — ты живъ!... А вѣдь ужъ я думалъ... Еще сегодня говорилъ моему Лизѣ: нашъ бѣдный Флоранъ... Эй, Лиза! закричалъ онъ, заглядывая въ окно лавки.

Потомъ, обращаясь къ маленькой дѣвочкѣ, притаившейся въ уголкѣ:

— Полина, позови-ка маму, сказалъ онъ.

Но дѣвочка не двигалась. Круглая, бѣлая, глѣтъ пяти, дѣвочка сильно напоминала свою мать. Она, обнявши, держала большого рыжаго кота, который лѣниво повисъ у нея на рукахъ всѣми лапами; она рѣшительно не знала, какъ его подобрать, чтобы этотъ дурно одѣтый господинъ не могъ унести его.

Лиза медленно выползала.

— Это Флоранъ, мой братъ, сказалъ ей Кеню.

Она очень мило обошлась съ нимъ, и не выразила ни малѣйшаго удивленія, только губы ея сжались. Она все стояла спокойно, но, наконецъ, разсмѣялась надъ нѣжностями своего мужа, который, насилиу обратилъ вниманіе на искудальную нищенскую фигуру Флорана: «Бѣдный, другъ мой! ты не похорошѣлъ! А вотъ я такъ все жирѣю».

Дѣйствительно онъ былъ слишкомъ толстъ для своихъ тридцати лѣтъ. Онъ совершенно расплывался въ своей бѣлоснѣжной рубашкѣ и передникѣ, напоминая собою чудовищнаго младенца въ пеленкахъ. Его чисто выбритое лицо имѣло какое-то сходство съ мордою свиньи, съ цвѣтомъ ея мяса, съ которымъ онъ возился съ утра до поздней ночи. Флоранъ едва признавалъ въ немъ своего брата. Онъ не переставалъ разглядывать то его, то красавицу Лизу, то ихъ малютку Полину. Отъ всѣхъ отъ нихъ такъ и дшиало здоровьемъ, всѣ они были красивы, веселы, счастливы; они, въ свою очередь, глядѣли на него съ

тѣмъ безпокойнымъ удивленіемъ, которое всегда овладѣваетъ толстыми людьми при видѣ худощавыхъ. Даже рѣзкій толстый котъ сидѣлъ выпуча на него глаза и разсматривалъ его съ недоумѣніемъ.

— Ты подождешь завтрака, неправда ли? спросилъ Кэню, — мы завтракаемъ рано — въ 10 часовъ.

Флорана обдало запахомъ изъ кухни. Онъ вспомнилъ прожитую имъ ужасную ночь, свой вѣздъ въ Парижъ, свои страданія среди колоссальныхъ запасовъ пищи на рынкѣ. Онъ вспомнилъ все это и сказалъ съ мягкой улыбкою:

— Нѣтъ, не могу — я голоденъ.

Вся колбасная была въ передрыгѣ. Гаваръ требовалъ, чтобы спрятали «изгнанника» какъ онъ называлъ Флорана, тайно и хмури при этомъ брови. Лиза, которая была нѣсколько блѣднѣе и серьезнѣе обыкновеннаго повела его на верхъ, гдѣ ему отвели комнату служанки. Кэню принесъ ему ветчины и хлѣба. Но Флоранъ едва могъ ѣсть. Онъ легъ отдохнуть; а къ вечеру занемогъ и пять дней пролежалъ въ постели. Съ нимъ началась горячка, которую къ счастью захватили во время. Когда онъ вришоль въ себя, у изголовья его сидѣла Лиза, мѣшавшая ложечкой въ стаканѣ. Онъ хотѣлъ было поблагодарить ее, но она велѣла ему лежать спокойно, прибавивъ, что они наговорятся послѣ.

Два дня спустя, когда онъ уже былъ на ногахъ, Кэню пришелъ за нимъ и, сказавъ, что Лиза желаетъ съ нимъ говорить, повелъ его къ себѣ въ спальню. Это была просторная, чрезвычайно комфортабельная и изящно меблированная комната, гдѣ всё говорило о прочномъ, солидномъ, буржуазномъ довольствѣ. Особенно хороша была двуспальная кровать, съ своими четырьмя матрацами, четырьмя подушками, и толстыми одѣялами. Противъ нея, на стѣнѣ, въ овальныхъ, позолоченныхъ рамкахъ, съ множествомъ украшеній, висѣли портреты супруговъ, сдѣланные масляными красками: Кэню улыбался; Лиза имѣла видъ крайне-порядочный: оба были въ черномъ; чистенькіе, прилизанные и румяные.

Когда Кэню съ Флораномъ вошли, Лиза сидѣла за откинутымъ бюро, и что-то писала, крупнымъ и ровнымъ почеркомъ. На бумагѣ видѣлись длинны столбцы чиселъ съ подведенными итогами. Она сдѣлала знакъ, чтобы ей не мѣшали. Братъя сѣли. Удивленный Флоранъ разсматривалъ комнату, портреты, кровать, часы.

— Вотъ, сказала наконецъ Лиза, провѣривъ цѣлую страницу счетовъ. Посмотрите сюда, любезный Флоранъ (она еще въ первый разъ называла его такъ) — мы должны дать вамъ отчетъ. Вашъ дядя Градель умеръ безъ завѣщанія. Вы съ вашимъ братомъ единственныя наслѣдники. Вамъ слѣдуетъ получить съ ою часть.

— Но я ничего не требую, вскричала Флоранъ; ничего не хочу, мнѣ не надо...

Кэню не зналъ о намѣреніяхъ жены. Онъ нѣсколько поблѣднѣлъ и взглянулъ на нее съ недовольнымъ видомъ. Онъ очень любилъ брата; но находилъ совершенно не нужнымъ татъ торопиться, тотчасъ-же совать ему въ руки наслѣдство дяди. По томъ можно было разсудить, посмотреть...

— Я знаю, любовный Флоранъ, продолжала Лиза, что вы не затѣмъ пришли къ намъ, чтобы требовать свою долю наслѣдства. Но дѣла-дѣлами. И все-таки лучше покончить теперь же. Дядя вашъ оставилъ восемьдесятъ пять тысячъ франковъ. Слѣдовательно вамъ приходится сорокъ двѣ тысячи пятьсотъ франковъ. Вотъ они.

Она показала ему расчетъ.

— Къ сожалѣнію не такъ легко оцѣнить имущество, лавку, товары, кругъ покупателей... Я могла расчитать только приблизительно. Но мнѣ кажется, что я дѣлала оцѣнку не внаую. Я получила въ итогѣ пятнадцать тысячъ, триста десять франковъ. Половина составитъ семь тысячъ, шестьсотъ пятьдесятъ пять франковъ. Всего значитъ выходитъ — пятьдесятъ тысячъ, сто пятьдесятъ пять франковъ. Вы провѣрите?

Она произносила цифры отчетливо, громко; и въ заключеніе подала ему листъ, который тотъ долженъ былъ поневолѣ взять.

— Но никогда, воскликнулъ Кэню, колбасная старика не стояла пятнадцати тысячъ франковъ. Я бы за нея не далъ и десяти тысячъ!—Жена повергала его наконецъ въ отчаяніе. Нельзя же доводить честность до такихъ предѣловъ. Развѣ Флоранъ что-нибудь говорилъ о колбасной? Онъ сказалъ, что ему ничего не нужно.

— Колбасная стояла 15,310 франковъ, повторяла спокойно Лиза. Вы согласитесь, любовный Флоранъ, что не нужно вмѣшиваться къ это дѣло нотаріуса. Мы сами можемъ раздѣлиться. Съ самаго пріѣзда вашего я думала объ этомъ; а пока вы были больны я постаралась какъ умѣла составить этотъ инвентарь. Вы видите, что я обозначила каждую мелочь. Я пересмотрѣла всѣ книги, перерыла всё въ своей памяти. Прочтите вслухъ. Я сообщу вамъ всё свѣдѣнія какія вы пожелаете.

Флоранъ улынулся. Онъ былъ тронутъ этой честностью и, положивъ расчетъ на колѣни молодой женщины, взялъ ее за обѣ руки.

— Милая Лиза, сказалъ онъ. Я очень радъ, что дѣла ваши идутъ такъ хорошо; мнѣ не надо вашихъ денегъ. Наслѣдство сподна принадлежить брату и вамъ, которые служили дядѣ до самой его смерти. — Я нисколько не желаю расстраиывать вашей торговли.

Она настанвала, сердилась даже, между тѣмъ какъ Кэню молча кусалъ себѣ ногти.

— Еслибъ дядя Градель могъ слышать васъ, сказалъ смѣясь

Флоранъ, онъ отнять бы у васъ наследство. Я не пользовался его любовью.

— Да! ужъ это я могу засвидѣтельствовать, вмѣшался, наконецъ, Кеню. Тебя онъ не доллюбливалъ.

Но Лиза все продолжала спорить, утверждая, что она не будетъ спокойна, если у ней будутъ лежать чужія деньги. Тогда Флоранъ шутиа предложилъ ей помѣстить его деньги въ колбасную. Впрочемъ, онъ не отказывался отъ ихъ услугъ, потому что не надѣялся тотчасъ же найти себѣ занятія; и притомъ ему нужно было прилично одѣться.

— Конечно! воскликнулъ Кеню. Ты будешь и спать и обѣдать у насъ; мы купимъ тебѣ все необходимое. Объ этомъ нечего и говорить. Не оставимъ же мы тебя на мостовой.

Онъ разчувствовался. Ему даже стало стыдно за свою скупость; и онъ сталъ шутить, обѣщая брату сдѣлать изъ него такого-же толстяка какъ онъ самъ. Флоранъ тихо покачалъ головой. Лиза въ это время сложила бумагу и заперла ее въ бюро.

— Напрасно вы это дѣлаете, сказала она въ заключеніе: — я поступила какъ должна была поступить; но, впрочемъ, воля ваша; я знаю только, что я не буду спокойна.

Они заговорили о другомъ. Нужно было объяснить присутствіе Флорана не возбуждая подозрѣній полиціи. Оказалось, что онъ возвратился во Францію съ паспортомъ одного бѣдняка, умершаго на его рукахъ отъ желтой лихорадки въ Суринамѣ. По странной случайности и тотъ назывался Флораномъ; но только по имени, фамилія же его была Лакерьеръ. У него оставалась въ Парижѣ кузина, которая уѣхала потомъ въ Америку, и также умерла. Лиза предложила ваять на себя роль этой кузины. Условились выдавать Флорана за двоюроднаго брата, возвратившагося изъ-за границы, вслѣдствіе неудачныхъ предпріятій. Въ тотъ же вечеръ Флоранъ купилъ новое платье. Его перестали скрывать, и Лиза спокойно рассказывала собесѣдамъ его вымышленную исторію. Она была съ нимъ очень ласкова, чувствуя къ нему какое-то уваженіе, соединенное съ безотчетнымъ страхомъ. Ее поразило безкорыстіе этого толстаго человѣка...

Вскорѣ, однакожъ, Флоранъ, несмотря на всѣ заботы и попеченія о немъ окружающихъ, отъ самаго Кеню до прислуги, сталъ замѣтно скучать въ колбасной. Онъ попробовалъ поискать уроковъ, но неудачно. Въ тѣ кварталы, гдѣ находились школы, онъ боялся показываться; тамъ, пожалуй, могли узнать его. Лиза совѣтовала ему обратиться въ коммерческіе дома; онъ хорошо писалъ и могъ вести книги. Нѣсколько разъ она возвращалась къ этой мысли и, наконецъ, сама предложила найти ему мѣсто. Еѣ видимо начало раздражать присутствіе человѣка, который ѣлъ—ничего не дѣлая, не зная куда дѣвать свое тѣло. «Я бы не могла жить такъ, говорила она ему иногда,—вы не должны чувствовать голода вечеромъ.—Знаете что,—вамъ нужно уставать». Гаваръ, съ своей стороны, прискивалъ

ему занятіе, но кажимъ-то, совершенно особымъ, подземнымъ способомъ. Онъ хотѣлъ бы создать ему какое нибудь «драматическое» или, по крайней мѣрѣ, «исполненное горькой ироніи» положеніе, приличное «изгнаннику». Гаваръ былъ человѣкъ оппозиціи. Ему перешло за 50, и онъ похвалялся, что велъ подкопы противъ четырехъ правительствъ. Карлъ X съ своими клерикалами, съ дворянствомъ и со всей этой шушерой, которой онъ далъ пинка, заставлялъ его только пожимать плечами. Луи-Филиппъ, съ своей буржуазіей, былъ просто, глухъ; и Гаваръ рассказывалъ исторію о шерстяномъ чулкѣ, куда, этотъ король-гражданинъ пряталъ свои деньги. Что же касается до 48 года, то это былъ фарсъ; и рабочіе обманули ожиданія Гавара. Но онъ умалчивалъ о томъ, какъ онъ привѣтствовалъ второе декабря, потому что теперь смотрѣлъ на Наполеона III, какъ на личнаго врага, «который окружаетъ себя разными Морни и проводитъ всё время въ оргіяхъ». На этотъ счетъ онъ былъ неистощимъ, и увѣрялъ, что собственными глазами видѣлъ, какъ по вечерамъ привозили въ Тюльери, въ закрытыхъ каретахъ, веселые женщины. Дѣлать правительству всякія непріятности—Гаваръ избралъ своей спеціальностью. Онъ вотировалъ за такихъ кандидатовъ въ законодательный корпусъ, которые должны были «привести въ ярость министровъ». Если онъ могъ надуть полицію, провзвести какую нибудь сумятицу, то это было для него наслажденіемъ. Онъ лгалъ, корчилъ изъ себя опаснаго человѣка и говорилъ такъ, какъ будто «тюльрійская сволоочь» знала его и дрожала передъ нимъ. Вся его болтливая и трескучая политика питалась вздорными сказками, и весь лавочническій либерализмъ сводился къ потребности шума и уличнаго скандала. Когда Флоранъ возвратился изъ Каенны, Гаваръ сталъ придумывать, какую-бы ему сыграть штуку съ правительствомъ, съ Наполеономъ, съ министерствомъ, съ должностными лицами, до послѣдняго изъ городскихъ сержантовъ. Онъ держалъ себя при Флоранѣ съ особенной таинственностью; подмигивалъ, говорилъ шопотомъ о самыхъ простыхъ вещахъ, и въ крѣпкомъ рукопожатіи его было что-то масонское. Наконецъ-то онъ попалъ на «настоящее» приключеніе. У него былъ товарищъ, серьезно скомпрометированный; и онъ, не прибѣгая къ излишнему вранью, могъ рассказывать объ опасностяхъ, которымъ подвергался; хотя онъ и чувствовалъ нѣкоторый страхъ въ присутствіи этого бѣглаго ваторжника, котораго худоба говорила о вынесенныхъ имъ страшныхъ страданіяхъ, но самый страхъ этотъ заключалъ себѣ нѣчто пріятное, и возвышалъ Гавара въ его собственныхъ глазахъ, убѣждая его, что онъ поступаетъ необычайно смѣло, ведя съ такимъ опаснымъ человѣкомъ дружбу. Флоранъ сдѣлался для него священнымъ. Онъ глялся Флораномъ; онъ называлъ Флорана, когда у него недоставало аргументовъ, и когда нужно было уничтожить правительство—«разъ навсегда».

Гаварь закрылъ свою лавку въ 1856 г., примазавшись къ какому-то подрядчику, поставлявшему овощи для арміи, во время восточной войны. О происхожденіи своего состоянія онъ не любилъ говорить. Это его стѣсняло, потому что онъ не могъ высказывать своего откровеннаго мнѣнія о крымской кампаніи, которую онъ называлъ рискованнымъ предпріятіемъ, затѣяннымъ для того «чтобы утвердить тронъ, и наполнить карманы извѣстныхъ личностей». Цѣлый годъ онъ жилъ рентой, но одинокая жизнь наскучила ему. Онъ часто бывалъ у Кэню-Граделей, и центральный рынокъ съ своей толкотней, съ своими сплетнями, съ вѣчнымъ шумомъ и гамомъ, до такой степени соблазнили его, что онъ опять рѣшился снять лавку въ павильонѣ дичи, единственно для того, чтобы имѣть возможность проводить пѣлые дни въ болтовнѣ и сплетняхъ. У него не было никого родныхъ, кромѣ свояченицы и племянницы. Свояченица, вдова Лекёръ, старшая сестра покойной жены его, нѣкоторое время питала надежду занять ея мѣсто; и по смерти ея, каждый вечеръ являлась утѣшать огорченнаго мужа; но Гаварь терпѣть не могъ худощавыхъ женщинъ. Онъ говорилъ, что ему больно чувствовать кости подъ кожей. Онъ даже собакъ и кошекъ ласкалъ только жирныхъ. Увидѣвъ, что надежды ея лопнули, и что состояніе зятя отъ нея ускользаетъ, мадамъ Лекёръ возненавидѣла его всѣми силами души. Онъ сдѣлался ея первымъ, жесточайшимъ врагомъ, и когда она узнала, что онъ поселяется на рынокъ въ ея сосѣдствѣ, то была убѣждена, что онъ это дѣлаетъ нарочно, чтобы стѣснять ее и приносить ей несчастье. Она еще болѣе пожелтѣла и похудѣла, и дѣйствительно ея кислая мина отталкивала покушниковъ. Племянница Гавара, дочь другой свояченицы его, нѣкоторое время жила у мадамъ Лекёръ. Фамилія ея была Сарье, и потому ее прозвали на рынкѣ, гдѣ она выросла, Сарьеттой. Въ шестнадцать лѣтъ она была уже бойкой продувной дѣвчонкой, и разные господа заходили покупать сыръ, единственно для того, чтобы увидѣть ее; но черноглазая Сарьетта, какъ дитя народа, презирала господъ и предпочла имъ разношита, молодого парня исполнявшаго комиссію ея тетки. Когда она открыла свою лавочку плодовъ, неизвѣстно на какія средства, любовникъ ея сталъ называться мсье Жюлемъ, колить свои руки, носить чистыя блузы и бархатную фуражку, и являться на рынокъ только въ полдень и въ туфляхъ.—Они жили вмѣстѣ поблизости. Неблагодарность Сарьетты окончательно озлобила мадамъ Лекёръ, которая постоянно осыпала ея самыми площадными ругательствами. Тетка и племянница рассорились. Гаварь находилъ Сарьетту смѣшной, былъ къ ней очень снисходителенъ, и при встрѣчѣ трепалъ ея за щеку. Она была толстуха.

Однажды, Гаварь вошелъ въ колбасную съ торжествующимъ видомъ и возвѣстилъ Кэню и Лизѣ, которыхъ засталъ за ихъ обычными занятіями, что онъ нашелъ мѣсто Флорану.

— Вы посмѣетесь, — какую я штуку сыграю съ правительствомъ!

Но только-что онъ началъ объяснять въ чемъ состояла эта штука, какъ въ лавку вошла мадмуазель Саже, старая дѣва, въ темной соломенной шляпѣ безъ лентъ, съ огромнымъ ридикюлемъ въ рукѣ, и въ какомъ-то совершенно выцвѣтшемъ платьѣ. Откуда она родомъ и тѣмъ существовала не было никому извѣстно. Сорокъ лѣтъ проживала она въ улицѣ Пируэтъ и всегда говорила только о другикъ. Она знала нетолько подробную біографію всѣхъ жителей околосда, но даже сколько рубашекъ въ мѣсяцъ каждый изъ нихъ отдаетъ стирать. Потребность проникать въ чужой бытъ доходила у ней до того, что она подслушивала у дверей и распечатывала письма. Языка ея боялись всѣ. Цѣлые дни сновала она съ своимъ ридикюлемъ, подъ предлогомъ закупки провизіи, но ничего не покупала и только приносила новости. Кэню не терпѣлъ ее, приписывая ей огласку, которую получила исторія смерти Граделя. Она изучила Кэню-Граделей до тонкости; знала ихъ наизусть... но внезапный пріѣздъ Флорана совсѣмъ лишилъ ея сна и покоя. Она сгорала отъ любвиства. Въ разсказахъ ея оставался пробѣлъ; исторіи, сочиненной Лизой, она, конечно, не вѣрила. Ей казалось, что она гдѣ-то видѣла этого «долговязаго рохлю», и она рѣшилась во что бы то ни стало вывѣдать о немъ всю подноготную. Съ этой цѣлью она явилась въ колбасную. Гаваръ тотчасъ же замолкъ. Долго переходила она отъ одного блюда къ другому, нагибалась, нюхала, разсматривала, шевелила вилокъ: «не зная чтобы такое взять собѣ на ужинъ» и, въ то же время, искоса поглядывала на присутствующихъ, и вслѣдствіи старалась вызвать ихъ на разговоръ. Лиза, съ невозмутимымъ терпѣніемъ предлагала и показывала ей разный товаръ. Дѣло, однакожъ, кончилось тѣмъ, что она, по обыкновенію, ничего не взяла, и, отчаявшись что-нибудь узнать, вышла изъ лавки съ подавленной злобой.

— Старая вѣдьма! произнесъ Гаваръ, смотря въ окно, какъ она переходила и направлялась къ павильону плодовъ. Когда они остались одни—онъ разсказалъ какое мѣсто нашелъ Флорану. Это была цѣлая исторія. Одинъ изъ его друзей, надзиратель рыбнаго ряда, Верлакъ, долженъ былъ, по причинѣ серьезной болѣзни, взять отпускъ. Но ему не хотѣлось терять своей должности, и онъ искалъ человѣка, который бы занялъ ее, на время его отсутствія.

— Вы понимаете, прибавилъ Гаваръ, — Верлакъ проживеть не больше шести недѣль, и Флоранъ останется на этомъ мѣстѣ. Это отличное положеніе! И какъ мы надуемъ полицію. Мѣсто зависить отъ префектуры, а они утвердить того, кого представить самъ Верлакъ.—Что? Вѣдь забавно, неправда ли? Правительство будетъ платить Флорану деньги!

И онъ повѣтывался со смѣху. Онъ находилъ въ этомъ глубокой комизмъ.

— Я не хочу этого мѣста, сказалъ рѣзко Флоранъ. Я не гляжу ничего не принимать отъ имперіи. Я лучше околѣю съ голоду—но не пойду служить въ префектуру. Это невозможно, слышите ли—Гаваръ.

Гаваръ былъ нѣсколько смущенъ. Кэню покликъ головой, а Лиза пристально смотрѣла на Флорана. Жилы на ея шеѣ напряглись, высоко поднимавшаяся грудь казалась хотѣла разорвать корсажъ. Она только что готовилась раскрыть ротъ, какъ въ лавку вбѣжала Сарьетта. Ей понадобилось свиное сало для жаворонковъ. Жюль очень любилъ жаворонковъ. Она наполнила всю лавку своими вѣсками, всѣмъ улибалась и развязно сказала Гавару: «пари держу, что вы говорили обо мнѣ, когда я вошла!» Взявъ еще кое-какихъ мелочей, и заплативъ за все 24 су, Сарьетта пустилась бѣгомъ изъ лавки.

— Это мадмуазель Саме, ее къ намъ прислали, сказала сухо Лиза.

Потомъ водворилось молчаніе. Гаваръ былъ озадаченъ отвѣтомъ Флорана. Лиза первая заговорила. «Вы напрасно отказываетесь, Флоранъ, сказала она самымъ дружескимъ тономъ,—отъ мѣста надзирателя. Вы знаете какъ трудно добиться мѣста. А ваше положеніе таково, что вамъ нельзя быть слишкомъ разборчивымъ».

— Я привелъ свои основанія, отвѣчалъ Флоранъ. Она пожала плечами. «Ну, послушайте, развѣ это серьезныя основанія? Я понимаю, что вы можете не любить правительство. Но это не должно препятствовать вамъ добивать себя хлѣбъ. Это было бы ужъ слишкомъ глупо... И притомъ императоръ право не злой человѣкъ, мой другъ. Развѣ онъ знаетъ что вы ѣли дурной хлѣбъ и гнилую говядину? Вѣдь ему невозможно входить во все самому. Вы видите, не помѣшалъ же онъ намъ вести дѣла. Вы несправедливы,—совсѣмъ несправедливы».

Гаваръ былъ еще болѣе смущенъ. Онъ не могъ допустить такихъ похвалъ императору въ своемъ присутствіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого мадамъ Кэню, возразилъ онъ. Вы ужъ слишкомъ далеко зашли... Это такой народецъ, я вамъ скажу...

— Ну, ужъ вы тоже хороши съ вашими исторіями! перебила его Лиза, оживляясь; вы будете только тогда довольны, когда всѣхъ ограбятъ и перерѣжутъ. Не будемъ говорить о политикѣ. Это меня выведетъ изъ себя. Дѣло идетъ о Флоранѣ. Я говорю, что онъ долженъ принять мѣсто надзирателя. Не такъ ли Кэню?

Кэню, не говорившій ни слова, былъ поставленъ въ затрудненіе вопросомъ жены.

— Это хорошее мѣсто, пробормоталъ онъ.

— Оставимъ это, пожалуйста, сказалъ Флоранъ.—Рѣшеніе мое неизмѣнно. Я поджду.

— Вы подождете! вскричала Лиза, теряя терпѣніе. Два красныя пятна появились на ея щекахъ. У ней чуть-чуть не вырвалось крупнаго слова. Новое лицо вошло въ лавку и отвело гнѣвъ ея,—мадамъ Декёръ. Она притворилась сначала, что не замѣчаетъ своего зятя; потомъ молча кивнула ему головой.

— Пожалуйте мнѣ полфунта «сборнаго» по 50 су за фунтъ, произнесла она. Она оглядывала всѣхъ сидѣвшихъ въ лавкѣ, съ головы до ногъ. Она замѣчала, что мѣнаеть имъ, что они ждутъ ея ухода, и это еще болѣе раздражало ее. Съ своими обвислыми юбками и длинными руками, она походила на паука.

Когда она кашлинула слегка, Гаваръ спросилъ:

— Чтѣ, у васъ кашель?

Она сухо отвѣтила, что нѣтъ.

Пока Лиза наглядывала ей всякой всячины, она слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, съ недоувѣрчивостію похупательницы, убѣжденной, что ее на каждомъ шагу обкрадываютъ. Минуть двадцать пробыла она въ лавкѣ, выбирая и прицѣняясь. Лиза едва сдерживала душившую ее злость. Мадамъ Декёръ это видѣла, и наслаждалась своимъ торжествомъ. Она даже расплачивалась съ особенной медленностію.—«Такъ вотъ-же вамъ», думала она про себя, «если вы не хотите говорить при мнѣ.» Она вышла молча, обводя долгимъ взглядомъ всю лавку. По уходѣ ея Лиза разразилась: «И эту тоже прислали!» вскричала она. Чтѣ-же это, въ самомъ дѣлѣ, такое! Эта старая корга на-мѣрена напустить на насъ цѣлый рынокъ, для того, чтобы вывѣдать, о чемъ мы говоримъ. Ну, ужъ если кто-нибудь еще придетъ... вы увидите, какъ я приму! Будь это моя родная сестра, я бы ее вытолкала въ шею.

Мужчины молчали при видѣ разгнѣванной Лизы. Гаваръ всталъ съ мѣста и оперся на прилавокъ.

— Я смотрѣлъ на это, какъ на фарсъ, произнесъ онъ, немного погодя.

— На чтѣ? спросила Лиза, все еще не успокоившаяся.

— На мѣсто надзирателя. Эти подлецы морили Флорана съ голоду, думалъ я себѣ, такъ пускай-же теперь кормить его. Это-то меня и нлѣнило.

Флоранъ улыбнулся, но продолжалъ отказываться. Кэню изъ угожденія женѣ старался дать добрый совѣтъ. Но Лиза никого больше не слушала, она глядѣла въ окно, по направленію къ рынку, и вдругъ воскликнула:

— Нормандку теперь шлютъ! тѣмъ хуже! Нормандка за всѣхъ заплатится.

Полная, красивая брюнетка отворила дверь лавки. Это была та самая Луиза Мегюдень, дочь рыбака, о которой упоминалъ Флорану Клодъ. Она вошла бойко, развязно, гремя золотой цѣпью висѣвшей у ней на шеѣ. Она была одна изъ первыхъ щеголихъ рынка. Въ околудѣ ея называли *la belle Normande*, какъ Лизу—*la belle Lisa*. Обѣ женщины долго жили въ одномъ

домъ, въ улицѣ Паруэтъ, и, поведенному, очень сдружились. Но, несмотря на это, между ними существовало нѣкоторое соперничество. Онѣ постоянно слѣдили другъ за другомъ, и старались затмить другъ друга туалетами. Лиза болѣе стигивалась корсетомъ; Нормандка щеголяла дорогими кольцами и бантами на плечахъ. Встрѣчаясь, онѣ обвинялись самыми любезными привѣтствіями, и, въ то-же время, укладной, старались отыскать одна у другой какой-нибудь недостатокъ.

Войдя, Нормандка съ веселымъ видомъ спросила Лизу:

— Вы, кажется, завтра будете дѣлать кровяную колбасу?

Лиза процѣдила сквозь зубы:

— Да...

— Я обожаю кровяную колбасу, когда она еще теплая... и непременно приду завтра, продолжала Нормандка. Она замѣтила холодный пріемъ соперницы. Посмотрѣвъ на Флорана, который, казалось, интересовалъ ее, и, не желая уходить, не сказавши еще чего-нибудь, она нигла неосторожность прибавить: Въ прошлый разъ я у васъ купила кровяную колбасу—не со всѣмъ свѣжую.

— Не со всѣмъ свѣжую? дрожащими губами и поблѣднѣвъ, повторила Лиза. Она бы еще, можетъ быть, сдержала себя, чтобы Нормандка не подумала, что она завидуетъ ея кружевному банту; но за ней шпионили и это ее оскорбило. Это превзошло всякую мѣру. Она подалась впередъ, и, опираясь кулаками на прилавокъ, азвительно произнесла:

— Скажите мнѣ, пожалуйста: когда я на прошедшей недѣлѣ купила у васъ двѣ камбалы, помните, развѣ я пошла говорить вамъ при людяхъ, что онѣ были тухлыя?

— Тухлыя! мои камбалы тухлыя! Нормандка побагровѣла отъ злости. Съ минуту обѣ молчали, задыхаясь отъ бѣшенства и устремивъ другъ на друга ужасный взглядъ. Вся ихъ дружба пошла ко дну.

— Вы грубиянка! вскричала рыбница. Ноги моей здѣсь не будетъ!

— Ступайте, ступайте, сказала Лиза.—Знаемъ мы, съ еѣмъ имѣемъ дѣло.

Нормандка вышла съ крупнымъ словомъ, заставившимъ Лизу задрожать отъ злости.

Сцена эта произошла такъ быстро, что озадаченные мужчины не успѣли вмѣшаться. Лиза первая оправилась и начала разговаривать о постороннихъ вещахъ. Передъ уходомъ Гавара, она потихоньку сказала ему, чтобы онъ погодилъ давать Верлаку положительный отвѣтъ. Она брала на себя уговорить Флорана, и требовала только двухдневной отсрочки. Когда Гаваръ увелъ Флорана въ погребокъ Лебигра, и когда они проходили рынкомъ, онъ пустѣлъ, и группа женщинъ, стоявшая между навильономъ рыбы и навильономъ дичи, о чемъ-то горячо разговаривала.

— Толкуете! сказали заискивно Гаваръ, уязвлявая на лице Флорану.

Тогда, дѣйствительно, или большіе. Разговаривавшія женщины были Саже, Лекёръ и Сарьетта. Рѣчь держала Саже. «Я вамъ говорила, мадамъ Лекёръ, что зять вашъ всегда торчитъ у нихъ въ лавиѣ. Вѣдь вы видѣли его?»

— Собственными глазами видѣла! Сидѣлъ на столѣ—точно, какъ у себя дома.

— А я ничего дурнаго не слыхала, вмѣшалась Сарьетта:— не знаю, изъ-за чего вы такъ горячитесь.

Мадмуазель Саже только пожалала плечами. «Вы еще должно быть очень наивны. Неужели вы не понимаете, зачѣмъ Кеню заманиваютъ къ себѣ г. Гавара. Я готова пари держать, что онъ оставитъ все свое состояніе маленькой Полиѣ».

— Вы это думаете? вскричала Лекёръ, поблѣдивъ отъ ярости. И потомъ, жалобнымъ голосомъ, какъ женщина, которой нанесли сильный ударъ, протанула:—Я одна; меня некому защитити! Онъ можетъ сдѣлать со мной что хочетъ, этотъ низкій человѣкъ. Вы слышали, его племянница за него заступается? Она забыла чѣмъ мнѣ обязана. Она бы меня выдала связанной по рукамъ и ногамъ.

— Вовсе нѣтъ, тѣтенька, сказала Сарьетта.— Это вы сами всегда меня только ругаете...

Онѣ тотчасъ-же помирились и подаловались. Тѣтка стала увѣрять, всѣмъ что для нея священно, что она всегда смотрѣла на Сарьетту, какъ на свою дочь. Тогда мадмуазель Саже начала имъ совѣтовать, какъ вести себя, чтобы лишить Гавара возможности расточить свое состояніе.

Рѣшено было наблюдать за нимъ и за Кеню-Граделами.

— Я не знаю, сказала старая дѣва, что тамъ происходитъ... но воздухъ у нихъ какъ-то не чистъ... Напримѣръ, хоть этотъ кузень мадамъ Кеню,—Флоранъ, что-ли, какъ его называютъ? что вы о немъ думаете?

Всѣ три женщины придвинулись другъ къ другу и понизили голосъ.

— Вы знаете, заговорила мадамъ Лекёръ, что мы его видѣли въ первый разъ, въ худыхъ башмакахъ, запыленного, оборваннаго... онъ походилъ на вора. Я боюсь этого малаго.

— Нѣтъ, промолвила Сарьетта, онъ только худъ, но онъ кажется не дурной человѣкъ.

— Гдѣ-то я его встрѣчала, сказала Саже, какъ бы думая, вслухъ: вотъ цѣлна двѣ недѣли, какъ я ломаю себѣ голову и не могу припомнить—гдѣ именно. Но Гаваръ его непременно знаетъ.

Въ эту минуту въ кружокъ ихъ влетѣла, подобно вихрю, Норманда. Она только-что вышла изъ колбасной.

— Нечего сказать, затрещала она, довольная тѣмъ, что могла излить свою злость:—вѣжлива эта корова,—Кеню! Она мнѣ

сказала, что я продаю тухлую рыбу. Ну, уж и отбѣла я ей! Сама свѣрная, отравляетъ народъ гнилыми колбасами и смѣетъ еще говорить...

— Что-же вы ей такое сдѣлали? спросила старая дѣва, задрожавшая даже отъ радости при вѣсти, что Нормандка и Лиза перессорились.

— Ничего, рѣшительно ничего. Я вошла очень вѣжливо, и спросила когда они будутъ дѣлать кровяную колбасу. Подлая лицемѣрка! Погоди, заплатишь ты мнѣ съ процентами! Тоже разыгрываетъ изъ себя честность!

Всѣ три женщины хорошо видѣли, что Нормандка не такъ передаетъ дѣло, какъ оно было; но тѣмъ не менѣе, выказали къ ней большое сочувствіе, и цѣлый потокъ ругательства полился на семейство Кеню. Самыя грязныя исторіи выдумывались одна за другой. Нормандка раза три должна была повторить свой рассказъ.

— А что говорилъ двоюродный братецъ? язвительно спросила Саже.

— Двоюродный братецъ! провизжала Нормандка.—Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что этотъ шестъ—двоюродный братецъ? Это просто любовникъ.

— Какъ это можно! закричали всѣ слушательницы въ одинъ голосъ.—Въ честности Лизы былъ убѣжденъ весь кварталъ.

— Да что вы! продолжала Нормандка.—Развѣ праведницы бываютъ такія жирныя?.. Ея муженекъ для того и созданъ, чтобъ носить рога. Вѣдь это совсѣмъ баранъ!..

Мадмуазель Саже покачивала головой, какъ бы выражая этимъ, что и она не далека отъ подобной мысли, и тихо провизнесла:

— Притомъ-же, онъ точно съ неба упалъ. Исторія, которую рассказываетъ Кеню, крайне сомнительна.

— Любовникъ, любовникъ толстухи, это вѣрно, твердила Нормандка.—Такъ, какойнибудь шелопапъ, съ улицы!

— Худые мужчины, всѣ грубые, объявила убѣжденнымъ тономъ Сарьетта.

— Должно быть онъ ей не дешево стоитъ, замѣтила мадамъ Лекѣрь, она ему все новое шила.

— Да, да, бормотала старая дѣва.—Это очень возможно... Надо развѣдать...

— Я увѣрена, сказала Лекѣрь, по уходѣ Нормандки, провожая ее взглядомъ:—что она сама нагрубила. Это ея привычка. Ужъ не говорила бы лучше о кузенахъ; сама-то нашла у себя въ рыбной лавкѣ ребенка.

Всѣ три съ усмѣшкой переглянулись.

— Тѣтенка напрасно занимается любовными исторіями, сказала Сарьетта, когда мадамъ Лекѣрь ушла въ свой чередъ.— Она худѣетъ отъ этого. Она меня колотила, когда на меня смотрѣли мужчины. Ужъ какъ она ни смотри, а ей не найдти у себя въ постелѣ ребѣнка. Несчастливая эта тѣтенка!

Старая дѣва снова захохотала. Оставшись одна, и возвращаясь въ улицу Пируэтъ, она думала, что «всѣ эти три дуры» не стоятъ даже висѣлицы. Не желая, однакоже, ссориться съ такими зажиточными людьми, какъ Кэню, которые могли видѣть ее изъ окна, она зашла по дорогѣ къ булочницѣ, мадамъ Табуро, находившейся съ Ливой въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и тамъ распространилась въ похвалы опрятности и колбасамъ Кэню, съ полной увѣренностью, что все это будетъ передано Лизѣ. Она возвратилась бы къ себѣ домой въ отличномъ расположеніи духа, еслибы вопросъ — кто былъ этотъ Флоранъ и гдѣ она его прежде видала, — не продолжалъ ее мучить.

Въ этотъ-же вечеръ Флоранъ долго бродилъ по крытымъ улицамъ рынка. Окутанные сырмъ туманомъ, пустыя павильоны смотрѣли уныло. Въ первый разъ, Флоранъ сознавалъ себя здѣсь лишнимъ. Ему было совѣстно, что онъ непрошенный ворвался въ эту сытую, жирную среду. Онъ боялся быть въ тягость семьѣ Кэню; боялся чтобы контрабандный кузенъ не компрометировалъ ихъ своей грустной миной. Не то, чтобы онъ замѣчалъ сухость въ обращеніи съ нимъ брата или жены его; совершенно напротивъ. Доброта ихъ заставляла его страдать, и упрекать себя въ неделливатности. Воспоминаніе о происшедшемъ по утру разговорѣ, въ особенности было ему неприятно, онъ самъ не давалъ себѣ опредѣленнаго отчета, почему атмосфера колбасной расслабляла его нравственно, располагала къ уступкамъ. Можетъ быть, онъ дурно сдѣлалъ отказавшись отъ мѣста. При этомъ вопросъ въ немъ начиналась борьба... Ему нужно было встряхнуть себя хорошенько, приободриться, чтобы всякая мысль о сдѣлкахъ съ своей совѣстью оставила его. Поднялся сырѣй, пронзительный вѣтеръ, шумѣвшій въ крытыхъ переходахъ. Флоранъ почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе и увѣренность, когда ему пришлось застегнуть до верху свой сюртукъ: вѣтеръ уносилъ съ его одежды жирный запахъ колбасной, до такой степени одурявшій его.

Онъ былъ близко отъ дому, когда ему встрѣтился Клодъ, который уже зналъ исторію его ссылки и не разъ, послѣ перваго знакомства, заходилъ къ нему въ колбасную. Тѣтка Лиза, однакоже, не видѣлась съ его матерью, вѣроятно, потому, что та была замужемъ за рабочимъ, и что зажиточная колбасница совѣстилась такой родни. Притомъ-же, она не любила несчастныхъ людей. Флоранъ изъ рассказовъ Клода узналъ, что онъ воспитывался на счетъ одного добраго человѣка, замѣчавшаго въ его дѣтскихъ рисункахъ талантъ. По смерти своей, воспитатель Клода, оставилъ ему тысячу франковъ дохода, которые и давали ему возможность не умереть съ голода.

— Вы еще все у тѣтки моей? спросилъ Флорана Клодъ. — Какъ это вы умудряетесь жить въ этой кухнѣ? Вѣдь тамъ воняетъ. Когда я проведу тамъ часъ, мнѣ кажется, что я на три дня наѣлся. И какіе эти добрые люди всѣ здоровенные; мнѣ

даже жалко смотрѣть на нихъ; я какъ-то думалъ сдѣлать портреты ихъ, но ничего не вышло. Не могу я изображать эти круглыя, пухлыя лица, безъ костей... Войтесь жирныкъ, Флоранъ!

Они пошли, разговаривая. Клодъ былъ въ ударѣ, и принялся рассказывать Флорану какъ онъ дѣлаетъ весь родъ человѣческій на двѣ враждебныя другъ другу группы, на худыхъ и жирныхъ. «Вторая,—говорилъ онъ,—поѣдаетъ первую, отражаетъ себѣ брюхо и наслаждается. Мы съ вами худы, посмотрите сами много-ли наши плоскіе животы занимаютъ мѣста на солнцѣ!»

Флоранъ посмотрѣлъ на обѣ тѣни и улыбнулся. Но Клодъ рассердился.

— Вы напрасно находите это забавнымъ, кричалъ онъ.—Я страдаю потому, что я худой. Еслибъ я былъ жирный, у меня была бы отличная мастерская; я писалъ бы спокойно, и продавалъ бы свои картины на вѣсь золота. А вмѣсто того, я худой, и трачу свои силы на изобрѣтеніе такихъ вещей, которыя заставляютъ жирныхъ пожимать плечами. Я и уиру такимъ тощимъ, что меня можно будетъ положить какъ засохшій листъ въ книгу. А вы-то? Вы царь худыхъ, честное слово. Ваша худоба изумительная. Жирные душатъ худыхъ, какъ крысы мышей. Въ принципѣ—жирные питаютъ такое отвращеніе къ худымъ, что чувствуютъ потребность сбросить ихъ съ дороги, устранить съ глазъ долой... и дѣйствуютъ, чѣмъ ни пошало—зубами, пинками. Вотъ почему я на вашемъ мѣстѣ принялъ бы мѣры предосторожности. Кэню жирные, Мегюдены жирные... Вокругъ васъ все жирные. Меня бы это тревожило.

— А, Гаваръ?

— О! Если хотите, я всѣхъ нашихъ знакомыхъ могу рас-
сортировать. У меня въ мастерской давно хранятся въ картонѣ ихъ головы, съ надписью, къ какой категоріи принадлежитъ каждая. Это цѣлая глава изъ естественной исторіи. Гаваръ жирный, но жирный, корчащій изъ себя худаго. Саме и Лекёръ худыя, впрочемъ, ихъ нужно бояться... Это очень опасная разновидность; онѣ способны на все, для того, чтобы разжирѣть. Сарьетта тоже принадлежитъ къ жирнымъ, но еще безвреднымъ. Она молода... Нужно замѣтить, что жирные, пока они не постарѣли, очень милый народъ.

— А, мадамъ Франсуа?..

— Мадамъ Франсуа? Клодъ задумался. Не знаю, право... эту я никогда не пробовалъ причислять ни къ какой категоріи. Это просто отличная женщина, ни худая, ни жирная.

Они разсмѣялись, и, поговаривъ еще нѣсколько минутъ, разошлись.

Вечера становились холодныя, и, послѣ обѣда, все семейство Кэню переходило въ кухню. Тутъ было всѣмъ мѣсто; всѣ садились къ столу, нисколько не мѣшая дѣлу. Въ колбасной Кэ-

ню-Градель все приготовлялось дома, на сторонѣ покупались только консервы, сардинки, сыры, страсбургскіе пироги лучшихъ фирмъ, да устрицы; а потому съ сентября начались возобновленія всѣхъ припасовъ, истраченныхъ за лѣто. Въ этотъ вечеръ все семейство, по обмѣновенію, сидѣло въ кухнѣ. Кэнно поставилъ топить сало и наблюдалъ за приготовленіемъ колбасъ. У стола Лиза и служанка Огюстина занимались чинной бѣлья; напротивъ нихъ сидѣлъ Флоранъ. Маленькая Полина все приставала къ нему сперва, чтобы онъ ее покачалъ, а потомъ, когда качанье ей надоѣло, сказала ему вдругъ своимъ стекляннимъ голоскомъ:

— А знаешь чтò, дядя, Расскажи-ка ты мнѣ исторію про господина, котораго съѣли звѣри.

Вѣроятно, видъ свиной крови напомнилъ ей о «господинѣ, съѣденномъ звѣрями». Флоранъ рѣшительно не зналъ, чего она отъ него требовала. Лиза помогла ему: — это, вѣроятно, она подслушала вашъ разговоръ, помните, Гавару?

Между тѣмъ, дѣвочка притащила на колѣни Флорана своего рыжого кота, увѣряя, что и Мутонъ хочетъ послушать. Но котъ быстро вскочилъ на столъ, съ удивленіемъ разглядывая этого высокаго худощаваго господина, который вотъ уже двѣ недѣли служить для него предметомъ всевозможныхъ глубокихъ размышлений. Полина, не переставая требовать свазки, сердилась, толкала ногами. — Да расскажите, не то она не дастъ намъ покоя, уговаривала Лиза.

Флоранъ посадилъ Полину себѣ на колѣни и, грустно улыбнувшись ей, началъ такъ свой разговоръ:

— Жилъ былъ одинъ бѣдный человѣкъ. Его отправили далеко, далеко за море... На одномъ съ нимъ кораблѣ ѣхало 400 каторжниковъ, всѣ они были одѣты въ одинаковыя парусинныя куртки и ѣли съ нимъ изъ одной чашки. Отъ кухни и машинъ было такъ жарко, что 10 изъ каторжниковъ задохнулись. Съ него самого ноть постоянно лилъ градомъ. Днемъ этихъ несчастныхъ, по 50 человѣкъ заразъ, выводили на палубу подышать чистымъ воздухомъ; а такъ какъ всѣ ихъ болели, то двѣ пушки были постоянно направлены на то узкое пространство, гдѣ они гуляли. Бѣдный человѣкъ считалъ себя счастливымъ, когда приходила его очередь подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ ничего не ѣлъ и былъ совсѣмъ болѣнъ; по ночамъ, когда на немъ были оковы, и когда отъ качки они перекатывались, онъ горько плакалъ, плакалъ и радовался, что никто не видитъ его слезъ...

Полина слушала, выпуча глаза. — Послушай, дядя, вѣдь это не исторія о господинѣ, котораго съѣли звѣри... это другая? Да?

— Постой, увидишь, отвѣчалъ ей тихо Флоранъ. — Это будетъ дальше. Я расскажу тебѣ всю исторію, съ самаго начала.

Дѣвочка захлопала въ ладоши. Но черезъ минуту личико ея омрачилось, видно было, что она чего-то не могла сообразить.

— Что-же сдѣлалъ этотъ бѣдный человѣкъ? рѣшилась она, наконецъ, спросить, за что услали его въ море, на этомъ кораблѣ?

Лиза и Огюстина переглянулись, онѣ были поражены умомъ дѣвочки. Лиза воспользовалась случаемъ для правоченія и сказала, что въ такихъ корабляхъ отправляютъ и дѣтей, которыя ведутъ себя дурно.

— Конечно, дядя, если твой бѣдный человѣкъ плавалъ по ночамъ, его надо было сослать, сказала малютка.

Лиза продолжала шить, едва удерживаясь отъ смѣху, Кеню ничего не слышалъ изъ ихъ разговора, онъ слишкомъ былъ занятъ своимъ дѣломъ; сало кипѣло и пицало, онъ бросалъ въ него ломтики лука.

— Когда корабль присталъ къ берегу, продолжалъ Флорантъ, бѣднаго человѣка помѣстили вмѣстѣ съ другими, такими-же изгнанными, на островѣ, который назывался островомъ Дьявола. Всѣ они были очень несчастливы. Ихъ заставляли работать, какъ каторжниковъ; смотрѣвшій за ними жандармъ пересчитывалъ ихъ по три раза въ день, чтобы убѣдиться, всѣ-ли на лицо. Впослѣдствіи имъ позволили дѣлать все, что хотятъ, только на ночь ихъ запирали въ деревянную хижину, въ которой между двумя столбами подвѣшены были койки. Черезъ годъ одежда ихъ превратилась въ лохмотья и они ходили босикомъ. Они построили себѣ шалаши, чтобы укрываться отъ палящаго солнца, но шалаши эти не могли спасти ихъ отъ мустиковъ, которые за ночь кусали ихъ до нарывовъ. Нѣсколько умерло, а остальные стали желтыми, худыми, обросли густою бородою, глядѣть на нихъ было жалко...

— Дайте мнѣ сало! воскликнулъ Кеню.

Взявъ большіе куски сала, онъ опустилъ ихъ въ горшокъ, тихонько мѣшая ложкою; густой паръ стоялъ надъ котломъ.

— А что имъ давали ѣсть? спросила съ любопытствомъ Полина.

— Рисъ съ червями, гнилую говядину; изъ рису надо было прежде выбрать червей, чѣмъ ѣсть, а отъ гнилой говядины дѣлалась боль въ желудкѣ.

— Ужъ лучше сухой черннй хлѣбъ! сказала малютка, подумавши.

Лиза съ какимъ-то ужасомъ взглянула на человѣка, который могъ питаться такими гадостями.

— Это было не веселое мѣсто, продолжалъ Флорантъ, безсознательно устремивъ взоръ на плиту. Каждый день новыя непріятности, постоянное злоупотребленіе справедливостью, полное непониманіе человѣческаго достоинства, все это возмущало несчастныхъ и порождало въ нихъ жажду мести. Ихъ превращали въ животныхъ, надъ головами которыхъ вѣчно взвизывался

днуть. Эти несчастные задумали убить этого бѣднаго человѣка. Такія вещи не забываются... За нихъ воздается.

Онъ понизилъ голосъ, его едва было слышно при шумѣ кипѣвшаго сала. Но Лиза его слышала, и съ удивленіемъ глядѣла на измѣнившееся выраженіе его лица. Она невольно подумала: «онъ мастеръ притворяться, какъ онъ умѣетъ скрывать свою злобу подъ личиною доброты».

Произнесенныя, почти шопотомъ, послѣднія слова Флорана, произвели большой эффектъ; интересъ сказки еще болѣе усилился.

— Что-же дальше? кричала дѣвочка.

Флоранъ очнулся и продолжалъ съ грустною улыбкою:

— Бѣдному этому человѣку очень не нравилось на островѣ. Ему такъ хотѣлось убѣжать на видящийся вдалекѣ берегъ! Но это было не легко. Прежде всего надо было построить плотъ; такъ какъ уже прежде случались побѣги между сосланными, всѣ деревья на островѣ были вырублены, чтобы никто не могъ послѣдовать ихъ примѣру. Весь островъ былъ выжженъ солнцемъ и пребываніе на немъ становилось все ужаснѣе. Тогда человѣку этому пришло въ голову употребить въ дѣло балки шалашей. Однажды, вечеромъ, онъ, съ двумя изъ этихъ несчастныхъ, связавъ нѣсколько такихъ балокъ сухими сучьями, пустился въ море. Вѣтеръ понесъ ихъ къ берегу. На разсвѣтѣ ихъ плотъ прибило на песчаную мель и съ такою силою, что онъ разлетѣлся на мелкіе куски. Они чуть не по поясъ увязли въ песокъ, наконецъ, кое-какъ добрались до небольшой скалы, на которой они едва втроемъ помѣстились. Когда взошло солнце, они увидали передъ собою берегъ, тянувшійся полосою по горизонту. Двое изъ нихъ, умѣвшіе плавать, рѣшились доплыть до него. Имъ болѣе улыбалась мысль потонуть, чѣмъ умереть съ голоду. Они обѣщались своему товарищу вернуться за нимъ, если доплывутъ до берега и найдутъ лодку.

— Вотъ теперь начинается исторія о господинѣ, котораго съѣли звѣри! радостно вскричала маленькая Полина. Флоранъ продолжалъ: Они благополучно достигли берега, но онъ оказался совершенно пустыннымъ, только на четвертый день имъ удалось добыть лодку; когда они добрались до скалы, гдѣ былъ ихъ товарищъ, они увидали его лежащимъ на спинѣ, съ отъѣденными руками и ногами, все лице было также изъѣдено, во внутренностяхъ копошились морскіе раки, напоминая шумомъ своимъ предсмертный хрипъ...

— Дайте-ка кровь! требовалъ Кэню. Когда ему подали, онъ влилъ ее въ горшокъ, не переставая мѣшать, затѣмъ прибавилъ пряностей.

— Они его, конечно, тамъ оставили, а сами благополучно вернулись? спросила Лиза.

— Поднялся страшный вѣтеръ и ихъ унесло въ море, отбѣжалъ Флоранъ. Волной унесло одно весло, и съ каждымъ по-

рывомъ вѣтра ихъ лодка наполнялась все больше и больше водою, такъ что имъ пришлось ее выкачивать руками. Такъ въ продолженіи трехъ дней они носились по морю по произволу вѣтра, безъ вусака хлѣба.

— Три дня? Три дня ничего не ѣли? спросила удивленная Лиза.

— Да, три дня ничего не ѣли; когда, наконецъ, западный вѣтеръ прибилъ ихъ къ землѣ, одинъ изъ нихъ былъ такъ слабъ, что къ вечеру-же умеръ, несмотря на всѣ усилія товарищей, заставлявшихъ его жевать листья.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, говорила Лиза, никогда не повѣрю. Развѣ можно быть три дня не ѣвши? всегда найдется что-нибудь поѣсть, хорошо-ли, дурно-ли... Надо быть никому ненужными, брошенными людьми. Она готова была прибавить еще болѣе рѣзкій эпитетъ, но остановилась, взглянувъ на Флорана. Тѣмъ не менѣе, ея презрительная улыбка и увѣренный взглядъ ясно свидѣтельствовали, что по ея мнѣнію только негодяи могутъ голодать; если человѣкъ три дня не ѣлъ, значитъ онъ существо вредное; порядочный человѣкъ не можетъ быть въ такомъ положеніи.

— Когда бѣдный человѣкъ похоронилъ своего товарища, продолжалъ медленно Флоранъ, — онъ пошелъ куда глаза глядятъ. Голландская Гвіана, въ которой онъ находился — страна, покрытая лѣсомъ, вся изрѣзанная рѣками и болотами. Онъ шелъ 8 дней и нигдѣ не встрѣчалъ никакого жилья. Вездѣ онъ чуялъ смерть. Чуть не умирая съ голода, онъ не смѣлъ прикоснуться до прекрасныхъ фруктовъ, которыя висѣли на деревьяхъ, до множества разнообразныхъ ягодъ, которыя ему попадались — вездѣ слышался ядъ. Подъ ногами у него кипели змѣи, надъ головой летали хищныя птицы, въ кустахъ видѣлся въ клубокъ свернувшійся удавъ... Онъ задыхался въ этой атмосферѣ, пропитанной гнилыми испареніями, въ этомъ безконечномъ лѣсѣ... Но едва онъ выбирался изъ лѣса, какъ передъ нимъ разстилалась широкая рѣка, наполненная крокодилами, которые выжидали добычи... Приходилось переплывать ее мѣстами, а тамъ опять безконечные лѣса... или непроходимые болота, покрытыя густою травою, которыя издалека казались зелеными лугами; но едва ступивъ на нихъ, онъ проваливался чуть не по самое горло въ вонючую жидкость. Онъ едва не завязъ въ такомъ болотѣ, и только спасся, благодаря тому, что ухватился за вѣтку дерева. Когда онъ, наконецъ, добрался до человѣческаго жилища, онъ былъ неузнаваемъ, весь ободранный, въ крови, искушенный разными насѣкомыми, онъ казался такъ страшнѣе, что ему бросали издалека кусокъ хлѣба, охраняя съ ружьемъ входъ жилища.

Флоранъ замолчалъ. Казалось, онъ рассказывалъ все это себѣ самому. Пелена дремала и только изрѣдка съ усиліемъ раскрывала глаза.

— Ну, а бѣдный человѣкъ? спросила маляутка сквозь сонъ. Флоранъ тихонько началъ ее на колѣняхъ и продолжалъ едва слышнымъ голосомъ:

— А бѣдный человѣкъ добрался до большого города. Сперва его приняли за бѣглаго каторжника и продержали нѣскольکو мѣсяцовъ въ тюрьмѣ... Потомъ его выпустили; онъ всячески зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, занимался счетоводствомъ, училъ дѣтей, разъ даже было нанялся въ землекопы... Его мечтою было вернуться на родину. Онъ скопилъ немного денегъ, какъ вдругъ заболѣлъ жестоко лихорадкою. Думали, что онъ умретъ, и всѣ его вещи растаскали, у него не осталось даже рубашки... Пришлось копить снова. Онъ былъ долго боленъ, думалъ, что ужъ никогда не увидитъ своей родины, но онъ поправился и возвратился въ свое отечество.

Послѣднія слова онъ сказалъ шопотомъ. Маленькая Полина крѣпко спала, склонившись головкой на плечо Флорана. Онъ ее тихонько началъ. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. Въ это время постукали въ дверь. Вошелъ Гаваръ. Обыкновенно онъ проводилъ вечера у г. Лебигра. Онъ пришелъ за окончательнымъ отвѣтомъ, согласенъ-ли Флоранъ занять мѣсто надзирателя надъ рыбнымъ рядомъ.

— Понимаете, говорилъ онъ,—г. Верлакъ серьезно боленъ и дольше не можетъ ждать. Я обѣщалъ дать завтра отвѣтъ.

— Флоранъ согласенъ, сказала Лиза, загусывая колбасу.

Флоранъ хотѣлъ встать со стула и протестовать, но онъ находился въ какомъ-то странномъ, бессильномъ состояннн.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжала Лиза,—это дѣло рѣшенное. Не довольно вы развѣ страдали, Флоранъ; страшно подумать, чего вы не вынесли. Пора вамъ образумиться. Вы изъ хорошаго семейства, получили образование и вамъ не къ лицу шататься по большимъ дорогамъ, быть бездомнымъ. Въ ваннн года непростительно быть ребенкомъ. Положимъ, вы надѣлали много глупостей въ вашей жизни, но все это охотно вамъ забудется, простится. Вы снова вернетесь въ вашу среду, т. е. въ среду людей честныхъ, и будете жить, какъ всѣ живутъ.

Флоранъ безмолвно слушалъ ее. Онъ вѣрилъ ей. Быть не можетъ, чтобы эта спокойная, непорочная женщина могла желать кому-нибудь зла. Скорѣе онъ, худой, черный, измученный, можетъ ошибаться и не умѣть отличить зла отъ добра. Онъ рѣшительно не помнилъ, что заставляло его до сихъ поръ сопротивляться.

А Лиза продолжала все тѣмъ-же материнскимъ тономъ:

— Сдѣлайте это хоть для насъ, Флоранъ, говорила она. — Мы занимаемъ здѣсь хорошее положеніе и не имѣемъ права пренебрегать имъ. Я боюсь, чтобы не было какихъ толковъ. Это мѣсто разомъ поставитъ васъ на настоящую ногу, и для насъ будетъ честь имѣть такого родственника.

Флораномъ овладѣло какое-то странное чувство доводства.

Онъ съ наслажденіемъ вдвигалъ въ себя кушонный запахъ, упивался запахомъ колбасы, сала—ему было тепло, хорошо, и вдругъ захотѣлось, чтобы всегда такъ было. Видъ свавшаго рыжаго кота окончательно разсѣялъ всё сомнѣніе. Съ завистью глядя на него, лежащаго на спинѣ, подвернувашаго подъ себя хвостъ и прикрывшаго лапками, онъ проговорилъ:

— Было-бы слишкомъ глупо... Я согласенъ. Скажите, Гаваръ, что я принимаю это мѣсто.

Кэню и Гаваръ поздравляли его, а Лиза доѣла колбасу, вытерла руки, и такъ какъ было уже поздно, подала свѣчку Флорану и тихо взглянула на него своими добрыми телячьими глазами.

Три дня спустя, всё формальности въ префектурѣ были кончены, и Флоранъ назначался временнымъ надзирателемъ рыбнаго ряда, до выздоровленія настоящаго. Когда онъ выходилъ изъ префектуры съ Верлакомъ, Гаваръ поджидалъ ихъ на тротуарѣ. Онъ былъ необыкновенно доволенъ; смѣялся изподтишка, подмигивалъ Флорану, и толкалъ его локтемъ въ бокъ. Городскіе сержанты, которые встрѣтились имъ на набережной вѣроятно казались ему очень смѣшными, потому что проходя мимо ихъ, онъ наклонялъ голову и слегка подымалъ плечи, съ видомъ человѣка, сдерживающаго себя, чтобы не фыркнуть отъ смѣха въ лицо этимъ людямъ.

На слѣдующее же утро Верлакъ самъ посвящалъ Флорана въ его новыя обязанности. Это былъ маленькій, блѣдный человѣчекъ, безпрестанно покашливавшій, весь окутанный фланелью, фуларами, кашъ-не, и съ тоненькими, худыми ножками большого ребенка. Когда они пришли въ рыбный рядъ, въ семь часовъ утра, у Флорана закружилась голова. Вокругъ девяти аукціонныхъ скамеекъ уже толкались перекупщицы; появились чиновники, а агенты экспедиторовъ сидѣли на стульяхъ, противъ бюро продажи, въ ожиданіи сбора. Въ пространствѣ, окруженномъ скамьями выгружали морскую рыбу. Ящики, бочки, то и дѣло прибывали. Приемщица съ удивительною ловкостью раскупоривала ихъ, сортируя рыбу по лоткамъ и корзинамъ.—Всевозможныя рыбы, какъ онѣ были захвачены сѣтями, представлялись взору Флорана, освѣщенныя солнцемъ; цвѣта перламутра переливались на ихъ чешуѣ. Флоранъ, взглянувъ, едва могъ слѣдить за объясненіями Верлака. Морской вѣтеръ, горькій и соленый внезапно подувъ ему въ лицо, напомнилъ ему берега Гвіаны, въ ясный день плаванія. Верлакъ сталъ кашлять, и еще больше закутался въ свой кашъ-не. «Теперь перейдемъ къ рѣчной рыбѣ», сказалъ онъ.

Тамъ, около павильона плодовъ, послѣдняго къ улицѣ Рамбюто, аукціонную скамью окружали два круглыхъ сада, раздѣленныхъ на клѣтки чугунными рѣшотками. Изъ мѣдныхъ краповъ, имѣвшихъ форму лебединой шеи, бѣжала тонкая струя

воды. Въ каждой кѣткѣ ныли раки, чернѣли спины карповъ, извивались, шлетались узлами угри. Верлакъ еще сильнѣе закашлялся. Здѣсь тоже была смръсть, но болѣе прѣсная и пахло стоячей водой.

Они вернулись къ морской рыбѣ. Верлакъ всюду водилъ Флорана, показавъ помѣщеніе конторы и вдавался въ мельчайшія подробности; онъ называлъ ему персоналъ главнаго бюро; рассказывалъ, что существуютъ два контроля, одинъ контроль сенской префектуры, другой префектуры полиціи, и что между ними происходятъ иногда столкновенія, и пр. и пр. но Флорантъ слушалъ его разсѣянно. Вниманіе его отвлекла сначала сидѣвшая противъ него на высокомъ стулѣ, счетчица, высокая, черноглазая, лѣтъ тридцати, весьма положительная на видѣ, и которая писала выткнувъ пальцы, какъ дѣвица, получившая воспитаніе въ пансіонѣ; потомъ старая и непомѣрно жирная кассирша, укладывавшая въ столбики мѣдную и пятифранговую монету; наконецъ его поразилъ громовый голосъ аукціониста. Аукціонистъ этотъ былъ горбатъ, съ выдающимися скулами, съ всклокоченными волосами, и въ синемъ передникѣ, доходившемъ до шеи, какъ баветка у маленькихъ ребятъ. Онъ стоялъ на высокой скамьѣ и простиралъ передъ собой руку, всаркивая каждую цифру съ какимъ-то увлеченіемъ; повторая еѣ на всѣ лады, прохода при этомъ странную гамму.

— Этотъ Логръ, сказалъ Верлакъ, удивительный аукціонистъ! лучше его нѣтъ во всемъ ринкѣ. Онъ способенъ продать пошву за камбалу!

Аукціонъ морской рыбы въ особенности былъ оживленъ. Здѣсь толпилось столько народу, что Верлакъ долженъ былъ прочищать себѣ дорогу локтями; крупныя веркушницы наполняли корзины носильщиковъ—палтусами, скатами, лососями; мелкія уличныя торговки, дѣлили между собой купленную въ складчину селедку; были тутъ и буржуа, изъ отдаленныхъ кварталовъ, забравшіеся въ рыбный рядъ съ четырехъ часовъ утра, за тѣмъ, чтобъ кушть себѣ на обѣдъ свѣжей рыбы, и кончавшіе тѣмъ, что накупили ее на 40 или 50 франковъ, и потомъ дѣлныи день—уступали своимъ знакомымъ. Крикъ, шумъ и гамъ дошли до такой степени, что Верлакъ совсѣмъ отказался отъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Стало быть рѣшено, что вы насъ оставляете г. Верлакъ; спросила его прекрасная Нормандка, торговавшая отличнаго палтуса, когда надзиратель столкнулся съ ней.

— Да, да, отвѣчалъ маленькій человѣчекъ, хочу отдохнуть въ деревнѣ Клармаръ. Должно быть запахъ рыбы мнѣ вреденъ. И указывая на Флорана, прибавилъ: вотъ господинъ, который займетъ мое мѣсто.

Нормандку эта новость такъ озадачила, что она едва пришла въ себя; и Флорану неказалось, что когда онъ удалился, она сказала своимъ сосѣдкамъ:

— Погодите же! мы потѣшимся.

Аукціонъ рѣчной рыбы шолъ далеко не такъ бойко. Верлакъ замѣтилъ, что эта торговля въ упадкѣ; и что ловъ рѣчной рыбы во Франціи значительно уменьшается. Аукціонистъ, поджарый блондинъ, вяло однообразнымъ тягучимъ голосомъ и безъ всякихъ жестовъ оцѣнивалъ угрей и раковъ. Протискиваясь на обратномъ пути сквозь толпу, Флоранъ объявилъ наконецъ Верлаку, что онъ все понялъ, и что пора возвратиться домой. Этотъ первый день, проведенный Флораномъ въ его новой должности, произвелъ на него далеко не хорошее впечатлѣніе. Онъ сожалѣлъ, что уступилъ Лизѣ, и чуть не со слезами на глазахъ упрекалъ себя въ малодушіи, въ слабости; но уже не посмѣлъ отказаться, нѣсколько побаиваясь Лизы и предвидя нѣмой упрекъ на лицѣ ея; она казалась ему женщиной слишкомъ серьезной, и слишкомъ довольной для того, чтобы можно было противорѣчить ей. Къ счастью Гаваръ внушилъ ему мысль, которая его немного утѣшила. Въ тотъ же самый день, когда надзиратель водилъ по рыбному ряду Флорана, Гаваръ взявъ его подъ руку, объяснилъ ему вполголоса, что «этотъ несчастный Верлакъ» находится въ очень бѣдственномъ положеніи; и что было бы великодушно оставить ему часть его ежемѣсячнаго содержанія, хоть 50 франковъ изъ 150-ти. При этомъ онъ, конечно, не преминулъ выбрать администрацію, которая такъ скудно вознаграждаетъ своихъ чиновниковъ. Флоранъ согласился на это предложеніе съ радостью, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ чемъ не нуждался, спалъ и ѣлъ у своего брата; и слѣдовательно, поступить такъ предписывала ему даже справедливость. Гаваръ, однакоже, счелъ нужнымъ прибавить, «что вѣдь это вѣроятно продолжится недолго, потому что бѣдникъ въ сильнѣйшей чахоткѣ». Рѣшено было, что Флоранъ повидается съ женою Верлака — и уговорится съ ней, чтобы не оскорбить самолюбія ея мужа. Это доброе дѣло нѣсколько облегчило его. Онъ принималъ должность съ мыслью самопожертвованія, и такимъ образомъ возвращался къ роли всей своей жизни. — Но онъ просилъ Гавара никому не говорить объ этой сдѣлкѣ. И такъ какъ тотъ самъ ощущалъ передъ Лизой нѣкоторый страхъ, то на этотъ разъ, вопреки своему обыновенію, сохранилъ тайну. Тогда въ колбасной опять водворилось полное согласіе. Лиза выказывала Флорану самое искреннее расположеніе; посылала его рано спать, для того, чтобы онъ могъ встать рано; завтракъ подавала ему всегда горячій; и уже не стыдилась разговаривать съ нимъ на улицѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ носилъ фуражку съ галуномъ. Кэню восхищенный этими добрыми отношеніями, никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ эти дни, — сидя за столомъ между женою и братомъ. Обѣдъ ихъ тянулся иногда до девяти часовъ. Болтали о разныхъ новостяхъ и происшествіяхъ въ омолодѣ; Флоранъ долженъ былъ рассказывать, хорошо ли торговали въ рыбномъ

ряду... Онъ мало по малу начиналъ втягиваться въ эту спокойную, правильную, сонливую жизнь...

Но видно ему не суждено было долго пользоваться расположением прекрасной Лизы. Случились событія, снова возстановившія ее противъ него.

Флорану, въ первое время его службъ—приходилось въ рыбномъ ряду очень жутко. Противъ него составилаь сильная оппозиція подь предводительствомъ Нормандки и матери ея—старухи Мегюдень. Нормандка и спала и видѣла, какъ бы отместить Лизѣ, и кузень былъ готовой жертвой. Таитика ея закичалась въ томъ, чтобы вовлечь ее въ какую нибудь ссору. Она поклалась, что болѣе двухъ недѣль онъ не останется на своемъ мѣстѣ. Когда Флоранъ обходилъ медленными шагами рядъ, она напускала на себя какую то неестественную веселость, хохотала ему въ лицо, или отвертывала крань и наводнила всю аллею. Флоранъ оставался невозмутимымъ. Но однажды утромъ война началась открытая. Флоранъ увидѣлъ на мраморѣ стола, посреди превосходной свѣжей рыбы всякаго рода, протухлаго ската, и велѣлъ его выбросить. Нормандка только хихикала, притворяясь будто не слышитъ его словъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ ее кусающую губы, чтобы не расколотаться. Она была какъ-то особенно нарядна. Никогда онъ не замѣчалъ на ней столько дорогихъ вещей. Масса колець, брошка, длинная серьга, тяжелая цѣпь,—все это блестяло на солнцѣ. Она глядѣла на Флорана въ упоръ, не отвѣчая. Онъ повторилъ:

— Развѣ вы не слышали, бросьте этого ската.

Онъ не замѣтилъ старухи Мегюдень, сидѣвшей гдѣ то сзади на стулѣ. Она встала, и опершись кулаками на мраморный столъ нахально произнесла:

— Скажите пожалуйста! Зачѣмъ это она будетъ его бросать? Вы что ли за него заплатите?

Тогда Флоранъ выдвинулъ изъ подь скамьи помойную лопань, и самъ бросивъ въ нее ската, молча удалился, сопровождаемый хохотомъ, пиканьемъ и свистомъ. Каждый день продѣлывали съ нимъ что нибудь новое. То пускали въ него струю изъ губокъ, то онъ чуть не падалъ, потому что торговки разбрасывали по аллеѣ рыбную шелуху и всякую дрянь. Однажды, когда двѣ торговки за что-то поссорились, и онъ явился чтобы предупредить драку, на него посыпался градъ мелкой рыбы, такъ что онъ принужденъ былъ даже присѣсть, чтобы его не задѣли по лицу. Онъ слышалъ вокругъ хохотъ, и понималъ, что ссорившіяся торговки были въ заговорѣ съ Мегюденами. Ремесло учителя приучило его къ терпѣннѣ, и онъ умѣлъ себя сдерживать, даже когда желчь кипѣла въ немъ, но никогда не приходилось ему выносить отъ школьниковъ того, что онъ выносилъ теперь отъ этихъ колоссальныхъ и толстыхъ бабъ,ivotи и двойные подбородки которыхъ тряслись отъ радости,

когда какаянибудь штука, выкинутая надъ нимъ, удавалась. Только Гаваръ могъ чувствовать себя совершенно счастливымъ между этими безстыдными самцами, пропитанными рыбнымъ запахомъ; и когда онъ уже слишкомъ напирала на него, стискивали его совсѣхъ сторонъ, то довольствовался тѣмъ, что хлопалъ вправо и влѣво по широкимъ спинкамъ. Злоба Нормандки и ея матери дошла до послѣдней крайности, когда Флоранъ не только заставилъ ихъ возвратить десять франковъ одной кухаркѣ, которую онъ надули, продавъ ей испорченную рыбу, да еще въ добавокъ приволокли; но даже лишивъ ихъ права торговать на цѣлую недѣлю. Хотя по прошествіи этого срока онъ стали держать себя гораздо скромнѣе и тише; но не переставали думать о мщеніи. Нормандка подовѣрѣвала, что Флоранъ дѣйствовалъ по наущенію Лизы, которая, встрѣтивъ ее на другой день послѣ этого происшествія, взглянула на нее, какъ ей показалось, торжествующимъ взглядомъ; и потому она поклялась, что колбасница дорого заплатитъ за свое торжество. Безконечныя совѣщанія происходили по этому поводу между Нормандкой, мадамъ Лекёръ, Сарбеттой и мадмуазель Саже; но наболтавшись досыта о развратѣ Лизы и ея кузена, и о волосахъ, которые попадаютъ въ колбасу Бэню,—онъ все таки не могли придумать ничего такого, чтобы вполнѣ удовлетворяло, жаждавшую какойнибудь необычайной мести, Нормандку. Ей хотѣлось поразить соперницу въ самое сердце.

Но посреди этихъ необузданныхъ самокъ, Флоранъ совсѣмъ неожиданно нашелъ друга въ младшей дочери Мегюдень—Кларі, которую Клодъ сравнивалъ съ мадонной Мурильо. Семья Мегюденовъ была родомъ изъ Руана; мать любила рассказывать, какъ она пріѣхала въ Парижъ, съ угрями въ корзинѣ. Съ той поры она не покидала рыбной торговли. Она вышла замужъ за мелкаго чиновника, который умеръ, оставивъ ей двухъ маленькихъ дочерей. Прозвище «прекрасной Нормандки» дочь ея унаслѣдовала отъ нея. Когда-то и она славилась своей свѣжестью и своими широкими бедрами. Теперь ей было за шестьдесятъ; кожа ея поснѣгла и голосъ охрипъ, посреди вѣчной сырости, въ которой она жила; разбухшая, разжирѣвшая отъ сидячей жизни, съ головой откинутой назадъ, она поражала своей обширностью, своими по истинѣ колоссальными размѣрами. Никогда она не хотѣла разстаться съ модой своего времени и продолжала носить пестрое платье съ разводами и классическій бѣлый чепецъ прежнихъ пуассардокъ, *dames de la halle*, о правахъ которыхъ она безпрестанно рассказывала, примѣшивая къ своимъ воспоминаніямъ разныя гурьевныя исторіи о дракахъ съ полиціей, о представленіяхъ ко двору при Карлѣ X и Луи Филиппъ,—въ шелковомъ платьѣ, съ букетомъ въ рукѣ. Старуха Мегюдень долго оставалась хоругвеносицей, въ братствѣ Богородицы, въ Сентъ-Лё. На церковныя процессіи она

являлась въ толговомъ платьѣ и чепцѣ съ атласными лентами, и высоко держала золотое древко, съ шелковнымъ, окаймленнымъ богатой бахромой знаменемъ, на которомъ красовалось вышитое изображение Пречистой Дѣвы. Въ окологдѣ толковали, что у старухи Мегюдеа много денегъ. Но это не подтверждалось ничѣмъ, кромѣ обилія разныхъ массивныхъ, золотыхъ вещей, которыми она щеголяла по праздничнымъ днямъ. Дочери ея же ладили между собой. Меньшая постоянно жаловалась на грубость Норманди, и говорила, что никогда не будетъ нянькой ея. Такъ-какъ дѣло могло у нихъ дойти, наконецъ, до драки, то мать разлучила ихъ. Она уступила старшей, Луизѣ, свою скамью въ ряду морской рыбы, а меньшей, Кларѣ—отвела мѣсто, гдѣ продавалась рѣчная. Сама-же, старуха, несмотря на свои многократныя заявленія, что она совсѣмъ оставляетъ рынокъ, непрестанно переходила отъ одной дочери къ другой, вмѣшиваясь въ ихъ торговлю и надѣдая имъ своими грязными и дерзкими выходками. На рынкѣ она была силой, авторитетомъ, и самъ Верлакъ, посвящая Флорана въ его новую должность, намекалъ ему, что нужно быть снисходительнымъ къ ней. Прекрасная Норманда была нѣкоторое время невѣстой одного домогщика при хлѣбномъ рынкѣ; но, за нѣсколько дней до свадьбы, женихъ ея умеръ, задавленный упавшимъ на него мѣшкомъ съ мукой. Это не помѣшало ей, однакожъ, черезъ семь мѣсяцевъ родить здороваго толстенькаго ребенка. Знакомые Мегюденовъ называли ее вдовой, и старуха говорила обыкновенно: «когда зять мой былъ живъ...»

Но Клара, далеко не отличалась такой снисходительностью, какъ сестра ея. Чуждая всякаго кокетства, она одѣвалась небрежно, ходила часто нечесаная, носила грубую обувь и дурно шитыя платья, висѣвшія на ней, какъ на пальѣ. Когда Луиза, вся испещренная разноцвѣтными бантами, смѣялась надъ ея шейнымъ платочкомъ съ узломъ на боку, она только презрительно улыбалась. Рассказывали, что сынъ какого-то богатаго лавочника, ухаживалъ путешествовать, съ горя, что не могъ добыться отъ нея ни одного ласковаго слова. Клара, была какое-то оригинальное, фантастическое существо—кроткое, мягкое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрямое и независимое. Она жила всегда одна, особнякомъ, дѣлая все по своему, не такъ, какъ другіе, и часто наперекоръ другимъ. У ней замѣчались какія-то странныя выходки: нынче она удивляла своей прямою, завтра возмутительною несправедливостію. Она способна была порой взбунтовать весь рынокъ, неожиданно повышая или понижая цѣну безъ всякой причины. Клара, видя какимъ преслѣдованіемъ подвергался Флоранъ, по милости сестры ея, тотчасъ-же приняла его сторону, и объявила, что новый надзиратель хорошій человекъ. Когда онъ проходилъ мимо ея, она ему улыбалась, заговаривала съ нимъ, показывала ему своихъ рыбъ, заставляла его брать въ руки ея угрей, и добродушно смѣясь учила, какъ

должно держать ихъ, чтобъ они не ускользнули. Эта симпатія Клары была для Флорана нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя и привлекала на него часто довольно грязныя шуточки, слушая которыя, онъ только пожималъ плечами. О матери своей и Нормандиѣ, она говорила, что онѣ обѣ дрянъ, и что не стоить обращать на нихъ вниманіе. Несправедливость къ Флорану всего рынка, приводила ее въ негодованіе, и когда Флоранъ лишилъ старуху Мегюденъ и старшую дочь ея права торговать, она не побоялась открыто выразить ему свое одобреніе; и, вслѣдствіе этого, обѣ сестры, возвратясь вечеромъ домой, чуть-чуть не вцѣпились другъ другу въ волосы.

Но вскорѣ одно обстоятельство примирило Нормандку съ Флораномъ, и въ тоже время поселило въ ея сердцѣ надежду отомстить ненавистной Лизѣ самымъ чувствительнымъ образомъ. Семилѣтній сынъ ея росъ на рынкѣ безъ всякаго призору. Цѣлые дни сновалъ онъ между торговками, у которыхъ научился самымъ отвратительнымъ, гнуснымъ, ругательствамъ. Торговки покатывались со смѣху, когда неизсякаемый потокъ подобныхъ ругательствъ лился изъ устъ этого голубоглазого ребенка, походившаго прелестнымъ личіемъ на херувима, а грубостью и цинизмомъ, не уступавшаго любому жандарму. Въ холодѣ онъ обыкновенно убѣгалъ погрѣться въ контору надзирателя, гдѣ пылалъ каминъ. Тамъ увидалъ его однажды Флоранъ, котораго онъ сразу поразилъ какой-то цинической выходкой о своей тѣткѣ Клэрѣ. Флоранъ, очень любившій дѣтей, заинтересовался этимъ страннымъ существомъ. Ему сдѣлалось жаль его. Онъ началъ ласкать ребенка, позволяя ему жарить въ каминѣ маленькія рыбки, которыя ему удавалось подтабрить на рынкѣ; и, наконецъ, рѣшился заняться его воспитаніемъ. Мысль сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка, засѣла въ головѣ Флорана. Ему казалось, что возвратилось то время, когда онъ жилъ съ Кэню, въ улицѣ Ройс-Коляръ. Однажды, онъ принесъ азбуку и предложилъ ребенку учиться. Тотъ согласился охотнѣе. Картинки въ азбукѣ очень забавляли его. Ребенокъ приводилъ Флорана въ восхищеніе своими способностями, и самъ скоро привязался къ нему. Въ два мѣсяца Флоранъ выучилъ его читать и писать. Возвращаясь по вечерамъ домой, ребенокъ то и дѣло толковалъ матери о своемъ добромъ другѣ Флоранѣ; то добрый другъ Флоранъ нарисовалъ ему деревцо и домикъ, то далъ ему какой нибудь гостинецъ, то онъ говорилъ, что люди будутъ лучше, когда они всѣ научатся грамотѣ, и при этомъ дѣлалъ такой-то жестъ, такъ что Нормандка узнавала множество подробностей о человѣкѣ, котораго готова была задушить. Она попробовала-было разъ не пустить ребенка къ надзирателю, и запереть въ комнатѣ; но мальчуганъ поднялъ такой ревъ, что она уже на другой день не удерживала его. Несмотря на свой смѣльный видъ, она не отличалась твердымъ характеромъ. Когда сынъ ея возвращался домой съ сухими но-

гамн, и рассказывалъ, какъ ему было тепло въ конторѣ, она чувствовала нѣкоторую благодарность за то, что его пригрѣвали; а когда онъ однажды прочелъ нѣсколько строкъ, на листѣ бумаги, въ которую былъ завернуть кусокъ рыбы, то это ее даже тронуло. Мало-по-малу она приходила къ убѣжденію, что Флоранъ совсѣмъ другой человекъ, и у ней явилось непреодолимое желаніе посмотрѣть на него поближе, проникнуть въ его домашній бытъ. Потомъ, вдругъ ее осѣнила мысль отбить его у Лизы. И съ этой поры она рѣшилась быть съ нимъ какъ можно любезнѣе. Вотъ будетъ потѣха, думала она, какъ я ихъ поспорю.

— Что, учитель говорить съ тобой обо мнѣ? спросила она, однажды, сына.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мальчикъ. Мы занимаемся.

— Такъ скажи ему, что я на него не сержусь больше, и очень благодарна ему за то, что онъ тебя учитъ.

Миръ былъ такимъ образомъ заключенъ. Ребенокъ безпрестанно бѣгалъ теперь отъ матери къ учителю, и отъ учителя къ матери, съ разными порученіями, любезностями, вопросами и отвѣтами. Нормандка, чтобы не показаться робкой, сама разъ пришла на урокъ. Флоранъ былъ очень сконфуженъ. Она осмыслала его комплиментами. Онъ говорилъ все болѣе о ребенкѣ. Наконецъ, она предложила Флорану приходить заниматься къ нимъ на домъ, и даже упомянула о деньгахъ за ученье. Флоранъ покраснѣлъ, и сказалъ, что онъ станетъ ходить только подъ условіемъ—чтобы о деньгахъ не было рѣчи. Тогда Нормандка обѣщала себѣ, что вознаградитъ его подарками — рыбой.

Сближеніе его съ Нормандкой очень разсердило Клару. Она стала отворачиваться отъ него, и совсѣмъ съ нимъ не говорила.—Старуха Мегюдень также продолжала его ненавидѣть.

Около восьми мѣсяцевъ прожилъ такимъ образомъ Флоранъ на центральномъ рынкѣ. Послѣ долгихъ страданій, онъ наконецъ велъ такую правильную однообразно-спокойную жизнь, что даже не зналъ существуетъ ли онъ. Каждый день онъ видѣлъ себя на томъ креслѣ, въ той же тѣсной конторѣ надзирателя рыбнаго ряда. Эта походившая на каюту, плохо меблированная комната, ему нравилась; онъ удалялся туда отъ рыночнаго гула; и воображалъ себя на какомъ-нибудь островѣ посреди бушевавшаго моря. Но мало-по-малу смутное безпокойство стало овладѣвать имъ; онъ дѣлался недоволенъ, упрекалъ себя за ошибки, которыхъ не опредѣлялъ съ точностью; возмущался пустотой, которую чувствовалъ и въ головѣ и въ сердцѣ. Наконецъ, зловоніе, гнилыя испаренія доводили его до тошноты. Его начинала томить тоска; нервы его были раздражены... Всѣ дни его походили одинъ на другой. Каждое утро около него раздавался все тотъ же шумъ и гамъ; онъ рассказывалъ впадъ и впередъ, наблюдая за порядкомъ, разбирая иногда по

цѣлымъ часамъ какія-нибудь глупыя ссоры, слыша одни только ругательства; когда запирались рѣшотки павильоновъ, онъ уносилъ съ собой запахъ рыбы, на платкѣ, на бородѣ, въ волосахъ.

Притомъ же эта грубая, среда эти женщины съ своими крупными словами и нахальными жестами, какъ будто также заразившимися зловоніемъ, возмущала его; хотя онъ былъ добръ отъ природы и не скоро выходилъ изъ себя — женщины стѣсняли его. И Нормандка и Лиза положительно безновоеили его своимъ смѣхомъ. — Онъ отводилъ только душу съ мадамъ Франсуа, которую навѣщалъ по временамъ. Она всегда такъ рада была видѣть его, слышать, что онъ не въ нуждѣ, и смѣялась совсѣмъ иначе, нежели тѣ. И какая это была добрая, неутомимая работница! Онъ видѣлъ какъ она тащилась подъ проливнымъ дождемъ на своей тележкѣ, колѣса которой до половины вязли въ грязи...

Флоранъ роковымъ образомъ возвратился къ политикѣ. Онъ слишкомъ много страдалъ отъ нея, чтобы оставаться ей чуждымъ. Еслибъ не обстоятельства, изъ него бы вышелъ хорошій провинціальный учитель, довольный своимъ мирнымъ, спокойнымъ городкомъ. Но съ нимъ поступили какъ съ волкомъ; изгнаніе развилось въ немъ потребность борьбы, и онъ не терялъ надежды еще когда-нибудь отмстить за попорченную справедливость, за оскорбленное челоуѣчество, за свои незаслуженныя муки. Это нервное разстройство, которое онъ теперь испытывалъ, было только пробужденіемъ заснувшихъ, на нѣкоторое время, кайенскихъ мечтаній его о подобномъ отмщеніи. Центральный рынокъ только ускорилъ кризисъ. Здѣсь лавочническое брюхо, брюхо ограниченной самодовольной честности, грѣлось на солнцѣ, находя, что все шло какъ нельзя лучше и что никогда благонамѣренные люди не жырѣли такъ отлично. И чувство ненависти овладѣло всѣмъ существомъ его. Кулаки его невольно сжимались, онъ готовъ былъ на бой, и мысль о ссудѣ, о всемъ, что онъ перенесъ, приводила его теперь еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ ярость.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

СХХV.

ВАНДОМСКАЯ КОЛОНА, НЕДОВОЛЬСТВО БОНАПАРТИСТОВЪ И
СЛІЯНІЕ ЦЕНТРОВЪ.

Долгъ, заключенный предводителями парламентской революціи 24-го мая съ ихъ союзниками, бонапартистами, былъ выплаченъ 30-го вотированіемъ закона, предписывающаго возстановленіе Вандомской колонны въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она существовала въ моментъ разрушенія ея коммуною. Рабочіе уже работаютъ, а судебные пристава для покрытія издержекъ захватываютъ все, что только могло принадлежать живописцу Курбе.

Напрасно предлагалъ принцъ Жуанвильскій поставить на вершину памятника великой арміи не императора, а простаго солдата. Даже маленькій капралъ въ сѣромъ сюртукѣ, которому ложная демократическая легенда придала такую популярность, не будетъ снова поставленъ на мѣсто, съ котораго его снялъ Наполеонъ III. На вершинѣ колонны красоваться будетъ въ римскомъ костюмѣ корсиканскій цезарь, развратившій французскую революцію и навлекшій на Францію три нашествія.

Противъ этой императорской реставраціи возстали только шестьдесятъ радикальныхъ депутатовъ и между ними всего одинъ военный — полковникъ Данферъ-Рошро, защитникъ Бельфора. Сотня другихъ республиканцевъ, даже изъ самыхъ передовыхъ, какъ, напримѣръ, Гамбетта, воздержались отъ подачи голоса, не желая прославлять имперіи, но и не рѣшаясь возстать противъ предразсудковъ старыхъ солдатъ. Но Тьеръ, его прежніе министры и друзья увеличили своими голосами большинство до 466 голосовъ. Это было совершенно естественно. Законъ 30-го мая не былъ случайнымъ предложеніемъ новаго правительства; онъ явился на обсужденіе собранія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ по соглашенію съ парламентскою комиссіею бывшимъ министромъ изящныхъ искусствъ, республиканцемъ Жюлемъ Синомомъ.

Тѣмъ не менѣе, бонапартисты возликовали по поводу поставленія торжествующаго императора надъ крышами Парижа такъ-

же, какъ будто-бы дѣло шло о низверженіи „чернаго старца“ — буржуа-историка, наивнаго апологиста Наполеона I.

— Побѣда воздвигла эту колонну, — кричали они въ своемъ „Gaulois“, — побѣда-же и поднимаетъ ее, побѣда надъ внутреннимъ врагомъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ врагъ внѣшній... Жаль, что мы не можемъ поставить ее на тѣлахъ всѣхъ враговъ Франціи... Это уже не просто поднятіе колонны, а поднятіе самой Франціи!

Всѣ органы партіи Седанскаго привидѣнія, торжествуя „нравственное“ возвращеніе имперіи и императора, требовали, въ видѣ санкціи побѣды, истребленія побѣжденныхъ. Своєю кровавою прозою они кричали *Vae victis!* и молили маршала Макъ-Магона исполнить свою „президентскую задачу“, которая заключается именно въ истребленіи республики и республиканцевъ.

— Нужно, кричала каждый день „Раус“:— касаться непріятеля только для того, чтобы убить его. Мы коснулись республики... Цицеронъ былъ такъ-же великъ тѣмъ, что велѣлъ задупить Катилину, какъ Сципионъ тѣмъ, что побѣдилъ Аннибала. Пусть маршалъ Макъ-Магонъ вспомнить, что онъ былъ названъ за это „*pater patriae*“, *отцемъ отечества!*

Я не смѣю утверждать, чтобы всѣ эти побужденія къ новому *coup d'état* остались напрасными, еслибы гдѣ-нибудь былъ данъ къ этому малѣйшій поводъ. Но повторяясь среди невозмутимаго общественнаго спокойствія, всѣ подобныя заявленія компрометировали только правительство, къ которому они были обращены, и не позволяли ему сдѣлать всего, что онъ хотѣло, въ пользу такихъ ревностныхъ союзниковъ.

Мѣсто главнокомандующаго версальскою арміею, оставшееся вакантнымъ послѣ возведенія Макъ-Магона въ президенты, предназначалось, повидимому, Канроберу, единственному изъ маршаловъ, котораго еще можно было-бы допустить на дѣйствительную службу. Но совѣтъ министровъ возсталъ противъ этого по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что общественное мнѣніе могло-бы увидѣть въ назначеніи одного изъ главныхъ руководителей 2-го декабря приготовленіе третьяго 18 брюмера; и во-вторыхъ, потому, что преобладающій въ правительствѣ, орлеанистскій элементъ дѣйствительно боится бонапартизма. Канроберъ, надѣясь на поддержку маршала-президента, протестовалъ противъ передачи начальствованія версальскою арміею де-Ладмирд, простому дивизионному генералу. Онъ подалъ просьбу объ отставкѣ отъ званія президента главнаго военнаго совѣта. Бонапартистская печать вознегодовала; но такъ-какъ уже не было возможности смѣнить парижскаго губерпатора, Канроберъ уступилъ настояніямъ президента республики и взялъ назадъ свою отставку.

Съ партіею, претендовавшею на львиную долю при дѣлежѣ высшихъ мѣстъ республики, случилось еще нѣчто гораздо болѣе непріятное. Леонъ Рено, орлеанистъ, сохранилъ за собою полн-

цейскую префектуру, а лицо, которому она была-бы поручена, еслибы протезе Тьера, другъ графа Парижскаго, подалъ въ отставку, депутатъ Меттetalъ—громко отрeкся отъ всякаго участія въ переворотѣ 2-го декабря, отъ всякой связи съ политическимъ режимомъ, во время котораго онъ двадцать лѣтъ занималъ одну изъ важнѣйшихъ должностей полицейской администраціи.

Въ довершенію несчастій принцъ Наполеонъ (Жеромъ), не спросивши позволенія у Руэра, воспользовался низверженіемъ Тьера, прибылъ въ Парижъ и, вмѣстѣ съ Эмилемъ Оливье, подалъ новыя основанія ново-бонапартистской партіи, находящейся въ оппозиціи съ партією Чивельгерста, нисколько не клерикальной, либеральной столько-же, сколько и орлеанизмъ, и добавокъ еще и демагогической, съ ренегатомъ Жюлемъ Амьгомъ въ качествѣ народнаго пропагандиста.

Въ Вѣнѣ нѣкоторые изъ французскихъ эксponentовъ, вдохновясь бонапартистско-легитимистскимъ союзомъ, заключеннымъ по поводу кандидатуры Стоффеля во время парижскихъ выборовъ 27-го апрѣля, умоляли Генриха V усновить Наполеона IV, но законный король съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе.

Наконецъ, въ Версали, какъ до, такъ и послѣ 24-го мая, раздавались доклады слѣдственной комисіи по вопросу о положеніи арміи при началѣ прусской компаніи. Изъ неопровержимыхъ заключеній докладчика Ріана вытекало блистательное подтвержденіе „чудовищной неспособности и слабоумія Наполеона III“, какъ выразился „Journal de Paris“.

Вслѣдствіе всего этого, между орлеанистами и имперіалистами завязывается крайне оскорбительная полемика, какъ нельзя болѣе благоприятная для враговъ коалиціи, породившей и поддерживающей правительство „нравственного порядка“.

Бонапартисты попробовали было призвать на помощь чистыхъ легитимистовъ, но послѣдніе и сами стали уже стыдиться своихъ союзниковъ; въ Парижѣ, какъ и въ Вѣнѣ, лилія сказала орлу:

— Поменьше фамиліарности! Довольно вы уже меня компрометировали!

Съ этимъ первымъ раздѣленіемъ союзниковъ 24-го мая совпадаетъ возобновленіе переговоровъ съ графомъ Шамборомъ относительно сліянія обѣихъ линій Бурбонскаго дома. Занимаются ими іезуиты, подготовившіе уже удавшійся парламентскій переворотъ. Отличаясь вообще эластичностью принциповъ, святые отцы, говорятъ, снова принялись за планъ Фаллу и побуждаютъ Генриха V къ отреченію отъ престола, если уже онъ не можетъ рѣшиться принять трехцвѣтное знамя.

— Конечно, внушаютъ они ему, чрезъ духовника и даже изъ Рима:—нѣтъ ничего прекраснѣе блага знамени, и ничто такъ не желательно, какъ полное возстановленіе прежняго режима; но масса такъ развращена, что подобное возстановленіе невозможно ни законнымъ путемъ, ни силою, и всякая попытка въ этомъ родѣ погубила-бы навсегда дѣло престола и алтара.

Графъ Шамборъ, хотя и не убѣжденный этими доводами, говорить, пришелъ въ отчаяніе, видя, что даже самъ Непогрѣшимый пересталъ вѣрить въ чудо возвращенія въ Парижъ внука Генриха IV. Онъ считаетъ себя слишкомъ связаннымъ своими послѣдними манифестами, чтобы рискнуть какъ-бы на отреченіе отъ своихъ предковъ; но онъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова относительно слѣдующаго, предложеннаго ему, плана: онъ предпшетъ своимъ приверженцамъ упорно держаться союза съ орлеанистами, такъ, чтобы версальское большинство могло исполнить поставитъ условія монархической реставраціи, не предвзбывая короля. Королемъ будетъ, конечно, онъ, если приметъ поставленныя условія, и Людовикъ Филиппъ II, если онъ отъ нихъ откажется.

На другой-же день послѣ возведенія маршала Макъ-Магона въ президенты, много шума надѣлало предложеніе, представленное наиболѣе юными изъ членовъ коалиціи, Раулемъ Дювалемъ, де-Кастелляномъ и Жонстономъ. Нужно было сначала, чтобы сдѣлать невозможнымъ новый парламентскій переворотъ, который бы возвратилъ власть „маленькому буржуа“, поставить герцога Маджентскаго выше всякихъ парламентскихъ бурь, сдѣлать de jure его тѣмъ, чѣмъ онъ, не будучи депутатомъ, не присутствуя въ засѣданіяхъ палаты и сообщаясь съ нею только посредствомъ посланій, уже является de facto, — президентомъ столь-же неотвѣтственнымъ, сколько и лѣнивѣйшій изъ конституціонныхъ королей. Кромѣ того предлагалось или провозгласить „истинно-консервативную“ республику, или продолжить временное положеніе дѣлъ на періодъ отъ двухъ до пяти лѣтъ, назначивъ маршала президентомъ на такое-же время.

Этотъ проектъ былъ внезапно взятъ назадъ и оффиціозная пресса трехъ монархій получила приказаніе ничего болѣе объ немъ не говорить, чтобы не разорвать коалиціи консерваторовъ трехъ троновъ *in partibus infidelium*. Дѣйствительно, империалисты были-бы заинтересованы въ продолженіи полномочій маршала-президента только въ томъ случаѣ, еслибы онъ былъ рѣшительнымъ приверженцомъ реставраціи Наполеона IV, противъ чего говорить его покорность орлеанистскому большинству совѣта министровъ. До тѣхъ поръ пока надежда на сліяніе бурбонскихъ линій еще не исчезла, легитимисты и орлеанисты остаются въ полномъ согласіи, чтобы положеніе дѣлъ было абсолютно временнымъ.

Герцогъ д'Одиффре-Павье рѣшительно самый серьезный членъ въ орлеанистской партіи. Бонапартисты, которыхъ онъ обезчестилъ въ своемъ знаменитомъ докладѣ о подрядахъ, заключенныхъ до 4-го сентября 1870 года, въ счастье для него самого, воспрепятствовали его вступленію въ кабинетъ Бродье. Онъ сдѣлался президентомъ праваго центра вмѣсто покойнаго Сенъ-Маркъ-Жирандена и въ недостаткомъ другихъ важнѣйшихъ лицъ этой фракціи, получившихъ портфели. Въ качествѣ прези-

дента комисіи подрядовъ, онъ, въ двухъ засѣданіяхъ ея, общихъ съ комисіею реорганизаціи арміи, произнесъ громадную рѣчь о военномъ интендантствѣ, которая окончательно упрочила за нимъ ненависть бонапартистовъ и репутацію теоретика-администратора высшаго порядка. Онъ не вѣритъ въ возможность сліянія ни черезъ обращеніе Генриха V къ конституціонной монархіи, ни черезъ отреченіе законнаго короля, съ дозволеніемъ Людовику-Филиппу II взойти на престолъ при жизни его, благодаря поддержкѣ двухъ роялистскихъ фракцій. Но онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ободряютъ переговоры о сліяніи, предвидя, что неудача ихъ, вслѣдствіе упрямства графа Шамбора, будетъ имѣть послѣдствіемъ, что болѣе половины легитимистовъ палаты присоединятся къ орлеанизму. Смотри по ближайшимъ послѣдствіямъ, которыя будутъ имѣть окончательная неудача сліянія, онъ будетъ работать или надъ восстановленіемъ монархіи 1830 года, или надъ учрежденіемъ княжеской республики подъ президентствомъ герцога Омальскаго. Еслибы, однако, было возможно оставленіемъ послѣдняго въ сторонѣ, уменьшить число противниковъ, онъ присоединился-бы также и къ предложенію Дювала и К^о въ пользу маршала Макъ-Магона. Мало того, онъ безъ особаго сожалѣнія покинулъ-бы и черезъ-чуръ фанатичныхъ клерикаловъ, еслибы онъ могъ этимъ присоединить большее число голосовъ съ лѣва. Однимъ словомъ, онъ начинаетъ отъ себя маневры Тьера. Но болѣе-ли, чѣмъ прежде, осуществимо теперь *слияніе центровъ*, на которомъ провалился маленькій буржуа, какъ астрологъ въ баснѣ, который упалъ въ колодезь, вслѣдствіе того, что слишкомъ заглядѣлся на небо?

Фактически назначеніе генерала Шанви генераль-губернаторомъ Алжира лишило лѣвый центръ предводителя, который придавъ этой фракціи консервативно-республиканскій характеръ и своею знаменитою прошлогоднею рѣчью подготовилъ президентское посланіе 13 ноября 1872 года.

Присоединеніе маленькой группы Пери, благодаря которому составилось 24 мая большинство четырнадцати голосовъ было освящено введеніемъ г. Десселины въ одно изъ второстепенныхъ министерствъ, и назначеніемъ Иуды-Тарже посланникомъ въ Голландію. Въмѣсто того, чтобы сдѣлаться президентомъ лѣваго центра, увеличеннаго его собственною группою безъ нѣсколькихъ измѣнниковъ, Казиміръ Перье помирился со своимъ зятемъ д'Одиффре-Пакье.

Принимая управленіе группою республиканскихъ консерваторовъ, г. Леонъ Сэ, дѣлая любезности и лѣвой сторонѣ, сдѣлалъ нѣкоторые авансы правому центру и даже правительству съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они не стремились къ низверженію нынѣшняго порядка. Въ двухъ очень важныхъ парламентскихъ вопросахъ, весь лѣвый центръ вотировалъ вмѣстѣ съ коализированной правою стороною. Этотъ союзъ, —исключительно противъ радикализма, упрочился 27 кассациею выборовъ Ньевр-

скаго депутата, доктора Тюрина. Къ нему примкнулъ и другъ Гамбетты, его alter ego въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ 1870—1871 года, Лорье, который, разбогатѣвъ, сдѣлался консерваторомъ, и оставляя республиканскую унію, чтобы записаться въ правый центръ, произнесъ циническія слова:

— Я слишкомъ молодъ для того, чтобы оставаться республиканцемъ: эта партія не имѣетъ будущаго!

Это увеличеніе большинства до 400 голосовъ консерваторовъ различныхъ оттѣнковъ противъ меньшинства съ 200 голосовъ логическихъ демократовъ имѣло уже то важное послѣдствіе, что Тьеръ не захотѣлъ возвратитъ себѣ власть, соединивъ вокругъ себя всѣ анти-монархическіе элементы, несмотря на сочувствіе громаднаго большинства населенія, выражающееся въ безчисленныхъ адресахъ, присылаемыхъ низвергнутому президенту. Онъ испугался радикаловъ, которые не сумѣли съ самаго начала, воспользоваться его личною злобою противъ кабинета Броули, не пугая его старческихъ реакціонныхъ убѣжденій. Быть можетъ, онъ подводитъ теперь какую-нибудь, ужасную каверзу противъ своихъ враговъ, но, повидимому, онъ вполне спокоенъ и, если не содѣйствуетъ, то, по крайней мѣрѣ, не намѣренъ мѣшать осуществленію своей утопіи сліянія центровъ и учрежденія „лучшей изъ республикъ“, которая должна, — какъ думаетъ и герцогъ д'Одиффре Паке, — охранять монархію отъ бонапартизма до тѣхъ поръ, пока не останется одинъ глава Бурбонской династіи для того, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ королемъ.

Бонапартисты и чистые легитимисты испугались державности Тьера, дѣятельности д'Одиффре-Паке и любезности лѣваго центра. „Assemblée Nationale“, органъ сліянія и абсолютнаго сохраненія коалиціи трехъ монархическихъ партій, въ виду будущаго уничтоженія республики и немедленнаго истребленія хитростью и силою демократіи, успѣшила распространить съ возможно бѣльшимъ шумомъ родъ анонимнаго манифеста крайне правой стороны относительно ненарушимости *договора 24 мая*, который оставляетъ вопросъ о монархіи на почвѣ бордосскаго договора и скрѣпляетъ коалицію монархистовъ только противъ республиканцевъ. По этой теоріи, всякій, кто захотѣлъ-бы организовать нынѣшнее временное положеніе дѣлъ, совершилъ-бы посягательство на прочностъ коалиціи.

Этимъ хотѣли помѣшать кабинету Броули войти въ соглашеніе съ заговорщиками д'Одиффре-Паке и Тьеромъ и принудить его остаться глухимъ ко всѣмъ побужденіямъ провозгласитъ какую-бы то ни было республику. Но этимъ побудили только лѣвый центръ потребовать, какъ можно скорѣе, гарантіи въ замѣнъ его любезностей. Дюфоръ долженъ былъ 30 іюня потребовать, поставленія на очередь законопроектовъ, представленныхъ имъ 19 и 20 мая отъ имени правительства и Тьера, и, согласно послѣдней статьѣ конституціи, выработанной комиссіей тридцати,

принятой національнымъ собраніемъ и подтвержденной въ принципѣ новымъ правительствомъ въ первомъ посланіи герцога Маджентскаго. Если бывший хранитель печати еще не сдѣлалъ этого, то потому только, — говоритъ онъ чрезъ своихъ друзей, — что радикалы продолжаютъ протестовать противъ учредительныхъ правъ собранія, и что сами умѣренные республиканцы возстаютъ противъ того, что имъ кажется фокусомъ въ пользу герцога Омальскаго и орлеанизма. Но если Дюфоръ будетъ еще медлить, найдутся честные республиканцы, какъ напримѣръ, Токвилль, рѣшившіеся потребовать, въ возможно скоромъ времени, осуществленія конституціоннаго плана, принятаго до 24 мая, въ надеждѣ, что достаточно будетъ поднятія вопроса объ основныхъ учрежденіяхъ настоящаго и будущаго для того, чтобы разбить анти-демократическую коалицію и создать, положеніе, если и не хорошее, и не совсѣмъ ясное, то, по крайней мѣрѣ, законное, которое будетъ въ состояніи охранить страну отъ посягательствъ и переворотовъ, исподволь подготовленныхъ.

СХХVI.

Печать и правительство борьбы.—Запросъ 10-го іюня.

Въ ожиданіи кризиса, который его низвергнетъ или преобразуетъ, кабинетъ Брольи ничего не сдѣлалъ для того, чтобы узаконить сдѣланный имъ, захватъ власти; онъ, напротивъ того, сдѣлалъ все, что только было можно, для того, чтобы выказать свою неспособность и выяснить смѣшныя и нелѣпыя тенденціи реакціи, коализированной противъ всего, что съ 1789 года благодарное человѣчество называетъ „французскими идеями.“

Право, не стоило быть чуть ли не съ пеленою редакторомъ „Revue de deux mondes“ и членомъ академіи, чтобы ознаменовать свое позднее—въ 52 года—вступленіе въ правительство дипломатическимъ циркуляромъ 26 мая! Я не знаю ни одного министерскаго циркуляра, который-бы какъ по мысли, такъ и по слогу, былъ ниже ноты, которою герцогъ де Брольи высказалъ свою полную неспособность.

Для его гордости было, вѣроятно, крайне непріятно доказывать для того, чтобы державы, вообще неблагоприятно смотрящія на новое правительство, признали его, что „несогласіе, происшедшее между версальскимъ большинствомъ и Тьеромъ, не имѣло никакого отношенія къ иностранной политикѣ“, и объявить, что, слѣдовательно, маршалъ Макъ-Магонъ будетъ исполнѣ слѣдовать политикѣ своего предшественника. Безтактность честолюбиваго герцога, отнявшаго у Ремюза честь докончить дѣло отомщенія національной территоріи, высказалась исполнѣ въ скандальномъ докладѣ на свое отечество и въ преданіи его несправности и презрѣнію иностранныхъ монархій.

Правда, что Европа,—кромя развѣ безсильнаго папы,—осталась совершенно равнодушною въ проектамъ побѣдителей 24 мая относительно подавленія французскаго радикализма, и что державы, непосредственно заинтересованныя въ нашихъ кризисахъ, Германія, Италія и Швейцарія, по прежнему недоувѣрчиво относятся къ правительству, характеристическою чертою котораго является то, что оно создало, поддерживается и вдохновляется иезуитами.

Напрасно старается де Брольи, чтобы доказать „искренность своихъ увѣреній, касательно „безупречной“ политики Тьера, не смѣнять никого изъ наиболѣе важныхъ дипломатическихъ агентовъ. Даже самъ Фурнье, какъ его ни ненавидятъ наши католики за то, что онъ всегда поддерживалъ лучшія отношенія съ итальянскимъ кабинетомъ, не былъ ни смѣненъ, ни приглашенъ перемѣнить свой образъ дѣйствій и перестать смѣяться надъ попами за обѣдомъ съ философами.

Ланфрѣ, свободный мыслитель, скомпрометировавшій себя сочиненіями о XVIII вѣкѣ и революціи, запрещенными священною congregatio indicis несмотря на то, что имъ дорожить Бернское правительство ведущее борьбу съ ультрамонтанами, былъ удержанъ безъ всякихъ условій на мѣстѣ, хотя уже дважды подавалъ мотивированную просьбу объ отставкѣ.

Въ Берлинѣ Гойто-Биронъ могъ тѣмъ удобнѣе быть оставленъ, что, какъ по рожденію, такъ и по увѣжденіямъ, онъ принадлежать къ правому центру, если и не къ чистой правой сторонѣ.

Послѣдняя конвенція съ Германіей пунктъ за пунктомъ регулировала уплату пятаго миллиарда и окончаніе очищенія территоріи съ 5 іюля по 5 сентября. Фонды были обезпечены министромъ финансовъ прежняго правительства. Тьеръ, можетъ быть, постарался бы ускорить на нѣсколько недѣль окончательную уплату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очищеніе территоріи. Но Брольи и Манъ довольствуются тѣмъ, что придерживаются чисель, официально назначенныхъ письменными обязательствами. Идеаль ихъ—слѣдовать, не слѣша, по стопамъ Тьера, Ремюза и Леона Са. Остается узнать достаточны-ли ихъ обѣщанія, чтобы ни въ чемъ не уклоняться отъ политики своихъ предшественниковъ и сдержанность нашихъ католиковъ, рѣшившихся не дѣлать никакого публичнаго вопроса о дѣлѣ папы и о католицизмѣ, будто-бы преслѣдуемыхъ швейцарцами, нѣмцами и итальянцами, для того, чтобы прекратить безпокойство, возбужденное религиозными демонстраціями, снова происходящими во Франціи. Уже конечно не дипломатія герцога Брольи нѣмшаетъ римскому и берлинскому кабинетамъ увѣрять еще болѣе свой интимный союзъ, въ виду затрудненій, ожидаемыхъ въ случаѣ близкой смерти Пія IX и выборовъ новаго папы. Безсиліе Франціи то-же, что и прежде, но теперь явилось подозрѣніе тамъ, гдѣ истинная,

либеральная республика окончательно бы обеспечила спокойствие и возбудила сочувствие.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи генеральная очистка „исчадій 4-го сентября“, которыми Тьеръ, будто-бы, испортилъ администрацію, ограничилась, въ сущности, гораздо меньшимъ числомъ переменъ, чѣмъ сначала предполагали сами Белэ и Эрну. Де-Гуларъ, слышавъ долго управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не оставилъ и полудюжины республиканцевъ въ префектурахъ, а Дифоръ только въ должностяхъ товарищей прокуроровъ въ самыхъ незначительныхъ городахъ — сохранилъ еще нѣсколькихъ протезъ Кремье, Жюля Фавра и Эрнеста Пикара. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы заставить повѣрить въ неизбежность торжества анархіи, если-бы не произошла революція 24-го мая, и для того, чтобы угодить креатурамъ трехъ монархическихъ партій, одинаково призванныхъ къ дѣлежу добычи, число отставокъ охотно-бы увеличили. Но скоро замѣтили, что Тьеръ уже воспользовался всѣми, имѣющими хоть какія-нибудь административныя способности, лицами изъ легитимистской или орлеанистской партій, и что если онъ и оставлялъ людей опытныхъ и способныхъ въ сторонѣ, — то исключительно бонапартистовъ. Только империализмъ, послѣдній изъ партій порядка эксплуатировавшій страну въ теченіи двадцати лѣтъ, обладаетъ полнымъ административнымъ персоналомъ. Сблизить административный персоналъ „честнаго опыта“ значило-бы просто-напросто возвратитъ Францію въ руки Наполеона IV. Вотъ что заставило орлеанистское большинство кабинета явиться довольно умѣреннымъ и чрезвычайно осторожнымъ при административной перетасовкѣ.

Маршалъ Макъ-Магонъ, въ депешѣ къ префектамъ, возвѣщавшей о вступленіи его въ должность, объявилъ: „Не будетъ сдѣлано никакого посягательства на существующіе законы и „учрежденія“. Белэ, принимая портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь телеграфировалъ: „Ничто не измѣнилось въ учрежденіяхъ, управляющихъ Франціею... Что-же касается до политики новаго министерства, то она будетъ чисто и исключительно консервативною“. Комментировалъ онъ это въ своемъ циркулярѣ 1-го іюля слѣдующимъ образомъ:

„Национальное собраніе ожидаетъ отъ учрежденнаго имъ новаго правительства, составленія административнаго персонала, одушевленнаго одною мыслью, направляемою умѣлою рукою, и открыто становящагося во власть консерваторовъ... Смѣло говорите, на этой сторонѣ ваши симпатіи: привовите къ единству всѣхъ добрыхъ гражданъ; пусть они закалятся въ исполненіи своихъ гражданскихъ обязанностей; только такимъ твердымъ поведеніемъ и энергическимъ охраненіемъ консервативныхъ принциповъ будемъ мы въ состояніи создать во Франціи истинное правительственное большинство“.

Истинный смыслъ этихъ инструкцій былъ слѣдующій: война

республиканцамъ! Пустите въ ходъ всѣхъ вашихъ подчиненныхъ, суды, жандармовъ, сельскую стражу, священниковъ, чтобы отны-нѣ-же подорвать демократическія кандидатуры и подготовить добрыя реакціонныя избранія.

Понимая это, нѣкоторые префекты, именно одинъ новый, департамента Ионны, и два старыхъ департаментовъ Восточныхъ Пиреней и Сѣвернаго, въ своихъ циркулярахъ къ су-префектамъ, позволили себѣ назвать „консервативною республикою“ правительство, возрѣнія и предписанія котораго приходилось осуществлять. Роялистская пресса тотчасъ-же подняла крикъ и министръ внутреннихъ дѣлъ успѣшилъ предупредить повтореніе такого дурного примѣра. Конфиденціально было предписано, что не слѣдуетъ болѣе говорить о *республикѣ*, а о *временномъ правительствѣ*, такъ какъ не должно, по примѣру правительства, указывать на республиканскую форму правленія, какъ на такую, которая съ теченіемъ времени сдѣлается окончательною.

Между тѣмъ, первыя желанія су-префектовъ извѣщали о полномъ отсутствіи того энтузіазма, съ которымъ даже жители сель, будто-бы, встрѣчали извѣстіе о низверженіи Тьера, а напротивъ того, давали знать о составленіи множества адресовъ въ пользу не побѣдителей, а побѣжденнаго 24-го мая. Тотчасъ-же Белэ помѣстилъ въ „*Officiel*“ маленькую замѣтку, убѣждающую безчисленныхъ поклонниковъ новаго порядка вещей не выражать своихъ симпатій въ адресахъ, легальность которыхъ могла-бы быть заподозрѣна. Въ то-же время онъ послалъ къ префектамъ новый циркуляръ, подтверждающій циркуляръ 11-го февраля его славнаго предшественника де-Гуляра, и предписывающій имъ дѣйствовать непреклонно относительно всѣхъ муниципальныхъ и генеральныхъ совѣтовъ, мэровъ и должностныхъ лицъ выборныхъ и назначенныхъ отъ правительства, которые позволили-бы себѣ отдѣльно или коллективно подписывать „адресы, враждебныя самодержавной власти національнаго собранія“.

Первыя распоряженія Белэ прошли, не вызвавъ никакой бури въ палатѣ; но, наконецъ, приостановленіе большого республиканскаго журнала заставило лѣвую радикальную сторону начать борьбу съ правительствомъ, потребовавъ отъ него объясненій касательно его внутренней политики и въ частности его поведенія и плановъ относительно печати. Постановленіе 8-го іюня, сдѣланное парижскимъ губернаторомъ послѣ обсужденія въ совѣтѣ министровъ относительно газеты „*Comsaire*“, подверглось сильнѣйшей критикѣ. Мотивировано оно было тѣмъ, во-первыхъ, что эта демократическая газета организовала подъ именемъ „пожертвованій въ пять су“ для отправки рабочихъ делегатовъ на вѣнсую выставку, постоянную политическую, а слѣдовательно и противозаконную ассоціацію, назначивъ въ каждомъ кварталѣ особыхъ сборщиковъ, и во-вторыхъ, что рѣзкость ея полемики и ея „анти-соціальныхъ доктринъ“ была „постоянною угрозою

общественному „спокойствію“ и не могла быть „долге терпима безъ опасности для страны“.

Это запрещеніе казалось отпавнимъ пунктомъ цѣлой компаніи противъ республиканской печати. Несмотря на то, что газета эта поставила себя, казалось, внѣ опасности своею умѣренностью и сдержанностью, бонапартисты каждый день доносили на нее и требовали всеобщаго запрещенія органовъ не только радикализма, но самыхъ умѣренныхъ отгѣнковъ, и въ особенности бывшихъ офиціозныхъ органовъ правительства Тьера. „Figaro“ указывала особенно на „Soir“, „Temps“ и „Journal des Débats“, какъ на газеты, болѣе опасныя своею тонкою ироніею, чѣмъ „République française“ и „Rappel“. „Univers“, указывая на проклятіе, которому Силлабусъ подвергаетъ свободу слова и печати, требовала, чтобы католическое министерство порѣшило, наконецъ, съ этимъ вѣчнымъ препятствіемъ къ установленію нравственнаго порядка, т. е. религіи.

Запросъ по поводу запрещенія „Corgaige“ поддерживалъ 10-го іюля одинъ изъ самыхъ хладнокровныхъ и самыхъ логичныхъ ораторовъ крайней лѣвой стороны, Лаперъ. Онъ безъ труда доказалъ негѣпость перваго мотива, выставленнаго генераломъ Ладмиръ, — относительно, такъ публично организованнаго, тайнаго общества, не имѣющаго другой политической цѣли, кромѣ доставленія французскимъ рабочимъ 100,000 франковъ, въ которыхъ отказало имъ національное собраніе, и которые необходимы для того, чтобы они могли стать въ уровень съ успѣхами различныхъ промышленныхъ отраслей, посѣтивъ вѣнскую выставку. Для того, чтобы опровергнуть обвиненіе въ рѣзкости полемики республиканской газеты, іонскій депутатъ просто привелъ цитаты изъ имперіалистскихъ газетъ и замѣтилъ, что правительство не посмѣетъ дѣйствовать противъ органовъ одной изъ трехъ коализированныхъ монархій такъ, какъ онъ съ видимымъ пристрастіемъ дѣйствуетъ противъ радикаловъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ и не думалъ, конечно, возражать на этотъ послѣдній аргументъ. Онъ доказывалъ, что „пожертвованіе въ пять су“, если и не составляетъ незаконной ассоціации, достойно порицанія уже тѣмъ, что „выражаетъ собою протестъ противъ постановленія національнаго собранія“. Онъ увѣрялъ, что „Corgaige“, назначивъ въ каждомъ кварталѣ сборщиковъ, на самомъ дѣлѣ, имѣла въ виду коализованіе гражданъ, подавшихъ голосъ за Барде, и тѣмъ старалась запугать совѣсть избирателей“.

Когда ему возразили, что инициатива народной подписки принадлежала не одной запрещенной газетѣ, но и многимъ рабочимъ ассоціациямъ, онъ сдѣлалъ слѣдующую угрозу всѣмъ вообще рабочимъ союзамъ:

— Быть можетъ, они еще и не заслуживаютъ судебного преслѣдованія, но скоро они могутъ заслужить его. Пусть остерегутся!

Что касается до анти-соціальной полемики, то онъ признался, что только нападенія на собственность, кажется, вычеркнуты изъ программы революціонеровъ, но онъ обвинялъ, правда, въ общихъ выраженіяхъ, ихъ журналы въ продолженіи подѣ всѣми возможными формами нападеній на религію и семью, „на всѣ учрежденія, которыя покровительствуютъ намъ въ колыбели и утѣшаютъ насъ въ минуту смерти“. Католическая исповѣдь, принятая изъ устъ доктора языческихъ литературъ, восторженно пріѣтствовалась правою стороною.

Нѣсколько смущенный своимъ успѣхомъ, Белъ, приступая къ изложенію вражды „Cosaire“ къ національному собранію, совершенно нечаянно произнесъ двусмысленность, подчеркнутую тотчасъ-же лѣвою стороною ироническими bravo:

— Национальное собраніе, которое страна выбрала въ несчастный часъ...

Онъ нѣсколько разъ старался поправиться, но не умѣя быть краснорѣчивымъ, кончилъ грубою апологіею вѣчнаго осаднаго положенія, „закона, покровительствующаго добрымъ, который долженъ являться каждый разъ, какъ умножатся нападенія на общество и національное представительство“.

Видѣсто того, чтобы возражать министру внутреннихъ дѣлъ, Гамбетта, — поражая правительственное большинство, — читаетъ *секретный* циркуляръ, разосланный префектамъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ помощникомъ государственнаго секретаря Паскалемъ. Въ немъ требуется отъ префектовъ немедленное донесеніе о департаментской прессѣ съ слѣдующими драгоцѣнными подробностями:

„Сообщите мнѣ свѣдѣнія о консервативныхъ газетахъ или *могущихъ сойтаться консервативными*; ихъ финансовомъ положеніи и *вознараженіи, которое-бы они согласились принять за благосклонную поддержку администрации*; имена ихъ редакторовъ, ихъ убѣжденія на этотъ счетъ, и свѣдѣнія о ихъ прошломъ. Если есть возможность, лично переговорите съ ними, узнайте, не примутъ-ли они корреспонденціи, и въ какомъ *духѣ желаемы-бы они ее имѣть*... Вы благоразумно поступите, если въ своей канцеляріи учредите *особое управленіе по дѣламъ печати*, недоступное для недостойныхъ чиновниковъ... Будьте, какъ можно болѣе общительны и особенно доступны представителямъ прессы“.

Это разоблаченіе секретнаго плана устройства офиціозной прессы и организованнаго подкупа оппозиціонныхъ депутатовъ взволновало все собраніе. Даже правая сторона пришла въ негодованіе не столько отъ самой сущности дѣла, сколько отъ приданной ему совершенно неожиданной гласности.

Министръ внутреннихъ дѣлъ снова взлезъ на трибуну и, краснѣя замѣтилъ, что приведенный циркуляръ исходить собственно не отъ него, принялъ однако на себя отвѣтственность и принялся увѣрять, что здѣсь дѣло идетъ только о собраніи

статистическихъ данныхъ и о разсылкѣ извѣстій, исходящихъ отъ правительства, на обязанности котораго лежитъ забота о распространѣннн истинны также, какъ и объ опроверженн лжи, а вовсе не имѣлся въ виду подкупъ и развращенн журналистовъ.

Лѣвая сторона редактировала переходъ къ очереднымъ дѣламъ, протестующн противъ прочитаннаго циркуляра. Чувствующн себя болѣе другихъ ораторовъ правой стороны въ голосъ, Бараньонъ явился защищать простой переходъ, съ тою, впрочемъ, оговоркою, что заявленн Белэ уничтожаютъ всякое сомнѣнн относительно *честности средствъ*, употребленныхъ для возстановленн нравственнаго порядка.

Тѣмъ не менѣе сомнѣнн осталось.

Старый графъ Рампонъ сказалъ, что иногда въ самыя мрачныя времена имперн никто не рѣшился-бы написать подобный циркуляръ, и что онъ не можетъ подать голосъ за правительство, желающее подкупать печать деньгами Францн.

— Но мы уже протестовали противъ подобнаго толкованн! восклицаютъ министры внутреннихъ дѣлъ и юстицн.

Другой умѣренный республиканецъ Жерменъ возражалъ, что, если-бы даже правительство по сведену объясняло свой циркуляръ, то очевидно префекты могутъ понять его иначе, между тѣмъ какъ въ подобныхъ щекотливыхъ вопросахъ, не должно быть допускаемо никакихъ недоразумѣнн.

Даже въ правомъ центрѣ были недовольные, которые успокоились только послѣ новаго торжественнаго заявленн Бараньона, который, бросивъ циркуляръ, сталъ защищать только *честность* правительства, и послѣ сдѣланнаго на ухо обѣщанн, что слишкомъ болтливый помощникъ государственнаго секретаря будетъ принесенъ въ жертву общественной совѣтливости.

— Ну, если такъ,—сказали нерѣшительные,—мы готовы пропустить эту неловкость: нельзя-же въ самомъ дѣлѣ кажда дѣя недѣли мѣнять министерство и правительство!

И большинствомъ 368 голосовъ противъ 308 администрацн герцога Брольи спасена.

Это большинство въ 60 голосовъ и пожертвованн Паскалемъ уничтоженнаго на другой-же день, не помѣшали общественному мнѣнн выказать чрезъ всѣ свои независимыя органы, презрѣнн питаемое имъ къ правительству борьбу.

Красивѣе всего вышло то, что „*Paus, Journal de l'Empire*“ воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы надругаться надъ несчастнымъ Белэ, который, проведя молодость въ томъ, что звалъ Наполеона I—Тивериемъ, а Наполеона III—Калигулою, однимъ словомъ въ аллегорической, латинской оппо зици, какъ только самъ получилъ власть, превзошелъ въ этомъ отношенн далеко все, въ чемъ онъ упрекалъ цезаризмъ.

Министерство не посмѣло воспользоваться голосованнемъ 10 июня для осуществленн гекатомбы демократическихъ газетъ, требующей его бонапартистскими союзниками. Оно ограничилось

только тѣмъ, что подвергло денежному штрафу «Avenir National» подъ тѣмъ предлогомъ что эта республиканская газета, принадлежавшая собственно „Corgsaire“, вопервыхъ, не внесла полного залога, и во вторыхъ, приняла главнѣйшихъ сотрудниковъ запрещенной газеты, которая, такимъ образомъ, какъ фениксъ, возродилась изъ своего собственнаго пепла.

Такъ какъ всѣ провинціальныя демократическія газеты держали себя чрезвычайно сдержанно, невозможно было найти какогобы то ни было предлога для того, чтобы увеличить число правильныхъ процессовъ и произвольныхъ запрещеній.

Для того, чтобы отомстить за то, что различные журналисты приводили цѣликомъ разговоры, заводившіеся префектами согласно министерскимъ предписаніямъ, и что учрежденіе неподкупныхъ литераторовъ по отношенію къ нимъ выказывалось отсутствіемъ банальныхъ вѣжливостей, бывшихъ до того времени въ ходу, самые ретивые изъ префектовъ, — какъ напримѣръ, префекты Роны, Гары, Верхней Гаронны и пр. — рѣшили запретить розничную продажу и разноску *всѣхъ газетъ!* Такимъ образомъ соблюдали, по крайней-мѣрѣ повидимому, принципъ равенства; въ дѣйствительности-же только демократическія газеты покупаются въ значительномъ количествѣ отдѣльными нумерами; добрыя монархическія газеты имѣютъ только постоянныхъ подписчиковъ и слишкомъ малочисленныхъ для того, чтобы они могли существовать безъ правительственной поддержки. Въ Лионѣ запрещено даже разносить газеты лицамъ, не одобреннымъ и не утвержденнымъ полиціею; кромѣ того, разнощики обязаны по требованію полицейскихъ агентовъ предъавлять списокъ подписчиковъ, которымъ они разносятъ газеты. Эта послѣдняя мѣра крайне безнравственна: многіе, особенно въ деревняхъ, убѣжденные въ томъ, что имена ихъ будутъ сохранены на случай проскрипціи, какъ въ декабрѣ 1851 года, поспѣшатъ отказаться отъ своей любимой газеты и даже для большого обезпеченія запастись газетою, покровительствуемою начальствомъ.

Такимъ образомъ, не имѣя возможности подкупать республиканскую печать и не рѣшаясь истреблять ее изъ страха скандальныхъ запросовъ, правительство нравственнаго порядка старается разорить ее. Эта безутѣшная система, болѣе дѣйствительная, чѣмъ явное насиліе: убиваемые кричатъ, умирающіе-же съ голоду умираютъ въ молчаніи.

СХХVII.

Прислѣдованіи депутата Ранка. Планъ генеральной проскрипціи.

Благодаря нескромности одного изъ префектовъ, розыскать котораго не удалось, Гамбетта первый навесъ дѣйствительный

ударъ кабинету 25 мая. Не имѣя возможности лично поразить главу радикальной партіи, правительство схватилося за его правую руку, экс-директора его полиціи, самаго остроумнаго изъ редакторовъ «*République Française*» парижскаго муниципальнаго совѣтника, сдѣлавшагося 11 мая депутатомъ Роны, Артура Ранка.

Ранкъ явился политическимъ дѣятелемъ въ первыя времена имперіи, въ дѣлѣ, извѣстномъ подъ именемъ заговора комической оперы. Оправданный въ заговорѣ противъ жизни Наполеона III ассизнымъ судомъ, онъ былъ приговоренъ судомъ исправительной полиціи къ годичному тюремному заключенію за принадлежность къ тайному обществу. Въ 1856 году, послѣ уже истеченія срока наказанія, по поводу новаго заговора, въ которомъ онъ собственно не принималъ участія, но въ которомъ былъ компрометированъ сумасшедшій, оговорившій его, онъ снова былъ схваченъ полиціею, и безъ всякаго суда отправленъ въ кандалахъ, въ тулонскую каторжную тюрьму, а оттуда сосланъ въ Ламбессу. Вскорѣ послѣ этого онъ бѣжалъ самимъ романтическимъ образомъ, чрезъ алжирскія пустыни достигъ Туниса и поселился въ Швейцаріи, гдѣ онъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ воспитателемъ въ одномъ изъ наиболѣе уважаемыхъ международныхъ пансіоновъ въ окрестностяхъ Женевы. Вернувшись во Францію благодаря амнистіи, данной послѣ итальянской кампаніи, онъ жилъ довольно бѣдно въ должности простаго корректора газеты «*Opinion Nationale*» Затѣмъ онъ дебютировалъ въ двухъ газетахъ Грегори Ганеско «*Nain jaune*» издававшейся въ Парижѣ, и «*Eugore*», издававшейся въ Франкфуртѣ. Его ѣдкое остроуміе и прекрасный стиль скоро составили ему репутацію; кромѣ того, онъ вошелъ въ моду нѣсколькими дуэлями, въ которыхъ онъ, превосходный стрѣлокъ, сильно наказалъ нѣсколькихъ наглецовъ имперіалистской прессы. Онъ былъ сотрудникомъ газеты „*Réveil*“ Делеклюва, а также и „*Encyclopédie générale*“; въ „*Temps*“ онъ описалъ подъ заглавіемъ „*Roman d'une conspiration*“ приключенія своей молодости; въ качествѣ театральнаго фельетониста сотрудничалъ до 1870 года въ «*Journal de Paris*» бывшемъ и тогда какъ теперь, подъ редакціею Герве, органомъ орлеанской фамиліи.

Революція 4 сентября сдѣлала его мэромъ IX округа, воторымъ онъ управлялъ такъ удачно, что приобрѣлъ даже симпатіи реакціонеровъ. Въ октябрѣ, когда понадобился вѣрный человекъ, который бы взялся передать Гамбеттѣ планы Трошиу, онъ вылетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ. Турская делегация поручила ему главное управленіе полиціею. Когда орлеанскіе принцы были открыты въ арміи Шанзи, онъ заставилъ ихъ выѣхать изъ Франціи. Онъ исполнилъ это щекотливое порученіе съ твердостью и вѣжливостью. Принцъ Жуанвильскій, котораго онъ проводилъ и посадилъ на пароходъ въ Сен-Мало, никогда не жалуется на его обращеніе.

На выборахъ 8 февраля 1871 года Ранкъ сталъ сельскимъ депутатомъ, хотя его въ то время и не было въ Парижѣ. Онъ

появился въ Бордо главнѣе для того, чтобы подать голосъ противъ мира. Въ первыхъ числахъ марта онъ, вмѣстѣ съ Делеклюзомъ и Малономъ подалъ въ отставку, мотивируя ее тѣмъ, что его совѣсть не позволяетъ ему ни одного дня долго засѣдать въ собраніи, дѣйствія котораго онъ не можетъ признать достойными.

26 марта IX округъ выбралъ его въ члены коммуны. Онъ засѣдалъ въ ней только до 6 апрѣля, но въ этотъ промежутокъ времени онъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіи, въ которомъ былъ вотированъ декретъ, запрещающій чиновникамъ различныхъ вѣдомствъ отправляться въ Версаль, и былъ назначенъ въ комиссію юстиціи, въ которой предсѣдательствовалъ адвокат Прото, а членами, вмѣстѣ съ нимъ были Верморель, Лео Мелле, Бобитъ и Вильборэ. На другой день послѣ того, какъ эта комиссія издала первое распоряженіе о задержаніи заложниковъ, и на третій послѣ того, какъ выказалась военная неспособность инсургентовъ въ роковой экспедиціи подъ огонь Монъ-Валеріана, Ранкъ подалъ въ отставку. Хотя онъ и написалъ въ своемъ письмѣ: „Я остаюсь вѣрнымъ солдатомъ коммуны!“, онъ принималъ послѣ этого участіе только въ различныхъ попыткахъ къ примиренію Парижа съ Версалю, неудача которыхъ сильно возмущала его.

Хотя всего можно было опасаться въ теченіи первыхъ недѣль мая, когда сотни людей разстрѣливали митральезами, онъ не покинулъ своего жилища. Призванный нѣсколько мѣсяцевъ спустя XI округомъ къ засѣданію въ новомъ муниципальномъ совѣтѣ, онъ принималъ и исполнилъ эту должность, не встрѣчая никакихъ затрудненій со стороны правительства; военный судъ, вызвавшій его въ качествѣ свидѣтеля по одному дѣлу, разобранному въ Версали, повидимому, ничего противъ него не имѣлъ, такъ какъ не арестовалъ его; начатое сначала исправительною полиціею преслѣдованіе его по обвиненію въ незаконномъ захватѣ власти въ мэріи IX округа, гдѣ онъ дѣйствительно былъ делегатомъ, но гдѣ онъ не допустилъ ни одного противозаконнаго акта и гдѣ даже сохранилъ трехцвѣтное знамя въ то время какъ повсюду развивалось красное, было вскорѣ прекращено.

Основалась „République Française“ и онъ сталъ однимъ изъ главнѣйшихъ ея редакторовъ. Сотрудники „Figaro“, и „Pays“ помни его прежнія презрительныя нападенія, начали кампанію съ цѣлью заставить правительство арестовать и судить бывшаго члена коммуны, котораго они признавали отвѣственнымъ даже за убійство заложниковъ. Завязалась горячая полемика между нимъ и Полемъ Кассаньякомъ; онъ, конечно, не отказывался отъ дуэли, но ждалъ картели яраго редактора „Pays“.

Въ національномъ собраніи былъ сдѣланъ запросъ Раулемъ Дювалемъ, который имѣлъ въ виду заставить министровъ Тьера возбудить преслѣдованіе противъ этого бывшаго члена коммуны. Послѣ объясненія генерала де Сиссэ и хранителя печати Дюфора, и разъясненій депутатовъ Пари и Маргэна, изъ которыхъ послѣдній доказывалъ, что бригадный генералъ, на котораго

былъ возложенъ разборъ обвиненій, переданныхъ въ военный судъ, не нашель поводовъ къ судебному преслѣдованію Ранка; предложеніе Рауля Дюваля было отвергнуто и дѣло оставлено въ прежнемъ положеніи.

Съ этого времени, т. е. съ 20 декабря 1871 г., членъ парижскаго муниципальнаго совѣта Ранкъ, продолжалъ засѣдать въ Люссамбургѣ ужь безъ всякихъ затрудненій. Реакціонная пресса вновь начала нападать на него, когда его кандидатура была поставлена на выборахъ 11 мая 1873 года, а когда онъ былъ избранъ 90000 голосовъ лѳонскимъ депутатомъ, правительству снова было предложено дѣйствовать противъ него. На другой день послѣ вступленія въ президенты маршала Макъ-Магона, всѣ бонапартисты, клерикальные и вообще реакціонные органы потребовали преданія его военному суду. Выдумывали множество сказокъ о различныхъ секретныхъ услугахъ и бумагахъ для того, чтобы объяснить, почему прежнее правительство щадило этого революціонера и пренятствовало военному суду исполнить свою обязанность. „Patrie“ указывала на Тьера, будто-бы стоящаго за спиною Ранка, и побуждала побѣдителей поразить въ лицѣ послѣдняго перваго, отнявъ, такимъ образомъ, у него возможность когда нибудь отомстить за себя. „Ordre“ торжественно заявляла, что въ лицѣ коммуниста, избѣгавшаго до сихъ поръ — Саторійскаго столба или Новой Каледоніи, слѣдуетъ поразить лѳонскихъ и парижскихъ избирателей, а также и всѣхъ радикаловъ Франціи. „Rays“, несмотря на то, что ея главный редакторъ еще оставался въ долгу дуэлью съ козломъ отпущенія грѣховъ демократіи, звонила въ набатъ, требуя Варроломеевской ночи республиканцевъ, правильное истребленіе которыхъ должно было начаться съ принесенія въ жертву этого личного врага императора и имперіи.

Этотъ крестовый походъ всѣхъ противъ одного отличался такою подлостью, что возстановители нравственнаго порядка, цѣлыя двѣ недѣли не рѣшались применить къ нему. Но страхъ и ярость, внушенные имъ разглашеніемъ циркуляра Паскаля, незначительное большинство, простившее его, и всеобщее презрѣніе, придали имъ, наконецъ, рѣшимость. Среди засѣданія 12 іюня, военный министръ, де Баррайль, передалъ національному собранію письмо парижскаго губернатора, начинающееся слѣдующими словами:

„Правосудіе, которое должно быть для всѣхъ одинаковымъ, заставляетъ меня обратить ваше вниманіе на положеніе Ранка, единственнаго изъ серьезно компрометированныхъ членовъ коммуны, еще не преданнаго военному суду“.

Генераль де-Ладмирѳ обратилъ вниманіе на четыре декрета, изданныхъ коммуною въ то время, какъ нынѣшній депутатъ Роны засѣдалъ въ ней: предписаніе чиновникамъ болѣе не повиноваться Версальскому правительству (29 марта), захватъ суммъ пяти страховыхъ обществъ (30 марта), обвиненіе Тьера и его

женистровъ съ захватомъ и секвестромъ ихъ имуществъ (2 апрѣля), арестъ заложниковъ (5 апрѣля)—при этомъ привелъ прокламацію коммуны, возвѣщавшую о ея учрежденіи и постановленіи ея о генеральной вылазкѣ 2 апрѣля противъ Версаля, — и признавалъ Ранка отвѣтственнымъ за всѣ эти дѣйствія и декреты, требуя разрѣшенія преслѣдованія этого депутата по обвиненіямъ въ возмущеніи, возбужденіи междоусобной войны, неправильномъ захватѣ власти, преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ кодексомъ и влекущихъ за собою смертную казнь, каторжныя работы, ссылку и тюремное заключеніе.

До этого времени палата откладывала повѣрку лионскихъ выборовъ 11 мая. 14 іюня Бараньонъ прочелъ докладъ, въ которомъ пришелъ къ заключенію о признаніи выборовъ правильными и допущеніи въ палату доктора Гюйо и Ранка. Исключительное положеніе послѣдняго было указано, но признано, что оно не можетъ повлечь за собою кассации выборовъ, такъ какъ судебное преслѣдованіе не было возбуждено до избранія. Обоихъ новыхъ депутатовъ Роны приняли-бы безъ преній, еслибы докладчикъ не осмѣлился бросить тѣнь на добросовѣстность, съ которою составляются избирательные списки во второмъ городѣ Франціи и иронически не напомнилъ клеветы одного изъ его друзей: „каждый разъ какъ арестовываютъ въ Лионѣ бѣжавшаго арестанта, въ карманѣ у него находятъ избирательный бюллетень!“

Парижскій депутатъ Бароде тотчасъ-же энергически протестовалъ противъ этого. Въ качествѣ бывшаго мэра онъ руководилъ составленіемъ лионскихъ избирательныхъ списковъ и утверждаетъ, что они также, если не болѣе, правильны, чѣмъ въ другихъ городахъ.

— Зачѣмъ намъ плутовать? воскликнулъ онъ; плутуютъ только, когда боятся проиграть. Въ Лионѣ-же за насъ четыре-пятыхъ населенія.

Когда избраніе Ранка было утверждено, вопросъ о разрѣшеніи преслѣдованія его былъ переданъ на разсмотрѣніе комиссіи изъ пятнадцати членовъ, избранныхъ въ пятнадцатое бюро палаты. Избраніе это сопровождалось очень горячими негласными преніями. Гамбетта, Пейрѣ и другіе радикалы очень искусно защищали своего друга, доказывая, что оскорбляютъ военную юстицію тѣ, которые предполагаютъ, что она признавала обвиняемаго невиннымъ, пока власть была въ рукахъ Тьера, и стала признавать его виновнымъ, когда явилось правительство съ другими убѣжденіями. Луи Вланъ, бывшій въ 1848 году жертвою подобной же мести, краснорѣчиво доказывалъ, что позднія преслѣдованія, спустя два года послѣ событій, носятъ характеръ вражды партій, вызова избирателямъ и являются только послѣдствіемъ „политическихъ страстей, приврывающихся маскою правосудія“.

Эдгаръ Кине указалъ на значеніе факта принесенія члена на-

ционального собранія въ жертву чисто политической мести. Историкъ-философъ революцій напомнилъ національный конвентъ 1793 года, который такимъ-же образомъ открылъ эру взаимныхъ проклятіи и представлялъ по мѣрѣ того, какъ измѣняло цвѣтъ и направленіе большинство, ужасное зрѣлище партій, пожирających другъ друга.

Ничто не помогло. Комиссія была пѣликомъ, кромѣ двухъ голосовъ, составлена изъ враговъ обвиненнаго депутата. Отложивъ на двадцать четыре часа представленіе своего доклада, составленнаго заранѣе, комиссія эта сдѣлала видъ, будто ей необходимы личныя объясненія обвиняемаго. Ранкъ отвѣчалъ ей письмомъ, присланнымъ чрезъ отца, что онъ безъ всякихъ препятствій два года исполнялъ должность члена парижскаго муниципальнаго совѣта, и что онъ не считаетъ себя обязаннымъ никакою отчетностью передъ судомъ; что онъ принялъ ліонское избраніе, признавая себя имѣющимъ право на избраніе, какъ нравственно, такъ и юридически, что блистательно подтвердила и сама палата, не найдя никакихъ поводовъ къ кассациі его избранія; и что поэтому онъ убѣжденъ въ томъ, что „нѣтъ никакихъ законныхъ основаній подвергать его преслѣдованію военнаго или гражданскаго суда“.

Въ докладѣ, прочитанномъ 18 іюня, Бараньонъ опровергаетъ, выставленныя въ письмѣ Ранка, доказательства некомпетентности суда, развиваетъ обвиненія, изложенныя генераломъ Ладмирѣ, и въ заключеніе предлагаетъ разрѣшить преслѣдованіе въ виду священныхъ интересовъ правосудія, которое требуетъ, чтобы, — если уже подверглись наказанію, быть можетъ введенные въ заблужденіе инсургенты, — начальники, члены коммуны отдали отчетъ въ своемъ поведеніи. Докладчикъ съ тонкимъ расчетомъ устраняетъ всякое объясненіе касательно причинъ замедленія судебного преслѣдованія и не говоритъ ни слова о политикѣ, желая удержать дѣло „въ той чистой сферѣ, въ которой, пронизанное исключительно уваженіемъ къ закону, громадное большинство собранія образовывается всегда, какъ только является необходимость утвердить одинъ изъ основныхъ принциповъ социальнаго порядка“.

Ретивые члены правой стороны требовали немедленнаго открытія преній, или вѣрнѣе утвержденія безъ всякихъ преній. Крайне лѣвая сторона заявляетъ чрезъ Ленера, что если уже ждали два года прежде чѣмъ предать суду Ранка, то смѣло уже можно подождать два года и одинъ день. Ліонскій депутатъ Ордиеръ рѣзко стыдитъ большинство тѣмъ, что бонапартистская скамья торопится растоптать своего врага.

Отложенныя до другого засѣданія, пренія по существу начинаются 19 іюня заявленіемъ, сдѣланнымъ отъ имени большей части лѣвой республиканской стороны Жонстономъ.

Умѣренные республиканцы никогда не одобряли коммуны, они повторяютъ, что у нихъ не было ничего общаго съ возмущеніемъ

1870 года. Тѣмъ не менѣе они отказываются дать разрѣшеніе на преслѣдованіе депутата Ранка до тѣхъ поръ, пока послѣ самаго тщательнаго разслѣдованія не будетъ доказано, что онъ болѣе виновенъ, чѣмъ его товарищъ Ульмсъ Паранъ, подавшій въ отставку двумя днями раньше его и оправданннй военнымъ судомъ; до тѣхъ поръ, пока не будетъ объяснено, какіе выяснились новые факты, которыми можно было-бы мотивировать преслѣдованіе, не возбуждавшееся въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ.

Эдуардъ Лабуэ,—который давно уже состоитъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ сотрудникомъ „Nain jaune“ за одно ѣдкое выраженіе послѣдняго по поводу его примиренія съ имперією,—въ свою очередь заявляетъ отъ имени лѣвого центра, что, желая, чтобы Ранкъ оправдался, какъ и Паранъ, онъ тѣмъ не менѣе требуетъ, чтобы и онъ появился передъ судомъ, и что, не разбирая мотивовъ, вызвавшихъ настоящее преслѣдованіе, чтобы не превращать всѣхъ юридическихъ вопросовъ въ политическіе, онъ и его друзья подадутъ гелосъ за разрѣшеніе преслѣдованія.

Правая сторона разражается рукоплесканіями. Обѣ лѣвыя недоумѣваютъ. Такъ какъ вся реакціонная пресса, въ лицѣ Ранка, мѣтила собственно въ Тьера, нѣкоторые республиканцы имѣли основаніе рассчитывать на поддержку всего лѣваго центра и даже на вмѣшательство самого Тьера.

Лучшій изъ юрисконсультовъ радикальной партіи, Казо, предлагаетъ контръ-проектъ, по которому собраніе, прежде чѣмъ рѣшить настоящий вопросъ, предписало-бы выслушать въ своей комиссіи генераловъ де Сиссъ, Ладмиръ, Анпера и де Баррайля. Ораторъ объясняетъ свое предложеніе тѣмъ, что честь обонхъ правительствъ, нынѣ существующаго и бывшаго, требуетъ, чтобы прежде всего были извѣстны мотивы, побудившіе военное правосудіе приостановить сначала свое преслѣдованіе, а нынѣ снова возбудить его. Его часто прерывали, пока онъ говорилъ о положеніи Ранка, являющагося подсудимымъ предъ гражданскимъ судомъ, свидѣтелемъ предъ военнымъ, и наконецъ оставленнаго въ покоѣ, потому что, какъ было признано въ декабрѣ 1871 года, не нашлось основаній его преслѣдовать. Но когда Казо, для доказательства политическаго характера настоящаго обвиненія, указалъ на безпрестанныя повторенія офиціозными газетами, что обвиненнымъ является не Ранкъ, а Тьеръ,—онъ не добился взрыва ярости, котораго онъ ожидалъ со своей правой стороны. Лѣвый центръ добился отъ Тьера, чтобы онъ не явился въ засѣданіе и обѣщалъ свое содѣйствіе правой сторонѣ съ условіемъ, чтобы ничего не было сказано противъ прежняго правительства. Члены трехъ партій порядка, и даже тѣ изъ нихъ, которые писали упомянутыя статьи въ офиціальныхъ газетахъ, хранили условенное молчаніе.

Новый министръ юстиціи Эрну могъ-бы воздержаться отъ

участія въ преніяхъ противъ своего соотечественника (они изъ одного департамента) и, вѣроятно товарища по школь, Артура Ранка. Но такъ какъ Казо довольно ясно доказалъ, что на вѣсъ правосудія въ данномъ случаѣ была положена и политика, хранитель печати съелъ своимъ долгомъ высокопарно провозгласить „одинаковое для всѣхъ правосудіе.“ Униваясь своимъ краснорѣчіемъ, онъ увлекся до того, что поклялся, что при его управленіи „правосудіе будетъ осуществляться одинаково для всѣхъ на всемъ протяженіи Франціи“, для тѣхъ, которые добивались его (напр. Базенъ), равно какъ и для тѣхъ, которые избѣгаютъ его (какъ Ранкъ). Вслѣдствіе этого бонапартистская скамья воздержалась отъ аллюдисментовъ: ей не нравится, что скоро, наконецъ, выяснится дѣло Мецкой измѣны.

Искусный парижскій депутатъ Жюль Бриссонъ воспользовался для того, чтобы возразить министру, вырвавшимся у послѣдняго, наивнымъ признаніемъ: ронскіе выборы могли обратить вниманіе на новаго депутата, который не свелъ еще счетовъ съ военнымъ судомъ. Но какъ логична и краснорѣчива ни была рѣчь молодого депутата, она не произвела никакого впечатлѣнія: большинство уже составилось.

Другой, еще болѣе молодой и менѣе радикальный депутатъ, Дювержье де Гораннъ потребовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, министры полиціи и военный дали честное слово, что не было произведено никакого давленія на военное правосудіе, и что, требуя разрѣшенія на преслѣдованіе Ранка, оно дѣйствовало добровольно, по собственному побужденію.

Министры промолчали. Правая сторона расхохоталась.

Наконецъ, открытая баллотировка большинствомъ 448 голосовъ, противъ 195 опровергла предварительное разслѣдованіе, потребованное радикалами. Нашлось только 140 защитниковъ парламентской неприкосновенности; 467 депутатовъ согласились принести Ранка въ жертву.

Даже не вся лѣвая умѣренная вотировала въ его пользу. Многие были злы на него за статьи, которыя онъ напечаталъ во время выборовъ Бароде о „старичкахъ“, поддерживавшихъ Ремюза. Многие также подали-бы голосъ иначе, если-бы, вмѣсто того, чтобы извѣститься отъ неизбежнаго ареста, онъ самъ явился съ трибуны защищать свое поведеніе въ продолженіи тѣхъ немногихъ дней, въ которыхъ онъ былъ членомъ коммуны и героически сталъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ.

Страшное поведеніе лѣваго центра, прежнихъ министровъ, непосредственно задѣтыхъ, — не въ палатѣ, а въ печати, — которые, какъ Дюфоръ и Сиссъ подали голосъ за преслѣдованіе, въ препятствованіи которому ихъ обвиняютъ, и особенно молчаніе Тьера сильно огорчило и обезпокоило искренно республиканское меньшинство, не удовлетворивъ также и легитимистовъ съ бонапартистами. Потому что, если красные радикалы имѣли право обвинять Тьера и его ближайшихъ друзей въ измѣнѣ, радикалы

Большое и лиловое съ ужасомъ видѣли появленіе, въ замѣнъ республиканской уніи и внѣ коалиціи трехъ монархій, центровъ, слившихся въ одно цѣлое подъ руководствомъ герцога д'Одифре-Паке.

Лишившись своей парламентской неприкосновенности, Рангъ скрылся въ Бельгію. Не дожидаясь начала процесса предъ третьею военносудною комиссіею, онъ написалъ должную объяснительную записку, которую „République Française“ напечатала 30 іюня, и противъ которой возстала вся реакціонная пресса, не будучи впрочемъ въ состояніи опровергнуть ни одного изъ ея доводовъ. Остроумный по прежнему, несмотря на важность своего положенія, онъ бросилъ въ лицо оратору лѣваго центра слѣдующія двѣ слова:

— Лабузэ заставилъ меня немножко дорого расплатиться за чернильницу, которой онъ не возвратилъ. Къ несчастію я виновникъ остроты, надѣлавшей когда-то много шума: „возвратите чернильницу“. Лабузэ вспомнилъ объ этомъ.

Онъ категорически отрицаетъ всякое участие свое въ роковомъ декретѣ о заложникахъ, а также и всякія сношенія свои съ Тьеромъ во время, до и послѣ коммуны: пресловутыя секретныя бумаги, — утверждаетъ онъ, — не болѣе, какъ „глухая и негнѣная выдумка“; онъ разговаривалъ съ экс-президентомъ республики только одинъ разъ — на вечерѣ, данномъ въ Люксембургѣ префектомъ Кальмономъ. Онъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ мотивы вражды, питаемой къ нему „честными людьми безчестной печати“:

— Поль-де Кассаньякъ счелъ болѣе для себя удобнымъ сдѣлать на меня доносъ, чѣмъ помѣряться со мною на шпагахъ; я помѣшалъ во время войны осуществленію нѣкоторыхъ финансовыхъ и другихъ соображеній Сенъ-Вальри и Субейрака. Раулъ Дюваль, наконецъ, преслѣдуетъ во мнѣ чиновника правительства, набросившаго тѣнь на его отца, члена смѣшанныхъ комиссій, человѣка, который его самого велѣлъ не пускать въ переднюю турецкаго министерства внутреннихъ дѣлъ.

Депутатъ Дюваль и главный редакторъ „Patrie“, Сенъ-Вальри промолчали. Но Поль-де Кассаньякъ, глава „Rays“ отвѣтилъ:

— Въ какой день будетъ вамъ угодно встрѣтиться со мною на границѣ? Я приглашаю васъ, предоставляя вамъ всѣ выгоды, назначить мнѣ часъ, мѣсто и оружіе — я явлюсь.

И на другой-же день послѣ напечатанія этого вызова, страствующій рыцарь имперіализма слѣдующимъ образомъ скромно выставилъ себя героемъ эпопей:

— Это уже не ссора молодыхъ людей, которая разрѣшается за ближайшимъ заборомъ, и о которой говорятъ не иначе, какъ пожимая плечами: Это борьба человѣка, представляющаго порядокъ, съ другимъ человѣкомъ, представляющимъ коммуны... Принципа съ принципомъ... На меня выпала честь преду-

предать военный судъ... Я судъ Божій... Мое имя теперь — Сато-
рійскій столбъ, идущій въ нему на встрѣчу!

Въ то время какъ дѣло Ранка, если не явятся какъ разъ
въ время по анонимному письму жандармы, разрѣшается такимъ
образомъ страшною дракою, въ юридическомъ отношеніи оно
грозитъ сдѣлаться столь-же значительнымъ, какъ и въ полити-
ческомъ. Въ противность увѣренію губернатора Ладмирэ, что
остался еще только одинъ членъ коммуны, не преданный суду,
полиція отыскала еще и другого, въ лицѣ Лефебра, адвоката и
журналиста, редактора „Rapport“. Дѣйствительно, онъ засѣдалъ
въ ратушѣ, но не болѣе чѣмъ Ранкъ или Улиссъ Паранъ, и начатое
преслѣдованіе противъ него судомъ исправительной полиціи по
обвиненію въ неправильномъ захватѣ должностей, было прекращено
за недостаткомъ достаточныхъ для него основаній. Военные слѣд-
дователи, не беспокоившіе его въ теченіи двухъ лѣтъ, предни-
мали его арестовать. Еслибы правительство слѣдовало нелѣпнымъ
внушеніямъ своихъ оффиціозныхъ газетъ, депутатовъ Энн, Турне, былъ-
бы преданъ суду за то, что доставилъ паспортъ коммунисту Лео
Мейлье, спасшему жизнь и свободу ему и генералу Шанзи, когда
они были арестованы федералистами 18 марта 1871 года. Бона-
партисты настойчиво требуютъ преслѣдованія всѣхъ республи-
канцевъ, которые по отчетамъ парламентскихъ слѣдственныхъ
комиссій принимали участіе въ революціонныхъ событіяхъ 1870
года. „Pays“ требуетъ, чтобы правосудіе безошибочно поразило
виновниковъ 4 сентября и измѣнниковъ, какъ Трошию. „Assemblée
Nationale“ желала бы даже, чтобы самъ Тьеръ былъ посаженъ
на скамью подсудимыхъ. Донесовъ „Gaulois“ достаточно было
для того, чтобы четыре тысячи дѣлъ, отложенныхъ въ сторону,
какъ не содержащихъ преступленій, дающихъ основаніе къ про-
долженію арестовъ еще на неопредѣленное время, были снова
пересмотрѣны, а полиція и военные суды на третій годъ посажены
за работу! Изъ трехъ лагерей реакціи побуждаютъ правительство
борьбу воспользоваться заключеніями комисіи подрядовъ —
заключенныхъ, конечно, послѣ имперіи, — для того, чтобы пре-
дать суду исправительной полиціи, какъ можно болѣе республи-
канцевъ, начиная съ Наке, Эскироса, Жака и проч., а въ томъ
числѣ, и прежде всего, Гамбетту.

Даже „Journal des Débats“ пришелъ въ ужасъ, вида, что про-
цессомъ Ранка бѣлый конвентъ открываетъ періодъ страшной
политической мести.

Еслибы планъ истребленія революціонеровъ, публично начер-
танный печатью всеобщаго убійства, былъ принятъ и проведенъ
до конца, Генрихъ V, Людовикъ-Филиппъ II или Наполеонъ IV,
могли-бы, конечно, быть реставрированы. Но надъ чѣмъ бы они
царствовали? Чѣмъ содержали-бы свой дворъ и своихъ куртиза-
новъ? Половина Франціи уничтожила-бы другую, а та, которая
бы осталась для того, чтобы быть невѣжественною и годною

для подчиненія какому угодно тирану, также не была бы способна продолжать существованіе.

XXVII.

Католическая реакція. Война свободной мысли.

Лурдскія богомолія подготовили въ прошломъ году парламентскую революцію 24 мая; богомолія въ Парэ-ле-Моніаль экскалутируютъ ее. Въ этой деревушкѣ, ватерявшейся въ самой глухой части Бургундіи произошло, ровно два столѣтія тому назадъ, чудо, на которомъ основано поклоненіе Христову сердцу. Спаситель, по сказаніямъ легендъ, приведенныхъ въ разныхъ душеспасительныхъ книжкахъ, явился монахомъ Маргаритѣ-Маріи-Алялокъ, разверзъ свою грудь, вынулъ свое окровавленное сердце и позволилъ ей приложиться къ его ранамъ. Съ этого времени монахиня эта, которую доктора нашего времени назвали-бы помѣшанною, ежемѣсячно, будто-бы, посѣщалась своимъ небеснымъ покровителемъ и была признана супругою Христа, о чемъ и былъ составленъ правильный актъ, подписанный, вмѣсто нотариуса, игуменіей и самою Маргаритою-Маріею, росписавшеюся собственною кровью. Несмотря на многочисленность трактатовъ преподобныхъ отцевъ Ланге, Галлифе, Таборо и пр. о Христовомъ сердцѣ, до сихъ поръ нельзя хорошенько разузнать, чему собственно слѣдуетъ здѣсь поклоняться, дѣйствительно ли сердцу Спасителя или символу любви божественной и человѣческой? Неясность эта поддерживалась со всею ловкостью, отличающею вообще послѣдователей Лойоли.

Чѣмъ менѣе поклоненіе Христову сердцу сдѣлано понятнымъ и объяснимымъ, тѣмъ больше является людей, признающихъ его, такъ какъ каждый можетъ по своему истолковывать его, зная тѣмъ болѣе, что для полученія вѣчнаго спасенія достаточно носить на себѣ медаль или образокъ съ пылающимъ окровавленнымъ сердцемъ.

Все это только смѣшило-бы, и никто не заботился-бы о фарсахъ, разыгрываемыхъ въ Парэ-ле-Моніаль, если-бы свобода сходовъ, ассоціацій и публичныхъ манифестацій была одинаково предоставлена всѣмъ. Но такъ какъ дѣло поставлено совершенно иначе, приходится смотрѣть серьезно на вещи, въ сущности только смѣшныя. Приходится вспомнить, что поклоненіе Христову сердцу—выдумка иезуитовъ, относящаяся ко времени перехода великаго короля Людовика XIV отъ сожитія съ Монтеспанъ къ сожитію съ Ментенонъ, и сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ орудій фанатизма и проскрипцій, которымъ иезуиты воспользовались для подготовленія отмѣны Нантскаго Эдикта.

Католическіе комитеты, имѣвшіе на дняхъ общее собраніе въ Парижѣ, на которомъ присутствовалъ, въ качествѣ одного изъ

самыхъ равностныхъ членовъ, и министръ юстиціи Эрну, провозгласили *Силлабусъ* „главнымъ правиломъ ихъ общественнаго и частнаго поведенія“, и объявили, что для того, чтобы осветить свое возрожденіе, Франція должна посвятить себя сердцу Христову.

Если невозможно добиться отъ національнаго собранія торжественнаго постановленія въ этомъ смыслѣ, то нужно по крайней мѣрѣ заставить его утвердить проектъ воздвиженія на вершинѣ Монмартра—въ самомъ радикальномъ предмѣстьѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ инсургенты 18 марта разстрѣляли генераловъ Леконта и Клемана Тома,—громаднаго храма, падежки на постройку котораго должны быть покрыты добровольными приношеніями, и который, возвышаясь надъ Парижемъ, проклятымъ городомъ безвѣрія и демократіи, будетъ свидѣтельствовать о побѣдѣ Христова сердца, раскаяніи и обращеніи къ вѣрѣ старшей дочери Церкви!

Тѣ-же депутаты, которые ѣздили въ Шартръ благодарить Черную Богородицу за чудо низверженія Тьера, отправляются въ Парэ умолять святую Алякозъ сотворить новое чудо — чудо монархическаго слиянія, реставраціи нравственнаго порядка во Франціи и свѣтской власти папы, всеобщаго подавленія атеизма, деизма, ереси, разума и свободы, осуществленія анаемъ, провозглашенныхъ послѣднимъ соборомъ и непогрѣшимымъ папою всему, что представляетъ современное общество, прогрессъ и цивилизація.

Въ толгѣ, составленной изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ—аристократическихъ дамъ и крестьянъ,—привозимыхъ со всѣхъ концовъ страны экстренными поѣздами и украшенныхъ красными крестиками для отличія,—какъ во время Варооломеевской ночи,—вѣрныхъ отъ невѣрныхъ, появился авангардъ будущей арміи вѣри и папы—папскіе зуавы, которыхъ спасли, въ первый разъ тогда отличившіяся, шасспѣ при Ментайѣ; которымъ патріотическая глупость республиканцевъ народной обороны доставила случай изволированно въ Луарской арміи нѣсколько разъ выказать свою храбрость, тогда бесполезную, нынѣ-же эксплуатируемую; которыхъ не коснулся роковой законъ о распущеніи національной гвардіи и вольныхъ корпусовъ, потому что у насъ католики поставлены выше закона; и генералъ которыхъ де-Шареттъ, признающій не трехцвѣтное, а папское знамя, издалъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго дневнаго приказа: „Христово сердце—наша вѣра и наша надежда; Оно—нашъ принципъ, наша легенда и наше знамя. Мы готовы соединиться вокругъ этого знамени и окрасить его своею кровью, если *Церковь* или Франція когда нибудь будутъ въ насъ нуждаться... Сердце Христово, спаси Францію!“

Въ ожиданіи начала крестоваго похода, мечъ является на службу вѣри въ качествѣ украшенія; французская армія является украшеніемъ католическихъ церемоній, чего не было съ двад-

цатькъ годовъ нынѣшняго столѣтїя. Въ Марсели, прѣтивъ воли муниципалитета, праздновался праздникъ Христова сердца подъ покровительствомъ генерала Эспивана, командующаго осаднымъ положенїемъ въ департаментѣ устьева Роны. Даже въ Парижѣ, гдѣ прошлыя процессїи проходили еще не по большимъ бульварамъ, а только вокругъ церквей, губернаторъ Ладмиррѣ отдалъ всѣ полковые оркестры въ распоряженіе духовенства. Въ Отѣйлѣ гдѣ процессїи было разрѣшено пройти по улицамъ и сдѣлать роздыхъ при входѣ въ Булонскій лѣсъ, публика имѣла случай любоваться четырьмя артиллерїстами въ полной парадной формѣ, несшими покрывало надъ святыми дарами. Повсюду, гдѣ, вопреки конкордату и органическимъ законамъ, запрещающимъ религиозныя манифестаціи внѣ храмовъ тамъ, гдѣ существуютъ различныя вѣроисповѣданїя, праздновался праздникъ Христова сердца, какъ во времена, когда мы имѣли еще *одно о короля, одинъ законъ и одну вѣру*. — выразилось полное согласіе арміи, администраціи и духовенства. Ни одинъ префектъ или су-префектъ, ни одинъ генераль, ни одинъ предсѣдатель суда, не могъ отказатьсь отъ сопровожденїя епископа. По образцу лиги XVI столѣтїя, республика, военная и католическая, утвердилась на поверхности Франціи въ теченїи этого удивительнаго іюня мѣсяца.

Въ то-же время, въ Версали произошелъ весьма замѣчательный скандалъ. Депутатъ департамента Оды, Бруссъ, меръ Лиму, умеръ шестидесяти двухъ лѣтъ. Хотя онъ и принадлежалъ къ числу радикаловъ, собранїе, на основанїи регламента, должно было по жребїю избрать депутацію, которая, подъ предводительствомъ бюро, должна была представлять его на похоронахъ. Военное начальство, по обычаю, прислало почетный конвой, состоящїй изъ двухъ ескадроновъ кирасиръ подъ начальствомъ полковаго командира. 20 іюня, въ часъ пополудни, конвой и депутація явились въ квартиру покойнаго. Но вмѣсто того, чтобы проводить процессїю, они удалились, какъ только узнали, что, согласно волѣ умершаго похороны будутъ *гражданскими*, т.-е., что процессїя, не останавливаясь въ церкви, прямо пройдетъ на кладбище. Эксъ-министръ Гуляръ, присутствовавшїй въ качествѣ вице-президента палаты, подалъ сигналъ къ удаленїю, придя въ негодованїе на то, что осмѣлились пригласить ихъ къ участію въ святотатствѣ, а кирасирскїй полковникъ, по его призыву, съ самою добродѣтельною поспѣшностью вернулъ своихъ солдатъ въ казармы. Провожали тѣло частныя и политическія друзья покойнаго депутата, а на кладбищѣ, Шаллемель-Лакуръ, глубоко взволнованный всѣмъ происшедшимъ, сказалъ нѣсколько благородныхъ словъ надъ могилою. Для того, чтобы показать обществу всю безтактность и нетерпимость, выказанную членами бюро собранїя, ему достаточно было рассказать жизнь покойнаго, и доказать, что никто болѣе этого почтеннаго свободолюбиваго мыслителя не заслуживалъ почестей, оказываемыхъ всякому, хотя-бы и самому недостойному народному представителю. Этотъ

изгнанникъ 2 декабря, умирая, завѣщалъ четыреста тысячъ франковъ бѣднымъ своей общины и подарилъ свой домъ мэри и школамъ.

Этотъ случай произвелъ тѣмъ большее впечатлѣнiе, что онъ произошелъ какъ разъ въ то время, когда отъ правительства было потребовано объясненiе по поводу невѣроятнаго поступка Лионскаго префекта. Постановленiемъ отъ 18 iюня, ретивый Дюеро, инженеръ, превращенный правительствомъ Тьера въ политическаго администратора Сентъ-Этиенна, а нынѣшнимъ правительствомъ переведенный въ Лионъ, — предписываетъ, чтобы передъ каждымъ похорономъ было сообщаемо мэри, будетъ ли совершаться погребенiе съ участiемъ или безъ участiя духовенства одного изъ признанныхъ вѣроисповѣданiй, — католическаго, протестантскаго или еврейскаго. Въ томъ случаѣ, если священника не будетъ, погребенiе должно совершаться лѣтѣмъ — въ шесть, а зимою — въ семь часовъ утра, и погребальная процессiя идти по кратчайшей дорогѣ. Кромѣ того, запрещается дѣлать сборы на кладбищѣ или общественныхъ дорогахъ по случаю похоронъ.

Это значитъ возвращаться ко времени, предшествующему 1789 году, къ XVII столѣтiю, когда король объявилъ что, такъ какъ *по праву* существуетъ только одна религiя во Францiи, единственно правая, римская апостолическая католическая, всякій, кто умретъ внѣ ея, долженъ быть признаваемъ еретикомъ, и какъ таковой, зарытъ ночью въ проклятой части кладбища или же даже влаченъ по дорогѣ, сопровождаемый всѣми оскорбленiями, какiя должно оказывать нечестiю и ереси.

Разъ что этотъ путь указанъ, логика требуетъ, — и наши благочестивыя газеты этого не скрываютъ, — чтобы присутствiе священника у одра умирающаго было сдѣлано обязательнымъ и чтобы ни одинъ супружескiй союзъ не былъ дѣйствителемъ безъ церковнаго освященiя. Однимъ словомъ, регламентация похоронъ показалаея масѣ образованной и либеральной публики нервымъ шагомъ къ начальственному вторженiю католицизма во всѣ важнѣйшiе моменты частной жизни и уничтоженiю гражданскаго порядка, стоящаго внѣ всякихъ религiй и служащаго основанiемъ всякаго свѣтскаго общества и дѣйствительною гарантiею полной свободы совѣсти.

Умѣренный республиканецъ, не материалистъ, а протестантъ, убѣжденный въ существованiи Бога и великомъ значенiи христіанства, Ле-Роие (изъ Лиона), первый поддержалъ запросъ, сдѣланный по этому поводу, 24 iюня, правительству. Его честное, твердое и, въ тоже время, спокойное слово не внушило уваженiя фанатикамъ правой стороны. Съ самого же начала его рѣчи его стали прерывать, когда онъ заговорилъ о священнои свободѣ совѣсти, неотчуждаемой завоеванной французскою революцiею. Сдѣлали видъ, что не слушаютъ его, когда онъ излагалъ жегѣпость мотивовъ постановленiя Дюеро, основаннаго на декретахъ и законахъ, неправильно цитированныхъ и истолкованныхъ въ

противность ихъ настоящаго смысла. Не хотѣли допустить, чтобы въ дѣлѣ погребенія были сравнены лица, придерживающіяся одной изъ трехъ признанныхъ религій; лица, имѣющія другія вѣрованія и лица, совершенно отрицающія религій. Надъ ними стали смѣяться, когда онъ доказывалъ, что требуютъ заявленія о присутствіи или отсутствіи духовенства на похоронахъ, значить требовать исповѣди послѣдней мысли умирающаго и посягать на свободу его совѣсти. Когда онъ предложилъ палатѣ по-пробовать возвести отдѣльный случай превышенія префекторальной власти—въ общій законъ, какъ-бы полагающій нравственное клеймо на лицѣ умершихъ внѣ религій, нѣсколько депутатовъ-паллиримовъ закричали: „посмотримъ!“ Когда онъ, несмотря на перерывы, старался доказать, что государство, по самому существу своему—общество свѣтское,—онъ могъ бы сказать, вмѣстѣ съ Гизо, общество атеистическое — мудрый Шемелонъ возразилъ ему, что матеріалисты должны быть поставлены внѣ закона, а Жанъ Брюне, что законъ покровительствуетъ вѣрѣ въ Бога, каково бы ни было исповѣданіе. Когда онъ старался показать тѣмъ, которые видятъ политику въ гражданскихъ похоронахъ, что ея достаточно и въ богомоляхъ, на которыхъ кричать: да здравствуетъ Пій IX; и украшаютъ себя крестами съ буквами: V. N. V. (Vive Henri V), правая сторона отвѣчала криками:

— Это не правда! Это ложь! Вы лжете!

А президентъ Бюффе не потрудился даже прекратить эти дерзости. Ораторъ, не желая продолжать безпорядковъ, не сталъ представлять доказательствъ, лежавшихъ у него въ карманѣ.

Такъ какъ Ле-Ройе сказалъ что-то о скандалѣ, произведенномъ удаленіемъ военнаго конвоя съ похоронъ депутата Брюсса, военный министръ бросился къ трибунѣ, какъ на приступъ:

— Насъ обвиняютъ въ нарушеніи закона! воскликнулъ онъ; для насъ законъ—военный регламентъ, а что говоритъ 374 статья? „Войска, командированныя для отдачи послѣднихъ почестей, отправляются въ домъ умершаго, они сопровождаютъ тѣло *въ церковь*, а оттуда, прямо на кладбище.“ А такъ какъ тѣло не было отвезено *въ церковь*...

Раздаются взрывы хохота и ироническія рукоплесканія во всей палатѣ.

Генераль де-Барайль пускается въ очень туманное объясненіе, стараясь доказать, что слова *церковь*, *храмъ* и *синагога*—синонимы, и торжественно произноситъ фразы:

— Во всякомъ случаѣ, мы никогда не позволяемъ, чтобы наши войска были замѣшаны въ анти-религіозныхъ манифестаціяхъ. Если вы отнимите у военныхъ вѣру въ загробную жизнь, вы не будете имѣть права требовать отъ нихъ пожертвованія своимъ существованіемъ!

Энтузіазмъ большинства достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Засѣданіе прерывается. Бывшій министръ Сиссе торжественно ко-

жимать руку своему преемнику. Залпы рукоприкладий приветствуют дружбу двух воинов и союз армий с церковью.

Министръ внутреннихъ дѣлъ пытается отомстить за свою неудачу 10 июня. Его упрекали циркуляромъ Паскаля, онъ же, развертывая громадную кипу бумагъ, подготовленныхъ Ронскимъ префектомъ, — присутствующимъ на засѣданіи, — бросаетъ въ лицо своимъ противникамъ пять или шесть анекдотовъ о какомъ-то ребенкѣ, похороненномъ граждански по волѣ его отца, нѣсколько дней спустя послѣ его перваго причащенія; о бѣдныхъ маленькихъ существахъ, лишенныхъ святой воды, потому что матери продали ихъ тѣла свободнымъ мыслителямъ; о мертвыхъ, взятыхъ изъ госпиталей для того, чтобы они могли служить предлогомъ для анти-религіозныхъ манифестацій.

Знаменитый республиканецъ Тарже, виновникъ паденія Тьера, выражаетъ свое негодованіе.

Карэонъ Латуръ умоляетъ министра ради чести Франціи, остановиться, а национальное собраніе вотировать благодарность ронскому префекту.

Но Бале имѣлъ безтактность не послушаться этого совѣта и началъ рассказывать невѣроятную басню о нѣкоемъ Шавро, помощникѣ ліонскаго мэра, тѣло котораго, сопровождаемое всѣми выборными должностными лицами города, было погребено *французски*, несмотря на протесты всего его семейства, не долуженнаго даже въ одру умирающаго.

Еъ несчастію мэръ Ліона, Бароде, руководившій похоронами своего помощника, присутствуетъ въ засѣданіи. Шумъ, поднятый ханжами, не помѣшалъ ему заставить ихъ разслушать, во-первыхъ, что „Шавро былъ похороненъ такъ, какъ самъ того хотѣлъ. Онъ продиктовалъ своему нотаріусу свою послѣднюю волю!“ И во вторыхъ, „что большая часть свѣдѣній, сообщенныхъ министромъ, ложны, прочія — преувеличенны; мы требуемъ слѣдствія!“

Но правая сторона не обращаетъ на это вниманія. Для нея достаточно, если факты пройдутъ за вѣрныя, не замѣчая того, что внѣ Франціи никто этому не повѣритъ, такъ какъ всѣ знаютъ что похищеніемъ труповъ и, даже живыхъ дѣтей, какъ напри-мѣръ, недавно маленькихъ евреевъ Мортара и Коена, отличалась скорѣе католическая церковь, и что поведеніе ассоціаціи свободныхъ мыслителей въ Италіи и Вельгіи, можетъ оставить поведеніе ихъ ліонскихъ товарищей внѣ черезъ чуръ романтическихъ диффамаций префекта Дюкро и министра Белъ.

Такъ какъ рѣшеніе Версальскаго собранія сложилось уже раньше, пастору Прессансе не безъ труда удалось получить слово, а затѣмъ на нѣсколько минутъ привлечь вниманіе, благодаря анекдоту приведеннымъ фактамъ, — „если только они справедливы“, и благодаря анти-матеріалистскому исповѣдыванію Бога и Христа, а безъ которыхъ, — сказалъ онъ, — свобода немислима.“ Но наши католики были сильно наказаны за свое терпѣніе, потому что

этотъ христіанинъ, этотъ деистъ, сказали имъ, какъ и любой свободный мыслитель:

— Вы хотите изгнать независимую нравственность; бойтесь установить религію, независимо отъ нравственности!.. Я не допускаю, чтобы государство клало свою тѣжолую руку на вопросы души и совѣсти... Наши убѣжденія не касаются ни вашихъ жандармовъ, ни вашихъ префектовъ, ни вашихъ министровъ, ни самого національнаго собранія; они касаются только индивидуальной совѣсти... Ваше ліонское постановленіе—скандалъ; попробуйте сдѣлать подобное въ Парижѣ!

— Что это угроза? прерываетъ изъ праваго, почти изъ лѣваго центра, либераль Гаслондъ.

Производя впечатлѣніе своимъ глубоко убѣжденнымъ краснорѣчіемъ, г. де-Прессансе, несмотря на раздраженіе фанатиковъ, заканчиваетъ свою рѣчь:

— Вы унижаете религію, защищая ее такимъ образомъ... Ваше постановленіе—премія лицемѣрью... Честь каждой религіи требуетъ, чтобы не было принужденія въ ея исповѣданіи... Ни одинъ изъ предшествовавшихъ режимовъ не рѣшился бы на подобный шагъ. Вы вступаете на путь религіозной политики. Ничто не можетъ быть гибельнѣе ее для этой страны. Подобная политика погубила бы десять монархій съ нѣсколькими имперіями!

Философія, въ лицѣ сотрудника „République Française“, Шаллемель Лакура и старо-католицизмъ въ лицѣ г. Арно (изъ Аріежа) не могутъ заставить себя выслушать. Ловкій президентъ Бюффе эскамутируетъ закрытіе преній.

Представляется шесть переходовъ къ очереднымъ дѣламъ. Правительство соглашается съ самымъ іезуитскимъ, поддерживаемымъ четырьмя фракціями правой стороны, и составленнымъ де-Велькастелемъ и Кюмономъ: „Принимая во вниманіе, что всегда уважаемые имъ принципы свободы, совѣсти и вѣроисповѣданій, въ данномъ случаѣ не затронуты, національное собраніе и пр.“

Крайняя лѣвая вмѣстѣ съ Шаллемель-Лакуромъ, желала „высказать порицаніе ліонскому постановленію и „пригласить правительство принять мѣры къ тому, чтобы принципы свободы совѣсти и законы, покровительствующіе имъ, уважались его агентами“.

Въ преніяхъ о первенствѣ вотированія даютъ говорить только Лабула, потому что надѣются, что онъ, какъ въ дѣлѣ Ранка, измѣнитъ лѣвой сторонѣ. Но, напротивъ того, онъ старается разъяснить недоразумѣніе, созданное правительствомъ и клерикалами. Онъ приводитъ два другія постановленія префектовъ Гарсаго и Воклюзскаго противъ гражданскихъ похоронъ, которыя, по словамъ католической газеты Нима „Châtiment“, должны производиться въ часъ, „когда городъ очищается отъ нечистоты“. Итакъ, чтобы ни говорилъ министръ, здѣсь дѣло идетъ не о мѣстной мѣрѣ, а о „цѣлой системѣ“. Вотъ почему

Лябуль и его друзья подають голосъ за переходъ, предложенный г. Андре, не одобряющій выясненныхъ правительствомъ фактовъ, но порицающій также постановленія, посвящающія на свободу совѣсти.

Эта попытка къ примиренію чрезъ охраненіе главнаго принципа не приводитъ, однако; ни къ чему. Лѣвнѣйшій центръ распадается на двѣ половины, и переходъ Белькастеля проходитъ большинствомъ 413 голосовъ противъ 251.

Отмигнѣ, все, кажется, позволено противъ свободной мысли и въ пользу фанатизма. Въ отвѣтъ на переходъ Белькастеля, четыре тысячи лѣонскихъ гражданъ рѣшились сопровождать, въ шесть часовъ утра, и по улицамъ, указаннымъ полиціею, гражданскіе похороны простаго рабочаго. Тотчасъ-же, префектъ Роны вывѣсилъ объявленіе, что не отмигнѣно постановленіе отъ 25-го апрѣля 1853 г. одного изъ его предшественниковъ, запрещающее всякія рѣчи на могилахъ и присутствіе на похоронахъ болѣе трехсотъ лицъ.

На похоронахъ двухъ дѣтей свободныхъ мыслителей полиція раздѣлила похоронную процессію ровно по опредѣленной цифрѣ и приказала прочимъ разойтись. Она заняла помѣщеніе одного виннаго торговца, у котораго остановились рабочіе, возвращавшіеся съ похоронъ и пересмотрѣла счета, чтобы удостовѣриться, не было-ли собираемо денегъ на похороны. Поднять вопросъ о устройствѣ въ Лионѣ особаго промлятаго владѣнца для свободныхъ мыслителей. Прокуроръ республики въ Труа разослалъ мировымъ судьямъ департамента циркуляръ, въ которомъ приравниваются къ нарушителямъ домашняго очага тѣ, которые удаляютъ священника отъ одра умирающаго и вступаютъ по этому поводу въ борьбу съ семействомъ его, хотя-бы они могли представить обязательство, подписанное самимъ умирающимъ.

Такъ хорошо поддерживаемая прокурорами республики, — а чуть было не свазалъ имперіи — катлическая реакція развивается, руководимая іезуитами и папскими зуавами. Ни „Univers“, ни „Monde“, ни „Union“, ни „Assemblée Nationale“ — а по ихъ примѣру цѣлыя сотни провинціальныхъ газетъ, — не стѣсняются отождествлять правительственный порядокъ съ фанатизмомъ и не скрываютъ, что цѣль, къ которой они стремятся, есть возрожденіе посредствомъ *Силлабуса* и уничтоженіе принциповъ 1789 года.

Въ воскресенье, 29-го іюля, въ Парэ-ле-Моніальъ появилась группа, человекъ въ тридцать депутатовъ. въ числѣ которыхъ были Эльзасецъ Келлеръ и генераль Дюкро, съ богатыми хоругвами, на которыхъ, съ одной стороны, было вышито сердце Христова съ надписью: „Cor Iesus, salus sperantium in te, miserere nobis!“ а съ другой — таблицы закона со словами: „Sancta lex, sancta mandata“. Пилигримы изъ простонародья приняли эту группу за официальную депутацію изъ Версаля и приняли ее восторженными криками: „да здравствуетъ національное собраніе!“

Послѣ того, какъ депутаты пригласившись въ часовнѣ, водили гужую на мѣстѣ, гдѣ Маргарита Марія Алякоксъ видѣла свои видѣнія, одинъ изъ нихъ, де-Вельмастеръ, произнесъ слѣдующее торжественное посвященіе:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Святое сердце Христово, мы посвящаемъ себя Тебѣ, себя и всѣхъ нашихъ товарищей, соединенныхъ съ нами одинаковыми убѣжденіями. Молимъ Тебя, отпусти наши согрѣшенія!

Угнѣзительно для будущности Франціи, что эти выраженія парламентскаго благочестія и анархеизма, провозглашающія демократію реакціонною прессою, равно какъ и гоненіе свободной мысли, начатое префектами борьбы, не увлекаетъ народныхъ массъ. Несмотря на организацію католическихъ кружковъ, громадное большинство рабочихъ питаетъ все большую и большую антипатію къ *канжамъ*, какъ говорить въ мастерскихъ. Даже крестьяне начинаютъ возставать противъ пилигримствъ. Они перестаютъ довѣрять своимъ священникамъ, видя за ихъ спиною дворянство, и, несмотря на свою наивность, замѣчая въ глубинѣ клерикальнаго и роялистскаго движенія, реставрацію прежняго режима и посягательство на ихъ собственность. Отвращеніе народное не измѣнится отъ того: будутъ-ли иезуиты замѣнять Генрика V Людовикомъ Филипомъ II или герцогомъ Омальскимъ. Направляемые классы настроены вполне враждебно къ классамъ направляющимъ. Національное собраніе повсюду встрѣтится съ сильнѣйшею ненавистью, которая, если и сдерживается темеръ, тѣмъ сильнѣе разразится въ скоромъ времени противъ возстановителей ненавистнаго прошлаго.

Блудъ Францъ.

НА ВѢНСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

II.

Удалась вѣнская выставка или не удалась? Одни говорятъ: да; другіе — нѣтъ, и въ концѣ концовъ и тѣ и другіе правы. Все дѣло въ точкѣ зрѣнія, съ которой вы посмотрите на выставку. Съ точки зрѣнія *Vismler'a* выставка удалась и не могла не удалась. Для *Vismler'a* выставка даже слишкомъ многоплодна. Для него было-бы вполне достаточно ротонды, кое-чего изъ дворца промышленности, восточныхъ отдѣловъ, художественной выставки и ресторановъ. Кстати, я еще ничего не сказалъ вамъ о ротондѣ. Это — огромный, чрезвычайно высокій павильонъ, находящійся въ самой срединѣ дворца промышленности. Въ центрѣ

его бьетъ большою и очень красивую фонтанъ, а вокругъ расположены лучшія произведенія различныхъ странъ. Но лучшія, значить здѣсь, главнымъ образомъ, красивѣйшія, и въ этомъ отношеніи ротонда не оставляетъ ничего желать: столько здѣсь красоты и блеску, красокъ и узоровъ. Ротонда устроена какъ-бы специально для бумилеровъ, не только потому, что расположены въ ней произведенія пересыпаны, такъ-сказать, опять-таки ресторанами и буфетами, но и потому, что оно есть главное выставленіе красокъ и узоровъ. Какъ и по чьему выбору наполнялась ротонда — я не знаю, но знаю, что она напоминаетъ собой извѣстное описаніе кабинета рѣдкостей въ каземъ-то водевилѣ:

По стѣнамъ изображенья
Историческихъ всѣхъ лицъ.
Всѣ Брамбеуса творенья
И набитыхъ много птицъ,
Стеариновы свѣчи,
Самострѣльный пистолець,
Бородинскія картечи и т. д.

Конечно, ротонда неизмѣримо грандіознѣе, и по величинѣ и по качествамъ предметовъ, чѣмъ этотъ водевильный кабинетъ рѣдкостей. Но она напоминаетъ его по бессмысленности своего состава; колоссальная статуя изъ стеарина на пьедесталѣ, изъ мѣла и колоссальная-же гипсовая модель швейцарскаго національнаго монумента въ Женевѣ, удивительно эффектно расположенныя французскія мѣдныя трубы и очень художественно исполненныя манекены лапландцевъ, модель брусельской биржи и вѣнскіе альбомы, порсигары, церковныя органы и малахитовыя столы и проч. О томъ, въ какой мѣрѣ ротонда можетъ дать понятіе о степени промышленнаго развитія (а ротонда есть часть дворца промышленности) какой-нибудь страны, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что помѣщенія въ ротондѣ удостоились слѣдующія русскія произведенія: издѣлія императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, колыванской и екатеринбургской гранильныхъ фабрикъ, графитъ, серебряныя вещи Сазикова, гуттаперчевыя вещи російско-американской компании и малахитовыя издѣлія петербургскаго фабриканта Шпергазе. Среди всего этого, есть вещи, дѣйствительно, прекрасныя, но говорятъ-ли онѣ что-нибудь, что-бы то ни было о русской промышленности? Въ цѣломъ, великолѣпная ротонда представляетъ только рядъ блестящихъ калейдоскопическихъ зигзаговъ, сохраняющихъ для васъ всего на одну минуту извѣстный, если можно такъ выразиться, смыслъ симетріи и блеска. Вы получаете въ самое короткое время громадную массу впечатлѣній, другъ на друга наскакивающихъ, другъ друга затирающихъ, въ которыхъ оріентироваться нѣтъ возможности, и право, незнаю, не только, какъ отражаются и группируются эти впечатлѣнія въ вашемъ мозгу, но даже группируются-ли онѣ

вообще, какъ-бы то ни было. Но если вы буммеръ, то вамъ нѣтъ никакого дѣла до этого: день прѣиде, вы благодарите Господа. Но ретонда есть только сконцентрированная выставка, и къ послѣдней относится почти все, что можно сказать о первой. А если выставка кое-гдѣ и уклоняется отъ своего буммерскаго характера, то дѣло поправляетъ самъ буммеръ: туда, гдѣ есть нѣчто, кромѣ красокъ и узоровъ, публика ходитъ мало, а туда, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, совсѣмъ не ходитъ. Такъ что съ точки зрѣнія буммера, выставка во всякомъ случаѣ удалась!

Если вы прѣехали на выставку съ наивною мыслию въ самомъ дѣлѣ присутствовать при публичномъ отчетѣ цивилизаціи, то вы, конечно, должны будете горько разочарованы. Но это будетъ простое наказаніе за наивность, потому что вы погѣвали въ воду, не спросясь броду, потому что вы пришли искать воды въ Сахарѣ, ростбифа въ избѣ вологодскаго мужика, мысли въ болванѣ для париковъ; словомъ, чего-то такого, чего, по самымъ условіямъ явленія, оно вамъ дать не можетъ. Теперь, когда баронъ Шварцъ можетъ, положи руку на сердце, сказать, что его дѣло почти сдѣлано, весьма легко убѣдиться въ справедливости тѣхъ бѣглыхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы въ прошломъ письмѣ. Цивилизація есть сумма благъ, которая можетъ быть разбита на нѣсколько категорій: красота, богатство, истина, свобода, справедливость. Послѣдніе результаты цивилизаціи и ростъ различныхъ ея категорій. — вотъ что долженъ былъ-бы представить собою публичный отчетъ цивилизаціи. Пусть этотъ отчетъ будетъ разграфленъ по странамъ и національностямъ, — это не бѣда, это даже очень полезно. Пусть намъ покажутъ, какой степени развитія достигли различные блага цивилизаціи въ Россіи, Венгріи, Франціи, Египтѣ и проч. Главное дѣло только въ томъ, чтобы ясенъ былъ характеръ движенія цивилизаціи, чтобы всякій, или хоть и не всякій, могъ видѣть, что пережила его родина, какъ она живетъ теперь, что съ большею или меньшею вѣроятностью ей предстоитъ пережить въ будущемъ. Иначе, какой-же смыслъ можетъ имѣть публичный отчетъ цивилизаціи? Но ничего подобнаго выставка собою не представляетъ. Изъ всѣхъ категорій, на которыя можетъ быть разбита сумма благъ, называемая цивилизаціей, наиболѣе полно представлена красота. Она представлена даже слишкомъ хорошо; вся выставка есть, можно сказать, нѣкоторый обширный храмъ красоты, въ которомъ служеніе этому богу производится въ ущербъ и истинѣ, и справедливости, и даже богатству. Это исполнѣ естественно, такъ какъ всемирная выставка есть нѣчто въ родѣ Духова дня, когда кучики-невѣсты, разряженныя, на-румяненыя, выкупаютъ въ Лѣтній Садъ. Невѣсты желаютъ блеснуть и богатствомъ, и извѣстнымъ своеобразнымъ пониманіемъ свѣтскихъ приличій, и всякими другими качествами, но все это непременно должно быть оружено ореоломъ красоты или хоть украшеній. Такъ и на выставкѣ;—и въ этомъ не было-

бы никакой бѣды, еслибы красота не пересаливала. А то, напримеръ, англійская каменноугольная промышленность, которую кормится $\frac{1}{6}$ всего населенія Англїи, и представлена плохо, и не обращаетъ на себя ничего вниманія; а, напримеръ, вѣнскія кожаныя Galanterie-Waaren (альбомы, самовожы, портмоне и проч.): дѣйствительно, очень красивыя и хорошия вообще, но занимающія всего 700 рабочихъ, да еще около 1,000 человекъ, приготовляющихъ бронзовыя и стальныя украшенія для нихъ, представлены роскошно. Да и вообще, дѣйствительныя богатства современной цивилизаціи и объективно, и субъективно, т. е. и сами по себѣ, и по отношенію къ нимъ публики, вездѣ уступаютъ на выставкѣ первое мѣсто богатствамъ болѣе или менѣе первобытнаго свойства, служащимъ дѣламъ украшенія и отнюдь не заслуживающимъ названія богатства съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Частный человекъ, который украситъ свою супругу великолѣпными брилліантами Кюбека и Эгоди; султанъ турецкій, обладающій 330 необыкновенными драгоценностями, конечно, богаты; но на публичномъ отчетѣ цивилизаціи этого рода богатства должны были-бы, собственно говоря, играть только отрицательную роль, потому что не можетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, цивилизація хвастаться тѣмъ, что у турецкаго султана есть триста-тридцать необычайныхъ драгоценностей. Оставляя въ сторонѣ болѣе крайнія требованія, можно, по малой мѣрѣ, сказать, что цивилизаціи до этихъ драгоценностей нѣтъ никакого дѣла. А между тѣмъ, о появленіи ихъ много хлопотала дирекція выставки; появленіе ихъ сопровождается особенно почетной обстановкой: такъ, ихъ ждутъ очень долго (въ ту минуту, какъ я пишу, во второй половинѣ іюня, ихъ, все-таки, не показываютъ), ихъ ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ, и носятя слухи, что видѣть ихъ удостоится только тѣ, кто пробылъ на выставкѣ извѣстное, довольно продолжительное время. Такой парадный выходъ султанскихъ драгоценностей былъ-бы вполне естественъ въ самой Турціи, гдѣ съ ними связывались-бы и понятія о величїи священной особы падишаха, и тупое удивленіе его частныхъ богатствамъ, и восторгъ невѣжественныхъ людей передъ красотой и блескомъ алмазовъ, рубиновъ и проч. Но вѣдь мы не въ Турціи, мы на публичномъ отчетѣ цивилизаціи!... □

До какой степени неприложимы въ выставкѣ требованія, какія могли бы быть предъявлены публичному отчету цивилизаціи, видно изъ слѣдующаго примѣра, который мнѣ хотѣлось привести еще въ прошломъ письмѣ, да забылъ. На маленькой хорошенькой полянкѣ, окруженной тѣнистыми деревьями, стоитъ вигвамъ, палатка американскихъ индійцевъ, можетъ быть тѣхъ самыхъ модоковъ, истребленіемъ которыхъ нынѣ занята сѣверная Америка. Но въ вигвамѣ нѣтъ ни модоковъ, ни ихъ утвари, ни ихъ оружія, словомъ, ничего модоковскаго. Въ немъ устроены буфетъ, въ которомъ продаются различныя американскія „mixed drinks“, какъ-то: sherry cobbler, milk punch, claret punch и проч., назва-

ни до десяти. Это довольно вкусныя смѣси разныхъ напитковъ, преимущественно спиртуознаго свойства; подаются они со льдомъ и танутся черезъ соломинку. Подаютъ ихъ негры, черныя лица которыхъ очень эффектно выдѣляются на фонѣ ихъ бѣлыхъ костюмовъ. Разберитесь теперь, зачѣмъ на публичномъ отчетѣ цивилизаціи sherry cobbler подается въ модовскомъ вигвамѣ, а главное, зачѣмъ цивилизація вывезла на свой публичный отчетъ лагевъ-негровъ? Вѣдь цивилизація такъ гордится, и справедливо гордится, освобожденіемъ негровъ, а тѣ времена, когда лагевъ-негръ составлялъ въ Европѣ своего рода шпигъ, тоже вѣдь были и бывшемъ поросли. Оставляя въ сторонѣ вигвамъ, приспособленіе котораго, во всякомъ случаѣ, несообразное, можетъ быть объяснено какою-нибудь случайностью, — не преслѣдовала-ли здѣсь цивилизація какой-нибудь коварной цѣли? Не хотѣла-ли она наглядно показать тотъ пройденный уже фазисъ развитія справедливости, экономического быта и умственного характера, когда южно-американскій плантаторъ, не въ вигвамѣ, конечно, наслаждался разными прохладительными mixed drinks, подаваемыми руками покорныхъ и забытыхъ рабовъ-негровъ? Но вы, разумеется, чувствуете сами до какой степени этотъ вопросъ наивенъ, до какой степени неудовлетворимы вытекающія изъ него требованія. На своемъ публичномъ отчетѣ цивилизація самымъ нелѣпымъ образомъ извращаетъ даже то, чѣмъ она имѣетъ полное право хвалиться, и единственно для удовлетворенія буммерскаго любопытства вывозитъ изъ Америки освобожденныхъ рабовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ лагевъ.

Даже относительно царящей на выставкѣ красоты, публичный отчетъ цивилизаціи даетъ, въ сущности, весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Красоты здѣсь столько, что можно подумать, что современная цивилизація имѣетъ чуть не исключительно эстетическій характеръ. Это ужь само по себѣ ложь, или по крайней мѣрѣ односторонность, но тѣмъ неудовлетворительнѣе отвѣты отчета на различные, относящіяся сюда побочные вопросы. Не ищите, на примѣръ, на выставкѣ данныхъ для исторіи развитія эстетической стороны цивилизаціи. Только кое-гдѣ, въ восточныхъ и колониальныхъ отдѣлахъ, вы наткнетесь на вещи, о которыхъ можно сказать: вотъ, приблизительно, какъ понималась красота прежде, и, какъ она понимается и до сихъ поръ въ странахъ, мало цивилизованныхъ. Въ европейскихъ же отдѣлахъ ничего исвать какой-бы то ни было градаціи понятій красоты. Я не имѣю при этомъ въ виду такъ называемаго „павильона любителей“, составляющаго часть художественной выставки и наполненнаго средневѣковыми рѣзными, скульптурными и другими художественными произведеніями. Это, вонервыхъ, случайное явленіе на выставкѣ, обязанное своимъ существованіемъ инициативѣ нѣсколькихъ любителей и специалистовъ; а вотъ-рыкъ, здѣсь нѣтъ рѣчи собственно объ искусствѣ, вопросъ о которомъ несравненно сложнѣе, чѣмъ вопросъ о красотѣ. Я

просто иду различных ступеней развитія понятій о красотѣ и ничего подобнаго не нахожу, а разъ нѣтъ поля для сравненія, нѣтъ и возможности какихъ-нибудь выводовъ. Единственный выводъ, который можетъ быть сдѣланъ въ этомъ отношеніи, угазанъ въ прошломъ письмѣ. Это — постепенное исчезновеніе національных особенностей въ выставленныхъ произведеніяхъ вообще, а слѣдовательно, и въ пониманіи красоты. Въ европейскихъ отдѣлахъ все красиво, и все красиво съ точки зрѣнія современнаго цивилизованнаго человѣка, современнаго ферштандсменша. Я замѣтилъ только одну витрину, рѣзко выдающуюся въ этомъ отношеніи. Это именно витрина одного польскаго пряничнаго фабриканта въ русскомъ отдѣлѣ (того самаго, который выставилъ Стефана Баторія изъ сахара). Этотъ экспонентъ, — я не помню его фамиліи, — представилъ на публичный отчетъ цивилизаціи, между прочимъ, огромный безобразный пряникъ, въ видѣ пирога и еще болѣе безобразныхъ пряничныхъ пѣтуховъ и т. п. съ украшеніями изъ сусальнаго золота. Я вижу въ этихъ безобразіяхъ одинъ изъ немногихъ лучей правды на вѣнской всемірной выставкѣ. Цивилизація, конечно, жетъ, когда утверждаетъ на своемъ публичномъ отчетѣ, что она въ области красоты производитъ только французскія бронзы, итальянскія статуи, австрійскіе портсигары, русскія яшмовыя и порфіровыя чаши. Все это несомнѣнно прекрасно, все это несомнѣнно произведено цивилизаціей, т.-е. формой „ферштандсменшъ и гефюльсменшъ“. Но вѣдь всякій же понимаетъ, что этой высокой ступени развитія понятій о красотѣ достигла только одна половина представителей формы. А между тѣмъ, дѣло поставлено такъ, что вышеупомянутый экспонентъ-пряничникъ совершилъ нѣчто въ родѣ гражданскаго подвига, выставивъ безобразныхъ пѣтуховъ, волинь однако удовлетворяющихъ миліоны русскаго люда. Своимъ публичнымъ отчетомъ цивилизація самымъ наивнымъ образомъ обманываетъ сама себя. Она подаетъ сама себѣ сливки и торжественно объявляетъ, что вотъ, молъ, что дала мнѣ моя корова. Но куда-же дѣвалось снятое молоко и почему объ немъ не упоминается ни единымъ словомъ, когда всѣмъ извѣстно, что оно существуетъ? Выставка, несомнѣнно, даетъ не мало матеріаловъ для рѣшенія вопроса: чѣмъ и какъ живутъ, и чего жаждутъ душа и тѣло современнаго ферштандсменша? Допустимъ, что цѣль эта стоитъ тѣхъ затратъ, которыхъ требуетъ всемірная выставка, и что матеріалы собраны и расположены вполне удовлетворительно. И то, и другое, собственно говоря, совсѣмъ несправедливо, но положимъ. Все-таки мы имѣемъ отчетъ цивилизаціи совершенно односторонній и вдвойнѣ фальшивый: онъ не только не полонъ, но еще выдаетъ себя за полный. Это было-бы нагло, еслибы не было наивно. Такъ какъ тѣ времена, когда Марія Антуанета совѣтовала голодающимъ, въ виду дороговизны хлѣба кушать кондитерскіе пирожки, уже прошли, и всякому случалось встрѣчать въ жизни явленія, пропущенныя на выставкѣ, то: ~~шаш-~~

жестъ была бы въ этомъ случаѣ даже совсѣмъ непонятна, если бы она не питалась побочными вопросами. Въ числѣ этихъ побочных вопросовъ самое видное мѣсто занимаетъ такъ называемое международное соперничество. Выгоды отдѣльныхъ экспонентовъ, естественно выдающихъ въ выставкѣ удобнѣйшій моментъ для рекламы, и патриотизмъ, откуда и какъ бы онъ ни выросъ, сосредоточиваютъ мысль большинства общества на щегольствѣ произведеніями той или другой страны. Въ этомъ щегольствѣ видятъ даже обыкновенно самую суть всемирныхъ выставокъ, и пускаются въ красивыя, удобныя и утѣшительныя сравненія ихъ съ олимпійскими играми въ Греціи и съ средневѣковыми рыцарскими турнирами. Но этимъ-же самымъ, очевидно, подписывается смертный приговоръ выставкѣ, какъ публичному отчету цивилизаціи. Очевидно, что на выставкѣ выиграетъ тотъ народъ или тѣ экспоненты, которые, по обстоятельствамъ времени и мѣста, лучше съумѣютъ и смогутъ товаръ лицомъ показать. А эти обстоятельства безконечно разнообразны и часто въ высшей степени мелочны. Я приводилъ уже цифры экспонентовъ англійскихъ и австрійскихъ, изъ которыхъ цифръ слѣдовало бы заключить, что Австрія далеко опередила Англію на пути промышленнаго развитія, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло объясняется просто тѣмъ, что выставка имѣетъ мѣсто въ столицѣ Австріи. Есть, правда, на вѣнской выставкѣ такъ называемый павильонъ „всемирной торговли“, въ которомъ, однако, сосредоточены главнымъ образомъ данныя для новѣйшей исторіи торговыхъ отношеній Триеста. Въ *cercle oriental* помѣстилась маленькая бібліотека, состоящая изъ монографій по торговлѣ и статистикѣ Востока. По инициативѣ эрц-герцога Райнера предлагается рядъ публичныхъ отчетовъ специалистовъ. Предполагается, кромѣ того, международные конгрессы пивоваровъ, политико-экономовъ, учителей и проч. Весьма вѣроятно, что эта сторона выставки дастъ болѣе или менѣе цѣнные результаты. Но вѣдь выставка тутъ, собственно говоря, не при чемъ, потому что конгрессы и отчеты специалистовъ не только не потеряли-бы, а даже выиграли-бы, если бы они происходили при менѣе дорогой и шумной обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ, между ними и выставкой нѣтъ прямой, необходимой связи. Самые рутинные экономисты, каковы Мишель Шевалье, Воловскій, болѣе или менѣе прямо говорятъ, что всемирныя выставки суть шарлатанство. И дѣйствительно, побывавъ на выставкѣ, всякій при помощи самыхъ нехитрыхъ соображеній, не замедлитъ убѣдиться, что это для однихъ—дорого стоящее, но грандіозное развѣченіе, для другихъ—мутная вода, въ которой удобно ловить рыбу. Тѣмъ не менѣе все современное общество до такой степени воспитано на идеяхъ международного соперничества, международной дружбы и всякихъ другихъ международностей, что на всемирную выставку мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ съ вытекающей отсюда точки зрѣнія. Связанныя съ патриотизмомъ

страсти и страстишки отводить людямъ глаза отъ минутности этого рода отчетовъ цивилизаціи, и будущность ихъ была бы надолго обезпечена, еслибы не огромная вѣроятность, что они будутъ убиты голодомъ, т.-е. дефицитами.

Вотъ еще нѣсколько цифръ, свидѣтельствующихъ о неблагоуспѣшномъ состояніи финансовой стороны вѣнской выставки. 21-го іюня было 88,000 посѣтителей. Но это былъ день совершенно исключительный: Троицынъ день, превосходная погода, 50 крестеровъ входной платы. Но и изъ этихъ 88,000 далеко не всѣ заплатили входную плату, а, какъ я уже говорилъ, дирекція рассчитывала на 50,000 гульденовъ въ день. 4-го іюня было всѣхъ и платящихъ, и не платящихъ, и половину платящихъ посѣтителей 30,377; 5-го іюня—26,372; 11-го іюня—29,252; 12-го іюня—53,494 (50 крест. за входъ); 14-го іюня—30,751; 29-го іюня—27,656; 1-го іюля—31,452; 2-го іюля—27,640. А на парижской выставкѣ среднимъ числомъ въ день приходилось 50—60,000 посѣтителей. Это уже осязательная, прямая неудача вѣнской выставки, отчасти даже затрогивающая интересы бумажеровъ. Причины этой неудачи многоразличны и нѣкоторыя изъ нихъ весьма любопытны, какъ проблески той жизненной правды, которой нѣтъ на публичномъ отчетѣ цивилизаціи.

Самые завзятые изъ австрійскихъ патриотовъ, восторженные поклонники выставки, сваливаютъ всю вину на дурную погоду и отчасти на запоздалое открытіе выставки. Но эти причины наименѣ важныя и интересныя. Погода въ Вѣнѣ стояла, дѣйствительно, непривлекательная почти до настоящей минуты¹. Но ни бумажеръ, ни специалистъ, ни наивный мечтатель, рассчитывавшій присутствовать при публичномъ отчетѣ цивилизаціи, конечно, не посмотрятъ на погоду. Открыта была выставка въ свое время, т. е. 1-го мая, какъ и обѣщала баронъ Шварцъ. Правда, что открыты были, главнымъ образомъ, закупоренные тюки и занертыя двери. Но эта неудача только сама по себѣ, невлекущая за собой другихъ неудачъ. Къ болѣе интереснымъ, отчасти дурнымъ предзнаменованиямъ, отчасти дѣйствительнымъ причинамъ неудачи выставки относятся, во первыхъ, ставка извозчиковъ, окончившаяся, впрочемъ, своевременно и благополучно, если не считать неблагополучіемъ вытребованное извозчиками довольно значительное возвышеніе таксы. Надо, впрочемъ, замѣтить, что вѣнскіе извозчики, несмотря на свои прекрасные экипажи, народъ въ высшей степени неприятный, пьяный, грубый, избалованный биржевыми денди. И я, но крайней мѣрѣ, старался обходиться безъ ихъ услугъ, что въ Вѣнѣ очень удобно, благодаря обилію носильщиковъ, комисіонеровъ дилижансовъ и конно-желѣзныхъ дорогъ. Далѣе — дороговизна. Дорого-

¹ Стихи продолжаютъ неблагопріятствовать выставкѣ. 29-го іюня надъ Вѣной разразилась страшная буря и многія зданія выставки потерпѣли огромныя поврежденія отъ вѣтра и воды.

визна, вопервыхъ, входной платы, а, кромѣ того, вы должны еще заплатить, присѣвъ на стуль, смотря по тому, гдѣ, 5 или 10 крейцеровъ; за самыя необходимыя отправленія 10 или 20 крейцеровъ, да еще 50 крейцеровъ, если вы пожелаете послушать тутъ-же на выставкѣ играющій въ опредѣленные часы оркестръ Штрауса; да еще васъ обдерутъ въ ресторанахъ. Вѣнскія сатирическія газеты потратили много остроумія на изображеніе бѣдственнаго положенія посѣтителей выставки. Но дороговизна существуетъ и внѣ выставки, хотя, вообще говоря, далеко не въ такомъ размѣрѣ, какъ расписывали англійскія, германскія и отчасти русскія газеты. Во всякомъ случаѣ, жители веселой Вѣны не обнаружили древней добродѣтели—гостеприимства, и стремленіе ободрать ближняго нѣсколько парализируетъ торжественно дружественный характеръ всемірной выставки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грабежъ достигаетъ дѣйствительно громаднхъ размѣровъ. Вотъ напечатанный въ Le Danube счетъ, поданный одному англичанину въ гостиницѣ Métropole:

27-го мая	комната	12	гульд.	—	крейц.
"	" свѣчи	1	"	80	"
"	" прислуга	1	"	50	"
"	" два обѣда	7	"	—	"
"	" рюмка ликеру	1	"	50	"
"	" привозъ багажа со станціи	4	"	20	"
28-го	" комната	12	"	—	"
"	" прислуга	1	"	50	"
"	" бѣлье	1	"	35	"
"	" 2 кофе, 4 яйца	1	"	90	"
29-го	" комната	12	"	—	"
"	" прислуга	1	"	50	"
"	" бѣлье	1	"	35	"
"	" 2 кофе, 4 яйца	1	"	90	"
"	" омнибусъ на станцію	2	"	—	"
			63 гульд. 50 крейц.		

Это тоже пропущенная на публичномъ отчетѣ цивилизаціи жизненная правда. По поводу ея происходила небезынтересная перестрѣлка между германскими и австрійскими газетами. Первые съ лицемѣрнымъ видомъ объясняли, что имъ очень прискорбно, что выставка не удалась, но что это, къ сожалѣнію, фактъ, никакому сомнѣнію неподлежащій. Австрійскія газеты отстранились, какъ могли, а отстранились имъ приходилось еще и отъ нѣкоторыхъ чешскихъ газетъ, которыя въ лицѣ выставки громали нивѣйшее министерство и весь нивѣйшій порядокъ вещей въ Австріи. Polemica по поводу дороговизны облекалась даже въ форму рекламъ и объявленій. Вотъ, для примѣра, одно изъ таинхъ международно-полемическихъ объявленій:

WIEN—BERLIN.

Es gibt nur eine Kaiserstadt,
Die ist jetzt Berlin,
Dort heisst man eine Räuberstadt
Unser gut's schönes Wien. —
Ein so billig's Viertel Gans'l '4,
Wie beim g'rad'n Michl in Wien —
Auf der Seilerstätte sowohl,
Als in der Teinfaltstrasse d'rin, —
Bekommt man nicht in London,
Paris oder Turin! —
Am allerwenigsten aber
In der Kaiserstadt Berlin!!!

G'rader Michl. ☒

Es kostet gegenwärtig trotz der Weltausstellung ein schönes, vollkommenes, heuriges Eipeldauer Gans'l nur 45 und 50 kr. und später noch weniger. — Ein ganzes Backhuhn nur 80 kr.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость вѣнскому городскому начальству: оно принимало всѣ мѣры для сокращенія аппетита домохозяевъ и содержателей гостиницъ и ресторановъ, негармонизирующихъ съ характеромъ минуты, — минуты публичнаго отчета цивилизаціи. Оно и сдѣлало многое въ этомъ направленіи. Однако, дороговизна все-таки напугала и пугаетъ многихъ. И самымъ яростнымъ плакѣрамъ выставки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и успѣховъ цивилизаціи, приходится сознаваться, что на розахъ много шиповъ, на солнцѣ много пятенъ. Одни вспоминаютъ при этомъ ужасающій ростъ дороговизны квартиръ въ Вѣнѣ, и помимо выставки, и цѣлый рядъ гнусныхъ спекуляцій насчетъ землевладельцевъ. Другіе вспоминаютъ даже „доброе старое время“, когда, какъ будто, не такъ стремились къ обдиранію ближняго, и когда жить было дешевле. Одна газета напечатала интересный документъ — распоряженіе вѣнскаго магистрата, изданное въ 1720 году по случаю дороговизны. Распоряженіемъ этимъ устанавливались слѣдующія цѣны: въ одномъ ресторанѣ обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ за 7 крейцеровъ и изъ 6-ти блюдъ за 17 крейцеровъ, въ другомъ 7 блюдъ за 24 крейцера. Семикрейцеровый обѣдъ состоялъ изъ супа, говядины, зелени и жаренаго, а те-неръ за него надо заплатить гульдена два.

Изъ разныхъ этихъ мелочей, группирующихся вокругъ публичнаго отчета цивилизаціи, складается нѣкоторая горечь, мѣшавшая, если не всякому, то, по крайней мѣрѣ, многимъ отдаться съ полнымъ энтузіазмомъ имяниемъ сердца цивилизаціи. Маньяки, впрочемъ, всегда и вездѣ существуютъ въ большомъ количествѣ, особенно когда имянины такъ грандіозны, шумны, блестящи, какъ всемірная выставка. Но, я думаю, многимъ приходится въ голову вопросъ: насколько, въ самомъ дѣлѣ, впередъ цивили-

звѣція такъ чествовать имѣяими своего сердца? За плечами у насъ не Аркадія, это вѣрно, *wir sind nicht in Arkadien geboren*. Возвратъ къ прошедшему нежелателенъ, даже еслибы онъ былъ возможенъ. Пусть старыя боги летятъ въ бѣдну времени, туда имъ и дорога. Но ждешь-ли насъ Аркадія впереди, а тѣмъ паче много-ли аркадскаго видимъ мы вокругъ себя? Лѣтъ тридцать тому назадъ, эти вопросы сильно занимали людей, и много мужества, смѣлости и силы мысли было при этомъ обнаружено. Но великій искъ противъ великаго противника былъ проигранъ; извѣстная форма цивилизаціи объявила себя формой единственной, вѣчной, люди повѣрили ей, а тѣмъ самымъ подорвана почва у вопроса: къ Аркадіи-ли мы приближаемся? Люди всегда раздѣлялись на такихъ, которые довольствуются синицей въ рукахъ, и на такихъ, которые ищутъ журавля въ небѣ. Это крайніе типы, среди которыхъ укладывается множество отгѣнновъ. Но на аренѣ исторіи постоянно чередуются сильныя уклоненія то къ одной, то къ другой изъ двухъ крайностей. Теперь мы, вообще говоря, предпочитаемъ, слишкомъ предпочитаемъ синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ. И всемірныя выставки не мало способствуютъ этому теченію мыслей и чувствъ. По самымъ интимнымъ свойствамъ своимъ онѣ должны возбуждать въ людяхъ самодовольство, самообольщеніе, убѣждать ихъ въ томъ, что находящаяся въ ихъ рукахъ синица есть даже вовсе не синица, а именно тотъ журавль, котораго другіе ищутъ въ небѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что журавль будетъ пойманъ сейчасъ, сію минуту, и притомъ на томъ-же пути, на которомъ изловлена синица. Понятно, какъ вредно тоже закрѣпленіе и безъ того уже господствующаго настроенія. Оно вредно уже потому, что оно ложно. Совсѣмъ не такъ гладокъ путь цивилизаціи, какъ думаютъ настроенные выставкой Маниловы. Если мы будемъ искать наиболѣе живой струны современной цивилизаціи, то найдемъ ее въ производствѣ матеріальныхъ богатствъ. Здѣсь бьется теперь пульсъ исторіи, и только по временамъ притягиваютъ къ себѣ общее вниманіе чисто политическія, и притомъ старозавѣтные идеалы. Но производство, какъ центръ всѣхъ стремленій, чувствъ и мыслей, есть просто грабежъ природы и будущихъ поколѣній, и рано или поздно ему предстоитъ печальный конецъ. Цивилизація до такой степени погрузилась въ задачу производства, что даже и не помышляетъ о необходимости возмѣщенія силъ, занятыхъ у природы. Разсчитано, какъ извѣстно, что къ 1945 году Англія сожжетъ и распродастъ весь свой каменный уголь. Нѣкоторые русскіе патриоты радуются этому обстоятельству, икѣ въ виду, хотя отчасти замѣнить на рынкѣ англійскій уголь нашимъ. Съ патриотической точки зрѣнія это разсужденіе безукоризненно. Но не значить-ли это разсчитывать на ту-же пропасть, въ которую провалится въ свое время Англія? Во всякомъ случаѣ, впереди насъ ждешь многое непредвидѣнное, а можетъ быть и непредвидимое, можетъ быть страшныя катастро-

фы. Можетъ быть, конечно и Аркадія, но все-таки дѣло это не безиронгичное. Его надо стараться выиграть. Складывать руки или покажуй давать работу только рукамъ, производить, производить и производить—тѣмъ болѣе неблагоприятно, что опасности предстоятъ не только со стороны природы. Допустимъ, что развитіе технологіи ни на шагъ не отстанетъ отъ истощенія запасовъ природы. Допустимъ, что, напрямѣръ, въ Англіи къ тому самому времени, когда сожжется или продается послѣдній пудъ угля, будетъ изобрѣтенъ способъ добыванія теплоты, какъ двигателя и для другихъ надобностей непосредственно изъ солнечныхъ лучей. Такимъ образомъ, обращеніе запаса теплоты отодвинется на громадное, практически безконечно далекое время. Но кромѣ нашихъ отношеній къ природѣ существуютъ еще наши отношенія другъ къ другу. И какъ-бы ни гарантировала намъ Аркадія технологія, этой гарантіи все-таки мало. Когда въ Германіи были изобрѣтены и вошли въ употребленіе вѣтряныя мельницы, между королями, баронами и духовенствомъ возникли жаркіе споры по вопросу—кому принадлежить вѣтеръ? Не можетъ ли повториться подобный споръ относительно тѣхъ солнечныхъ лучей, которые отдастъ намъ со временемъ въ услуженіе технологія? Можно сказать навѣрное, что формы спора будутъ иныя, иныя будутъ и таящіяся. Но только это и можно сказать навѣрное. Самый споръ будетъ даже неизбеженъ, если современная форма цивилизаціи доживетъ до того времени. Какъ бы дикъ ни казался намъ теперь споръ изъ-за права на вѣтеръ, онъ органически вытекаетъ изъ формы тогдашней цивилизаціи, тогдашнихъ междуличныхъ отношеній, а потому казался всѣмъ натуральнымъ. Но стоитъ только оглянуться вокругъ себя, хотя-бы на той-же самой вѣнской всемірной выставкѣ, и вы увидите и услышите массу дикостей, признаваемыхъ вполне натуральными, потому что они органически вытекаютъ изъ современной формы цивилизаціи. *Internationale Ausstellungs Zeitung*, обобравъ лонскую часть французскаго отдѣла, ни съ того ни съ сего, можно сказать, вполне ни къ селу, ни къ городу, припомнила, что вотъ-моль эти шелки и бархаты исполнены тѣми самыми рабочими, которые нѣкогда написали на своемъ знамени: „*vivre en travaillant ou mourir en combattant*“. Почтенная газета на этомъ не остановилась. Она замѣтила, что со стороны лонскихъ рабочихъ было весьма странно и противорѣчиво воставать противъ роскоши, когда они ею живутъ. Это разсужденіе есть своего рода перлъ дикости, но оно показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ форма цивилизаціи овладѣваетъ людьми, какъ трудно отъ нея отрѣшиться, на краю даже самыхъ очевидныхъ пропастей софізма и безмыслицы.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что если-бы на вѣнской всемірной выставкѣ успѣли промышленности и техники были представлены даже вполне удовлетворительно, то все-таки еще не было-бы резону правдовать имянина сердца цивилизаціи. Все-таки надо бы-

ле-бы потребовалъ громаднаго дополненія къ отчету; нужно указать, какъ распредѣляются дары цивилизаціи и каковы отношенія между участниками фирмы „ферштандсменшъ и гефюльсменшъ“. Сдѣлать это было-бы, абстрактно говоря, вовсе не такъ трудно, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Зародишь этой стороны отчета цивилизаціи даже имѣется на выставкѣ, хотя и въ извращенномъ видѣ, — это международная деревня, къ сожалѣнію мѣстами безсовѣстно подрашенная. Абстрактно говоря, было бы очень легко наглядно показать, чѣмъ довольствуется гефюльсменшъ въ области красоты, богатства, справедливости, истины. Но ни одна всемирная выставка, разумѣется, этого не сдѣлаетъ, потому что она есть выставка лучшихъ вещей. Выставка распредѣленія даровъ цивилизаціи немислима. Точно также немислима выставка, какъ отчетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между представителями цивилизаціи. Я въ этомъ отношеніи рассчитывалъ на художественную выставку. Я думалъ, что свободное, неподкупное, святое искусство дастъ обильный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Я рассчитывалъ встрѣтить картины, непосредственно характерныя для настоящаго фазиса цивилизаціи, и укеры прошедшему, и идеалы будущаго. Я ошибся.

Но, къ счастью или къ несчастью, около самовольнаго, шарлятанскаго, приторнаго публичнаго отчета цивилизаціи копится все больше и больше горечи правды. Горечь эта даже растетъ на время отчета, является какъ-бы въ увеличенномъ видѣ, что, впрочемъ, очень естественно. Напримѣръ, жители веселой Вѣны и въ обыкновенное время не отличаются особенною строгостью нравовъ. Не говоря о разсказахъ опытныхъ людей, достаточно взглянуть на заднія страницы нѣкоторыхъ вѣнскихъ газетъ, чтобы убѣдиться, что вѣнцы и вѣнки пожурируютъ любить. Объявленія о желаніи вступить въ бракъ при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ наименѣе интересны и наименѣе пикантны. Да ихъ сравнительно и немного. Гораздо поучительнѣе заявленія въ такомъ родѣ: такой-то и такой-то молодой человѣкъ, обвороженный такою-то, такъ-то одѣтою дамой, видѣнною имъ такого-то числа, тамъ-то, покорнѣйше просить ее назначить ему часъ и мѣсто свиданія, и т. п. Бываетъ и такъ, что приглашается на свиданіе молодой офицеръ, вошедшій такого то числа, въ такое-то время, въ такую-то табачную лавку. Разъ подобныя объявленія печатаются въ большемъ количествѣ, эти приглашенія, очевидно, должны довольно часто увѣнчиваться вождѣленнымъ концомъ. На время публичнаго отчета цивилизаціи, такого рода зазывы и предложенія естественно должны были и увеличиться числомъ, и подняться тономъ выше. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательнымъ цинизмомъ. То какой-то художникъ ищетъ на время выставки хорошенькой и непремѣнно *рыжей* подружки; то молодой человѣкъ *крымкало тьлосложенія* ищетъ повровительства богатой и знатной дамы; то двѣ веселыя дѣвчаны ищутъ двухъ иностранцевъ для совмѣст-

наго посѣщенія публичнаго отчета цивилизаціи, то два иностранца ищутъ двухъ дѣвицъ и т. д., и т. д. Все это не безъ эффекта отгѣняетъ имянины сердца цивилизаціи.

Krachs, конечно, отгѣняетъ минуту ващшаго самохвальства и шарлатанства еще пикантнѣе. Когда я прїѣхалъ изъ Пешта въ Вѣну, я сейчасъ-же отправился на Schatten Ring, гдѣ находится многогрѣшная вѣнская биржа. Но я засталъ уже улегшееся море. Не только биржа, но почти вся улица въ ширину и всѣ кафе на противоположной сторонѣ были наполнены людьми съ мрачными, озабоченными, преимущественно еврейскими физиономіями. Говорили больше попотомъ. Ни площадныхъ ругательствъ, ни дракъ уже не было и, признаюсь, я пожалѣлъ объ этомъ: мнѣ очень хотѣлось посмотреть и послушать, какъ ругаются и дерутся высокообразованные, изящные биржевые денди. Это была, говорятъ, прелестная въ своемъ родѣ картина. Вѣнцы съ своею обычною живостью перенесли ее на театральные подмостки и на другой-же день послѣ прїѣзда изъ Пешта я видѣлъ въ одномъ изъ маленькихъ вѣнскихъ театровъ нѣкоторое подобіе Kracha.

Вѣна давно уже окунулась въ омутъ биржевой игры. Она вся играла на биржѣ отъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ въ имперіи (меня увѣряли, что одно изъ такихъ лицъ потеряло въ послѣднемъ погромѣ 18 миліоновъ) до извозчиковъ и кельнеровъ. Понятно, какія послѣдствія долженъ былъ имѣть такой порядокъ вещей. Скорая и легкая нажива на биржѣ естественно отгоняла мысль отъ труда и всякихъ серьезныхъ занятій. Безумная роскошь росла не по днямъ, а по часамъ. Вѣна украшалась дворцами, радуя сердца городскихъ патриотовъ, но дороговизна все увеличивалась, потому что гдѣ-же угоняться за людьми, которые безъ всякаго труда, можно сказать, въ нѣсколько часовъ становятся богачами. Все стало покупнымъ отъ печатнаго слова до женскихъ объятій, всѣ интересы измелъчали и сосредоточились около курсовыхъ таблицъ. Моралисты пришли бы въ ужасъ отъ всего этого, еслибы они были на лицо. Но ихъ не было, потому что распространеннѣйшіе въ западной Европѣ проводники нравственныхъ идей, газеты, въ Вѣнѣ чуть не всѣ находились такъ или иначе въ рукахъ биржевиковъ и ажіотеровъ. Къ интереснѣйшимъ эпизодамъ Краха относятся внезапное прекращеніе около тридцати газетъ, до тѣхъ поръ жившихъ насчетъ биржи и ажіотажа. Никогда, можетъ быть, печатное слово не достигало такого униженія, какъ въ моментъ публичнаго отчета цивилизаціи. Оно раздѣлило печальную долю ненумерованныхъ извозчиковъ. Кстати, это очень интересная порода людей. Вѣнцы очень любятъ, что называется, кататься и щегольнуть лошадьми и экипажами. Недаромъ и на выставкѣ вѣнскіе экипажи не имѣютъ соперниковъ. Какъ и почему сложилась въ жителяхъ веселой Вѣны эта страсть, я не знаю, но достоверно извѣстно, что биржевые денди и увлекались ею больше, чѣмъ кто нибудь, и больше, чѣмъ кто нибудь способствовали ей

развитію. Собственный эжинажъ есть любимая мечта всякаго изстаго вѣнца; биржевая игра—удобнѣйшее средство для ея осуществленія. Но пока биржевой денди еще не успѣлъ сдѣлаться Крезомъ, онъ довольствуется нenumerованнымъ извозчикомъ. Эти подобія напикъ дикачей—люди крайне избалованные и гордые своимъ привилегированнымъ положеніемъ. И вдругъ Крахъ подрѣзалъ крылья ихъ кліентамъ, а вѣстѣ и имъ самимъ: они должны были превратиться въ обыкновенныхъ нenumerованныхъ извозчиковъ или прекратить свое существованіе, какъ прекратили свое существованіе тридцать вѣисеихъ газетъ, жившихъ крохами со стола биржевыхъ тузовъ. Поучительное сходство судьбы! Поучительно оно особенно по своей обстановкѣ, по совпаденію несчастія газетъ и извозчиковъ съ минутой хвастовства цивилизаціи.

Биржевой погромъ богатъ чрезвычайно характерными эпизодами. Я уже не говорю о дракахъ въ зданіи биржи и объ очищеніи его при посредствѣ полиціи. Я не говорю о многочисленныхъ самоубійствахъ, на которыя рѣшались даже совсѣмъ молодые люди, полные силъ и надеждъ. Тѣмъ паче не стѣитъ говорить о банкротствахъ. Изъ нихъ надѣлало особеннаго шума банкротство банкирскаго дома Плахта, пассивъ котораго простирался до трехъ миліоновъ, а активъ равнялся чему-то въ родѣ 50,000. Плахтъ, печатавшій въ газетахъ свои заманчивыя объявленія еще нѣсколько дней спустя послѣ перваго удара грома, имѣлъ въ провинціи многочисленныхъ агентовъ, которые сплавляли къ нему сбереженія бѣднѣйшаго люда. Такъ въ числѣ кредиторовъ оказалась одна скотница изъ Штейермарка, которая вложила три гульдена. Но оригинальнѣе всего исторія, называемая въ Вѣнѣ исторіей о томъ, какъ „евреи Бога проиграли“. Рассказываютъ ее разное, и я могу передать только суть дѣла. Гдѣ-то въ Венгріи еврейская община имѣла въ рукахъ капиталъ тысячъ въ тридцать, собранныхъ не умѣю сказать на постройку ли синагоги или уже въ готовой синагогѣ, во всякомъ случаѣ деньги ассигнованы были на священныя цѣли. Благочестивые сыны Израиля, желая по возможности быстро и безъ труда увеличить священный капиталъ, выпустили его на биржу, какъ выражаются въ Вѣнѣ, zur höchsten Fruktifizierung, и капиталъ погибъ въ водоворотѣ Краха. Это весьма характерно для современной цивилизаціи. Но публичный отчетъ ее, называемый вѣнскою всемирною выставкой, конечно умолчалъ о лежащемъ въ основаніи этого эпизода элементѣ.

Крахъ естественно отразился на выставкѣ. Приходятъ или не приходятъ кому нибудь въ голову соображенія о противорѣчivosti выставки съ окружающею ее жизненною правдой, но физиономія Вѣны должна была пострадать. Газетъ меньше, нenumerованныхъ извозчиковъ нѣтъ, ряды ловкихъ наѣздниковъ съ еврейскими лицами порѣдѣли, вездѣ мрачные толки о самоубійствахъ, разореніяхъ; расчеты на наплывъ иностранныхъ и ино-

городскихъ гостей значительно попорваны. Крахъ поразилъ не одну Вѣну, потому что вся Австрія болѣе или менѣе вовлечена въ игру своей столицы. А чтобы видѣть какъ это можетъ отразиться на успѣхахъ выставки, возьмемъ наглядный примѣръ. Есть въ Венгріи небольшой городъ Эденбургъ, а въ немъ много гдѣть тому назадъ открылъ мелочную лавку нѣкто Флаандорферъ. Крейцеръ за крейцеромъ, гульденъ за гульденомъ накопывалъ онъ деньгу и основалъ своему сыну уже довольно круглую сумму, которую тотъ, въ свою очередь, увеличилъ. Но внукъ владѣльца мелочной лавки, какъ человекъ вполне современный, повелъ дѣло на широкую ногу: имъ овладѣла биржевая и акціонерная горячка, онъ основалъ эденбургскій кредитный банкъ, эденбургскій торговый банкъ и скоро сталъ миллионеромъ. Но Крахъ не пощадилъ его,—онъ застрѣлился. Представимъ себѣ, что Крахъ нѣсколько запоздалъ и далъ эденбургскому Ротшильду возможность людей посмотрѣть и себя показать на вѣнской выставкѣ. Какихъ лошадей, какую толпу прихвостней привезъ бы онъ съ собою въ столицу, какіе пиры задавалъ бы онъ у Frères Provençaux и Зохера, какихъ картинъ и статуй накупилъ бы онъ для украшенія своихъ дворцовъ и въ поощреніе искусству! И все это унесъ Крахъ...

Въ Вѣнѣ теперь очень многіе заняты дѣйствительно любопытнымъ вопросомъ: какое вліяніе окажетъ Крахъ на судьбы искусства? Вліяніе онъ окажетъ, это несомнѣнно; оно уже обнаруживается тѣмъ, что нѣкто не покупаетъ картинъ ни на выставкѣ, ни внѣ ея, у торговцевъ художественными произведеніями. Впрочемъ это относится только къ картинамъ. Лучшія итальянскія статуи были выставлены во дворцѣ промышленности задолго до открытія собственно художественной выставки (она была официально, т. е. императоромъ австрійскимъ, открыта только 15 мая, и то далеко не вся). Почти всѣ онѣ были немедленно раскуплены за весьма почтенныя деньги англичанами, преимущественно кажимъ то мистеромъ Джономъ Льюисомъ. Но на этомъ дѣло стало: картины не идутъ въ ходъ, хотя художественная выставка всегда биткомъ набита. Знатоки дѣла, торговцы художественными произведеніями приписываютъ этотъ застой доселѣ очень ходкаго товара исключительно биржевому погрому. Они утверждаютъ, что нѣтъ лучшихъ покупателей, какъ биржевые тузы. Вопросъ теперь въ томъ—хорошо или дурно, что, за исчезновеніемъ или, по крайней мѣрѣ, присмиреніемъ биржевыхъ денди, картины не покупаются? Съ точки зрѣнія торговца художественными произведеніями отвѣтъ простъ и ясенъ: не хорошо. Но многіе утверждаютъ, что въ этомъ отношеніи чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, и, осматривъ художественную выставку, я вполне присоединяюсь къ этому мнѣнію.

Тѣ времена, когда Лудовикъ XIV съ негодованіемъ отворачивался отъ картинъ фламандской школы и презрительно говорилъ „Tirez moi ses magots“, эти времена прошли безвозвратно.

Поэтому, о нихъ можно говорить спокойно. Меценатство есть убійство искусства, но меценатство вѣдь не исчезло, а только приняло инныя формы. И еще можно поспорить, какія формы его выше и выгоднѣе для искусства, старыя или новыя. Во всякомъ случаѣ, можно долго говорить и за тѣ и другія, и противъ тѣхъ и другихъ. Несмотря на всю ходульность и жеманство искусства временъ таеъ-называемаго великаго короля, въ пользу тогдашняго меценатства говоритъ самое положеніе меценатовъ. Они были вельможи; на развитіе ихъ эстетической способности ушли цѣлыя ряды послѣдовательныхъ поколѣній, и какъ ни отвратительно это обстоятельство само по себѣ, но оно гарантировало, по крайней мѣрѣ, искреннюю любовь къ искусству и извѣстное пониманіе его. Съ тѣхъ поръ, какъ центр тяжести перешелъ въ руки буржуазіи, положеніе вещей измѣнилось. Сначала искусство, вдохновляемое медовымъ мѣсяцомъ буржуазіи, служило великимъ идеямъ истины и справедливости. Въ это время не было и не могло быть меценатовъ, а если они кое-гдѣ и были, то ничему не мѣшали, потому что таковъ уже былъ характеръ времени: коронованный покровитель Шиллера не мѣшалъ ему оставаться Шиллеромъ. Но и эти времена прошли. Опять явились меценаты; на этотъ разъ уже другого сорта. Плахты и Фландорферы, разбогатѣвшіе на биржѣ вуки мелочныхъ лавочниковъ, совмѣстившіе въ себѣ всѣ недостатки средняго сословія и не имѣющіе ни одного изъ его достоинствъ, — вотъ кто даетъ нынѣ тонъ искусству. Они главные покупатели, и художникъ, не желающій умирать съ голоду или неизмѣщій особеннаго мужества, по неволѣ принаровняется къ ихъ требованіямъ. А какія ихъ требованія? Пройдитесь по заламъ художественной выставки, и вы узнаете. Плахты и Фландорферы, одинаково чуждые и старымъ, и новымъ нравственнымъ идеямъ, хотятъ прежде всего наслаждаться, — наслаждаться во что-бы то ни стало, наслаждаться не только красотой, техникою рисунка, но и сюжетомъ картины. Поэтому, самымъ ходкимъ товаромъ будутъ хорошенькіе пейзажи и голыя женщины: раздѣвающіяся нимфы, одѣвающиеся нимфы, купающіяся дѣвушки, спящія дѣвушки, истина въ образѣ нагой женщины, держащей фавелъ и т. д. Всего этого очень много на выставкѣ, и нѣкоторыя изъ этого рода вещей несомнѣнно превосходны. Есть, напримѣръ, въ итальянскомъ отдѣлѣ статуя туринскаго скульптора Табаки, изображающая полулежащую женщину въ какомъ-то легкомъ костюмѣ, въ родѣ костюма дебардѣра, съ маской въ рукѣ. Она, должно быть, только-что вернулась изъ маскарада и припоминаетъ свои похождения: поза лѣнивая и сладострастная, на лицѣ бродитъ торжествующая и зазывающая улыбка. Сдѣлана эта вещь превосходно: тѣло, рубашка, спущенная драпировка, кружева — изумительны. Но ничего, кромѣ чувственности, эта прекрасная статуя возбудить не можетъ, да и другой цѣли, очевидно, не имѣетъ, — на это ушелъ весь талантъ художника. Эта статуя

напоминала мнѣ нѣкоторыя страницы изъ прославленнаго у насъ романа Эмиля Золя. Романъ этотъ мѣстами, дѣйствительно, прекрасенъ, но сатирическая задача автора далеко не осуществилась: при описаніи походовъ героини съ своимъ пасынкомъ у него, очевидно, у самого слюнки текутъ, и вмѣсто сатирическаго бича получается конфертативъ. Статуя Табаки есть тоже конфертативъ и притомъ безъ какихъ-бы то ни было сатирическихъ намѣреній. Служить конфертативомъ для Плахтовъ и Фландорферовъ,—какая великая задача искусства!

За хорошенъкими пейзажами и сюжетами пикантнаго свойства идетъ невинный жанръ, болѣе или менѣе оставляющій мысль въ покоѣ и не дающій ничего, кромѣ специально-эстетическаго наслажденія. Есть, конечно, и исключенія, но вообще говоря, выставленные жанры преимущественно успокоительнаго и увеселительнаго свойства, ибо таковы требованія Плахтовъ и Фландорферовъ. Я вспоминаю забавный случай. Шли мы какъ-то съ однимъ пріятелемъ по Вѣнѣ, и видимъ, аукціонную продажу картинъ. Зашли изъ любопытства. Продавались все пейзажи. Хозяинъ лавки, угадавъ, вѣроятно, въ насъ иностранцевъ, завелъ съ нами особый разговоръ и освѣдомился, почему мы ничего не покупаемъ. Чтобы отвязаться, мы отвѣтили, что намъ пейзажей не нужно, а вотъ, если-бы былъ жанръ. Хозяинъ не смутился и немедленно вытащилъ изъ задней комнаты огромное полотно съ голымъ мифологическимъ сюжетомъ... Жанры есть на выставкѣ прелестныя, и я могу съ патриотическою гордостью сказать, что къ лучшимъ изъ нихъ относятся: „Рыболовъ и Охотники“ г. Перова, „Игра въ бабки“ г. Каменскаго, „Возвращеніе съ базара“ г. Корзухина и нѣкоторыя другія русскія картины. Но какъ ни хороши многія изъ находящихся на выставкѣ жанровъ, они оставляютъ болѣею частью какое-то не-удовлетворительное впечатлѣніе. Какъ-то обидно становится, что такія большія силы затрачиваются на такія узкіе сюжеты: это специализируетъ наслажденіе и не даетъ простора мысли и художника, и зрителя. Поэтому, въ концѣ концовъ, даже лучшіе изъ жанровъ приходятся по плечу Плахтамъ и Фландорферамъ. Въ нихъ нѣтъ ничего такого, что могло-бы нарушить миръ души новѣйшихъ меценатовъ, а между тѣмъ, есть нѣчто прекрасное и нѣчто забавное.

Одно меня поразило: на выставкѣ чуть не въ каждомъ отдѣлѣ есть по изображенію, а то и по два, похоронъ, и нѣкоторыя изъ нихъ очень хороши. Напримѣръ, въ швейцарскомъ отдѣлѣ есть превосходная картина Ватъе: деревенскія похороны. Гробъ выносятъ изъ бѣдной сельской церкви, а передъ нею стоитъ толпа народу—мужчинъ, женщинъ, ребятишекъ съ самыми разнообразными и необыкновенно-правдиво схваченными выраженіями лицъ. Чѣмъ объяснить это пристрастіе современной живописи къ похоронамъ—не знаю.

Художественныхъ произведеній, имѣющихъ хоть какой-нибудь

общественный интересъ, дающихъ работу чему-нибудь, кромѣ эстетической способности, на выставкѣ весьма мало. Венгрія, хотя и заполоненная въ экономическомъ отношеніи евреями, еще живетъ своимъ политическимъ прошлымъ и будущимъ. Поэтому, ея художники выставили рядъ картинъ изъ исторіи своей родины. И какъ ни плохи и барабанны многія изъ нихъ, на нихъ, все-таки, останавливаешься съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, потому что, все-таки, тутъ художника занимало нѣчто высшее, чѣмъ желаніе угодить современнымъ меценатамъ. Право даже батальнымъ картинамъ, во множествѣ выставленнымъ Германіей и многочисленнымъ портретами нѣмецкихъ героевъ послѣдней войны, многое можно простить по тѣмъ-же соображеніямъ. Какъ ни какъ, а они даютъ не голое эстетическое наслажденіе. Художники, ихъ писавшіе, все-таки, вдохновлялись худо-ли, хорошо-ли понятными общественными интересами. Можно желать, чтобы интересы эти были шире, чтобы они правильнѣе понимались, можно всей душой ненавидѣть вдохновляющія художниковъ идеи и чувства, но нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они служатъ не личностямъ, не личному наслажденію, а по своему понимаемому идеямъ правды и добра. Къ сожалѣнію, почти всѣ эти картины проникнуты барабанно-патріотическимъ характеромъ. Исключеній очень мало, хотя существуютъ и они. Во французскомъ отдѣлѣ есть прекрасная картина Глеза (Glaise) — „Театръ человѣческой глупости“. На переднемъ планѣ, какъ-бы выльзая изъ рамы, стоитъ во весь ростъ человѣкъ. Написана эта фигура прекрасно. Онъ стоитъ въ качествѣ зазывателя публики въ театръ человѣческой глупости, а сзади находится и самый театръ: три картины, изображающія преслѣдованія и казни, одна—христіанъ, другая—еретиковъ; содержаніе третьей не помню, но она тоже изображаетъ религиозныя гоненія. Это чисто Вольтеровскій пошибъ. И что особенно замѣчательно, эта картина, изображающая театръ человѣческой глупости, есть государственная собственность, — собственность нынѣшней Франціи.

Перлы русскаго отдѣла художественной выставки—„Грѣшница“ г. Семирадскаго и „Бурлаки“ г. Рѣпина, я думаю, уже успѣли вамъ набить оскомину. Я могу о нихъ только сказать, что, во-первыхъ, не понимаю, какъ можно сравнивать эти двѣ картины, не имѣющія между собою ничего общаго; что, во-вторыхъ, фигура Христа г. Семирадскаго такова, что грѣшница не имѣла никакого резона пугаться, тѣмъ паче, обращаться на путь евангелской истини; что втретихъ, наконецъ, картина г. Рѣпина изумительно хороша. Не берусь развивать эти скромныя мысли, но за то приведу курьезное сужденіе о картинѣ г. Рѣпина одного нѣмца, одного изъ корреспондентовъ „Ausburger Allgemeiner Zeitung“. Оно, встаетъ, покажетъ, до чего можетъ доходить нелѣпость отношеній къ публичному отчету цивилизаціи. „Картина г. Рѣпина есть на всей выставкѣ одна изъ очень немногихъ вещей, соединяющихъ въ себѣ глубокую жизненную

правду съ широтою мысли. Это не дворець-изба г. Громова. Это цѣлая социальная задача въ образѣ нѣсколькихъ бурлаковъ. Приглядитесь къ ихъ лицамъ и потомъ, посмотрите на летящій вдали пароходъ, и вы поймете, что задача искусства велика и священна, что его роль состоитъ не въ шекотаніи эстетической способности, что она можетъ будить совѣсть, будить мысль и чувство. Вотъ обдѣленная цивилизаціей кучка людей, вотъ механическая сила пара, которая современемъ освободитъ ихъ отъ тяжелаго, воловьаго труда. Но кончатся-ли на этомъ всѣ ихъ мытарства? Исторія цивилизаціи даетъ отвѣтъ условный: да, если сила пара будетъ принадлежать этимъ самымъ труженикамъ; нѣтъ, если она очутится въ другихъ рукахъ. Но корреспондентъ „Ausburger Allgemeiner Zeitung“ не дотянулъ даже первой половины этихъ мыслей, невольно возникающихъ при видѣ картины г. Рѣпина. Онъ утвердился на точкѣ зрѣнія узкаго патриотизма и національнаго хвастовства. Въ качествѣ нѣмцефила и руссофоба, онъ, мимоходомъ, похваливъ картины г. Гуна и выразивъ увѣренность, что г. Гунъ нѣмецъ, не могъ, однако, не сказать, что картина г. Рѣпина хороша. Но сюжетомъ ея онъ воспользовался только для плохихъ остроумствъ на ту тѣму, что-де скать — эти бородастые, косматые люди скорѣе похожи на медвѣдей, что они гораздо ближе къ гориллѣ, чѣмъ мы, т. е. нѣмцы. Бѣдный нѣмецъ! Онъ не знаетъ, что у насъ есть цѣнители и судьи не умнѣе его, и что, слѣдовательно, мы не дальше отъ гориллы, чѣмъ онъ самъ.

Ник. Михайловскій.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Какъ у насъ ведутся общественныя дѣла «по официальнымъ свѣдѣніямъ» и на практикѣ. — Два эпизода изъ исторіи вятскаго земства: сдача вятской публичной библіотеки въ земскіе нахлѣбники и хлопоты земства объ освобожденіи отъ приглашеннаго самими-же имъ чиновника по народному просвѣщенію. — О новыхъ стремленіяхъ, которыя заѣмчуются въ земскихъ дѣятеляхъ. — Возникающее дѣло о растратѣ земскихъ суммъ председателемъ чистопольской земской управы.

Каждый грамотный русскій человекъ очень хорошо знаетъ, какими путями собирались и до сей поры еще собираются у насъ официальныя статистическія свѣдѣнія и насколько можно довѣряться имъ. Но изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній едва-ли не самую ничтожную долю довѣрія заслуживаютъ свѣдѣнія о *народномъ образованіи*, потому что и самый-то предметъ не успѣлъ еще хорошенько опредѣлиться и самое слово *народный* возбуждаетъ еще споры, при которыхъ каждая изъ спорящихъ сторонъ остается при своемъ мнѣніи. Иные считаютъ грамотными и даже образованными *каждаго*, умѣющаго складывать буки-азъ-ба-ба и называютъ школами всякое учрежденіе, въ которомъ безграмотныхъ ребятъ обучаютъ башмачному, сапожному ремеслу и набиванію папирозъ табакомъ, какъ въ извѣстномъ саратовскомъ „Муравейникѣ“, другіе, напротивъ, не признаютъ настоящими школами даже такихъ сельскихъ заведеній, въ которыхъ крестьянскихъ мальчиковъ обучаютъ псалтырю и церковному пѣнію не только пономари и отцы дьяконы, но и священники. Такія школы обыкновенно сравниваются съ татарскими, у которыхъ школы множеству, а, между тѣмъ, татары все-таки никѣмъ не признаются народомъ просвѣщеннымъ.

Если-бы мы вздумали объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія на Руси судить по старымъ официальнымъ отчетамъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ, удѣльнаго и епархіальнаго, то непременно пришли-бы къ убѣжденію, что обширная Русь, на всемъ ея протяженіи, покрыта хорошо устроенными школами такъ же густо, какъ питьевыми домами. Въ каждомъ удѣльномъ или государственномъ селеніи, на видномъ мѣстѣ, красовался школьный домъ съ выѣской. Изъ епархіальныхъ отчетовъ видно было, что многіе

сельскіе священники и отцы благочинные, за оти́бное усердіе по народному просвѣщенію, очень часто награждались скуфьями, камилавками и иными чисто-духовными почестами и отличіями, слѣдовательно, судя по скуфьямъ и камилавкамъ, народное просвѣщеніе и здѣсь должно было идти успѣшно. Помѣщики тоже не отставали ни въ чемъ ни на шагъ отъ другихъ вѣдомствъ: немедленно послѣ введенія Положеній 19-го февраля, въ газетахъ въ большомъ количествѣ начали печататься свѣдѣнія, что крупныя помѣщики, преимущественно изъ Пермскихъ-горнозаводскихъ, прекратили отпускъ ассигнованныхъ ими денегъ на содержаніе народныхъ училищъ, отчего школы эти всѣ переложились какъ мыльные пузыри. Слѣдовательно, школы все-таки были, потому что, иначе, нечему было-бы и уничтожаться. И во внутреннихъ, не горнозаводскихъ губерніяхъ, богатые помѣщики тоже, нерѣдко, строили, на самыхъ видныхъ мѣстахъ своихъ селеній, очень красивыя помѣщенія для школъ, приглашали въ нихъ учителями своихъ „поповъ“ и, вслѣдъ за тѣмъ, для обезпеченія школьнаго дѣла, всенародно объявляли крестьянамъ, что каждый нерадивый отецъ семейства и каждая мать, осмѣлившіеся не послать своихъ дѣтей во вновь открываемую школу, будутъ въ примѣръ другимъ; жестоко наказываемы, разумѣется розгами. Такимъ образомъ, если судить по количеству раздаваемыхъ попомъ скуфеекъ и камилавокъ, по официальнымъ отчетамъ и помѣщичьимъ приказамъ—дѣло народнаго просвѣщенія въ старія добрыя времена должно было подвигаться впередъ очень быстрыми шагами, по солдатски—форсированнымъ маршемъ.

На существующія у насъ безъ года недѣлю земскія учрежденія, какъ на бѣднаго Макара, со всѣхъ сторонъ нишки валятся; но нельзя, однакоже, не признать за земскими учрежденіями и нѣкоторыхъ заслугъ. Они первыя раскрывали всѣмъ и каждому живость нашей официальной статистики, цифрамъ и выводамъ которой нынче никто уже больше не вѣритъ. Старія учрежденія, завѣдывавшія народнымъ хозяйствомъ, начали сдавать свои дѣла новымъ, земскимъ; но при сдачѣ оказалось, что, кромѣ кипы старыхъ, нивуда негодныхъ бумагъ, и сдавать имъ было нечего. Комитеты общественнаго здравія, дорожныя и строительныя комиссіи—оказались существующими лишь на бумагѣ, безъ всякихъ признаковъ жизни. Комитеты народнаго продовольствія—тоже; да и самого продовольствія и даже магазиновъ для склада хлѣба, въ большей части случаевъ, не было. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ уѣздахъ числилось такое множество училищъ, что легко было предположить всѣхъ крестьянъ людьми грамотными; а на дѣлѣ оказалось, что даже многіе изъ учителей этихъ безчисленныхъ школъ успѣли уже разучиться читать и писать, а если что и умѣли еще удовлетворительно писать, такъ единственно только—, *мыслете**. Ожесточенная борьба старыхъ, уволенныхъ отъ службы вѣдомствъ съ новымъ обнаружила великое множество такихъ диковинокъ, о которыхъ прежде никто и не

догадывался. При старомъ управленіи все было шито да крыто и всякое обличеніе лишней дыры на мосту считалось личнымъ оскорбленіемъ и строго преслѣдовалось, а со введеніемъ самоуправленія, газетныхъ обличеній появилось даже больше, чѣмъ дыръ на мостахъ и ямъ на дорогахъ. Со всѣхъ концовъ необъятной Россіи — и изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ Луги, и изъ Калуги, и изъ Саратова, и изъ Ардатова, изъ Бирска и Симбирска — отовсюду разносятся газетами вѣсти, въ родѣ нижеслѣдующихъ, повторяемыя на разные лады:

„Пока исправляются наши дороги, строятся новые мосты и гати, сколько бѣднымъ проѣзжающимъ приходится претерпѣвать неприятностей! По милости подрядчиковъ, начинающихъ перестройку мостовъ и потомъ надолго оставляющихъ работы, по отсутствію за ними всякаго надзора, экипажи на оврагахъ опрокидываются, лошади уродуются, почта опаздываетъ не по часамъ, а по днямъ. Сколько тутъ бываетъ брани и упрековъ здѣшней управѣ!“ (См. въ газ. „Голосъ“ корресп. изъ Ардатова).

Брани и упрековъ, вѣроятно, не мало; но есть, однако-же, губерніи, напр., хотя-бы Пермская, въ которой управѣ посылаются брани и упрековъ еще больше, чѣмъ гг. проѣзжающими по Симбирской губерніи. Въ почтовой книгѣ для вписыванія жалобъ на пермскіе дорожные безпорядки, мы находимъ, между прочими, и такую: „Господи! пошли земству пермской губерніи и его управленію всякаго рода бѣдствія, дабы напутствовать его на исполненіе своихъ обязанностей по исправленію пути! Подписалъ: Семирѣченскаго казачьяго войска юнкеръ Юме.“

Должно быть сильно растроило несчастнаго юнкера, если ужъ жь Богу начать обращаться, тогда какъ въ предсѣдателяхъ пермской губернскаго управы сидитъ человекъ, про котораго ни одна изъ газетъ ни подъ какимъ видомъ не рѣшится сказать ничего, кромѣ похвалы. Впрочемъ, какъ видно, молитва юнкера „о ниспосланіи всякаго рода бѣдствій“ — не пропала даромъ. Хваленый пермскій предсѣдатель уже успѣлъ ловко провалиться на медицинскій части, о чемъ у насъ было въ свое время сказано. Другой пермскій проѣзжій пишетъ не такъ рѣзко, какъ юнкеръ, безъ проклятій, но за то нѣсколько яснѣе излагаетъ причины своего недовольства. „14-го марта 1873 года. Дорога убійственна: на протяженіи 3 станцій мнѣ попало павшихъ лошадей 19. Двѣ повозки отъ худой дороги брошены мною. Арцимовичъ.“

А въ третьей жалобѣ причины эти изложены съ еще болѣею ясностью:

14 марта 1873 года. Проѣзжая изъ Николаевска, я до сихъ поръ не встрѣчалъ подобнаго состоянія дорогъ, въ какомъ онѣ находятся въ пермской губерніи: ухабы и нерыи громаднхъ размѣровъ, изъ чего ясно видно, что онѣ нисколько не поправляются. Несмотря на то, что лошади на станціяхъ всегда исправны, я все-таки проѣхалъ изъ Екатеринбургa до Перми почти

4 сутокъ. Проѣхавъ нѣсколько десятковъ тысячъ верстъ, я былъ менѣе истерзанъ и разбитъ дорогою, какъ въ эти 700 верстъ въ пермской губерніи. Здоровый и крѣпкій мужчина, при такихъ несносныхъ дорогахъ, дѣлается больнымъ; каково-же испытывать дамамъ и дѣтямъ, а иногда и больнымъ, особенно когда на трактѣ трудно встрѣтить порядочнаго фельдшера, не говоря уже о медикѣ¹. Впрочемъ, какъ можетъ устоять въ цѣлости человѣческое здоровье, когда желѣзо не терпитъ и дерево ломается, когда бѣдное животное не выносить и падаетъ на дорогѣ: видѣлъ по дорогѣ много павшихъ лошадей. У меня само часто ломалась повозка, такъ что я поставленъ былъ въ необходимость ночевать подъ открытымъ воздухомъ, потерявъ возможность найти по близости мастера: пріятное положеніе для семейныхъ господъ проѣзжающихъ, особенно съ дѣтьми. Несмотря на такое ужасное положеніе дорогъ, никто и не думаетъ ихъ исправлять, развѣ только на протяженіи десятковъ верстъ попадется дряхлый старикъ, лишенный жизненныхъ силъ, который дремлетъ въ ожиданіи проѣзжающихъ, или двѣ-три бабы, желающія провести только день и получить поденщину. Такое состояніе дорогъ губительно отзывается на благосостояніи крестьянъ, особенно тѣхъ, которые занимаются извозничествомъ и благосостояніе которыхъ единственно зависитъ отъ лошадей, а лошади падаютъ и падаютъ, обезсилѣвъ отъ худой дороги, искалечившись отъ нырковъ, и крестьянинъ идетъ по міру. На зло, и природа-то противъ несчастныхъ: страшныя метели портятъ и безъ того уже испорченную дорогу. Нарвскій бюргерскій сынъ *Робертъ Томсонъ*.

Копія съ жалобы, записанной на Быковской станціи 5 марта 1873 иди („Петерб. Вѣд.“).

Такия-же точно жалобы недовольныхъ встрѣчаемъ мы въ газетахъ не только на дороги, мосты да гати, а рѣшительно на все безъ исключенія, что принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства земства. „По медицинской части — пишутъ изъ Ардатова (въ газ. „Голосъ“) — въ городской земской больницѣ, безпорядки и злоупотребленія, а въ уѣздѣ никто ничего не дѣлаетъ. Словомъ, нигдѣ нѣтъ порядка и благоустройства, за то „входящихъ“ и особенно „исходящихъ“ много“.

Такъ какъ всѣ, подобнаго рода корреспонденціи, пишутся не безъ тонкой ироніи, то подъ именемъ *исходящихъ* можно принять не канцелярскія бумаги, а просто умершихъ въ больницахъ, отвезенныхъ на погосты. Такое предположеніе поддерживаетъ тотъ-

¹ Предсѣдатель пермской губернской управы, купецъ Смышляевъ, очень-было горячо взялся за земскую медицину, привлекая въ свою глушь десятка полтора хорошихъ врачей, но послѣ самъ-же ихъ и разогналъ. Печальная исторія эта произошла, кажется, вскорѣ послѣ того, какъ юнкеръ Юлие накликалъ всякаго рода бѣдствія на пермскихъ земскихъ чиншениковъ. Изъ этого видно, что не всѣ жалобы на земскихъ дѣателей проходятъ бессѣдно.

же корреспондентъ слѣдующимъ частнымъ случаемъ по земско-медицинскому вѣдомству, вѣроятно очень нервнымъ: „У насъ, въ прошломъ году—пишетъ онъ—въ селѣ Шейнъ-Майдагъ совершенно неожиданно появилась сильная холера. Немедленно присланы были въ это село лекарь и фельдшера, устроены были изъ порожнихъ крестьянскихъ избъ два временныя больничныя помѣщенія; и все прочее, необходимое въ этомъ случаѣ, приготовлено было удовлетворительно. Но дурное обращеніе медиковъ съ больными, соединенные съ истязаніемъ способы леченія и весьма неудачное леченіе, слѣдствіемъ котораго была положительная смертность всѣхъ, кто попадалъ въ лечебницы, возбуждали въ народѣ такое сильное недовѣріе къ леченію и самимъ медикамъ, а къ больницамъ такой панической страхъ, что народъ готовъ былъ просто бунтовать противъ медиковъ и полиціи, а тутъ еще прицѣпилось побочное обстоятельство: лекарь, точно на бѣду, оказался полякъ“.

Какъ сами видите, и по врачебному предмету вѣдомства -- вѣсти нехорошія, хотя къ этому предмету мѣстные корреспонденты относятся не такъ горячо, какъ къ дорожнымъ безобразіямъ по весьма понятной причинѣ. Ухабы на путяхъ сообщенія и дыры на гнилыхъ мостахъ раздражаютъ одинаково всякаго, къ какому-бы сословію онъ ни принадлежалъ, а въ крестьянскихъ больницахъ лечиться не станеть всякій, располагающій хоть одной лишней копейкой: кому же захочется заранѣе причислить себя къ разряду „исходившихъ“.

По народному образованію неофициальныя вѣсти, пожалуй, еще хуже, чѣмъ по другимъ предметамъ земскаго вѣдомства, если только можно себя представить еще что-нибудь хуже. На первый разъ ограничимся сообщеніемъ того-же корреспондента, который отличается особенно рѣдкимъ „безпристрастіемъ ко всѣмъ предметамъ“. „Въ послѣднее земское собраніе прошлаго года—пишетъ корреспондентъ—у насъ на выборахъ мировыхъ судей былъ довольно поучительный случай. Заранѣе сдѣлалось извѣстнымъ, что одинъ изъ участковыхъ мировыхъ судей не намѣренъ болѣе продолжать службы. Это обстоятельство привело наше земство въ большое затрудненіе. Дворянство, не находя другого болѣе достойнаго изъ среды себя лица, задумало просить предсѣдателя управы оставить эту должность для того, чтобъ замѣстить отрывающуюся должность мирового судьи. Но предсѣдатель отказался. Принуждены были, волей-неволей, избрать на должность мирового судьи человѣка молодого, едва переступившаго 25-ти-лѣтній возрастъ, нигдѣ неслужившаго и имѣющаго специальное образованіе по межевой части“.

• Это еще, впрочемъ, не дурно, если на должность судьи отсканлся специалистъ по межевой части; во многихъ мѣстностяхъ очень важныя выборныя должности раздаются людямъ, нигдѣ ничему неучившимся, успѣвшимъ себя зарекомендовать съ очень непривлекательной стороны—не съ научной, а по части самодур-

ства и зубобичить. Въ одной изъ губерній волжскаго бассейна уѣздное земство не выбрало въ гласные одного пожилого, въ юности нигдѣ, ничѣму неуившагося землевладѣльца, который, даже въ старыя безсудныя времена, успѣлъ попасть подъ судъ за жестокое обращеніе съ крестьянами. Общество губернскаго города пригласило забаллотированнаго землевладѣльца въ брантмейстеры пожарной команды, рассчитывая на его отмѣнную должность и распорядительность, но мѣсяца въ два и само убѣдилось, что приглашенный рѣшительно негоденъ ни къ какой выборной должности, даже пожарнаго брантмейстера. Отставили его и отъ пожарной службы, но въ послѣднее время въ земствѣ и дворянствѣ произошелъ уже крутой переворотъ: кто считался, года четыре назадъ негоднымъ, тотъ считается уже годнымъ; и на оборотъ. Нигдѣ, ничему нечившійся, выгнанный изъ службы брантмейстеръ началъ руководить дворянскими и земскими собраніями въ качествѣ предсѣдателя и съ успѣхомъ, а, главное, съ шикомъ исполнялъ эти обязанности до той поры, пока опять, какъ и слѣдовало ожидать, не угодилъ подъ судъ.

Изъ приведенныхъ мною, и огромнаго количества всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ, видно, что у насъ, даже въ средѣ привилегированныхъ классовъ общества, не легко отыскать человѣка—чему-нибудь съ толкомъ учившагося и, въ то-же время, обладающаго ценомъ; о крестьянскомъ-же просвѣщеніи и говорить нечего.

Каковы на дѣлѣ наши многочисленныя церковно-приходскія школы—это очень хорошо выяснилось изъ статей газеты „Современность“, которыя пишутся священниками и благочинными, слѣдовательно самими педагогами-дѣятелями, которымъ лучше всѣхъ извѣстно устройство церковно-приходскихъ школъ. Наперекоръ энергическимъ опроверженіямъ и возраженіямъ астраханскаго соборнаго протоіерея, изъ Астрахани кто-то упорно продолжаетъ сообщать публикѣ очень незавидныя свѣдѣнія объ отставаемыхъ духовенствомъ школахъ—и, что всего важнѣе—подтверждаетъ эти свѣдѣнія фактами, которыхъ даже отцы протоіерей опровергнуть не могутъ. Пишутъ, напр., (въ газ. „Соврем. Извѣстія“), что въ городѣ Астрахани, во многихъ приходахъ, были домашнія школы въ квартирахъ священниковъ и дьяконовъ; что въ этихъ школахъ мальчики обучались за плату, и будто такіа школы показывались въ отчетахъ церковно-приходскими школами; не когда отчетность по образованію передана была вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія,—онѣ были закрыты. Говорятъ еще о школахъ съ пирогами. Эти школы, будто бы, устраивались на подобіе древнихъ обиденныхъ храмовъ, т. е. на одинъ день. Ко дню храмоваго праздника, въ который обыкновенно совершается богослуженіе пресвященнымъ и повѣряются успѣхи учениковъ церковно-приходской школы, созывали, говорятъ, мальчиковъ изъ другихъ школъ, а для того, чтобы задержать ихъ до окончанія архіерейскаго служенія, кормили ихъ пирогами. *Масло*

учениками тѣмъ же обѣдѣннѣе школъ и тѣмъ же, изобрѣтъ, переодѣтые гимназисты приготовительнаго класса. Называютъ даже фамилію гимназиста, который за бойкій отвѣтъ удостоился арміерейскаго благословенія и получилъ отъ преосвященнаго крестикъ.

Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно. Подобные слухи подрываютъ довѣріе къ астраханскому духовенству и невольно наводятъ на мысль, что преосвященному показываютъ несуществующія школы и успокаиваютъ его официальными отчетами, которые, надобно допустить, не всегда отличались законною точностію. Последняя мысль, навѣянная упомянутыми выше слухами, легко можетъ перейти въ убѣжденіе астраханца, особенно если онъ станетъ вникать въ суть официального опроверженія. Въ самомъ дѣлѣ, слухъ сообщалъ, что въ Астрахани провалились сквозь землю 18 церковно-приходскихъ школъ; о протоіерей Пальмовѣ исправляетъ ошибку корреспондента въ цифрахъ и говоритъ: „въ г. Астрахани были закрыты 3 церковно-приходскія школы и 2 по селамъ“, не объясняя причины, по которой закрыто 5 церковно-приходскихъ школъ. Принявъ во вниманіе заявленіе о протоіерей, не согрѣшимъ, кажется, если признаемъ за несомнѣнный фактъ слѣдующій выводъ изъ официального опроверженія: *въ Астраханской епархіи въ 1872 году провалились сквозь землю, только не 18, а 5 церковно-приходскихъ школъ*, „по самымъ уважительнымъ и даже неизбѣжнымъ причинамъ“, какъ говоритъ официальный корреспондентъ. Неужели кафедральный протоіерей Гавриилъ Пальмовъ такъ мало придаетъ значенія закрытію 5 церковно-приходскихъ школъ, что даже не счелъ нужнымъ объяснить этотъ фактъ послѣ того, какъ слухъ о провалившихся школахъ огласился на всю Россію? И кто будетъ виновать, если астраханскій читатель официального опроверженія попытается объяснить закрытіе 5 церковно-приходскихъ школъ тѣмъ, что учениковъ перестали кормить пирогами?...

Разумѣется, всякое привилегированное учебное заведеніе, въ которомъ окончившіе курсъ награждаются чинами и доходными мѣстами — въ сущности, изображаетъ собою ту-же астраханскую школу съ пирогами. Носятся слухи, что даже въ нашихъ университетахъ попадаются иной разъ господа, въ родѣ астраханскихъ *гимназистовъ приготовительнаго класса*, которые за деньги пишутъ магистерскія и докторскія диссертациі привилегированнымъ, богатымъ юношамъ, которымъ самимъ дѣнь мзгами шевельнуть, потому что — „и безъ того имъ жарко“; — не все-таки между этими заведеніями и грубыми школами съ пирогами есть большая разница. Въ привилегированныя школы и лицей принимаются только грамотные юноши, слѣдовательно изъ нихъ каждый, даже самый завзятый балобанъ — все-таки выйдетъ грамотнымъ, а отъ однодѣвнскихъ школъ съ пирогами, если отнять пироги — ровно ужъ ничего не останется. Только въ од-

нихъ снаркіальныхъ отчетахъ онѣ и будутъ числиться будто бы существующими школами.

Впрочемъ, изъ показаній людей бывалыхъ, практическихъ, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что далеко не всѣ тѣ учрежденія нужно признавать именно школами и училищами, которыя мы съ малолѣтства привыкли такъ называть. Если вѣрить напечатанному въ „С.-Петербур. Вѣд.“ письму г. Беллюстина (а кто-жь изъ насъ, старыхъ классиковъ, не повѣритъ г. Беллюстину?), то окажется, что въ Калазинскомъ уѣздномъ училищѣ учать вовсе не тому, чему вообще учать въ уѣздныхъ училищахъ. Тамъ, всѣхъ учениковъ стараются превратить въ церковныхъ пѣвчихъ или псаломщиковъ, не обращая особеннаго вниманія на то, у кого какой голосъ и есть-ли у кого голосъ: кто не хрипитъ, тотъ, значить, и пѣть можетъ. „Ученики — пишетъ г. Беллюстинъ — сначала очень охотно отозвались было на новый предметъ занятій, воображая, что пѣніе будетъ для нихъ, какъ и слѣдуетъ ему быть, раздыхомъ между учебными занятіями; но, убѣдившись, что это лишь новый и тяжелый трудъ, безцѣльный и потому бессмысленный, и особенно неудобный въ то время, когда желудокъ настоятельно требуетъ себѣ обычнаго удовлетворенія, начали уклоняться отъ этого занятія. И они правы: отсидѣть всѣ учебные часы и оставаться еще часа на полтора въ классѣ затѣмъ, чтобъ тануть нескончаемое число разъ — „Господи помилуй“ и „подай Господи“, тануть въ душной атмосферѣ скученныхъ въ одной комнатѣ учениковъ всего училища, и еще на голодный желудокъ — удовольствія въ этомъ, по истинѣ, не особенно много. Тѣмъ не менѣе, начались взысканія. — Помилуйте, за что же взысканія? Вѣдь предметъ не обязательный. — Приказано — должны исполнять. — Пока еще и не приказано никѣмъ. Но цѣль-то какая этого quasi пѣнія? — Какъ, какая цѣль?! Въ церкви будутъ пѣть. — А если не захотятъ, они ли сами, или родители ихъ? — Прикажутъ, такъ захотятъ... И дѣйствительно, послѣдовало строжайшее приказаніе — пѣть всѣмъ въ церкви. Новая исторія: ученики заявляютъ положительное нежеланіе примкнуть къ такъ-называемымъ „пѣвчимъ“, опираясь на воспрещеніе своихъ родителей; имъ за то грозятъ карами, и, ради убѣжденія въ томъ, что эти угрозы не напрасны, исключаютъ изъ училища одного изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ. Можно ли придумать болѣе вѣрный способъ возбудить отвращеніе въ ученикахъ ко всему, что только зовется пѣніемъ? „Кто изъ родителей повѣритъ, замѣчаетъ корреспондентъ, — что цѣль этого пѣнія чисто-педагогическая, когда на дѣлѣ они видятъ, что насильственными мѣрами усиливаются сдѣлать всѣхъ учениковъ „пѣвчими“, т. е. превратить въ этотъ классъ людей, извѣстныхъ по своей нравственной распущенности?“ Впрочемъ, постигшишіе сочинить эту пародію на пѣніе и сами никогда не повѣрятъ, чтобъ въ классномъ пѣніи могли быть педагогическія цѣли. Вся цѣль тутъ — пустить кому слѣдуетъ пыль въ глаза: „вотъ-де какъ рев-

нуемъ, мы, приводимъ въ исполненіе то, что лишь проектируетъ-ся; такихъ пѣвчихъ сочинимъ, что концерты будутъ распѣвать въ церкви“.

Придумано дѣльно, а главное, — родителямъ воспитанниковъ такихъ увѣднхъ консерваторій, во всякомъ случаѣ, готовится самый неожиданный сюрпризъ. Иной отдастъ сына поучиться начальнымъ основаніямъ математики и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ, чтобы послѣ не стыдно было его видѣть наряду съ дворянами-членами земской управы; а тотъ, года черезъ два, прійдетъ домой, да и начнетъ во все горло пѣть: „Господи помилуй! подай Господи!“ Впрочемъ, при существующей обстановкѣ нашихъ земскихъ управъ, и такіе годятся, потому что иной и дѣла дѣлать не умѣетъ, и пѣть не можетъ, а только и знаетъ себѣ хрипить—ругается.

Про земскія народныя школы много мы слышимъ, много въ извлеченіяхъ изъ земскихъ отчетовъ читаемъ, но не знаемъ пока ровно ничего, или очень мало. Изъ отчетовъ только видно, сколько именно рублей *тратитъ* на школы то или другое земство, тогда какъ одна трата рублей не въ состояніи еще познакомить насъ съ ходомъ самаго дѣла. Иной богатый помѣщикъ добраго стараго времени, изъ любви къ сыну или дочери, нанималъ къ нимъ, при посредствѣ иностранной конторы, самую дорогую гувернантку, разумѣется, англичанку (это—самый дорогой сортъ; самый дешевый—нѣмки, въ особенности изъ Риги, потаскавшіяся по Петербургу). Если англичанка была недурна собой и молода, то помѣщикъ нерѣдко растрчивалъ на нее половину своего состоянія и даже нѣсколько больше, но изъ всего этого только лишь видно было, сколько помѣщикъ *истратилъ* на гувернантку, а вопросъ объ образованіи дѣтей оставался въ сторонѣ, какъ онъ остается и у нашего земства.

Большинству газетныхъ корреспондентовъ по земскому дѣлу, должно предполагать, не случалось самимъ побывать въ деревенскихъ школахъ во время классовъ, а видѣли они ихъ только снаружи, по вывѣскамъ; да по отчетамъ еще знаютъ, сколько ихъ родное земство *тратитъ* денегъ на эти заведенія. Даже строгій ардатовскій корреспондентъ „Голоса“ — и тотъ, когда дѣло коснулось народнаго образованія, начинаетъ отдѣлываться общими фразами. „Въ то время, — пишетъ онъ, — когда *другія земства тратятъ* на предметъ образованія народнаго *десятки тысячъ и заводятъ по нѣскольку десятковъ школъ*, у насъ, собственно отъ земства, *не существуетъ ни одной школы!* (это ужъ, дѣйствительно, маловато!). А между тѣмъ, находящіяся при волостныхъ правленіяхъ начальныя народныя школы, по числу своему, очень недостаточны на здѣшнее народонаселеніе“.

Какъ видите, все вниманіе корреспондентовъ обращено только на количество школъ, а не на качество ихъ; это обстоятельство уже успѣли уяснить себѣ многіе изъ предсѣдателей управъ и сѣумѣли воспользоваться имъ не безъ выгоды для себя. Кор-

респонденты, въ давномъ случаѣ, напоминаютъ собою деревенскихъ наемныхъ рабочихъ на хозяйской пищѣ. Кормили-бы только до отвала, а чѣмъ именно: рѣпой, горохомъ, толокномъ, и лукомъ—это не важно!

Въ нашихъ петербургскихъ газетахъ и журналахъ нерѣдко толкуютъ и о дѣятельности провинціального земства по народному образованію. Пишутъ у насъ въ Петербургѣ по внутреннимъ вопросамъ иной разъ коренные петербуржцы, не бывавшіе нигдѣ въ Россіи дальше Поклонной горы передъ Парголовымъ, но за то прочно успѣвшіе устроиться по литературному вѣдомству, центральное управленіе котораго находится въ Петербургѣ. Заручившись разъ свѣдѣніями изъ отчетовъ управъ, что земство такой-то губерніи больше другихъ *тратитъ* денегъ на школы и даже на публичныя бібліотеки для безграмотныхъ крестьянъ, — наивные парголовскіе публицисты начинаютъ превозносить щедрыхъ земцевъ предъ всѣми другими, болѣе экономными и, по недовѣренію, сомнительнымъ слухамъ, готовы публично назвать чуть не воромъ и негодяемъ каждаго честнаго, стойкаго провинціального дѣятеля, возставшаго противъ напрасной траты народныхъ средствъ на пустыя, подъ предлогомъ расхода на образованіе. Вятское земство, въ этомъ отношеніи, представляетъ собою блестящій примѣръ. Всѣ въ одинъ голосъ хвалятъ его за (сравнительно) чрезвычайно крупныя затраты на школы и бібліотеки. Когда на вятскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о передачѣ земству публичной бібліотеки (состоявшей исключительно изъ книгъ для легкаго послѣобѣденнаго чтенія) и когда одинъ изъ разумныхъ гласныхъ (г. Красовскій) воспротивился превращенію этой, никому ненужной бібліотеки въ „земскаго нахлебника“, то хроникеръ одного либеральнаго журнала, не вникнувъ въ чѣмъ дѣло, съ ожесточеніемъ накинулся на г. Красовскаго и, безусловно повѣривъ силетягъ, которую распустилъ про него и живо имъ задѣтые враги, не затруднился напечатать: „Судите по одному этому факту (г. Красовскій, будто-бы, самъ содержитъ въ Вяткѣ книжный магазинъ, слѣдовательно, ему невыгодна конкуренція) *какимъ мелкимъ эгоистамъ, какимъ ограниченнымъ людемъ въпрямь народъ свое представительство*“ (См. „Дѣло“ 12 ян. 1872 г.). Вообще, если на слово вѣрить попугайскимъ рѣчамъ большинства нашихъ увлекающихся публицистовъ, то Вятская губернія — какая-то просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ областей Россійской Имперіи, а между тѣмъ, на земскомъ собраніи этой губерніи недавно еще публично заявлялось нѣчто, совсѣмъ противоположное, оставшееся безъ возраженій. Вотъ что было заявлено въ вятскомъ земскомъ собраніи пятой очередной сессіи:

„Члены вятскаго губернскаго собранія *привычки хвалятся* своими заботами о народномъ образованіи и указываютъ на 200-тысячныя ассигновки по этой статьѣ; но они забываютъ при этомъ о громадномъ населеніи губерніи и ея составъ, носясь съ

абсолютной цифрой своего бюджета, они забываютъ о результатахъ своихъ заботъ: дѣйствительно, вятское земство безотнositельно тратитъ больше всѣхъ другихъ губерній на распространение грамотности, но спрашивается: на сколько граматно ея население? *Къ сожалѣнiю, въ этомъ отношенiи, Вятская губернiя должна уступить не только большинству губернiй, въ которыхъ введена земскiя учрежденiя, но даже дикому Кавказу, гдѣ одинъ училищiй приходится на 153 человека, тогда какъ у насъ 1 училищiй на 200 человекъ.* Если бы мы захотѣли сравняться съ Самарскою губернею, то намъ бы пришлось тратить 400,000 руб., т. е. вдвое болѣе теперешняго. Спрашивается, умѣстно-ли намъ, при такихъ обстоятельствахъ, жертвовать одновременно 6,000 руб. и ежегодно до 2,000 руб. изъ крестьянскихъ денегъ 2¹/₂ миллионнаго населенiя, на поощрiе лежнаго чтенiя между юрстскою дворянъ, имѣющихъ средства удовлетворять своимъ литературнымъ потребностямъ изъ своего собственнаго кармана, и не въ 1,000-ли разъ полезнѣе употребить эти деньги на открытiе воскресныхъ школъ, которыхъ во всей губернiи только одна, и публичныхъ популярныхъ чтенiй, по примѣру предпринятыхъ въ Петербургѣ. Подлинную подписалъ гласный В. Красовскiй“.

Вотъ та, кажется, безвредная мысль, за которую на вятскаго гласнаго Красовскаго воздвигнуто было гоненiе со стороны представителей мѣстной власти и за которую онъ принужденъ былъ безропотно и безотвѣтно вынести грязную слетню, повторенную и поддержанную либеральнымъ органомъ печати, которому-бы, во всякомъ случаѣ, не мѣшало быть въ такого рода дѣлахъ поосторожнѣе. Такъ-какъ дѣло о передачѣ вятской публичной библиотеки „въ вѣдѣнiе земства“ я ни подъ какимъ видомъ не могу считать нестоющею вниманiя мелочью, то изложу его такъ, какъ оно велось, не поддаваясь, разумѣется, влиянiю мѣстной слетни.

Лѣтъ сорокъ уже въ Вяткѣ существуетъ публичная библиотека, но, такъ-какъ въ старые годы о просвѣщенiи говорили далеко не такъ охотно, какъ нынѣ, то о существованiи ея никто не зналъ, кромѣ вятчанъ, да и то далеко не всѣхъ. Съ 1866 года главою попечительнаго комитета надъ библиотекою появился нѣкiй-чиновникъ, Домелунсенъ, который принялся за библиотеку очень энергично, хотя его энергiя собственно библиотекѣ не много принесла пользы. Все вниманiе попечителя и комитета сосредоточилось на томъ, чтобы не выдавать молодымъ людямъ изъ библиотеки сколько нибудь серьезныхъ, дѣльныхъ книгъ, которыя, „отъ свойственной въ молодыхъ людяхъ неразвитости и непониманiя могутъ производить ложное толкованiе и поселать недобвѣрiе...; вообще, выдавать имъ книги съ большою разборчивостью и осмотрительностью“. Для болѣе безопасности, гг. попечители просто забирали опасныя по ихъ мнѣнiю книги къ себѣ на домъ и оставляли ихъ въ своихъ шкафахъ. Нѣкоторые изданiя, хотя и не особенно опасныя, но за то дорогiя и рѣдкiя (какъ напримѣръ, богатая коллекцiя эстамповъ, собранныхъ Ру-

кавишниковымъ) тоже затаскивались гг. попечителями къ себѣ на домъ и никому не выдавались по два, по три года, хотя-бы требовались людьми взрослыми, даже старыми, которымъ уже не опасны даже коллекціи парижскихъ фотографій самаго соблазнительнаго свойства. Изъ отчетовъ попечительства видно, что, напримѣръ, въ 1869 году, изъ полученныхъ библіотекой 3,400 рублей, на выписку книгъ израсходовано только 28 рублей. Вообще, изъ дѣла видно, что главнѣйшее вниманіе попечительства библіотеки было обращено собственно не на книги, а на штукатурку и приличную окраску заведенія, на отопленіе, освѣщеніе и на нѣчто въ родѣ музея прикладныхъ знаній при библіотекѣ, въ которомъ, стараніями г. Домелунксена, были собраны откуда-то, и въ большомъ порядкѣ разставлены и разложены: „подшивы“— (еще не старыя) „игральныя карты“ тоже, по слухамъ, почти новыя, „свиристѣлочка нумидійскаго пастуха“, „пахучій кошелекъ, взятый у Феллаха“ и др., очень интересныя, либо по своему назначенію, либо по запаху—вещи. Къ сожалѣнію, не было въ музеѣ, хотя-бы для курьёза, пахучаго кошелька, взятаго у вятскаго мужика, изъ котораго безграмотный вятчанинъ вынималъ свои мѣдные трѣшники на устройство библіотеки и музея; но объ этомъ именно кошелькѣ и разгорѣлся споръ на вятскомъ собраніи.

Денежныя дѣла библіотеки пошли до такой степени плохо, что гг. попечители рисковали въ самомъ непродолжительномъ времени, остаться съ однимъ только, хотя пахучимъ, но за то пустымъ кошелькомъ Феллаха. Тогда они рѣшились сдать библіотеку на иждивеніе земства, или, какъ выразился одинъ изъ гласныхъ, навязать обѣднѣвшую библіотеку земству въ нахлебничи, съ тѣмъ, впрочемъ, непремѣннымъ условіемъ, чтобы гг. попечители остались тѣ-же самыя и могли-бы, получая кормы отъ земства, дѣлать что захотятъ, напримѣръ, забирать къ себѣ разныя книги и коллекціи, которыя порѣже и подороже, не давать юношамъ ничего, кромѣ самыхъ легкихъ романовъ, и т. п. Въ непремѣнное условіе земству постановлено принять къ себѣ на содержаніе двухъ старыхъ попечителей, которые, „по самому званію своему обязаны имѣть прямое попеченіе о распространеніи твердыхъ знаній и, вообще, просвѣщенія“. По предположенію, хотя и не основанному на опытѣ, „представители общества, озбоченные распространеніемъ просвѣщенія, будутъ заявлять о томъ, чего ожидаетъ общество отъ библіотеки; представители же ученаго сословія, въ свою очередь, какъ специалисты въ воспитательномъ дѣлѣ, выскажутъ свои ближайшія (?) соображенія по сему предмету; результатомъ будетъ то, что общество всегда найдетъ въ библіотекѣ все, служащее къ распространенію знаній. Да, наконецъ, есть-ли основаніе предполагать, что само земство поставило-бы библіотеку выше, чѣмъ она будетъ при участіи уваженныхъ специалистовъ, или экспертовъ? Напротивъ! Лица, которымъ правительство довѣряетъ воспитательныя заве-

денія, столь важная для народа, какъ гимназій и семинарій, могутъ лучше чѣмъ кто-нибудь объяснить, какія именно книги должны болѣе удовлетворить объявленнымъ представителями потребностямъ...".

Изъ послѣднихъ словъ условія, на которомъ сдавался земству новый „нахлѣбникъ“, т. е. библіотека, видно, что въ Вяткѣ самыми лучшими оцѣнщиками романовъ и легкихъ разсказовъ считаются директоръ гимназій и отецъ ректоръ духовной семинаріи; но вятское земство имѣло основаніе не увѣрывать въ такіе, ни на чемъ неоснованные, доводы. Вятскіе земцы очень хорошо знали, что библіотеки, какъ при гимназій, такъ и при духовной семинаріи постоянно слыли ни къ чему негодными, слѣдовательно, весьма основательно было имъ усомниться въ томъ, дѣйствительно-ли директоръ и отецъ ректоръ такіе тонкіе знатоки по книжной части, какъ про нихъ разсказываютъ?

На собраніи 1871 года гласный Красовскій прочиталъ докладъ о положеніи вятской публичной библіотеки, вооружившій противъ него всю вятскую интеллигенцію, а въ особенности непризнанныхъ экспертовъ по части легваго, послѣобѣденнаго чтенія; да и не могъ таковой докладъ не вооружить противъ докладчика кого слѣдовало!

Г. Красовскій напрямки заявилъ, что онъ находитъ положеніе библіотеки „сквернымъ“ и, хотя доказалъ это, но слово „скверный“ экспертамъ по части изящной литературы показалось слишкомъ грубымъ и даже обиднымъ.

Докладчикъ не безъ успѣха старался доказать, что вятская публичная библіотека, при настоящемъ ея составѣ и управленіи, почти не приноситъ никакой пользы собственно народу, потому что изъ посѣтителей библіотеки 90% падаетъ на дворянъ, чиновниковъ и дѣтей лицъ, неплатящихъ земскихъ сборовъ, остальные на купцовъ и мѣщанъ, на крестьянъ-же 0%. Въ теченіи цѣлаго отчетнаго года въ библіотеку не приходило ни одинъ крестьянинъ (въ музей приходило нюхать пахучій кошелекъ нѣсколько мужиковъ, потому что нюхать доступно и безграмотному). Въ Вятской губерніи крестьяне составляютъ 92% населенія, дворянъ-же только 1/5%, слѣдовательно, ихъ въ 480 разъ меньше, чѣмъ крестьянъ, которые, однако-же, являются почти единственными плательщиками земскихъ сборовъ. Уже по одному этому исчисленію библіотеку не слѣдовало брать на земскіе хлѣбны, но г. Красовскій привелъ еще и другія причины. Попечительство библіотеки задалось, почему-то, цѣлью—покровительствовать одному лишь легвому чтенію, слѣдовательно, смѣшно было-бы думать, будто отъ такого чтенія народъ-бы что нибудь выигралъ.

Доводъ очень вѣскій, вызвавшій отчаянныя, но, впрочемъ, не совсѣмъ удачныя возраженія со стороны попечителя „скверной“ библіотеки, Домелунксена, а неудача, какъ извѣстно, сильно раздражаетъ и принуждаетъ самолюбиваго человѣка рѣшаться на все.

Г. Красовскій указалъ, что въ вятской библіотекѣ, по отдѣлу *легкаго* чтенія, находится 70% всего количества книгъ, а на всѣ другіе: на юридическій, естественно-научный, медицинскій и т. п., всего по 3% на каждый, подразумѣвая подъ книгами для легкаго чтенія именно то, что каждый подъ ними подразумѣваетъ; но г. Домелунксенъ и здѣсь держится своего правила: споръ во что-бы то ни стало. „Такимъ образомъ относиться къ легкому и серьезному чтенію—оспаривалъ упрямый попечитель—можетъ только тотъ, кто не читалъ ни одного автора, ни одной книги журнала (?); но *едва-ли* кто изъ образованныхъ людей рѣшится причислить къ легкому чтенію, *растворяющему нравственность* (о растлѣніи ничего и не говорилось, а сказано только о различіи между чтеніемъ легкимъ и серьезнымъ) журналы: „Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“, „Дѣло“, „Русскій Вѣстникъ“, соч. Гоголя, Лермантова, Пушкина, Кольцова, Достоевскаго и т. п.“ Сказавши свое *едва-ли*, г. Домелунксенъ, однакоже, самъ не объясняетъ, какія именно книги онъ считаетъ книгами для легкаго чтенія, какія для серьезнаго, т. е. для приобрѣтенія научныхъ свѣдѣній. Г. Домелунксенъ, кажется, смѣшиваетъ слово *скучный* съ *серьезнымъ* или *научнымъ*, и, поэтому, каждую сказку или былинку, изложенную дрянными, безобразными стихами въ родѣ Буренинскихъ, считаетъ серьезнымъ чтеніемъ. Такъ думаетъ, впрочемъ, не одинъ только г. Домелунксенъ, но даже многіе изъ редакторовъ нашихъ петербургскихъ газетъ, которые, заказывая передовую статью для своего куранта, совѣтуютъ неопытному, увлекающемуся новичку-автору: „пожалуйста, поменьше соли. Постарайтесь какъ можно посуше, *попечителю*: серьезнѣе будетъ казаться, а то на фѣльетонъ похоже!“ Если придерживаться подобнаго взгляда на легкое и серьезное, то, дѣйствительно, придется крѣпко задуматься надъ иными уродливыми романами, въ родѣ, напримѣръ, „Бѣсовъ“ Достоевскаго и стихоплетными былинами Буренина, напоминающими старинныя переложенія псалмовъ Царя Давида бездарными, полуграматными, старыми помѣщиками. Безъ повѣвоты и потяготы, дѣйствительно, читать невозможно, точно такъ же, какъ и глупѣйшую, съ учеными претензіями, передовую статью въ иномъ курантѣ.

Чувствуя и самъ, что въ задорномъ, безтолковомъ спорѣ о легкомъ и серьезномъ чтеніи можно только пустить пыль въ глаза неопытнымъ вятскимъ гласнымъ, а полной побѣды надъ противникомъ одержать невозможно, г. Домелунксенъ привелъ еще новыя данныя объ усердіи и тонкомъ знаніи своемъ въ книжномъ дѣлѣ; но опять-таки неудачно. „Мои противники—сказалъ онъ—стараясь во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ видѣть одно только дурное, не хотѣли доложить собранію о томъ, что въ послѣдніе годы управленіе не безплодно заботилось объ устройствѣ библіотеки, что ясно видно изъ *отчетовъ*, „Указатель статей журналовъ, находящихся въ библіотекѣ“ и „*Подробной*

омиси музея“, въ которомъ, впрочемъ, только и значится какая-то свиристѣлка, пустой пахучій кошелекъ, да пара не старыкъ подошвъ, подаренныхъ попечителю съ кожевеннаго завода по знакомству.

Это опредѣленное указаніе на свои труды по части библиографіи окончательное сръзало г. Домелунксена, который, кажется, думаль, что гг. гласные не потрудятся заглянуть во внутренность этихъ, едва-ли кого интересующихъ, книжекъ. Хотя самъ составитель при всѣхъ гласныхъ обозвалъ свои труды не-бесплодными и даже „*весьма солидными*“, но предусмотрительный г. Красовскій не полѣнился заранѣе сдѣлать изъ этихъ книжицъ выписки и выборки, и тогда-то ясно обозначилось, что не все то полезно, учено и солидно, что облечено сверху въ синій фракъ съ серебряными пуговицами вѣдомства народнаго просвѣщенія.

„Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналахъ“, оказалъ, по разсмотрѣнн, не только не-солиднымъ и не полезнымъ, но положительно вреднымъ, потому что онъ могъ ввести только въ обманъ важдаго неопытнаго посѣтителя библіотеки, который и не подозрѣваетъ, что статьи въ каталогахъ пропускаются иногда не нечаянно, а съ заранѣе обдуманнмъ намѣреніемъ. Въ каталогѣ всего 96 страницъ, изъ нихъ 63, т. е. $\frac{2}{3}$ заняты оглавленіями беллетристическихъ произведеній (и скучныхъ, и глупыхъ, и талантливыхъ), а на 33 страничкахъ скучены заглавія остальныхъ статей, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Даже при бѣгломъ взглядѣ на хваленый „Указатель“ такое обстоятельство показалось-бы страннымъ, потому что у важдаго человѣка есть соображеніе. Въ библіотекѣ хранится около 2-хъ тысячъ книгъ разныхъ журналовъ. Если считать въ важдой книжкѣ по 10-ти статей (меньше рѣдко бываетъ), то въ „Указатель“ было-бы 20 тысячъ названій, но если, изъ спискожденія, убавить на половину, то и тогда 10 тысячъ, а въ „Указатель“ ихъ указано всего 3,600 съ чѣмъ-то, вмѣсто *minimum'a*, 10-ти! Ясно, что двѣ трети статей куда-то пропали изъ „Указателя; кѣмъ-то украдены, разумѣется, не безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія; но куда пропали, зачѣмъ и кѣмъ украдены? Для этого необходимо было произвести осмотръ мѣстности, дознаніе и слѣдствіе, и г. Красовскій не полѣнился ихъ произвести, хотя ему не дали времени заняться этимъ дѣломъ подольше, какъ слѣдовало. Изъ старой (начто ужъ, кажется, невинной!) „Библіотеки для чтенія“ выброшены въ „Указатель“: „*О происхожденіи видовъ*“, Энгельгардта, „*Новости естествознанія*“, „*Теорія Дарвина въ примъненіи къ наукѣ о языкѣ*“, Шлейхера, „*Наука о языкѣ*“, Макса Мюллера, статьи Ткачева— „*Статистическіе этюды*“, „*Разбойники и былые времяя Петра Великаго*“, „*Аристовъ*“, „*Отелло*“, „*Дядюшка Титанъ*“ — романъ Волгонскаго (этотъ, вѣроятно, не внесенъ не ради безопасности, а просто выдранъ для чьего-нибудь домашняго употребленія),

„Очеркъ дѣятельности графа Канкринъ“, Шипова, и проч. в проч. Такой-же точно очисткѣ подверглись и всѣ другіе журналы: чуть у статьи какое-нибудь, будто-бы умное заглавіе — сейчасъ его долой! Просматривая „солидный“ вятскій „Указатель“, посѣтитель библіотеки могъ выйти изъ нея съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ старыхъ „Отечественныхъ Запискахъ“ нѣтъ и никогда не было слѣдующихъ статей: „Книга Дарвина, ея критики и комментатора“, „Еще по поводу теоріи Дарвина“, Келликера, „Законъ образованія половъ“, Линдемана, „Уничтоженіе монастырей въ Италіи“, Тунѣва, „Мнѣніе Бокля о сочиненіяхъ Милля“, „Народные типы въ нашей литературѣ“, Маркова, „Взглядъ Соловьева на реформу Петра“, „Для женщинъ“ — драматическія сцены Александрова и проч. и проч.

Такое выметаніе самыхъ заглавій статей подало поводъ г. Красовскому заявить собранію, что библіотеку въ этомъ, дѣйствительно „скверномъ“ видѣ, съ непремѣнной прикомандировкой къ ней прежнихъ распорядителей, земству принимать на свое иждивеніе не слѣдуетъ. Земство только понапрасно затратитъ на нее до 6-ти тысячъ крестьянскихъ денегъ (по выведенной пропорціи — 4,800 руб. крестьянскихъ и 1 200 руб. не крестьянскихъ), а библіотека непремѣнно, при такихъ порядкахъ, должна лопнуть, потому что мудреные составители „Указателя“ забрали къ себѣ подъ опеку не только юношей, но даже и старцевъ, на которыхъ даже самый крѣпкій ванильный ликѣрь дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ козье молоко на ребенка! „Можетъ-ли при такихъ неслышанно-безобразныхъ условіяхъ существовать библіотека?“ самъ себя спрашиваетъ Красовскій и, разумѣется, тотчасъ-же отвѣчаетъ: „нѣтъ!“ „Нѣтъ ничего удивительнаго, если учащееся юношество, отгнѣсняемое (въ такомъ глухомъ захолустѣ, какъ Вятка) отъ серьезнаго чтенія публичной библіотекой, будетъ искать другихъ или свои заводить, потому что въ молодомъ человѣкѣ заставить замолкнуть чувство умственнаго голода невозможно“ (не здѣсь-ли, не въ этихъ-ли грубыхъ опытахъ и настоящая причина слишкомъ частыхъ въ послѣднее время самоубійствъ между учащимися?) „Скажу болѣе — заключаетъ свой отзывъ гласный Красовскій — было-бы страннымъ и даже неестественнымъ, еслибы молодѣжь не пришла къ этой мысли. Въ этомъ случаѣ она, выраженію одного писателя, была-бы похожа на мухъ, которыя, когда ихъ сгоняютъ съ сахарной лепешки, тотчасъ садятся на свѣжій или засохшій на солнцѣ кусокъ какой-нибудь жерести и кушаютъ его съ большимъ аппетитомъ“.

Вообще, г. Домелунсенъ не въ добрый часъ похвалился „солидностью“ своего труда, попалъ на опаснаго врага, который солидность-то эту напускную ловко умѣетъ снимать, какъ пѣнку. Кромѣ указанныхъ уже, въ „солидномъ“ „Указателѣ“ открыты еще новыя, очень солидные недостатки, указывающіе уже не на одніи только нравственно-охранительныя наклонности въ составителѣ, но помѣйшее его невѣжество въ дѣлѣ, находясь при которомъ,

онъ, „по самому своему званію, обязанъ имѣть прямое попеченіе о распространеніи твердыхъ знаній и вообще просвѣщенія“. Въ своемъ „Указателѣ“, напримѣръ, г. Домелунксенъ хочетъ увѣрить наивныхъ вятчанъ, будто-бы Добролюбовъ писалъ въ „Свѣточѣ“ и, притомъ, уже послѣ своей смерти — что еще вѣроятнѣе; а романъ „Кто виноватъ“, будто-бы, написанъ не Герценомъ, а Шеллеромъ, т. е. тѣмъ самымъ г. Михайловымъ, который вѣчно, какъ канитель тянется, по иностраннымъ источникамъ, свой безконечный романъ изъ русской жизни, подъ общимъ заглавіемъ „Гнилыя болотныя мѣста!“ Въ „Указателѣ“, между прочимъ, значится, что романъ „Кто виноватъ“ появился въ первый разъ, въ 1865 году, въ „Русскомъ Словѣ“. Составитель „Указателя“ думаетъ, что Гейне и Писаревъ, Шидлеръ и Миллеръ, Гёте и Губеръ, Байронъ и Минаевъ, Софокль и Шестаковъ — все это одно и то-же — не различимъ; что статьи: „Взглядъ на исторію Россіи“ и „Суета суетъ“ принадлежать одному и тому-же автору, потому что и подъ той и другой статьей подписана фамилія Соловьевъ, хотя одинъ изъ нихъ извѣстный историкъ, а другой — Богъ его знаетъ, гдѣ служить и чѣмъ торгуется. Всѣ Михайловы и Толстые (Левъ, Алексѣй, Феофилъ) смѣшаны въ одну безразличную кучу, какъ въ Плюшкинской кладовой. „Парижъ въ Америкѣ“ названъ не сатирой, а *географической статьей*. Статья Благосвѣтлова „Договоръ свободнаго объѣзда между Франціей и Англіей“ и „Реформа Италіи, какъ ее понималъ Монтанелли“ изъ политическихъ и публицистическихъ копали въ *нравственно-географическія* (?) или „путешествія“. Вѣроятно, составителю „Указателя“ откуда-нибудь было извѣстно, что статьи эти писались въ то время, когда авторъ ихъ куда-нибудь ѣхалъ. Нѣкоторымъ изъ шутовскихъ сочинителей г. Домелунксенъ придалъ небывалое значеніе, примѣняя къ ихъ сочиненіямъ свои взгляды на легкое и серьезное чтеніе: „Атракционы“, Лейкина и всѣми забытыя, да едва-ли серьезными людьми и прочитанныя „Моншеры“, Чужбинскаго, по мнѣнію г. Домелунксена, не легкія беллетристическія, а *статистико-этнографическія* очерки! По „Указателю“ выходило, что „Биографія Борнедіа Гаутмана“ относится къ отдѣлу географіи, потому что авторъ былъ основателемъ остиндской компаніи; что Тибленъ — тотъ самый, который послѣ бѣжалъ отъ долговъ — былъ *драматическимъ писателемъ*; что Иеремія Бентамъ — два разныхъ челоуѣка: Бентамъ писалъ самъ по себѣ, а Иеремія писалъ о Бентамѣ. Книги „О Гориллѣ“ отнесена въ „Указателѣ“ къ взящной словесности, потому что составитель, вѣроятно, второпяхъ, принялъ обещану за какую-нибудь героиню романа, въ родѣ „Эммы“ или Генриетты...

Вотъ въ какомъ ужасномъ положеніи найденъ былъ вятскимъ земствомъ этотъ „храмъ умственного развитія“, какъ называлъ самъ г. Домелунксенъ библиотеку, предлагаемую земству въ наглѣбники съ непремѣннымъ условіемъ взять къ себѣ на хлѣбъ и ста-

рыхъ жрецовъ—, распространителей твердыхъ знаній“, которые своими „солидными“ трудами отлично доказали свою неспособность и полнѣйшее невѣжество въ книжномъ дѣлѣ! Нечему удивляться, что вятское земство обратило вниманіе на докладъ гласнаго Красовскаго и отказалось назвать этотъ запущенный храмъ *земскимъ храмомъ умственнаго развитія*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было не ожидать и жестокаго возмездія со стороны оскорбленныхъ жрецовъ своему противнику. Обвиненія г. Красовскаго слишкомъ ужь были тверды и ясны, такъ что разрушить ихъ не представлялось никакой возможности; нужно было подыскивать какіе нибудь новыя, хотя-бы не совсѣмъ подходящіе къ дѣлу факты, которые-бы набросили болѣе или менѣе мрачную, густую тѣнь на личность дерзкаго обличителя. Покопались въ старыхъ бумагахъ и отыскали, что книжный магазинъ съ публичной читальней въ Вятѣ въ шестидесятыхъ годахъ принадлежалъ ихъ обличителю, а потомъ, не по его волѣ, переписавъ на имя его брата—этого для озлобленныхъ жрецовъ было достаточно. „Вовсе не общественный интересъ,—говорили они,—руководить дѣйствіями г. Красовскаго, а чисто личный, конечный. Если перейдетъ въ распоряженіе земства читальня и продажа книгъ, то содержателю частнаго магазина и библіотеки будетъ невыгодно торговать, потому онъ и сердится, и клеветаетъ“—(никто, впрочемъ, и не попробовалъ доказать, что г. Красовскій дѣйствительно клеветаетъ; еслибы можно было доказать, то ужь живого не выпустили-бы!).

Объясненіе очень простое, и, главное, каждому понятное, потому что, вмѣстѣ— мало кому понятнаго, каеого-то „общественнаго“ интереса,— ставился личный, конечный. Никому не пришло въ голову строго-критически отнестись къ предложенію попечительства публичной библіотеки, къ его неизмѣннымъ условіямъ, на которыхъ оно желало передать библіотеку земству—иначе-бы, разумѣется, нелѣпость темнаго обвиненія сейчасъ же бы бросилась каждому въ глаза. Изъ отчетовъ попечительства видно, что оно не давало публикѣ читать даже такихъ статей и книгъ, какъ напримѣръ, „Взглядъ Соловьева на реформу Петра“, „Народные типы въ русской литературѣ“, Маркова; вовсе не обзаводилось, считая ихъ вредными или лишними, такими книгами, какъ напримѣръ: Космосъ Гумбольдта, основанія биологіи Спенсера, соч. Тиндаля, основанія химіи Менделѣева, Гексли и т. д. и т. д. Изъ предложенія попечительства земству видно, что личный его составъ и на земскихъ кормахъ остался-бы тотъ-же, слѣдовательно, кромѣ романовъ, въ „земскомъ храмѣ“ по прежнему ничего-бы не было. Спрашивается: какая-же опасность представляла-бы отъ такого конкурента частному магазину Красовскаго? Рѣшительно никакой; даже громадная была-бы польза: стоило выписывать именѣю тѣ только книги, которыя бражковались земскими жрецами; это была-бы самая вѣрная привѣта, что книги не глупыя, и публичной разбираться будутъ на

расхватъ. Большинство публики, впрочемъ, по обыкновенію, не вникло въ сущность грязенькой слетни, да и самъ г. Красовскій, какъ видно, немного потерялся, получивши неожиданный щипокъ сзали. Мало того: даже нѣкоторые либеральныя органы петербургской печати приняли, должно полагать сгоряча, сторону грубой силы, которая, для своей поддержки, давно уже запаслась органами посильнѣе Благосвѣтловскаго... Свирѣбая борьба, изъ области теоріи, вскорѣ перешла на практическую почву, на которой виднѣе, на чьей сторонѣ сила. Книжный магазинъ въ Вяткѣ съ библіотекой, основанный ненавистнымъ гласнымъ Красовскимъ, мѣстными властями предписано немедленно закрыть по весьма, впрочемъ, сомнительному поводу. Содержатель магазина, Николай Вершининъ, переѣхалъ изъ Вятки въ Орловъ, оставивъ довѣренность на управленіе дѣлами магазина брату Павлу. Хотя ни отъ кого и нигдѣ не требовалось, чтобы хозяинъ книжнаго магазина безвыѣздно жилъ въ томъ городѣ, гдѣ магазинъ (интересно было-бы знать, какъ-бы поступилъ при такомъ странномъ требованіи г. Кожанчиковъ, у котораго магазины въ четырехъ, или пяти городахъ? Какъ-бы онъ ухитрился жить въ одно и то-же время, въ Петербургѣ, въ Казани, въ Варшавѣ и пр.), но отъ г. Вершинина, однако-же, безусловно этого потребовали, вѣроятно не на основаніи статей закона, а поговорокъ: „сила соломѣ дожить“ и „ндраву моему не препятствуй!“

Которая изъ сторонъ одержитъ побѣду въ борьбѣ—это послѣ окажется, а мы, пользуясь случаемъ, передадимъ еще кое-что изъ исторіи вятскаго земства, по части столкновеній его съ властями предержавшими.

Много-затрачивающее денегъ на народное образованіе вятское земство завело у себя училище для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній и для приготовленія учителей. Дѣло задумано хорошее, но увлекающееся вятское земство опять-таки и здѣсь постаралось доказать всѣмъ и безъ доказательствъ извѣстную истину, что тратить зря общественныя деньги и приносить существенную пользу народу — совсѣмъ не одно и то-же, а двѣ вещи разныя, одна на другую непохожія. Прежде всего, вятское земство пригласило къ себѣ въ директоры какого-то, совершенно неизвѣстнаго ему, чрезвычайно страннаго господина Рудинскаго, котораго попечитель учебнаго округа, безъ всякихъ затрудненій, утвердилъ въ должности директора еще не существовавшаго училища. Съ 5-го іюня 1872 года г. Рудинскій былъ допущенъ „къ занятіямъ по открытію“ воображаемаго училища и, съ этого числа, щедрое вятское земство (проектируемаго училища) порѣшило ему выдавать по 3,600 рублей въ годъ: директорское жалованье 1,800 рублей, за предполагаемое преподаваніе чего-то въ неопредѣленномъ будущемъ — 1,200 рублей и еще 600 рублей „за завѣдываніе *отытными* полями“, котораго тоже еще не было, да едва-ли прав-

деню было известно, имѣль-ли приглашенный имъ господинъ опытность завѣдывать опытнымъ полемъ. Такимъ образомъ, съ 5-го іюня прошлаго года, двинулось дѣло по обычной земской колее. Никому неизвѣстный чиновникъ утвержденъ въ должности, жалованье ему пошло обильное — и дѣло, какъ водится затянулось. Счастливицу - директору очень понравилось получать, ничего не дѣлая, по 300 рублей въ мѣсяцъ и онъ всячески старался оттянуть подалше скучный день отъертія училища, чтобы вполне насладиться своимъ исключительнымъ, можно сказать, даже у насъ въ Россіи рѣдкимъ положеніемъ. Въмѣсто того, чтобы исподволь подыскивать учителей, онъ нарочно затѣвалъ такую путаницу, что даже тѣ, которые сами просились — отказывались, крестясь и пошептывая про себя „избави Господи всякаго даже лихаго татарина отъ эдакаго! Богъ съ нимъ и съ жалованьемъ!“

Въ половинѣ іюня правленіе распорядилось напечатать 1,200 объявленій объ открытіи училища въ сентябрѣ мѣсяцѣ; съ 3-го іюля наняло даже помѣщеніе, разумѣется, съ приличной квартирой для директора; но г. Рудинскій, рѣшившійся, какъ видно, вполне насладиться жизнью на земскій счетъ, уѣхалъ куда-то, никого не спросивъ и, даже, не увѣдомивъ правленія о своей отлучкѣ. Члены правленія, оставшись на бобахъ со своими объявленіями о спектаклѣ, назначенномъ въ то время, когда и режиссеръ и актеры въ бѣгахъ — въ изумленіи растопырили руки и глаза выпучили, ухватясь за бороды руками. Возникло даже сомнѣніе, „*полезно ли считать такого господина окончательно приглашеннымъ*“; не озаботиться-ли присканіемъ другого директора?

Пока вятчане думали, да соображали, *полезен ли* безъ вѣсти пропавшій чудакъ, господинъ этотъ, куда-то съѣздившій по своимъ дѣламъ, 17-го августа спокойно возвратился въ Вятку и потребовалъ себѣ 90 рублей квартирныхъ денегъ за два мѣсяца, которые онъ провелъ въ дорогѣ. Сверхъ того, онъ предъявилъ счетъ, содержателя гостинницы въ Вяткѣ, расходовъ, сдѣланныхъ имъ въ то время, когда онъ, до присканія квартиры для предлагаемаго училища, прожылъ въ номерахъ — всего около 40 рублей.

Предсѣдатель правленія смутился и сказалъ, что этотъ важный, щекотливый вопросъ нужно поднять въ засѣданіи, а смѣлый директоръ, разгнѣвавшись на такую проволочку, замѣтилъ ему: „хорошо, я подожду, но только послѣ вы мнѣ заплатите вдвое!“ — и онъ выполнилъ свою угрозу, предъявивъ 7-го сентября требованіе на 90 рублей — слѣдовательно, даже больше, чѣмъ вдвое. Вятчане опять руки растопырили, но, все-таки, „не желая преципательствомъ изъ-за денегъ останавливать открытіе училища“, выдали ему и 90 рублей, да, сверхъ того, еще по всѣмъ счетамъ, какіе онъ предъявилъ: чужихъ-то денегъ, должно быть, не жалко! Путешественникъ заявилъ правленію, что онъ

заказалъ г. Симашко модель ольмюцкой школьной парты и заплатилъ свои деньги. Модель ольмюцкой парты не получена была въ Вяткѣ еще въ то время, когда оттуда прислана корреспонденція, но деньги ему выданы, вѣроятно, то-же „во избѣжаніе препирательствъ“. До ноября мѣсяца, свободолюбивый директоръ ровно ничего не сдѣлалъ, кромѣ вреда, все еще не открытому училищу: при наймѣ учителей онъ только тормазилъ; ни географическихъ картъ, ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей не приобрѣлъ, однимъ словомъ, не сдѣлалъ ничего, кромѣ задержки. Откладываемый уже нѣсколько разъ актъ открытія училища, назначенъ былъ 8-го ноября и директоръ долженъ былъ читать на немъ отчетъ, но онъ и здѣсь не потерялся, и никому не уступилъ ни на шагъ. Не сдѣлавъ никакихъ распоряженій къ открытію, не составивъ отчета, онъ, наканунѣ открытія, извѣстилъ правленіе, что болѣзнъ жабою — болѣзнью опасною и продолжительною. Члены правленія, не надѣясь уже болѣе на своего, отъ рукъ отбившагося избранныка, не отмѣнили назначеннаго числа для открытія, но къ изумленію своему увидѣли на открытіи — вовсе не ожидаемую жабу — а самого директора, совершенно здороваго, который, какъ видно, хотѣлъ только по-пробовать, не уступятъ-ли ему и на этотъ разъ во всемъ уступающіе члены. Чтобы публично доказать, что никакой жабы у него нѣтъ, г. Рудинскій громко пѣлъ „Царю Небесный“ — неизвѣстно только, чистымъ, или сильнымъ голосомъ.

Съ открытіемъ училища, когда въ полной силѣ началась педагогическая дѣятельность г. Рудинскаго, правленіе, говорятъ, убѣдилось, наконецъ, что онъ рѣшительно негоденъ къ этого рода дѣятельности. Во время, наприимѣръ, приѣма учениковъ въ училище, когда еще не знали ни имени, ни отчества, ни чина директора, они обращались къ нему просто съ мѣстоимѣніемъ „вы“; но раздражительный директоръ не только не отвѣчалъ ничего спрашивающимъ, но, сначала отворачивался, а потомъ грозно сталъ кричать: „Безлично ни съ кѣмъ не разговариваютъ!“ и, хлопнувъ дверью, скрылся. Напуганные семинаристы начали его звать „отецъ ректоръ“, „ваше высокоблагородіе“, превосходительство, даже свѣтлость, „ваше степенство“; но этому знаменитому остатку давно уже вымершихъ поколѣній правилась больше „свѣтлость“, чѣмъ „степенство“. (Экземпляры такихъ педагоговъ у насъ еще водятся). Большинство скромныхъ семинаристовъ прекратило вовсе посѣщенія свои и всюду слышались жалобы на грубое, оскорбительное обращеніе этого страннаго господина, котораго даже во всемъ сомнѣвающимся, вятскіе гласные признали, наконецъ, негоднымъ. Очень много слуховъ и рассказовъ ходило про этого господина, котораго, если и можно было причислить къ какому нибудь изъ казанскихъ округовъ, то ужъ никакъ не къ учебному. Приходить разъ къ нему нѣкто Загарскій и, со свойственною всѣмъ юношамъ смѣлостью, спрашиваетъ: „могу я изучать въ вашемъ училищѣ нѣкоторые пред-

меты, по выбору?" Отвѣтъ: „Не знаю!“ Когда-же можно узнать?— „Не знаю!“ Отъ кого-же я могу узнать объ этомъ, ваше степенство, отецъ ректоръ?— „Не знаю, одинъ Богъ всевѣдущъ!“ сурово отрѣзалъ земскій служака, которому, какъ видно, не противно было званіе ректора, а, вслѣдъ затѣмъ тутъ-же закричалъ швейцару: „сказано... не пускать безъ доклада!“

Вмѣсто того, чтобы точнымъ исполненіемъ устава давать примѣръ всѣмъ тѣмъ, для кого, по поговоркѣ, законъ не писанъ, директоръ самъ твердо придерживался этой поговоркѣ. Уставъ, напр. (§ 34), допускаетъ въ училище лицъ, желающихъ изучить одинъ или нѣсколько, но не всѣ предметы программы; но директоръ собственной властію, практически, уничтожилъ этотъ законъ. — „Мнѣ очеь хорошо извѣстны *намѣренія* попечителя округа, который не допускаетъ этого параграфа,“ — толковалъ проникающій даже въ чужія *намѣренія* директоръ — и стоялъ на своемъ твердо, какъ и всѣ ему подобныя. Разъ назначенъ былъ экзамень по 34 § четвертымъ, но принять только одинъ, потому что, за неявку на экзамень учителя русскаго языка, допекалъ самъ Рудинскій, непримиримый врагъ ненавистнаго ему параграфа. Продиктовавъ нѣсколько строевъ изъ „Дѣтскаго Мира“, заставилъ онъ прочитать написанное раза четыре и, вдругъ, совершенно неожиданно, объявилъ: „ничего не знаете, не умѣете читать по знакамъ препинанія *такъ, какъ я вамъ диктовалъ!*“ Ну, и срѣзалъ, разумѣется. Въ числѣ экзаменовавшихся и срѣзавшихся былъ нѣкто Васнецовъ, который уже успѣшно передъ этимъ выдержалъ приемный экзамень по русскому языку у настоящаго учителя. Разумѣется, это даже и незаконно. Тотчасъ послѣ экзамена, директоръ вслухъ заявилъ самъ: „Я экзаменовалъ пристрастно!“ Впрочемъ, почтенный директоръ не отказывался и отпереться отъ словъ, произнесенныхъ имъ публично. Разъ его на засѣданіи земскаго собранія уличили въ неправильномъ толкованіи воспитаннику ненавистнаго ему параграфа. и онъ, не имѣя болѣе средствъ къ отпору, публично заявилъ: „да, я дѣйствительно это говорилъ, но говорилъ, какъ частный человекъ со стороннимъ, а теперь говорю какъ директоръ съ гласными земскаго собранія,“. Всѣ — и гласные и публика — рты разинули. Кого-же, наконецъ, лжецомъ-то считать: Рудинскаго-директора, Рудинскаго-ли, разсматриваемаго будто человека, или обоихъ — грѣхъ пополамъ? Такъ ничѣмъ и не порѣшили, но многіе за то моментально увѣровали, что не слѣдуетъ давать денегъ въ займы такому опасному, двойственному — не то человеку, не то директору.

Желая подчинить строжайшему контролю домашнюю жизнь своихъ злосчастныхъ воспитанниковъ, директоръ заставилъ ихъ вести дневники, въ которые они должны были записывать аккуратно, какъ проводятъ время, куда ходятъ, объ чемъ думаютъ. Дневники эти, по мнѣнію даже смиренномудрыхъ земскихъ людей, „очевидно были бы систематическимъ обученіемъ лжи, обману, притворству, и наука эта принесла-бы самыя пагубныя пло-

ди, если-бы земство не порѣшило вырвать, зародившуюся въ ея новомъ огородѣ одуряющую бѣлену, съ ворнемъ.

Наконецъ—и это тоже не пустяки—всему городу извѣстно, что въ праздникъ рождества директоръ жестоко избилъ четырехъ мальчиковъ-воспитанниковъ за то, что они осмѣлились у него „Христа славить“. Хотя г. Рудинскій былъ твердо въ томъ убѣжденъ, что для него законъ не писанъ, но новый судъ, о которомъ педагогъ еще и не слышалъ, приговорилъ его степенью „отца ректора“ къ двухмѣсячному аресту на гауптвахтѣ...

Нѣсколько разъ деликатное вятское земство пробовало наемать директору, что не мѣшало-бы ему подать прошеніе объ отставкѣ, но не на такого напало: ему и арестъ на гауптвахтѣ показался чѣмъ-то въ родѣ самаго, тонкаго намека! Нѣсколько разъ писали и даже телеграфировали (словно о появленіи холеры!) въ Казань, попечителю округа, но-каждый разъ безуспѣшно: начальству все казалось, что мало *даннаго* для увольненія; пусть, молъ, самъ подастъ просьбу—тогда и мы согласны, а то зачѣмъ-же пригласили адагого?

И правильно. Писали обиженные вятчане нѣсколько разъ къ попечителю, но все безъ успѣха; наконецъ написали порѣвче, а, главное, кстати вспомнили, что у нихъ въ рукахъ находится орудіе самое сильное, самое дѣйствительное, орудіе это — прѣращеніе жалованья изъ земской, слишвомъ ужъ нынѣ открытой для каждаго, кассы...

Написали къ попечителю въ родѣ нижеслѣдующаго: правленіе, молъ, сохраняетъ убѣжденіе, что человѣкъ, разсматривающій педагогическое дѣло съ *трамплистной точки* зрѣнія, чуждый дѣлу воспитанія, не имѣющій ни педагогической подготовки, ни такта, зараженный пороками, свойственному грубой натурѣ,—не можетъ оказывать на вѣренное ему заведеніе никакого другого вліянія, кромѣ нравственной порчи. Вотъ почему правленіе вновь убѣдительноѣше просить Ваше прев-во ускорить увольненіемъ "...

Но, для большаго усиленія рѣчи, правленіе, взявшись за умъ, прибавило еще нижеслѣдующее:

„Долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія В. Пр-ва, что, если, и за симъ Вашему Пр-ву не угодно будетъ покорнѣйшую просьбу правленія признать достаточно-убѣдительною, то Правленію, *какъ ни прискорбно это будетъ*, не останется ничего болѣе, какъ *прекратить на время классы до утвержденія новаго директора*, такъ-какъ безъ директора училище существовать не можетъ, а ввѣрять оное г. Рудинскому *было-бы противно совѣсти* и возложенной уставомъ на правленіе обязанности — заботиться о благосостояніи училища“.

Теперь навѣрное можно сказать, что, если даже просьба земства не будетъ уважена—всетаки „*противный земской совѣсти*“ директоръ уйдетъ вонъ, куда ему слѣдуетъ, потому что его дѣятельность безъ жалованья—не имѣетъ рѣшительно никакого смысла. Одно только опасно: какъ бы не смѣлились и не измѣнили своего твер-

даго рѣшенія, что случается съ нашими земскими, а въ особенности городскими обществами — очень нерѣдко. Въ неотдаленномъ отъ Вятской губерніи прикамскомъ торговомъ городѣ, два кунца, мѣстные кулаки-аристократы нахватили изъ жадности сотни тысячъ въ долгъ безъ отдачи, хлѣбомъ и деньгами и чѣмъ попало, такъ что угодили, наконецъ, въ казематъ. Одною, изъ жалости, скоро выпустили на свободу, чтобы вновь поправился, а другого подержали въ казематѣ подольше, но то-же пустили на всѣ четыре стороны, потому во первыхъ, что товарищи по каземату чуть его не убили, считая слишкомъ безчестнымъ человѣкомъ даже въ своемъ арестантскомъ обществѣ, а, во вторыхъ, еще и потому, что, если изъ двухъ пойманныхъ вмѣстѣ на большой дорогѣ ворешекъ одного спустить съ цѣпи, то другого держать грѣхъ.

Изъ рассказаннаго случая видно, что столкновения земства съ попечителями учебныхъ округовъ не представляютъ собою чего либо особенно страшнаго и опаснаго земству, потому что здѣсь борьба ведется на коммерческой почвѣ: превратилъ платежъ денегъ, закрылъ признанное почему-либо негоднымъ заведеніе — и дѣлу конецъ! Совсѣмъ иной характеръ приняла нынче возникающая иногда борьба съ мѣстной администраціей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земскіе дѣятели не сумѣли съ ней поладить. Неожиданная отставка предсѣдателя самарской губ. управы произвела вездѣ сильное, не особенно пріятное впечатлѣніе, хотя многіе, не вникнувъ въ подробности, никому изъ стороннихъ неизвѣстныя, не одобряютъ г. Хардина за то, что онъ, будто-бы, личное свое самолюбіе и въ сущности пустой мундирный вопросъ поставилъ выше вѣрренныхъ ему общественныхъ интересовъ. Впрочемъ, столкновения администраціи съ губерскими управами представляютъ собою нынче уже очень рѣдкія исключенія, потому что пріемка дѣлъ и заведеній разныхъ вѣдомствъ уже давно окончилась, слѣдовательно не осталось болѣе поводовъ къ безконечнымъ пререканіямъ и литературно-канцелярской полемикѣ за нумерами отъ такихъ-то чиселъ такого-то мѣсяца. Нынѣ предсѣдатели и члены губ. управъ стараются жить въ мирѣ и согласіи съ администраціей и сами хотятъ сдѣлаться какъ-бы начальниками надъ уѣздными управами, потому что совершенное равенство между служащими въ губернской и уѣздныхъ управахъ какъ-то уже очень не подходитъ къ общему строю нашей общественной жизни, построенной на табели о рангахъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ столкновений администраціи съ уѣздными земствами, губерскія управы охотнѣе держатъ сторону администраціи, подтвержденіемъ чему мы можемъ привести блестящій примѣръ — Саратовскую губернію.

Земство саратовскаго уѣзда, какъ читателю не безъизвѣстно, наотрѣвъ отказалось участвовать въ разорительной гарантіи своей, по истинѣ никакуда негодной желѣзной дорогѣ, на которой засыпни сдѣланы изъ замерзшей грязи. Въ весьма интересной, вѣроятно замѣченной читателями статьѣ „Русскаго міра“, „Изъ

исторіи нашего земства*, одинъ изъ посѣтителей саратовскаго земскаго собранія пишетъ слѣдующее: „намъ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ губернское земское собраніе, выслушавъ внесенный по ст. 94 протестъ саратовскаго губернатора о томъ, что саратовское уѣздное земское собраніе не внесло въ свои смѣты и раскладки назначенной ему губернскимъ собраніемъ гарантіи саратовско-тамбовской желѣзной дороги, безъ всякихъ разсужденій, почти единогласно постановило предписать уѣздной управѣ внести гарантію въ смѣту и прислать окладные листы, въ то время, когда губернскому собранію, не исключая никого изъ гласныхъ, было извѣстно, что уѣздное саратовское земство подало прав. сенату вопіющую о правдѣ жалобу на незаконное привлеченіе его къ платежу гарантіи и просило все дѣло о построеніи названной дороги отъ начала его разсмотрѣть по существу и привлечь виновныхъ въ нарушеніи всякихъ правъ и интересовъ саратовскаго уѣзда (и вслѣдствіе этого губерніи вообще) къ законной отвѣтственности. На протестъ 2 бывшихъ на лицогласныхъ отъ саратовскаго уѣзда противъ постановленія слишкомъ 50 остальныхъ не было обращено никакого вниманія, да едва ли протестъ этотъ записанъ въ журналъ. Вызывая своимъ протестомъ губернс. земск. собраніе на подобное постановленіе, саратовскій губернаторъ упустилъ даже изъ виду ст. 531 и 690 гражданскихъ законовъ, въ которыхъ сказано, что всякое владѣніе охраняется правительствомъ, пока имущество судомъ не будетъ присуждено другому—и всякое самоуправство по имуществу строго воспрещается, а равно ст. 2 и 745 зак. гражд. судопроизводства, гдѣ сказано, что, въ случаѣ предьявленія спора противъ обязательствъ, эти послѣдніе не приводятся въ исполненіе немедленно, а препровождаются къ судебному разбирательству“.

Одобренный дѣятельной поддержкой со стороны губернскаго земскаго собранія, хотя онъ и не нуждался ни въ чьей поддержкѣ, саратовскій губернаторъ началъ дѣйствовать безъ всякой поддержки. „Въ первый-же день засѣданія саратовскаго уѣзднаго собранія—пишетъ тотъ-же корреспондентъ-очевидецъ—предсѣдатель управы прочелъ передъ нимъ отношеніе въ управу саратовскаго полицеймейстера, въ которомъ тотъ заявилъ, что по приказанію губернатора, онъ сдѣлалъ въ тотъ день распоряженіе, чтобы лица, арестуемыя по приговорамъ мировыхъ судей, не принимались болѣе въ полицейскія части, а направлялись во вновь устроенное, по распоряженію губернатора, на счетъ земства, по 10-й ст. „Положенія“, помѣщеніе. Въ то же время онъ-же, предсѣдатель управы, прочелъ отношеніе въ управу губернатора, въ которомъ извѣщалось, что, вслѣдствіе разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, онъ, губернаторъ, на счетъ земства, нанялъ домъ подъ помѣщеніе арестуемыхъ мировыми судьями, приспособилъ его вполне при посредствѣ городского архитектора къ помѣщенію ихъ и заключилъ съ владѣльцемъ

дома ~~контракт~~ на 5 летъ, съ платою ему, вѣжется, по 1,200 руб. сер. въ годъ изъ суммъ земства, и предложилъ управѣ принять оное помѣщеніе и распорядиться о направленіи туда арестуемыхъ. Въ то-же время предсѣдатель управы заявилъ собранію, что хотя губернаторъ и заявляетъ, что помѣщеніе то вполне приспособлено, но онъ изъ осмотра его лично находитъ его далеко не готовымъ къ тому».

Это едва-ли еще не первый въ Россіи случай такого рѣзкаго примѣненія 10-й статьи, которая, при общей бездѣятельности нашихъ уѣздныхъ управъ, будетъ, вѣроятно, очень часто примѣняться и еще болѣе разорять злосчастныхъ нашихъ земляныхъ плательщиковъ, которые и безъ того уже въ сроки платежей изображаютъ собою какихъ-то купеческихъ прикащиковъ на церковной оградѣ, раздающихъ щедрую милостыню за упокъ новопреставленнаго. Дѣло это велось такъ:

„Въ 1871 году на очередное саратовское уѣздное земское собраніе губернаторъ внесъ настояніе о немедленномъ устройствѣ тѣхъ помѣщеній. Собраніе обсудило этотъ вопросъ и приняло къ заключенію, что такъ какъ, по дороговизнѣ вообще въ Саратовѣ, земству отяготительно будетъ имѣть такія помѣщенія по найму, и какъ штрафная сумма *наростаётъ весьма быстро*, то черезъ годъ, много черезъ 2, земство можетъ употребить ее всю на покупку или постройку собственныхъ домовъ въ Саратовѣ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ уѣзда, что будетъ выгоднѣе, нежели израсходовать сумму для найма и приспособленія и, ватѣмъ, облагать народонаселеніе новымъ налогомъ; до тѣхъ-же поръ земство прибавило сумму на наемъ 3-хъ помѣщеній въ уѣздѣ и просило городскую думу не отказывать ему временно въ помѣщеніи арестуемыхъ при городскихъ частяхъ, на что и получило утвердительный отвѣтъ. Губернаторъ опротестовалъ это постановленіе уѣзднаго собранія на губернскомъ, которое также высказалось неодобрительно“.

Въ постановленіи было сказано: „построить, купить или *наять* домъ“; но губернаторъ это послѣднее слово пропустилъ и настаивалъ именно на томъ, что земство, будто-бы, хочетъ непременно *построить* домъ, а такъ какъ осенью, послѣ очереднаго собранія, строиться нельзя, то неминуемо дѣло затянется. На этомъ именно основаніи и купленъ губернаторомъ „какой-то каменный амбаръ, причемъ заключенъ съ хозяиномъ контрактъ *на пять летъ*. Амбаръ этотъ, при постройкѣ его, „не былъ *предназначенъ для жилья*, а потому и толщина каменныхъ стѣнъ не была рассчитана на это, чрезъ что съ постановкою печей онъ оказался сырымъ и холоднымъ, а въ морозы долженъ промерзать“.

Кромѣ того, хотя губернаторъ „и увѣдомлялъ управу, что домъ окончательно приспособленъ къ помѣщенію, и требовалъ распоряженія о немедленномъ отправленіи туда арестуемыхъ, но достоверно извѣстно, что онъ былъ окончательно приспособленъ

управою только въ декабрѣ, три мѣсяца спустя послѣ земскаго собранія, и тогда начали помѣщать въ это сирое, холодное зданіе всѣхъ, имѣвшихъ несчастье подвергнуться кратковременному аресту по приговорамъ мировыхъ судей“.

Неудобства и невыгоды такого чрезмѣрно быстрого, чисто-военнаго устройства хозяйственныхъ помѣщениій, до такой степени понятны каждому, что не стоитъ о нихъ и говорить. Въ губернаторскомъ контрактѣ даже не сказано; обязанъ-ли хозяинъ амбара, по истеченіи пяти лѣтъ, сдать всю движимую часть приспособленій (койки, нары, перегородки и т. п.), которыя должно устроить земство на свой счетъ.

А уѣздныя наши управы, какъ будто нарочно, медлятъ, какъ какіе-то Тентетниковы и Хлобуевы: имъ, будто бы, даже хочется попасть подъ опеку, потому что подъ опекой-то легче — думать меньше. Авторъ статьи „Изъ исторіи нашего земства“ говоритъ, между прочимъ: „мыслящая часть общества льститъ себя надеждою, что рано или поздно, земство съ узкою проселочнаго пути, на которомъ оно стоитъ теперь, свернетъ на большую дорогу и сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему надлежитъ быть“.

Надежды „мыслящей части общества“ едва-ли уже не сбылись: если не все земство, то, по крайней мѣрѣ, его предсѣдатели въ уѣздахъ (предсѣдатели и члены управъ), повидимому, давно уже, какъ будто, „свернули на большую дорогу и сдѣлались тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало быть“. Впрочемъ, я выраженію „свернуть на большую дорогу“ придаю не совсѣмъ тотъ смыслъ, въ какомъ оно употреблено авторомъ. Я говорю не насчетъ расширенія круга дѣятельности, а только насчетъ смѣлости, съ которой начали нынче дѣйствовать нѣкоторые изъ гг. предсѣдателей уѣздныхъ управъ.

Сами потрудитесь припомнить, сколько, въ короткій періодъ существованія земскихъ учрежденій попало уже подъ судъ земскихъ дѣятелей, въ особенности предсѣдателей управъ, за неправильное веденіе денежныхъ книгъ, или, прямо, за растрату земскихъ суммъ? Помнится, случаевъ съ дюжину было уже очень громкихъ и скандальныхъ, а сколько еще такихъ, которые, по нашему благодушію, не выплыли еще наружу? Рѣдкое земское собраніе обходится безъ того, чтобы и самая невыскаательная ревизіонная коммиссія не отыскала какой нибудь *растраты*, иной разъ очень крупной; но, такъ какъ у насъ растрата казенныхъ суммъ считается не больше какъ шалостью молодыхъ людей (женится — перемѣнится, пусть его *перемѣнится!*) то наружу всплываютъ эти дѣла очень рѣдко. Не такъ-то давно (самъ этотъ случай знаю и всѣ мѣстные жители знаютъ) въ управскомъ сундучкѣ не оказалось на лицо шести тысячъ. Пока ревизоры удивлялись и разводили руками, поглядывая въ пустой сундучокъ, предсѣдатель куда-то скрылся, успѣвъ дня въ три продать свой домъ, т. е. ценъ, внести въ сундучокъ украденныя имъ-же деньги — и дѣло въ шляпѣ! Дальше и не пошло: стоитъ-ли еще преслѣдовать, если внесъ? Чтожь за

бѣда? Почему не дать случая прогорѣвшему жуличку поправиться? Изъ Саратова одинъ наблюдатель („въ Русск. Мирѣ“) пишетъ: „Характеръ вопиющей растраты народной собственности на разные оклады разнымъ нищимъ изъ лицамъ одинъ и тотъ-же въ губернскомъ земствѣ, какъ и въ саратовскомъ уѣздномъ. Нужно лишняго человѣка посадить въ члены управы — является докладъ управы, что, по множеству дѣлъ, ей трудно управляться съ ними, и потому она проситъ обратить собраніе на это обстоятельство особенное вниманіе. Въ нынѣшнее собраніе управа обратила вниманіе собранія на то, что члену по дорожной части трудно объѣзжать всѣ почтовые тракты и осматривать ихъ; если бы онъ рѣшился на это, то ему пришлось бы большую часть года провести въ тарантасѣ, а при невозможности этого требовать (при окладѣ въ 2 т. руб. сер.) членъ этотъ и никто изъ управы никуда не ѣздили. Собраніе постановило прибавить еще одного члена по дорожной части и между двумя подѣлить губернію въ отношеніи почтовыхъ трактовъ на 2 части, съ тѣмъ, чтобы былъ дѣйствительный надзоръ надъ дорогами со стороны управы. Управа возразила, что и двумъ членамъ объѣздить всѣ дороги невозможно. Собраніе на это промолчало“.

„Прибавляли всѣмъ почти поголовно, служащимъ по найму въ управѣ: эконому, смотрителю больницы, директору женской гимназій, которому, при затратѣ губернскимъ земствомъ на образование только 3 1/2 т., данъ окладъ въ 1 1/2 тыс. р. сер., и пр. Этими прибавками соблазнились обойденные врачи при земской больницѣ и подали прошеніе о прибавкѣ“.

„Вздумалось петровской управѣ просить собраніе устроить новый трактъ на Аткарскъ 65 верстъ, а старій закрыть. Какъ не уважить управѣ, которая имѣетъ вліяніе на своихъ губернскихъ гласныхъ, а слѣдовательно на губернскіе земскіе выборы? Испросили разрѣшеніе, откуда слѣдуетъ, и асигновали новыхъ 30 т. на открытіе тракта, а старій, дорого стоящій и впрекрасно устроенный, закрыли“.

Положимъ, все это написано въ „Русскомъ Мирѣ“, который, говорятъ, не благоволитъ къ земскимъ учрежденіямъ, но въдъ за подобныя вещи, если онѣ сочинены, — отдають подъ судъ — молчать не стануть, да, притомъ, мы очень хорошо знаемъ, что тоже самое пишутъ и изъ Курска, и изъ Смоленска, и др. мѣстъ, и не въ одномъ только „Русскомъ Мирѣ“, а даже въ „Петербур. Вѣд.“, въ которыхъ упражняются сами же предсѣдатели. Даже богатая Сибирь не отстаетъ отъ „внутреннихъ“, если только не перещеголяла. Въ верхотурскомъ земскомъ собраніи, въ прошломъ году, выслушанъ докладъ ревизора Доронина и, по выслушаніи, этотъ докладъ, причисленъ къ возмутительнымъ сочиненіямъ, оскорбляющимъ честь предсѣдателя, а все потому, что г. Доронинъ безъ утайки, вслухъ заявилъ о поступкахъ предсѣдателя, о которыхъ, вѣроятно, слѣдуетъ молчать. „Въ докладѣ своемъ ревизоръ замѣтилъ, напр., что въ выданной предсѣдате-

лю суммѣ въ 2,312 р. 73 к., кромѣ 1,750 руб. жалованья председателю, не означены другіе предметы расходовъ. Далѣе, что въ расходѣ на поѣздки председателя управы въ Пермь, 94 р. 58 к., и въ Верхотурье, 13 р. 55 к., не указана цѣль самой поѣздки. Между другими замѣтками, г. Доронинъ выразилъ, что нѣкоторые расходы не должны быть принимаемы на счетъ земства; къ такимъ относятся наприм., *уплата въ истинницѣ за содержаніе служащихъ въ управѣ, во время посылокъ ихъ въ Пермь, за самоваръ, на водку, за разбитое блюдечко* и т. п. Надобно замѣтить еще, что до объясненій своихъ на докладъ ревизора председателю нашелъ необходимымъ замѣтить, что ревизоръ Доронинъ, въ данномъ ему порученіи, долженъ былъ лишь *ограничиться постркою наличныхъ суммъ, а не изслѣдовать правильности расходованія ихъ* и записи съ поясненіемъ самыхъ предметовъ расхода, какъ это сдѣлалъ г. Доронинъ. Объясненія председателя управы на докладъ ревизора закончились вопросомъ, постановленнымъ на голосованіе председателемъ собранія: "Кто имѣетъ довѣріе къ управѣ—прошу встать, кто не имѣетъ—прошу остаться на своихъ мѣстахъ". И довѣріе было выражено большинствомъ голосовъ. (см. "Современ. Изв.")

Иногда, впрочемъ, даже у снисходительныхъ къ воровству гласныхъ, даже безграничнаго ихъ довѣрія не хватаетъ. Только что успѣлъ кончиться извѣстный процессъ Шамшина "о растратѣ", какъ поднимается уже вразъ нѣсколько новыхъ, и въ числѣ ихъ очень замѣчательный — въ городѣ Чистополѣ (Казанской губ.), то-же, разумѣется, о растратѣ земскихъ денегъ председателемъ земской управы, г. Рыбушкинымъ, человекомъ еще очень молодымъ, недавно занимающимъ председательское мѣсто, но уже успѣвшимъ „растратить“ очень много. Впрочемъ, въ этой послѣдней *растратѣ* бросается въ глаза не величина суммы рахищенного, а необыкновенная смѣлость и самоувѣренность председателя: по всему видно, что человекъ—еще молодой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, характера настойчиваго, пустякамъ не увлекающійся, вообще способный къ чему нибудь и иному, кромѣ такъ называемаго „художества“...

Нужно замѣтить, что въ послѣдніе два-три года въ земскихъ людяхъ, въ особенности въ председателяхъ уѣздныхъ управъ замѣчено неудержимое стремленіе къ полной самостоятельности, независимости ни отъ кого и къ полному единству кассы. Это общее, и временное направленіе съ особенной рѣзкостью выразилось именно въ описываемомъ нами субъектѣ, по слухамъ отъ данномъ уже подѣ судъ по указу Сената.

Года три тому назадъ, мировой посредникъ Рыбушкинъ былъ просто подрядчикомъ при земскихъ постройкахъ, наур. мостовъ, гатей и т. п., потому что это, говорятъ, очень выгодно. Выбранный въ председатели Чистопольской управы, онъ не бросая и земскихъ подрядовъ, такъ что, въ самый короткій промежутокъ времени, успѣлъ достигнуть почти полной самостоятельности въ

своихъ поступкахъ и *единства кассы*, а это послѣднее замѣчаетъ ся именно въ томъ, что земскую, общественную кассу невозможно уже отличить отъ своей собственной. Люди этого направленія говорятъ обыкновенно: „мой сундукъ“ вмѣсто „казенный сундукъ“. До какой степени иногда доходитъ эта путаница и сбивчивость въ пониманіи *своего* и *казеннаго*—доказываетъ слѣдующій случай:

Въ концѣ мая прошлаго года предсѣдатель взялъ изъ казеннаго сундука восемь тысячъ денегъ (губернскаго земск. сбора) съ цѣлью доставить ихъ лично въ губ. управу. Прошолъ мѣсяцъ, въ кассовой вѣдомости написано было, что деньги отправлены, но губ. управа не получила ни копейки. Только черезъ мѣсяцъ, послѣ настойчивыхъ разспросовъ, предсѣдатель, наконецъ, увѣдомилъ, что 27-го іюня онъ деньги отправилъ по почтѣ. Возникъ вопросъ: гдѣ и у кого лежали деньги цѣлый мѣсяцъ и съ какой цѣлью? Предсѣдатель совершенно спутался въ отвѣтахъ. Выходило такъ, что онъ, дѣйствительно, при членахъ, взялъ изъ сундука восемь тысячъ и росписался въ ихъ полученіи, но потому, будто-бы, *опять положилъ ихъ въ сундукъ*, но уже секретно: члены управы „не замѣтимъ, чтобъ помянутыя деньги были оставлены и найдены въ сундукѣ“. Разумѣется, до судебного приговора никого нельзя назвать преступникомъ, но развѣ не подозрительно такое неряшество (если даже не допускать въ данномъ случаѣ ничего, кромѣ неряшества) въ обращеніи съ казенными деньгами въ такихъ крупныхъ размѣрахъ? Вѣдь, если-бы губ. управа не хватилась денегъ черезъ мѣсяцъ, то онѣ могли-бы пролежать *идь-то* и годъ и два, и это небезвыгодно для человѣка торговаго. Бывали уже случаи, что тысячи казенныхъ денегъ везлись изъ уѣзднаго города до губернскаго по полугоду; охотниковъ для такой доставки у насъ можно отыскать много. Въ старыя годы, говорятъ, еврей-ростовщики платили большія деньги даже за то только, что-бы поддержать сутки и вычистить сукномъ казенные червонцы, которые везли въ боченкахъ; вѣроятно жида заплатили бы дороже на мѣстѣ гг. предсѣдателей, потому что годъ поддержать чужія 8 или 10 тысячъ денегъ, хотя бы бумажныхъ—пріятно!

Но, кромѣ простой задержки казенныхъ денегъ, чистопольскій предсѣдатель пускался и на другого рода аферы, болѣе обдуманныя. Составилъ онъ, напр., таблицу справочныхъ цѣнъ по своему уѣзду на лѣсные матеріалы. Цѣны выставилъ такія небывало-высокія, по которымъ можно свободно купить сколько угодно бревенъ даже въ безлѣсной среднеазиатской степи, а остальные члены управы безропотно подписались подъ тѣмъ, что они сами считали нелѣпостью. Смиренные члены, изволите-ли видѣть, „не занимаясь лѣсной торговлей, *подчинились убѣжденію предсѣдателя*, какъ лица близко знакомаго съ цѣнностью лѣсныхъ матеріаловъ, *тѣмъ болѣе, что онъ самъ занимается тѣсною торговлей*“.

По зачѣмъ понадобились такія высокія цѣны на бревна предсѣдателя, который *самъ занимался лѣсной торговлей*? Судь это долженъ обнаружить, а теперь пока можно довольствоваться жалобой одного земскаго подрядчика, которая наталкиваетъ на нѣкоторыя соображенія.

Предсѣдатель поручилъ подрядчику Хакимову произвести *хозяйственнымъ образомъ* дорожныя постройки на довольно значительную сумму. По исполненіи работы по частямъ, подрядчикъ являлся въ управу за полученіемъ денегъ, и въ книгѣ значилось, что онъ получилъ въ первый разъ 550 руб. во второй 269 и въ третій—367 рублей. Расписывался въ управской книгѣ каждый разъ управскій сторожъ, хотя послѣ оказалось, что Хакимовъ и самъ человекъ грамотный.

Впрочемъ, и еще кое-что *оказалось*. При полученіи первыхъ 550-ти рублей, членъ управы Козловъ, выдававшій подрядчику деньги, *„удержалъ, по приказанію предсѣдателя 450 рублей“*, которые передалъ предсѣдателя, подрядчику-же только 100 р.; но, тѣмъ не менѣе, управскій сторожъ, то-же по приказанію предсѣдателя, расписался за Хакимова въ полученіи суммы сполна. Остальные два раза съ подрядчикомъ производилъ расплату самъ г. Рыбушкинъ, но онъ, почему то, не заплатилъ ему ни копейки, такъ что подрядчикъ оказался несостоятельнымъ.

Но, однако, на какомъ-же основаніи подрядчику, вмѣсто тысячи слишкомъ рублей осмѣлились выдать только сто и заставили даже сторожа управы участвовать въ этой операціи?

Изъ жалобы Хакимова видно, что торгующій лѣсомъ предсѣдатель обязалъ его *домашнимъ образомъ* брать для построекъ непременно его, т.-е. предсѣдательскій лѣсъ. Хакимовъ бралъ предсѣдательскія бревна и доски, ничего не опасаясь, потому что хорошо зналъ базарныя цѣны на этотъ матеріалъ въ лѣсистой чистопольскомъ уѣздѣ; но предсѣдатель, при расчетѣ, вдругъ представилъ ему счетъ чисто какой-то трактирный: за яйцо 10 к., за стаканъ воды 15 к. и т. п. Оказалось, что предсѣдатель въ данномъ случаѣ воспользовался табличкой, самимъ имъ, вѣроятно, съ этой именно цѣлью и составленной. Прежде г. Рыбушкинъ, какъ объ немъ уже заявляли публично, былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ и подрядчикомъ: самъ сдавалъ, самъ принималъ, самъ выдавалъ деньги, самъ росписывался въ полученіи, но почти сплетни, да пересуды. Что бы и невинность соблудности, и капиталъ пріобрѣсти—предсѣдатель придумалъ новый способъ, который примѣнилъ, Впрочемъ, не совсѣмъ удачно.

Впрочемъ, неизвѣстно чему и удивляться больше: смѣлости ли предсѣдателя, раболѣпію ли членовъ управы, которые, вмѣстѣ съ управскимъ сторожемъ, готовы исполнять всѣ, даже самыя противозаконныя вещи, если только получили *„приказаніе отъ предсѣдателя“*! При такихъ наклонностяхъ гг. членовъ, въ уѣздныя наши управы, въ скоромъ времени, не согласится идти ни одинъ изъ сколько-нибудь уважающихъ себя

людей, потому что положеніе такого господина будетъ невыносимымъ; впрочемъ, это и на руку разнымъ изгнаннымъ цѣловальникамъ блаженной памяти — сивушнаго откупа, упраздненнымъ волостнымъ писарькамъ госуд. имуществъ, прогорѣвшимъ кулакамъ и т. п. темному люду, которымъ кипятъ наша матушка Русь, какъ гнилое болото головастиками, пиявками и лягушками!

Во многомъ и еще кое въ чемъ обвиняютъ предприимчиваго чистопольскаго предсѣдателя, но все это окажется послѣ суда надъ нимъ, который ему, впрочемъ, не страшенъ. Выписалъ онъ, напримѣръ, въ расходъ рублей 150 или 200, будто-бы на мелкій камень, которымъ вымостили топкое мѣсто при спускѣ на мостъ, но послѣ, вмѣсто камня, оказались просто *деревянные отпалки*, которыхъ очень много у каждаго, торгующаго лѣсомъ. Довнаніе произведено ровно *по семи* проступкамъ предсѣдателя — ни больше ни меньше. Расчетливый господинъ, вѣроятно, вздумалъ съ выгодой для себя примѣнить и извѣстную народную поговорку: „семь бѣдъ — *одинъ* отвѣтъ!“

У насъ къ казенному и ко всякаго рода непростительному неряшеству относится какъ-то слишкомъ ужъ снисходительно и милостиво, но однако-же, дѣло Шампина доказало, что и наши снисходительные, въ извѣстныхъ случаяхъ, присяжные не всегда позволяютъ безнаказанно облагать многострадальную земскую десятину невыносимыми налогами на домашнія потребности прихотливыхъ предсѣдателей и членовъ управъ, которые какъ будто привыкли считать казенный сундукъ своимъ собственнымъ.

Д

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise,

à *St.-Petersbourg.*

Journal illustré de l'Exposition universelle de Vienne.

Organe officiel de la commission royale de Hongrie (Autriche) paraissant toutes les semaines. Cette publication de luxe, sur 16 pages d'impression, contient les documents officiels de la direction générale de Vienne, des gravures dues aux meilleurs artistes, et tous les faits intéressants qui formeront de cette collection un splendide monument élevé à l'histoire industrielle de tous les peuples. Les numéros 1 à 12 ont paru: Abonnement aux 40 livraisons, pour la ville (sans envoi), 11 r. 25 c., pour l'intérieur 14 r. 25 c.

Joliet. La foire aux chagrins. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Stapleaux. Les compagnons du glaive. Histoire d'une nuit. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Esquires. Les vierges folles. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Chavette. Le remouleur. Episode du temps de la Terreur et du Directoire. 2 vol. in-12. Prix 2 r. 10 c.

Aimard. Les titans de la mer. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.

Aventures de Michel Hartmann. 2-e et dernière partie. Le chien noir. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Jules Verne. Le pays des fourrures. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Tourguénew. Étranges histoires. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Spencer Northcote et Brownlow, Rome souterraine. Résumé des découvertes de M. Rossi dans les catacombes romaines. Ouvrage illustré de 70 vignettes, de 20 chromolithographies, et d'un plan. 1 fort. vol. gr. in-8°. Prix 9 r. 80 c.

Desnoiresterres. Voltaire aux délices. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 65 c.

Le Wogan. Du far West à Bornéo. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

Parville. Causeries scientifiques. 12-e année 1872. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 cop.

Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments. 1-er fascicule (A-Agr) contenant 189 grav. d'après l'antique, in-4°. Prix 1 r. 75 c.

Wurtz. Dictionnaire de chimie. 15-e fascicule. Prix 1 r. 25 c.

John et Charles Tomes. Traité de chirurgie dentaire ou traité complet de l'art du dentiste. 1 vol. in-8° avec 263 gravures dans le texte. Prix 3 r. 50 c.

La vie au Ghetto ou le médecin israélite, traduit de l'anglais. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.

- Abrie-Encontre.** Edmond Jeantil et Valentin. 1 vol. in-12. Prix 70 c.
Le Roi l'a dit. Opéra-comique en 3 actes par Gondinet, musique de Delibes. Prix 80 cop.
Le Trône d'Écosse. Opéra bouffe en 3 actes par Crémieux et Jaime, musique de Hervé. Prix 80 c.
Guizot. Histoire de France. Livraisons 77 et 78 (Tome III). Prix de chaque livr. 20 c.
Riolacci. Anthropologie. L'ancienneté de l'homme. 1 vol. in-8°. Prix 1 r. 5 c.
Perrin. Etudes sur les éclairs. 1 vol. in-8°. Prix 1 r.
Hermitte. Cours d'analyse de l'école polytechnique. 1 vol. in-8°. Prix 4 r. 90 c.
Subit. La réforme des prisons et les colonies agricoles. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Lamartine. Poésies inédites. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 65 c.
Mathieu. Cours de physique-mathématique. 1 vol. in-4°. Prix 5 r. 60 c.
Carte de Khiva, par Kiepert. Prix 50 c.
Louis Blanc. Question d'aujourd'hui et de demain. Politique. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Laugel. L'Angleterre politique et sociale. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Pontmartin. La mandarine. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Feval. Le dernier vivant. Tome deuxième et dernier. Le défenseur de sa femme: Prix 1 r. 5 c.; les deux vol. 2 r. 10 c.
Bliart. Les clientes du docteur Bernagius. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 5 c.
Madeleine Linders. (My little lady) traduit de l'anglais. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Vivien de St-Martin. L'année géographique. 11-e année (1872). 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Rathery et Boutron. Mademoiselle Scudéry, sa vie et sa correspondance avec un choix de ses poésies. 1 vol. in-8°. Prix 2 r. 80 c.
Alph. Karr. Les Guêpes. 30-e et 31-e livraison. Prix chaque 25 c.
Grenville-Murray. Les hommes du second empire. Silhouettes contemporaines. 1 vol. in-12. Prix 1 r. 25 c.
Edgar Quinet (M-me). Paris. Journal du siège 1 vol. in-12. Prix. 1 r. 25 cop.
Plutus. Comédie en deux actes en vers, par Millaud et Jollivet. in-12. Prix 80 c.
L'Acrobate. Comédie en un acte en prose, par Octave Feuillet. in-12. Prix 60 c.

Ouvrage anglais nouveaux.

- Olliphant.** May. 2 vol. Prix 1 r. 20 c.
Yonge. The pillars of the house. 2 vol. Prix 1 r. 20 c.
Ouida. Pascalil. 2 vol. in-12. Prix 1 r. 20 c.
Miss Thakeray. Old Kensington. 2 vol. in-12. Prix 1 r. 20 c.
Miss Betham-Edwards. Kitty. 2 vol. in-12. Prix 1 r. 20 c.
Holme Dec. Katherines trial. 1 vol. in 12. Prix 60 c.

N. B. Le port pour l'intérieur sera calculé selon le nouveau tarif de la poste.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Анничкова
дворца, д. № 64 (Меншикова),

ПРОДАЮТСЯ:

- Тайны Версальскаго и Вѣнскаго двора.** (Иосифъ II Австрійскій). Историческій романъ времянь конца XVIII вѣка. Сочиненіе *Френцеля*. Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Исторія инквизиціи.** Сочиненіе *Галлуа*. Перевель съ французскаго В. *Модестовъ*. Изданіе второе. Спб. 1873 г. Ц. 1 руб. 25 к.
- Путевыя записки Эриха Лассоты,** отправленнаго римскимъ императоромъ Рудольфомъ II къ запорожцамъ въ 1594 г. Переволь и примѣчанія Ф. *Бруна*. Спб. 1873 г. Ц. 50 к.
- Человѣкъ и животныя.** Артура *Монжесна*. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Нашъ военный вопросъ.** Военныя и политическія статьи Р. *Фаддеевъ*. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Путешествіе въ 1286 году по Татаріи и другимъ странамъ Востока.** *Марко-Полъ*. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Очеркъ внутренней исторіи Пскова.** *Никитскаго*. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Онежскія былинны,** записанныя Александромъ Федоровичемъ *Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Наше школьное дѣло.** Сборникъ статей по училищевѣдѣнію. Н. А. *Корфа*. М. 1873 г. Ц. 2 р.
- О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востоцѣ.** Ф. *Мартенса*. Спб. 1873 г. Ц. 3 р.
- Гяуръ.** Отрывокъ изъ турецкой повѣсти. Лорда *Байрона*. Перевель размѣромъ подлинника В. А. *Петровъ* Спб. 1873 г. Ц. 75 к.
- Матереубійца.** Уголовный романъ А. *Бэло* и Ж. *Дотена*. Спб. Ц. 1 р.

- Кушцово и древній Сѣтунскій станъ.** Историческія воспоминанія. Н. *Забѣлина*. М. 1873 г. Ц. 2 р.
- О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе.** Сочиненіе Чарльза *Дарвина*. Перевелъ съ англійскаго С. А. *Рачинскій*. Изд. третье. М. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни.** Сочиненіе *Гартмана*. Перевелъ съ нѣмецкаго С. А. *Усовъ*. Съ 6 ю хромофотографированными картинами. Изд. 3-е М. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.** (По Св. Зак. изд. 1857 г. и по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 и 1872 гг.). Составилъ В. А. *Ивановъ*. Спб. 1873 г. Ц. 2 руб. 50 к.
- Исторія Греціи и Рима.** Б. А. *Павловича*. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи.** Изслѣдованія, описанія и критическія статьи Ив. *Забѣлина*. Часть II. Изданіе К. Солдатенкова. М. 1873 г. Ц. 2 р.
- Национальный вопросъ въ исторіи и литературѣ.** *Грлдовскаго*. Спб. 1873 г. Ц. 2 р.
- Народное образованіе.** Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. *Лавлея*. Спб. 1873 г. Ц. 4 р.
- Сборникъ писемъ и матеріаловъ** *Лейбница*, относящихся къ Россіи и Петру Великому. Издавъ В. *Герье*. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 65 к.
- Тамбшвенный монахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I.** Историческій романъ въ трехъ частяхъ. *Зотова*. Изданіе четвертое. Спб. 1873 г. Ц. 2 р.

БАВАРЪ ЖИТЕЙСКОЙ СУЕТЫ.

Сочиненіе Вилльяма *Теккерея*. Романъ въ двухъ большихъ томахъ. Переводъ съ англійскаго И. И. *Введенскаго*. С.-Петербургъ 1873 г. Цѣна за оба тома 4 р. 50 к. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было опубликованными.

1-го Іюля, вышла и разослана, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ VII-я, Іюльская книга, историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Егоръ Столѣтовъ, разсказъ изъ исторіи Тайной Канцеляріи. 1716—1736 гг.—II. Сказанія иноземцевъ о Россіи въ царствованія Петра II и Анны Іоанновны. 1727—1740 гг.—III. Императрица Анна Іоанновна: дневникъ дежурства при ней въ 1735 г.—IV. Императрица Елисавета Петровна: хозяйственныя и другія ея распоряженія.—V. Пытка въ Россіи въ XVIII вѣкѣ: обрядъ какъ обвиненный пытается. 1734—1764 гг.—VI. Тюрмы въ Россіи, собственноручный проектъ императрицы Екатерины II. 1785 г.—VII. Арестантъ Василій Брягинъ. 1788 г.—VIII. Листки изъ записной книжки «РУССКОЙ СТАРИНЫ»: 1) Переписка казаковъ съ турками. 2) Вѣдомость о дамахъ первыхъ трехъ классовъ въ Москвѣ. 1775 г. 3) Расходы императора Павла въ первыя три недѣли его царствованія. 1796 г. Сообщ. Н. Н. Мурзаневичъ. 4) Старинныя острошловія: красное яичко въ Христовъ день 1824 г.: удаленіе министра финансовъ Гурьева. 5) Время рожденія поэта Лермонтова, замѣтка Н. П. Розанова. 6) М. Н. Муравьевъ въ Литвѣ. 1831 г. 7) Календарь для хронологическихъ справокъ. Сообщ. Н. Ч.—IX. Некрологъ. В. Г. Бенедиктовъ.—X. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738—1795 гг., томъ четвертый и послѣдній. Часть XXVI, письма 258—262: Быть русскаго дворянства. 1790—1791 гг.

Первыя шесть книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1873 г. вышли 1-го января, 1-го февраля, 1-го марта, 1-го апрѣля, 1-го мая и 1-го іюня съ приложеніями: портретъ герцога Бирона съ снимкомъ его подписи; рисунокъ острога близъ Холмогоръ, въ которомъ была заключена правительница Анна Леопольдовна съ мужемъ и дѣтьми, рисунокъ исполненъ ея дочерью, принцессою

Екатериной Антоновной; подлинныя рисунки Ледянаго Дома (планъ, фасадъ, внутренности комнатъ, мебель, ледяныя пушки), встроенаго въ Петербургѣ въ 1740 г.; дамскія моды въ Россіи сто лѣтъ назадъ, рисунки изъ перваго, по времени, въ Россіи моднаго журнала въ 1779 г.

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» 1873 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками, снимками и записками русскихъ людей — восемь рублей, съ доставкою и съ пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г., изданіе второе; можно получить всѣ 12-ть книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкою (*осталось небольшое количество экземпляровъ*).

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1873 г. высылается гг. подписчикамъ съ первой книги. Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

цѣнилъ, продолжалъ Бамбриджъ, выставивъ впередъ указательный палецъ.

— Онъ присутствовалъ на аукціонной продажѣ имущества Ларчера, но тогда мнѣ не удалось ничего разузнать про него. Онъ у меня сквозъ пальцы ушелъ, должно быть, погнался за Бѣльстрэдомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что можетъ сорвать съ Бѣльстрада какой угодно кушъ, потому что знаетъ всѣ его секреты. Вотъ въ Бѣллеѣ онъ мнѣ все и выболталъ: онъ вѣдь сильно придерживается рюмочки. Чортъ меня побери, если онъ не проговорился совсѣмъ нечаянно; но онъ изъ тѣхъ хвастуновъ, которые, какъ понесутъ, какъ понесутъ, такъ ужъ и удержи имъ нѣтъ; наболтаютъ съ три короба, точно имъ деньги за это платять. Не знаютъ правила: ври, да не завирайся!

Мистеръ Бамбриджъ сдѣлалъ это замѣчаніе съ видомъ отвращенія, какъ человѣкъ, который самъ умѣетъ врать, но не завирается.

— Какъ его звать? гдѣ его можно найти? спросилъ мистеръ Гаули.

— Что касается того, гдѣ его найти, то я оставилъ его въ трактирѣ «Голова Сарацина»; зовутъ-же его Раффльсъ.

— Раффльсъ! вскричалъ мистеръ Гопкинсъ. — Я вчера снаряжалъ его похороны. Его скоронили въ Лоуижъ. Мистеръ Бѣльстрэдъ провожалъ покойника. Похороны были весьма приличные.

Это произвело сильную сенсацію между слушателями. Мистеръ Бамбриджъ разразился цѣлымъ потокомъ восклицаній, въ которыхъ «сдѣшій» было самымъ мягкимъ словомъ, а мистеръ Гаули, насушивъ брови и наклонивъ впередъ голову, вскричалъ:

— Что такое? гдѣ умеръ этотъ человѣкъ?

— Въ Стоунъ-Кортъ, отвѣчалъ Гопкинсъ: — эконома говорила, что онъ родня хованну дому. Онъ пріѣхалъ въ пятницу, совсѣмъ больной.

— Вотъ тебѣ разъ, а въ среду я роспиль съ нимъ бутылочку, перебилъ Бамбриджъ.

— Лечилъ-ли его какой-нибудь докторъ? спросилъ мистеръ Гаули.

— Да, мистеръ Лейдгэтъ. Мистеръ Бѣльстрэдъ просидѣлъ цѣлую ночь надъ больнымъ. Онъ умеръ на третье утро.

— Продолжайте, Бамбриджъ, проговорилъ мистеръ Гаули, настоятельно. — Что рассказывалъ вамъ этотъ человѣкъ про Бѣльстрада.

Группа успѣла уже увеличиться, такъ какъ присутствіе городскаго страпача служило ручательствомъ, что рассказывается

нѣчто заслуживающее вниманіе и м-ръ Бамбриджъ сообщилъ свой разсказъ семерымъ слушателямъ. Въ немъ передавалось то, что намъ уже извѣстно въ главныхъ чертахъ, включая сюда и фактъ, касавшійся Вила Владислава, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ подробностей мѣстнаго колорита. Случилось то, чего опасался Бѣльстрѣдъ, и тайна, которую онъ надѣялся навѣки скоронить вмѣстѣ съ трупомъ Раффльса, — вышла наружу! Призракъ, пугавшій его, и отъ котораго Провидѣніе, — такъ онъ надѣялся, когда проѣзжалъ мимо арки «Зеленаго Дракона», — освободило его, гнался за нимъ по пятамъ. Да, Провидѣніе! Онъ не сознавался передъ самимъ собой, что чѣмъ-либо содѣйствовалъ такому результату; онъ какъ-будто принималъ то, что ему послалось свыше. Невозможно было доказать, что онъ сдѣлалъ что-нибудь такое, что ускорило смерть этого человека.

Но сплетня про Бѣльстрѣда распространилась по Миддлмарчу, подобно запаху дыма. Мистеръ Франкъ Гаули, желая пополнить свои свѣдѣнія, послалъ одного изъ своихъ клерковъ, которому могъ довѣриться, въ Стонъ-Кортъ, подъ предлогомъ справокъ на счетъ сѣна, но на дѣлѣ, съ порученіемъ вывѣдать все, что можно, про Раффльса и про его болѣзнь отъ миссисъ Абель. Этимъ путемъ до его свѣдѣнія дошло, что мистеръ Гартъ привезъ покойнаго въ своемъ кабіолетѣ въ Стонъ-Кортъ и мистеръ Гаули вслѣдствіе того сталъ искать случая увидѣться съ Калебомъ. Наконецъ отправился въ его контору какъ будто-бы затѣмъ, чтобы спросить у него: согласенъ-ли онъ будетъ участвовать въ одномъ третейскомъ судѣ, если понадобится, и тутъ-же какъ-бы вскользь закинулъ словечка-два и о Раффльсѣ. Калебъ не проговорился ни единымъ оскорбительнымъ словомъ на счетъ Бѣльстрѣда; но онъ не могъ скрыть того факта, что отказался отъ управленія его дѣлами на прошлой недѣлѣ. Мистеръ Гаули вывелъ изъ этого свои заключенія и, будучи убѣжденъ, что Раффльсъ пересказалъ свою исторію Гарту, а Гартъ вслѣдствіе того отказался отъ веденія дѣлъ Бѣльстрѣда, передалъ объ этомъ нѣсколько часовъ спустя мистеру Толлеру. Молва подхватила этотъ разсказъ, который, переходя изъ устъ въ уста, выдавался уже подъ конецъ какъ прямое заявленіе самаго Гарта, такъ что усердный историкъ могъ-бы вывести заключение, что Калебъ былъ главнымъ обличителемъ дѣланій Бѣльстрѣда.

• Мистеръ Гаули скоро раскусилъ, что закону не къ чему было придаться, ни относительно того, что разсказалъ Раффльсъ, ни относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ его смерть.

Онъ самъ съѣздилъ въ Леуниское селеніе, чтобы просмотрѣть церковные списки и переговорить обо всемъ дѣлѣ съ мистеромъ Фербротеромъ, который такъ-же мало удивился, какъ и самъ страпчій, узнавъ, что на счетъ Вальстрада обнаружилась некрасивая тайна, хотя и былъ всегда на столько справедливъ, что не позволялъ себѣ строить различныя предположенія, на основаніи своей антипатіи. Но, во время ихъ разговора, другое соображеніе мелькнуло въ умѣ мистера Фербротера, — о которомъ онъ умолчалъ, но которому вскорѣ суждено было сдѣлаться предметомъ громкихъ толковъ въ Миддльмарчѣ, — какъ естественный и неизбежный выводъ изъ существующихъ фактовъ. Видѣвъ съ мыслию о причинахъ, заставлявшихъ Вальстрада бояться Раффльса, мелькнула какъ молнія мысль, что тотъ-же страхъ обуславливалъ и его щедрость относительно своего домашняго врача. И хотя онъ не допускалъ мысли, что послѣдній сознательно принялъ эту щедрость, какъ взятку, но предвидѣлъ, что такое истолкованіе возможно и тяжело отразится на репутациі Лейдгэта. Онъ увидѣлъ, что мистеръ Гаули ничего до сихъ поръ не зналъ о неожиданной помощи, оказанной Вальстрадомъ Лейдгету и старательно уклонялся отъ всякаго намека на это обстоятельство.

— Да, сказалъ онъ, глубоко переводя дыханіе и желая положить конецъ нескомфортамъ разсужденіямъ о томъ, что могло-бы быть, если-бы даже юридически и ничего нельзя было доказать: — это странная исторія. Итакъ, вотъ какая оригинальная генеологія у нашего живчика Владислава! Необузданная, молодая леди и полякъ, патриотъ и музыкантъ, уже были вполне подходящими для него родичами, но, признаюсь, я никакъ не подозрѣвалъ о существованіи еврей-рестовщика. Но вѣдь кто поручится какой результатъ можетъ дать подобная помѣсь. Иная грязь только чистить.

— Я именно этого всегда ожидалъ, отвѣчалъ мистеръ Гаули, садясь на лошадь.

— Я ожидалъ примѣси давой-нибудь подлой, чужеземной крови, еврейской, корсиканской или цыганской.

— Я знаю, что вы терпѣть его не можете, Гаули. Но онъ все-таки безвѣрныиный, честный малый, отвѣчалъ мистеръ Фербротеръ, улыбаясь.

— Ну, ну, все это ваши виггскія бредни, провнесъ мистеръ Гаули, который имѣлъ обыкновеніе говорить съ сожалѣніемъ, что Фербротеръ такой славный, хорешій малый, что его можно было-бы принять за тора.

Мистеръ Гаули уѣхалъ домой, разсматривая тотъ фактъ, что

Лейдгэтъ лечилъ Раффльса, какъ простое совпаденіе обстоятельствъ, выгодное для Бальстрада. Не извѣстіе, что Лейдгэтъ внезапно расплатился со всѣми долгами въ Миддльмарчѣ, быстро распространилось по городу, вызывая цѣлый рядъ толковъ и соображеній и скоро достигло ушей другихъ людей, кромѣ мистера Гаули, которые не замедлили усмотрѣть знаменательную связь между этимъ внезапнымъ займомъ и желаніемъ Бальстрада замѣть скандала съ Раффльсомъ. Что деньги, полученные Лейдгэтомъ отъ Бальстрада—это неизбѣжно обнаружилось-бы, не будь даже на то прямыхъ доказательствъ. Сплетни, ходившія раньше на счетъ дѣла Лейдгэта, гласили, что ни его тесть, ни его собственная родня не могли помочь ему, а прямое доказательство было доставлено не только клеркомъ, служащимъ въ банкѣ, но и самой невинной миссисъ Бальстрада, которая упомянула о займѣ миссисъ Шлеймдоль, а та въ свою очередь передала о немъ своей нахлѣбщицѣ дѣзъ семейства Толлеровъ, а та уже развоняла о немъ по всему городу. Дѣло показалось такимъ интереснымъ и важнымъ, что понадобилось созывать гостей на обѣдъ для его обсужденія, и много приглашеній было разослано и принято; благодаря скандалу, разразившемуся надъ Бальстрадомъ и Лейдгэтомъ; жены, вдовы и незамужнія леди, сажавшія свою работу, чаще обыкновеннаго ходили въ гости; а всѣ публичныя мѣста для сборищъ, начиная съ «Зеленаго Дракона» и кончая «Долленома», оживились такъ, какъ никогда бы имъ не оживиться подъ вліяніемъ вопроса о томъ, пройдетъ или нѣтъ билль о реформѣ въ палатѣ лордовъ.

Никто почти не сомнѣвался, что въ основаніи щадрости Бальстрада относительно Лейдгэта лежала какой-нибудь скандалъ. Мистеръ Гаули, кнпримѣръ, нарочно пригласилъ избранное общество, включая двухъ медиковъ, вмѣстѣ съ мистеромъ Толлеромъ и мистеромъ Ренчемъ, спеціально для обсужденія характера болѣзни Раффльса, пересказавъ имъ всѣ подробности, которыя были добыты отъ миссисъ Абель и которыя за одно съ свидѣтельствомъ, выданнымъ Лейдгэтомъ, гласили, что смерть приключилась отъ *Delirium tremens*. Присутствующіе медики, которые всѣ держались старинной системы леченія этой болѣзни, объявили, что они не видѣли въ этихъ подробностяхъ ничего сомнительнаго, что-бы давало положительную пицу подозрѣнію. Но нравственными мотивами къ подозрѣнію были: сильныя резоны, которые очевидно имѣлъ Бальстрада, желать отдѣлаться отъ Раффльса и тотъ фактъ, что онъ какъ разъ въ эту критическую минуту оказалъ помощь Лейдгэту, въ которой этотъ послѣдній, какъ ему было извѣстно, давно уже нуждался. Кро-

мѣ того никто не сомнѣвался, что Бельстрэдъ не станетъ перемѣниться, а Лейдгэтъ такъ-же легко доступенъ подкуму, какъ и всѣ эти высокоумнѣе люди, когда они испытываютъ нужду въ деньгахъ. Даже допуская, что деньги были даны Лейдгэту съ тѣмъ, чтобы онъ молчалъ о скандальномъ прошломъ Бельстрэда, нельзя было не принять, что это бросаетъ невыгодный свѣтъ на Лейдгэта, котораго уже раньше осуждали за то, что онъ будто-бы угождаетъ банкиру ради честолюбивыхъ замысловъ и подрываетъ репутацію старѣйшихъ членовъ своей профессіи. Вслѣдствіе этого, не видя на положительное отсутствіе прямыхъ доказательствъ вины въ смерти Раффльса, компанія, собранная у Гаули, разошлась съ той мыслию, что все дѣло очень некрасиво.

Но смутное убѣжденіе въ существованіи какой-то неопредѣленной вины, которое заставляло покачивать головой и дѣлать язвительныя замѣчанія людей болѣе образованныхъ,—для толпы получало значеніе таинственнаго, но неопровержимаго факта. Всякому нравилось болѣе предполагать, чѣмъ разувывать какъ въ дѣйствительности происходило дѣло. Даже гораздо болѣе опредѣленный скандалъ прошлой жизни Бельстрэда окрасился для многихъ умовъ какой-то таинственностію и бесѣды объ этомъ предметѣ принимали самыя фантастическія формы.

Этой точки зрѣнія держалась миссисъ Доллонъ, остроумная хозяйка «Таннарда» въ Слоутеръ-Лэнъ, которая любила осаждать самоувѣренность своихъ посѣтителей, воображавшихъ, что толки, которые они заносили съ собой съ улицы, могли выдержать сравненіе съ тѣмъ, что «зарождалось» въ ея умѣ.

— Подумать только, что этотъ Бельстрэдъ, со всѣмъ его лицемѣріемъ, и гордыней, изъ за которой ни одинъ священникъ не казался ему достаточно святымъ, вынужденъ былъ взять себѣ въ сообщники діавола, а діаволь-то и перехитрилъ его, рассуждала миссисъ Доллонъ.

— Эге, ge! это такой сообщникъ, котораго вамъ не удастся выжить изъ околodka, замѣтилъ мистеръ Краббъ, стекольщикъ, который любилъ собирать всякія новости.—Но мнѣ говорили, что Бельстрэдъ собирался бѣжать изъ Миддльмарча, изъ боязни, что его изобличатъ.

— Онъ долженъ будетъ убраться отъ сюда волей или неволей, вмѣшался мистеръ Дилль, цирюльникъ, который только что вошелъ въ комнату.—Я брилъ сегодня поутру Флетчера, клерка Гаули и онъ говорилъ мнѣ, что всѣ они порѣшили выжить отсюда Бельстрэда. Мистеръ Тисейджеръ высказался противъ него и желаетъ удалить его изъ прихода. И многіе

дешевльмсны въ городѣ говорить, что они охотнѣе согласились бы обѣдать съ каторжникомъ.—Да и я раздѣляю ихъ мнѣніе, говорилъ Флетчеръ, потому что можетъ ли быть что нибудь противнѣе для желудка, какъ человекъ, который носится съ своей набожностью, дѣлаетъ видъ, что для него мало всѣхъ десяти заповѣдей, а самъ между тѣмъ хуже всякаго каторжника? Такъ говорилъ самъ Флетчеръ.

— Для города невыгодно будетъ однако, если капиталы Бѣльстрада уйдутъ изъ него, пропѣлъ мистеръ Лимпъ, башмачникъ философъ, съ слабыми глазами и тоненькимъ голоскомъ.

— Да, и не мало на свѣтѣ хорошихъ людей, которые хуже распоряжаются своими деньгами, произнесъ твердымъ голосомъ красильщикъ, красныя руки котораго шли въ разрѣзъ съ его добродушнымъ лицомъ.

— Но онъ лишится своихъ денегъ, сколько я слышалъ, вступился стекольщикъ.—Говорять, что они не принадлежать ему. Сколько я понялъ, если съ нимъ завести процессъ, то у него отберутъ все до единой копѣйки.

— Вовсе нѣтъ! возразилъ цирюльникъ, который сознавалъ, что общество Доллопа ему не совѣмъ по плечу, но тѣмъ не менѣе находилъ его занимательнымъ.—Флетчеръ говорить, что ничего такого не будетъ. Онъ говорить, что пришлось бы еще доказывать чей такой сынъ этотъ молодой Владиславъ, да и тогда онъ не могъ бы получить ни копѣйки.

— Скажите на милость! произнесла миссисъ Доллопъ, съ негодованіемъ.—Благодарю моего Создателя, что онъ прибралъ къ себѣ моихъ малютокъ, если законъ безсиленъ защитить сиротъ. Послѣ этого все равно, кто бы ни были вашъ отецъ и мать. Но развѣ можно слушать одного стряпчаго, не посоветывавшись съ другимъ... меня это удивляетъ со стороны такого умнаго человека, какъ вы, мистеръ Дилль. Всѣмъ извѣстно, что всякій законъ можно истолковать на разные лады; иначе кто бы сталъ обращаться къ законамъ, желала бы я знать? Плохо было бы, еслибы со всѣми этими законами не стоило доказывать кто ваши родители. Флетчеръ можетъ говорить, что ему угодно, но я говорю: пожалуйста, вы не морочьте меня своимъ Флетчеромъ!

Мистеръ Дилль принужденно засмѣялся, какъ бы желая дать понять, что никакому стряпчому не справиться съ миссисъ Доллопъ. Онъ готовъ былъ вынести всякую головоломку отъ хозяйки, у которой имѣлся длинный счетъ на него.

— Если дѣло дойдетъ до процесса и все, что болтаетъ на-

родъ справедливо, то дѣло не ограничится одними деньгами, замѣтилъ стегольщикъ.

— Не забудьте про смерть этого бѣдняка: сколько я слышала, онъ знавалъ такія времена, когда былъ куда важнѣе господинъ, чѣмъ Бѣльстрэдъ.

— Важнѣе господинъ! Надѣюсь, замѣтила миссисъ Доллопъ,—и гораздо благороднѣе, сколько я слышала. Это, какъ я уже говорила, мистеру Бодвину, сборщику податей, когда онъ вошелъ сюда и, стоя вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, на какомъ вы теперь сидите, говорить:—Бѣльстрэдъ нажилъ всѣ свои деньги, съ которыми онъ пріѣхалъ сюда, воровствомъ и мошенничествомъ,—а я и говорю:—вы ничего новаго не сказали мнѣ, мистеръ Бодвинъ:—у меня душа замирала, глядя на него, съ того самаго дня, какъ онъ пріѣзжалъ въ Слоутеръ-Лэндъ, съ намѣреніемъ приобрести тотъ самый домъ, который служить пріютомъ для моей бѣдной головы: у людей не бываетъ даромъ лицо землянаго цвѣта и они не глядятъ на васъ ни съ того, ни съ сего такъ, какъ еслибы хотѣли вывернуть все ваше нутро. Вотъ, что я сказала, и мистеръ Бодвинъ можетъ засвидѣтельствовать это.

— И вы правы, вступился мистеръ Краббъ.—Сколько я слышала, этотъ Раффльсъ, какъ они его зовутъ, былъ веселый, краснощекій малый, на котораго вамъ пріятно было глядѣть, и самаго лучшаго общества... это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что онъ умеръ и зарытъ на Лоуикскомъ кладбищѣ; и, сколько я могъ понять, дѣло-то не совсѣмъ чистое.

— Я думаю! перебила миссисъ Доллопъ съ оттѣннымъ презрѣніемъ къ нерѣшительному тону мистера Крабба.—Когда человѣка заташатъ въ пустой домъ, хотя могли-бы нанять на цѣльныхъ пол-города мѣстъ въ больницѣ и сидѣлокъ, когда вмѣсто того предпочитаютъ день и ночь сидѣть надъ больнымъ и никого не подпускаютъ къ больному, кромѣ доктора, у котораго, какъ всѣмъ извѣстно, нѣтъ ничего святаго и который бѣденъ такъ, что не можетъ свести концы съ концами. И вдругъ послѣ этого у него оказывается столько денегъ, что онъ уплачиваетъ по счету мистера Байлеса, мясника; по счету, по которому не платилъ, шутка сказать, съ самаго Михайлова дня....

у ужъ тутъ мнѣ не нужно, чтобы кто-нибудь надоумилъ меня, что дѣло-моль не совсѣмъ чисто... я не стану долго качать головой, да раздумывать.

Миссисъ Доллопъ поглядѣла кругомъ себя съ видомъ хозяйки, привыкшей властвовать надъ своими посѣтителями. Болѣе храбрее, хоромъ выразили свое согласіе, но мистеръ Лимпъ, глот-

нувъ изъ рюмки, сложилъ свои жирныя руки и, прижавъ ихъ къ колѣнямъ, повѣсилъ голову молча, словно рѣзкія впадки миссисъ Доллопъ отшибли у него умъ и соображеніе, и онъ могъ снова придти въ себя лишь промочивъ горло.

— Зачѣмъ же они не вырываютъ этого человѣка и не призываютъ коронера? спросилъ красильщикъ.— Это дѣлалось не разъ. И если дѣло нечисто, то они сразу откроютъ это.

— Нѣтъ, не откроютъ, мистеръ Джонсъ! произнесла миссисъ Доллопъ торжественно.— Я знаю назовы эти доктора. Они такъ хитры, что ихъ не легко поймать. А этотъ докторъ Лейдгэтъ не даромъ стремился рѣзать людей, когда еще душа ихъ не успѣвала хорошенько проститься съ тѣломъ... теперь ясно, зачѣмъ ему надобно было заглядывать въ нутро почтенныхъ людей. Ему извѣстны, будьте увѣрены, такія снадобья, что вы и не услышите и не увидите ихъ не только прежде, чѣмъ проглотите, но и послѣ того. Да что? я сама видѣла такія капли, которыя предписалъ докторъ Гамбитъ,—а онъ нашъ клубный докторъ и честный человѣкъ, и столбикомъ дѣтамъ пособилъ увидѣть Вожій свѣтъ, какъ никакой другой въ Миддльмарчѣ... ну вотъ я своими глазами видѣла такія капли, что совсѣмъ нельзя было замѣтить налиты онѣ въ рюмку или нѣтъ, а между тѣмъ васъ отъ нихъ тошнило еще на другой день. Ну, такъ сами посудите. Ужъ, пожалуйста не спорьте со мной. Я могу сказать только одно: счастье, что они не пригласили этого доктора Лейдгэта въ нашъ клубъ. Многимъ-бы тогда не поздоровилось.

Предметъ бесѣды у «Доллоповъ» сдѣлался обычной темой для разговоровъ во всѣхъ классахъ городского общества и былъ занесенъ съ одной стороны въ лоуикскій приходскій домъ, а съ другой—въ Типтонъ-Грэнджъ, достигъ до ушей семейства Винси и обсуждался съ печальными размышленіями о «бѣдной Гарриэтъ», всѣми друзьями миссисъ Бѣльстрэдъ, прежде чѣмъ Лейдгэтъ доменнулся: почему люди такъ странно на него поглядываютъ, и прежде чѣмъ самъ Бѣльстрэдъ догадался, что тайна его открыта. Онъ не привыкъ къ особенно дружескимъ сношеніямъ съ своими сосѣдами, а поэтому не могъ замѣтить отсутствія дружескихъ заявленій; кромѣ того, онъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ, потому что, рѣшивъ теперь, что ему не нужно уѣзжать изъ Миддльмарча, нашелъ необходимымъ покончить съ разными дѣлами, которыя до сихъ поръ тянутъ.

— Мы съѣздимъ въ Гелтонгамъ черезъ мѣсяць или два, говорилъ онъ своей женѣ: — въ этомъ городѣ прекрасная обста-

новка для души, и вмѣстѣ съ тѣмъ, херемій воздухъ и вода. Неприятельное пребываніе тамъ насъ очень освѣжить.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрилъ въ прекрасную обстановку для души и рассчитывалъ, что отнынѣ его жизнь будетъ вся посвящена на заглаживаніе послѣднихъ грѣховъ, которые представлялись ему въ видѣ предположенія, и онъ въ видѣ предположенія молился объ ихъ отпущеніи, произнося условныя слова: «если я прегрѣшилъ».

Что касается больницы, то онъ избѣгалъ говорить что-нибудь на этотъ счетъ съ Лейдгэтомъ, боясь высказать слишкомъ внезапную переменъ, происшедшую въ его планахъ, немедленно послѣ смерти Раффльса. Въ глубинѣ души онъ вѣрилъ, что Лейдгэтъ подозрѣваетъ, что его приказанія были нарушены съ намѣреніемъ, а подозрѣвая это, долженъ былъ подозрѣвать также и мотивы, побудившіе къ этому поступку. Но ему ничего не было извѣстно объ исторіи Раффльса, и Бѣльстрэдъ опасался, какъ бы не дать опредѣленную пищу его смутнымъ подозрѣніямъ. Что касается того, чтобы съ увѣренностью утверждать, что тотъ или другой способъ леченія можетъ спасти человѣка или погубить,—то самъ Лейдгэтъ постоянно возставалъ противъ такого доктринерства. Онъ не имѣлъ права, слѣдовательно, обличать и имѣлъ всѣ основанія молчать. Вслѣдствіе этого Бѣльстрэдъ чувствовалъ себя въ безопасности. Единственное обстоятельство, которое взволновало его,—это случайная встрѣча съ Калебомъ Гартомъ, который однако приподнялъ свою шкуру съ кроткой важностью.

Между тѣмъ въ умахъ вліятельныхъ горожанъ созрѣлъ рѣшительный планъ дѣйствія противъ него.

Въ ратушѣ предстояло собраться митингу для обсужденія санитарныхъ вопросовъ, возникшихъ по поводу того, что въ городѣ проявился холерный случай. Со времени парламентскаго акта, который былъ изданъ въ торопахъ и разрѣшалъ налогъ въ пользу санитарныхъ мѣръ, была назначена коммисія для надзора за подобными мѣрами въ Миддльмарчѣ, и виги и торы наперерывъ другъ передъ другомъ заботились о чистотѣ улицъ и домовъ. Въ настоящую минуту вопросъ шелъ о томъ: приобрести ли участокъ земли за городомъ для кладбища помощью налога или же посредствомъ частной подписки. Митингъ долженъ былъ открыться сегодня и почти вслѣдъ за нимъ значительный членъ города долженъ былъ на немъ присутствовать.

Мистеръ Бѣльстрэдъ былъ членомъ коммисіи и около двѣнадцати часовъ вышелъ изъ банка съ намѣреніемъ поддерживать планъ частной подписки. Пока онъ еще не зналъ на что

рѣшиться, то держался нѣкоторое время на заднемъ планѣ, но теперь нашелъ, что сегодня утромъ ему слѣдуетъ занять свое старое положеніе чловѣка дѣятельнаго и вліятельнаго въ общественныхъ дѣлахъ того города, гдѣ онъ располагалъ окончить свои дни. Въ числѣ различныхъ лицъ, направляющихся туда же, куда и онъ, онъ увидѣлъ Лейдгэта; они сошлись, заговорили о предметѣ митинга и вошли вмѣстѣ.

Оказалось, что ихъ опередили всѣ болѣе или менѣе вліятельные люди. Совсѣмъ тѣмъ еще оставались пустыя мѣста за широкимъ центральнымъ столомъ и туда они и направили свои шаги. Мистеръ Фербротеръ сидѣлъ напротивъ, недалеко отъ мистера Гаули: всѣ медики были въ сборѣ, мистеръ Тисейджеръ предсѣдательствовалъ, а мистеръ Брукъ изъ Типтона сидѣлъ по правую его руку.

Лейдгэтъ замѣтилъ, что всѣ присутствующіе переглянулись, когда онъ и Бѣльстрэдъ усѣлись на мѣста.

Послѣ того какъ вопросъ, предстоявшій на обсужденіе, былъ изложенъ предсѣдателемъ, который указалъ на выгоды пріобрѣсти по подпискѣ участки земли, на столько большой, чтобы онъ могъ служить общимъ кладбищемъ, — мистеръ Бѣльстрэдъ всталъ и попросилъ позволенія высказать свое мнѣніе. Лейдгэтъ снова замѣтилъ, какъ всѣ переглянулись, при чемъ мистеръ Гаули всталъ и сказалъ своимъ твердымъ, звонкимъ голосомъ:

— Господинъ предсѣдатель, я прошу позволенія, прежде чѣмъ кто-нибудь выскажетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, объяснить на счетъ другого вопроса, близко затрогивающаго общественное мнѣніе. Этотъ вопросъ считается не только мною, но и многими присутствующими здѣсь джентльменами, вопросомъ первой важности.

Рѣчь мистера Гаули, даже и тогда когда общественныя пріличія сдерживали его «рѣзкія сужденія» была страшна по своей святости и сдержанности. Мистеръ Тисейджеръ разрѣшилъ мистеру Гаули высказаться, мистеръ Бѣльстрэдъ сѣлъ, а мистеръ Гаули продолжалъ.

— Все, что я имѣю сказать, г-нъ предсѣдатель, я говорю не просто отъ моего имени: я говорю съ согласія и, мало того, по настоянію не менѣе, какъ восьми моихъ согражданъ, которые находятся среди насъ. Мы всѣ находимъ нужнымъ пригласить мистера Бѣльстрада—и я приглашаю его—сложитъ съ себя общественное званіе, которое онъ занимаетъ не только какъ сборщикъ податей, но и какъ джентльменъ между джентльменами. Бываютъ такія дѣла и такіе поступки, которые, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, законъ безсиленъ покарать, хотя они могутъ

бить и похуже, чѣмъ многія вещи, подлежащія законной карѣ. Честнымъ людямъ и джентльменамъ, если они не желаютъ общества людей, совершившихъ подобныя поступки, приходится оборонять себя, какъ они умѣютъ, и я и мои друзья, которыхъ я могу назвать моими клиентами, намѣреваемся такъ именно и поступить въ томъ дѣлѣ, о которомъ я упомянулъ. Я не говорю, чтобы мистеръ Вѣльстрэдъ былъ виновенъ въ позорныхъ дѣяніяхъ, но я приглашаю его или публично опровергнуть скандальные слухи, распушенные про него человѣкомъ, нынѣ уже умершимъ и умершимъ въ его домѣ — слухи о томъ, что онъ въ теченіи многихъ лѣтъ занимался предосудительными дѣлами и что онъ нажилъ свое состояніе посредствомъ безчестныхъ оборотовъ, или же сложить съ себя званіе, въ которое онъ былъ допущенъ лишь какъ джентльменъ среди джентльменовъ.

Глаза всѣхъ присутствующихъ были устремлены на мистера Вѣльстрэда, который, какъ только услышалъ свое имя, ощутилъ такое нервное потрясеніе, что оно было почти выше его силъ. Лейдгетъ, который самъ вздрогнулъ отъ смутнаго предчувствія злыхъ истолкованій его отношеній къ Вѣльстрэду, почувствовалъ, тѣмъ не менѣе, когда прочиталъ ѣдкое страданіе на помертвѣломъ лицѣ Вѣльстрэда, что проснувшееся было въ немъ движеніе мстительной ненависти подавлено инстинктомъ врача, который прежде всего думаетъ о помощи, которую слѣдуетъ оказать страждущему.

Сознаніе, что его жизнь въ концѣ концовъ оказалась неудачной, что онъ обезчещенъ и долженъ потуплять глаза передъ взорами тѣхъ, съ которыми онъ обыкновенно держалъ себя какъ строгій судья... что Богъ отвернулся отъ него передъ лицомъ людей и предоставилъ его беззащитнымъ на жертву торжествующей злобы тѣхъ, кто радъ былъ найти оправданіе для своей ненависти... сознаніе полнѣйшей бесполезности тѣхъ хитрыхъ уловокъ, какими онъ успокоивалъ свою совѣсть на счетъ смерти своего сообщника, — уловокъ, которыя теперь ложились на него всею тяжестью озобличенной лжи:—все это нахлынуло на Вѣльстрэда съ мучительной силой, способной убить человѣка, но оставляющей ему на столько сознанія, чтобы слышать выраженія презрѣнія къ своей особѣ. Внезапное ощущеніе позора, послѣ крѣпко установившейся увѣренности въ безопасности, страшлось не надъ грубымъ организмомъ преступника, но надъ чувствительными нервами человѣка, всѣ силы души котораго были устремлены на то, чтобы безусловно подчинить себѣ всѣ условія окружающей его жизни.

Но въ этомъ, слабомъ физически, человѣкѣ жила страшная сила воли. Прежде, чѣмъ мистеръ Гаули успѣлъ договорить свои послѣднія слова, Бѣльстрэдъ почувствовалъ, что онъ не оставитъ ихъ безъ возраженія и что отвѣтъ его будетъ рѣшомъ. Онъ не осмѣлился встать и сказать: — я не виноватъ, во всей этой исторіи нѣтъ ни единого слова правды! Да если бы даже онъ и нашелъ въ себѣ смѣлость сказать это, то ему казалось, что при существующихъ обстоятельствахъ, такое запрятельство будетъ равнозначущимъ тому, какъ еслибы какой-нибудь человѣкъ вздумалъ прикрыть свою наготу жалкой тряпичей.

Нѣсколько секундъ царствовало глубокое молчаніе и всѣ глаза устремлены были на Бѣльстрэда. Онъ сидѣлъ не шевелясь, и крѣпко упираясь въ спинку своего стула; онъ не рѣшился встать и когда заговорилъ, то оперся руками на боковые стулья. Но голосъ его былъ вполне внятень, хотя нѣсколько грубѣе обыкновеннаго, а слова произносились имъ явственно, хотя онъ глубоко переводилъ духъ, послѣ каждой фразы. Онъ сказалъ, обращаясь сначала къ мистеру Тисейджеру, а затѣмъ, взглядывая на мистера Гаули:

— Я протестую передъ вами, сэръ, какъ передъ служителемъ алтара, противъ поведенія, которое внушено жаркою ненавистью во мнѣ. Тѣ, кто меня ненавидитъ, рады повѣрить всякой клеветѣ на мой счетъ, распространяемой вздорными языками. И совѣсть ихъ начинаетъ вопить противъ меня. Допустимъ, что сплетни, которыхъ я сталъ жертвой, обвиняютъ меня въ предосудительныхъ поступкахъ, — тутъ голосъ Бѣльстрэда сталъ рѣвче и громче, — кто будетъ моимъ обвинителемъ? Не тѣ ли люди, собственная жизнь которыхъ не согласна съ христіанскимъ ученіемъ, мало того, скандальна... не тѣ ли люди, которые сами употребляютъ низкія орудія для достиженія своихъ цѣлей... профессія которыхъ состоитъ изъ цѣлаго ряда крѣпководствъ... которые проживаютъ свои доходы на чувственныя удовольствія, между тѣмъ какъ я употребляю свои доходы на такія цѣли, которыя могутъ быть полезны для здѣшней жизни и для будущей.

Слово крѣпководство вызвало ропотъ и свистки, между тѣмъ какъ четверо человѣкъ встали разомъ: мистеръ Гаули, мистеръ Толмеръ, мистеръ Чичели и мистеръ Гакбутъ. Но мистеръ Гаули заговорилъ порывисто и не далъ разинуть рта остальнымъ:

— Если вы намекаете на меня, сэръ, то я приглашаю васъ и всякаго другого, изслѣдовать мою профессиональную жизнь. Что-же касается того: веду ли я христіанскую жизнь или нѣтъ, то могу сказать одно только: я не признаю вашего лицемер-

наго ханжества. Что-же касается того, какимъ образомъ я проживаю свои доходы, то не въ моихъ принципахъ поддерживать воровъ и обирать законныхъ наследниковъ затѣмъ, чтобы поддерживать яко-бы религію и прикидываться святошей. Я не напускаю на себя строгой святости... да мнѣ она и не нужна, чтобы осудить ваши поступки, сэръ. Я снова приглашаю васъ дать удовлетворительныя объясненія касательно скандальныхъ дѣяній, приписываемыхъ вамъ, или-же удалиться съ поста, на которомъ мы не желаемъ долѣе имѣть васъ своимъ собратомъ. Я объявляю вамъ, сэръ, что мы отказываемся отъ товарищества съ человѣкомъ, котораго репутація не очищена отъ поворнаго пятна, заброшеннаго на него не только слухами, но и недавними поступками.

— Довольно, мистеръ Гаули, перебилъ предсѣдатель, и мистеръ Гаули, хотя все еще кивнулъ негодованіемъ, съ досадою поклонился и усѣлся, засунувъ руки въ карманы.

— Мистеръ Бальстрэдъ! я полагаю, что вовсе нежелательно продолжать этотъ споръ, произнесъ мистеръ Тисейджеръ, обращаясь къ блѣдному, дрожащему человѣку:—я долженъ заявить, что сказанное мистеромъ Гаули есть выраженіе общественнаго мнѣнія, и что вы обязаны, какъ христіанинъ, очистить себя, если возможно, отъ этихъ несчастныхъ обвиненій. Съ своей стороны я готовъ дать вамъ полную возможность къ тому и выслушать васъ. Но я долженъ замѣтить, что ваше теперешнее поведеніе идетъ къ несчастію въ разрѣзъ съ тѣми принципами, которые вы назвали нужными отождествить съ собой, и за честь которыхъ я обязанъ ратовать. Я приглашаю васъ въ настоящую минуту, какъ вашъ священникъ, и какъ человѣкъ, надѣяющійся на восстановление вашей репутаціи, оставить эту комнату и не мѣшать намъ долѣе приступить къ дѣлу.

Бальстрэдъ, послѣ минутнаго колебанія, поднялъ свою шляпу съ полу и медленно всталъ, но ухватился за уголокъ своего стула и такъ задрожалъ, что Лейдгетъ убѣдился, что у него не хватитъ силы выйти изъ комнаты безъ посторонней помощи. Что ему было дѣлать? Онъ не могъ допустить, чтобы человѣкъ грохнулся передъ нимъ на полъ, и не поддержать его. Онъ всталъ и подавъ руку Бальстрэду и такимъ образомъ вывелъ его изъ комнаты. И, совсѣмъ тѣмъ, этотъ поступокъ, внутренній чувствомъ долга и состраданія былъ невыразимо горекъ для него въ эту минуту. Онъ какъ будто-бы служилъ знакомъ тѣсной связи съ Бальстрэдомъ, значеніе которой онъ понималъ теперь вполне и зналъ какъ она объясняется другими. Онъ убѣдился теперь, что человѣкъ, опиравшійся на его руку, далъ

ему тысячу фунтовъ, какъ взятку, и что леченіе Раффльса было такъ или иначе измѣнено съ дурной цѣлью. Вывести дальнѣйшее заключеніе было нетрудно: весь городъ зналъ о займѣ, считалъ его взяткой и вѣрилъ, что онъ взялъ взятку.

Бѣдный Лейдгэтъ, умъ котораго изнемогалъ подъ бременемъ этого открытія, былъ тѣмъ не менѣе нравственно обязанъ довести мистера Бѣльстрѣда до банка, послать за его экипажемъ и, дождавшись послѣдняго, проводить его домой.

Тѣмъ временемъ вопросъ, по поводу котораго былъ созванъ митингъ, былъ разрѣшенъ и общество, разбившееся на группы, завязало живой разговоръ о дѣлѣ Бѣльстрѣда... и Лейдгэта.

Мистеръ Брукъ, который до сихъ поръ слышалъ лишь неясныя намеки и чувствовалъ себя неловко, вслѣдствіе того, что «сзашелъ слишкомъ далеко», поддерживая Бѣльстрѣда, съ добродушной горестью заговорилъ съ мистеромъ Фербротеромъ о томъ невыгодномъ свѣтѣ, который бросало все это дѣло на Лейдгэта. Мистеръ Фербротеръ возвращался въ Лоуикъ.

— Садитесь въ мой экипажъ, сказалъ мистеръ Брукъ.—Я ѣду къ миссисъ Кэзобонъ. Она вернулась изъ Йоркшира прошлой ночью. Ей будетъ приятно, знаете, увидѣться со мной.

Такимъ образомъ они отправились вмѣстѣ, и мистеръ Брукъ добродушно высказалъ надежду, что въ поведеніи Лейдгэта не было въ сущности ничего дурнаго.... Онъ нашелъ этого молодого человѣка гораздо выше общаго уровня, когда тотъ привезъ ему письмо отъ своего дяди, сэра Годвина. Мистеръ Фербротеръ говорилъ мало; онъ былъ очень мраченъ: хорошо зная людскую слабость, онъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что Лейдгэтъ, подъ давленіемъ унижительной нужды, не поступилъ недостойно самого себя.

Когда карета подъѣхала къ замку, Доротея гуляла по аллеѣ, усыпанной пескомъ и пошла имъ на встрѣчу.

— Ну, душа моя, проговорилъ мистеръ Брукъ, мы только что были на митингѣ... санитарномъ, знаешь, митингѣ.

— Былъ ли на немъ мистеръ Лейдгэтъ? спросила Доротея, цвѣтушая здоровьемъ и оживленная, стоя съ открытой головой подъ яркими лучами апрѣльскаго солнца.—Мнѣ нужно его видѣть и посоветываться съ нимъ на счетъ больницы. Я общалась это мистеру Бѣльстрѣду.

— О, душа моя, отвѣчалъ мистеръ Брукъ, мы слышали худныя новости, худныя, знаешь, новости.

Они прошли черезъ садъ къ калиткѣ, ведущей на кладбище, такъ какъ мистеръ Фербротеръ располагалъ пройти въ приходскій домъ, и Доротея услышала всю грустную исторію.

Она слушала съ величайшимъ интересомъ и попросила повторить всѣ факты и заключенія, касавшіяся Лейдгэта. Послѣ краткаго молчанія, остановившись у кладбищенской калитки и обращаясь къ мистеру Фербротеру, она энергически проговорила:

— Неужели вы вѣрите, что мистеръ Лейдгэтъ сдѣлалъ что-нибудь низкое? Я этому не вѣрю. Намъ необходимо распутать истину и оправдать его!

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Закатъ и восходъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРАЯ.

Full souls are double mirrors, making still
An endless vista of fair things before
Repeating thing behind.

Порывистое великодушіе Доротей, которая готова была немедленно хлопотать о томъ, чтобы очистить Лейдгэта отъ подозрѣнія въ томъ, что онъ взялъ взятку, было облито холодной водой, когда ей пришлось взглянуть на обстоятельства дѣла съ точки зрѣнія опытнаго мистера Фербротера.

— Это щекотливый вопросъ, говорилъ онъ. — Какъ можемъ мы въ него путаться? Его можно разрѣшить двумя путями: или гласнымъ вмѣшательствомъ судьи и коронера, или негласнымъ разговоромъ съ Лейдгэтомъ. Что касается перваго пути, то для него нѣтъ основательнаго предлога, иначе Гаули обратился бы къ нему; что же касается того, чтобы переговорить съ Лейдгэтомъ... сознаюсь, я не рѣшился бы на это. Онъ, вѣроятно, счелъ бы это за смертельное оскорбленіе. Я уже неоднократно испыталъ, какъ трудно говорить съ нимъ о его личныхъ дѣлахъ. И, наконецъ... надо заранѣе быть увѣреннымъ въ его невинности, чтобы рассчитывать на хорошій исходъ такой бесѣды.

— Я убѣждена, что поведеніе его безуворизненно: я вѣрю въ то, что люди почти всегда лучше того, чѣмъ о нихъ думаютъ ихъ сосѣди, возражала Доротей.

Личный опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, приучилъ ее не довѣрять плохому мнѣнію другихъ людей о своихъ ближнихъ; и впервые она осталась недовольна мистеромъ Фербротеромъ. Ей было непріятно, что онъ осторожно взвѣшиваетъ всѣ послѣдствія, вмѣсто того, чтобы отнестись къ дѣлу съ горячей вѣрой въ торжество справедливости и милосердія, которыя побѣдоносны своей живучей силой. Два дня спустя, онъ обѣдалъ въ

Манорѣ, вмѣстѣ съ ея дядей и Четтэмами и когда десертъ былъ поданъ, а слуги удалились изъ комнаты, мистеръ же Брукъ влевая носомъ, послѣ сытнаго обѣда, — она вернулась къ этому предмету съ удвоенной живостью.

— Мистеръ Лейдгэтъ пойметъ, что первымъ желаніемъ его друзей, когда они услышали клевету, распускаемую про него, было оправдать его. Зачѣмъ-же мы и живемъ на свѣтѣ, какъ не за тѣмъ, чтобы по возможности облегчить жизнь нашимъ ближнимъ? Я не могу равнодушно относиться къ огорченіямъ человѣка, который помогалъ мнѣ въ *моихъ* горестяхъ и ухаживалъ за мной во время моей болѣзни.

Тонъ и манеры Доротей были не менѣе энергичны, чѣмъ и три года тому назадъ, когда она предсѣдательствовала за столомъ своего дяди, а опытъ давалъ ей въ настоящее время новое право высказывать рѣшительное мнѣніе. Но сэръ Джемсъ Четтэмъ не былъ болѣе скромнымъ и податливымъ поклонникомъ; онъ былъ заботливымъ вятемъ, преданнымъ и уважающимъ свою невѣстку, но постоянно опасавшимся, какъ-бы она не увлеклась какой-нибудь новой иллюзіей, ни чѣмъ не лучше той, которая заставила ее выдти замужъ за Кэзобона. Онъ меньше улыбался; и когда произносилъ «именно такъ», то эти слова служили предисловіемъ къ заявленію его несогласія, гораздо чаще, чѣмъ это бывало во время оно, когда онъ былъ скромнымъ холостякомъ. Доротей-же, къ своему изумленію, находила, что ей приходится дѣлать усилія, чтобы не бояться его... тѣмъ болѣе, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ ея лучшимъ другомъ.

Въ настоящемъ случаѣ онъ расходился съ ней въ мнѣніи:

— Однако, Доротей, провинись онъ съ укоризной: — вы не можете же взять на себя трудъ руководить жизнью другого человѣка. Лейдгэту должно уже быть извѣстно... во всякомъ случаѣ онъ вскорѣ узнаетъ, какъ на него смотреть въ обществѣ. Если онъ можетъ оправдаться, онъ это сдѣлаетъ. Надо предоставить ему полную свободу дѣйствія.

— Я думаю, что его друзьямъ слѣдуетъ подождать какого-нибудь удобнаго случая, присовокупилъ мистеръ Фербротеръ.— Весьма возможно... мнѣ приходилось самого себя часто уличать въ слабости, а поэтому я могу представить себѣ, что даже такой честный человѣкъ, какимъ я всегда считалъ Лейдгэта, могъ подпасть соблаву и принять деньги, которыя предлагались ему, болѣе или менѣе косвенно, въ видѣ взятокъ, чтобы заставить его молчать о скандальныхъ, но давно уже прошедшихъ событіяхъ. Я говорю, что могу представить себѣ это,

еслибъ этотъ человѣкъ находился въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Лейдгэтъ. Я не повѣрю чему нибудь худшему на его счетъ, если только мнѣ не представлять неопровержимыхъ доказательствъ. Но существуетъ страшная Немезида, которая преслѣдуетъ заблужденія и всегда даетъ возможность перетолковать ихъ въ худшую сторону тѣмъ людямъ, которые этого желаютъ: только самъ человѣкъ можетъ знать и заявлять о своей виновности.

— О, какъ это жестоко! произнесла Доротея, всплеснувъ руками. — А развѣ вы бы не пожелали быть единственнымъ лицомъ, который вѣритъ въ невинность человѣка, хотя бы весь остальной міръ въ нея не вѣрилъ. Кромѣ того, за человѣка говорить его прошлое и его характеръ.

— Но, дорогая миссисъ Кэзобонъ, замѣтилъ мистеръ Фербротеръ, ласково улыбаясь ея пылкости:— характеръ вѣдь не вырѣзывается изъ мрамора, — это не есть что-нибудь прочное и неизмѣнное. Это вѣчто живое и переменчивое, что подвержено смерти, какъ и наше тѣло.

— Когда такъ, то его можно лечить и исцѣлять, возразила Доротея. — Я не побоюсь спросить у мистера Лейдгэта въ чемъ тутъ правда, чтобы мнѣ знать, какъ помочь ему. Чего мнѣ бояться? Теперь, когда я раздумала покупать землю, Джемсъ, я могу принять предложеніе мистера Бѣльстреда и занять его мѣсто по управленію больницей и мнѣ нужно посоветоваться съ мистеромъ Лейдгэтомъ, чтобы узнать подробно, въ чемъ заключается польза теперешнихъ порядковъ. Вотъ самый отличный случай въ мірѣ распросить его обо всей исторіи: онъ навѣрное сообщитъ мнѣ такія вещи, которыя могутъ разъяснить все дѣло. Тогда мы поддержимъ его и выведемъ изъ затруднительнаго положенія. Люди носятъ со всякаго рода храбростью, за исключеніемъ той, какую имъ слѣдовало бы выказывать по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ.

Глаза Доротеи засверкали, и взволнованный тонъ ея голоса вывелъ изъ дремоты ея дядю, который сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ сомнѣнія, что женщина можетъ сдѣлать многое, къ чему намъ, мужчинамъ, невозможно и приступить, отвѣчалъ мистеръ Фербротеръ, которому сообщила жаркая вѣра Доротеи.

— Нѣтъ сомнѣнія также, что женщина обязана быть осторожной и слушаться тѣхъ, кто опытнѣе ее, произнесъ сэръ Джемсъ, слегка хмура брови. — Какъ бы вы впоследствии не поступили, Доротея, но въ настоящую минуту вамъ, право, слѣдуетъ держаться всторонѣ и не вмѣшиваться въ дѣло Бѣльстреда. Мы еще не знаемъ, какой оборотъ оно можетъ принять.

Вы, конечно, согласны со мной? окончилъ онъ, обращаясь къ мистеру Фербротеру.

— Я полагаю, лучше обождать, отвѣчалъ послѣдній.

— Да, да, моя душа, виѣшался мистеръ Брукъ, хорошенько даже не зная о чемъ идетъ рѣчь, но внося въ нее свою крупицу разума, въ общихъ выраженіяхъ, которыя ни къ чему въ частности не относились. — Нѣтъ ничего легче, знаешь, какъ зайти слишкомъ далеко. Ты не должна позволять своимъ идеямъ вскружить тебѣ голову. Что касается поспѣшнаго приведенія въ исполненіе такихъ плановъ, которые стоятъ денегъ— то это, знаешь, совсѣмъ не годится. Гартъ совсѣмъ разорилъ меня поправками, дренажемъ и всѣми этими вещами: я совсѣмъ осталась безъ денегъ. Я долженъ положить конецъ этимъ издержкамъ. Что касается васъ, Четтэмъ, то вы истратите цѣлое состояніе на дубовыя изгороди, которыя вы строите вокругъ своего помѣстья.

Доротея неохотно покорилась этой неудачѣ и ушла съ Силіей въ бібліотеку, которая служила ей обыкновенно салономъ.

— Знаешь, Додо, послушайся того, что говоритъ Джемсъ, начала Силія:— иначе ты попадешь въ просакъ. Это всегда съ тобой случалось и будетъ случаться, если ты станешь поступать, какъ тебѣ вздумается. Я думаю, что для тебя все-таки большое счастье, что Джемсъ заботится о тебѣ. Онъ предоставляетъ тебѣ полную свободу строить свои планы, и только не даетъ въ нихъ запутаться. Вотъ выгода имѣть брата, а не мужа. Мужъ никогда не далъ бы тебѣ свободно заниматься своими планами.

— Точно мнѣ нуженъ мужъ! замѣтила Доротея.— Мнѣ нужно только, чтобы мои чувства не оскорблялись при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Миссисъ Кэзобонъ все еще была такъ мало вышколена, что залилась гнѣвными слезами.

— Послушай, однако, Додо, произнесла Силія, болѣе горбатымъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно.— Ты, право, сама не знаешь, чего хочешь: сегодня одно, а завтра другое. Ты имѣла привычку постыдно слушаться мистера Кэзобона: я думаю, что ты готова была бы раззнакомиться со мной, еслибы онъ этого потребовалъ.

— Разумѣется, я повиновалась ему, потому что въ этомъ заключался мой долгъ, отвѣчала Доротея, взглядывая на Силію, севозь слезы.

— Почему же ты не считаешь своимъ долгомъ слушаться порою Джемса? возразила Силія, сознавая логичность своей

*

аргументаціи.—Вѣдь онъ желаетъ тебѣ добра. И, ужъ конечно, мужчины гораздо лучше понимаютъ все, кромѣ того, конечно, что женщины понимаютъ гораздо лучше ихъ.

Доротей расхохоталась и забыла про свои слезы.

— Ну да, я говорю про обращеніе съ дѣтьми и этого рода вещи, пояснила Силія.—Я бы не уступила Джемсу, если-бы считала, что онъ неправъ, не такъ какъ ты дѣлала относительно миссера Кэзобона.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Pity the laden one; this wandering woe
May visit you and me.

Лейдгэтъ,—успокоивъ тревогу миссисъ Бѣльстрэдъ и обяснивъ ей, что съ ея мужемъ сдѣлался внезапный обморокъ на митингѣ, но что онъ надѣется, что послѣдній скоро поправится, а онъ снова побываетъ у нихъ на другой день, если только она не пришлетъ за нимъ раньше, проѣхалъ прямо домой, осѣдлалъ свою лошадь и уѣхалъ за три мили отъ города, затѣмъ только, чтобы ему никто не попался на глаза.

Онъ чувствовалъ, что свирѣпѣеть и теряетъ рассудокъ: онъ готовъ былъ проклинать тотъ день, когда онъ пріѣхалъ въ Миддльмарчъ. Съ тѣхъ поръ всѣ обстоятельства сложились для него такъ, какъ будто бы заранѣе накликали на него то ненавистное и роковое подожженіе, въ какое онъ теперь былъ поставленъ и которое, разразившись подобно удару молніи надо его честолюбивыми, но честными замыслами, должно было заставить даже людей самаго вульгарнаго образа мыслей считать его репутацію безвозвратно погибшей. Въ такія минуты человѣку трудно не быть сердитымъ. Лейдгэтъ думалъ о самомъ себѣ, какъ о страдальцѣ, а о другихъ, какъ о факторахъ, обуславливавшихъ его горькую участь. Онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ иное, но посторонніе люди вторглись въ его жизнь и разрушили всѣ его планы. Женитьба на Розамондѣ оказывалась непоправимымъ бѣдствіемъ и онъ боялся встрѣтиться съ Розамондой, прежде чѣмъ, развѣтъ свою ярость, опасаясь, что одинъ видъ ея выведетъ его изъ себя и заставитъ забыть всякія приличія. Онъ чувствовалъ себя крайне несчастнымъ. Только тѣ, кому не чужды наслажденія интеллектуальной жизни—жизни, исполненной благородныхъ чувствъ и стремленій—могутъ понять горестъ человѣка, котораго отвлекаетъ отъ высшей

дѣятельности унизительная и убивающая душу борьба съ житейскими невзгодами.

Какъ ему жить среди людей, подозрѣвающихъ его въ низости, не оправдавшись въ ихъ глазахъ? Съ другой стороны могъ ли онъ ухъзять молча изъ Миддльмарча, словно спасаясь отъ справедливаго осужденія? А между тѣмъ какимъ образомъ могъ онъ оправдаться?

Сцена, которой онъ только что былъ свидѣтелемъ на митингѣ, хотя и не открыла ему никакихъ подробностей, однако дала ясно понять свое собственное положеніе. Бѣльстрэдъ опасался скандальныхъ обличеній со стороны Раффльса. Лейдгэту легко было теперь возстановить всѣ обстоятельства дѣла.

— Онъ боялся, какъ бы я не услышалъ чего-либо невыгоднаго на его счетъ и хотѣлъ привязать къ себѣ крупнымъ одолженіемъ: вотъ причина его внезапнаго перехода отъ жесткости къ великодушію. И чего добраго, онъ плохо смотрѣлъ за больнымъ... чего добраго онъ нарушилъ мои приказанія. Я сильно опасаюсь, что онъ ихъ нарушилъ. Но такъ или иначе, а весь свѣтъ думаетъ теперь, что онъ отравилъ какимъ-нибудь способомъ этого человѣка, а я посмотрѣлъ сквозь пальцы на это преступленіе, если только не помогалъ его совершить. И совсѣмъ тѣмъ... совсѣмъ тѣмъ онъ можетъ быть не виноватъ въ этомъ послѣднемъ преступленіи; совершенно возможно также, что перемѣна его относительно меня объясняется искреннимъ, сердечнымъ порывомъ съ его стороны, вызваннымъ тѣми самыми мотивами, на которые онъ указывалъ. То, о чемъ мы говоримъ *«это возможно, пожалуй»* порою бываетъ истиной, а та вещь, въ которую мы особенно вѣримъ, оказывается прямой ложью. Въ послѣднихъ своихъ дѣйствіяхъ относительно этого человѣка, Бѣльстрэдъ могъ остаться чистымъ, хотя я и подозреваю его въ противномъ.

Положеніе Лейдгэта было рѣшительно жестокимъ. Даже если онъ рѣшится презрѣть всѣми соображеніями и заняться только личнымъ оправданіемъ... если онъ приметъ холодные взгляды, двусмысленныя улыбки и нежеленіе раскланиваться съ нимъ, за обвиненіе, и публично заявить о тѣхъ фактахъ, которые ему извѣстны, то кого онъ этимъ убѣдитъ? Было-бы совсѣмъ глупо свидѣтельствовать въ свою собственную пользу и говорить:—я не бралъ этихъ денегъ, какъ взятку. Обстоятельствамъ всегда скорѣе повѣрятъ, чѣмъ его словамъ. Кромѣ того, такое объясненіе своего личнаго участія въ дѣлѣ было бы равнозначаще заявленію о томъ, что онъ подозреваетъ Бѣльстрэда и это

только усилило бы подозрѣнія остальныхъ людей противъ Бѣльстрѣда.

Ему приходилось бы объяснять, что онъ зналъ о существованіи Раффльса, когда впервые упомянулъ Бѣльстрѣду о своей крайней нуждѣ въ деньгахъ и что онъ совсѣмъ невинно принялъ отъ него эти деньги, полагая, что онъ даетъ ихъ ему взаимы изъ участія къ его положенію, и не подозрѣвая о томъ, что, призвавъ его лечить этого человѣка, Бѣльстрѣдъ усмотрѣлъ въ этомъ обстоятельстве лишній мотивъ дать ему денегъ взаимы. И, наконецъ, подозрѣнія, тяготѣвшія надъ мотивами Бѣльстрѣда, могли быть несправедливы.

Но затѣмъ являлся вопросъ: такъ ли бы онъ дѣйствовалъ, если бы не бралъ денегъ? Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Раффльсъ былъ живъ, когда онъ пріѣхалъ въ послѣдній разъ и онъ могъ бы подозрѣвать, что Бѣльстрѣдъ не выполнилъ его предписаній, то онъ произвелъ бы строжайшее слѣдствіе и еслибы его предположенія оправдались, то онъ отказался бы отъ дальнѣйшихъ визитовъ, не взирая даже на только что оказанное ему крупное одолженіе. Но еслибы онъ не получалъ денегъ, еслибы Бѣльстрѣдъ не бралъ назадъ холоднаго совѣта объявить себя банкротомъ... то воздержался ли бы онъ, Лейдгэтъ, отъ всякихъ разспросовъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы нашелъ этого человѣка умершимъ? имѣла ли бы въ его глазахъ боязнь оскорбить Бѣльстрѣда такое-же важное значеніе? имѣло ли бы такую силу сомнѣніе въ собственной методѣ леченія, и тотъ аргументъ, что большинство его собратьевъ по профессіи нашло бы эту методу ошибочной?

Эти соображенія ложились пятномъ на совѣсти Лейдгэта въ то время, какъ онъ перебиралъ въ умѣ всѣ факты и протестовалъ противъ всѣхъ упрековъ. Будь онъ независимъ, то вопросъ о томъ, какъ лечить больного и какъ наблюдать за тѣмъ, чтобы предписанія, которыми онъ надѣялся спасти порученную ему жизнь, были выполнены въ точности — игралъ бы первенствующую роль въ его поступкахъ. Теперь же онъ успокоился на той мысли, что нарушеніе его приказаній, если даже оно и имѣло мѣсто, не могло счестся за преступленіе, что во мнѣніи большинства людей исполненіе его предписаній привело бы къ такому же роковому результату и что, слѣдовательно, все дѣло сводится на одну формальность.

— Есть-ли другой медикъ въ цѣломъ Миддльмарчѣ, который бы такъ строго анализировалъ самого себя, какъ я? спросилъ наконецъ бѣдный Лейдгэтъ, бунтуясь противъ своей горькой участи.—А между тѣмъ всѣ они сочтутъ себя вправѣ об-

ходить меня, словно какую-нибудь заразу! Моя практика и моя репутация убиты—это ясно. Даже если-бы я могъ выставить какія-нибудь вѣсныя доказательства своей невинности, то это нисколько не измѣнило бы мнѣнія здѣшняго люда. Они все равно считали бы меня обезчещеннымъ и относились-бы ко мнѣ свысока.

Онъ уже имѣлъ случай неоднократно убѣдиться, къ своему величайшему удивленію, что именно теперь, когда онъ уплатилъ свои долги и вышелъ изъ затруднительнаго положенія,—городскіе жители избѣгали его и какъ-то странно поглядывали на него. Ему случилось даже раза два узнать, что его бывшіе паціенты обращались къ другому врачу. Причины этого были теперь вполне ясны. Общество начинало смотрѣть на него, какъ на отверженнаго.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что сознаніе о непобѣдимости того недовѣрія, какое онъ внушалъ обывателямъ Миддльмарча, заставило энергическую натуру Лейдгэта заключиться въ угрюмое молчаніе. Морщина, появлявшаяся по временамъ на его широкомъ лбѣ, прорѣзалась не даромъ. Вернувшись въ городъ съ той прогулки, которую онъ предпринялъ въ первые часы душевной пытки, испытанной имъ, онъ порѣшилъ, что останется въ Миддльмарчѣ, не взирая ни на какія послѣдствія.

Онъ не отступить покорно передъ клеветой. Онъ выдержитъ самыя тяжкія испытанія и ни единымъ поступкомъ не выкажетъ, что его запугали. Его великодушная и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямая натура побуждала его не скрывать, что онъ признаетъ себя обязаннымъ Бѣльстраду. Справедливо, что знакомство съ этимъ человѣкомъ оказалось пагубно для него... справедливо, что еслибы онъ не истратилъ тысячи фунтовъ на уплату своихъ долговъ, то возвратилъ бы эти деньги Бѣльстраду и скорѣе согласился бы нищенствовать, чѣмъ принять такую помощь, которая навлекла на него подозрѣніе въ подкупности (не надо забывать, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ гордыхъ людей въ мірѣ)... тѣмъ не менѣе, онъ не отвернется отъ этого жалкаго человѣка, который помогъ ему, и не станетъ, въ видахъ оправданія самого себя, сваливать всю вину на другаго.

— Я буду дѣйствовать такъ, какъ сочту правильнымъ и не стану ни съ кѣмъ объясняться. Они будутъ пытаться выжить меня отсюда, но...

Въ душѣ его созрѣла твердая рѣшимость, но когда онъ подъѣзжалъ къ дому, то мысль о Розамондѣ, отгѣсненная-было на задній планъ мучительной борьбой оскорбленной чести и гордости, нахлынула съ прежней силой.

Какъ приметъ все это Розамонда? То была новая цѣнь, которую ему приходилось влечь, но бѣдный Лейдгэтъ не очень-то былъ расположенъ переносить ея молчаливое тиранство. Онъ не чувствовалъ стремленія раздѣлить съ ней горе, которое ждало ихъ обоихъ. Онъ предпочиталъ дожидаться, чтобы случай извѣстилъ ее о случившемся.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

„Mercifully grant that we may grow aged together“.
Book of Tobit: Marriage Prayer.

Въ Миддльмарчѣ жена не могла долго оставаться въ невѣденіи на счетъ того, что городскіе обыватели плохаго мнѣнія объ ея мужѣ. Ни одна женщина не простирала свою дружбу на столько, чтобы откровенно пересказать женѣ неприятыя слухи, которые носились про ея мужа; но когда женщина, голова которой ничѣмъ не была занята, узнавала что-нибудь невыгодное про своихъ сосѣдей, то различныя нравственныя побужденія призывались на помощь, и развязывали язычокъ. Однимъ изъ такихъ побужденій была откровенность. Быть откровеннымъ—на языкѣ миддльмарчскихъ обывателей—значило пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы заявлять своимъ друзьямъ, что вы не очень-то высокаго мнѣнія объ ихъ способностяхъ, ихъ поведеніи или ихъ положеніи. Очень откровенные люди никогда не дожидались, чтобы спросили ихъ мнѣнія. Затѣмъ шла любовь къ истинѣ—широкая фраза, но обозначающая въ тѣсномъ смыслѣ крайнее неодобреніе того, чтобы какая-нибудь жена чувствовала себя счастливѣе, чѣмъ это позволялъ характеръ ея мужа или выражала слишкомъ большое довольство своей участью: бѣдному созданію немедленно приходилось выслушивать намеки, напирившіе на то, что еслибы-де она знала всю истину, то не была-бы такъ довольна. Пуще-же всего разыгрывались при этомъ желаніе нравственно исправить своего друга, забота объ его душѣ, выражавшаяся мрачными взглядами, которыми обводилась вся комната и давалось понять, что у милой собесѣдницы есть что-то на душѣ, чего она не высказываетъ, изъ опасенія огорчить свою слушательницу. Словомъ можно сказать, что страстное милосердіе не давало покоя добродѣтельнымъ душамъ и внушало имъ желаніе сдѣлать своего сосѣда несчастнымъ, для его же пользы.

Врядъ-ли бы нашлись въ Миддльмарчѣ другія жены, супружескія неудачи которыхъ способны были вызвать такую ожив-

ленную умственную дѣятельность, какъ Розамонда и ея тетушка Бѣльстрэдъ. Миссисъ Бѣльстрэдъ никому не внушала антипатіи и никогда сознательно никого не оскорбила. Мужчины всегда считали ее красивой, милой женщиной и въ числѣ доказательствъ лицемерія Бѣльстрэда приводили то обстоятельство, что онъ выбралъ себѣ въ жены краснощекую Винси, вмѣсто того, чтобы подыскать тощую и скучную подругу, хотя послѣднее болѣе согласовалось бы съ его презрѣніемъ къ земнымъ радостямъ. Когда скандалъ съ ея мужемъ сталъ извѣстенъ, они говорили про нее:—Ахъ, бѣдная женщина! Она такъ честна, какъ новорожденный младенецъ... она никогда и не подозревала его въ чемъ-нибудь худомъ, будьте увѣрены! Женщины, которыя были дружны съ ней, много толковали между собой о «бѣдной Гарріэтъ», гадали о томъ, каково-то ей будетъ узнать обо всемъ и догадывается-ли она о чемъ-нибудь. Къ ней никто не питалъ зависти; напротивъ того, всѣ ощущали добродушную тревогу на ея счетъ и ломали голову о томъ, какъ ей слѣдуетъ поступить при существующихъ обстоятельствахъ и, разумѣется, благодаря этой тревогѣ, ея характеръ и исторія не сходили съ языка обывателей. Толкуя о миссисъ Бѣльстрэдъ и ея положеніи неизбѣжно приходилось коснуться также и Розамонды, надъ жизнью которой разразился такой-же ударъ, какъ и надъ существованіемъ ея тетки. Розамонду строже осуждали и меньше жалѣли, хотя и она тоже, какъ членъ хорошей, старинной фамиліи Винси, съ незапамятныхъ временъ извѣстной въ Миддльмарчѣ, считалась жертвой брака съ проходивцемъ. У семейства Винси были свои слабости, но онѣ были чисто поверхностныя: ничего дѣйствительно дурнаго нельзя было про него сказать. Съ миссисъ Бѣльстрэдъ снимали всякую отвѣтственность въ порочности ея мужа: Гарріэтъ имѣла свои недостатки, но на мужа нисколько не походила.

— Она всегда была тщеславна, говорила миссисъ Гакбуть, угощая чаемъ небольшое общество:—хотя и щеголяла религіозностью, чтобы угодить своему мужу; она старалась задираность передъ Миддльмарчемъ, и изъ хвастовства приглашала къ себѣ духовныхъ особъ и Богъ знаетъ еще кого изъ Риверсто-на и другихъ мѣстъ.

— Мы едва-ли можемъ порицать ее за это, замѣтила миссисъ Спрэгъ:—мало вѣдь кто изъ порядочныхъ людей въ городѣ ждалъ водиться съ Бѣльстрэдомъ, а вѣдь ей надобно же было, чтобы кто-нибудь бывалъ у ней въ гостяхъ.

— М-ръ Тисейджеръ всегда поддерживалъ [его, произнесла

миссисъ Гакбуть. — Я думаю, что онъ жалѣетъ теперь объ этомъ.

— Но онъ въ душѣ никогда не любилъ его — это всякому извѣстно, сказала миссисъ Томъ Толлеръ. — М-ръ Тисейджеръ никогда не ударяется въ крайности. Онъ держится евангельской истины. Только такіе священники, какъ м-ръ Тейкъ, которымъ охота употреблять диссентерскіе молитвенники и проповѣдывать религію низшаго сорта, могли имъ восхищаться.

— Я слышала, что м-ръ Тейкъ очень огорченъ всѣмъ случившемся, проговорила миссисъ Гакбуть. — Да и немудрено: говорить, что Бѣльстрэды содержали на свой счетъ всю семью Тейка.

— И разумѣется, это не дѣлаетъ чести его правиламъ, замѣтила миссисъ Спрэгъ, которая была уже не молода и держалась старинныхъ понятій. — Не скоро еще настанетъ то время, когда обыватели Миддльмарча захотятъ стать методистами.

— Мнѣ кажется, что мы не должны сваливать дурные поступки людей на ихъ религію, произнесла миссисъ Плеймдэль, которая до сихъ поръ слушала молча.

— О, душа моя, у насъ совсѣмъ изъ головы вылетѣло, возразила миссисъ Спрэгъ, что намъ не слѣдовало бы говорить объ этомъ при васъ.

— Я увѣрена, что у меня нѣтъ причинъ быть пристрастной, сказала миссисъ Плеймдэль, покраснѣвъ. — Справедливо, что м-ръ Плеймдэль былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ м-ромъ Бѣльстрэдомъ, а Гарриэтъ Винси была моимъ другомъ гораздо раньше того, чѣмъ вышла замужъ. Но я никогда не поступала своими убѣжденіями и всегда откровенно высказывала ей, когда она, бѣдняжка, была не права. Но все-же, разъ мы заговорили о религіи, я должна сказать, что м-ръ Бѣльстрэдъ могъ сдѣлать все то, что онъ сдѣлалъ и даже еще хуже, и при этомъ не имѣть вовсе никакой религіи. Я не отрицаю, что онъ слишкомъ носился съ своей набожностью... я сама люблю во всемъ умѣренность. Но правда прежде всего. Люди, которые попадаютъ на скамью подсудимыхъ не всѣ страдаютъ, полагаю, излишкомъ набожности.

— Хорошо, отвѣчала миссисъ Гакбуть:— все, что я могу сказать, — это, что ей слѣдуетъ развестись съ нимъ.

— Я не скажу этого, замѣтила миссисъ Спрэгъ. — Она вѣдь, помните, выходила за него, чтобы дѣлать радости и горе.

— Но слово не можетъ означать, что въ одно прекрасное утро вы откроете, что вашего мужа стоитъ посадить въ Нью-гетскую тюрьму, возразила миссисъ Гакбуть. — Вообразите толь-

ко, каково жить съ такимъ человѣкомъ! Я бы все боялась, что онъ меня отравить.

— Да, я сама думаю, что это значитъ поощрять преступленіе, если подобныхъ людей стануть лелѣять и беречь добрыя жены, вмѣшалась миссисъ Томъ Толлеръ.

— А бѣдная Гарриэтъ была доброй женой, проговорила миссисъ Плеймдэль.—Она считаетъ своего мужа лучшимъ изъ людей. Правда, что онъ никогда и ни въ чемъ ей не отказывалъ.

— Хорошо, мы увидимъ теперь, что она станеть дѣлать, сказала миссисъ Гакбуть.

— Я полагаю, что до сихъ поръ бѣдняжка ни о чемъ не подозрѣваетъ. Я надѣюсь и рассчитываю, что не увижусь съ нею, потому что до смерти боюсь преговориться объ ея мужѣ. Какъ вы думаете, дошли-ли до нея какіе-нибудь слухи?

— Врядъ-ли, произнесла миссисъ Томъ Толлеръ.—Мы слышали, что онъ боленъ и ни разу не выходилъ изъ дому съ того самаго митинга; но вчера она была въ церкви съ своими дочерьми и на нихъ были новыя соломенные шляпки. Ея шляпка была даже съ перомъ. Я никогда не замѣчала, чтобы ея набожность отражалась на ея туалетѣ.

— Она всегда носитъ приличные фасоны, возразила миссисъ Плеймдэль, слегка уколотая.—А это перо, я знаю, она велѣла выкрасить въ блѣдно-желтый цвѣтъ, чтобы быть послѣдовательной. Я не могу не замѣтить, что Гарриэтъ всегда стремилась поступать, какъ слѣдуетъ.

— Что касается того, чтобы ей узнать о случившемся, то это не заставитъ себя ждать, проговорила миссисъ Гакбуть. Винси знаютъ объ этомъ, потому что м-ръ Винси присутствовалъ на митингѣ. Это большой ударъ для него. Вѣдь вромѣ сестры, тутъ еще замѣшана и его дочь.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, замѣтила миссисъ Спрэгъ.—Никто не думаетъ, чтобы м-ръ Лейдгэтъ могъ сохранить свое положеніе въ Миддлмарчѣ, послѣ того какъ возникли такія страшныя подозрѣнія на его счетъ, благодаря тысячѣ фунтовъ, которые онъ занялъ какъ разъ передъ самой смертью этого человѣка. Право даже страшно становится.

— Высокомѣріе всегда наказывается, произнесла миссисъ Гакбуть.

— Мнѣ далеко не такъ жаль Розамонду Винси, какъ ея тетку, сказала миссисъ Плеймдэль.—Ее не мѣшало проучить.

— Я полагаю, что Бѣльстрэды уѣдутъ и поселятся гдѣ-нибудь за границей, замѣтила миссисъ Спрэгъ.—Такъ всегда поступаютъ тѣ, у кого въ домѣ не совсѣмъ ладно.

— Это будетъ смертельнымъ ударомъ для Гарриэтъ, сказала миссисъ Плеймдэль.—Врядъ-ли есть другая женщина, болѣе несчастная, чѣмъ она. Мнѣ ее жаль отъ всего сердца. Со всѣми ея недостатками, немногія женщины добрѣе ея. Съ самаго дѣвничества она вела себя безукоризненно и всегда была добра и откровенна, какъ день. Вы во всякій часъ можете заглянуть въ ея душу... она всегда одинакова. И такими же она воспитала Кэтъ и Эдленъ. Можете представить себѣ, какъ ей трудно будетъ уѣхать и жить между иностранцами.

— Докторъ говоритъ, что онъ совѣтывалъ бы сдѣлать тоже самое и Лейдгѣтамъ, вступилась миссисъ Спрэгъ.—Онъ говоритъ, что Лейдгѣту слѣдовало бы жить съ французами.

— Это будетъ, полагаю, ей по вкусу, замѣтила миссисъ Плеймдэль:—въ ней есть какое-то легкомисліе. Но она заимствовала его отъ своей матери, а не отъ тетки Бѣльстрэдъ, которая всегда давала ей лишь добрые совѣты и, сколько мнѣ извѣстно, желала бы, чтобы она вышла замужъ за кого-нибудь другого.

Миссисъ Плеймдэль находилась въ очень щекотливомъ положеніи. Съ одной стороны она желала, чтобы поведение м-ра Бѣльстрэда по возможности нашло себѣ оправданіе, потому что не только была дружна съ миссисъ Бѣльстрэдъ, но и потому, что богатый красивый, торговый домъ Плеймдэля велъ весьма выгодныя дѣла съ Бѣльстрэдомъ; но съ другой стороны эти самыя обстоятельства заставляли ее опасаться, какъ бы люди не подумали, что она желаетъ покрыть его вину. Кроме того, она недавно породнилась съ Толлерами и это открыло ей доступъ въ лучшіе дома города, которые не сочувствовали ея симпатіи къ Бѣльстрэдамъ.

Бѣдная миссисъ Бѣльстрэдъ, тѣмъ временемъ, и не подозрѣвала о награвнувшей на нихъ бѣдѣ, которая до сихъ поръ откликнулась лишь въ видѣ смутнаго предчувствія, не покидавшаго ее со времени послѣдняго посѣщенія Раффльса въ «Кустарники». Она повѣрила объясненію, данному ей мужемъ, что больной Раффльсъ потому былъ принятъ въ Стонъ-Кортъ и пользовался заботами и уходомъ со стороны м-ра Бѣльстрэда, что этого послѣдняго связывали съ нимъ узы благодарности за услуги, оказанныя имъ въ прежнее время. Съ тѣхъ поръ мужъ счумѣлъ нѣсколько пріободрить ее, сообщивъ ей, что здоровье его значительно поправляется и онъ чувствуетъ себя способнымъ заниматься дѣлами. Это спокойствіе было нарушено, когда Лейдгѣтъ привезъ его больнымъ съ митинга и, не смотря на всѣ его ободренія и увѣренія, она тайкомъ плакала во всѣ по-

слѣдующіе дни отъ мысли, что мужъ ея страдаетъ не только физически, но и нравственно. Онъ не позволялъ ей читать для него и едва разрѣшалъ сидѣть съ нимъ, ссылаясь на нервное расстройство, которое будто бы не дозволяло ему выносить ни малѣйшаго шелеста и звука. Между тѣмъ она подозрѣвала, что онъ усердно роется въ своихъ бумагахъ. Что-то случилось, она это чувствовала! Быть можетъ большая денежная потеря! а ее держать въ невѣдѣніи! Не осмѣливаясь разспрашивать своего мужа, она сказала Лейдгэту на пятый день, послѣ митинга; въ теченіи этого времени она выходила изъ дому только въ церковь:

— М-ръ Лейдгэтъ, прошу васъ, будьте откровенны со мной: я желаю знать истину. Что случилось съ м-ромъ Бѣльстрэдъ?

— Маленькое нервное потрясеніе, отвѣчалъ Лейдгэтъ, уклончиво.

Онъ чувствовалъ, что не ему слѣдовало дѣлать ей тягостное сообщеніе.

— Но что же вызвало его? спросила миссисъ Бѣльстрэдъ, не спуская съ него своихъ большихъ черныхъ глазъ.

— Въ воздухѣ общественныхъ залъ, полныхъ народомъ, отвѣчалъ Лейдгэтъ, зачастую бываетъ нѣчто ядовитое. Сильные люди переносятъ его какъ ни въ чемъ не бывало, но на людяхъ слабого сложенія это отражается очень тяжело. Часто нельзя даже предвидѣть точнаго момента припадка, или лучше сказать, объяснить почему силы слабѣютъ въ данный моментъ.

Миссисъ Бѣльстрэдъ не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ.

Въ ней осталось подозрѣніе, что съ ея мужемъ случилась какая-то неприятность, которую отъ нее скрывали. Натура ея не мирилась съ такой скрытностью. Она попросила позволенія прислать дочерей ухаживать за отцомъ и отправилась въ городъ съ визитами, соображая, что если дѣла мистера Бѣльстрэда идутъ не ладно, то ей навѣрное удастся узнать это изъ разговоровъ.

Она поѣхала къ миссисъ Тисейджеръ, которой не было дома, а затѣмъ пріѣхала къ миссисъ Габутъ, жившей по ту сторону кладбища. Миссисъ Габутъ увидѣла ее изъ окна, выходившаго на лѣстницу и, припомнивъ о своемъ опасеніи встрѣтиться съ миссисъ Бѣльстрэдъ, почти готова была сказаться не дома. Но этому воспротивилась охота къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя обѣщала этотъ визитъ. Она рѣшилась однако не дѣлать ни малѣйшаго намека о томъ, что занимало ее умъ.

Вслѣдствіе этого миссисъ Бѣльстрэдъ провели въ гостиную и миссисъ Габутъ пошла къ ней на встрѣчу; сжавъ губы и

потирая руки, чего не имѣла обыкновенія дѣлать и что было съ ея стороны предосторожностью противъ лишней болтовни. Она рѣшилась не спрашивать про здоровье мистера Бѣльстрѣда.

— Я цѣлую недѣлю нигдѣ не была, кромѣ церкви, произнесла миссисъ Бѣльстрѣдъ, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ замѣчаній.—Но мистеръ Бѣльстрѣдъ такъ занемогъ на митингѣ въ четвергъ, что мнѣ не хотѣлось оставлять домъ.

Миссисъ Гакбутъ потирала ладонь одной руки, ладонью другой, между тѣмъ какъ глаза ея разсматривали узоры на коврѣ.

— Мистеръ Гакбутъ присутствовалъ на митингѣ? упорствовала миссисъ Бѣльстрѣдъ.

— Да, отвѣчала миссисъ Гакбутъ, не измѣняя позн. — Участокъ земля рѣшили, вѣжется, приобрести по подпискѣ.

— Будемъ надѣяться, что намъ не придется никого хоронить на немъ, замѣтила миссисъ Бѣльстрѣдъ,—холера тяжкое испытаніе. Но я всегда считала Миддльмарчъ очень здоровымъ мѣстомъ. Быть можетъ это потому, что я выросла въ немъ; но я не знаю города, гдѣ-бы мнѣ пріятнѣе было жить и въ особенности доживать свой вѣкъ.

— Я конечно ничего-бы лучше не желала, какъ того, чтобы вы, миссисъ Бѣльстрѣдъ всегда могли жить въ Миддльмарчѣ, произнесла миссисъ Гакбутъ съ легкимъ вздохомъ. Но людямъ приходится волей, неволей подчиняться своей судьбѣ. Хотя я убѣждена, что здѣсь въ городѣ всегда найдутся люди, которые вѣчно останутся къ вамъ расположены.

Миссисъ Гакбутъ очень хотѣлось прибавить:—если вы послушаетесь моего совѣта и разведетесь съ вашимъ мужемъ, но для нея стало ясно, что бѣдная женщина ничего не знаетъ объ ударѣ, готовомъ разразиться надъ ея головой, и, что ей слѣдуетъ лишь приготовить ее слегка къ нему. Миссисъ Бѣльстрѣдъ вдругъ смутилась и затрепетала: въ словахъ миссисъ Гакбутъ очевидно скрывалось нѣчто необыкновенное; но хотя она выѣхала съ твердымъ намѣреніемъ узнать всю истину, однако увидѣла, что не въ состояніи держаться неуклонно своего смѣлаго рѣшенія и, свернувъ разговоръ на юныхъ Гакбутовъ, вскорѣ распрощалась, говоря, что ѣдетъ повидаться съ миссисъ Плеймдэлъ. По дорогѣ туда, она старалась угадать, что именно могло случиться и остановилась на томъ, что вѣроятно на митингѣ мистеръ Бѣльстрѣдъ сильнѣе обыкновеннаго повздорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ постоянныхъ оппонентовъ... быть можетъ мистеръ Гакбутъ былъ однимъ изъ нихъ.

Тогда все дѣло разъяснилось.

Но стоило ей только заговорить съ миссисъ Плеймдэль, и это утѣшительное объясненіе лопнуло, какъ мыльный пузырьъ.

«Селина» приняла ее съ напыщенной ласковостью и выказывала склонность давать чувствительныя отвѣты на самыя обыкновенныя вопросы, а это врядъ-ли объяснялось обыкновенной ссорой, худшія послѣдствія которой выразились-бы разстройствомъ здоровья у мистера Бѣльстрэда. Передъ тѣмъ миссисъ Бѣльстрэдъ думала, что она охотвѣе распросить обо всемъ миссисъ Плеймдэль, чѣмъ всякаго другого, но вскорѣ нашла, къ великому своему изумленію, что старый другъ не всегда бываетъ такимъ лицомъ, съ которымъ особенно легко говорить по душѣ: всѣ другія соображенія поглощались однимъ чувствомъ, неохотой выслушивать соболѣзнованія и объясненія отъ такой особы, которая изстари привыкла признавать надъ собой ея превосходство. Нѣсколько таинственныхъ намековъ миссисъ Плеймдэль о своемъ твердомъ намѣреніи никогда не отворачиваться отъ своихъ друзей, убѣдили миссисъ Бѣльстрэдъ, что ихъ постигло должно быть какое-нибудь крупное несчастіе. Но вмѣсто того, чтобы спросить съ врожденнымъ ей прямодушіемъ:—что вы хотите этимъ сказать?—ей вдругъ захотѣлось уѣхать прежде, чѣмъ она выслушаетъ что-нибудь болѣе опредѣленное. Она начала сознавать, что бѣдствіе, постигшее ихъ, было важнѣе, чѣмъ простая денежная потеря, потому что очень хорошо замѣтила, что Селина, такъ-же, какъ и миссисъ Гакбутъ, избѣгала, какъ огня, произносить имя ея мужа.

Она простилась съ нервной поспѣшностью и велѣла лучеру везти ее въ торговый складъ мистера Винси. Въ этотъ короткій промежутокъ ею успѣлъ овладѣть такой леденачій ужасъ, что когда она вошла въ кабинетъ, гдѣ ея братъ сидѣлъ за конторкой, то колѣни ея дрожали, а цвѣтущее обыкновенно лицо было покрыто мертвенной блѣдностью. Видъ ея произвелъ такое же дѣйствіе и на брата: онъ всталъ съ своего мѣста, чтобы встрѣтить ее, взявъ за руку и сказалъ съ свойственной ему порывистой торопливостью:

— Боже помоги тебѣ, Гарриэтъ! ты все узнала!

Этотъ моментъ былъ быть можетъ тяжелѣе всѣхъ послѣдующихъ. Не будь воспоминанія о Раффльсѣ, то она все бы еще, пожалуй, предполагала, что ихъ постигло простое разореніе, но теперь взоры и слова ея брата заронили въ ея умъ мысль о томъ, что мужъ ея въ чемъ-то провинился..... затѣмъ ужасъ, овладѣвшій ею, нарисовалъ ей картину безчестія мужа..... затѣмъ, послѣ минуты горькаго стыда, когда она думала лишь о томъ, что скажутъ люди,—она вдругъ почувствовала, что останется

вѣрнымъ другомъ своему мужу и станетъ раздѣлять съ нимъ и стыдъ и уединеніе. Все это съ быстротой молніи пронеслось въ ея умѣ, въ то время, какъ она опустила въ кресло и поднала глаза на брата, который стоялъ наклонившись надъ нею.

— Я ничего не знаю, Вальтеръ. Что случилось? слабо проговорила она.

Онъ разсказалъ ей все самымъ безъискусственнымъ образомъ, отрывисто, напирая на то, что скандальные слухи не опирались въ сущности ни на какія доказательства, въ особенности толки о смерти Раффльса.

— Люди любятъ сплетничать, говорилъ онъ.—Еслибы даже присяжные оправдали человѣка, они не перестанутъ сплетничать и указывать пальцами, не принимая въ расчетъ, что человѣкъ можетъ быть виноватъ, а можетъ быть и не виноватъ. Это страшный ударъ, который столько же повредилъ Лейдгэту, сколько и Бѣльстрэду. Я не берусь рѣшить на сколько во всемъ этомъ правды. Я желалъ-бы только, чтобы мы никогда и не слыживали имени Бѣльстрэда или Лейдгэта. Тебѣ лучше было-бы оставаться на всю жизнь Винси, да и Розамондѣ также.

Миссисъ Бѣльстрэдъ не отвѣчала.

— Но постарайся Гарриэтъ, съ твердостью перенести это испытаніе. Люди не порицаютъ *тебя*. А я ни въ какомъ случаѣ не перестану поддерживать тебя, прибавилъ братъ съ грубоватой, но сердечной ласковостью.

— Проводи меня, Вальтеръ, до кареты, провизнесла миссисъ Бѣльстрэдъ. — Я чувствую большую слабость.

Пріѣхавъ домой, она была вынуждена сказать своей дочери:

— Мнѣ не здоровится, моя душа; я должна пойти и прилечь. Посиди съ папа. Дайте мнѣ полежать спокойно. Я не буду обѣдать.

Она заперлась въ своей комнатѣ. Ей нужно было время, чтобы свыннуться съ горемъ, свыннуться съ мыслию о своей разбитой жизни, прежде чѣмъ съ твердостью принять жребій, посылаемый ей судьбой. Характеръ ея мужа озарился для нея новымъ свѣтомъ и она не могла судить о немъ снисходительно: двадцатилѣтнее довѣріе и уваженіе, съ которымъ она относилась къ нему, благодаря его умѣнью притвораться, показались ей гнуснымъ обманомъ. Онъ женился на ней, не смотря на свое безнравственное прошлое, и она не находила въ себѣ вѣры, настолько, чтобы пытаться оправдать его отъ худшаго, что ему приписывали. Ея честная, но тщеславная натура дѣлала

библиотеки въ земскіе нахлѣбники и хлопоты земства объ освобожденіи отъ приглашеннаго самимъ же имъ чиновника по народному просвѣщенію.— О новыхъ стремленіяхъ, которыя замѣчаются въ земскихъ дѣятеляхъ.— Возникающее дѣло о расхатѣ земскихъ суммъ председателемъ чистопольской земской управы. Д. 133

Объявленія: отъ книжныхъ магазиновъ Е. Мелле и С. В. Звонарева; о выходѣ журнала „Русская Старина“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Отечественныхъ Записокъ» проситъ авторовъ, посылающихъ ей свои стихотворенія, оставлять у себя копии, ибо она возвращать стихотвореній ни лично авторамъ, ни черезъ почту—даже въ томъ случаѣ, если на обратную пересылку будетъ прислана марка—обязанности на себя не принимаетъ. Если въ теченіи мѣсяца съ доставки стихотворенія, редакція не вошла съ авторомъ въ письменные или словесные переговоры—значитъ, стихотвореніе не принято и авторъ можетъ поступить съ нимъ какъ угодно.

Точно также редакція не принимаетъ на себя обязанности возвращать авторамъ признанныхъ ею неудобными для печатанія статей или входить относительно ихъ въ переписку съ авторами. Таковыя статьи обыкновенно сдаются ею въ контору, откуда и могутъ получать ихъ авторы или лично, или черезъ своихъ повѣренныхъ, или адресоваться въ контору съ особыми по этому предмету письмами и съ приложеніемъ нужныхъ на пересылку рукописи денегъ по почтовой таксѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ
въ 1873 году ежемѣсячно книжками отъ 25
до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ.

съ С.-Петербургу безъ доставки: | съ пересылкою:
15 р. 50 к., съ доставкою 16 р. сер. | 17 руб. серебромъ.

За границу:

Въ Германію и Австрію 19 р.; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества 20 р.; во Францію и Давію 21 р.; въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію 22 р.; въ Швейцарію 23 р.; въ Италію 24 р.; въ Америку 25 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи
«Отечественныхъ Записокъ», на Ли-
тейной, домъ № 38.

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ КОНТОРЫ:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Мен-
шикова, при книжномъ магазинѣ С. В.
Звогарева.

Въ Москвѣ:

Въ конторѣ «Отечественныхъ Запи-
сокъ», на Страстномъ бульварѣ, въ
домѣ Алексѣева, при книжномъ мага-
зинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечествен-
ныхъ Записокъ».

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ У В. П. ПЕЧАТКИНА И ДРУГИХЪ КНИГО-
ПРОДАВЦЕВЪ:

НОВАЯ, ПЯТАЯ ЧАСТЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. НЕГРАСОВА.

(Содержаніе: 1) Кому на Руси жить хорошо. *Часть первая.* 2) Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ. 3) Дѣдушка, *поэма.* 4) Недавнее время, *очерки.* 5) Княгиня Т—ая, *поэма съ двумя частями.* 6) Княгиня М. Н. Вол—ская, *Бабушкины записки.*)

Въ 8-ю д. листа, 340 страницъ. Цѣна 2 рубля. Складъ у изда-
теля-книгопродавца В. П. Печаткина, внутри гостинаго двора,
№ 14-й.

